ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

Алексей КУНГУРОВ

СЕКРЕТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ

ИЛИ

КТО ПОДДЕЛАЛ ПАКТ МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА

Алексей КУНГУРОВ

СЕКРЕТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ Сенсации

определенный срок партийный го коммунисты министерства.

Алексей КУНГУРОВ

СЕКРЕТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ

ИЛИ

КТО ПОДДЕЛАЛ ПАКТ МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА

Москва
АЛГОРИТМ
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3
К 91

Оформление переплета *Б. Протопопова*

Кунгуров А. А.

К 91 Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова — Риббентропа / Алексей Кунгуров. — М. : Алгоритм : Эксмо, 2009. — 624 с. — (Исторические сенсации).

ISBN 978-5-699-37103-7

Книга посвящена исследованию проекта американских спецслужб по внедрению в массовое сознание мифа о существовании неких секретных протоколов, якобы подписанных Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 г. одновременно с заключением советско-германского Договора о ненападении..

Тема рассмотрена автором в широком ключе. Здесь дан обзор внешнеполитической предвоенной ситуации в Европе и причины заключения Договора о ненападении и этапы внедрения фальсифицированных протоколов в пропагандистский и научный оборот. На основе стенограмм Нюрнбергского процесса автор исследует вопрос о первоисточниках мифа о секретных протоколах Молотова — Риббентропа, проводит текстологический и документоведческий анализ канонической версии протоколов и их вариантов, имеющих хождение.

Широкому читателю будет весьма интересно узнать о том, кто и зачем начал внедрять миф о секретных протоколах в СССР. А также кем и с какой целью было выбито унизительное для страны признание в сговоре с Гитлером. Разоблачены потуги современных чиновников и историков сфабриковать «оригинал» протоколов, якобы найденный в 1992 г. в архиве президента РФ. В книге даны и портреты основных пропагандистов этого мифа (Яковлева, Вульфсона, Безыменского, Херварта, Черчилля).

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-699-37103-7

Он наполнил бокалы и поднял свой.

— Итак, за что теперь? — сказал он с тем же легким оттенком иронии. — За посрамление полиции мыслей? За смерть Старшего Брата? За человечность? За будущее?

— За прошлое, — сказал Уинстон.

— Да, прошлое важнее, — веско подтвердил О'Брайен.

Джордж Оруэлл, «1984».

ПРОЛОГ

24 декабря 1989 г., Москва, Кремлевский Дворец съездов. На II Съезде народных депутатов СССР прораб Перестройки Александр Яковлев зачитал «Сообщение комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Этот документ часто именуют просто докладом Яковлева. 24 февраля 1990 г. на выборах в Верховный Совет Литовской ССР большинство мест получают кандидаты, поддержанные «Движением за перестройку» («Саюдис»). 11 марта 1990 г. новый состав Верховного Совета республики провозглашает независимость Литвы. Союзное правительство в Москве отказалось признать независимость республики и начало экономическую блокаду Литвы, которая показала свою безуспешность и была отменена в июле. Литовское и союзное правительства начали переговоры.

Противники независимости, члены литовской компартии, оставшейся на платформе КПСС после раскола КПЛ и создавшие «Комитет национального спасения» во главе с Миколасом Бурокявичюсом[1], встали в оппозицию к сепаратистам. 13 января 1991 г. в Вильнюс были введены войска. Вопрос о непосредственном

---

[1] *Миколас Бурокявичюс* — первый секретарь Коммунистической партии Литвы, входящей в КПСС. В 1994 г. похищен литовскими спецслужбами на территории Белоруссии, тайно доставлен в Литву и брошен в тюрьму, где провел 12 лет.

инициаторе войсковой операции остается открытым, президент СССР и главнокомандующий Михаил Горбачев публично заявил 14 января, что узнал о ней из газет, придерживается он этой позиции и поныне. В тот день возле телебашни в Вильнюсе погибло 14 человек, в том числе боец группы «Альфа» лейтенант Виктор Шатских. Суд по факту этих смертей в Литве длился в общей сложности более 6 лет, однако вину советских военнослужащих в убийстве мирных жителей доказать не удалось. Кем был убит спецназовец КГБ, установлено не было.

Но открывшиеся позже факты говорят о том, что они стали жертвами боевиков «Саюдиса». Например, из тела одного убитого мужчины была извлечена пуля, выпущенная из винтовки системы Мосина, давно снятой с вооружения Советской Армии. Вскоре появилось косвенное подтверждение того, что это убийство совершено литовскими боевиками. В марте 1991 г. литовский журнал «Karys» опубликовал фото, на котором запечатлены «защитники демократии» с мосинскими трехлинейками в руках. Бывший председатель Комитета по национальной безопасности Литовского сейма Витаутас Пяткявичюс дал на суде показания о том, что в ту ночь около 20 боевиков-саюдистов были посажены на крыши соседних домов, откуда они стреляли вниз по толпе людей у подножия телебашни, но его заявление было проигнорировано.

Якобы раздавленное танком тело мирного обывателя оказалось на поверку со следами автомобильной аварии. Ни одного свидетеля наезда танка на человека найти не удалось, несмотря на то, что это, якобы, произошло на глазах многочисленной толпы. Телецентр был взят войсками под контроль, но сторонники независимости Литвы образовали «живой щит», закрывший здание литовского парламента. Армия не стала штурмовать здание Верховного совета. Вильнюсская бойня спровоцировала всплеск сепаратистского движения во всей Прибалтике. Москва потерпела жесточайшее моральное и политическое поражение

На референдуме, проведенном в феврале 1991 г., более 90% его участников (около 84% избирателей) проголосовало за выход Литовской республики из состава СССР. 19—21 августа 1991 г. в Москве происходят события, получившие название путча ГКЧП. В результате путча союзное правительство фактически полностью утрачивает власть, которую концентрируют в своих руках республиканские руководители. 1 декабря на Украине прошли выборы президента и референдум о независимости, на котором за независимость Украины высказалось 90,32% участников го-

лосования[1]. 5 декабря новоизбранный президент УССР Леонид Кравчук объявил, что Украина денонсирует договор 1922 г. о создании СССР. 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще происходит соглашение между президентами Российской Федерации Ельциным, Украины — Кравчуком и председателем Верховного совета Белоруссии Шушкевичем об объявлении договора 1922 г. о создании СССР недействительным. Юридически это было абсурдно, так как договор 1922 г. был поглощен конституцией 1924 г., а для пересмотра Конституции предполагался совсем другой порядок.

Ельцин немедленно сообщил о происшедшем президенту США Джорджу Бушу и заручился обещанием международного признания акта о ликвидации СССР. 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал постановление о выходе республики из состава СССР («за» — 161 депутат, «против» — 3, воздержались — 9). Юридически это решение было ничтожно, и даже не потому, что для его принятия отсутствовал кворум, а результаты голосования были грубо сфальсифицированы. Верховный совет вообще не имел права рассматривать вопрос о выходе РСФСР из состава Советского Союза, поскольку высшей силой обладало решение народа России, принятое на референдуме 17 марта 1991 г., когда подавляющее большинство избирателей высказались против раздела СССР. Тем не менее 25 декабря Михаил Горбачев сложил с себя полномочия президента, и Советский Союз прекратил свое существование.

Спрашивается, какое значение на фоне столь масштабных событий имел доклад Яковлева, зачитанный на Съезде народных депутатов, и касающийся событий полувековой давности? Как обнародование подробностей договора о ненападении между Советским Союзом и Германией, подписанное в августе 1939 г., могло повлиять на текущую политику? На самом деле этот акт имел громадное значение. Тот, кто знаком с технологиями управления толпой, знает, что контроль над историческим сознанием масс дает колоссальную власть над ними. Тот, кто способен изменить прошлое, — тот и формирует будущее. Можно прибегнуть к такой метафоре: история — это руль корабля. Руль находится на корме, но нос судна смотрит только в ту сторону, куда поворачивается руль.

Многих моих соотечественников, контактирующих с иностранцами, часто шокирует, насколько они обладают стерилизо-

---

[1] Референдум прошел с массовыми нарушениями, против сторонников сохранения СССР проводились акции устрашения и прямого насилия, тем не менее большинство действительно высказались за выход Украины из состава Советского Союза

ванными представлениями о прошлом даже своих стран, не говоря уж о мировой истории. Многие испанцы не знают, кем был генерал Франко. Американцы совершенно не в курсе, что штат Калифорния отторгнут Соединенными Штатами у Мексики в ходе захватнической войны 1846—1848 гг. Ну, янки — это вообще случай клинический. Некоторые опросы показывают, что каждый пятый житель США уверен, будто атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки сбросили русские. И эта кастрация исторической памяти вовсе не случайна. Богатые страны способны потратить достаточно средств на образование своих граждан, однако на деле громадные деньги тратятся именно на стерилизацию их мышления. Элитам нужно манипулируемое быдло, а не народ — носитель политической воли. Уничтожение исторической памяти преследует именно эту цель — лишение народа политической воли и этнической идентичности, превращение его в атомизированную массу потребителей, легко поддающуюся манипулятивному воздействию. Джордж Оруэлл вовсе не выдумал министерство правды, переделывающее прошлое, в своем знаменитом романе «1984», он просто срисовал его с натуры.

Цель, которую преследовали перестройщики и их закордонные вдохновители, — уничтожение СССР. Сделать это можно было двумя путями: либо путем вооруженного насилия извне, либо следовало сформировать разрушительные силы внутри советского государства. Первый путь в отношении ядерной державы, конечно, был неосуществим. Поэтому враг сделал ставку на создание сепаратистских движений в национальных республиках Советского Союза. Ведущая роль отводилась трем прибалтийским республикам — Литве, Латвии и Эстонии. Для мобилизации масс под знамена сепаратистов нужна была мощная идея, возбуждающая ненависть к русским. Таким мобилизующим фактором стал миф о вероломной оккупации прибалтийских стран Советским Союзом в 1940 г. Базировалась эта установка на другом мифе — о подлом сговоре между Гитлером и Сталиным, которые, якобы в августе 1939 г. цинично «распилили» Восточную Европу. Этот миф был, кроме всего прочего, направлен на раскол советско-польского послевоенного содружества и, как следствие, развал всего военного блока Варшавского Договора. Таким образом, созданию мифа о сговоре двух диктаторов накануне Второй мировой войны и внедрению его в массовое сознание придавалось стратегическое значение.

ДОГОВОР

Сговор был выражен якобы в Договоре о ненападении между двумя державами, подписанном в Москве 23 августа 1939 г. министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом и председателем советского правительства и по совместительству народным комиссаром иностранных дел Вячеславом Михайловичем Молотовым. В историю дипломатии этот договор вошел под нарицательным именем «Пакт Молотова — Риббентропа», что существенно искажает его суть. Сам по себе этот межгосударственный договор не может быть признан враждебным какой-либо третьей стране или преступным, договор о ненападении Германия имела со многими странами, в том числе с Великобританией, Францией, Польшей. Вот текст советско-германского договора, опубликованный в советской прессе 24 августа 1939 г.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ
МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Правительство СССР и Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, что-

бы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов

За Правительство Германии И. Риббентроп

(Газета «Известия», за 24 августа 1939 г.).

Договор ратифицирован Верховным Советом СССР и Рейхстагом Германии 31 августа 1939 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в Берлине 24 сентября 1939 г. Как видим, ни о каком разделе Восточной Европы речь здесь не идет. Единственным отступлением от норм, принятых советской дипломатией, было отсутствие положения о том, что договор может быть расторгнут одной стороной в случае, если другая сторона совершит агрессию против третьей страны. Но стоит заметить, что подоб-

ная щепетильность была тогда совсем не в духе мировой дипломатии (да и сегодня тоже). Поэтому заявлять, что Советский Союз таким образом «косвенно способствовал» развязыванию войны в Европе, совершенно недопустимо. Второй нюанс, который обращает на себя внимание, — пункт о том, что договор вступает в силу немедленно, а не после ратификации парламентами двух стран (включен по настоянию германской стороны). Впрочем, это формальность, никто не сомневался в том, что договор будет ратифицирован и Рейхстагом и Верховным Советом.

Однако некоторые пропагандисты заходят настолько далеко, что утверждают, будто СССР не просто «косвенно способствовал» германской агрессии, а инициировал ее, дав санкцию Гитлеру на вторжение в Польшу. Мол, если бы Сталин не стал заключать договор с Гитлером, тот бы не посмел напасть на поляков. Подобные доводы совершенно голословны. Отдавая в апреле 1939 г. приказ на разработку плана «Вайс», Гитлер со Сталиным не консультировался и разрешения у него не спрашивал.

В ситуации разворачивающегося германо-польского кризиса у Советского Союза было несколько вариантов действий:

а) создать антипольскую коалицию с Германией;

б) заключить соглашение о военном сотрудничестве с Польшей;

в) присоединиться к англо-французским гарантиям в отношении Польши, на что опять же необходимо было получить согласие Варшавы;

г) сохранять нейтралитет, преследуя исключительно собственные интересы.

Вопрос об альянсе с Германией никогда не ставился в повестку дня. Если бы СССР напал на Польшу совместно с Германией, то Англия и Франция могли объявить ему войну, чего Москва совершенно не желала. Польша, как известно, наотрез отказалась заключать какие-либо военные соглашения с Советским Союзом. Речь даже не шла о взаимных обязательствах, Советский Союз предлагал Польше одностороннюю и бескорыстную военную помощь в случае немецкого вторжения. Если немцы нападут на Польшу, Франция, связанная договором с Польшей, объявит войну немцам, а Польша должна предоставить союзнику Франции — СССР — узкий коридор, чтобы Красная Армия могла войти в боевое соприкосновение с немцами.

Задним числом историки сегодня объясняют польское упрямство страхом, который они якобы испытывали перед большевистскими ордами. Мол, войдя в Польшу под благовидным пред-

логом, Советы оккупируют страну, после чего замирятся с немцами. Но гарантом против этого выступали Франция и Англия. Они, в конце концов, могли первыми замириться с немцами и организовать совместный поход против нас, так что советская сторона в этом смысле рисковала куда более Польши. Такой вариант развития событий был для СССР еще хуже по последствиям, чем военный союз с Гитлером. Насчет того, что поляки боялись Советскую Россию, — это, конечно, полная чушь. Уж так они боялись, что предвоенные годы их генштаб составлял «оборонительные» планы, целью которых был выход Польши к Черному морю и включение в состав Великой Ржечи Посполитой Правобережной Украины. Так или иначе, но Варшава решительно отвергла все советские инициативы. Известна пафосная фраза, брошенная министром иностранных дел Польши Беком по этому поводу: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу».

Да, такая вот загадочная польская душа. Историческая действительность состоит в том, что поляки, как этнос (с их пресловутой душой), сохранились именно благодаря России. После ликвидации Польши Венским конгрессом 1815 г. польские земли (именно автохтонные польские территории) были поделены между Россией, Австрией и Пруссией. На попавших под власть немцев землях не то что польской автономии не существовало, но и проводилась довольно настойчивая германизация. Польский язык стремительно исчезал из повседневного оборота, особенно в городах, лютеранство постепенно вытесняло традиционное для поляков католичество, а уж о такой роскоши, как польский университет, они не могли даже мечтать. Кстати, среди немцев до сих пор часто мелькают польские фамилии. Во время Второй мировой войны некоторые немецкие генералы, даже состоящие в СС, имели польское происхождение (поляками они себя, разумеется, не считали). Например, подавлением варшавского восстания в 1944 г. руководил генерал СС Эрих фон дем Бах-Целевски, открыто признававший свои шляхетские корни.

В составе Российской империи с 1815 г. находилось Царство Польское со своей армией, национальной администрацией, денежной единицей, Конституцией (сама Россия не имела тогда Конституции, являясь абсолютной монархией). Налоги в русскую казну поляки не платили, таможенные пошлины на ввоз товаров из Польши отсутствовали, чем вовсю пользовалось тамошнее купечество, наживаясь на торговле европейским импортом. При этом расходы на содержание польской армии несла россий-

ская казна. Единственным «ущемлением» польского правительства было то, что оно не имело возможности самостоятельно проводить внешнюю политику — этот вопрос полностью находился в компетенции русского царя Александра, который являлся так же и польским королем.

Правда после двух шляхетских восстаний польские вольности были существенно урезаны, однако даже после упразднения Царства Польского и переименования его в Привислинский край там не проводилась политика русификации или религиозного ущемления (обращения поляков в православие никогда не практиковалось). В делопроизводстве применялся польский язык, русский не преподавался в обязательном порядке в школах, католики пользовались всеми правами граждан империи, а вот от некоторых обязанностей, например, воинской повинности, были освобождены. Если уж, согласно советским штампам, считать Российскую империю тюрьмой народов, то в этой тюрьме два народа — польский и финский по тюремным понятиям были блатными, то есть имели привилегированное положение. Впоследствии именно 10 польских губерний в составе России стали ядром восстановления независимой Польши в 1918 г.

В этой связи многие исследователи совершенно не в силах понять фанатическую польскую русофобию 20—30-х годов, считая ее либо проявлением дикого иррационализма польской элиты, либо гипертрофированным выражением антибольшевизма. Польский антибольшевизм, кстати, выглядит столь же иррациональным, как и русофобия, если учесть, что именно большевики выступали за независимость Польши еще до 1917 г., а после взятия власти они с готовностью признали ее независимость.

На самом деле польская ненависть к Советскому Союзу имеет вполне очевидное объяснение. Поляки в версальской Польше составляли чуть более 40% населения, остальные были украинцами, белорусами, евреями и немцами. Более 13 миллионов человек проживали на территориях, захваченных Польшей в ходе советско-польской войны 1920 г. При этом Польша была ярко выраженным расистским государством. Все «нетитульные» народы страны подвергались жестокому политическому, экономическому, религиозному и культурному угнетению. К середине 1930-х годов украинские и белорусские школы были ликвидированы. Для устрашения национальных меньшинств, сопротивляющихся полонизации восточных окраин Ржечи Посполитой, был даже создан концлагерь в Березе Картузской.

В этой связи шляхта, действительно, как огня боялась пропустить Красную Армию даже по узким коридорам, поскольку это могло спровоцировать мощные антипольские выступления в Западной Белоруссии и Западной Украине. Собственно, так и произошло в сентябре 1939 г, когда белорусы и украинцы начали стихийно расправляться с ненавистными осадниками и полицейскими. В городах происходили восстания, в которых ведущую роль играли коммунисты. То, что польская армия с первых же дней немецкого вторжения обратилась в бегство, так и не дав интервентам сколь-нибудь значимого сражения, тоже можно считать результатом расистской политики Варшавы по отношению к большей части своих подданных. Как могла армия стоять насмерть, если половина ее солдат ненавидела польское государство? Белорусские хлопцы в сентябрьские дни 1939-го весело распевали частушку:

Вы ня думайце, палякі,
Вас ня будзем бараніць,
Мы засядзем у акопах
І гарэлку будзем піць.

Я говорю об этом только для того, чтобы стало понятно, почему польское правительство ни при каких обстоятельствах не могло пойти на военное сотрудничество с СССР. Это действительно ставило под угрозу польскую государственность, однако причины состояли во внутренней несостоятельности «уродливого детища Версальского договора», как охарактеризовал тогдашнюю Польшу Вячеслав Молотов, а не в «имперском экспансионизме» Москвы.

Советское правительство неоднократно выступало с предложениями по созданию в Европе коллективной системы безопасности. Даже после Мюнхена. Даже зная о том, что Англия явно науськивает Германию на СССР. 15 марта, в день оккупации немцами Чехословакии, нарком иностранных дел Литвинов предложил созвать конференцию шести держав с целью обсудить меры по предотвращению дальнейшей гитлеровской агрессии. Английский премьер-министр Нэвилл Чемберлен назвал это предложение преждевременным. 17 апреля Литвинов предложил подписать трехстороннюю военную конвенцию о взаимопомощи между Англией, Францией и Советским Союзом. К этому альянсу могла бы при желании присоединиться и Польша.

Что же такого ужасного и неприемлемого предложили коварные большевики лидерам демократического Запада? Оцените пункты советской конвенции:

ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ВРУЧЕННОЕ НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР М. М. ЛИТВИНОВЫМ ПОСЛУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СССР У. СИДСУ

17 апреля 1939 г.

Считая предложение Франции принципиально приемлемым и продолжая мысль г. Бонне, а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами, мы пытаемся объединить английское и французское предложения в следующих тезисах, которые мы предлагаем на рассмотрение британского и французского правительств:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется, как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи[1].

---

[1] АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 4, л. 27—28. Цит. по: Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы в двух томах.

Но даже этот договор о намерениях, без каких либо конкретных обязательств по отношению к СССР, не был подписан. Как заявил 26 апреля на заседании английского правительства министр иностранных дел лорд Галифакс, «время еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения» (ну да, время созрело, когда люфтваффе стало бомбить Лондон). Английское правительство демонстративно тянуло с ответом до 8 мая и ответило на советскую инициативу отказом. 31 мая глава правительства Вячеслав Молотов (по совместительству наркоминдел после отставки Литвинова 3 мая), выступая в Верховном Совете СССР, повторил ранее сделанные предложения Англии и Франции (трехсторонний договор о взаимопомощи, гарантии малым государствам, военная конвенция). Но при этом глава советского внешнеполитического ведомства отметил, что СССР не избегает сотрудничества и с другими странами, в частности с Германией и Италией. Этот пассаж с благосклонностью был встречен в Берлине, где уже начали подумывать о сближения с Советским Союзом в свете обострения германо-польских отношений.

Намек на это прозвучал из уст генерального секретаря ЦК ВКП(б) Иосифа Виссарионовича Сталина еще 10 марта 1939 года на XVIII съезде ВКП(б). Впоследствии эта сталинская речь, названная на Западе речью о жареных каштанах, получила широкую известность, и иные историки пытаются представить, как инициативу советской стороны по сближению с Германией. Однако никаких реальных последствий выступление Сталина не имело.

В конце мая на фоне некоторого потепления советско-германских отношений забеспокоившиеся англичане и французы, наконец, согласились обсудить поставленные Москвой вопросы. С советской стороны возобновившиеся 15 июня переговоры вел Молотов, с англо-французской — дипломаты второстепенных рангов, что воспринималось советским руководством как свидетельство несерьезного отношения западных партнеров к переговорам. Вялотекущие политические консультации велись в общей сложности с 10 апреля до конца июля 1939 г., но закончились фактически ничем. 2 августа СССР заявил, что будет вести политические переговоры только после достижения военного соглашения. Англия и Франция были вынуждены послать военную делегацию, дабы не предстать в глазах мировой общественности виновниками срыва переговоров. Однако, не смотря на настойчивые просьбы СССР прислать делегацию самолетом, англичане не сочли нужным спешить, и переговорщики отплыли из Лондо-

на 5 августа пассажирско-грузовым пароходом, прибыв в Москву через Ленинград только 11 августа. При этом они прислали в Москву в качестве главы делегации второстепенного чиновника МИД Стрэнга, а в качестве представителя Генштаба — генерала Дракса, имевшего в то время небольшой вес в военном руководстве. Для сравнения: на переговоры в Польшу незадолго до этого летал начальник британского Генерального штаба генерал Айронсайд, а Чемберлен в течение нескольких предшествующих месяцев трижды лично прилетал на встречу с Гитлером.

12 августа начались переговоры, которые советской стороны вел нарком обороны Климентий Ефремович Ворошилов, что подчеркивало значение, которое советское правительство придавало вопросу общеевропейской безопасности. Французы были настроены более благожелательно, чем англичане (еще бы, ведь Германию от Франции отделял лишь пограничный шлагбаум, а не море!) но находились в полной зависимости от Лондона во внешнеполитических делах. Ворошилов поставил перед англо-французами ряд конкретных вопросов, на которые они не смогли дать внятных ответов, так как не имели полномочий на ведение полномасштабных военных переговоров. СССР даже раскрыл план развертывания своих вооруженных сил, согласно которому против Германии должны были действовать до 136 дивизий. Представители Англии и Франции не предоставили подобных планов.

Через день был поднят вопрос о пропуске Красной Армии через территорию Польши по виленскому и галицийскому коридорам — без чего, по мнению советской стороны, не могла быть отражена возможная германская агрессия. На этом переговоры зашли в тупик, потому что Польша наотрез отказалась рассматривать такой вариант, а Франция не смогла (или не захотела) убедить поляков согласиться на военную помощь СССР. Уильям Ширер, автор широко известной книги «Взлет и падение Третьего рейха» классифицирует такое поведение поляков как «непостижимую глупость», что является по сей день общепринятой точкой зрения. Какова же была реальная причина польской русофобии, мы уже рассмотрели выше.

В целом англо-французы были не против создания коалиции, но пытались свести дело к тому, чтобы не иметь прямых обязательств по отношению к Советскому Союзу, который был обязан прийти на помощь «союзникам» в любом случае. 17 августа Ворошилов временно прервал переговоры и объявил, что дальнейший их ход зависит от ответа Англии и Франции на поставленные советской военной миссией принципиальные вопросы, прежде

всего о пропуске советских войск Польшей. Он предупредил, что, если в течение двух дней ответы получены не будут, переговоры придется прекратить окончательно. В указанный срок ответа не последовало. 21 августа западные делегации предложили отложить заседание еще на 3—4 дня. В ночь на 24 августа был подписан советско-германский договор о ненападении. Советское руководство выступило с заявлением, что данный факт не является препятствием для заключения соглашения о взаимопомощи с другими странами, но английская и французская делегации, убыв на родину «для консультаций», в Москву уже не вернулись.

Антисоветски настроенные историки пытаются представить дело так, что СССР вел переговоры с Западом для вида, лишь для того, чтобы использовать их как ширму и средство давления на Германию для скорейшего заключения «сговора». В качестве аргумента неизменно приводится тот факт, что 11 августа — в день прибытия в Москву англо-французской делегации, Политбюро приняло решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин». Но, во-первых, советская сторона настаивала на заключении именно торгового соглашения с Германией, без чего отказывалась серьезно обсуждать иные вопросы. Во-вторых, если Москва еще только известила немцев о желании вступить в контакт, то в Лондоне в это время уже вовсю шли англо-германские переговоры о разделе мира! Англия готова была признать страны Юго-Восточной Европы сферой государственных интересов Германии, а также предоставить рейху доступ к эксплуатации африканских колоний. Однако немцы, не доверяя англичанам, отклонили их предложения. К тому же в колониях они, вопреки расхожему мнению, не нуждались. Советское правительство знало об этих переговорах, и даже получило по каналам внешней разведки некоторые подробности, что, безусловно, подтолкнуло к активизации переговорного процесса с Германией и убедило в несерьезности намерений Великобритании в отношении военного сотрудничества с Советским Союзом. Усугубляло ситуацию и то, что правительства западных стран начали вводить эмбарго на поставку в СССР определенных видов товаров и промышленного оборудования.

Итак, военного союза с Германией советское правительство не желало, а западные державы (прежде всего Великобритания) не желали брать какие-либо взаимные военные обязательства перед СССР. Польша категорически отвергала даже односторонние военные гарантии Москвы в случае германской агрессии. Румы-

ния так же отказалась пропустить советские войска через свою территорию. Оставался последний вариант — нейтралитет. Некоторые исследователи считают, что договор с Гитлером означал для Москвы выбор меньшего зла, то есть Советскому Союзу они отводят роль объекта, а не субъекта большой политики. Нет, речи об уступках кому-либо не шло. Уж если СССР занял нейтральную позицию, преследуя исключительно собственные национальные интересы, то и заключение договора о ненападении было нашей стране выгодно — Германия очень щедро заплатила за него, к тому же авансом. Изначально немецкая дипломатия рассчитывала лишь на совместную декларацию о неприменении силы друг против друга. Однако 15 августа в ответ на послание министра иностранных дел Германии Риббентропа, в котором тот выражал готовность лично приехать в Москву для выяснения германо-советских отношений, Молотов предложил заключить договор о ненападении, но непременным условием поставил заключение широкого торгового соглашения. 19 мая 1939 года в Берлине это соглашение было подписано. Газета «Правда» 21 августа сообщила по этому случаю следующее:

«19 августа после длительных переговоров, закончившихся успешно, в Берлине подписано Торгово-Кредитное Соглашение между СССР и Германией. Соглашение подписано со стороны СССР — зам. торгпреда Е. Бабариным, а с германской стороны — г. Шнурре. Торгово-Кредитное Соглашение предусматривает предоставление Германией СССР кредита в размере 200 миллионов германских марок, сроком на семь лет из 5% для закупки германских товаров в течение двух лет со дня подписания Соглашения. Соглашение предусматривает также поставку товаров со стороны СССР Германии в тот же срок, т.е. в течение двух лет на сумму в 180 миллионов германских марок».

По этому кредиту Сталин потребовал от Германии не ширпотреб, а ценное промышленное оборудование для нужд военной промышленности, передовые технологии и вооружение(!). Когда Германия, скрепя сердце, согласилась удовлетворить столь обширные советские требования, СССР подписал с ней 23 августа 1939 г. Договор о ненападении. Он был нужен именно Германии, Советскому Союзу он никаких гарантий не давал. Советская же сторона получила взамен поставки (прежде всего военные), важность которых трудно переоценить в свете приближающейся войны.

Критики этого соглашения через полвека пытались обосновать мысль, что заключение договора о ненападении принесло нашей стране только вред, поскольку-де усыпило бдительность и позволило Германии внезапно напасть на СССР и нанести катастрофические потери Красной Армии. Мнение это широко распространено, но ничем не обосновано. Факты показывают, что именно с августа 1939 г. в Советском Союзе разворачивается форсированное военное строительство — за два года РККА увеличила свою численность почти втрое. 1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял закон о всеобщей воинской обязанности. Одновременно проводилась широкая программа по техническому переоснащению армии. На утрату бдительности и самоуспокоение это никак не походит. Критики Сталина неизменно указывают на его подозрительность даже по отношению к ближайшим соратникам, однако при этом делают абсурдные заключения о том, что Гитлеру он верил. Никаких фактов, прямо свидетельствующих о доверии Сталина к немецкому диктатору, критики не приводят, а свидетельства обратного старательно игнорируют. В результате эта концепция получается довольно хлипкой и используется ныне лишь в сфере пропаганды, оставаясь за рамками серьезной научной дискуссии.

Наконец последний аргумент критиков заключается в «аморальности» самого факта заключения каких-либо сделок с Гитлером. Если принять такую точку зрения, то придется объявить аморальной саму дипломатию, которая апеллирует лишь к целесообразности и выгоде. Напротив, СССР перед войной пытался проводить открытую политику, чего другие державы старательно избегали. Например, политические англо-франко-советские переговоры весной-летом 1939 г. зашли в тупик из-за нежелания Англии и Франции принять советское определение понятия «косвенная агрессия», при котором союзные обязательства вступали в силу. В советском варианте она определялась следующим образом: «*Выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств* [страны, пограничные с СССР, а также Бельгия и Греция] *соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон*».

Это было расценено англо-французами как требование СССР предоставить ему возможность по желанию и под любым предлогом вводить свои войска в соседние страны, прежде всего при-

балтийские республики. Повышенное внимание советской стороны к Прибалтике было отнюдь не случайным. Как выяснилось в ходе переговоров, западные державы не намерены давать гарантий безопасности Литве, Латвии и Эстонии, что в Москве расценили как явный намек Гитлеру на маршрут, по которому тому следует направить свою экспансию. Хочу напомнить, что в то время Германия имела с Литвой общую границу, и потому гипотетически могла атаковать СССР через Прибалтику даже в обход Польши.

Со своей стороны западные партнеры предлагали такой вариант договора, при котором наличие «косвенной агрессии» устанавливалось лишь после трехсторонних консультаций. Вот и скажите, кто в данном случае вел себя аморально? СССР хотел честно предупредить малые страны, что их добровольное содействие военным устремлениям Германии или подчинение ей под давлением будет расценено как агрессия и неминуемо приведет к ответным мерам. Таким образом, правительства этих стран получали возможность адекватно оценивать последствия своих сношений как с Германией, так и с ее политическими противниками. Англо-французы же не желали формулировать четкие критерии вступления в силу союзных обязательств, оставляя этот вопрос исключительно на свое усмотрение. Мол, захотим — признаем Грецию косвенным агрессором всего лишь за поставку оливкового масла в Германию, потому что оно идет в пищу немецких солдат.

Наконец, западные «демократии» отнюдь не считали аморальным оккупировать нейтральные или даже союзные страны, если видели в этом необходимость. Гитлер предпринял 9 апреля 1940 г. вторжение в Норвегию с целью противодействовать оккупации этой страны Великобританией. Но ведь Норвегия даже косвенно не поддерживала немцев, следовательно, никакого морального и правового обоснования английской интервенции быть не могло. Хотя не буду спорить, что военная целесообразность в этом имелась. В 1944 г. англичане оккупировали Грецию — своего союзника по антигитлеровской коалиции и спровоцировали там гражданскую войну. Какими моральными принципами это можно обосновать? Поэтому позицию западных «демократий» по вопросу определения косвенной агрессии на московских переговорах нельзя охарактеризовать иначе как лицемерную.

С конца 80-х годов в СССР ведется мощная пропагандистская работа по дискредитации советско-германского Договора о ненападении, а в более широком смысле — сталинской внешней политики. Основной аргумент ревизионистов (особенно усердствует в этом секта резунистов) заключается в том, что Германия была

не в состоянии напасть на СССР в 1939 г., а потому не было нужды заключать соглашение с Гитлером. За два года после заключения договора германский военный потенциал вырос многократно, и потому в 1941 г. соотношение сил стало менее выгодно Советскому Союзу, чем в 1939-м. Таким образом, критики дезавуируют основной аргумент своих противников о том, что двухлетняя мирная передышка нужна была нашей стране для подготовки к большой войне. Мол, это Гитлер получил передышку на Востоке и воспользовался ею более эффективно, нежели Сталин.

Критики упускают, причем сознательно, тот факт, что военный потенциал измеряется не количеством дивизий, танков и самолетов, а прежде всего способностью страны произвести танки и самолеты, быстро мобилизовать и вооружать новые дивизии. В этом смысле к 1941 г. военная мощь СССР увеличилась гораздо более, нежели возрос военный потенциал Германии. Ведь немцы уже в 1939 г. имели те образцы вооружения, которые использовали вплоть до конца войны. А у нас в августе 1939 г. не было ни Т-34, ни КВ. Современные истребители, способные на равных противостоять Ме-109, еще только проектировались, так же как и знаменитый впоследствии штурмовик Ил-2. Легендарная «катюша» и грабинская 76-миллиметровая пушка ЗИС-3 существовали тогда лишь на бумаге, на вооружении Красной Армии не было ни единого автомата. Да и промышленность была не готова дать новейшие образцы оружия в необходимых количествах.

За считанные месяцы перед войной на вооружение были приняты десятки новых образцов боевой техники, заводы смогли освоить их массовое производство. В чем, кстати, немцы, скрипя зубами, очень помогли товарищу Сталину. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться со списком тех товаров, которые Германия поставила Советскому Союзу в обмен на зерно, сырую нефть, пеньку и железную руду — например, бомбардировщики люфтваффе в небе над Москвой сбивали зенитки, произведенные на заводах «Шкода». Немцы ввели всеобщую воинскую обязанность в 1935 г., и за четыре года подготовили неплохой мобилизационный резерв для своих вооружённых сил. В СССР же закон о всеобщей воинской обязанности был принят лишь 1 сентября 1939 г., и потому 22 июня 1941 г. врага встретил кадровый состав Красной Армии, а не милиционные дивизии территориальной дислокации.

Но все же главное значение советско-германского договора о ненападении лежит не в экономической и военной, а в политической (можно даже сказать — геополитической) плоскости —

это была одна из самых грандиозных дипломатических побед, когда либо одержанных русскими. В 1939 г. Советский Союз действительно находился в тисках агрессивных государств. Польская пресса открыто писала о великом крестовом походе против России, а польский генштаб разрабатывал соответствующие военные планы. Румыния продолжала оккупировать Бессарабию. Даже прибалтийские карлики — Латвия и Эстония заигрывали с Германией, а немецкие генералы инспектировали границу с СССР. Финны строили планы создания Великой Финляндии с границами по реке Неве и Беломоро-Балтийскому каналу (оцените-ка их аппетиты!). Финляндию ныне принято изображать мирной демократической страной, невинной жертвой сталинской агрессии, при этом как-то забывается, что само финское правительство объявило войну СССР, имея на повестке дня план стратегического наступления на Петрозаводск. На востоке в момент подписания советско-германского договора в августе 1939 г. Красная Армия вела боевые действия против японских агрессоров. Казалось бы, локальное столкновение, но на Халхин-Голе мы потеряли за полгода около 10 тысяч солдат (для сравнения, за десятилетие войны в Афганистане безвозвратные потери Советской армии составили 14,5 тысяч человек).

Англия и Франция вроде бы не проявляли открытых агрессивных намерений, но именно эти державы последовательно выстраивали в течение полутора десятилетий систему антисоветских союзов и блоков. Политика так называемого умиротворения Германии в конечном итоге преследовала цель толкнуть ее против СССР. На это же была направлена жесткая стратегия внешнеполитической изоляции Советского Союза. Относительно нормальные отношения, да и то лишь внешне, связывали СССР из ближайших соседей только с Чехословакией, но та приказала долго жить в марте 1939 г. Союзник же у нас был на всем земном шаре лишь один — Монголия.

И вот в августе 1939 г. русские одним ударом разрывают удавку, которую Запад годами плел вокруг нашей шеи! Когда современники описывают реакцию Японии на заключение советско-германского договора от 23 августа 1939 г., они, словно сговорившись, используют слово «шок». Английский посол в Токио Крейги телеграфировал в Лондон, что подписание советско-германского договора о ненападении «было для японцев тяжелым ударом» (Documents on British Foreign Policy, 1919—1939). А вот телеграмма временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова в НКИД СССР: «*Известие о заключении пакта*

о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь».

Уникальный случай в истории дипломатии: заключение договора между двумя странами вызвало отставку правительства в третьей стране, которую данный договор никак не затрагивал. Японский кабинет, возглавляемый Хиранума, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать в отставку. Обосновывая свое решение, Хиранума заявил, что в результате заключения советско-германского договора создалось новое положение, которое делает необходимой «совершенно новую ориентацию японской внешней политики». В результате этой новой ориентации 13 апреля 1941 г. между СССР и Японией был подписан договор о нейтралитете, о котором, в свою очередь, английская газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» сообщала, что этот договор представляет собой подлинный провал американской дипломатии (см. газета «Правда» за 19 апреля 1941 г.).

Сами посудите: Япония воюет с СССР в Монголии, Германия — союзник Японии по «Антикоминтерновскому пакту»[1], но Риббентроп заключает договор с врагом японцев не только не консультируясь со своим восточным партнером, но вообще не ставя в известность Токио о своих намерениях. Самураи вынуждены были в сентябре замириться с Москвой, объявив халхингольское побоище случайным инцидентом, но к Германии они с тех пор питали стойкое недоверие. Поэтому каждая держава вела в 1941—1945 гг. свою отдельную войну — немцы с СССР, японцы с США, и об атаке на Пирл-Харбор Гитлер узнал из газет. Фактический срыв германо-японского военного союза — вот главный стратегический выигрыш, который получил Советский Союз 23 августа 1939-го. Нетрудно представить себе, какие катастрофи-

[1] «Антикоминтерновский пакт» был заключен в Берлине 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией. Согласно опубликованному в то время тексту пакта, его участники обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него совместную борьбу. Основное содержание пакта было изложено в подписанном одновременно германо-японском секретном соглашении, в котором указывалось, что в случае конфликта одного из участников пакта с СССР они «должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов». Участники соглашения обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения».

ческие последствия имел бы одновременный удар Германии и Японии 22 июня 1941 г. по СССР.

То, какие истинные намерения имели по отношению к русским западные «демократии», стало ясно через несколько месяцев. В конце 1939 г. французский и британский генштабы планировали операцию по уничтожению с воздуха нефтепромыслов Баку и отправку на помощь финнам воинского контингента. И это в то время, когда обе страны находились в состоянии войны с Германией! Тут, правда, есть один нюанс: с немцами англо-французы вели «сидячую» войну, а вот с Советским Союзом намеревались воевать по-взрослому. Надо прочувствовать всю глубину отчаяния лондонских и парижских стратегов: они усиленно, и как им казалось, успешно, науськивали Германию «нах остен», а этот чертов Молотов подмахнул Риббентропу одну бумажку, и все их многолетние комбинации пошли насмарку. На Гитлера англо-французы тоже сильно обозлились, и войну Германии объявили, вероятно, лишь с одной целью — образумить его. Поэтому, совершая налеты на Германию, английские бомбардировщики сбрасывали на немецкие города не бомбы, а листовки. Удар по СССР, который западные союзники планировали осуществить в апреле 1940 г.,— это уже не намек, а совершенно открытое послание Гитлеру: друг Адольф, на Востоке у нас есть общий враг, давай забудем небольшое недоразумение с Польшей и займемся, наконец, делом.

Но тут своих западных союзников подвели финны — вместо победного марша на Петрозаводск они получили перспективу полного разгрома к середине марта и спешно запросили у Москвы мира, каковой и получили на вполне приемлемых условиях. Тем не менее, западные союзники не отказались от планов бомбового удара по объектам нефтяной промышленности на Кавказе, но перенесли дату окончания приготовлений на середину мая 1940 г. Советское командование, в свою очередь, передислоцировало в Закавказье несколько дальнебомбардировочных полков и стало готовить ответный удар по сирийским и иракским авиабазам союзников. Неизвестно, как бы повернулся ход мировой истории, если бы за несколько дней до предполагаемого начала войны между СССР и англо-французами Гитлер не показал последним, что такое блицкриг. В результате этого показа французы капитулировали, а англичане поспешно бежали на свои острова. Заключение советско-германского пакта о ненападении действительно сыграло значительную роль. Значительную,

но совсем не ту, которую приписывают ему антисоветские пропагандисты. 23 августа 1939 г. — это не только день триумфа советской дипломатии, но и момент позорного провала многолетней внешнеполитической стратегии Запада. Поэтому меня нисколько не удивляет, что англосаксонские историки маниакально стараются переписать именно эту страницу истории.

Благодаря стараниям некоторых «историков» договор о ненападении представляется как договор о союзе между Германией и СССР. Нет, по сути это был лишь договор о нейтралитете в случае войны. Особо наглые баснописцы утверждают, будто Советский Союз после заключения Молотовым и Риббентропом «дьявольской сделки» стал снабжать Гитлера стратегическим сырьем, помогая ему таким образом расправиться с западными демократиями. Снова налицо спекуляция — мы торговали с Германией, а не снабжали ее. Наоборот, воюющая Германия поставляла СССР оружие, что не могло не ослабить ее военный потенциал.

Даже те «историки», которые пытаются оправдывать Договор от 23 августа, отчего-то испытывают комплекс вины, единогласно объявляя его вынужденным шагом: мол, мы не хотели, но нам пришлось... Успокойтесь, ребята, Советскому Союзу адвокаты не нужны. Вынуждают подписывать договора только слабых, а СССР был сильной мировой державой, и в отличие от нынешней РФ мог позволить себе действовать, исходя из собственных интересов, а не по чьему-то принуждению.

Уже предвижу вопли либералов-общечеловеков о том, два кровавых диктатора на основании заключенного пакта изнасиловали тихую скромницу Польшу. Причем некоторые пытаются объявить инициатором этого гнусного насилия Сталина, который отхватил себе большую часть Польши. Этот вопрос ниже будет рассмотрен более подробно, но если уж смотреть по существу, то вся территория Польши была оккупирована немцами. Те земли, которые отошли впоследствии к СССР, мы никогда польскими не считали. В 1921 г. Советская Россия заключила с Польшей мирный Рижский договор, по которому *временной* границей между двумя странами фактически стала существующая на тот момент линия фронта. В отношении оккупированных ляхами территорий было предусмотрено положение, по которому их государственная принадлежность должна быть в дальнейшем определена на основе плебисцита. Проводился ли предусмотренный договором плебисцит? Нет! Хотя бы только на основании этого пространство между лини-

ей Керзона[1] и советско-польской границей по состоянию на август 1939 г. следует считать оккупированной поляками советской территорией. Рижский договор также предусматривал и равноправие нацменьшинств — русских, украинцев, белорусов. Никаким равноправием в версальской Польше и не пахло. СССР неоднократно заявлял протесты по этому поводу, на которые Варшава не реагировала. Также по условиям договора от 1921 г. Польша обязалась воздерживаться от поддержки антисоветских бандформирований, однако вооруженные банды не только действовали с ее территории, но и были руководимы кадровыми офицерами Войска Польского.

Плебисцит, предусмотренный Рижским договором, был проведен лишь в октябре 1939 г. и только после этого земли Западной Украины и Западной Белоруссии были включены в состав Советского Союза. Даже официальный Лондон вынужден был признать, что СССР не оккупировал Польшу. Премьер-министр Ллойд-Джордж высказывал мнение в письме польскому послу в Лондоне, что Советский Союз вернул назад *«территории, которые не являются польскими и которые силой были захвачены Польшей после Первой мировой войны. Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии»*.

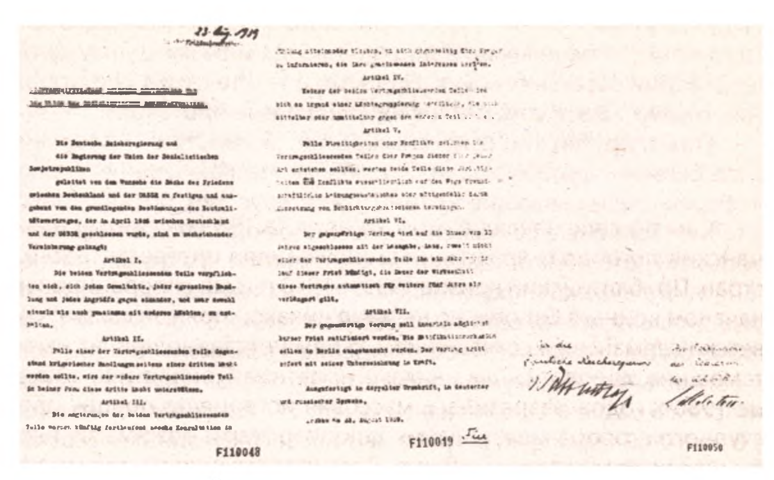
[1] Линия, которая была рекомендована в декабре 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Проведена была по этническому принципу. Получила название по имени маркиза Керзона, министра иностранных дел Великобритании, который во время советско-польской войны 1920 требовал прекратить наступление Красной Армии на этой условной линии. В 1945 г. почти в точности по линии Керзона была установлена постоянная советско-польская граница.

ПРОТОКОЛ

Сам по себе заключенный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении не ущемлял интересы третьих стран. Прибалтийский кризис 1939—1940 гг. был спровоцирован началом войны в Европе, но не имел никакой прямой связи с советско-германским соглашением, о чем неустанно кричат ныне тамошние идеологи. Тем не мене именно в Прибалтике в конце 1980-х годов разразилась массовая истерия по поводу преступного сговора между двумя диктаторскими режимами, якобы в результате которого Литва, Латвия и Эстония лишились независимости.

Доказательством преступления сталинского режима перед балтийскими народами перестройщики объявили не сам договор, а некие «секретные протоколы» к нему о разграничении сфер интересов между Германией и СССР. В дальнейшем на базе этой фальсификации был даже разработан пропагандистский миф о том, что Вторая мировая война, дескать, началась лишь потому, что Сталин и Гитлер сговорились о разделе Польши (особенно отличился на этой почве беглый предатель Владимир Резун, пишущий под псевдонимом «Суворов»). Немудреная байка, но поляки в нее верят до сих пор. Кстати, если говорить о нации, имеющей наиболее извращенное представление о своей истории, то это, несомненно, будут поляки. У них даже официально создано «министерство правды» — Институт национальной памяти, занимающийся переписыванием истории и цензурой. Например, с подачи этого органа в «свободной» Польше был запрещен к показу знаменитый польский художественный фильм «Четыре танкиста и собака».

Свою страну ляхи неизменно представляют жертвой Второй мировой войны, и совсем не вспоминают, что ей предшествовал раздел Чехословакии, в котором Польша приняла самое деятельное участие «с жадностью гиены» по словам Уинстона Черчилля. Подзабыли поляки и о том, что непосредственным поводом к войне стала оккупация ими немецкого города Данцига (точнее, не сама оккупация, а отказ Польши вернуть этот германский город Германии) и массовая дискриминация двухмиллионного немецкого населения Польши.

Artikel I.

Artikel II.

Artikel III.

F110048

Artikel IV.

Artikel V.

Artikel VI.

Artikel VII.

F110049

F110050

Фото 1. Немецкий текст советско-германского пакта о ненападении по микрофильму фон Леша. Обращает на себя внимание непоследовательная нумерация кадров (возможно, что на второй странице цифра «4» не пропечаталась, хотя это кажется маловероятным). Сомнительно и то, что третья страница договора не содержит ничего кроме подписей при том, что на страницах договора не видна нумерация. Так никогда не оформляются документы! В противном случае можно будет третью страницу договора подшить к любому тексту и утверждать, что его подписали Молотов и Риббентроп.

Почему я называю «секретные протоколы» к советско-германскому пакту фальсификацией? Хотя бы потому, что таковые документы не найдены ни в советских, ни в германских архивах и нигде они официально не признавались вплоть до 1989 г. В РФ якобы обнаружены в 1992 г. «оригиналы» протоколов, но и их тоже никто никогда не видел. Что же до изображений оных, которые гуляют в Интернете, то совершенно очевидно, что они слеплены в программе «Photoshop».

Разумеется, секретные договоренности между странами практикуются, ибо такова есть давняя дипломатическая традиция — щепетильные вопросы межгосударственных отношений решать в конфиденциальном порядке. Дипломатия — старшая сестра разведки, и секретность — мать ее. Общественность видит лишь результаты усилий дипломатов, механизмы же их достижения чаще всего сокрыты завесой тайны. Например, к договорам о взаимопомощи между СССР и прибалтийскими государствами,

заключенными осенью 1939 г. прилагались конфиденциальные протоколы, определяющие порядок ввода и размещения на их территории советских войск. При этом в тексте самих договоров есть ссылка на эти самые конфиденциальные протоколы.

Есть и другой тип секретных договоренностей — решения в отношении третьих стран, исключающие какую-либо утечку информации и имеющие крайне узкий круг лиц, посвященных в тайну. Подобные соглашения обычно оформлялись не в виде официального межгосударственного трактата, а в форме личного договора между правителями. Не припоминаю за всю историю дипломатии ни одного подобного тайного соглашения, которое бы было заключено с соблюдением официального ритуала и формальностей документооборота. Зато есть пример решения вопроса о разделе сфер влияния между СССР и Великобританией в Восточной Европе на встрече Черчилля со Сталиным в Москве 9 октября 1944 г. Вот как об этом вспоминал сам Черчилль:

«Создалась деловая атмосфера, и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам — в Югославии?»

Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал:

«Румыния: Россия — 90 процентов. Другие — 10 процентов

Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90 процентов Россия — 10 процентов.

Югославия: 50 на 50 процентов.

Венгрия: 50 на 50 процентов.

Болгария: Россия — 75 процентов. Другие — 25 процентов».

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать. Конечно, мы долго и тщательно обсуждали наш вопрос и, кроме того, касались лишь непосредственных мероприятий военного времени. Обе стороны откладывали все более крупные вопросы до мирной конференции, которая, как мы тогда надеялись, состоится после того, как будет выиграна война.

Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец, я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку».

«Нет, оставьте ее себе», — сказал Сталин»[1].

Можно, конечно, усомниться, что дело происходило в точности так, как это описал Черчилль, но примерно таким образом секретные соглашения о разделе сфер влияния и заключаются. Действительно, какой смысл официально подписывать тайный договор, если его юридическая сила равна нулю? В случае невыполнения одной стороной тайного соглашения другая сторона не может публично потребовать его исполнения. Страна-нарушитель просто станет отрицать наличие каких-либо тайных обязательств. Всякий межгосударственный договор обретает силу лишь после взаимной ратификации. Так что, на мой взгляд, нужды в оформлении «секретных протоколов» к пакту не было ни малейшей, тем более что переговоры 23 августа 1939 г. происходили не на высшем уровне.

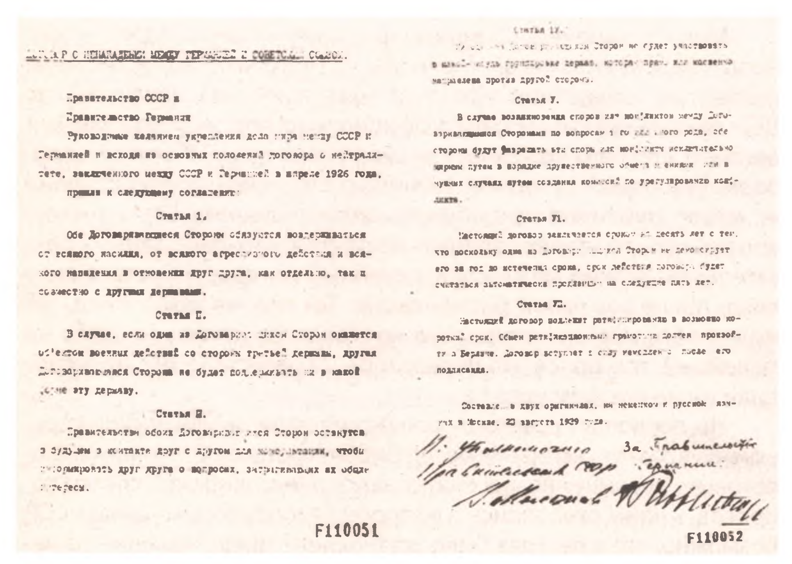
Но, поскольку советско-германские переговоры носили серьезный характер, во время бесед Риббентропа со Сталиным и Молотовым, несомненно, рассматривался очень широкий спектр вопросов, к коим относились и вопросы безопасности границ СССР. Возможно, что в беседах было установлено представление об интересах двух держав в Восточной Европе. Но достигнутое в разговорах понимание, даже если оно и имело место, к делу не пришьешь. К тому же об этом ничего не известно, и рассуждать об этом можно только гипотетически.

Те «секретные протоколы», на которые ссылался Яковлев, разоблачая «преступления Сталина», представляют собой откровенную фальшивку. Яковлева пытался убедить депутатов в их подлинности уверениями, что он якобы держал в руках копии с фотокопии «секретных протоколов», неизвестно кем и неизвестно когда сделанные, и переданные ему властями ФРГ, которые, в свою очередь, получили их от американцев. При каких обстоятельствах янки их приобрели, вообще установить невозможно. Те вещдоки, которые якобы были предъявлены общественности в 90-х годах, когда вдруг был найден «оригинал» советского ком-

---

[1] *Уинстон Черчилль*. Вторая мировая война // http://www.knigivinternet.ru/kniga/MEMOR/WORLD_II/90.html

плекта «секретных протоколов», сфабрикованы уже после исторического доклада, когда потребовались улики для обвинения во время суда по делу КПСС. На этом суде впервые всплыли и фальшивки по так называемому катынскому делу, но слеплены они были настолько грубо, что даже «демократический» суд, скрепя сердце, отказался приобщать многие из них к делу.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ.

Правительство СССР и

Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья 1.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обоих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

F110051

Статья IV.

[illegible] Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам [illegible] рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII.

Настоящий договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР [illegible]

За Правительство Германии

F110052

Фото 2. Русский вариант пакта из коллекции фон Леша.

Опубликованы тексты «оригиналов» протоколов были впервые в журналах «Вопросы истории» (№1, 1993 г.) и «Новая и новейшая история» (№1, 1993 г.). После публикации «оригиналы» куда-то таинственно исчезли и сотрудники Архива президента РФ ничего вразумительного об их местонахождении сказать не могут. Валентин Антонович Сидак, генерал КГБ, расследующий историю с сомнительными протоколами в течение многих лет, утверждает следующее: *«Когда МИДу России в период работы над договором с Литвой понадобились подлинники секретных приложений к советско-германским договорам, в Архиве Президента РФ их отослали... ну, правильно, все к тому же журналу «Новая и новейшая история»*[1].

---

[1] http://www.rusk.ru/st.php?idar=11702

Давайте ознакомимся с «каноническим» текстом «секретных протоколов».

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ДОГОВОРУ О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

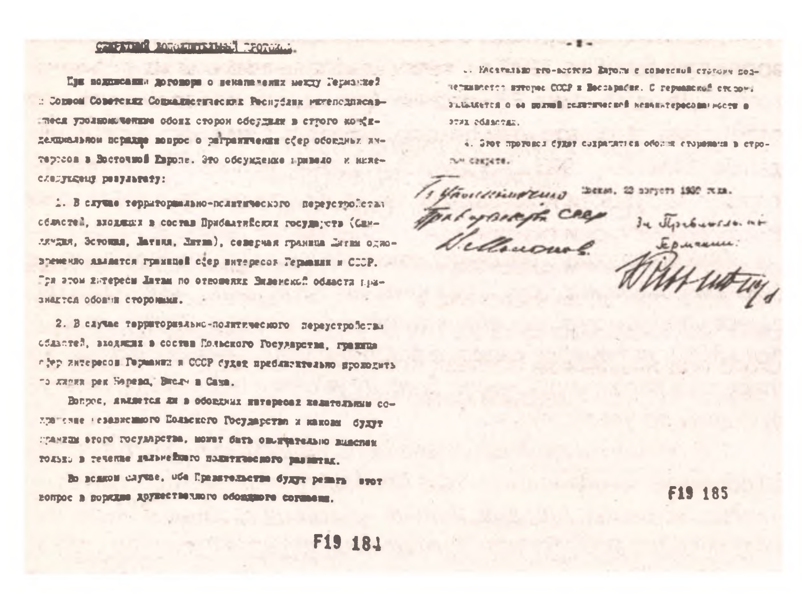
2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обоими сторонами в строгом секрете.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Москва, 23 августа 1939 года

Секретный дополнительный протокол.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

F19 184

- 2 -

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство Германии:

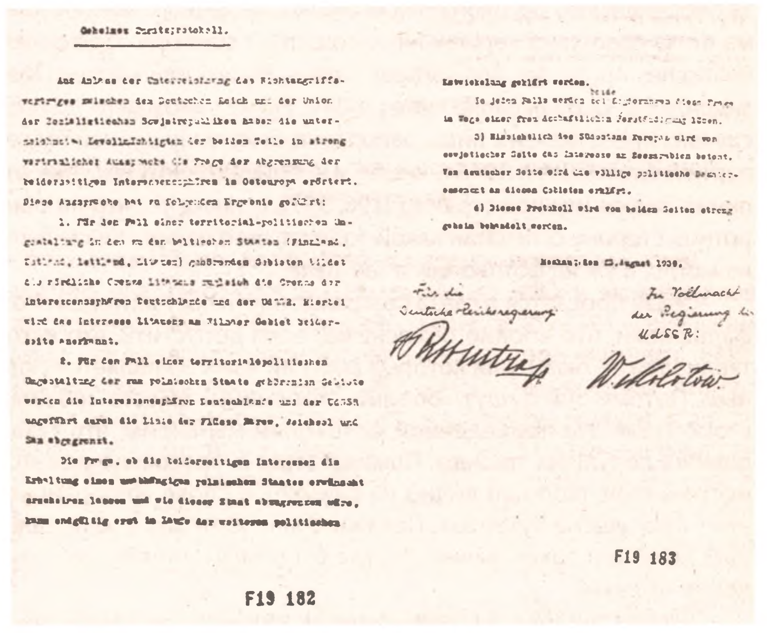
F19 185

Фото 3. Секретный протокол к пакту с микрофильма фон Леша. Русский вариант.

Текст воспроизводится по фотокопии, опубликованной в выпущенном в США сборнике «Нацистско-советские отношения. 1939—1941» (Nazi-Soviet Relations 1939—1941. Washington, 1948), где были представлены тексты протоколов, якобы захваченные союзниками в 1945 г. Поскольку протокол фальшивый, то честь первой публикации принадлежит американцам, как бы это в дальнейшем не пытались затушевать этот факт «историки». К тому же, например, «официальная» публикация в журнале «Новая и новейшая история» (1993 г., №1) менее достоверна, нежели даже фотокопия: Риббентроп назван здесь «И. ФОН РИББЕНТРОП», хотя в советских дипломатических документах титулатура никогда не использовалась.

На русском языке американский сборник выпущен в США в 1983 г. литовским эмигрантским издательством «Moksvo» под названием «СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1939 г. по июль 1941 г.» (в качестве переводчика выступил известный беглый антисоветчик, «историк» Фельштинский). В 1989 г. в Вильнюсе в издательстве «Mokslas» 100-тысячным тиражом выпущена книжка

«Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г.», являющаяся выжимкой из упомянутого выше источника. В выходных данных так и сказано, что она отпечатана по фотокопии (видимо имеется в виду фотокопия издания «Moksvo», 1983 г.). В данном издании использовано предисловие на русском и литовском языке, подписанное директором Института истории партии при ЦК Компартии Литвы В. Кашаускене и заместителем директора Института истории АН Литовской ССР А. Эйдинтасом. Наконец, в 1991 г. в издательстве «Московский рабочий» вышла та же самая книга в переводе Фельштинского под названием «Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы».

Geheimes Zusatzprotokoll.

Aus Anlass der Unterzeichnung des Nichtangriffsvertrages zwischen dem Deutschen Reich und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken haben die unterzeichneten Bevollmächtigten der beiden Teile in streng vertraulicher Aussprache die Frage der Abgrenzung der beiderseitigen Interessensphären in Osteuropa erörtert. Diese Aussprache hat zu folgendem Ergebnis geführt:

1. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung in den zu den baltischen Staaten (Finnland, Estland, Lettland, Litauen) gehörenden Gebieten bildet die nördliche Grenze Litauens zugleich die Grenze der Interessensphären Deutschlands und der UdSSR. Hierbei wird das Interesse Litauens am Wilnaer Gebiet beiderseits anerkannt.

2. Für den Fall einer territorialpolitischen Umgestaltung der zum polnischen Staate gehörenden Gebiete werden die Interessensphären Deutschlands und der UdSSR ungefähr durch die Linie der Flüsse Narew, Weichsel und San abgegrenzt.

Die Frage, ob die beiderseitigen Interessen die Erhaltung eines unabhängigen polnischen Staates erwünscht erscheinen lassen und wie dieser Staat abzugrenzen wäre, kann endgültig erst im Laufe der weiteren politischen

F19 182

Entwickelung geklärt werden.

In jedem Falle werden beide Regierungen diese Frage im Wege einer freundschaftlichen Verständigung lösen.

3) Hinsichtlich des Südostens Europas wird von sowjetischer Seite das Interesse an Bessarabien betont. Von deutscher Seite wird das völlige politische Desinteressement an diesen Gebieten erklärt.

4) Dieses Protokoll wird von beiden Seiten streng geheim behandelt werden.

Moskau, den 23. August 1939.

Für die Deutsche Reichsregierung:

In Vollmacht der Regierung der UdSSR:

F19 183

Фото 4. Немецкий «секретный протокол» с микрофильма фон Леша. Мало того что с исправлениями, так еще видна и небрежность в оформлении. Номера параграфов 1 и 2 отделены от текста точкой, а 3 и 4 — скобкой. Также отсутствует нумерация страниц, что вообще-то принято делать на многостраничных документах.

В печатных изданиях тексты «секретных протоколов» зачастую приводятся в переводе с английского, в связи с чем в нем много неточностей. Например, вместо слова «договор» в преамбуле «секретного протокола» используется слово «пакт». Как видно, использовался текст Фельштинского, а тот выполнил перевод с английского текста американского сборника, где действительно значится Non-aggression Pact. Уму непостижимо, на кой черт Фельштинскому потребовалось делать обратный перевод с английского, если в его распоряжении была фотокопия русского «оригинала». Между тем слово «пакт» в официальных документах НКИД по отношению к договору с Германией от 23 августа 1939 г. никогда не употреблялось.

В Интернет можно найти массу изображений, выдаваемых то за американскую фотокопию протокола с немецкого микрофильма, то за советский «оригинал» с солидной ссылкой: «Leihgeber: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin» или «Архив Президента РФ, Особая папка, пакет №34»[1]. Но на самом деле во всех случаях представлены лишь репродукции из выпущенной Госдепартаментом США в 1948 г. книги[2]. На приведенном рисунке отлично видны номера страниц (196, 197), а также то, что на оборотной стороне отпечатан какой-то текст, чего на оригинале быть не могло, а уж на фотокопии и тем паче.

Сразу бросается в глаза безграмотность составителей этой фальшивки, что вполне объяснимо, если допустить, что изготавливали ее люди, для которых русский язык не является родным. Потому они пишут «обоими сторонами» вместо «обеими сторонами». На приведенной фотокопии мы видим, что такая ошибка допущена трижды. Помимо этого в протоколе имеется исправление (хорошо видно на снимке): в слове «разграничении» пропущена буква «з». Покажите мне хоть один официальный документ такой важности, где бы присутствовали исправления от руки!

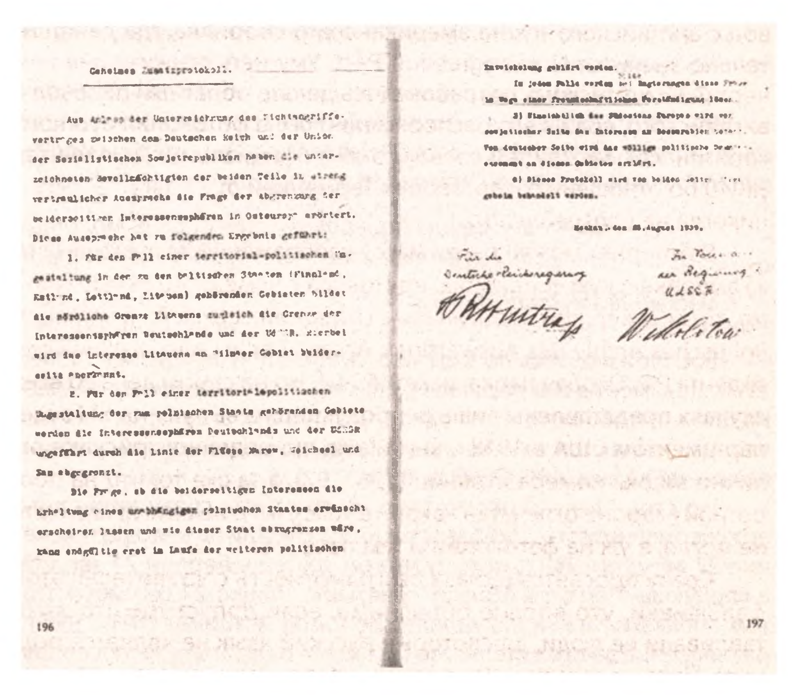
Другая ошибка в стогом смысле является не ошибкой, а проявлением небрежности, но весьма характерной. В официальных юридических документах во избежание разночтений географические названия не склоняются, иногда и фамилии тоже. То есть фраза «В случае территориально-политического

---

[1] См.: «Википедию» // http://ru.wikipedia.org

[2] См.: http://www.dhm.de/lemo/objekte/pict/stalina2/index.html

переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана» должна была быть записана так: «... по линии рек Нарев, Висла и Сан».

Geheimes Zusatzprotokoll.

Aus Anlass der Unterzeichnung des Nichtangriffsvertrages zwischen dem Deutschen Reich und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken haben die unterzeichneten Bevollmächtigten der beiden Teile in streng vertraulicher Aussprache die Frage der Abgrenzung der beiderseitigen Interessensphären in Osteuropa erörtert. Diese Aussprache hat zu folgendem Ergebnis geführt:

1. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung in den zu den baltischen Staaten (Finnland, Estland, Lettland, Litauen) gehörenden Gebieten bildet die nördliche Grenze Litauens zugleich die Grenze der Interessensphären Deutschlands und der UdSSR. Hierbei wird das Interesse Litauens am Wilnaer Gebiet beiderseits anerkannt.

2. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung der zum polnischen Staate gehörenden Gebiete werden die Interessensphären Deutschlands und der UdSSR ungefähr durch die Linie der Flüsse Narew, Weichsel und San abgegrenzt.

Die Frage, ob die beiderseitigen Interessen die Erhaltung eines unabhängigen polnischen Staates erwünscht erscheinen lassen und wie dieser Staat abzugrenzen wäre, kann endgültig erst im Laufe der weiteren politischen

196

Entwickelung geklärt werden.

In jedem Falle werden beide Regierungen diese Frage im Wege einer freundschaftlichen Verständigung lösen.

3) Hinsichtlich des Südostens Europas wird von sowjetischer Seite das Interesse an Bessarabien betont. Von deutscher Seite wird das völlige politische [illegible] an diesen Gebieten erklärt.

4) Dieses Protokoll wird von beiden Seiten streng geheim behandelt werden.

Moskau, den 23. August 1939.

Für die Deutsche Reichsregierung

[illegible]

197

Фото 5. Единственное отличие «секретных протоколов» в госдеповском сборнике от микрофильмов фон Леша — отсутствие нумерации кадров.

Кстати, история с реками имела свое продолжение. Оказалось, что Молотов и Риббентроп, перекраивая политическую карту Европы, отчего-то как раз карты под рукой не имели. В результате раздел сфер интересов был проведен по реке Нарев, которая имеет исток в Белостокском воеводстве, не касаясь своим течением границ Польши.

Для устранения недоразумения якобы был составлен следующий документ.

РАЗЪЯСНЕНИЕ К СЕКРЕТНОМУ ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРОТОКОЛУ ОТ 23 АВГУСТА 1939 ГОДА

В целях уточнения первого абзаца п. 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 года настоящим разъясняется, что этот абзац следует читать в следующей окончательной редакции, а именно:

«2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана».

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Москва, 28 августа 1939 года

Воспроизводится по изданию МИД СССР «Год кризиса 1938—1939. Документы и материалы в двух томах», вышедшему в 1990 г. Издатели, чтоб никто не подумал, что они высосали этот текст из пальца, ссылаются на источник: «Печат. по сохранившейся машинописной копии: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 3».

Но стоит только посмотреть на текст, как сразу видно, что его слепили идиоты. Риббентроп не мог подписать это разъяснение 28 августа 1939 г., потому что он улетел в Берлин 24 августа, а следующий визит в Москву совершил только 27 сентября. Потом спохватились, и в журнале «Вопросы истории» (№1, 1993 г.) разъяснение за правительство Германии подписал уже посол Шуленбург. Чтоб общественность не волновалась, даже картинку с автографами сделали.

Коль уж решили уточнить границу, так следует уточнять ее на всем протяжении. В первоначальном варианте упущено, что Нарев впадает в реку Буг, а уж тот соединяется с Вислой чуть севернее Варшавы. Вроде бы мелочь, подумаешь, в границе образовалась брешь километров в 40. Но когда сходятся друг с другом миллионные армии, желательно провести разграничительную линию так, чтобы никаких эксцессов не возникало, потому что если буквально руководствоваться «разъяснением к секретному протоколу», то германская армия вполне может получить плацдарм на правобережье Вислы. В оправдание такой небрежности можно сказать то, что на польских картах значилось, что Буг впадает в Нарев, а не наоборот. Однако на советских картах таких казусов никогда не наблюдалось. В старые времена было обыкнове-

ние небольшой участок течения от слияния двух рек до впадения в Вислу именовать Буго-Нарев. То есть необходимость устранения возможных кривотолков имелась в любом случае. Отсюда можно сделать вывод, что фальсификаторы пользовались не русскими картами, иначе текст «секретного протокола» и разъяснение к нему обладали бы большей точностью. Но почему в Кремле, где якобы и подписывались все «секретные протоколы», не было русских карт?

Наконец, мы читаем здесь: «...граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана». Название реки Нарев написано с ошибкой, вызванной неправильным склонением. Такую ошибку вполне мог допустить человек, говорящий на английском языке и пользующийся картой, на которой названия даны в английской транскрипции. В английском, как известно, географические названия не склоняются. В пользу того, что исходный текст «секретного протокола» делал англоговорящий человек, косвенно свидетельствуют и такие лингвистические особенности:

— написано «Польского Государства» вместо «польского государства»;

— «Прибалтийских государств» вместо «прибалтийских государств».

В русском языке прилагательное «прибалтийский» однозначно пишется со строчной буквы, в то время как имя собственное «Прибалтика» всегда с заглавной. По-английски же вполне допустимо писать Polish State и Baltic States, однако в указанном американском издании в тексте «секретного протокола» встречается только второе словосочетание, а «Польское государство» пишется как Polish state, хотя в других документах в том же сборнике встречается и написание Polish State. В советском двухтомнике «Год кризиса 1938—1939» в приведенном тексте «секретного протокола» (со ссылкой на сохранившуюся машинописную копию: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1—2.) в обоих случаях написано «Польского государства», что не соответствует русскому варианту американской фотокопии из сборника 1948 г.

Впрочем, американское издание выполнено очень халтурно. Одно и то же слово «договор» там переводится тремя различными способами: agreement, treaty, pact. А уж чтобы перевести слово «Германия», как German Reich, надо обладать большим пренебрежением к документу, пусть даже и фальшивому. Любопытно, что в немецком тексте «секретного протокола» «Польское государство» пишется как polnischen Staate, а «Прибалтийских го-

сударств» как balteschen Staaten, в то время как «Виленская область» обозначена Wilnaer Gebiet — оба слова с заглавной буквы, что вызывает определенные сомнения. Опять же, немецкий текст «секретного протокола», известный по американской публикации, не обошелся без исправлений.

Снова фальсификаторы прокалываются и с географией: Финляндия — это скандинавская страна, а Прибалтикой традиционно называют лишь территории бывших Курляндской, Эстляндской и Лифляндской губерний Российской империи. Впрочем, для янки это мелочи — к Прибалтике они приписали еще и Финляндию. Следуя их логике Германию и Данию тоже можно считать Прибалтикой, так как их берега омываются водами Балтийского моря.

Большое сомнение вызывает и стилистика протокола. В договорах о разграничении интересов стороны заинтересованы добиваться ясности смысла и четкости формулировок. А что означает выражение «*В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства*»? Уж коли протокол секретный, то почему бы не писать откровенно: мол, в случае войны вермахт занимает такие-то области, а РККА — такие-то? И что значит словосочетание «в течение дальнейшего политического развития» в отношении Польши, которую уже поделили? Советской дипломатии были совершенно несвойственны подобные туманные витиеватости.

Я совершенно не в силах поверить, что подобное мог написать человек, хорошо владеющий русским языком, тем более дипломат, и, тем паче, глава правительства СССР Вячеслав Молотов. Литератор Феликс Чуев, хорошо знавший Вячеслава Михайловича, характеризовал его так: «*...ни он, ни его учителя не терпели длиннот. Молотов был точен в формулировках и порой придирался, казалось бы, к незначительным мелочам. Любил докопаться до сути, был упрям и последователен в беседе*»[1].

Непосредственные изготовители фальшивок отнеслись к своей работе с юмором, и потому, подделывая подпись Молотова, начертали ее в двух случаях латиницей (текст договора и протокол на немецком языке). В реальности такое, конечно, невозможно. Представьте себе, что президент РФ Путин, отдавая японцам пресловутые «северные территории», поставил бы под одним экземпляром договора свою подпись японскими иероглифами, а в другом подмахнул бы бумагу по-немецки, благо сим языком он владеет неплохо. У историков в будущем неминуемо возникнет

[1] *Феликс Чуев.* 140 бесед с Молотовым.

вопрос: какую же страну представлял герр Путин-сан, и не был ли договор об уступке Россией Курильских островов сфабрикован японскими спецслужбами при помощи немецких коллег?

Факт, просто вопиющий о подложности документа — параграф о признании обеими сторонами притязаний Литвы в отношении Виленской области. Во-первых, Литва не была субъектом переговоров, а потому этот пункт здесь выглядит просто абсурдно. Во-вторых, если по смыслу п. 2 протокола Виленская область входит в сферу интересов Советского Союза, то признание или непризнание литовских претензий — это предмет двусторонних литовско-советских отношений (только в случае ликвидации Польши, конечно). При этом возникает принципиальное противоречие с п. 1 протокола, по которому Литва отнесена к германской сфере интересов. Но самое главное, Литва в 1938 г. официально отказалась от притязаний на Виленскую область, и потому ни Германия, ни СССР не могли признавать интересы Литвы в данном вопросе. Появился пункт о Виленской области в протоколе видимо лишь потому, что фальсификаторы старались подогнать его под реальные события. Но сделали они это крайне неуклюже (подробности см. в главе «Вильно»).

Сам по себе этот документ алогичен и противоречив. Если речь идет о *разграничении* взаимных интересов, то это разграничение должно обсуждаться лишь там, где сферы интересов двух держав соприкасаются. В случае с Польшей все более-менее понятно, поскольку на польской территории на западе проживало 2 миллиона немцев, защищать права и интересы которых Германия считала своим долгом, а на востоке на отторгнутых Польшей от России в 1920 г. землях жило более 10 миллионов украинцев и белорусов (плюс более полутора миллионов евреев). Но в отношении Литовской республики возникают серьезные вопросы. С какой стати Литва отнесена в сферу интересов Германии? С Литвой из всех балтийских стран у СССР были наиболее дружественные отношения (если точнее, то они были не настолько плохими, как со всеми прочими). В 1938 г. именно решительная позиция Советского Союза позволила избежать агрессии Польши против Литвы, к чему дело и шло.

Никаких экономических или политических интересов у Германии в Литве после возвращения Мемеля не было. С Литвой у Германии не существовало договора о гарантиях в случае советской агрессии, а с Латвией и Эстонией соответствующие соглашения были подписаны. Эстония и Латвия — это территории бывшего Ливонского ордена, основанного в средневековье германскими крестоносцами. Немцы цивилизовали этот край, и многие

века составляли в Эстляндии и Курляндии культурный и господствующий слой. Вплоть до 1940 г. в Латвии и Эстонии сохранялось значительное немецкое меньшинство. Литва в этом смысле стояла особняком, культурно тяготея не к Германии, а к Польше.

Видимо Литву авторы «секретных протоколов» временно отдали Германии, подгоняя протокол от 23 августа под известные события. В сентябре 1939 г. Германия пыталась прибрать Литву к рукам: 25 сентября Гитлер подписал директиву № 4 о сосредоточении войск в Восточной Пруссии и готовности вторгнуться в Литву. Чуть раньше — 20 сентября в Берлине был разработан проект документа под названием «Основные принципы договора об обороне между Германией и Литвой», статья I которого гласила: *«Без ущерба для своей независимости как государства Литва отдает себя под опеку Германского Рейха»*[1].

В случае с Финляндией никак не разрешен вопрос именно о *разграничении* сфер влияния — является ли финско-норвежский и финско-шведский рубежи границей советской сферы интересов, или они распространяются на всю Скандинавию? О характере германских интересов в Скандинавии нет ни слова, хотя эти интересы присутствовали, и в первую очередь, в Швеции, откуда немцы получали стратегически важное сырье для своей промышленности (из Финляндии тоже, но в меньшем количестве). То же самое и в случае с Румынией. Румыния в 1918 г. оккупировала область, называемую Бессарабией, и СССР никогда не признавал этого захвата. Бессарабию Москва однозначно планировала вернуть под свою юрисдикцию и спрашивать благословления Берлина на возврат своей территории не собиралась. Бессарабский вопрос — это предмет исключительно советско-румынских отношений.

Опять же, о предмете немецких интересов в Румынии ничего не говорится, несмотря на то, что еще 23 марта 1939 г. было подписано германо-румынское экономическое соглашение, создающее предпосылки для полной переориентации на Германию всей румынской экономики. В первую очередь это касалось поставок нефтепродуктов и продовольствия, что в случае войны приобретало стратегическое значение для Берлина. Так почему бы не оговорить этот вопрос в секретном протоколе? Ведь фактически дав добро на пересмотр советско-румынской границы, Риббентроп не мог исключать, что территориальный спор между двумя странами приведет к войне. Вот на этот случай и нужно было договориться, что, например, территория к юго-западу от линии рек

---

[1] Цит.по: *Пыхалов И.* За что Сталин выселял народы.

Дунай — Прут не относится к советской сфере интересов. Логично? Необходимость четкого разграничения взаимных интересов в Румынии тем более актуальна, что Бессарабия является лишь частью Молдавии — исторической румынской области. А ну как Советский Союз решит прибрать к рукам всю Молдавию?

Бессарабский вопрос, кстати, дает нам хорошую возможность выяснить истину о существовании «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. Летом 1940 г. между Москвой и Берлином велась активная переписка, касающаяся территориального переустройства Бессарабии и Северной Буковины и вытекающих из этого проблем (например, вопрос переселения в Германию 120 тысяч бессарабских немцев — фольксдойче). Но ни в одном из этих документов нет ссылок на августовские «секретные протоколы» даже в завуалированной форме. Например, не встречаются фразы вроде «на основании достигнутых ранее в Москве двусторонних соглашений...» или « в соответствие с известными московскими договоренностями...». Более того, по румынскому вопросу как раз возникли серьезные трения. Гитлера так перепугало приближение советских границ в июне 1940 г. на 120 км к нефтяным месторождениям Плоешти (20 минут лета для бомбардировщика), что Германия принялась настойчиво добиваться своего военного присутствия в регионе для обеспечения безопасности стратегического топливного источника. Советское правительство энергично этому противилось, утверждая, что немцы не имеют ни малейших прав на Балканы. По всему выходит, что бессарабский кризис стал для немцев неприятной неожиданностью, а значит, вопрос этот в августе 1939 г. Риббентроп с Молотовым обсуждать не могли (подробнее см. в главе «Бессарабия). Следовательно, «секретные протоколы», на которые ссылался Яковлев в 1989 г., — фальшивка.

С другой стороны вызывает удивление, что в протоколе никак не отражены советские интересы в юго-восточном регионе Европы. В частности, ни слова не говорится о Болгарии, с которой СССР стремился в тот момент иметь дружественные отношения, дабы разместить на болгарском побережье Черного моря свою военно-морскую базу. Она имела очень большое значение, поскольку ее наличие могло предотвратить проникновение в Черное море вражеского флота через турецкие проливы. Учитывая, что Болгария фактически находилась в полной политической и экономической зависимости от Германии, а германское влияние на Турцию было чрезвычайно велико, логично ожидать, что важный для СССР вопрос черноморских проливов найдет свое от-

ражение в «секретном протоколе». Однако он совершенно игнорируется.

Из текста документа следует, что советская сторона не только была извещена о предстоящем нападении немцев на Польшу, но даже получила авансом половину территории страны. То есть на основании п. 2 фальшивых «секретных протоколов» визгливая демократическая общественность объявила Советский Союз агрессором и сообщником зачинщика Второй мировой войны. Однако ход дальнейших событий опровергает эту логику.

Во-первых, сразу после начала германской интервенции СССР не атаковал Польшу и даже не стал искать повода для вторжения. Советский Союз демонстративно отвел войска от границы еще до начала конфликта. Это, кстати, вызвало очень негативную реакцию в Берлине, и Риббентроп 29 августа потребовал от Молотова объяснений через германского посла в Москве Шуленбурга и настойчиво попросил выступить с заявлением о том, что СССР наоборот наращивает свои силы на границе, объясняя это неспокойной обстановкой. Смысл просьбы понятен, ибо традиционно более мощные группировки польских войск были сконцентрированы на востоке страны против СССР, и Германия не желала, чтобы Советский Союз предоставлял полякам возможность укрепить западные рубежи. Однако официального советского заявления так и не последовало.

Во-вторых, Советский Союз заключил с Польшей торговые договора на поставку стратегических материалов, в частности хлопка, используемого в производстве пороха. Наконец, Красная Армия перешла границу лишь после того, как польское государство de jure прекратило существование в результате бегства правительства и верховного главнокомандующего, а польская армия была в стратегическом отношении полностью разгромлена[1]. Немецкие войска продвинулись не только за пределы своей пресловутой сферы интересов, но даже заняли часть территории восточнее будущей советско-германской границы. Частям РККА была дана директива продвигаться до соприкосновения с германскими частями, а вовсе не до рубежа, отмеченного как граница сферы интересов СССР. И будущая граница прошла не по Висле, как то предполагалось «секретным протоколом».

---

[1] Немецкое командование начало снимать с польского фронта дивизии и перебрасывать их на Запад уже начиная со второй недели кампании, считая ее исход решенным.

Допустим, что «дополнительный секретный договор» действительно был подписан. Возникает вопрос: почему же Германия не соблюдала условия этого соглашения? Ведь в документе четко сказано, что Финляндия отнесена к сфере интересов СССР, однако там появились в октябре 1940 г. немецкие войска. Это является не просто грубейшим нарушением соглашения — это *военное вторжение* в зону интересов другой державы, то есть *акт агрессии* Германии против СССР. Почему Советский Союз не пресек подобное нарушение договоренностей со стороны Гитлера? И чего добивался Гитлер подобной провокацией — войны?

Но ведь и Советский Союз грубо нарушил условия «секретного протокола» уже через 28 дней после его подписания. Самый крупный польский город, занятый Красной Армией в ходе военных действий — Вильно, но Вильно, как известно, по условиям «секретного протокола» признавался за Литвой, а последняя была отнесена к сфере интересов Германии! Военной необходимости в захвате этой территории у СССР не было никакой, а вот вызвать конфликт с Германией такая акция вполне могла — в те дни нервы у всех были на пределе.

ГАЛЬДЕР

Складывается впечатление, что две державы, осуществляющие «территориально-политическое переустройство областей, входящих в состав Польского Государства», совсем не помнили, о чем договаривались три недели назад! Франц Гальдер, сожалея о необходимости отдать Львов (Лемберг) Советам, даже в сердцах называет это *«днем позора политического руководства»*. Генерал-полковник Гальдер, вообще-то не дивизией командовал, а был начальником штаба сухопутных войск. С политическим руководством находился в самом тесном контакте (включая Гитлера, чьи высказывания он обильно цитирует в своих рабочих записях), и не мог не знать о секретных договоренностях по разделу территории Польши, если бы они имели место еще в августе. Но он не знал. В «Военном дневнике» Гальдера[1] за 17 сентября 1939 г. есть такая запись: *«В первой половине дня — обмен мнениями с ОКВ относительно будущей демаркационной линии»*. До этого момента вопрос разграничения «сфер интересов» с СССР командование вермахта не волновал.

Еще 7 сентября Гальдер писал следующее:

«Главком у фюрера (во второй половине дня 7.9): Три возможных варианта развития обстановки.

1. Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой — Польше; промышленный район — нам; Краков — Польше; северная окраина Бескидов — нам; области [Западной] Украины — самостоятельны.

2. Русские выступят.

3. Если западные союзники начнут наступление, демаркационная линия та же. Политически мы не заинтересованы в продвижении к Румынии».

Здесь важно отметить, что ликвидация Польши не входила в планы Германии, поскольку с Варшавой немцы собирались дого-

---

[1] http://militera.lib.ru/db/0/chm/halder.zip

вариваться о самостоятельности Западной Украины (которая якобы входила в сферу советских интересов по «секретному протоколу»). Гитлер о сохранении Польши неоднократно говорил уже в ходе начавшегося военного конфликта. Более того, после 3 сентября для него было *жизненно важно* сохранить Польшу и подписать с ее правительством мирный договор. Ведь Англия и Франция во исполнение своих союзнических обязательств объявили Германии войну. Но если законное польское правительство подпишет с немцами мир (предварительные условия Гальдер набросал), тогда и западные державы будут обязаны замириться с Берлином. Война за польские интересы в случае, если сама Варшава не желает защищать их, утрачивает смысл. Вовлечение в конфликт советской стороны автор дневника оценивает лишь как вероятное (в этом случае вопрос о независимой Западной Украине отпадает сам собой). Любопытно упоминание о демаркационной линии: из контекста записи следует, что речь идет о демаркационной линии между германскими и польскими войсками после заключения ожидаемого перемирия, причем именно по реке Нарев — там, где по более поздней легенде якобы еще в августе была согласована линия разграничения сфер интересов Германии и СССР.

За 22 августа находим у Гальдера такую запись относительно директив Гитлера по Польше:

«Уничтожение [армии] Польши, ликвидация ее живой силы. Речь идет не о выходе на какой-то рубеж или новую границу, а об уничтожении противника, к чему следует неуклонно стремиться любыми путями».

Следует ожидать, что заключение договоренностей с Москвой по территориальному разделу Польши повлечет за собой и уточнение задач для армии, то есть о выходе на определенные рубежи. Гальдер был в курсе советско-германских консультаций по заключению договора еще до визита Риббентропа в Москву. Подробная запись относительно условий будущего соглашения датирована 14 августа:

«Взаимоотношения с Россией: слабый контакт, начаты торговые переговоры. Будет выяснено, пошлем ли мы в Москву своего представителя. В стадии выяснения вопрос, кого послать — авторитетную личность или нет. [Россия] не думает о своих обязательствах по отношению к Западу. Русские допускают разгром Польши, но интересуются, как будет обстоять дело с [Западной] Украиной. Обещание соблюдать русские интересы...

...Русские хотят углубить переговоры. Недоверие. Никакой общей границы. Фюрер склоняется к тому, чтобы пойти навстречу русским».

Да, общая граница с СССР в планы Германии тогда не входила. В дальнейшем договор с СССР упоминается неоднократно, как до, так и после его подписания, но почти исключительно в политическом контексте. Никаких уточнений в план военной кампании против Польши внесено не было. Если «секретные протоколы» и были подписаны в Москве, придется признать, что они являлись секретом и для всего высшего военного руководства Германии, включая военную разведку (начальник военной разведки адмирал Канарис регулярно делал доклады Гальдеру, однако тот не фиксирует его высказываний относительно переговоров с русскими по польскому вопросу). Поверить в то, что Гитлер скрывал от своих генералов свой большой дипломатический успех, невозможно.

Лишь 20 сентября, судя по содержанию дневника Гальдера, русский вопрос становится для него ключевым. Вот первые записи за этот день:

«20 сентября 1939 года (среда).

Трения с Россией: Львов.

Разговор с генерал-полковником Браухичем.

Йодль: Действовать совместно с русскими. Немедленное совместное урегулирование разногласий на месте. Если русские настаивают на территориальных требованиях, мы очистим территорию.

Решено: Русские займут Львов. Немецкие войска очистят Львов. День позора немецкого политического руководства. Окончательное начертание демаркационной линии. Сомнительные вопросы оставлены открытыми. Не должно произойти никакого обострения политической обстановки. «Окончательная линия по реке Сан».

Браухичу [сообщить]: Дистанция — 10 км. Русские вперед не продвигаются (Кейтель!). Отходить постепенно. Ярослав, Перемышль, далее на юг — Турка. За четыре перехода.

Форман [докладывает]: Для удовлетворения настойчивых требований Ворошилова фюрер принял решение об окончательной демаркационной линии, о чем сегодня будет официально объявлено. [Она проходит по] р. Писса, р. Нарев, р. Висла, железная дорога вдоль Сана, Перемышль (от Хырова до перевала — неяс-

но). Фюрер хочет, чтобы впереди этой линии не погиб ни один наш солдат.

Вейцзеккер [запрос по телефону]: Какова же теперь окончательная линия?

Немецкий издатель дневников Гальдера в этом месте делает следующее примечание: «*Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вейцзеккер ответил Гальдеру, что окончательное урегулирование вопроса о демаркационной линии будет осуществляться не министерством иностранных дел, а верховным главнокомандованием*». Этот момент весьма существенный. Если бы раздел польской территории являлся следствием тайного политического соглашения, достигнутого в Москве, то и урегулировать его следовало по линии МИД. Но вопрос с обеих сторон решали военные, о чем свидетельствует, в частности, упоминание Гальдером «*настойчивых требований Ворошилова*». Это указывает на то, что относительно Польши между Москвой и Берлином до начала войны никаких соглашений не существовало, а территориальные притязания Советского Союза стали следствием войны, и только поэтому с обеих сторон проблему на первом этапе решали генералы. Дипломаты подключились лишь в конце сентября.

Вот другие записи Гальдера, датированные тем же днем, 20 сентября:

«Вечером 3 октября немецкие войска должны перейти окончательную демаркационную линию. Политические переговоры относительно точного начертания этой линии еще продолжаются.

Большое значение придается непосредственной передаче нашими войсками всех важных объектов русским войскам (аэродромы, крупные города, вокзалы, важные в экономическом отношении объекты, с тем чтобы не допустить их разрушения). Переговоры вести через офицеров связи, которые будут устанавливать детали передачи объектов в каждом конкретном случае в зависимости от их величины и значения. Точный порядок будет выработан»...

...После доклада главкома фюрер согласился со следующим порядком: чисто военные причины вынуждают нас провести эвакуацию немецких войск за демаркационную линию в восемь этапов. Необходимое время — 14 дней, так как следует закончить или прервать еще продолжающиеся местами бои.

Русские могут вступить на теперешние передовые позиции немецких войск (черная линия), включая населенные пункты Белосток, Брест, Холм, 10 км западнее Львова, Дрогобыч, Борислав,

к середине дня 22 сентября. Продвижение с этой линии на запад только в 6.00 25.9 скачками, от рубежа к рубежу. Рубежи будут сообщены к этому времени с указанием их на картах.

Эвакуация всех войск за демаркационную линию будет закончена 4.10. Между немецкими и русскими войсками постоянно должен быть промежуток в половину дневного перехода».

Далее в дневнике начальника штаба ОКВ приводятся многочисленные подробности о графике отвода немецких войск с передаваемой СССР территории и установлении демаркационной линии (в частности подчеркивается, что уступки в Галиции делаются Германией в обмен на Сувалки). Никаких намеков на то, что ранее существовали иные договоренности. В целом же «отход перед лицом Советов» высшим военным руководством Германии был воспринят негативно, как то следует из записей Гальдера.

Касаясь польской кампании, стоит затронуть еще один миф о якобы вероломном ударе Сталина в спину героически сражающейся Польше. Польская пропаганда на все лады перепевает старую песню о том, что если бы Советский Союз не вторгся в Польшу, то ляхи бы смогли продержаться до того момента, пока англо-французы ударят на западе и разгромят Германию. Между тем по состоянию на 17 сентября 1939 г., когда Красная Армия перешла западную границу СССР, Польша, как государство уже не существовало. Вся собственно польская территория страны кроме враждебных Польше восточных окраин, была оккупирована Германией, потеряны все промышленные районы. Бывшая столица, была полностью блокирована вермахтом, который не стал штурмовать Варшаву лишь во избежание бессмысленных потерь. Польская армия расчленена, деморализована, разгромлена, и как единый боевой организм уже не существовала. Но даже когда она еще сохраняла относительную боеспособность, поляки не смогли нанести вермахту не то что чувствительного удара, но даже завязать сколь-нибудь эффективные оборонительные бои. Пассивное сопротивление поляки оказывали только в районе Модлина и Варшавы. Лодзинская группировка к тому времени уже капитулировала. Польские ВВС прекратили свое существование на четвертый день боевых действий, ВМФ еще раньше. Бронетанковые силы поляков были совершенно к тому времени разгромлены. Верховное командование бросило армию, правительство сбежало из страны. Англо-французские «союзники» 12 сентября официально пришли к заключению о полном поражении Польши и бессмысленности оказания ей помощи, хотя они поняли это еще 8 сентября.

Фото 6. Гейнц Гудериан (в центре) и Семен Кривошеин (справа) наблюдают за прохождением войск вермахта и РККА при передаче Брест-Литовска 22 сентября 1939 советской администрации. В антисоветской литературе этот марш неизменно называют совместным парадом вермахта и РККА, хотя на самом деле это совершенно обычный ритуал при передаче города военными властями одной страны армии другого государства. Части Красной Армии вошли в город после ухода немцев.

О каком сопротивлении агрессору в таком положении можно говорить? Как субъект международного права и фактически, и по строго формальным критериям Польша не существовала к 17 сентября 1939 г., и потому даже антисоветски настроенные европейские державы не нашли возможности обвинить СССР в нарушении принципов международного права в связи с Освободительным походом Красной Армии. Нынешние пропагандисты, особенно польские, из кожи вон лезут, чтобы убедить нас, будто Советский Союз всячески способствовал германскому вторжению в Польшу. Из одной агитки в другую кочует эпизод, в котором рассказывается, как советская сторона на базе минской вещательной радиостанции организовала радиомаяк для люфтваффе , бомбивших Варшаву. Довольно сдержанно об этом поведал читателям Михаил Мельтюхов:

«1 сентября в 11 часов в НКИД явился советник германского посольства в Москве Г. Хильгер и сообщил о начале войны с Польшей, о присоединении Данцига к Германии и передал просьбу начальника генштаба германских ВВС, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передач время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками «Рихард Вильгельм 1.0», а кроме того, во время передач своей программы по возможности часто слово «Минск». Советская сторона согласилась передавать лишь слово «Минск», что использовалось люфтваффе в качестве радиомаяка[1].

Как видим, дело обстояло с точностью наоборот. Советская сторона отказалась удовлетворить просьбу немцев о передаче в эфир ночью специального сигнала. Днем же, как нетрудно догадаться, в радиомаяке особой потребности нет. Совсем уж за уши притянуто согласие как можно чаще использовать в радиопередачах слово «Минск». Минское радио и без того постоянно передает в эфир сигналы точного минского времени и новости, в которых невозможно обойтись без упоминания столицы Советской Белоруссии. То есть фактически начальник генштаба германских ВВС своим обращением ничего не добился. Использовать же минское радио в качестве маяка летчики люфтваффе могли и без всякого согласования с Москвой, просто настроив бортовые радиокомпасы на соответствующую частоту. Обращает на себя внима-

---

[1] *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. //http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/09.html

ние и такой факт: как утверждают мифотворцы, Сталин и Гитлер затеяли совместную агрессию против Польши, однако вопросы аэронавигации отчего-то заранее не решили. И вообще о начале войны советское правительство проинформировано лишь постфактум из уст второстепенного чиновника посольства. Нет уж, совместные агрессии так не осуществляются.

Из дневника Гальдера никак нельзя предположить, что разгром Польши был совместной акцией Германии и СССР. Вот очень характерная запись:

12 сентября. Разговор главкома с фюрером:

Русские, очевидно, не хотят выступать. [Они] хотят взять себе Украину (чтобы удержать французов от вмешательства). [Русские] считают, что поляки будут согласны заключить мир...

...[Гитлер] готов удовлетвориться восточной частью Верхней Силезии и Польским коридором, если Запад не будет мешать.

Подобного рода свидетельства очень уж не вписываются в официальную версию событий, поэтому редактор русского издания «Военного дневника» дает здесь такое примечание: *«Как свидетельствуют документы, гитлеровцы намеревались полностью ликвидировать Польшу и польский народ, частично истребив его, а частично онемечив. См.: Pospieszalski, K. Hitlerowskie «prawo» okupacyine w Polsce. Poznan, 1952—1958»*. Да уж, ссылка на польское пропагандистское издание выглядит совсем не убедительно, но на официальные документы в этом случае сослаться нельзя по причине их отсутствия.

Сейчас трудно установить, что конкретно имел в виду начальник генштаба германских сухопутных сил, когда писал о намерении русских удержать французов от вмешательства. Не стоит забывать, что начиная с 3 сентября, немецкие генералы находились в постоянном страхе, ожидая удара англо-французов по Руру. Потому на любые события Гальдер неизбежно должен был смотреть сквозь призму вопроса: «А как это повлияет на Францию и Британию?». Эти записи он делал для себя лично, а не для посторонних, в них отражен его субъективный взгляд на происходящие события, чем этот источник и ценен. Вот что говорится в предисловии немецкого издания книги: *«Среди многочисленных документальных источников, относящихся к истории Второй мировой войны и вышедших после 1945 года, особого внимания, с точки зрения немцев, заслуживают личные записи начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника*

в отставке Франца Гальдера. В них более драматично и полнее, чем во всех других публикациях, отражается борьба за принятие важнейших стратегических решений в первой фазе войны. С этими, почти ежедневными, записями, уже давно известными науке как «Дневник Гальдера», связана личность военного деятеля, служебное положение которого превращало его в промежуточное звено между политическим и военным руководством. Он изложил на бумаге свои непосредственные впечатления и размышления безо всякой подготовки и последующих исправлений».

Дневник Гальдера в 1945 г. был захвачен американцами и ими же впервые издан. В СССР трехтомник «Военных дневников» выпущен в 1968—1971 гг. «Воениздатом», перевод выполнен с немецкого издания (*Halder F.* Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939—1942. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1962—1964). В дневниках мы не видим даже намека на существование неких предвоенных секретных договоренностей о разделе Польши. Наоборот, приводимые им сведения полностью опровергают версию о существовании «секретного протола» от 23 августа 1939 г..

МОЛОТОВ

Итак, вопрос, что называется, поставлен ребром: существовал ли подписанный Молотовым и Риббентропом «секретный дополнительный протокол или нет? Компетентно ответить на него могли только Риббентроп и Молотов, возможно, посол Шуленбург. И еще, разумеется, Сталин и Гитлер. Свидетельства остальных персонажей, которые, дескать, «держали в руках», «видели собственными глазами» или «стояли за спиной» ни гроша не стоят, потому что ничем не могут быть подтверждены.

Шуленбург казнен нацистами в 1944 г., как участник заговора против Гитлера. Иоахим фон Риббентроп повешен по приговору Нюрнбергского трибунала в 1946 г. После были выпущены его мемуары (ниже рассмотрим их подробно), однако в их авторстве приходится сомневаться. Иосиф Виссарионович Сталин умер в 1953 г. Никаких свидетельств на сей счет он не оставил, при жизни советского вождя перед ним никто официально вопроса о «секретных протоколах» не поднимал — ни союзники по антигитлеровской коалиции, ни противники по холодной войне.

В 1948 г. в «Главполитиздате» вышла брошюра «Фальсификаторы истории», где резко критикуются попытки западных историков затушевать предвоенные старания Англии, Франции и США по поддержке гитлеровского государства, их потуги переложить ответственность за развязывание войны на СССР. Современные комментаторы чуть ли не хором заявляют, что эта книга явилась советским ответом на выпуск американцами скандального сборника «Нацистско-советские отношения. 1939—1941». Действительно, американскому сборнику там посвящено несколько строк во вступлении, однако из текста следует, что советскую сторону возмущают не столько попытки предать гласности компрометирующие документы, сколько провокационные действия бывших союзников, направленные на обострение текущей политической ситуации:

«Чтобы как-нибудь оправдать в глазах общественного мнения одностороннее опубликование этого сборника непроверенных и произвольно надерганных записей гитлеровских чиновни-

ков, англо-американская печать пустила в ход выдуманное объяснение, будто «русские отвергли предложение Запада совместно опубликовать полный отчет о нацистской дипломатии».

Это заявление англо-американских кругов не соответствует действительности.

В действительности, дело обстояло так. Советское Правительство, в связи с появившимися летом 1945 года в иностранной печати сообщениями о начавшейся в Англии подготовке к опубликованию трофейных документов, захваченных в Германии, обратилось к Правительству Великобритании, настаивая на том, чтобы советские эксперты участвовали в совместной разработке немецких материалов, захваченных англо-американскими войсками. Советское Правительство считало недопустимым издание таких документов без общего согласования и, вместе с тем, не могло взять на себя ответственность за опубликование документов без тщательной и объективной проверки, так как опубликование указанных материалов без этих элементарных условий могло бы только привести к ухудшению отношений между государствами — членами антигитлеровской коалиции. Однако английское Министерство Иностранных Дел отклонило советское предложение, сославшись на то, что постановка Советским Правительством вопроса об обмене копиями захваченных гитлеровских документов является преждевременной.

Известно также, что 6 сентября 1945 года американская делегация в Политическом Директорате Контрольного Совета в Германии представила свой проект директив об обращении с германскими архивами и документами.

Этот проект предусматривал установление единого для всей Германии порядка сбора и хранения архивов, а также права доступа к ним представителей государств, входящих в Организацию Объединенных Наций. Предусматривалась также возможность снятия копий с документов и их издание. Это предложение рассматривалось на четырех заседаниях Политического Директората, но по просьбе англичан и американцев было отложено под предлогом отсутствия у них указаний, а затем после заявления американского представителя, что Правительство США готовит новое предложение и просит представленный проект считать недействительным, вопрос с повестки дня Политического Директората был снят.

Таким образом, заявление, что якобы Советское Правительство отказалось от участия в подготовке публикации германских архивных материалов, является ложным...

...Даже французское правительственное агентство Франс Пресс вынуждено признать, что порядок публикации материалов, преданных гласности тремя Правительствами без ведома Советского Союза, «не совсем соответствует нормальной дипломатической процедуре»[1].

Вряд ли есть повод приписывать авторство брошюры Сталину, что некоторые пытаются сделать, лишь на том основании, что она издана без указания авторства от имени Совинформбюро при Совете Министров СССР. Однако учитывая, что в очерке «Фальсификаторы истории» изложена каноническая советская оценка предвоенного периода, а также то, что председателем Совмина был в тот момент Сталин, можно считать, что в нем нашла отражение точка зрения самого Иосифа Виссарионовича. Если так, то он назвал госдеповскую публикацию фальсификацией.

Гитлер покончил самоубийством 29 апреля 1945 г. Перед этим он в присутствии Йозефа Геббельса, Мартина Бормана, Вильгельма Бургдорфа и Ганса Кребса составил политическое завещание, в котором подробно коснулся обстоятельств, приведших к войне:

«Это неверно, будто я или кто-то другой в Германии желал в 1939 г. войны. Ее желали и развязали исключительно интернациональные государственные деятели либо еврейского происхождения, либо работавшие на еврейские интересы. Я вносил множество предложений по сокращению и ограничению вооружения, которые грядущие поколения не смогут вечно отрицать, чтобы возложить ответственность за возникновение этой войны на меня. Далее, я никогда не хотел, чтобы после первой злосчастной мировой войны возникла Вторая мировая война против Англии или тем более против Америки. Пройдут века, но из руин наших городов и памятников искусства будет постоянно вырастать обновляющаяся ненависть к тому народу, который в конечном счете несет ответственность за все это, к тому народу, которому мы обязаны всем этим: к интернациональному еврейству и его пособникам»[2].

Итак, прозвучали обвинения в адрес международного еврейства и Англии. Ни единого слова о коварстве Сталина и Молотова, ни малейшего упоминания о «секретных протоколах». А ведь

---

[1] http://oldgazette.ru/lib/sovinformburo/index.html

[2] http://militera.lib.ru/docs/ww2/leaders/speeches/hitler_1945-04-29.html

на завершающем этапе войны Гитлер единственный шанс в спасении Германии видел в возможности политического раскола в стане союзных держав. Сам бог велел ему сыграть на польско-советских противоречиях, придав огласке «секретный протокол». Самому Гитлеру это уже ничем помешать не могло, его репутацию испортить просто невозможно. А Советскому Союзу пришлось бы объясняться с союзниками. Легко можно предположить, какую истерику обнародование «секретного протокола» вызывало бы у лондонских поляков и как это ударило бы по престижу Великобритании (она, как помним, была гарантом польской независимости). Но ни Гитлер, ни признанный мастер пропагандистской войны Геббельс до этого не додумались. Отчего же так?

Остается последний участник «сговора века» — Вячеслав Михайлович Молотов, чей автограф, якобы стоит на всех «секретных протоколах». Молотов не оставил мемуаров, однако в течение последних 17 лет его жизни беседы с ним записывал литератор Феликс Чуев. В 1991 г. он выпустил книгу «Сто сорок бесед с Молотовым», в которой зафиксированы датированные высказывания бывшего сталинского наркома. Привожу подборку цитат из книги по рассматриваемой теме.

Вопрос о Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и Бессарабии мы решили с Риббентропом в 1939 году. Немцы неохотно шли на то, что мы присоединим к себе Латвию, Литву, Эстонию и Бессарабию. Когда через год, в ноябре 1940 года, я был в Берлине, Гитлер спросил меня: «Ну, хорошо, украинцев, белорусов вы объединяете вместе, ну, ладно, молдаван, это еще можно объяснить, но как вы объясните всему миру Прибалтику?»

Я ему сказал: «Объясним».

Коммунисты и народы Прибалтийских государств высказались за присоединение к Советскому Союзу. Их буржуазные лидеры приехали в Москву для переговоров, но подписать присоединение к СССР отказывались. Что нам было делать? Я вам должен сказать по секрету, что я выполнял очень твердый курс. Министр иностранных дел Латвии приехал к нам в 1939 году, я ему сказал: «Обратно вы уж не вернетесь, пока не подпишете присоединение к нам».

Из Эстонии к нам приехал военный министр, я уж забыл его фамилию, популярный был, мы ему то же сказали. На эту крайность мы должны были пойти. И выполнили, по-моему, неплохо.

Я в очень грубой форме вам это представил. Так было, но все это делалось более деликатно.

— Но ведь первый приехавший мог предупредить других, — говорю я.

— А им деваться было некуда. Надо же как-то обезопасить себя. Когда мы предъявили требования... Надо принимать меры вовремя, иначе будет поздно. Они жались туда-сюда, буржуазные правительства, конечно, не могли войти в социалистическое государство с большой охотой. А с другой стороны, международная обстановка была такова, что они должны были решать. Находились между двумя большими государствами — фашистской Германией и советской Россией. Обстановка сложная. Поэтому они колебались, но решились. А нам нужна была Прибалтика...

С Польшей мы так не смогли поступить. Поляки непримиримо себя вели. Мы вели переговоры с англичанами и французами до разговора с немцами: если они не будут мешать нашим войскам в Чехословакии и Польше, тогда, конечно, у нас дела пойдут лучше. Они отказались, поэтому нам нужно было принимать меры хоть частичные, мы должны были отдалить германские войска.

Если бы мы не вышли навстречу немцам в 1939 году, они заняли бы всю Польшу до границы. Поэтому мы с ними договорились. Они должны были согласиться. Это их инициатива — Пакт о ненападении. Мы не могли защищать Польшу, поскольку она не хотела с нами иметь дело. Ну и поскольку Польша не хочет, а война на носу, давайте нам хоть ту часть Польши, которая, мы считаем, безусловно, принадлежит Советскому Союзу.

И Ленинград надо было защищать. Финнам мы так не ставили вопрос, как прибалтам. Мы только говорили о том, чтобы они нам часть территории возле Ленинграда отдали. От Выборга. Они очень упорно себя вели.

Мне много приходилось беседовать с послом Паасикиви — потом он стал президентом. По-русски говорил кое-как, но понять можно. У него дома была хорошая библиотека, он читал Ленина. Понимал, что без договоренности с Россией у них ничего не получится. Я чувствовал, что он хочет пойти нам навстречу, но противников было много.

24.07.1978

— Финляндию пощадили как! Умно поступили, что не присоединили к себе. Имели бы рану постоянную. Не из самой Финляндии — эта рана давала бы повод что-то иметь против Советской власти...

Там ведь люди очень упорны, очень упорны. Там меньшинство было бы очень опасно.

А теперь понемногу, понемногу можно укрепить отношения. Демократической ее сделать не удалось, так же как и Австрию.

Хрущев отдал финнам Порккала-Удд. Мы едва ли отдали бы.

С китайцами из-за Порт-Артура портить отношения не стоило, конечно. И китайцы держались в рамках, не ставили своих пограничных территориальных вопросов. А вот Хрущев толкнул...

28.11.1974

— А Бессарабию мы никогда не признавали за Румынией. Помните, она была у нас заштрихована на карте? Так вот, когда она нам понадобилась, вызываю я этого Гэфенку, даю срок, чтоб они вывели свои войска, а мы введем свои.

— Вы вызвали Гэфенку, румынского посла?

— Да, да.

«Давайте договариваться. Мы Бессарабию никогда не признавали за вами, ну а теперь лучше договариваться, решать такие вопросы». Он сразу: «Я должен запросить правительство». Конечно, раскис весь. «Запросите и приходите с ответом». Пришел потом.

— А с немцами вы обговаривали, что они не будут вам мешать с Бессарабией?

— Когда Риббентроп приезжал, мы тогда договорились. Попутно мы говорили непосредственно с Румынией, там контактировали.

— Гитлер им сказал: «Отдайте, я скоро верну!»

— Они под его руководством все время... В 1939 году, когда приезжал Риббентроп, я тогда не очень хорошо знал географию, — говорит Молотов вроде серьезно, кто его не знает, может, так бы и понял, — границы между государствами: Россией, Германией и Австро-Венгрией. Предъявляю требование: границу провести так, чтобы Черновицы к нам отошли. Немцы мне говорят: «Так никогда же Черновиц у вас не было, они всегда были в Австрии, как же вы можете требовать?» — «Украинцы требуют! Там украинцы живут, они нам дали указание!» — «Это ж никогда не было в России, это всегда была часть Австрии, а потом Румынии!» — посол Шуленбург говорит. «Да, но украинцев надо же воссоединить!» — «Там украинцев-то... Вообще не будем решать этот вопрос!» — «Надо решать. А украинцы теперь — и Закарпатская Украина, и на востоке тоже украинская часть, вся принадлежащая Украине, а тут что же, останется кусок? Так нельзя. Как же так?»

Как это называется... Буковина.

Вертелся, вертелся, потом: «Я доложу правительству». Доложил, и тот (Гитлер) согласился.

Никогда не принадлежавшие России Черновицы к нам перешли и теперь остаются. А в тот момент немцы были настроены так, что им не надо было с нами портить отношения, окончательно разрывать. По поводу Черновиц все прыгали и только удивлялись.

Окончательное разграничение было после войны. Некоторые удивлялись: при чем тут Черновицы и Россия? Никогда такого не было!

...В дураках мы не были. И никто, по крайней мере, из наших противников и сторонников нас не считал за дураков. Не помню такого случая.

25.04.1975, 30.09.1981

— О вас много говорят западные радиостанции, ругают Сталина и вас.

— Было бы хуже, если б хвалили, — скупо замечает Молотов.

— Они говорят: «Немного есть в истории людей, именами которых названы межгосударственные границы». Имеют в виду линию «Риббентроп — Молотов». А почему бутылки с горючей смесью в войну называли «Молотов-коктейль»? Вы же не имели к ним никакого отношения...

— Придумали... Смесь. Смешал русских и немцев.

— Считают вас одним из главных поджигателей войны: мол, вы договором с Риббентропом развязали руки Гитлеру...

— Будут говорить.

01.08.1984

— Когда мы принимали Риббентропа, он, конечно, провозглашал тосты за Сталина, за меня — это вообще был мой лучший друг, — щурит глаза в улыбке Молотов. — Сталин неожиданно предложил: «Выпьем за нового антикоминтерновца Сталина!» — издевательски так сказал и незаметно подмигнул мне. Подшутил, чтобы вызвать реакцию Риббентропа. Тот бросился звонить в Берлин, докладывает Гитлеру в восторге. Гитлер ему отвечает: «Мой гениальный министр иностранных дел!» Гитлер никогда не понимал марксистов.

09.07.1971

— Мне приходилось поднимать тост за Гитлера как руководителя Германии.

— Это там, в Германии?

— Здесь, на обеде. Они поднимали тост за Сталина, я — за Гитлера. В узком кругу. Это же дипломатия. (Во время приема в честь Риббентропа стол вел Молотов. Когда он предоставил слово Сталину, тот произнес тост «за нашего наркома путей сообщения Лазаря Кагановича», который сидел тут же, за столом, через кресло от фашистского министра иностранных дел. «И Риббентропу пришлось выпить за меня!» — рассказывал мне Л. М. Каганович. — Ф.Ч.)

12.03.1982

— Ходят разговоры о том, что перед войной вы со Сталиным, чтобы задобрить Гитлера, решили отдать ему Прибалтику...

— Это не имеет ничего общего с действительностью. Мы прекрасно понимали, что Гитлера подобный шаг не только не остановит, но, наоборот, разожжет его аппетит. А нам самим пространство нужно.

— Писатели это говорят...

— Писатели могут быть обывательского толка. Абсолютная ерунда. Прибалтика нам самим была нужна.

17.07.1975

— На Западе упорно пишут о том, что в 1939 году вместе с договором было подписано секретное соглашение...

— Никакого.

— Не было?

— Не было. Нет, абсурдно.

— Сейчас уже, наверно, можно об этом говорить.

— Конечно, тут нет никаких секретов. По-моему, нарочно распускают слухи, чтобы как-нибудь, так сказать, подмочить. Нет, нет, по-моему, тут все-таки очень чисто и ничего похожего на такое соглашение не могло быть. Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимался этим делом, могу твердо сказать, что это, безусловно, выдумка.

29.04.1983

...Спрашиваю у Молотова не в первый раз:

— Что за секретный протокол был подписан во время переговоров с Риббентропом в 1939 году?

— Не помню.

— Черчилль пишет, что Гитлер не хотел уступать вам Южную Буковину, что это сильно затрагивало германские интересы, и она не упоминается в секретном протоколе.

— Ну, ну.

— И призывал вас присоединиться к тройственному союзу.

— Да. Негодяй. Это просто, так сказать, для того, чтобы замазать дело. Игра, игра, довольно такая примитивная.

— А вы сказали, что не знаете мнения Сталина на этот счет. Вы, конечно, знали?

— Конечно. С Гитлером нельзя было держать душу нараспашку.

09.03.1986

— Гитлер — крайний националист, — говорит Молотов, — ослепленный и тупой антикоммунист.

— Сталин с ним не встречался?

— Нет, я один имел такое удовольствие. Сейчас тоже есть подобные ему. Поэтому нам надо вести политику очень осторожно и твердо.

09.05.1985

— Гитлер... Внешне ничего такого особенного не было, что бросалось бы в глаза. Но очень самодовольный, можно сказать, самовлюбленный человек. Конечно, не такой, каким его изображают в книгах и кинофильмах. Там бьют на внешнюю сторону, показывают его сумасшедшим, маньяком, а это не так. Он был очень умен, но ограничен и туп в силу самовлюбленности и нелепости своей изначальной идеи. Однако со мной он не психовал. Во время первой беседы он почти все время говорил один, а я его подталкивал, чтоб он еще что-нибудь добавил. Наиболее правдиво наши встречи с ним описаны у Бережкова, в художественной литературе на эту тему много надуманной психологии.

Гитлер говорит: «Что же получается, какая-то Англия, какие-то острова несчастные владеют половиной мира и хотят весь мир захватить — это же недопустимо! Это несправедливо!»

Я отвечаю, что, конечно, недопустимо, несправедливо, и я ему очень сочувствую.

«Это нельзя считать нормальным», — говорю ему. Он приободрился.

Гитлер: «Вот вам надо иметь выход к теплым морям. Иран, Индия — вот ваша перспектива». Я ему: «А что, это интересная

мысль, как вы это себе представляете?» Втягиваю его в разговор, чтобы дать ему возможность выговориться. Для меня это несерьезный разговор, а он с пафосом доказывает, как нужно ликвидировать Англию и толкает нас в Индию через Иран. Невысокое понимание советской политики, недалекий человек, но хотел втащить нас в авантюру, а уж когда мы завязнем там, на юге, ему легче станет, там мы от него будем зависеть, когда Англия будет воевать с нами. Надо было быть слишком наивным, чтобы не понимать этого.

А во второй нашей с ним беседе я перешел к своим делам. Вот вы, мол, нам хорошие страны предлагаете, но, когда в 1939 году к нам приезжал Риббентроп, мы достигли договоренности, что наши границы должны быть спокойными, и ни в Финляндии, ни в Румынии никаких чужих воинских подразделений не должно быть, а вы держите там войска! Он: «Это мелочи».

Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими государствами, если они хотят договориться, существует разделение: это ваша сфера влияния, а это наша. Вот с Риббентропом мы и договорились, что границу с Польшей проводим так, а в Финляндии и Румынии никаких иностранных войск. «Зачем вы их держите?» — «Мелочи». — «Как же мы с вами можем говорить о крупных вопросах, когда по второстепенным не можем договориться действовать согласованно?» Он — свое, я — свое. Начал нервничать. Я — настойчиво, в общем, я его допек.

06.12.1969, 09.07.1971

А Гитлер удивляется, почему я настаиваю, такая мелочь второстепенная, можно уладить...

Я ему: «Давайте уладим!»

Он в ответ что-то неопределенное.

22.06.1971

Гитлер — среднего роста, такого же, примерно, как я. Гитлер, конечно, говорил, остальные позволяли себе некоторые дополнения, объяснения, вопросы...

Он меня хотел сагитировать. И чуть не сагитировал, — иронически щурится Молотов. — Все меня агитировал, агитировал, как нам надо вместе, Германии и Советскому Союзу, против Англии объединиться. «Англия уже почти разбита». — «Как же разбита — не совсем пока разбита!» — «Мы с ней скоро закончим, а вы куда-нибудь на юг, к теплым морям, берите Индию».

Я слушаю его с большим интересом. А он меня всячески агитирует. Сильный? Какой он сильный! Потому что однобокий очень, националист крайний, шовинист, который ослеплен своими идеями. Хотел возвеличить Германию и все придавить под ее пятой.

От критики большевиков воздерживался. Дипломатически, конечно, как же иначе можно вести переговоры? Если хочешь о чем-нибудь договориться и будешь в лицо плевать... Приходилось разговаривать по-человечески. Приходилось говорить.

После бесед с Гитлером я посылал телеграммы Сталину, каждый день довольно большие телеграммы — что я говорю, что Гитлер говорит. А когда встретились со Сталиным, побеседовали, он говорит: «Как он терпел тебя, когда ты ему все это говорил!»

Ну, пришлось терпеть. Он спокойным голосом говорил, не ругался. Хотя доказывал. «Хотите с нами заключительное соглашение?»

Когда приезжал Риббентроп в 1939 году, мы договорились, а в сентябре-октябре уже свое взяли. А иначе нельзя. Время не теряли. И договорились, что в пограничных с нами государствах, в первую очередь в Финляндии, которая находится на расстоянии пятидесяти километров от Ленинграда, не будет немецких войск. И в Румынии — пограничное с нами государство — там не будет никаких войск, кроме румынских. «А вы держите и там, и там большие войска». Политические вопросы. Мы много говорили.

Он мне: «Великобритания — вот об этом надо разговаривать». Я ему: «И об этом поговорим. Что вы хотите? Что вы предлагаете?» — «Давайте мы мир разделим. Вам надо на юг, к теплым морям пробиться».

Он мне снова: «Вот есть хорошие страны...» А я: «А вот есть договоренность через Риббентропа в 1939 году, что вы не будете в Финляндии держать войска, а вы там держите войска, когда это кончится? Вы и в Румынии не должны держать войска, там должны быть только румынские, а вы там держите свои войска, на нашей границе. Как это так? Это противоречит нашему соглашению». — «Это мелочь. Давайте о большом вопросе договариваться».

Мы с ним так и не договорились, потому что я ему свое говорю: «Это не ответ. Я вам поставил вопрос, а вы не даете никакого ясного ответа, а я прошу дать ясный ответ». На этом мы

должны были их испытать, хотят ли они, действительно, с нами улучшить отношения, или это сразу наткнется на пустоту, на пустые разговоры. Выяснилось, что они ничего не хотят нам уступать. Толкать толкали, но все-таки они имели дело не просто с чудаками — это он (Гитлер) тоже понимал. Мы, со своей стороны, должны были прощупать его более глубоко, насколько с ним можно серьезно разговаривать. Договорились выполнять — не выполняют. Видим, что не хотят выполнять. Мы должны были сделать выводы, и они, конечно, сделали вывод.

16.11.1973

— Был ли смысл для немцев встречаться с вами в 1940 году?

— Они нас хотели втянуть и одурачить насчет того, чтобы мы выступили вместе с Германией против Англии. Гитлеру желательно было узнать, можно ли нас втянуть в авантюру. Они остаются гитлеровцами, фашистами, а мы им помогаем. Вот удастся ли нас в это втянуть?

Я ему: «А как вы насчет того, что нас непосредственно касается, вы согласны выполнить то, что вы обязаны выполнить?»

И выяснилось, конечно, что он хотел втянуть нас в авантюру, но, с другой стороны, и я не сумел у него добиться уступок по части Финляндии и Румынии.

08.03.1974

— Сталин был крупнейший тактик. Гитлер ведь подписал с нами договор о ненападении без согласования с Японией! Сталин вынудил его это сделать. Япония после этого сильно обиделась на Германию, и из их союза ничего толком не получилось. Большое значение имели переговоры с японским министром иностранных дел Мацуокой. В завершение его визита Сталин сделал один жест, на который весь мир обратил внимание: сам приехал на вокзал проводить японского министра. Этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не встречал и не провожал. Японцы, да и немцы, были потрясены. Поезд задержали на час. Мы со Сталиным крепко напоили Мацуоку и чуть ли не внесли его в вагон. Эти проводы стоили того, что Япония не стала с нами воевать. Мацуока у себя потом поплатился за этот визит к нам...

29.04.1982[1]

---

[1] http://lib.rus.ec/b/92433/read#t167

Какова достоверность чуевской публикации? Внук Молотова, экс-депутат Государственной думы РФ Вячеслав Алексеевич Никонов в интервью журналу «Вестник online» (№16(327), 2003 г.) так выразил отношение к ней: «*Чуев действительно приезжал к деду и, гуляя, беседовал с ним. Но при этом держал — в тайне от собеседника! — в кармане диктофон. Не очень этично, согласны? Одно дело — вы беседуете приватно, за обедом или на прогулке, другое — даете официальное интервью. Даже незавизированное интервью лучше, чем такая, исподтишка записанная «беседа». Дед текста, естественно, не видел, не правил, даже не подозревал о его существовании. Поэтому в этой книге дед предстает недалеким человеком. Чуевская манера подачи материала опускает человека. Этого я Чуеву не простил. С другой стороны, в своих беседах с дедом Чуев зафиксировал некоторые моменты, которые не удержала моя память...*»[1].

Должен согласиться с Никоновым. Об авторе складывается впечатление, как о недалеком человеке, склонном к самолюбованию и позерству. Никакой исследовательской глубины в беседах не чувствуется, это лишь бытовые разговоры на примитивном обывательском уровне. Но, как пишет Чуев, Молотов «*умел общаться с людьми разного уровня развития и образованности*». Выходит, что недалеким человеком Молотов предстает потому, что подстраивался под уровень развития своего собеседника.

Действительно, материал для печати и приватная беседа не могут быть равноценны. В разговорной речи, как считают психологи, 80% информации передается невербальными средствами. Интонация меняет смысл сказанного на противоположный. Как мы можем сегодня интерпретировать приведенный ниже фрагмент беседы?

...Спрашиваю у Молотова не в первый раз:

— Что за секретный протокол был подписан во время переговоров с Риббентропом в 1939 году?

— Не помню.

— Черчилль пишет, что Гитлер не хотел уступать вам Южную Буковину, что это сильно затрагивало германские интересы, и она не упоминается в секретном протоколе.

— Ну, ну.

— И призывал вас присоединиться к тройственному союзу.

— Да. Негодяй. Это просто, так сказать, для того, чтобы замазать дело. Игра, игра, довольно такая примитивная.

---

[1] http://www.vestnik.com/issues/2003/0806/win/nuzov.htm

Молотовские слова «не помню» могли означать, что он действительно не помнил о протоколе, так как на 97-м году жизни страдал склерозом, или то, что он не желает говорить на эту тему. Вероятно, сказано это было с возмущением, и сопровождалось жестом, который собеседник должен был понимать, как решительное отрицание факта подписания протокола. Междометие «ну, ну» в ответ на вопрос о Южной Буковине можно с одинаковыми основаниями считать и согласием и отрицанием. И кого же, спрашивается, Молотов назвал негодяем — Гитлера, пытающегося вовлечь СССР в орбиту своей политики или Черчилля, который пишет брехню про секретный протокол? Литератор из Чуева более чем посредственный, а историограф вообще никакой.

Возникает вопрос и о достоверности воспроизведения слов Вячеслава Михайловича. Никонов считает, что Чуев пользовался диктофоном. Если аудиозаписи уцелели, они представляют большую историческую ценность. Но, вообще говоря, вариант с аудиозаписью сомнителен. В 1969 г., когда Чуев стал регулярно общаться с Молотовым, портативными диктофонами обладали разве что сотрудники спецслужб, а журналисты вплоть до начала 1990-х годов использовали в работе здоровущие магнитофоны, сначала бобинные, потом кассетные, которые носили в угловатом кожаном кофре, перекидывая ремень через плечо. Сам Чуев утверждает, что точно передает содержание четырехчасовых бесед благодаря своей феноменальной памяти, о чем он многословно хвастает во вступлении к книге. Вполне возможно, что публикация подверглась идеологической цензуре, ведь, по словам автора, из 5 тысяч страниц записей бесед для публикации было отобрано лишь 700. Наконец, нет гарантии, что диалоги не сфабрикованы самим Чуевым. Не все, разумеется, а лишь наиболее значимые в пропагандистском смысле. Ведь книга вышла в 1991 г., в самый разгар сепаратистского шабаша, и антисоветчикам были ценны даже косвенные признания в том, что по отношению прибалтийских республик в 1939—1940 гг. было осуществлено насилие.

Тем не менее, даже эти тенденциозно представленные молотовские откровения представляют для нас определенный интерес. Факт наличия договоренностей с Риббентропом относительно сопредельных с СССР стран Восточной Европы Вячеслав Михайлович не скрывает, говоря об этом довольно откровенно: мол, Прибалтика нам самим нужна, с Финляндией мы мудро поступили, Бессарабию за Румынией не признавали. Но при этом в беседе от 29 апреля 1983 г. факт подписания «секретных протоколов»

решительно отрицает, называя это абсурдом. Какой смысл признавать устную договоренность с немецким министром, но отрицать факт подписания соглашения на бумаге?

Далее, приводя подробности берлинских переговоров с Гитлером, Молотов неоднократно требует вывести войска из Финляндии и Румынии, ссылаясь на обещания Риббентропа:

«Когда приезжал Риббентроп в 1939 году, мы договорились, а в сентябре-октябре уже свое взяли. А иначе нельзя. Время не теряли. И договорились, что в пограничных с нами государствах, в первую очередь в Финляндии, которая находится на расстоянии пятидесяти километров от Ленинграда, не будет немецких войск. И в Румынии — пограничное с нами государство — там не будет никаких войск, кроме румынских. «А вы держите и там, и там большие войска»...

...Он мне: «Великобритания — вот об этом надо разговаривать». Я ему: «И об этом поговорим. Что вы хотите? Что вы предлагаете?» — «Давайте мы мир разделим. Вам надо на юг, к теплым морям пробиться».

Он мне снова: «Вот есть хорошие страны...» А я: «А вот есть договоренность через Риббентропа в 1939 году, что вы не будете в Финляндии держать войска, а вы там держите войска, когда это кончится? Вы и в Румынии не должны держать войска, там должны быть только румынские, а вы там держите свои войска, на нашей границе. Как это так? Это противоречит нашему соглашению».

Допустим на минуту, что в августе 1939-го был-таки подписан пресловутый «секретный протокол». В этом случае Молотов должен был предъявить его Гитлеру и потребовать строгого соблюдения Германией взятых на себя обязательств, поскольку Риббентроп подписал его от имени немецкого правительства. Но в том-то и дело, что в известном нам протоколе нет никаких условий относительно возможности пребывания иностранных войск в Румынии и Финляндии. Либо это соглашение было устным, что вероятнее всего, либо Молотов ссылается на соглашение, нам совершенно неизвестное. В любом случае получается, что американская фотокопия «секретного протокола» — фальшивка.

Молотов беседовал о протоколах не только с Чуевым. Вот какое свидетельство о встрече с Вячеславом Михайловичем 15 октября 1983 г. оставил профессор Георгий Александрович Куманев в своей книге «Говорят сталинские наркомы»:

«Я сразу задаю вопрос о секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года. Был ли в действительности такой дополнительный протокол?

— Трудный вопрос затронули, — замечает Молотов. — Ну, в общем, мы с Риббентропом в устном плане обо всем тогда договорились».

Кто-то скажет: какая разница, устно Молотов с Риббентропом поделили Европу или зафиксировали условия сделки на бумаге? Но дело-то в том, что об устных соглашениях, которые заключили представители двух крупнейших держав Европы, нам ничего не известно. Абсолютно НИ-ЧЕ-ГО. Поэтому нет никаких оснований считать их гипотетические договоренности аморальными, а тем более преступными. И речь я веду совсем не об этом, а о том, как через полвека после подписания советско-германского пакта о ненападении банда предателей руками толпы дебилов уничтожила Советский Союз, используя в качестве мощной дубинки ложь о «секретных протоколах», которых не существовало. Да, сегодня вопрос о возрождении империи не стоит (пока не стоит?) в повестке дня, но толпа дебилов за 20 лет «свободы» не поумнела. И потому предатели продолжают добивать страну, используя те же методы и приемы. Может быть, пришла пора задуматься, под чью дудку вы пляшете, миллионы бывших совграждан?

НЮРНБЕРГ

Каноническая версия мифа о «секретных протоколах» гласит, что впервые широкая общественность узнала о «дьявольской сделке» Молотова — Риббентропа на Нюрнбергском процессе в 1946 г. Пропагандисты ссылаются не на кого-нибудь, а на участника этой сделки:

«Годы спустя на Нюрнбергском процессе в своем последнем слове Риббентроп заявил: «Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана — Келлога, а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либава, то я могу сразу же вылетать назад. Ведение войны, видимо, не считалось там в 1939 году преступлением против мира...». Кстати, этот абзац не вошел в семитомное русское издание материалов Нюрнбергского процесса»[1].

Вообще-то, о каких-либо «секретных протоколах» здесь нет ни слова. Что значат слова «Сталин дал понять»? На конфиденциальных переговорах обычно не говорят туманными намеками, а четко выражают свою позицию. В беседах с высоким гостем, советский вождь, прощупывая позиции Германии, действительно мог «дать понять», что русские желают вернуть свои военно-морские базы, прежде всего незамерзающую Либаву, которую еще при царе планировалось сделать главной базой Балтийского флота. Это, кстати, вовсе не предполагает оккупации Прибалтики. США владеют военной базой Гуантанамо на Кубе, но ведь Куба от этого не становится оккупированной страной. Вопрос относительно военно-морских баз на Балтике был жизненно важен для СССР. От царской империи нам достался Балтийский флот, который был почти бесполезен — он не мог предотвратить даже прорыв кораблей противника в Финский залив для захвата Ленингра-

---

[1] *Семиряга М.* Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941, // http://militera.lib.ru/research/semiryaga1/title.html

да. Не имея морских баз и береговых батарей, невозможно было закрыть вход в Финский залив посредством минных полей, как это сделал русский флот в 1914 г. Кстати, и война с Финляндией была спровоцирована отказом финнов предоставить в аренду мыс Ханко для нужд Балтийского флота. Проблемы обороны Советского Союза требовали обсуждения с Риббентропом вопроса о Прибалтике, и потому было бы очень удивительно, если б Сталин не коснулся этой темы в беседе.

Семиряга, кстати, приводя высказывание Риббентропа, обращается не к первоисточнику, а ссылается на журнал «Международная жизнь» (№ 9, 1989 г.). Делает он это умышленно, и скоро будет ясно, зачем. Владимир Карпов в двухтомнике «Генералиссимус» словесно испражняется, вообще не утруждая себя указанием источников. Он лишь неопределенно ссылается на «*исследования комиссии I Съезда народных депутатов СССР и то, что я разыскал сам* (где разыскал? — *А.К.*) *как дополнение к этим исследованиям*»:

«При допросе в суде статс-секретаря германского МИД Вайцзеккера защитник Гесса стал задавать ему вопросы о секретном протоколе. Вайцзеккер подтвердил существование такого документа и подробно пересказал его содержание.

Председатель суда спросил:

— Свидетель, вы видели подлинник этого секретного соглашения?

Вайцзеккер ответил:

— Да, я видел фотокопию этого соглашения, может быть, я видел даже подлинник, но, во всяком случае, фотокопию я держал в руках. Один экземпляр фотокопии был заперт у меня в сейфе[1].

Если судья спрашивает про подлинник, то отвечать надо так: «Нет, подлинника протокола я не видел». А байки про фотокопию, запертую в сейфе, следовало оставить для посиделок в пивной. Что это за «секретный протокол», который чиновники министерства хранят у себя в сейфе в виде фотокопий?! Вообще-то, в случае необходимости изготавливались машинописные заверенные копии, а после завершения работы с ними, они уничтожались. Если же необходимости нет, то секретные документы никогда не копировались, тем более фотографическим способом, и никому на руки для хранения в сейфе не выдавались. Более подробно этот эпизод мы рассмотрим в главе «Вайцзеккер».

[1] http://www.libereya.ru/biblus/karpov/gener2.htm.

Помимо Вайцзеккера, о существовании «секретных протоколов» якобы заявил Фридрих Гаусс, бывший заведующий юридическим отделом МИД Германии, сопровождавший Риббентропа во время московской встречи в августе 1939 г. На самом деле это спекуляция. Защитник Гесса Альфред Зайдль представил 25 марта 1946 г. аффидевит (письменные показания под присягой) участника германской делегации на московских переговорах, приближенного к министру чиновника Гаусса, которые содержали описание хода встречи и пересказ содержимого «секретных протоколов» от 23 августа и 28 сентября 1939 г.

Зайдль в дальнейшем попытался даже огласить текст «секретного протокола» по имеющейся в его распоряжении фотокопии, но судья Лоуренс прервал его, попросив указать источник получения документа. Тот не смог сказать по этому поводу ничего вразумительного, поэтому «*...Трибунал запретил оглашать этот документ, как не вызывающий доверия. Но Зайдль не успокаивался и потребовал вызова на процесс в качестве свидетеля бывшего советника германского посла в Москве Хильгера, тоже участвовавшего в советско-германских переговорах, и заместителя Риббентропа Вайцзеккера. Бывший заместитель Риббентропа подтвердил показания Гаусса о секретном протоколе. Тогда Зайдель потребовал в своем выступлении вызвать в качестве свидетеля министра иностранных дел СССР Молотова...и обвинил Советский Союз в совместной с Германией агрессии против Польши. И в связи с этим поставил вопрос о правомерности участия СССР в процессе*»[1].

Из этого эпизода видно, что демарш с «секретными протоколами» был лишь эпатажной выходкой молодого немецкого адвоката. Он прекрасно понимал, что его попытка исключить представителей СССР из участия в процессе в нарушение устава Трибунала бессмысленна. Не назвав источник получения фотокопии протокола, он сознавал, что такой документ не может быть приобщен к материалам дела. И даже несмотря на это, Вайцзеккер был допрошен судом (см. главу «Вайцзеккер»), но фактически не подтвердил того, что видел оригинал «секретного протокола», хотя некоторые публицисты пытаются интерпретировать его несуразный лепет о некой фотокопии, как свидетельство в пользу того, что он видел именно оригинал.

---

[1] *Люлечник В.* Неизвестный Нюрнберг, // Русский глобус 2006, №10, http://www.russian-globe.com/N56/Lulechnik.NeizvestnujNjurnberg.htm

Странно, что второй человек в германском МИДе не видел оригинал «секретного протокола», а третьестепенные клерки вроде Гаусса и Хильгера якобы видели. Впрочем, то, что Хильгер был готов свидетельствовать в пользу существования «секретного протокола», не добавляет этому мифу убедительности. Скорее, наоборот, выдает изготовителей фальшивки. После войны Густав Хильгер состоял на службе в Государственном департаменте США в качестве «эксперта по русским делам», а сотрудничать с американской разведкой начал еще до войны, будучи завербованным известным дипломатом и разведчиком Чарльзом Боленом[1].

Хильгер и Гаусс так и не были допрошены Трибуналом, хотя аффидевит последнего приобщен к делу. Никаких письменных показаний Хильгера в материалах Трибунала я не обнаружил. Кстати, во время процесса он, как считается, находился в Соединенных Штатах. И уж совсем удивительно, что Хильгер не был использован Госдепом после войны для того, чтобы официально засвидетельствовать факт подписания в Москве секретных протоколов — ведь Хильгер был переводчиком Риббентропа и в отличие от Гаусса непосредственно присутствовал на переговорах. Хильгер умер лишь в 1965 г., но в своих мемуарах он отразил ход секретных московских переговоров еще более немногословно, нежели первоглашатай Гаусс и его шеф Риббентроп (подробный анализ см. в главе «Гаусс).

Зайдль, однако, не прекратил свои выходки. То, что он сделал далее, вообще выходит за рамки здравого смысла. Он отправился в начале апреля в советское представительство и потребовал официально заверить аутентичность фотокопии, полученной от неизвестного лица, сославшись на то, что ее достоверность уже подтверждена представителями западных союзников. Это было, разумеется, ложью, хотя в распоряжении англичан и американцев находились захваченные в горах Гарца и Баварии архивы Германии. Зайдь, что называется, брал на понт. Принявший адвоката заместитель советского обвинителя Руденко генерал-майор Николай Дмитриевич Зоря заявил, что разговор об этом не имеет смысла. Тогда Зайдль отправился заверить фотокопию к... Фридриху Гауссу, который, будто бы сделал это (Гаусс в это время находился в США), однако его показания отчего-то «затерялись».

21 мая в суд был вызван Вайцзеккер, которому Зайдль попытался предъявить фотокопию «секретного протокола», дабы, как

[1] http://tbrnews.org/Archives/a101.htm.

он выразился, освежить память свидетеля. Однако председательствующий в суде лорд Лоуренс не позволил ему это сделать, поскольку данный документ был отвергнут судом, как сомнительный. Советский обвинитель Руденко заявил протест, сказав, что задача Трибунала состоит в том, чтобы разобраться с конкретными преступлениями обвиняемых лиц, а не дискутировать о внешней политике союзных государств. Томас Додд, помощник американского обвинителя, поддержал протест советской стороны.

На этом нюрнбергская эпопея «секретных протоколов» закончилась. Через пару дней произошло два заслуживающих нашего внимания события: в американской провинциальной газете «St. Louis Post-Dispatch» («Сент Луис пост диспетч») были опубликованы тексты скандального «секретного протокола» (публикация не имела никакого резонанса) и при невыясненных обстоятельствах погиб Николай Зоря, который по официальной версии случайно застрелился при чистке пистолета. Ну конечно, как же советский генерал пойдет на заседание Трибунала с нечищеным пистолетом — вдруг придется воспользоваться прямо в зале суда? Пропагандисты геббельсовско-яковлевского замеса вовсю вопят, что Зорю якобы убрало НКВД в отместку за то, что он допустил утечку компромата о сделке Молотова с Риббентропом, или, что он застрелился сам, опасаясь мести со стороны жуткого сталинского режима. Версия эта совершенно глупа. Если бы органам надо было покарать Зорю за некую провинность (тогда уж в первую очередь Руденко, а не его заместителя), то того просто отозвали бы в Москву, допустим для доклада о ходе процесса, отстранили от должности, а потом убрали тихо и без шума, не провоцируя громкий скандал.

Скорее всего, смерть Зори вызвана тем, что он должен был поддерживать обвинение со стороны СССР в массовом убийстве немцами польских военнопленных под Катынью. Обвинителем была советская сторона, поскольку преступление было совершено на территории Советского Союза и жертвы преступления в тот момент находились под советской юрисдикцией. Лондонские поляки, враждебно настроенные против СССР, через англичан попытались подсунуть сфабрикованный ими «Отчет о кровавом убийстве польских офицеров в Катынском лесу: факты и документы», якобы изобличающий в убийстве НКВД. Однако советская сторона при содействии польских официальных органов собрала неопровержимые доказательства того, что убийство было совершено немцами в 1941 г. В частности, польский прокурор специального уголовного суда в Кракове профессор Роман Мартини собрал

свидетельства живших тогда в Польше свидетелей — польских офицеров, не ставших дожидаться в июле 1941 г. прихода немцев и разбежавшихся из лагеря после ухода охраны. Так вот, этот самый Мартини, ответственный за поиск очевидцев, был застрелен у себя дома боевиками подпольной группировки, контролируемой Лондоном.

Следом в Нюрнберге был убит Зоря. Quid prodest? (Кому выгодно?) Именно такой вопрос советовали выяснять в данном случае древнеримские законники. Единственный реальный мотив в убийстве советского обвинителя был у лондонских поляков и англичан, которые финансировали их террористическую деятельность в Польше. Им совершенно невыгодно было, чтобы катынское дело официально расследовалось Трибуналом, поскольку от запущенной в оборот Геббельсом в 1943 г. версии об убийстве поляков большевистскими евреями не осталось бы камня на камне. Великобритания, поддерживающая лондонскую шляхту, попадала в этом случае в очень неудобное положение. Таким образом, единственная возможность избежать скандала заключалась в срыве процесса. Это и было достигнуто убийствами ключевых фигур обвинения от Польши и СССР. Как известно, Трибунал так и не рассматривал по существу катынский вопрос и не признал никого виновным в массовом убийстве польских пленных. Именно это было выгодно Западу в условиях разворачивающейся холодной войны.

Но давайте вернемся к Риббентропу и выясним, было ли в его интересах вообще заикаться о «преступном сговоре» со Сталиным. Обвинялся он в заговоре с целью развязывания агрессивной войны. А как можно было интерпретировать сговор, выраженный в «секретных протоколах»? Выходит, что Иоахим фон Риббентроп будто бы сам сознался в совершении преступления, но он свою вину отрицал полностью. Между тем, мотивы напустить туману в дело у Риббентропа были. Послевоенное обострение отношений между СССР и Западом давало обвиняемым надежду на использование этих противоречий, и они со своей стороны всеми силами провоцировали раскол в стане союзников. После Фултонской речи Черчилля и ответных обвинений Сталина в адрес бывшего союзника в фашизме возникла угроза раскола между СССР и Западом. Утопающий склонен хвататься и за соломинку, поэтому подсудимые воспряли духом, надеясь, что ссора между союзниками поставит крест на процессе, и они смогут уйти от наказания. Обвиняемые нацисты начали изо всех сил тянуть время и даже пытались обвинять союзников в совершении

многочисленных военных преступлений. Особенно в этом преуспел Геринг. Риббентроп со своей пространной демагогией следовал тем же руслом. Достигнуть желаемой цели они, конечно, не смогли, но откровенно провокационная тактика Зайдля прекрасно вписывалась в новую стратегию защиты.

В своей речи на суде 25 июля 1946 г. Зайдль заявил, что существование «секретных протоколов» доказано помимо прочего еще и допросом генерала Йодля, но это утверждение, что называется, за уши притянуто. Альфред Йодль ни слова не произнес о секретных договоренностях между Молотовым и Риббентропом, а лишь сказал о том, что во время польской компании отдал приказ немецким войскам отойти на позиции, предусмотренные советско-германским соглашением о демаркационной линии между вермахтом и Красной Армией. Не совсем понятно, почему именно Альфред Зайдль так активно пытался ворошить дело с «секретными протоколами», ведь к его подзащитным Рудольфу Гессу и Гансу Франку это не имело ни малейшего отношения.

Дэвид Ирвинг в книге «Нюрнберг. Последняя битва» пишет: *«Лишь годы спустя Зайдль пришел к заключению, что этот документ* (фотокопия «секретного протокола». — *А.К.*) *целенаправленно был «вложен» в его руки государственным департаментом США, и именно придание им его широкой огласке тогда в Нюрнберге явилось, по сути, первым крупнокалиберным выстрелом в холодной войне».*

Гипотеза не лишена убедительности. 5 марта в Фултоне посетивший США по приглашению Госдепа Черчилль объявляет холодную войну СССР. Через десять дней в Нюрнберге Зайдль делает «крупнокалиберный выстрел» снарядом, вложенным в его руки Госдепартаментом. Платный сотрудник этого ведомства с 1939 г. Ганс Хильгер готов свидетельствовать о том, что «секретный протокол» существует. Наконец, в 1948 г. тот же самый Государственный департамент США выпускает скандальный сборник документов. А кто передает ФРГ в 1958 г. микрофильмы, с которых отпечатаны фотокопии, врученные Зайдлю? Верно, американский Госдеп.

Надо полагать, и публикация 22 мая 1946 г. в «St. Louis Post-Dispatch» была инициирована Государственным департаментом. Вадим Роговин в книге «Мировая революция и мировая война» утверждает, что публикация была организована Зайдлем, который находился тогда в Германии, но никаких подтверждений или ссылок на источник информации не приводит. Впрочем, последнее было возможно, учитывая, что в Нюрнберге был аккредито-

ван корреспондент этой газеты Ричард Стоукс. Последний, опять же, не раскрыл тайны получения материалов для публикации.

Так или иначе, но утверждения некоторых пропагандистов о том, что на Нюрбергском процессе был установлен факт подписания Молотовым и Риббентропом «секретных протоколов», ничем не обоснованы. Международный Трибунал официально отверг все свидетельства в пользу существования «секретных протоколов», как сомнительные. Об этом более чем определенно свидетельствует следующее обращение четырех главных обвинителей к Трибуналу от 1 июня 1946 года:

«..заявление защитника подсудимого Гесса адвоката Зайдля от 22, 23 и 24 мая1946 года о приобщении к материалам процесса «копий» так называемых «секретных дополнительных протоколов» к договорам от 23. VIII.39 г. и 28.IX.39 г. являются повторением попыток вернуть суд к рассмотрению уже решенных вопросов.

В свое время Трибунал уже отклонил ходатайство адвоката о приобщении к делу этих заведомо «дефектных» документов, являющихся «копиями» неизвестно где находящихся фотокопий и удостоверенных по памяти» одним из участников в преступлениях подсудимого Риббентропа Гауссом.

Однако очередное заявление адвоката Зайдля по этому же вопросу подлежит отклонению не только ввиду дефектности представленных им документов.

Это ходатайство должно быть отклонено также и потому, что оно является одним из резких проявлений принятой защитником тактики, направленной на то, чтобы отвлечь внимание Трибунала от выяснения личной вины подсудимых и сделать объектом исследований действия государств, создавших Трибунал для суда над главными военными преступниками.

Все заявления Зейдля, как и сами документы, о приобщении которых ходатайствует Зейдль, не имеют никакого доказательственного значения ни для Франка, ни для дела Гесса.

Явно провокационный характер носит указание на источник происхождения этих документов — получение от «неизвестного американского военнослужащего», при малопонятных обстоятельствах вручающего Зайдлю «копии с фотокопий».

Излишне указывать, насколько противоречило бы статусу Трибунала и вредило объективному судебному исследованию подобное искажение судебной процедуры в случае хотя бы частичного успеха защиты.

В силу изложенного мы возражаем против удовлетворения ходатайства адвоката Зейдля от 22. 23 и 24 мая 1946 года и просим Трибунал их отклонить»[1].

Данное заявление выражало консолидированную позицию СССР, США, Великобритании и Франции. Трибунал счел оценку поведения Зайдля верной, возражение Комитета обвинителей уместным, удовлетворив его.

«Историки», убеждающие нас в существовании «секретных протоколов», в один голос утверждают, что в Нюрнберге обвинители США, Великобритании и СССР заранее составили список вопросов, обсуждение которых на процессе недопустимо. В число запретных тем для обсуждения по настоянию Советской стороны был внесен вопрос о советско-германском Договоре о ненападении и сопутствующих ему соглашениях. Это они объясняют желанием Москвы не допустить предания огласке содержания тайного сговора с Германией.

Вот что сообщает журнал «Международная жизнь»:

«В соответствии с указаниями комиссии Вышинский в конце ноября 1945 года выехал в Нюрнберг, где под его руководством был составлен первый перечень вопросов, который обсуждался в Нюрнберге на совещании советской делегации. Совещание постановило:

«1. Утвердить представленный т. Вышинским перечень вопросов, которые являются недопустимыми для обсуждения на суде (перечень прилагается).

2. Обязать т. Руденко договориться с другими обвинителями не касаться ряда вопросов, чтобы СССР, США, Англия, Франция и другие Объединенные Нации не стали предметом критики со стороны подсудимых».

На заседании было также решено:

«Обязать т. Руденко и т. Никитченко предварительно просматривать все поступающие от других делегаций для предъявления суду документы и требовать, чтобы эти документы утверждались на комитете обвинителей.

По каждому документу т. Руденко и т. Никитченко обязаны давать заключение о его приемлемости или неприемлемости е

---

[1] *Зоря Ю., Лебедева Н.* 1939 год в нюрнбергских досье // Международная жизнь , 1989 г., №9.

точки зрения интересов СССР, в случае надобности не допускать передачи и оглашения на суде нежелательных документов».

Приложением к этому подписанному Вышинским протоколу служил следующий документ: «Перечень вопросов.

1. Отношение СССР к Версальскому миру.

2. Советско-германский пакт о ненападении 1939 года и все вопросы, имеющие к нему какое-либо отношение.

3. Посещение Молотовым Берлина, посещение Риббентропом Москвы.

4. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.

5. Советские прибалтийские республики.

6. Советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией.

7. Внешняя политика Советском» Союза и, в частности «вопрос о проливах» о, якобы, территориальных притязаниях СССР.

8. Балканский вопрос.

9. Советско-польские отношения (вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии)»[1].

Вполне допускаю, что тема о нежелательности некоторых вопросов поднималась союзниками, но инициатива исходила от Великобритании, а СССР не проявил интереса к данному предложению. Цитирую тот же источник:

«8 марта 1946 года Джексон обратился к главным обвинителям от СССР и Франции с предложением представить перечни вопросов, как это сделала британская делегация в декабре 1945 года. В его письме, адресованном главным обвинителям от этих стран, говорилось:

«На совещании главных обвинителей 9 ноября 1945 года мы обсуждала возможность политических выпадов со стороны защиты по адресу представителей наших стран, особенно по вопросам политики Англии, России и Франции в связи с обвинением в ведении агрессивной войны.

На том же совещании было принято решение о том, что все мы будем противостоять этим выпадам, как не имеющим отношения к делу, и что так как США вступили в войну поздно и находи-

---

[1] *Зоря Ю., Лебедева Н.* 1939 год в нюрнбергских досье // Международная жизнь , 1989 г., №9.

лись далеко от непосредственной операции, то, очевидно, выпадов против США будет меньше, а, следовательно, в этом отношении положение представителей этой страны несколько удобнее для того, чтобы препятствовать политическим дискуссиям.

Кроме того, договорились о том, чтобы каждая делегация составила меморандум... От советской и французской делегаций до сих пор нет никакой информации...».

Далее Зоря и Лебедева цитируют ответное письмо Руденко:

«Ознакомившись с Вашим любезным письмом от 8 марта сего года, я рад сообщить о полном согласии с Вашими предложениями. Разделяя Ваше мнение, я также считаю, что Комитету обвинителей в соответствии со ст. 18 Устава Международного Военного Трибунала необходимо солидарно примять меры к решительному устранению всех попыток со стороны обвиняемых и их защитников использовать настоящий судебный процесс для рассмотрения вопросов, не имеющих прямого отношения к делу.

Хочу с признательностью отметить своевременность Вашего письма. В настоящей стадии рассмотрения дела некоторые обвиняемые и их защитники уже обнаруживают попытки поставить на обсуждение вопросы, не относящиеся к делу, и извратить значение отдельных актов правительств союзных стран при помощи лживой информации, опровержение которой было бы связано с потерей времени и, следовательно, с необоснованной затяжкой процесса.

Согласно высказанному в Вашем письме пожеланию, сообщаю примерный перечень вопросов, которые по указанным мотивам должны быть устранены от обсуждения:

1. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.

2. Внешняя политика Советского Союза:

а) советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопрос, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т. д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения.

3. Советские прибалтийские республики.

С искренним уважением Р. РУДЕНКО, генерал-лейтенант

Нюрнберг, 11 марта 1946 г».

Как видим, список нежелательных вопросов весьма сократился. При этом следует учитывать, что советская сторона желала не полностью исключить эти вопросы из обсуждения на суде, а лишь не хотела *вдаваться в дискуссии* по ним, как не имеющим отношения к делу. Причем проявила она это желание лишь тогда, когда столкнулась с явными попытками со стороны подсудимых и их защитников затянуть процесс. Западные союзники со своей стороны представили свои списки нежелательных тем, в частности, по вопросам, связанным с Мюнхенскими соглашениями. При этом сами обвиняемые свободно затрагивали этот вопрос, и их высказывания были малоприятны для Великобритании и Франции. Однако ни американская, ни советская сторона не использовали эту возможность, чтобы представить своих союзников в невыгодном свете.

Что же касается советско-германского Договора о ненападении, то Руденко вовсе не собирался предать его забвению. Нацистские руководители обвинялись как раз в вероломном нарушении международных договоров, в том числе нарушении Договора о ненападении между Германией и СССР. Сам договор был официально представлен обвинением от Советского Союза в качестве доказательства вины подсудимых. То есть, советская сторона не могла при этом объявить вопрос о договоре в принципе нежелательным для обсуждения.

Таким образом, можно констатировать, что байка о «черном списке запретных вопросов» не имеет под собой серьезных оснований. Если б «секретные протоколы» действительно существовали, скрыть этот факт не представлялось возможным, поскольку и Риббентроп, и свидетели допрашивались всеми союзниками во время следствия. Но за все эти месяцы о «секретных протоколах» никто даже не заикнулся. Если мы обратимся к стенограмме судебных заседаний, то увидим, что «запретный» вопрос о «секретных протоколах» затрагивался неоднократно. Более того, западные представители не особо препятствуют обсуждению этой темы, даже когда она явно неуместна.

ЗАЙДЛЬ

Материалы Нюрнбергского Международного трибунала не издавались полностью на русском языке, поэтому я вынужден обратиться к американскому изданию. Наиболее достоверным является издание документов на немецком языке. В нем содержится масса сведений об искажениях и купюрах, имевших место в американском издании. К сожалению, немецких текстов мне найти не удалось, и поэтому я использовал материалы из библиотеки Конгресса США, доступные в Интернет по адресу http://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/NT_major-war-criminals.html. Мои познания в английском языке оставляют желать лучшего, поэтому не могу гарантировать полной аутентичности перевода, но за верную передачу смысла ручаюсь. В любом случае всякий желающий может свериться с первоисточником и указать на мои ошибки. Ему даже не придется перелопачивать все 30 томов, так как ниже я привожу в хронологическом порядке те фрагменты, где содержится обсуждение вопроса о «секретных протоколах» по существу. Я опустил лишь очевидные повторы или те места, где «секретные протоколы» (аффидевит доктора Гаусса) упоминаются в связи с процедурными вопросами. Также я не стал приводить массу упоминаний о пресловутых протоколах в выступлениях защиты, поскольку они не несут никакой новой информации, а являются интерпретацией показаний свидетелей и обвиняемых, иногда более чем вольной. Опять же, показания свидетелей цитируются лишь в тех местах, где те говорят строго по существу вопроса. Все слова, что не относятся к делу напрямую, я старался опускать.

Итак, впервые «секретные протоколы» всплыли 25 марта 1946 г. в выступлении защитника Рудольфа Гесса доктора Альфреда Зайдля (том X).

ЗАЙДЛЬ: <...> 23 августа 1939 года в Москве был заключен договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, который был ранее представлен обвинением как GB-145 (Document TC-25). В тот же самый день, то есть за неделю до начала войны и за три дня до планируемого нападения на Польшу, эти государства заключили другое, секретное соглашение. Это секретное согла-

шение по существу содержало определение сфер интереса обеих держав в пределах европейской территории, лежащей между Германией и Советским Союзом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, не забывайте, что Трибунал не предоставлял вам возможность выступить с речью. Вы можете внести документы и заявить свидетелей. У вас будет возможность произнести речь на следующей стадии....

ЗАЙДЛЬ: Да, согласен. Я не намереваюсь произносить речь, но хочу анонсировать документ, который я представлю Трибуналу. Германия, в секретных документах, объявила об отсутствии своих интересов в Литве, Латвии, Эстонии, и Финляндии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, мы еще не видели документ. Если вы собираетесь представить документ, сделайте это.

ЗАЙДЛЬ: Да, действительно. Я могу представить документ сразу. Это — показание под присягой бывшего работника МИД Германии доктора Фридриха Гаусса. В 1939 году он был руководителем юридического отдела министерства иностранных дел. Он присутствовал на переговорах, как помощник тогдашнего немецкого полномочного представителя в Москве, и именно он разработал договор о ненападении, который был уже представлен. Так же он составил секретное соглашение, содержание которого я хочу представить Трибуналу как важное свидетельство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, вы вручите документ?

ЗАЙДЛЬ: Конечно. Однако я намереваюсь прочитать выдержки из этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал действительно не совсем понимает, что это за документ, потому что он не включен в вашу книгу документов и потому Вы не можете ссылаться на этот документ, пока он не переведен.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, когда я готовил книгу документов подсудимого Гесса, в моем распоряжении еще не было этого аффидевита, датированного 15 марта 1946 года. <...>

Выдержки, которые я намереваюсь прочесть из этого документа, коротки, и будет возможно перевести их немедленно через переводчиков в зале суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеется ли у вас копия документа для суда?

ЗАЙДЛЬ: Конечно, немецкая копия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я боюсь, что разрешить этот вопрос не в моих силах. Я не знаю, представлен ли этот документ всем участникам процесса. Имеет ли обвинение какое-либо возражение против чтения этого документа?

РУДЕНКО (главный Обвинитель от СССР): Господин председатель, мне не известно о существовании этого документа, и поэтому я решительно возражаю против занесения его в протокол. Я хочу, чтобы процедура, установленная Трибуналом, соблюдалась защитой. Обвинение, внося какие-либо документы, всегда представляло копии стороне защиты. Теперь же защита Гесса представляет совершенно неизвестный документ, и обвинение хотело бы ознакомиться с этим документом заранее. Я не знаю, на каких фактах защита базирует свои утверждения о неком секретном соглашении. Я бы определил их, по меньшей мере, как сомнительные. Поэтому я протестую против чтения этого документа и внесения его в протокол.

ЗАЙДЛЬ: Обвинитель от Советского Союза заявляет, что у него нет никаких данных о существования этого секретного документа, содержание которого раскрывается данным аффидевитом. В этих обстоятельствах я вынужден просить вызова на допрос в качестве свидетеля народного комиссара иностранных дел Советского Союза Молотова, чтобы установить следующее: во-первых, было ли это соглашение действительно заключено, во-вторых, что содержало в себе это соглашения, и, в-третьих...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, первая вещь, которую вы должны были сделать — представить перевод этого документа. И пока нет перевода, сделанного Трибуналом, мы не готовы обсуждать его. Мы даже не знаем содержание этого документа.

ЗАЙДЛЬ: Относительно содержания документа, я уже пытался объяснить прежде. В документе есть...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, Трибунал не желает получать от вас разъяснения, что содержит этот документ. Мы хотим видеть документ непосредственно, видеть его на английском и на русском языках. Я не подразумеваю, конечно, что вы должны сделать перевод сами, доктор Зайдль. Если вы представите копию обвинению, документ переведут. После того, как это будет сделано, мы можем вернуться к обсуждению этого вопроса.

<...>

(Заседание после перерыва в тот же день.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Аффидевит был переведен и представлен на соответствующих языках Главным обвинителям?

ЗАЙДЛЬ: Я не знаю, полон ли перевод. Во всяком случае, сегодня в полдень я представил шесть копий аффидевита в отдел перевода.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы скажете, сэр Дэвид и полковник Покровский?

МАКСВЕЛЛ-ФАЙФ (главный обвинитель от Великобритании): Я не видел это показание под присягой. Мы перевели его поспешно на английский язык, но только благодаря доброй воле моих советских коллег вопрос продолжает рассматриваться без русского. <...> Очень неудобно, когда эти показания под присягой разыскиваются в последнюю минуту, и мы не имеем возможности изучить их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Покровский, видели ли Вы это показание под присягой или перевели его?

ПОКРОВСКИЙ (заместитель главного обвинителя от СССР): Члены Трибунала и я полностью разделяем точку зрения сэра Дэвид Максвелл-Файфа. Мне видится абсолютно недопустимым немедленно представлять этот документ на рассмотрение Трибуналом.

Если я понял сэра Дэвида Максвелл-Файфа правильно, он не получал это показание под присягой. Советская делегация находится в том же самом положении. Кроме того, я хотел бы напомнить Вам, что вопрос этого свидетеля был уже обсужден, было принято вполне определенное решение, и я не вижу никаких оснований для дальнейшего рассмотрения данного вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал полагает, что аффидевит [Гаусса] должен быть переведен и представлен Трибуналу для рассмотрения в установленном порядке, поскольку этот свидетель был заявлен как свидетель подсудимого Риббентроп, а затем отозван. Вы не заявляли Гаусса, как свидетеля, и я напоминаю Вам, что это очень неудобно, когда документы представляются в последний момент и без перевода. И мы не станем обсуждать это более, документ должен быть переведен и представлен Трибуналу на трех языках.

ЗАЙДЛЬ: Возможно, я мог бы сделать одно короткое замечание относительно последнего пункта. Я считал, что не нужно формального заявления, чтобы вызвать свидетеля, которого Трибунал уже допустил для другого ответчика. Это был как раз случай с Гауссом, который заявлен как свидетель защиты фон Риббентропа. Поэтому я счел возможным не делать формальное заявление, так как у меня в любом случае будет возможность опросить свидетеля в перекрестном допросе.

Мне только что сообщили об отозвании свидетеля защитой фон Риббентропа, и поэтому я, в свою очередь, прошу вызвать доктора Гаусса для допроса по существу показаний, содержащихся в его аффидевите.

<...>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда мы увидим этот документ, мы решим вопрос.

Итак, мы видим, что Альфред Зайдль работает на публику, как завзятый шоумен — именно этим объясняется его ходатайство допросить в качестве свидетеля наркома Молотова. Им сознательно была нарушена процедура приобщения материалов к делу — 10 дней Зайдль носил аффидевит Гаусса в кармане, чтобы потом прямо в судебном заседании пытался огласить его содержание. Такая возможность не состоялась, если б аффидевит был заранее переведен и представлен обвинению. Но Зайдль добивался именно этого — публично огласить его содержание. Зачем? Затем, что Нюрнбергский процесс был открытым, на нем присутствовали сотни журналистов из многих стран мира. Адвокат Гесса добивался именно общественного резонанса, ведь его целью было, как выразился Дэвид Ирвинг, сделать «первый крупнокалиберный выстрел в холодной войне».

Да, официально (после Фултонской речи Черчилля) Холодная война уже шла 19 дней, хотя фактически она развернулась с началом иранского кризиса, когда Советский Союз открыто поддержал образование на территории Ирана демократического азербайджанского государства и отказался выводить из Ирана части Красной Армии, которые не дали шахским войскам подавить азербайджанских и курдских сепаратистов. Так что можно долго спорить о том, где прозвучал первый выстрел холодной войны, и кто первый его сделал. Холодная война, собственно, не всегда была холодной — Ближний Восток, Корея, Вьетнам, Африка, Латинская Америка, Афганистан становились ареной кровавых и продолжительных вооруженных конфликтов, в которых прямо или опосредовано участвовали страны Запада с одной стороны и СССР со своими союзниками с другой. Но главный фронт холодной войны пролегал именно в области пропаганды и борьбы за контроль над массовым сознанием. В этом смысле слова Ирвинга передают суть эпатажной выходки Зайдля как нельзя более метко.

А вот как Зайдль получил скандально знаменитые фотоснимки «секретных протоколов», согласно публикации журнала «Международная жизнь»:

«В начале апреля после допроса рейхсминистра фон Риббентропа произошло следующее: я сидел во время перерыва на скамье в фойе зала суда. Вдруг ко мне подошел человек лет тридцати пяти и сел рядом. Он начал разговор словами: «Господин доктор Зайдль, мы следим с большим интересом за Вашими попытками внести в число доказательств секретный дополнительный протокол к германо-советскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года». С этими словами он передал мне незапечатанный конверт, в котором было два листа. Я начал читать. Когда я закончил, то должен был, к своему изумлению, отметить, что мой собеседник исчез. Один из двух листов, напечатанных на машинке, имел следующее содержание: «Секретный протокол к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа». Я еще до сих пор не знаю, кто передал мне эти листы. Однако многое говорит за то, что мне подыграли с американской стороны, а именно со стороны обвинения США или американской секретной службы»[1].

К сожалению, авторы не приводят источник, которым они воспользовались, поэтому удостовериться в точности передачи смысла не могу, но, учитывая ангажированность Зори и Лебедевой, трудно представить, что они были заинтересованы в разоблачении мифа о «секретных протоколах». О причине умолчания относительно источника могу предположить, что сделано это было умышленно, поскольку они цитировали художественно-публицистическую книгу Зайдля «Падение Рудольфа Гесса», не представляющую научной ценности.

---

[1] *Зоря Ю., Лебедева Н.* 1939 год в нюрнбергских досье // Международная жизнь , 1989 г, №9.

ГАУСС

Первый, и на долгие десятилетия единственный артефакт, «доказывающий» существование «секретных протоколов» — мутные фотокопии, которые адвокат Гесса Альфред Зайдль безуспешно пытался приобщить к материалам дела на Нюрнбергском процессе в марте 1946 г. Первый, и на долгие десятилетия единственный свидетель, оставивший письменные воспоминания о тайной вечере в Кремле, — заведующий юридическим отделом МИД Германии Фридрих Гаусс. Почему я называю его, а не Риббентропа единственным свидетелем? Потому что 1 апреля 1946 г. Иоахим Риббентроп, допрошенный в качестве свидетеля, начал подробно распространяться о «секретных протоколах» лишь после того, как защитник Зайдль огласил письменные показания Гаусса, датированные 15 марта. Поэтому Риббентропу осталось лишь пересказать своими словами то же самое: мол, да, подписали с Молотовым бумаги, поделили Польшу по Висле, а значит, вина за развязывание войны лежит в том числе и на СССР. Но как бы многословно Риббентроп ни комментировал политические последствия московской встречи, об обстоятельствах подписания мифических секретных соглашений он не добавил совершенно ничего к тому, что содержалось в аффидевите Гаусса и фотокопиях фон Леша. Честь быть первоисточником мифа о «секретных протоколах» принадлежит именно письменным показаниям Фридриха Гаусса. Вот что он поведал о них в своем аффидевите (том XXX):

23 августа к полудню в Москву прибыл самолет рейхсминистра иностранных дел, которого я, как юрисконсульт, должен был сопровождать на переговорах о заключении договора. Во второй половине того же дня состоялся первый раунд переговоров фон Риббентропа с господином Сталиным, на котором с германской стороны кроме рейхсминистра иностранных дел участвовал в качестве переводчика лишь советник посольства Хильгер и, вероятно, также посол граф Шуленбург.

Рейхсминистр иностранных дел вернулся с этой очень продолжительной встречи очень довольным и высказывался в том духе, что почти все идет к тому результату, к какому стремит-

ся германская сторона. Продолжение переговоров и подписание документов состоялось в тот же вечер. Я принял личное участие в этом втором раунде переговоров. На встрече также присутствовали посол граф Шуленбург и советник посольства Хильгер. С советской стороны переговоры велись господами Сталиным и Молотовым при помощи переводчика господина Павлова. <...>

Наряду с пактом о ненападении много времени ушло на согласование особого тайного документа, который получал наименование «Секретный протокол» или «Секретный дополнительный протокол», содержание которого сводилось, насколько я помню, к разграничению обоюдных сфер влияния в лежащих между обоими государствами европейских территоиях. Использовалось ли там выражение «сферы влияния» или какое-либо другое, я точно не помню. Германия в этом документе заявляла себя политически незаинтересованной в Латвии, Эстонии и Финляндии. Литва, напротив, была отнесена к ее сфере влияния. В отношении политической незаинтересованности Германии в обеих упомянутых балтийских странах поначалу возникли разногласия. Рейхсминистр иностранных дел на основании данных ему на сей счет инструкций хотел оставить за собой часть этих территорий, с чем не согласилась советская сторона, желавшая иметь доступ к находящимся там незамерзающим гаваням.

Вероятно, по этому поводу рейхсминистр иностранных дел запросил телефонную связь с Гитлером еще во время первой встречи в Кремле. Разговор состоялся только во время второго раунда переговоров, и он в непосредственной беседе с Гитлером был уполномочен удовлетворить требования советской стороны. Для польской области демаркационная линия так же была согласована, но наносилась ли она на прилагаемую к документу карту или только описывалась в документе словесно, я теперь уже не помню.

Впрочем, соглашение устанавливало, что при урегулировании польской проблемы, обе стороны будут действовать во взаимном согласии. Данное соглашение в дальнейшем уточнялось более пяти раз, пока не было выработано окончательное решение. Относительно балканских стран устанавливалось, что у Германии там имеются только экономические интересы. Пакт о ненападении и секретный документ подписывались уже глубокой ночью. <...>

Примерно месяцем позже во время переговоров при заключении второго германо-советского политического договора были подписаны три новых тайных документа, упомянутых выше. По

советской инициативе, о чем Берлин был заранее информирован, Литва за исключением маленького примыкающего к Восточной Пруссии «кончика» переходила из германской сферы влияния в советскую. Взамен демаркационная линия в польской области переносилась дальше на восток. Припоминаю, что позже, в конце 1940 года или в начале 41-го по дипломатической линии были проведены переговоры, по результатам которых «литовский кончик» так же был передан Германией Советскому Союзу.

В заключение я хотел бы заметить, что мои воспоминания об этих событиях довольно отчетливы лишь в самых основных пунктах, поскольку с тех пор прошло много времени, а так же по той причине, что более масштабные происшествия последних лет заслонили собой те события. Я не могу говорить о них с абсолютной точностью, поскольку не располагаю в настоящий момент необходимыми документальными данными и не могу говорить с компетентными лицами о тогдашних делах, дабы освежать мою память.

Показания эти очень характерны. Даже беглого ознакомления достаточно, чтобы понять, что Гаусс не мог составить такой документ. Возможно, он был составлен с его слов, но не им лично. Настоящий свидетель, описывая какое-либо происшествие, упоминает много подробностей, возможно и не имеющих отношения к делу, но указывающих на то, что он действительно присутствовал на месте события, приводит факты, которые могли бы подтвердить другие свидетели. Лжесвидетель, наоборот, старается описывать дело максимально обтекаемо, уклоняется от упоминания любых подробностей. В противном случае слова других свидетелей не совпадут с его интерпретацией. И чем больше подробностей, тем больше будет несовпадений.

Однажды я изучал показания, которые человек дал под пытками. Суть их была в следующем: такого-то числа он и его подельник угнали в селе таком-то автомобиль «Газель». И все, более никаких подробностей. Следователь даже не попытался уточнить обстоятельства угона. Почему? Да потому что ни следователь, ни его «клиент» *не знали* подробностей. Следователь лишь знал о факте совершения преступления и о том, что оно не раскрыто, поэтому его и «повесили» на арестованного, дабы улучшить показатели раскрываемости. А те детали, которые, по идее, должно содержать «чистосердечное признание» пытаемого, были известны лишь потерпевшему: откуда была угнана машина — из гаража или с улицы, ее внешние приметы и т. д. На суде же выяснилось,

что угон был совершен в тот день, когда подсудимый вообще находился за границей, о чем свидетельствует штамп в его загранпаспорте. Об этом следователь тоже не мог знать, иначе бы «пришил» угон другому бедолаге.

Так вот, если посмотреть на показания Фридриха Гаусса, то они не содержат ни малейших подробностей, которые бы делали его рассказ убедительным. Суть аффидевита сводится к тому, что Молотов и Риббентроп подписали секретные дополнительные протоколы в Кремле, но об этом в довольно обширном послании всего несколько строк и оговорка что, дескать, остальных подробностей не помню. Опасность заключалась в том, что трибунал мог допросить других свидетелей, которые, не имея возможности согласовать свои показания с Гауссом, допустили бы противоречия. Например, тот же Риббентроп мог не знать, что он по версии своего подчиненного, обсуждал с Гитлером раздел Восточной Европы по телефону. Поэтому упоминания этого разговора, свидетелем которому якобы был Гаусс, в его аффидевите нет.

С этим разговором есть еще одна странность. По общепринятой версии, на первой встрече Риббентропа с Молотовым и Сталиным без лишних свидетелей обсуждались условия секретного протокола, а во время второй встречи происходила церемония подписания договора в присутствии многих официальных лиц. После имел место торжественный ужин. Соответственно, если уж Риббентропу так необходимо было связаться с фюрером для согласования деталей раздела сфер интересов, то он мог сделать это во время перерыва, находясь в посольстве. Однако он, если верить Гауссу, этого не сделал, и телефонный разговор состоялся во время второго раунда переговоров. Складывается такое впечатление, что Гауссу очень хочется сказать, что разговор был, но поскольку на первой встрече он не присутствовал, то перенес этот разговор на вечер 23 августа, когда, по логике вещей, все условия сделки уже должны были быть согласованы.

Единственная попытка восстановить ход кремлевских переговоров Риббентропа была предпринята немецким историком Ингебог Фляйшхауэр, которая постаралась использовать максимально широкую фактологическую базу, собрав все доступные ей свидетельства участников переговоров. Так вот, по ее версии перерыв понадобился как раз для того, чтобы Риббентроп мог отправить в Германию телеграмму относительно советских требований. Ответ был передан, по ее мнению, следующим образом: «*Из Берлина, где была установлена прямая телефонная связь с Москвой, это сообщение было передано в германское посольство.*

Устный ответ Гитлера, который — уже после отъезда Риббентропа в Кремль был продублирован по телеграфу, скромно гласил: «Да, согласен»[1].

Кстати, Гитлер в момент московских переговоров находился в своей резиденции Берхестгаден и хотя бы только поэтому не мог беседовать по телефону с Риббентропом. Показания Гаусса являются сфальсифицированными. Не сомневаюсь, что он был в Кремле в ночь с 23 на 24 августа 1939 г., но то, что у него плохая память (у высокопоставленного дипломата?), которой он объясняет крайнюю скомканность своих показаний об обстоятельствах подписания «секретных протоколов» — в это я, конечно же, не верю. Но постараемся войти в положение фальсификаторов: чем-то же надо объяснить немногословность Гаусса, когда речь идет о совсем недавних событиях, повернувших ход мировой истории, и кроме как на плохую память сослаться не на что. Впрочем, это еще цветочки.

Самый главный аргумент в пользу подложности аффидевита — чудовищный географический ляп. Гаусс сообщает о том, что во время сентябрьских переговоров 1939 г. Германия якобы отказалась в пользу Советского Союза от Литвы за исключением маленького «кончика» литовской территории, которая была уступлена СССР позже. Фальсификаторы показаний Гаусса в данном случае допустили оплошность, спутав польские Сувалки с литовской Сувалкией (анализ этой ошибки смотри в главе «Сувалки»). Мог ли Гаусс сам ошибиться? Гипотетически мог, но это говорило бы о его вопиющем непрофессионализме как дипломата. Представить это так же сложно, как то, что кандидат математических наук запутается в таблице умножения, решая задачку для третьего класса. А какова вероятность, что его начальник, доктор математических наук, совершит точно такую же ошибку, решая ту же задачу? Таковая вероятность практически ровна нулю. Между тем начальник Гаусса Риббентроп так же оговаривается насчет «кончика» литовской территории, и происходит это лишь потому, что Риббентроп вынужден во всем поддерживать вранье своего бывшего подчиненного.

О том, что показания Гаусса не писал он сам, свидетельствует очень характерная для западных источников по «секретным протоколам» ошибка — там постоянно путается граница сфер интересов и демаркационная линия. Но если это простительно для провинциального журналиста, то профессиональный дипломат

---

[1] *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии.

просто не может смешивать эти совершенно различные понятия. Ведь если граница сфер интересов в «секретных протоколах» определялась «примерно по линии...», то установление демаркационной линии подразумевает топографическую точность. И, кстати, если сферы интересов можно примерно разграничить на словах, то демаркационную линию без карты провести нереально — вот почему возникает противоречие в вопросе о карте, которая то ли была, то ли не была приложена к протоколу от 23 августа 1939 г.

Имеются в аффидевите и мелкие детали, выдающие подлог. Например, Гаусс говорит о прибытии в Москву самолета с германской делегацией, в то время как она была столь многочисленной, что для нее потребовалось два самолета. В любом случае остается констатировать: аффидевит Фридриха Гаусса — несомненная фальшивка, причем фальшивка довольно неуклюжая. Тем не менее, именно в аффидевите Гаусса сформулирован миф о «секретных протоколах» примерно в том виде, в каковом мы его знаем. Этимологический анализ показывает, что другие источники в дальнейшем лишь дополняли его и базировались на нем. Это видно по тому, что, имея массу противоречий между собой, они более-менее согласуются с канонической версией Фридриха Гаусса. Впрочем, не всегда.

БЛАНК

Об этом «свидетеле» сегодня молчат все публицисты, пережевывающие тему «секретных протоколов». Причина в том, что свидетель этот, мягко говоря, сомнительный — слишком уж мелкий клерк, чтоб иметь касательство к государственным тайнам. Знакомьтесь, Маргарет Бланк, личный секретарь Риббентропа с февраля 1935 г. 28 марта 1946 г. она была допрошена Трибуналом в качестве свидетеля. Вот что она рассказала о «секретных протоколах» (том X):

ХОРН: Каковы были взгляды и намерения Риббентропа относительно России?

БЛАНК: Его намерения относительно России показал Договор о ненападении от августа 1939 года, и Торговое соглашение от сентября того же года.

ХОРН: Вы знаете, что, в дополнение к Договору о ненападении и Торговому Соглашению в Москве было подписано еще одно соглашение?

БЛАНК: Да, было дополнительное секретное соглашение.

РУДЕНКО: Ваша честь! Мне кажется, что свидетель, которого вызвали на настоящее заседание Трибунала, по самой природе ее положения как секретаря бывшего министра иностранных дел Риббентропа может свидетельствовать только о личности ответчика, его образе жизни, особенностях его характера. Но свидетель совершенно некомпетентен, чтобы высказывать мнение по вопросам, имеющим отношение к соглашениям, внешней политике, и так далее. В этом ключе я нахожу вопросы защиты абсолютно недопустимыми и прошу, чтобы они были сняты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Хорн, вы ведете речь о том же документе, о котором говорится в аффидевите доктора Гаусса?

ХОРН: Я полагаю, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Советский обвинитель возразил против упоминания этого соглашения, ссылаясь лишь на показание под присягой. Вы можете представить это соглашение в письменной форме?

ХОРН: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Предполагаемое соглашение между советским правительством и Германией заключено в письменной форме?

ХОРН: Да, оно было заключено в письменном виде, но я не обладаю копией соглашения, и поэтому прошу Трибунал дать мне возможность получать показания под присягой от фрейлейн Бланк, которая видела оригинал. Ваша честь, вы согласны на это?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, имеется ли у Вас непосредствено экземпляр этого соглашения?

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, есть только два экземпляра этого соглашения. Один оставили в Москве 23 августа 1939. Другой экземпляр был привезен в Берлин фон Риббентропом. Согласно сообщению в прессе все архивы министерства иностранных дел были конфискованы советскими войсками. Могу ли я на этом основании просить, чтобы советское правительство или советская делегацию представили Трибуналу оригинал секретного соглашения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я задал вам вопрос, доктор Зайдль, а не спрашивал вашего мнения на сей счет. Я спросил вас конкретно: имеете ли вы в наличии экземпляр соглашения, о котором идет речь?

ЗАЙДЛЬ: Я не обладаю им. Показание под присягой посла Гаусса только раскрывает содержание секретного соглашения. Он компетентен в этом вопросе, потому что лично составлял текст секретного соглашения. Секретное соглашение, составленное Гауссом, было подписано комиссаром иностранных дел Молотовым и господином Риббентропом. Это — все, что я могу сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, генерал Руденко?

РУДЕНКО: Господин председатель, я желаю сделать следующее заявление: соглашение, упомянутое адвокатом Зайдлем, предположительно захваченное советскими войсками, — есть, соглашение, заключенное в Москве в августе 1939 года. Обращаю внимание защиты, что это соглашение было опубликовано в газетах, поскольку это был советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939. Это — известный факт.

Поскольку о других соглашениях ничего не известно, советское обвинение полагает, что ходатайство доктора Зайдля о приобщении к материалам дела показаний под присягой Фридриха Гаусса должно быть отклонено по следующим причинам: показания Гаусса об этом договоре и истории заключения советско-германского пакта, не соответствуют действительности. Представление таких показаний под присягой, которые

искажают действительность, может рассматриваться только как провокация. На это ясно указывает тот факт, что в его аффидевите описываются действия Риббентропа, хотя приняла показания свидетеля и просила приобщить их к делу защита Гесса. Но показания Гаусса не имеют никакого отношения к Гессу. На этом основании я прошу Трибунал отклонить ходатайство, сделанное адвокатом Зайдлем и считать вопрос поднятый защитой, не соответствующим предмету настоящего судебного разбирательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, доктор Зайдль? Вы хотите что-то сказать?

ЗАЙДЛЬ: я могу уточнить? Перевод того, что только что сказал советский обвинитель, сделан не полностью. Я не понял, отрицает ли генерал Руденко в целом, что такое соглашение было заключено или он только хочет заявить, что содержание этого секретного соглашения не относится к делу.

В первом случае, я повторю свое ходатайство о вызове Трибуналом на допрос советского комиссара иностранных дел Молотова; в последнем случае я прошу предоставить мне возможность привести доводы в пользу существования этого секретного соглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В настоящее время мы рассматриваем возражение относительно допроса свидетеля, поэтому не станем отвлекаться на выяснение этого вопроса

[Объявляется перерыв.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал напоминает защите, что в их материалах не было никакого упоминания об этом гипотетическом соглашении, но поскольку вопрос был поднят, Трибунал постановляет, что свидетель может быть расспрошен по этому вопросу.

ХОРН (свидетелю): Вы говорили о секретном соглашении. Как Вы узнали о заключении этого соглашения?

БЛАНК: Вследствие болезни я не могла сопровождать фон Риббентропа в двух его поездках в Россию. Я также отсутствовала, когда осуществлялась подготовка к заключению договоров. Я узнала о существовании этого секретного соглашения через специальный запечатанный конверт, который, согласно инструкциям, был подан отдельно и имел надпись вроде «немецко-русское секретное» или «дополнительное соглашение».

ХОРН: Вы были ответственны за регистрацию отдельно от остальных документов этих секретных дел? Верно?

БЛАНК: Да.

<...>

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, Трибунал разрешил задавать вопросы свидетелю относительно секретного соглашения. Свидетель знал только о существовании этого соглашения, но не его содержании. Могу ли я рассматривать это, как повод просить Трибунал о возможности приобщить к материалам дела аффидевита посла Гаусса, и предоставления мне возможности зачитывать выдержки из этого показания под присягой?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Показание под присягой было представлено суду?

ЗАЙДЛЬ: В прошлый понедельник, то есть, три дня назад были представлены шесть копий показания под присягой в отдел перевода лейтенанту Шредеру. Я предполагаю, что за истекшие три дня суд получил переведенную копию.

МАКСВЕЛЛ-ФАЙФ: Обвинение не получило копии. Я еще не видел показание под присягой. Их нет у моего коллеги господина Додда, их не имеют другие мои коллеги, генерал Руденко и Шампентье де Риб.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тогда я думаю, что мы должны ждать, пока документ не появится на руках, тогда его можно будет рассмотреть.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, я полагаю, что сделал все, что в моих силах, чтобы снабдить суд этим показанием под присягой. Я не имею никакого влияния на дела генерального секретаря Трибунала, и буду очень обязан, если Трибунал поможет мне в этом вопросе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Никто не сказал, что Вы сделали что-то не так, доктор Зайдль.

Итак, мы видим, что после неудачной попытки ввести в юридический оборот фальшивку 25 марта, Зайдль предпринимает ход со свидетельством Маргарет Бланк, которая не была в Москве, не участвовала в подготовке договоров с Советским Союзом, но якобы видела некий конверт с таинственными «немецко-русскими» секретными соглашениями. На этом основании Зайдль добивается того, чтобы аффидевит Гаусса был рассмотрен Трибуналом и мог в дальнейшем использоваться защитой в ходе процесса.

Свидетельство Бланк, разумеется, не вызывает никакого доверия. Если она болела, то как могла регистрировать конверт с секретными соглашениями? Неужели во время болезни ее неко-

му было заменить? Или, может быть, секретные документы валялись на столе Риббентропа, пока его секретарь не вышла на работу, чтобы проставить нужные штампы и отнести в архив? Вообще-то с секретными соглашениями такого рода предусмотрен особый порядок работы, и секретарш, приносящих кофе, к их оформлению не допускают. И тем более, характер засекреченного документа не может раскрываться на конверте, его содержащем, ибо засекречен должен быть сам факт наличия подобного соглашения. Самое большее, что могло быть нанесено на конверт, — шифр, смысл которого понятен лишь избранным сотрудникам министерства.

РИББЕНТРОП

То, что подробности «секретных протоколов» раскрыл непосредственный участник соглашения Риббентроп во время Нюрнбергского процесса, стало как бы общеизвестным фактом. Настолько общеизвестным, что историки не утруждают себя обращением к первоисточнику. Между тем, обратиться к показаниям Риббентропа будет совсем не лишне. Сразу бросается в глаза, что всегда Риббентроп говорит внятно, четко и убедительно, уверенно оперирует фактами, датами, именами, цифрами и географическими названиями. И лишь только речь заходит о «секретных проколах», речь его становится сбивчивой, начинаются проблемы с памятью и всевозможная путаница.

Судья Лоуренс разрешил Зайдлю допросить Риббентропа только после того, как он будет допрошен его адвокатом Хорном. Зайдль встречался с Хорном и согласовал с ним этот вопрос, о чем открыто заявил во время процесса. Без сомнения, он передал адвокату Риббентропа показания Гаусса, а Хорн ознакомил с ними своего подзащитного. Допрос происходил 29 марта 1946 г. (том X).

РИББЕНТРОП: Вечером 22 августа я прибыл в Москву. Прием, оказанный мне Сталиным и Молотовым, был очень дружественным. У нас была сначала двухчасовая беседа, во время которой был обсужден весь комплекс советско-германских отношений. Результатом ее стало, во-первых, взаимное желание обеих стран, перевести эти отношения на принципиально новую основу, базой которых должен был стать договор о ненападении. Во-вторых, в соответствии с секретным дополнительным протоколом были поделены сферы интересов между двумя странами.

ХОРН: Для какого случая предусматривался этот секретный дополнительный протокол? Каково было его содержание и политические основания для его заключения?

РИББЕНТРОП: Я хотел бы сказать, прежде всего, что об этом секретном протоколе говорили несколько раз здесь в этом суде. Я говорил очень искренне во время переговоров со Сталиным и Молотовым, и они также были просты и откровенны со мной.

Я передал пожелание Гитлера, чтобы наши страны достигли взаимовыгодного соглашения, и, конечно, я также говорил о критической ситуации в Европе. Я заявил, что Германия сделает все, чтобы уладить ситуацию в Польше, и уладить ее мирным путем, несмотря на все трудности.

Однако, я не оставил сомнений, что ситуация очень серьезна и возможность вооруженного столкновения очень велика. Для обоих государственных деятелей, как для Сталина, так и для Гитлера, это был вопрос территорий, которые обе страны потеряли после неудачной войны. Было бы неправильно отрицать эту точку зрения. Я высказал в Москве точку зрения Адольфа Гитлера, что эта проблема так или иначе должна быть решена, и был понят советской стороной.

Мы тогда обсуждали то, что должны делать русские и немцы в случае вооруженного столкновения. Линия установления границ была согласована, как известно, для того, чтобы в случае невыносимой польской провокации, или в случае войны немецкие и советские интересы на польской арене не могли столкнуться. Известная линия была согласована вдоль линии рек Вислы, Сан, и Буг на польской территории. Была достигнута договоренность, что в случае конфликта территории, лежащие к западу от этих рек, являются сферой немецких интересов, и те, что на восток — советских.

Известно, что позже, после начала войны, эти зоны были заняты с одной стороны Германией, а с другой стороны — советскими войсками. Я могу повторить, что тогда у меня от бесед с Гитлером и Сталиным осталось впечатление, что эти польские территории, а также другие территории, которые были определены в этих сферах интересов, о котором я коротко скажу, — что они были территориями, которые обе страны потеряли после неудачной войны. И оба государственных деятеля, несомненно, считали, что если последний шанс для разумного решения этой проблемы, будет исчерпан — за Адольфом Гитлером остается право включить эти территории в состав рейха иным путем.

Помимо этого также известно, что сферы интересов определялись в отношении Финляндии, балтийских государств и Бессарабии. Это было масштабным урегулированием интересов двух великих держав, предусматривающих как мирное решение проблемы, так и достижение ими своих интересов военным путем.

ХОРН: Верно ли, что эти переговоры были осуществлены только тогда, когда без договора о ненападении и политического урегулирования между СССР и Германией, стало невозможно уладить польский вопрос дипломатическим путем?

<...>

РИББЕНТРОП: Да, это так. Я заявил тогда, что с немецкой стороны все будет предпринято для того, чтобы решить проблему дипломатическим, мирным способом.

ХОРН: Советский Союз обещал Вам дипломатическую помощь или доброжелательный нейтралитет в этом вопросе?

РИББЕНТРОП: Как следовало из содержания договора о ненападении и из содержания переговоров в Москве, это именно так. Мы были убеждены в том, что, если из-за польской провокации вспыхнет война, СССР проявит дружественное отношение к нам.

<...>

ХОРН: В сентябре 1939года Вы совершили второй визит в Москву. Какова была его причина и что там обсуждалось?

РИББЕНТРОП: Моя вторая поездка в Москву стала необходимой в связи с окончанием польской кампании. Я полетел в Москву в конце сентября, и на сей раз я получил особенно сердечный прием. Ситуация требовала, прояснения ситуации на польской территории. Советские войска заняли восточные области Польши, а мы заняли западные до линии установления границ, ранее согласованной. Теперь мы должны были установить определенную линию государственных границ. Мы также стремились укрепить наши связи с Советским Союзом и установить сердечные отношения с ним.

Данное соглашение было достигнуто в Москве, линия границы в Польше была установлена. Так же было намечено наладить более тесные экономические отношения между нашими странами. Всестороннее соглашение, касающееся поставок сырья, было обсуждено и позже заключено. Политический акцент договора, заключенного тогда был смещен от нейтралитета в сторону дружбы между странами. Лишь вопрос о территории Литвы оставался открытым. Ради установления более доверительных отношений между Москвой и Берлином, фюрер отказался от влияния на Литву и в соответствии со вторым соглашением предоставил СССР свободу действий в Литве. <...>

ХОРН: Это верно, что 15 июня 1940, после предъявления ультиматума, русские заняли всю Литву, включая часть, которая была немецкой, не уведомляя правительство рейха?

РИББЕНТРОП: Не было никакого специального соглашения относительно данного вопроса, но известно, что эти области были фактически заняты.

ХОРН: Какие дальнейшие советские действия вызвали беспокойство Гитлера относительно отношения России и ее намерений?

РИББЕНТРОП: Дальнейшие события сделали фюрера скептиком в отношении России. Во-первых, я имею в виду аннексию балтийских государств, о чем я только что упомянул. Во-вторых — присоединение Бессарабии и Северной Буковины. Нас просто поставили перед фактом без проведения каких-либо консультаций. Король Румынии спрашивал у нас тогда совета. Фюрер из лояльности к советскому договору, советовал королю Румынии согласиться с советскими требованиями и эвакуировать Бессарабию.

Кроме того, война с Финляндией в 1940 году вызвала определенное беспокойство в Германии, поскольку у немцев существовали сильные симпатии к финнам. Фюрер чувствовал себя обязанным до некоторой степени принимать это во внимание.

<...>

ХОРН: 12—14 ноября 1940 года советский нарком Молотов посетил Берлин. По чьей инициативе был осуществлен этот визит и каков был предмет обсуждений?

РИББЕНТРОП: Переговоры с Молотовым в Берлине касались следующего. Когда мы пытались урегулировать отношения с СССР по дипломатическим каналам, я в конце осени 1940 года с разрешения фюрера написал письмо маршалу Сталину и пригласил Молотова в Берлин. Это приглашение было принято, и во время беседы между Гитлером и Молотовым советско-германские отношения были обсуждены во всей их полноте. Я присутствовал при этом. Молотов сначала обсуждал вопрос двусторонних отношений в общем, а затем сделал акцент на Финляндии и Балканах. Он сказал, что у России есть жизненные интересы в Финляндии. Он заявил, что, когда определялись границы зон влияния, было согласовано, что Финляндия входит в советскую сферу. Фюрер возразил, что у Германии также имеются обширные интересы в Финляндии, особенно, что касается поставок никеля. И, кроме того, нельзя забывать, что немецкий народ симпатизирует финнам. Поэтому он просил, чтобы Молотов пошел на компромисс в данном вопросе. Эта тема поднималась несколько раз.

<...>

Я надеюсь, читатель без труда заметил в словах Риббентропа погрешности:

1. Он утверждает, что в августе 1939 г. граница сфер интересов СССР и Германии были определены по линии рек Висла, Буг и Сан. Вообще-то в известном нам тексте «секретных протоколов» речь шла первоначально о линии Нарев — Висла — Сан.

2. Далее бывший гитлеровский министр утверждает, что советские и германские войска заняли территории в полном соответствии с установленной линией раздела сфер интересов, хотя мы знаем, что фактически германские войска продвинулись значительно восточнее (вот тут они действительно дошли до Буга и форсировали Сан).

3. Пассаж Риббентропа про занятые «немецкие области в Литве» отдает откровенным маразмом, но тут он вынужден подпевать фальсификаторам, которые уже прокукарекали в аффидевите Гаусса, что Сталин якобы поделил с Гитлером не только Польшу, но и Литву. Ниже этот вопрос подробно рассматривается в главе «Сувалки». Подобные заявления Риббентропа совершенно ясно указывают, что он говорил под чью-то диктовку. Сам он до такого бреда вряд ли бы додумался.

4. Сначала Риббентроп утверждает, что Прибалтика и Бессарабия были отнесены к советской сфере интересов, и тут же заявляет, что аннексия этих территорий Москвой сделали фюрера скептиком в отношении России. Это как же понимать эту нестыковку? Выходит, что СССР строго соблюдал соглашение о разделе Восточной Европы, а Гитлера это насторожило. По логике Риббентропа следует, что еще в 1939 г. Германия признала за СССР право на Бессарабию, а в 1940 г. для Берлина стало полной неожиданностью то, что Советский Союз потребовал от Румынии вернуть оккупированные ею в 1918 г. земли. Концы с концами совершенно не сходятся!

5. Совсем удивительно слышать из уст Риббентропа по поводу советского ультиматума Литве от 15 июня 1940 г. и последовавшего вода на ее территорию дополнительных войск, что «*не было никакого специального соглашения относительно данного вопроса*». Что же тогда зафиксировано в «секретном протоколе» от 28 сентября 1939 г.? Видимо иногда бывший рейхсминистр, делая такие оговорки, сообщает правду.

6. Риббентроп грубо искажает суть берлинских переговоров с Молотовым. Советский нарком в ноябре 1940 г. требовал вывода немецких войск из Финляндии, а вовсе не признания там интересов СССР. Заметим, что советско-финская война завершилась в марте 1940 г., когда Красная Армия прорвала так называемую линию Маннергейма и совершенно обескровленная финская армия оказалась не в состоянии оказать сколь-нибудь серьезное сопротивление. Финны запросили мира и вынуждены были удовлетворить все требования, выдвинутые Москвой. То есть претензии у Молотова были не к финнам, а к Германии. Эта подтасовка нуж-

на Риббентропу для того, чтобы представить дело так, будто Молотов испрашивает у Гитлера санкции на «окончательное решение» финского вопроса. О присутствии германских войск якобы на территории, отнесенной к советской сфере интересов, бывший рейхсминистр скромно умалчивает. На самом деле не Гитлер уговаривал советского наркома пойти на компромисс в отношении Финляндии, а Молотов неоднократно предлагал разрядить ситуацию в Финляндии, выведя оттуда германские войска, но Гитлер всякий раз уклонялся от обсуждения этого вопроса.

7. То, что Риббентроп путается в датах, утверждая, что прибыл в Москву вечером 22 августа 1939 г., можно не принимать во внимание, но вообще-то это не добавляет ему убедительности.

1 апреля после того, как Хорн закончил допрос своего подзащитного, Зайдль, наконец, получил возможность задать Риббентропу интересующие его вопросы (том X).

ЗАЙДЛЬ: <...>Свидетель, преамбула к секретному договору, заключенному между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939, сформулирована примерно таким образом: «В виду существующей напряженности между Германией и Польшей, следующее согласовано в случае конфликта...» Вы вспоминаете, была ли у преамбулы приблизительно такая формулировка?

РИББЕНТРОП: Я не помню точную формулировку, но она была приблизительно такой.

ЗАЙДЛЬ: Это верно, что руководитель юридического отдела министерства иностранных дел, доктор Гаусс участвовал как юрисконсульт на переговорах в Москве 23 августа 1939 года и составлял текст этого соглашения?

РИББЕНТРОП: Доктор Гаусс участвовал частично в переговорах и составлял соглашение вместе со мной.

ЗАЙДЛЬ: Я теперь прочитаю извлечение из показаний доктора Гаусса и задам Вам несколько вопросов в связи с этим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, какой документ Вы собираетесь прочитать?

ЗАЙДЛЬ: Я буду читать из параграфа 3 аффидевита доктора Гаусса, и в связи с этим задам несколько вопросов свидетелю, потому что некоторые аспекты данного договора, кажется, не были достаточно прояснены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, генерал Руденко?

РУДЕНКО: Я не знаю, господин председатель, какое отношение эти вопросы имеют к подсудимому Гессу, которого защищает доктор Зайдль, или к подсудимому Франку. Я не желаю обсуж-

дать этот аффидевит, поскольку он вообще не имеет никакого значения. Я хочу напомнить Трибуналу, что мы не изучаем проблемы, связанные с политикой союзных государств, мы исследуем обвинения против главных немецких военных преступников. Подобные вопросы со стороны защиты — попытка отвлечь внимание Трибунала от вопросов, которыми мы занимаемся. Поэтому я считаю, что вопросы подобного характера должны быть отклонены как неуместные.

[Объявлен перерыв. Суд совещается.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Вы можете задать вопросы.

ЗАЙДЛЬ: Гаусс заявил, согласно параграфу 3 его показания под присягой:

[Зачитывает показания Гаусса (см. их в главе «Гаусс»).]

Свидетель, в аффидевите Гаусса упомянут договор, в соответствие с которым две страны соглашаются действовать для окончательного разрешения польского вопроса. Такое соглашение было достигнуто 23 августа 1939?

РИББЕНТРОП: Да, это верно. Тогда немецко-польский кризис достиг большой остроты, и, само собой разумеется, что этот вопрос был всесторонне обсужден. Я хотел бы подчеркнуть, что у меня не было ни малейшего сомнения в трезвости взгляда на этот вопрос Сталина или Гитлера: если переговоры с Польшей зашли в тупик, территории, которые были отняты у двух великих держав силой оружия, могли быть возвращены так же силой оружия. В соответствии с этой установкой, восточные территории были заняты советскими войсками, а западные — немецкими войсками. Сталин никогда не может обвинять Германию в агрессии против Польши. Если это считать агрессией, то обе стороны виновны в ней.

ЗАЙДЛЬ: Демаркационная линия была в этом секретном договоре согласована в письменной форме, или она была проведена на приложенной карте?

РИББЕНТРОП: Демаркационная линия была приблизительно проведена на карте. Она шла вдоль Рек Писса, Буг, Нарев, и Сан. Эти реки я помню. Это была линия, которой следовало придерживаться в случае вооруженного столкновения с Польшей.

ЗАЙДЛЬ: Это верно, что на основе того соглашения, не Германия, а именно Советская Россия получила большую часть Польши?

РИББЕНТРОП: Я не знаю точные пропорции, но, во всяком случае, соглашение было таково, что территории к востоку от

этих рек отходили к Советской России, а территории к западу должны были быть заняты немецкими войсками. В то время статус территории, отходящей к Германии, не был определен. Гитлер заранее не имел на счет нее четких планов. Позже области, потерянные Германией после Первой мировой войны, были включены в состав рейха.

ЗАЙДЛЬ: Теперь еще кое-что. В прошлую пятницу Вы заявили, что хотели, чтобы Россия участвовала в Трехстороннем пакте. Почему эта инициатива терпела крах?

РИББЕНТРОП: Она провалилась из-за чрезмерных советских требований. Я согласился с Молотовым в Берлине насчет того, чтобы провести дальнейшие переговоры по дипломатическим каналам. Я хотел повлиять на фюрера относительно требований, заявленных Молотовым в Берлине, чтобы компромисс был достигнут.

Тогда Шуленбург послал нам сообщение из Москвы с русскими требованиями. В этом сообщении было, прежде всего, требование относительно Финляндии. Фюрер, как известно, уже говорил Молотову, что он не желает, чтобы после зимней кампании 1939—1940 годов на Севере опять вспыхнула война. Однако претензии на Финляндию снова были заявлены, и мы предполагали, что это будет означать полную оккупацию Финляндии. Это советское требование было трудновыполнимо, так как ранее уже было отвергнуто фюрером.

Другое требование русских касалось Балкан и Болгарии. Москва, как известно, желала наладить отношения с Болгарией. Болгарское правительство, с которым мы обсуждали данный вопрос, не хотело этого. Кроме того, советское проникновение на Балканы было как для фюрера, так и для Муссолини нежелательным из-за наших экономических интересов там: зерно, нефть, и так далее. Но прежде всего это было желание самого болгарского правительства, которое противилось советскому проникновению.

В-третьих, имело место требование русских выходов в Средиземное море и получения военных баз на Дарданеллах. И, наконец, вопрос, который Молотов уже обсуждал со мной в Берлине: СССР заинтересован в выходах из Балтийского моря. Сам Молотов заявил, что Советский Союз заинтересован в беспрепятственном проходе своих судов через проливы Скагеррак и Каттегат.

Тогда я обсуждал эти вопросы с фюрером, он сказал, что мы должны будем войти в контакт с Муссолини, поскольку он был заинтересованной стороной в некоторых из них. Но притязания на Балканы и Дарданеллы не были встречены Муссолини с одобрени-

ем. Как я уже говорил, Болгария также была обеспокоена. Относительно Скандинавии: ни Финляндия, ни фюрер не хотели удовлетворять претензии Советского Союза.

Переговоры продолжались в течение многих месяцев. Я вспоминаю, что по получении телеграммы из Москвы в декабре 1940 у меня была еще одна продолжительная беседа с Гитлером. Я высказал идею, что, если бы мы нашли компромисс между требованиями Москвы и интересами других сторон, советско-германо-итальянская коалиция могла быть сформирована, и она была бы настолько сильна, что в конечном счете побудила бы Англию к заключению мира.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: К чему это Вы говорите? Каков был вопрос?

ЗАЙДЛЬ: В основном он уже ответил на вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: доктор Зайдль, если он ответил на вопрос, Вы должны прервать свидетеля.

<...>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прежде, чем Вы сядете, доктор Зайдль, я хочу спросить: Вы зачитали показания Гаусса, дабы свидетель мог подтвердить их? Я верно понял?

ЗАЙДЛЬ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не зачитывали параграф 4 этого аффидевита, не так ли?

ЗАЙДЛЬ: Я прочитал только параграф 3. Я не читал остальные параграфы, чтобы сэкономить время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ответ на мой вопрос был «да». Конец параграфа 4 заканчивается таким образом: «Министр иностранных дел Рейха составил текст [секретного протокола]в такой манере, что он представлял вооруженный конфликт Германии с Польшей не как вопрос, уже окончательно решенный, но лишь как вероятность. Советская сторона не желала применять формулировки, которые бы трактовались как одобрение или поддержка такого развития событий. Скорее советские представители ограничили себя в этом отношении, приняв во внимание объяснения германской стороны». Это верно?

ЗАЙДЛЬ: Это правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я спрашиваю свидетеля. Это правильно?

РИББЕНТРОП: Я могу сказать следующее. Когда я прибыл в Москву, окончательное решение еще не было достигнуто фюрером...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, разве Вы не могли ответить на вопрос прямо? Я спросил Вас, были ли показания Гаусса верными или нет. Вы можете изложить свое мнение после.

РИББЕНТРОП: Показания не совсем верны, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Теперь Вы можете объяснить.

РИББЕНТРОП: Они не верны, поскольку в тот момент решение о нападении на Польшу еще не было принято фюрером. Однако, без сомнения, возможность такого конфликта стала совершенно очевидной во время обсуждений в Москве.

<...>

ЗАЙДЛЬ: Господин президент, я могу кратко дополнить кое-что в этой связи? Свидетель Гаусс присутствовал только на второй встрече [23 августа 1939 г.]. Он не был на встрече, которая имела место ранее между свидетелем Риббентропом с одной стороны и Молотовым и Сталиным с другой. На этих встречах присутствовал только консультант посольства Хильгер, и я прошу, чтобы Трибунал в виду важности этого пункта вызвал свидетеля Хильгера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, как известно, Вы можете подать любое ходатайство в письменной форме для того, чтобы вызвать любого свидетеля, какого пожелаете. Так же могу сказать, если обвинение не против перекрестного допроса свидетеля Гаусса, его можно осуществить.

ЗАЙДЛЬ: Тогда я хотел бы внести как приложение №16 Hess, аффидевит доктора Гаусса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно.

Что нового сказал Риббентроп? Ничего. Про Финляндию Риббентроп брешет так нагло, что это уже ни в какие ворота не лезет. Из его слов можно сделать вывод, что Молотов только затем и ездил в Берлин, чтобы выклянчить у Гитлера патент на Финляндию. Ту самую Финляндию, которую он вроде бы уже выторговал в августе 1939 г. Врет об этом Риббентроп только потому, что он, как и все германское руководство в целом, совершенно неадекватно воспринял результаты советско-финской войны. Причиной войны стало вовсе не желание Сталина распространить свою власть на всю территорию бывшей Российской империи, хотя и такой благоприятный вариант развития событий в Кремле не исключали. Истинной же причиной войны... было желание англичан отрезать Германию от источников сырья, прежде всего железных и никелевых руд, которые она получала от нейтральных Швеции и Финляндии. О важности этих поставок для немцев свидетельствуют такие цифры: только в 1943 году из добытых 10,8 млн. т железной руды в Германию из Швеции было отправлено 10,3 млн. т.

Коммуникации снабжения проходили через Балтийское море, а зимой через незамерзающее Северное море. Зимой поставки осуществлялись через норвежский порт Нарвик, связанный железной дорогой со Швецией. Англичанам нужен был благовидный повод для захвата нейтральной Норвегии, и таким поводом могло стать оказание помощи Финляндии в защите от кровожадных большевиков. Но для этого Лондону нужна была советско-финская война. Англичане убедили финнов, что если те спровоцируют войну, они окажут Финляндии самую широкую поддержку и атакуют Советский Союз на Кавказе и на Севере. Финнам же в качестве награды был обещан Кольский полуостров, Карелия и граница по Неве и линии Беломоро-Балтийского канала. Именно поэтому финское правительство объявило войну СССР, имея планы наступления на Мурманск и Петрозаводск. Нет, они не сошли с ума, просто поверили англичанам, забыв, что те являются чемпионами мира по обману своих союзников.

Поводом к вооруженному конфликту послужила дерзкая наглость, с которой финны отвергли абсолютно все, даже не требования, а просьбы советского правительства по аренде финской территории для нужд обороны Ленинграда с моря и очень незначительному переносу границы на Карельском перешейке в обмен на передачу Финляндии куда больших территорий восточнее Ладоги. Предложения СССР даже финский главнокомандующий Маннергейм охарактеризовал как разумные и очень умеренные, но политическое руководство Финляндии пребывало в эйфории от обещаний Лондона создать Великую Финляндию, разгромив Советский Союз.

Действительно, с началом военных действий британцы начали сколачивать экспедиционный корпус, который весной планировалось перебросить морем в... норвежский Нарвик. А куда же еще? Ведь в Балтику англичан не пустили бы немцы, а финский порт Петсамо (Печенга) на Белом море в первые же дни войны оказался захваченым Красной Армией. Высадившись в Нарвике, англичане никуда бы не пошли, зато ни один сухогруз с рудой в Германию оттуда бы уже не вышел. Собственно тех сил, которые собрали англичане якобы для помощи финнам, как раз и хватило бы лишь для захвата и удержания Нарвика. Финнам путем колоссального напряжения всех сил удалось остановить первое декабрьское наступление советских войск, однако генеральный штурм линии Маннергейма в феврале 1940 г. не оставил им ни малейшего шанса. Финская армия была выбита с укрепленных позиций, путь на Хельсинки был открыт. Если бы Сталин захотел пол-

ностью оккупировать Финляндию, он мог беспрепятственно это сделать. У него даже было заготовлено на сей случай карманное финское правительство во главе со старым большевиком Куусиненом. Но финны запросили мира и, еще раз повторю, удовлетворили все советские требования, которые, естественно, уже предполагали не обмен территориями, а аннексию их в пользу СССР.

Современные историки пытаются объяснить умеренность требований Москвы страхом перед англичанами и якобы обескуражившим Сталина упорством финского сопротивления, но если им чего-то и не хватает, так это убедительности. Реально Англия не могла оказать военной помощи финнам, не оккупировав предварительно нейтральные Норвегию и Швецию. А уж от стойкости финских войск к марту 1940 г. остались одни воспоминания. Да, сравнивать их с поляками нельзя, но и реальной силы они после прорыва Красной Армией линии Маннергейма уже не представляли. Сам факт, что Кремль охотно принял предложение Хельсинки о начале мирных переговоров, указывает на то, что в планы Сталина в 1940 г. не входила оккупация и советизация Финляндии. В противном случае надо было потянуть с ответом еще с пяток дней, пока советские танки не войдут в финскую столицу. А там уже можно было просто объявить свою волю побежденному.

Однако Риббентроп, не будучи осведомленным ни о кознях англичан, ни о реальном положении на советско-финском фронте, пытается представить дело так, будто СССР потерпел поражение в Зимней войне, и в ноябре 1940 г. жаждал реванша. Да, в Германии результат войны ошибочно оценили как поражение, исходя из того, что целью Сталина была оккупация и советизация Финляндии. Базируясь на этой ошибочной установке, Гитлер провозгласил свой знаменитый тезис о колоссе на глиняных ногах. Риббентроп же, будучи фигурой не вполне самостоятельной, находился под сильным влиянием фюрера, и волей-неволей смотрел на мир сквозь призму заблуждений своего шефа. Поэтому он и рассказывает сказки о том, что Молотов выторговывал в Берлине Финляндию, пытаясь доказать этим агрессивный характер советских устремлений. Все известные на сегодняшний день свидетельства о переговорах Молотова в Берлине полностью опровергают брехню Риббентропа. Я имею в виду, разумеется, достоверные источники, ибо в обороте находится немало фальшивок о той встрече.

Очень сомнительно утверждение бывшего рейхсминиста о том, что раздел сфер влияния на Балканах не состоялся из-за

того, что этому воспротивился Муссолини, с которым официальный Берлин счел нужным проконсультироваться. Вообще-то с Муссолини Гитлер не советовался и по куда более важным вопросам. Совершенной неожиданностью для Рима оказался и аншлюс Австрии, и атака на Польшу. Муссолини в отместку решил сделать для Гитлера сюрпризом вторжение в Албанию, закончившееся провалом. Спасая своего незадачливого союзника, Германия была вынуждена атаковать в 1941 г. Грецию. Так с какой стати германское правительство будет раскрывать Муссолини суть секретных(!) переговоров с Москвой, касающееся весьма далекой от Италии Болгарии (ставшей фактически вассалом Германии) или вопрос о базе советских ВМС на Дарданеллах?

Последнее вообще выглядит более чем сомнительно. Дарданеллы находятся в Турции, и было бы логичнее, если переговоры об аренде там военных баз Москва будет вести с Турцией, а не с Германией. С Турцией у СССР были относительно спокойные отношения, известны случаи, когда германский МИД просил Москву повлиять на турок в определенных вопросах (например, о непропуске британских военных кораблей в Черное море для усиления британского влияния в Румынии). С другой стороны, Дарданелльский пролив разделяет Мраморное и Эгейское моря, и база для советского флота там нужна лишь в том случае, если СССР будет контролировать Босфор, связующий Черное море с Мраморным. Но о Босфоре Риббентроп как раз ничего не сказал. Где логика? Или Риббентроп не знал географию на уровне школьного курса?

И уж совершенно очевидно, что Риббентроп брешет о том, что 23 августа 1939 г. к «секретному протоколу» была приложена некая карта с обозначенной на ней линией раздела Польши. Дело даже не в том, что эту карту никто до сих пор не видел. Вспомним, что по официальной легенде изначально линия раздела была проведена по Висле и Нареву (Буг при этом позабыли). Лишь через несколько дней дипломаты якобы спохватились, что на севере Польши осталась брешь, и уточнили линию по реке Писсе. Если бы Молотов и Риббентроп сразу воспользовались картой, то у них никак не получилось бы разделить Польшу по Нареву. Тут уж волей-неволей пришлось бы как-то довести разграничительную линию до рубежей Восточной Пруссии. Итак, совершенно очевидно, что карта к секретному соглашению не могла быть приложена, но Риббентроп заявляет обратное. Все это происходит лишь потому, что заранее нельзя согласовать все детали. В своих показаниях Гаусс говорит, что не помнит, была ли отмечена линия на карте, но Зайдль зачем-то о ней заикнулся. Что в этом случае говорить Риббентропу? Вот он и начинает импро-

визировать. Риббентроп врет, и чем больше говорит, тем больше в его словах путаницы и противоречий. Это указывает на то, что его показания являются вторичными по отношению к аффидевиту Гаусса, хотя, казалось бы, бывший рейхсминистр иностранных дел должен быть куда более компетентным в том, что касается секретных переговоров в Москве, нежели его подчиненный, присутствовший лишь в момент подписания договора.

И вот, наконец, последнее слово Риббентропа, произнесенное им 31 сентября 1946 г. перед оглашением приговора. Терять ему абсолютно нечего, зато имеется последняя возможность откровенно рассказать о «преступном сговоре» со Сталиным и «секретных протоколах. Однако о каких-либо протоколах он не говорит, ограничивая свое оправдание следующими словами: *«Когда я встречался с маршалом Сталиным в Москве в 1939 году, он не обсуждал со мной возможность мирного урегулирования немецко-польского конфликта в рамках пакта Келлога — Бриана; а скорее он намекнул, что, если в дополнение к половине Польши и балтийским странам он не получит Литву и гавань Либау, я могу тотчас возвращаться домой. В 1939 году проведение войны еще не расценивалось им как преступление против мира, иначе я не могу объяснить телеграмму Сталина в конце польской кампании, в которой указывается: «Дружба Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, которую они пролили вместе, имеет все основания быть длительной и прочной»* (том XXII).

Сравним этот текст с тем, что был опубликован в статье Зори и Лебедевой «1939 год в нюрнбергском досье» в журнале «Международная жизнь» (№9, 1989 г.) и цитируется Михаилом Семирягой в книге «Тайны сталинской дипломатии»:

«Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана-Келлога, а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либава, то я могу сразу же вылетать назад. Ведение войны, видимо, не считалось там в 1939 году преступлением против мира...». Кстати, этот абзац не вошел в семитомное русское издание материалов Нюрнбергского процесса».

Легко заметить, что журнальный текст сильно искажает слова Риббентропа. Из оригинального текста следует, что Сталин потребовал Литву и гавань Либаву В ДОПОЛНЕНИЕ к половине

Польши, а не «половину Польши и прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либава». Получается, что у Зори и Лебедевой Сталин еще не требует Литву, поскольку речь идет об августовской встрече, а Риббентроп утверждает, что Сталин уже тогда требовал Литву с гаванью Либава. Авторы грубо подгоняют слова Риббентропа под уже известную версию истории, когда сначала Литва была отнесена к германской сфере интересов. Из этого фрагмента следует, что «распил» Восточной Европы был сталинским требованием для заключения договора о ненападении, и если Риббентроп не согласен с этим, то может сразу же лететь восвояси. Таким образом, Сталин предстает в качестве инициатора раздела Восточной Европы.

Сам же Риббентроп говорит о том, что этот диалог состоялся после заключения «секретного протокола», по которому Москва уже получила половину Польши, а теперь требовала Литву и Либаву. По логике вещей такой разговор мог иметь место только в сентябре 1939-го, когда рейхсминистр иностранных дел прибыл в Москву для решения вопроса о советско-германской границе. Но при чем здесь тогда урегулирование польско-немецкого конфликта в рамках пакта Келлога — Бриана?

Из всего этого видно, что, во-первых, «историки» легко меняют смысл слов Риббентропа на прямо противоположный, когда это им нужно; во-вторых, что Риббентроп произносит абсолютно бессмысленные слова. Порт Либава (Лиепая) находится в Латвии, а не в Литве — фальсификаторов слишком часто подводит незнание географии. Ни о каком мирном урегулировании германо-польского конфликта во время второго визита Риббентропа в Москву не могло быть и речи, поскольку Польша к тому времени перестала существовать. Если же речь идет о первой встрече 23 августа 1939 г., то на ней не мог быть поднят вопрос о Литве, как о *дополнительном* требовании, поскольку пресловутые сферы интересов еще вообще не были к тому времени поделены.

Вот эти-то противоречия и были устранены публикаторами «Международной жизни» путем полного искажения смысла слов Риббентропа. Как они это сделали? Очень изящным образом: стенограмму процесса Зоря и Лебедева всегда цитируют по советским архивным документам, и лишь последнее слово Риббентропа — по авторскому сочинению — художественно-публицистической книге Зайдля «Падение Рудольфа Гесса» («Der Fafl Rudolf Hess. 1941—1987»). Семиряга же вообще умалчивает о первоисточнике. Вот таким незамысловатым способом любую ложь можно выдать за «научную истину», а потом превратить эту «истину» в общеизвестную.

Есть все основания полагать, что исходные высказывания Риббентропа либо были перековерканы еще во время суда и в таком виде попали в стенограмму процесса на английском языке, либо этот фрагмент был полностью сфабрикован уже после его смерти, когда американцы издавали материалы Трибунала. В противном случае трудно понять, почему Риббентроп путается в датах, географии и утверждает, что говорил в 1939 г. с маршалом Сталиным, хотя это воинское звание советский вождь получил лишь в 1944 г. «Маршал Сталин» — так стало принято официально именовать Иосифа Виссарионовича в конце войны у западных союзников, но не среди руководителей Третьего рейха. В материалах Нюрнбергского процесса на английском языке лишь Риббентроп из всех обвиняемых почему-то неоднократно называет советского вождя Marshal Stalin. Причем именно в тех случаях, когда дело касается «секретных протоколов». Ну не смешно ли?

Трудно обойти вниманием и так называемые мемуары Риббентропа «Между Лондоном и Москвой», доработанные и изданные его вдовой после смерти «автора». Я ставлю авторство Риббентропа под сомнение, потому что в них очень много ошибок, недопустимых для профессионального дипломата, да и написаны они как-то сухо, бесцветно, в них практически отсутствует авторская субъективность, почти не обозначается личная оценка автора тех эпохальных событий, участником которых он являлся. Складывается впечатление, что текст написан на основе показаний Риббентропа, данных на следствии и суде, но сторонним человеком.

Риббентроп в своих мемуарах пишет:

«В самолете я прежде всего вместе с Гауссом набросал проект предусмотренного пакта о ненападении. Во время обсуждения в Кремле это оказалось полезным, поскольку русские никакого текста его заранее не подготовили».

Это очевидная ложь, свои проекты подготовили обе стороны, и окончательный вариант был как раз утвержден на основе советского варианта. Рейхсминистр не мог не знать этого, но у того баснописца, что сочинял от его имени мемуары, в голове могла возникнуть путаница между самим договором и «секретными протоколами», что на Западе стали обозначать одним словом «пакт». Поскольку в показаниях Гаусса говорится о том, что текст «секретного протокола» был разработан германской стороной, эта установка и была зафиксирована в мемуарах Риббентропа.

Далее он пишет, что германская делегация прибыла в московский аэропорт между 16 и 17 часами, в то время как в действительное время прибытия — 13 часов. По мемуарам Риббентропа следует, что на встречу в Кремле он был приглашен к 18 часам (при этом рейхсминистр успел прибыть в здание бывшего австрийского посольства, отобедать там, и имел предварительную беседу с послом Шуленбургом). В действительности же он беседовал со Сталиным уже в 15.30.

О разделе пресловутых сфер интересов Риббентроп пишет настолько путано, что я не в силах понять, например, смысл такой фразы:

«Под «сферой интересов», как известно, понимается, что заинтересованное государство ведет с правительствами принадлежащих к этой сфере стран касающиеся только его самого переговоры, а другое государство заявляет о своей категорической незаинтересованности».

Смысл сказанного становится еще более непонятным, если припомнить, что в «секретных протоколах» от 23 августа 1939 г. Польша была поделена на две сферы интересов. Кстати, само понятие «сфера интересов» было настолько нехарактерно для советской дипломатии, впрочем, как и германской, что оно нуждалось, как минимум, в подробном разъяснении.

Но вместо объяснения Риббентроп лишь множит путаницу, рассуждая о том, что тогда же сторонами была установлена демаркационная линия по рекам Висла, Буг и Сан (а где Нарев? — *А.К.*). Но, как известно, переговоры о демаркационной линии начались в Москве в ночь с 19 на 20 сентября, и Риббентроп не принимал в них участия, поскольку они велись военными представителями Германии и СССР. Спрашивается, мог ли реальный участник переговоров допустить такую чудовищную путаницу? Вроде бы Риббентроп амнезией или старческим маразмом не страдал. Для домохозяйки, вероятно, и нет особой разницы между демаркационной линией и границей сферы интересов, но дипломаты никогда не смешивают эти понятия.

И уж совсем ни в какие ворота не лезет его утверждение, будто текст договора о ненападении он разрабатывал вместе с Гауссом, уже сидя в самолете, в то время как советская сторона, предложившая эту идею, вообще никакого проекта не имела. То же самое касается и «секретного протокола»: если верить выступлению Риббентропа на суде в изложении Зайдля, инициатором

раздела сфер интересов выступил Сталин, но текст составлял не инициатор предложения, а германская сторона, да еще заранее. Да и сам «секретный дополнительный протокол» автор мемуаров почему-то упорно именует «секретным договором», из-за чего в русском издании книги присутствуют примечания переводчика, поправляющего автора. Весьма любопытно, как Риббентроп объясняет секретность дополнительного протокола: якобы его засекретили потому, что он нарушал... советско-французские договоренности 1936 г. Бред какой-то!

Всего на трех страничках текста я насчитал более полутора десятков сомнительных мест, сигнализирующих о том, что перед нами, скорее всего, не оригинальное авторское повествование, а довольно неуклюже скомпилированный текст, причем лицом, не имеющим отношения к описываемым событиям. Что же касается описания второго визита Риббентропа в Москву в сентябре 1939 г., то уже с первых строк чувствуется душок низкопробной беллетристики. Риббентроп пишет о том, что ему в Кремль звонил... сам Гитлер и *«заявил — явно не с легким сердцем, — что согласен включить Литву в сферу советских интересов»*. Уж не знаю, что такого дорого для сердца фюрера было в Литве, но его звонок в кабинет Сталина — очевиднейшая ложь. Вероятно, у сочинителей риббентроповских мемуаров засел в памяти аффидевит Гаусса, где он невнятно упоминает некий разговор по телефону (без четкого указания на место, где он происходил), но речь тогда шла об августовской встрече. Что же касается Литвы, то по официальной версии, подкрепленной фальшивыми документами (например, запись беседы Шуленбурга с Молотовым от 25 сентября 1939 г.), Советская сторона высказала свои пожелания как минимум за два дня до визита рейхсминистра в Москву, и потому обсуждать этот вопрос по телефону из Кремля не было никакой надобности. Кстати, сам Риббентроп в показаниях на суде ничего о телефонных разговорах с Гитлером не говорил. Фальсификаторов в очередной раз подводит несогласованность в очень существенных деталях.

Вот еще одна цитата:

«Осенью 1939 г. советское правительство перешло к оккупации прибалтийских государств. Именно в тот момент, когда я во второй раз прибыл в Москву, я видел, как прибалтийские министры с побледневшими лицами покидали Кремль. Незадолго до этого Сталин сообщил им, что советские войска вступят в их страны».

Эта фраза прекрасно демонстрирует, что так называемые воспоминания Риббентропа подложны если и не полностью, то частично. Почему эти слова попали в книгу воспоминаний? Фальсификаторы знали, что 28 сентября в Кремле был подписан договор о взаимопомощи между СССР и Эстонией. Поэтому авторы воспоминаний Риббентропа и предположили, что немецкая и эстонская делегации могли столкнуться нос к носу. Первая германо-советская встреча в Кремле состоялась в 22:00, когда эстонская делегация уже находилась в своем посольстве (ровно в это же время там проходило совещание, на котором обсуждались советские предложения). На следующий день Риббентроп обедал в Кремле, а переговоры начались в полночь, в 5 часов утра 29 сентября был подписан договор о дружбе и границе. Договор о взаимопомощи между СССР и Эстонией был подписан несколько ранее — поздно вечером 28 сентября. Так что встреча эстонцев с немцами в Кремле маловероятна.

Но почему Риббентроп пишет о «прибалтийских министрах» во множественном числе? В составе эстонской делегации находился министр иностранных дел Сельтер в сопровождении председателя Государственной думы Улуотса и члена думы Пийпа. Однако в госдеповском сборнике «Нацистско-советские отношения. 1939—1941» опубликована найденная в бумагах помощника статс-секретаря Андора Генке запись хронологии визита Риббентропа в Москву 27—29 сентября 1939 г. О втором дне пребывания в советской столице сообщается следующее:

«28 сентября 1939 г.

Возобновление переговоров с 15 до 18.30.

Обед в Кремле.

Один акт балета («Лебединое озеро»); Сталин тем временем ведет переговоры с латышами.

Возобновление переговоров в 24.00. Подписание в 5 утра. Затем прием для делегации у посла до 6.30 утра».

Крайне маловероятно, чтобы Генке спутал эстонцев с латвийцами, поскольку переговоры с Латвией по вопросу заключения договора начались в Москве только 2 октября (3 октября состоялся первый раунд советско-литовских переговоров). Но такая ошибка легко могла возникнуть в том случае, если бы документы фабриковались несколько лет спустя при подготовке к печати указанного сборника документов. А при составлении мемуаров Риббентропа авторы уже пользовались госдеповским сбор-

ником, поэтому в их сознании эстонская делегация благодаря этой ошибке как бы раздвоилась, превратившись в объединенную делегацию прибалтийских министров. Кстати, ошибка о переговорах с латвийцами перекочевала из мемуаров Риббентропа в сочинения многих западных авторов. Обнаружил ее я и в такой известнейшей книге, как «Взлет и падение Третьего рейха» Уильяма Ширера.

Германия никогда не считала, что СССР оккупировал Прибалтику, но если уж Риббентроп говорит об оккупации, то почему он датирует ее осенью 1939 г., когда сами прибалты считают, будто подверглись оккупации летом следующего года? Да и о том, что Советский Союз желает разместить на эстонской территории свои военные базы, Молотов проинформировал Сельтера еще 24 сентября, следовательно, этим никак нельзя объяснить усмотренную Риббентропом бледность на лицах «прибалтийских министров». В общем, приходится констатировать, что мемуары Риббентропа «Между Лондоном и Москвой» никоим образом не могут рассматриваться в качестве надежного источника по вопросам «секретных протоколов» из-за колоссального количества противоречий, ошибок и неточностей. Наоборот, фальсификация данного сочинения является еще одним доказательством подложности самих «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа.

ВАЙЦЗЕККЕР

Продолжим изучение стенограммы Нюрнбергского трибунала. Обратимся к допросу 21 мая 1946 г. свидетеля Эрнста фон Вайцзеккера, статс-секретаря министерства иностранных дел Германии, то есть первого заместителя Риббентропа в 1939 г. Вайцзеккер происходил из дворянской семьи, отец Эрнста до объединения Германии был премьер-министром королевства Вюртемберг. В 1900 г. будущий дипломат стал офицером военно-морских сил кайзеровской Германии, в 1917 г. награжден Железным крестом. В 1920 г. Эрнст фон Вайцзеккер начал работать в министерстве иностранных дел. В 1938 вступил в НСДАП, а также в СС, получив назначение на должность статс-секретаря в министерство иностранных дел, участвовал в заключении Мюнхенского соглашения. В 1943—1945 гг. состоял послом Германии при Папском престоле. В 1947 г. Вайцзеккер был арестован в связи с делом против бывших имперских министров и обвинен в участии в массовых депортациях французских евреев. Несмотря на то, что вина его не была доказана (в общепринятом смысле этого слова), суд приговорил его к семи годам заключения. Но провел в тюрьме Вайцзеккер лишь пять лет, будучи освобожденным досрочно. Обратимся к стенограмме Трибунала от 21 мая 1946 г. (том XIV).

ЗАЙДЛЬ: Свидетель, пожалуйста, опишите содержание [секретного] соглашения, насколько вы можете вспомнить его.

ВАЙЦЗЕККЕР: Речь идет об имевшем далеко идущие последствия секретном приложении к пакту о ненападении, заключенному тогда же. Этот документ касался широкого спектра вопросов, так как определял разграничение сфер влияния и повлек установления границ между областями, которые, отходили сфере Советской России и теми, которые попадали в сферу интересов Германии. Финляндия, Эстония, Латвия, Восточная Польша и, насколько я могу помнить, определенные области Румынии, включались в сферу интересов Советского Союза. Все, что находится к западу от этой линии, попадало в немецкую сферу интересов. Это секретное соглашение в дальнейшем было уточнено. Позже, или в сентябре или октябре того же года в него были внесены оп-

ределенные изменения. Насколько я могу вспомнить, существенное изменение заключалось в том, что Литва, или как минимум, большая часть Литвы, переходила в сферу интереса Советского Союза, в то время как на польской территории линия установления границ между двумя сферами интереса очень значительно смещалась на запад.

Я полагаю, что передал вам суть секретного соглашения и последующего приложения к нему.

ЗАЙДЛЬ: Действительно ли последующее территориальное переустройство польского государства произошло в соответствие с демаркационной линией?

ВАЙЦЗЕККЕР: Я не могу сказать вам точно, содержалось ли выражение «линия установления границ» в этом протоколе или то была «линия разделения сфер интересов» с указанием срока действия соглашения.

ЗАЙДЛЬ: Но линия была проведена.

ВАЙЦЗЕККЕР: Я припоминаю, что этой линии, когда соглашение вступило в силу, как правило, придерживалась с возможными небольшими отклонениями.

ЗАЙДЛЬ: Вы можете вспомнить — это мой последний вопрос — секретное приложение от 23 августа 1939 содержало соглашение о будущей судьбе Польши?

ВАЙЦЗЕККЕР: Это секретное соглашение содержало в себе план полного переустройства судьбы Польши. Возможно, оно предусматривалось соглашением в неявной форме. Я, однако, не могу утверждать относительно точности формулировки.

ЗАЙДЛЬ: Ваша честь, у меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель, Вы видели оригинал секретного соглашения?

ВАЙЦЗЕККЕР: Я видел фотокопию оригинала, возможно, оригинал тоже. В любом случае в моем распоряжении была фотокопия. Она хранилась в моем личном сейфе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы признали бы копию, если бы ее показали вам?

ВАЙЦЗЕККЕР: О да, я думаю так.

Судья объявил перерыв, и после непродолжительного совещания вынес решение не предъявлять свидетелю документ, как не заслуживающий доверия. Итак, какие выводы можно сделать, ознакомившись с этим фрагментом стенограммы судебного заседания:

1. Вайцзеккер не видел оригинал «секретного соглашения». По крайней мере, он не помнит этого (что-то слишком часто не-

мецких дипломатов подводит память, когда речь заходит о тайной сделке с Молотовым).

2. Он неверно передает содержание документа, утверждая, что в нем в явной или неявной форме предусматривалось изменение судьбы Польши. В известном нам тексте «секретного протокола» от 23 августа 1939 о «территориально-политическом переустройстве» Польши речь идет исключительно в гипотетическом ключе.

3. Вайцзеккер утверждает, что первоначальное соглашение о разделе сфер интересов соблюдалось с небольшими изменениями, в то время как на самом деле германские войска заняли территории далеко к востоку от Вислы. Если же он имеет в виду несекретный договор о дружбе и границе, то непонятно, почему он его упоминает в связи с «секретными соглашениями».

4. В сентябре 1939 г. во время московских переговоров ни о каком «смещении на запад» линии разграничения интересов на территории Польши речи не шло, ибо тогда был подписан договор о границе между странами. К тому же, если линия куда-то и смещалась, то именно на восток. Впрочем, эта ошибка могло произойти из-за оговорки свидетеля, ошибки переводчика или стенографиста.

5. В МИД Германии не существовало практики фотокопирования секретных документов и хранения фотокопий их в личных сейфах сотрудников. Так что слово «фотокопия» всплыло в речи Вайцзеккера, надо полагать, лишь для того, чтобы как-то легитимировать фотокопии, подброшенные Зайдлю. Или это была классическая оговорка по Фрейду.

6. Заместитель Риббентропа не сказал абсолютно ничего сверх того, что уже было известно из фотокопий «секретных протоколов», представленных Зайдлем, аффидевита Гаусса и показаний Риббентропа. Наоборот, он кое-что переврал, что вполне объяснимо — все лжесвидетели не могут брехать абсолютно одинаково. Так же как Гаусс и Риббентроп, Вайцзеккер уклоняется от описания подробностей, говорит очень обтекаемо и ссылается на плохую память.

Изучив материалы Нюрнбергского процесса, мы приходим к однозначному выводу: вброс «секретных протоколов» — это пропагандистская акция американских спецслужб. Точнее, лишь первый ее этап. Даже на Нюрнбергском процессе, где тон задавали англо-американцы, судья Лоуренс отказался приобщить фотокопии секретных протоколов к делу. Никаких доказательств их подлинности защита не представила, основываясь лишь на письменных показаниях доктора Гаусса. Сам Риббентроп мог бы подтвердить аутентич-

ность этих протоколов, мог бы поведать о том, что он дал указание микрофильмировать в 1944 г. документы, однако он об этом даже не заикнулся. И Зайдль его об этом почему-то не спрашивал.

Впечатление складывается такое, что фальсификаторы очень боялись поднимать вопрос о «секретных протоколах» всерьез, так как если бы Москва почувствовала угрозу, то ответила бы эффектно и разгромно. Например, как в случае со свидетелем Паулюсом, германским фельдмаршалом, взятым в плен в Сталинграде, которого считали мертвым, а он вдруг воскрес на процессе в качестве свидетеля обвинения от СССР, чем произвел настоящий фурор. То есть если бы вопрос о «секретных протоколах» действительно затронул в 1946 г. престиж Советского Союза, то Руденко мог бы предъявить советские оригиналы договора от 23 августа и потребовать провести анализ на предмет аутентичности с филькиными грамотами фон Леша.

Потому-то тема секретных протоколов муссировалась както воровато-испуганно, а фотокопии так и не были приобщены к делу. Когда впервые всплыл этот вопрос, ни судья Лоуренс, ни советская сторона долго не понимали, о чем вообще идет речь. В дальнейшем советские представители воспринимали навязчивое желание Зайдля поговорить о протоколах исключительно как попытку затянуть процесс и серьезно не воспринимали, ограничиваясь устными протестами. И это не смотря на то, что ход процесса отслеживал лично Сталин, а непосредственное руководство советским представительством из Москвы осуществлял Вышинский, опытнейший дипломат.

На процессе были аккредитованы сотни журналистов со всего мира, поскольку процесс был открытым, но о сенсационных «секретных протоколах», об откровениях Риббентропа и Гаусса не написала ни одна газета кроме «St. Louis Post-Dispatch»! А ведь в это время уже шла холодная война, и западная пресса писала всякую чушь вплоть до того, что кровожадные русские собираются убить всех обвиняемых еще до вынесения приговора.

Эпатажное поведение Зайдля имеет какое-то объяснение лишь в том случае, если его целью было привлечь внимание прессы. Но это, как видим, ему не удалось. Поэтому введение «секретных протоколов» в пропагандистский оборот было осуществлено американцами только со второго захода путем издания Госдепом в 1948 г. сборника «Нацистско-советские отношения. 1939—1941».

ПАВЛОВ

Почему-то никому из историков не пришло в голову побеседовать со свидетелем, а точнее, участником московских переговоров — переводчиком Молотова и Сталина Владимиром Николаевичем Павловым. Лишь писатель Владимир Карпов, известный своей страстью к жареным фактам и сомнительным сенсациям, в своей книге «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира» повествует о поистине детективной истории:

«А теперь я расскажу о дополнительных сведениях, на мой взгляд, тоже убедительно подтверждающих существование протокола. Я удивляюсь, как не пришло в голову никому из членов комиссии воспользоваться таким достоверным источником.

Просматривая свои материалы о тех далеких днях, перечитывая текст договора, вглядываясь в подписи под ним, рассматривая фотографии Нюрнбергского процесса, я размышлял о том, что участники тех событий — Сталин, Гитлер, Молотов, Риббентроп, Геринг, Гесс и другие — сошли с исторической сцены, никто уже не может рассказать, что и как тогда произошло. И вдруг я вспомнил — еще жив один человек, который нередко бывал рядом со всеми этими деятелями, не только слышал их разговоры, но и помогал объясниться,— это переводчик Павлов Владимир Николаевич.

Бросив все дела, я немедленно стал добывать телефон и адрес Павлова. Именно добывать — в Москве найти нужного человека не так просто.

И вот я у Павлова. Меня встретила его жена — общительная и, сразу видно, властная дама. Она тут же предупреждает, что Владимир Николаевич не дает интервью, не пишет мемуаров, а со мной будет беседовать из уважения, которое испытывает ко мне как писателю. Маленький магнитофон, который я хотел использовать как записную книжку, она взяла и вынесла в прихожую.

— Будем говорить без этого.

В гостиную вошел Владимир Николаевич, непохожий на того, каким я видел его на многих фотографиях: там он небольшого

роста, худенький и, я бы сказал, не выделяющийся, всегда сбоку или позади тех, кому помогает вести разговор. Теперь он пополнел, блондин от природы, стал совсем светлый, даже не седой, а какой то выцветший. Ему за восемьдесят, не очень здоров, но память светлая, видимо, по профессиональной привычке не берет на себя инициативу разговора, а лишь отвечает на вопросы. Ему бойко помогает супруга.

Для знакомства я попросил Владимира Николаевича коротко рассказать о себе.

— Я никогда не собирался быть переводчиком, окончил энергетический институт, занялся научной работой, хотел увеличить прочность лопастей турбин. А языками увлекался для себя Как сегодня говорят, это было хобби. Нравилось и легко давалось. Видно, от природы мне это было отпущено, свободно владел немецким, английским, а позднее французским и испанским И вот в 1939 году меня вызывают в ЦК ВКП(б). Представляете? Я всего кандидат в члены партии. В ЦК со мной беседовали два человека на немецком языке в присутствии какого-то работника ЦК. Как выяснилось, они должны были выяснить, как я знаю язык. И выяснили, сказав. «Он знает немецкий лучше нас». Тут же мне было сказано, чтобы я ехал в Наркоминдел к товарищу Молотову. Его только что назначили наркомом вместо Литвинова, и он обновлял аппарат.

Все это было как во сне, я не хотел быть дипломатом, мне было 24 года, все мои мысли были в науке. Я об этом честно сказал Молотову на первой же беседе Но он коротко и четко отрезал:

— Вы коммунист и обязаны работать там, где нужнее.

Так я стал помощником наркома иностранных дел СССР. Я переводил на всех встречах Сталина и Молотова с Риббентропом. Был с Молотовым на его встречах с Гитлером, был заведующим Центральным европейским отделом наркомата. Работал как переводчик на всех конференциях в годы войны — Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской. С 1974 года на пенсии в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла.

— Расскажите подробнее о подписании договора о ненападении с Германией.

— Да, я тогда переводил разговор Сталина, Риббентропа и Молотова.

— В наши дни много пишут и говорят о секретном дополнении к договору — протоколе. Даже в докладе Яковлева Съезду народных депутатов, после изложения всех косвенных доказательств о существовании протокола, все же сказано — под-

линников нет. Если вы были при подписании договора и этого секретного приложения, то на сегодня вы единственный живой свидетель происходившего в тот день — 23 августа 1939 года. Скажите четко и прямо: был ли секретный протокол?

— Да, был. И еще добавлю такую подробность, в которую сегодня вообще трудно поверить. Инициатива создания и подписания секретного протокола исходила не с немецкой, а с нашей стороны.

— Это действительно очень неожиданно слышать.

— Ничего удивительного. Секретный протокол сегодня осуждают, а по тем временам, в той международной обстановке, его расценивали как мудрый поступок Сталина. Гитлеру нужен был спокойный тыл. Он очень спешил с подписанием договора. Оставалось несколько дней до нападения на Польшу, а позднее на Францию. Не допустить открытия фронта на востоке, обеспечить тыл было заветной мечтой Гитлера. Риббентроп привез только текст основного договора, Сталин, Молотов обсудили его, внесли поправки. Сталин вдруг заявил: «К этому договору необходимы дополнительные соглашения, о которых мы ничего нигде публиковать не будем». Сталин, понимая, что ради спокойного тыла Гитлер пойдет на любые уступки, тут же изложил эти дополнительные условия: Прибалтийские республики и Финляндия станут сферой влияния Советского Союза. Кроме того, Сталин заявил о нашей заинтересованности в возвращении Бессарабии и объединении украинских и белорусских западных областей с основными территориями этих республик.

Риббентроп растерялся от таких неожиданных проблем, сказал, что не может их решить сам, и попросил разрешения позвонить фюреру. Получив такое разрешение, он из кабинета Сталина связался с Гитлером и изложил ему пожелания Сталина. Фюрер уполномочил Риббентропа подписать дополнительный протокол. Он и не мог не согласиться. У него войска были сосредоточены — через неделю начнется война, любые обещания он готов дать, понимая, что все они будут нарушены и не выполнены, когда в этом появится необходимость. (Кстати, этот разговор подтверждает в своих показаниях на Нюрнбергском процессе бывший начальник юридического отдела МИД Германии Фридрих Гаусс: «Рейхсминистр по этим пунктам... заказал разговор по телефону с Гитлером... Гитлер уполномочил Риббентропа одобрить советскую точку зрения». — В.К.)

После разговора с Гитлером здесь же, в кабинете Сталина, был составлен «Секретный дополнительный протокол». Его отредактировали, отпечатали и подписали.

Все это я видел своими глазами, слышал и переводил разговор участников переговоров. Сталин несколько раз подчеркнул, что это сугубо секретное соглашение никем и нигде не должно быть разглашено.

Подтверждение рассказа Павлова я нашел в показаниях самого Риббентропа на Нюрнбергском процессе.

Цитата из последнего слова Риббентропа на Нюрнбергском процессе, которую я уже привел в этой главе, на мой взгляд, убедительно подтверждает достоверность рассказа Павлова»[1].

Разберем все по порядку. Найти человека в Москве труда не составит, тем более для бывшего офицера ГРУ, — надо просто обратиться в адресно-справочное бюро. К тому же Карпов, окончив Литературный институт в середине 1950-х годов, с 1962 г. был членом Союза писателей. А Павлов с 1953 г. до середины 1970-х гг. работал главным редактором Издательства литературы на иностранных языках (с 1964 г. — издательство «Прогресс»), так что вращались они в одной профессиональной сфере, и вполне могли знать друг друга. По крайней мере, сам Павлов знал Карпова со слов последнего. Но это не столь важно.

Коснемся самого разговора. Карпов не зря акцентирует внимание читателя на жене Павлова, Наталье Лупановне: она мол, мегера этакая, не дала записать ценнейшее историческое свидетельство на «магнитофон в качестве записной книжки», выставила его в коридор, да еще и присутствовала при разговоре, помогая отвечать(!) мужу. Интересно мадам Павлова мотивировала и согласие своего мужа дать интервью: мол, никому Владимир Николаевич интервью не дает, а Карпову даст, как писателю. Можно подумать, ранее у него пытались взять интервью читатели.

В общем, Карпов оказался в очень удобном положении: он единственный интервьюировал Павлова, но аудиозаписи беседы нет, и потому никто не сможет уличить его во лжи. Дату встречи с отставным дипломатом Карпов тоже почему-то не приводит, но поскольку, по его словам, Павлову тогда было за 80 лет, то встреча происходила позже 1995 г. Упс! Вот здесь Карпов первый раз прокалывается, поскольку Павлов скончался в 1993 г. в возрасте 78 лет. Карповское сочинение «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира» публиковалось в 1991 г. в «Роман-газете», следовательно, описываемая встреча могла состояться, когда Павлову было не более 76 лет.

---

[1] http://militera.lib.ru/bio/karpov/10.html

Почему же Владимир Николаевич, причастный к одной из самых великих тайн минувшего века, никогда не пытался раскрыть подробности кремлевских переговоров 1939 г.? Загадка. Впрочем, теперь кое-кто утверждает, что он предпринимал шаги в этом направлении:

«В 1989-м, когда разразился политический скандал по поводу этого секретного протокола, подлинники текстов которого якобы не были обнаружены, Владимир Николаевич был единственным живым свидетелем данного события и счел нужным написать об этом записку в Министерство иностранных дел СССР. Но ему никто не ответил...[1]

Детский лепет, однако. Комиссия Яковлева была создана I Съездом народных депутатов СССР в июне 1989 г. Заседания Съезда транслировались в прямом эфире, вся страна сидела у телевизоров, раскрыв рот (в период трансляций было даже зафиксировано резкое падение производительности труда), стенограммы заседаний печатались в газетах. Но Корягина пытается убедить нас, что Павлов не догадался связаться с членами комиссии Яковлева (это можно легко сделать через депутата своего округа), в конце концов, обратиться к прессе, кипевшей страстями по поводу «секретных протоколов»! Дескать, не пришел ответ из МИДа, ну и черт с ним, до визита Карпова никаких действий Павлов не предпринимает.

Если же обращение Павлова в МИД действительно имело место, то проигнорировано оно могло быть исключительно в одном случае — если его версия в корне отличалась от той, которая в тот момент активно навязывалась общественности, в том числе и стараниями высокопоставленных мидовских чиновников. Сам Шеварднадзе являлся сторонником признания «секретных протоколов», и получи он подтверждение их подлинности от участника переговоров 1939 г. — разве бы он стал скрывать это?

Теперь коснемся собственно текста Карпова (язык не поворачивается сказать «слов Павлова»): «*После разговора с Гитлером здесь же, в кабинете Сталина, был составлен секретный дополнительный протокол. Его отредактировали, отпечатали и подписали*». Совершенно очевидно, что дополнительный протокол не мог быть подписан раньше, чем сам Договор о ненападении, потому-то протокол и назван дополнительным (правда не ясно, дополнительным по отношению к чему, ведь если прото-

---

[1] Независимая газета, http://www.ng.ru/style/2003-03-05/8_stalin.html.

кол один, то он не дополняет, а лишь прилагается к договору, что следует из преамбулы к нему). Трехчасовая беседа Риббентропа с Молотовым и Сталиным началась в 15.30. После перерыва переговоры продолжились в 22.00, а церемония подписания пакта состоялась глубокой ночью. Но из карповского текста можно заключить, что протокол был подписан *«здесь же, в кабинете Сталина»* еще до церемонии подписания Договора. Уже одно только это полностью обесценивает все свидетельство. Надо полагать, пишущую машинку с немецким шрифтом Сталин приволок к себе в кабинет заранее.

Про звонок Гитлеру по сталинскому телефону — это вообще нездоровая фантазия. Совершенно очевидно, что раздел Европы по телефону не согласовывают (разве что в голливудских фильмах). Ведь русские могли элементарно записать этот разговор, а при удобном случае использовать в пропаганде. Кстати, другие источники излагают этот эпизод совершенно иначе:

«Риббентроп пообещал немедленно запросить Берлин. Сделали перерыв. Риббентроп уехал в германское посольство и в ожидании ответа сел ужинать. Он был в отличном настроении, восхищался Молотовым и Сталиным. Ответ из Берлина не заставил себя ждать. Фюрер просил передать своему министру: «Да. Согласен»[1].

Кстати, Гитлер, как уже упоминалось, в тот момент находился не в Берлине, а в своей резиденции в Берхестгадене.

В любом случае текст писателя-биллетриста Карпова ничем не подтверждается, книга «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира» — не историческое исследование, а художественно-фантастическое произведение детективного жанра. Принимать карповское свидетельство во внимание нельзя, особенно учитывая внутреннюю противоречивость изложения и неточность (например, Карпов пишет, что Сталин затребовал себе всю Прибалтику, хотя в канонической версии «кремлевского сговора» речь идет лишь о Латвии и Эстонии). Утверждение, приписываемое Павлову, будто, инициатива заключения «секретного протокола» исходила от советской стороны, да еще была высказана непосредственно в ходе переговоров, чем вызвала растерянность Риббентропа, прямо противоречит общепринятой версии мифа, по которой Гитлер, отправляя своего министра в Москву, дал ему добро на передачу в сферу интересов

---

[1] *Дубровский В.* К 65-й годовщине подписания пакта Молотова — Риббентропа // «Капиталист», 2 августа 2004 г.

СССР даже черноморских проливов, а проект первого «секретного протокола» был разработан Фридрихом Гауссом в самолете по пути в Москву.

Многие могут возразить: мол, какой интерес Карпову врать? Спросите у него сами, если встретитесь с ним на том свете. Вообще, Карпов достаточно тупой махинатор. Профессиональный фальсификатор всегда следует золотому правилу: подложный документ надо впаривать в комплекте с безупречными, не вызывающими ни малейших сомнений. Карпов же, например, свою книжонку «Генералиссимус», в которой воспроизводит эпизод о встрече с Павловым, так нашпиговал самыми низкопробными сплетнями, что это способно вызвать недоверие даже к неоспоримым фактам, которые соседствуют с его домыслами. Например, он совершенно серьезно пишет о предложении Сталина Гитлеру заключить сепаратный мир и совместно вести войну против Англии, США и международного еврейства (так в тексте). Мало того, что это клинический бред, так ведь Карпов догадался датировать это предложение не 41-м годом, а 19 февраля 1942 г. С какого перепугу Сталин стал просить мира в момент успешного контрнаступления под Москвой через две недели после того, как он обрел мощного союзника в лице США?

Другая фальшивка, фигурирующая у Карпова, — текст Генерального соглашение между НКВД и гестапо от 11 ноября 1938 г. Несмотря на многочисленные разоблачения этой совершенно неумелой подделки, Карпов упорно приводит ее в новых изданиях своего «Генералиссимуса», правда с небольшими изменениями. А уж когда он дает интервью, то так нагло врет, что просто диву даешься. Например, в интервью «Комсомольской правде» от 21 июня 2007 г.[1] он заявил, что, будучи членом ЦК КПСС, ознакомился с личным архивом Сталина, хранящимся в Кремле, где видел сверхсекретные документы, которые он обильно цитирует в своих сочинениях, правда без ссылки на источник. Все бы ничего, да только никакого архива Сталина в Кремле в бытность Карпова членом ЦК не было.

Можно уверенно констатировать: все писатели, пытающиеся доказать факт существования «секретного протокола», врут, и врут настолько грубо, что сами себя разоблачают. К тому же между собой они вранье не согласуют, и потому брешут по-разному. Попытки же привести брехню к общему знаменателю приводит лишь к еще большей брехне, и этот поток лжи нарастает, превра-

---

[1] http://www.kp.ru/daily/23921/68943/

щаясь в девятый вал вранья, полувранья, недомолвок и спекуляций, в котором тонут робкие попытки подвергнуть миф о «секретных протоколах» серьезному анализу.

Не отстает от беллетриста Карпова и «серьезный историк» Безыменский. Очень «научный» журнал «Новая и новейшая история» (№3, 1998 г.) публикует его статью «Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы», где на первый взгляд, весь отсылочный материал оформлен безупречно — более 80 ссылок на научные публикации и архивные документы. Но вот мелькает знакомая нам фамилия Павлова: «*Гаус вспоминал, что у немецкой делегации уже был текст дополнительного секретного протокола. Об этом косвенно свидетельствует и переводчик В.Н. Павлов, который вспоминал, что все переговоры Сталина с Риббентропом начались с того, что генсек выразил несогласие с немецким желанием провести разграничительную линию между «сферами государственных интересов» на Западной Двине. Тогда в немецкой сфере оставались порты Либава (Лиепая) и Виндава (Вентспилс), которые Сталин хотел сделать советскими военно-морскими базами. На это Риббентроп запрашивал согласие Гитлера и получил его*».

Самое интересное в этом месте — ссылка на источник, откуда он заимствовал воспоминания Павлова, которую дает автор — AD AP. Bd. VI. Dok. 20, 210. Я, конечно, не знаю, какой документ хранится в германском политическом архиве по указанным реквизитам, но уж точно, не воспоминания советского дипломата. В дальнейшем процитированный текст перекочевал в книжку Безыменского «Гитлер и Сталин перед схваткой», где уже нет никаких ссылок на источник. Вообще-то для исторического исследования так называемый научный аппарат — список использованных книг и материалов строго обязателен. И потому Безыменский, объясняя его отсутствие, просит у читателя «кредит доверия»: мол, был в архивах, все цитируемые документы видел своими глазами. Особо дотошных читателей он отсылает к своим журнальным публикациям, где якобы отсылочный материал оформлен по всем правилам. Но описанный выше эпизод отлично демонстрирует, насколько легко «ученый» Безыменский спекулирует (подробности см. в главе «Безыменский).

ХИЛЬГЕР

Помимо Павлова, на переговорах 23 августа 1939 г. в качестве переводчика с германской стороны участвовал советник посольства Густав Хильгер. Родился он в 1886 г. в Москве в семье немецкого фабриканта и потому отлично владел русским языком. Образование инженера он получил в Германии, после чего вновь вернулся в Россию, где и работал до начала Первой мировой войны, пока не был интернирован. После революции с весны 1918 г. работал в германской комиссии по делам военнопленных и гражданских лиц. Став карьерным дипломатом, он с 1923 г. и до июня 1941 г. был сначала сотрудником, а затем советником посольства Германии в СССР. После нападения Германии на СССР служил в министерстве иностранных дел, занимался вместе с Хервартом и Кестрингом созданием власовской армии.

После войны он благодаря содействию Кеннана и Болена, удивительно быстро оказался в США, где до 1951 г. подвизался в качестве «эксперта по русским делам» в Госдепартаменте и ЦРУ (не будем забывать, что Хильгер был завербован американцами еще в 30-х годах). Поскольку советское правительство добивалось его выдачи, как военного преступника (Хильгер был замешан в депортации евреев и прочих сомнительных делишках), в Америке Хильгер укрывался под псевдонимами Стивен Холкомб и Артур Латтер. В 1953—1956 гг. состоял советником аденауэровского правительства ФРГ по «восточным вопросам». По совместительству он в 1950—1960-е годы продолжал консультировать и американское правительство.

Густав Хильгер написал мемуары, в частности «Мы и Кремль» («Wir und der Kreml») и «Сталин. Путь СССР к мировой державе» («Der Ausflug der UdSSR zur Weltmacht»). Обе книги вышли во Франкфурте-на-Майне, первая — в 1959 г., вторая пятью годами позже незадолго до смерти автора. На русском языке они не издавались, но «Дипломатический ежегодник» за 1989 г. (вышел из печати в 1990 г.) опубликовал выжимки из его воспоминаний, дав им тенденциозный заголовок «Я присутствовал при этом». Думаю, нам будет очень любопытно ознакомиться с этим текстом. Поскольку цитата довольно обширна, я буду прерывать ее своими комментариями.

Фото 7. Встреча Молотова во время его визита в Берлин 14 ноября 1940 г. Хильгер — в центре

Риббентроп прибыл в Москву 23 августа на самолете. Первая беседа в Кремле началась в 15.30. Она длилась три часа и продолжилась вечером. Задолго до полуночи состоялось подписание пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола, который определил судьбу Польши, Прибалтийских государств и Бессарабии.

В данном случае Сталин впервые лично вел переговоры с представителем иностранного государства о заключении договора. <...>

Когда Риббентроп в сопровождении графа Шуленбурга 23 августа прибыл в Кремль, он думал, что ему придется вести переговоры с одним Молотовым, а Сталин, возможно, присоединится к переговорам на более поздней стадии. Поэтому Риббентроп был поражен, когда, войдя, увидел стоящего рядом с Молотовым

Сталина. Это был заранее рассчитанный Сталиным эффект и вместе с тем явное предостережение Риббентропу, что договор будет либо заключен прямо на месте, либо — никогда.

<...>

Переговоры 23 августа оказались простыми. Господин Риббентроп никаких новых предложений не привез, но прибыл с желанием покончить дело с подписанием пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола как можно быстрее и сразу же уехать.

Его заявления Сталину и Молотову в значительной мере ограничивались воспроизведением того хода мыслей, который служил предметом предварительных переговоров между Молотовым и Шуленбургом и содержался в телеграфных директивах из Берлина. Риббентроп рассыпался в заверениях о доброй воле Германии, на которые Сталин реагировал сухо, деловито и лаконично.

Редактирование текста пакта не составило никаких трудностей, так как Гитлер в принципе принял советский проект. Однако окончательный текст получил два важных дополнения: статью 3, в которой договаривающиеся стороны соглашались постоянно консультироваться друг с другом по вопросам, затрагивающим их общие интересы, и статью 4, согласно которой ни одна из договаривающихся сторон не должна была участвовать в каких-либо группировках, направленных против другой стороны. Срок действия пакта вместо предусматривавшихся 5 лет продлевался до 10 лет. Согласно статье 7, определялось, что пакт должен вступить в силу сразу же после его подписания, а не после ратификации, как первоначально планировалось.

Тут явная нестыковка с показаниями Гаусса и Риббентропа. Первый нафантазировал, что сочинял «секретный протокол» в самолете по пути в Москву, в мемуарах второго присутствует сенсационное признание, что русские даже не имели подготовленного заранее текста договора о ненападении. Я уж молчу про клинический бред Карпова со ссылкой на Павлова, будто шокирующая инициатива заключения «секретного протокола» была высказана Сталиным непосредственно в ходе первой встречи.

Секретный дополнительный протокол, которому русские придавали наибольшее значение, предусматривал разграничение сфер интересов обеих сторон в Восточной Европе. Согласно ему, граница между германской и советской сферами влияния в районе Балтийского моря проходила по северной границе Лит-

вы, а в Польше — вдоль течения рек Нарев, Висла и Сан. Кроме того, секретный дополнительный протокол признавал русское притязание на Бессарабию.<...>

Собственно, это все, что написал Хильгер о самых таинственных переговорах XX столетия. Вы верите, что так мог написать ЕДИНСТВЕННЫЙ к тому времени живой ОЧЕВИДЕЦ события по ту сторону «железного занавеса»? Даже Гаусс, который знал о ходе переговоров лишь со слов... Кстати, так и не ясно с чьих слов. Но он все же отличался куда большим красоречием.

Что касается Гитлера, то он, как кажется, в течение первых 5—6 месяцев после заключения договоров верил, что они не только осуществили непосредственную цель, но и заложили основу выгодных для обеих сторон отношений на ближайшие годы. Я обладал надежной информацией о том, что зимой 1939/40 г. Гитлер неоднократно высказывался в этом духе в кругу своих ближайших сотрудников. Мысль о том, что Сталин в подходящий момент сможет оказать нажим на ослабленную войной Германию, в то время еще явно не беспокоила Гитлера. Напротив, тогда он казался твердо убежденным в том, что военное превосходство Германии обеспечено на длительный срок и что Сталин уже по одной этой причине увидит себя вынужденным придерживаться заключенных договоров. О переменах, которые произошли в отношении Гитлера к Сталину и Советскому Союзу летом 1940 г., речь пойдет ниже.<...>

Каково было на душе у графа Шуленбурга и у меня в то время, когда нам пришлось познакомиться с тогдашними руководителями Советского Союза ближе, чем нам хотелось, можно себе представить. И если мы тем не менее честно содействовали усилиям по установлению взаимопонимания с Советским правительством, то это делалось нами в надежде, что пакт о ненападении с Советским Союзом сможет оказаться инструментом мира. Сколь ни неправдоподобно звучит это сегодня, но летом 1939 г. мы действительно считали, что, как только Германия создаст себе русское прикрытие с тыла, Англия и Франция заставят Польшу проявить умеренность. В качестве следствия этого мы ожидали достижения германо-польского взаимопонимания и предоставления [Польшей] «коридора через коридор». Находясь в московской дали, мы были склонны верить заверениям Гитлера, что тогда он «больше не будет предъявлять никаких террито-

риальных требований в Европе». Подобное решение польской проблемы мы рассматривали как единственную возможность не допустить Второй мировой войны.<...>

Минуточку! Хильгер, как переводчик, якобы присутствовал в момент подписания «секретного протокола», по которому две державы разделили между собой польский «пирог». И при этом искренне верил, «что пакт о ненападении с Советским Союзом сможет оказаться инструментом мира». Больший бред трудно себе представить.

3 сентября граф Шуленбург напомнил Советскому правительству, что оно должно сделать выводы из секретного дополнительного протокола и двинуть Красную Армию против польских вооруженных сил, находящихся в сфере советских интересов.

Весьма буйная фантазия у этого Хильгера.

Как всегда осторожный, Сталин не желал допускать, чтобы его вовлекли в какие-либо чересчур поспешные действия. Целых четырнадцать дней он вел себя тихо и наблюдал за продвижением армий Гитлера. Даже когда германские войска, преследуя отступающие польские части, через Вислу вторгались в советскую сферу влияния, Сталин, несмотря на настойчивые требования германской стороны вступить в Польшу, отказывался это сделать, мотивируя тем, что несоблюдение согласованного разграничения сфер взаимных интересов все равно не предотвратило бы предусмотренного раздела Польши.

Последнюю фразу я прочитал раз двадцать, но так и не смог вникнуть в ее смысл. Если Хильгер лично присутствовал на встрече с советским вождем, на которой обсуждался польский вопрос, он мог бы более подробно изложить его точку зрения. Вместо этого он городит какую-то словесную ахинею.

Для этого бездействия имелись три причины: первая — Сталин считался с мировой общественностью, которую он не хотел снова неприятно поразить; вторая — его решение начать действовать только тогда, когда ему представится удобный предлог для вступления в Польшу, и третья — тот факт, что Кремль переоценивал силу военного сопротивления Польши и рассчитывал на более длительную кампанию.

10 сентября Молотов заявил графу Шуленбургу: Красной Армии для ее подготовки требуется еще две-три недели. Но уже 16 сентября, когда польское правительство покинуло страну, Молотов сообщил, что Сталин примет посла «еще сегодня же ночью» и назовет ему «день и час советского наступления». При этом Молотов заявил: «Советское правительство в подлежащем публикации только им одним коммюнике обоснует свое решение, в частности, тем, что вследствие развала польского государства оно видит себя обязанным выступить на защиту своих украинских и белорусских братьев и дать этому несчастному населению возможность спокойно трудиться». Граф Шуленбург выразил удивление столь своеобразной формулировкой коммюнике. Ведь оно законно вызывает вопрос, от кого, собственно, следует защищать украинцев и белорусов, раз на польской территории находятся только германские и советские войска. К тому же в этой форме коммюнике создаст за границей впечатление, будто между Германией и Советским Союзом что-то не в порядке. Вопрос о коммюнике был решен только через два дня, после того как вмешался лично Сталин, и было предложено совместное коммюнике, с текстом которого согласились наконец обе стороны.

17 сентября в 2 часа ночи граф Шуленбург, германский военный атташе генерал Кёстринг и я были приглашены к Сталину. Сталин объявил нам, что в 6 часов утра Красная Армия перейдет советскую границу по всей линии от Полоцка до Каменец-Подольского, и просил нас соответствующим образом известить об этом компетентные германские органы. Ошеломленный военный атташе попытался объяснить, что за те несколько часов, которые еще имеются в его распоряжении, своевременно поставить об этом в известность войска невозможно и потому неизбежны столкновения.

Вот бы автор пояснил, какие столкновения могут произойти между войсками, которые разделяли сотни километров?

Однако Ворошилов отклонил все возражения Кёстринга репликой, что немцы при их испытанном организационном таланте легко справятся и с этой ситуацией. Ворошилов оказался прав, поскольку при русском продвижении и при встрече советских и германских войск никаких значительных недоразумений не произошло.

25 сентября Сталин вновь вызвал к себе посла, чтобы заявить ему: при окончательном урегулировании польского вопроса

следует избежать всего, что в будущем могло бы вызвать трения между Германией и Советским Союзом. Со словами, что если с этой точки зрения «сохранение самостоятельного остатка Польши кажется ошибочным», Сталин предложил внести в секретный дополнительный протокол следующее изменение предусмотренной ранее демаркационной линии: Литва должна быть включена в советскую сферу влияния, за что Германия может быть компенсирована расположенной между Вислой и Бугом польской территорией, которая охватывает Люблинское и Варшавское воеводства. В случае согласия Германии, добавил Сталин, Советский Союз немедленно приступил бы к решению проблем Прибалтийских государств в соответствии с соглашениями от 23 августа и ожидает при этом безоговорочной поддержки со стороны германского правительства.

Для переговоров по этому предложению 27 сентября в 5 часов дня в Москву со вторым визитом прибыл Риббентроп. На аэродроме приветствовать его собралось много высоких партийных функционеров и несколько высших офицеров Красной Армии, был выстроен почетный караул. Переговоры со Сталиным и Молотовым начались 27 сентября поздно вечером, продолжались во второй половине следующего дня и закончились ранним утром 29-го подписанием договора о границе и дружбе, который вошел в историю с датой 29 сентября 1939 г. В качестве важного пункта он содержал договоренность о разграничении сфер влияния согласно сталинскому предложению. Одновременно обе стороны договорились о начале экономических переговоров, о переселении немцев из советской сферы влияния в Германию, а также о многом другом. В ходе переговоров со Сталиным Риббентроп высказал большой оптимизм насчет военного положения Германии и подчеркнул, что Германия не нуждается ни в какой военной помощи Советского Союза, но рассчитывает на поставку важных военных материалов.

Вечером 28 сентября Молотов дал в честь Риббентропа банкет, на котором вместе со Сталиным присутствовали многие высокие советские руководители, такие как Микоян, Каганович, Ворошилов и Берия. Сталин был в весьма хорошем расположении духа, и Риббентроп позже не раз повторял: «Я чувствовал себя в Кремле так хорошо, словно находился среди старых национал-социалистических партайгеноссен».

Вообще-то эти слова Риббентроп никогда не произносил — это распространенная байка, и не более того. Но, допустим, что это правда. Как об этом мог свидетельствовать Хильгер, весьма

незначительный чиновник, если он не входил в ближний круг рейхсминистра?

Общее настроение подогревалось тем, что по инициативе Сталина Молотов произносил множество тостов за здоровье присутствующих. Однако сам Сталин в тот вечер почти не пил. Я сидел наискосок от него. Берия, сидевший рядом со мной, все время старался уговорить меня выпить перцовки больше, чем мне хотелось. Сталин заметил, что мы с Берией о чем-то спорим, и спросил о причине. Когда я ему ответил, он сказал: «Ну, если вы пить не хотите, никто вас заставить не может». — «Даже шеф НКВД?» — спросил я шутя. На это последовал ответ: «Здесь, за этим столом, даже шеф НКВД значит не больше, чем кто-нибудь другой». <...>

Попахивает дешевой детективной беллетристикой. Коварный Берия опаивает германского дипломата, чтобы выведать все секреты, но тот стойко держится. Вот только Берии на том банкете не было, на нем присутствовали лишь члены Политбюро, а Лаврентий Павлович стал таковым лишь в 1946 г. Шеф НКВД привиделся одному лишь Хильгеру, который, по его же словам, не пил больше, чем хотелось.

Во исполнение обязательства консультироваться друг с другом, которое договаривающиеся стороны взяли на себя согласно статье 3 пакта о ненападении, граф Шуленбург 7 мая [1940 г.], то есть за три дня до германского вторжения в Бельгию и Голландию, посетил Молотова, чтобы проинформировать его о предстоящей акции Германии. Молотов дал ясно понять, насколько она была желательна для советского правительства. «Советское правительство, — сказал он, — проявляет полное понимание того, что Германия должна защититься от англо-французского нападения». Чего ждало Советское правительство от германского наступления на Голландию и Бельгию, было совершенно ясно: более упорного англо-французского сопротивления, затягивания войны, а тем самым еще большего ослабления как Германии, так и ее противников. <...>

Я готов поверить даже в то, что Хильгер пил перцовку с отсутствующим на банкете Берией. Но в то, что Шуленберг еще за три дня до начала операции проинформировал Советский Союз о наступлении на западе — в это я не поверю, даже если сам Хильгер встанет из могилы и скажет мне это лично. В этом месте у

меня уже не было сомнений, что мемуары Хильгера написаны кем-то очень далеким от дипломатии и военного ремесла.

Об атаке на Польшу Германия проинформировала СССР уже после вторжения (кстати, уведомил советское правительство об этом лично Хильгер). Но почему-то об атаке на Францию Сталин получил известие за три дня. Вообще-то даже Гитлер не знал наверняка, когда начнется вторжение (дата переносилась неоднократно). В конце концов многое зависело от погоды. Наконец, даже если фюрер окончательно решил начать наступление 10 мая, об этом не должен был узнать даже его ближайший союзник Муссолини. Но советскому правительству, формально нейтральному; а на деле желающему военного истощения Германии, Шуленберг раскрывает все карты. А если бы коварный Сталин в исполнение своего желания раскрыл бы тайну французам и англичанам?

Наверное, туповатый литератор, который сочинял мемуары Хильгера, листал американский сборник фальшивок «Нацистско-советские отношения. 1939—1941», и в его памяти что-то запало касательно Шуленберга и даты 7 мая. Давайте и мы полистаем выпущенную госдепом книжицу:

РИББЕНТРОП — ПОСЛУ ШУЛЕНБУРГУ

Инструкция

Берлин, 7 мая 1940 г.
Москва, 10 мая 1940 г.
Германскому послу графу фон Шуленбургу
Москва

Вы получите два экземпляра меморандума 84, который будет вручен нашими дипломатическими миссиями в Гааге, Брюсселе и Люксембурге правительствам этих стран в день и час, указанный Вам устно курьером. 85 До тех пор, пока не будет исполнено то, о чем говорится ниже, меморандум и эти инструкции должны держаться в секрете и не упоминаться даже никому из сотрудников посольства.

Я прошу Вас, чтобы по получении этих инструкций Вы поставили на приложенных экземплярах меморандума — на последней странице, под текстом, предпочтительно на пишущей машинке или же чернилами — дату дня, предшествующего тому, в который Вы вручите эти меморандумы советскому правительству.

Около 7 часов утра по германскому летнему времени в день, указанный Вам курьером, я прошу Вас попросить о встрече с Мо-

лотовым и затем, утром же, в самое раннее удобное для него время, вручить ему экземпляр меморандума. Я прошу Вас сказать господину Молотову, что Имперское правительство, ввиду наших дружественных отношений, желает уведомить советское правительство о тех операциях на Западе, к которым Германия была принуждена англо-французским продвижением через Бельгию и Голландию в район Рура.

В остальном, я прошу Вас использовать объяснения и доводы, которые Вы найдете в тексте меморандума.

Я прошу Вас немедленно телеграфировать о реакции на Вашу миссию.

Риббентроп[1].

Встреча Шуленбурга с Молотовым действительно состоялось. В том же сборнике незадачливый сочинитель хильгеровских воспоминаний мог бы найти текст ответной телеграммы в Берлин.

ПОСОЛ ШУЛЕНБУРГ — РИББЕНТРОПУ

Телеграмма

Москва, 10 мая 1940 — 18.00
Очень срочно!
№ 874 от 10 мая
На Вашу инструкцию от 7 мая
Имперскому министру иностранных дел

Предписание относительно Молотова выполнено. Я нанес ему визит. Молотов по достоинству оценил сообщение и сказал, что он понимает, что Германия должна была защитить себя от англо-французского нападения. У него нет никаких сомнений в нашем успехе.

Шуленбург.

Если же допустить, что подобную ахинею про встречу Молотова с Риббентропом 7 мая 1940 г. написал сам Хильгер, то его следует признать злостным фальсификатором и сдать все его книжки в макулатуру.

Уже 17 мая 1940 г. Сталин был вынужден передать через Молотова германскому послу свои «самые горячие поздравления в связи с успехами германских войск» во Франции. Но одновремен-

[1] http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/union.php

но Молотов поставил посла в известность, что советское правительство направит в Прибалтийские страны своих специальных эмиссаров, чтобы обеспечить создание там новых, приемлемых для Советского правительства правительств. А еще через пять дней Молотов сообщил нам, что советское правительство решило — если потребуется, силой — осуществить возвращение Бессарабии и что оно претендует на Буковину.

Нет, ребята-фантазеры, это уже даже не смешно. Если по версии Хильгера Риббентроп слил Молотову сверхсекретную информацию о начале вторжения во Францию за три дня до начала операции, то Молотов оказался еще любезнее — предупредил друга Иоахима о советских захватнических мероприятиях ажа за месяц до их начала!!! Даже в госдеповском сборнике фальшивок нет на сей счет никаких упоминаний.

Вскоре после этого Прибалтийские государства, Бессарабия и Северная Буковина были включены в состав Советского Союза. Было ясно, что советское правительство, обеспокоенное неожиданными германскими успехами во Франции, решило ускоренными темпами расширить и укрепить свои позиции, чтобы извлечь максимальную пользу из заключенных с Германией соглашений о разграничении сфер обоюдных интересов. При этом Сталин был столь неосторожен, что в орбиту своих экспансионистских устремлений включил Буковину, хотя о ней в германо-русских договорах не было и речи и она никогда России не принадлежала. Включение Северной Буковины в состав Советского Союза являлось нарушением германо-советских договоренностей. Когда посол заявил Молотову протест против этого акта, тот не только попытался оправдать советский шаг, но и добавил, что в том случае, если советское правительство проявит интерес к включению и Южной Буковины, оно ожидает в этом поддержки со стороны германского правительства. <...>

Конечно, в годы холодной войны можно было приписывать Советскому Союзу любые грехи. Но следовало бы сначала договориться о разумных пределах. Иначе нестыковочка выйдет. Пишущий от имени Хильгера фантаст рисует Молотова этаким хамом, который в ответ на недоуменные вопросы германского посла нагло ему заявляет: дескать, если захотим, то и Южную Буковину заберем, а вы, фрицы еще и помогать нам будете!

Но все в том же госдеповском сборнике мы находим телеграмму Шуленберга с отчетом об описываемой встрече с Молотовым, в которой ей дается совершенно иная оценка:

«Я указал Молотову, что отказ Советов от Буковины, которая никогда не принадлежала даже царской России, будет существенно способствовать мирному решению. Молотов возразил, сказав, что Буковина является последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине советское правительство придает важность разрешению этого вопроса одновременно с бессарабским. Тем не менее у меня создалось впечатление, что Молотов полностью не отбросил возможность советского отказа от Буковины в ходе переговоров с Румынией»[1].

Если же мы попробуем проверить сведения, приводимые в сочинениях Хильгера на соответствие не с госдеповскими фальшивками, а с настоящими документами (см. сборник «Документы внешней политики СССР», тт. XXII—XXIII), то ничего кроме легкой брезгливости не испытаем — брешет автор, и брешет крайне неумело. Признанный по обе стороны Атлантики «эксперт по русским делам» просто не мог написать такие тупые и бесцветные книжонки (разве что из-под палки, испытывая к этому делу крайнее отвращение).

Ниже мы еще пару раз коснемся «мемуаров Хильгера», опубликованных «Дипломатическим ежегодником» за 1989 г. в тех местах, где они слишком уж будут расходиться с показаниями других участников секты «Свидетели Протоколов». Но все же отдадим должное доморощенным фанатам «секретных протоколов». Доказывая общественности факт «дьявольской сделки» Молотова — Риббентропа за подтверждением к мемуарам Хильгера они обращаются крайне редко. Видимо, понимают, что такое глупое лжесвидетельство если в чем и убеждает, так это в том, что «секретные протоколы» — выдумка.

---

[1] http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/union.php

ХЕРВАРТ

Оказывается, Павлов был не единственным дожившим до 90-х годов «свидетелем» кремлевского «сговора». Впервые сведения о содержании «секретного протокола» якобы просочились из стен германского посольства в Москве уже 24 августа 1939 г. Утечка произошла стараниями советника посольства Германии Ганса фон Херварта, который, дескать, передал содержание тайного документа секретарю посольства США Чарльзу Болену уже через несколько часов после подписания документа. Тот, якобы нанес своему немецкому коллеге частный визит... в германское посольство. Болен незамедлительно довел информацию до сведения президента Рузвельта[1].

Открытая электронная энциклопедия «Википедия» сообщает, что американцы не передавали эту информацию ни одной из европейских стран, да и вообще, как можно понять, до начала раздела Польши не верили сообщению. То, что янки располагали целой агентурной сетью в московском посольстве Германии — бесспорный факт. Госдепартамент получал очень подробную информацию о характере советско-германских контактов. Вывод об этом можно сделать, ознакомившись с официальным изданием американских дипломатических документов — Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Но во всех двух томах, отражающих события 1939 г., никакие «секретные протоколы» Молотова — Риббентропа ни разу не упоминаются. Если есть желание проверить, даю ссылки: *http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1939v01 и http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1939v02.*

Эти тома вышли в 1956 г., когда миф о «секретных протоколах уже был запущен в оборот. При желании госдепартамент мог ввернуть и сюда несколько фальшивок. Но, видимо, американцы решили не засорять сборник своих официальных документов низкопробными подделками. К тому же несколько затруднительно было «редактировать» донесения посла Штейнгардта даже несмотря на

[1] http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_E._Bohlen

то, что он погиб в 1950 г. в авиакатастрофе. Ведь те высокопоставленные чиновники, что читали его отчеты, еще были живы.

Однако «зыбкость прошлого» приводит к странным метаморфозам. Со ссылкой на только что вышедшую в Финляндии книгу магистра философии Кауко Румпунен «Я шпион», «Парламентская газета» сообщает, что «*через пять дней сам президент Франклин Рузвельт счел необходимым сообщить о нем* («секретном протоколе». — *А.К.*) *послу Финляндии в Вашингтоне Ялмару Юхану Прокопе*». И это несмотря на то, что «*на эту информацию, добытую в Москве, США наложили тогда гриф строжайшей секретности. О ней знали только президент Рузвельт и всего несколько доверенных лиц в его администрации*»[1].

Если на сообщение был наложен гриф строгой секретности, значит, американцы не только поверили донесению Болена, но и придали ему большое значение. Но в этом случае полностью исключалась передача сведений стране, не являющейся союзником США. Хотя бы потому, что этот акт ставил под угрозу очень ценного агента, поскольку Финляндия имела традиционно дружественные связи с Германией. Круг лиц, причастных к московским переговорам, был чрезвычайно узок, что облегчало поиски предателя. И уж тем более, передача информации не могла произойти описанным в «Парламентской газете» способом. Если уж американский лидер решил проинформировать руководство Финляндии, то Рузвельту следовало передать эти сведения президенту Каллио через американского посла в Хельсинки или по линии разведки. Но оставлять это на усмотрение финского посла — даже не глупость, а преступная халатность.

Чем же объясняет финский писатель-биллетрист то, что финское руководство ничего не знало о «секретных протоколах» и данный фактор во время напряженнейших советско-финских переговоров осенью 1939 г. не принимало во внимание? Ответ, мягко говоря, неубедительный: посол Прокопе, дескать, воспринял сообщение Рузвельта, как слухи, и в соответствующем ключе проинформировал собственное внешнеполитическое ведомство. Только идиот поверит, будто в компетенции посла давать оценку сведениям, лично переданным президентом США. Если бы передача информации действительно имела место, то Прокопе должен был немедленно сообщить об этом своему правительству по закрытому каналу связи. Допустим, в финском министерст-

---

[1] Парламентская газета», №147(2215), 2 ноября 2007 г., http://www.pnp.ru/chapters/world/world_4771.html

ве иностранных дел тоже не поверили Рузвельту. Но после начала советско-финской войны все сомнения должны были отпасть, в своей пропаганде надо было раструбить о «секретных протоколах» на весь свет. Но этого не произошло. Так есть ли хоть какие-то основания верить финскому сочинителю шпионских историй Румпунену?

Об услугах, оказанных Америке Хервартом, Болен поведал в своих мемуарах лишь в 1973 г. незадолго до своей смерти. Никаких доказательств им приведено не было. Рузвельт был к тому времени мертв и подтвердить слова американского дипломата не мог. И почему Рузвельт, если он действительно получал столь важное сообщение от Болена, никогда не использовал это для давления на русских? Наконец, почему Чарльз Болен обнародовал сенсационные подробности шпионской истории лишь в 1973 г. — через 25 лет после выхода скандального сборника документов «Нацистско-советские отношения 1939—1941»? Ответов на эти вопросы нет. А ведь Чарльз Болен был личным переводчиком президента Рузвельта на Ялтинской конференции, где большие трения возникли как раз по вопросам польских границ.

Английскую делегацию в Ялте возглавлял самый лютый антикоммунист всех времен и народов Уинстон Черчилль. Вопрос: почему он не поднял вопрос о разделе Польше на основании советско-германского «секретного протокола»? О нем английское правительство якобы тоже было извещено стараниями все того же Ганса фон Херварта, который контактировал в Москве с английским дипломатом Фицроем Маклином, а тот был близок к самому Черчиллю[1]. Основным ремеслом Маклина была разведка — он даже стал прототипом знаменитого Джеймса Бонда (Ян Флеминг, автор романов об агенте 007, кстати, тоже служил в Москве по линии английской разведки с весны 1939 г.).

Ганс Херварт фон Биттенфельд, родственник знаменитого полковника фон Штауффенберга, принадлежал к аристократической оппозиции Гитлеру и считался важнейшим агентом западных держав в Москве (поддерживал связь в частности с Гарриманом, Боленом, Тайером). Именно он, якобы, сливал британцам полную информацию о ходе советско-германских переговоров с одобрения своего шефа, посла Германии в СССР Шуленбурга. С 1939 г. он работал в армейской разведке (Абвер) под началом Фридриха Канариса — еще одного агента союзников в ходе войны. Под непосредственным руководством своего московского знакомо-

[1] http://tbrnews.org/Archives/a101.htm

го, бывшего военного атташе Германии в СССР Эрнста Кестринга, Херварт принял деятельное участие в создании Конгресса освобождения народов России — организации генерала-предателя Власова. В 1955 г. он стал первым послом ФРГ в Лондоне[1].

Кстати, германский военный атташе в СССР в 1931—1933 и 1935—1941 гг. генерал Эрнст Кестринг (1876—1953) личность весьма примечательная. Он — русский немец, более 30 лет живший в России. Эрнст Августович родился в 1876 г. в Тульской губернии, где его отец был помещиком. Закончив в Москве гимназию, поступил в Михайловское артиллерийское училище. Прослужив некоторое время в русской армии, он перед Первой мировой войной выехал в Германию, где вскоре становится начальником разведки при Главном штабе немецкой армии. В 1931—1933 гг. Кестринг играл ключевую роль в сотрудничестве между рейхсвером и РККА, осуществляющемся в рамках рапалльских соглашений.

В СССР он занимался прежде всего разведывательной деятельностью, с каковой целью использовал большой штат военного представительства — около 20 сотрудников, большинство из которых были немцы российского происхождения, как и он сам. Советская контрразведка считала его настолько важной фигурой, что в его дом на Хлебном переулке даже был тайно прорыт подземный ход, а сейф Кестринга регулярно исследовался «медвежатниками» ГУГБ.

Во время Великой Отечественной войны, в сентябре 1942 г. генерал становится специальным уполномоченным по вопросам Кавказа в группе армий «А». В его задачу входило формирование так называемых «национальных легионов», состоявших из добровольцев-кавказцев. Наконец в 1944 г. генерал-лейтенанат Эрнст Кестринг становится командующим всеми «добровольческими» формированиями, действующими в составе вермахта, в том числе и власовской РОА. В этот период под его началом служит Ганс Херварт, известный двойной агент. Несложно предположить, что и Кестринг стал на каком-то этапе сотрудничать с американскими спецслужбами. По крайней мере сразу после сдачи в плен американцам он был тут же вывезен за океан, где уже в 1946 г. он был официально признан невиновным в военных преступлениях и освобожден. Проживал он в США, будучи «экспертом по русским делам» (известен, как член знаменитой «тройки Болена» в которую помимо него входили Херварт и Хильгер), так же как его коллега по работе в московском посольстве Густав Хильгер.

---

[1] http://en.wikipedia.org/wiki/Hans_von_Herwarth

Что ж, версия о том, что Херварт шпионил на англичан и американцев, выглядит вполне правдоподобно. Херварт действительно мог передать информацию о ходе московских переговоров американцам и англичанам. Но нет никаких подтверждений тому, что он сообщал им о «секретных протоколах» в 1939 г. До 1948 г. почему-то никто никогда не поднимал этот вопрос на официальном уровне. В 1939 г. Британия воевала, пусть и номинально, с Германией и чуть было не ввязалась в войну с СССР из-за Финляндии. Однако даже тогда о «секретных протоколах» никто не заикался. Сам Херварт в своих мемуарах утверждает, что еще в августовские дни посол США в Москве Штейнгардт сообщил о «секретных протоколах» послу Италии в Москве А. Россу. (см. польское издание H. von Herwarth, «Miedzy Hitlerem i Stalinem. Wspomnienia dyplomaty i oficera niemieckiego 1931—1945»). Это-то с какой стати — кто дал ему санкцию на разглашение сверхсекретных сведений? К тому же Италия была союзником Германии, а не США. Короче, если верить позднейшим выдумкам мемуаристов, о «секретных протоколах» полмира узнало уже в августе 1939 г.

Херварт умер только в 1999 г., и в истории с «секретными протоколами» он сыграл видную роль во время перестройки в СССР. В июне 1989 г. он встречается с народным депутатом СССР Мавриком Вульфсоном во время визита последнего в ФРГ и, как считается, передал ему фотокопии «секретных протоколов» из архива министерства иностранных дел ФРГ. Вульфсон (о нем подробнее будет рассказано ниже), один из ярых прибалтийских сепаратистов, играл активную роль в комиссии Яковлева. По мнению составителей «Википедии»[1], Вульфсон стал первым, кто «*публично подтвердил подлинность секретных протоколов к немецко-советскому договору 1939 г., согласно которых Восточная Европа была разделена на «сферы влияния»*». Весьма необоснованное утверждение, учитывая, что Вульфсон получил лишь копию с копии, по которой при всем желании невозможно было установить подлинность документа.

Я бы поостерегся безоговорочно верить тому, что исходит от Херварта. Не стоит забывать, что он профессиональный шпион, к тому же двойной агент. Его бывший московский контактер Чарльз Тайер был шефом Управления стратегических служб (OSS), предшественницы ЦРУ. Херварт в 1945 г. работал под его началом в американской военной администрации Вены, а главным резидентом в Европе тогда являлся небезызвестный Аллен Даллес.

---

[1] http://en.wikipedia.org/wiki/Hans_von_Herwarth

В 1947 г. Тайер возглавил «Голос Америки», радиостанцию, финансируемую по каналам спецслужб. Тайер был убежденным сторонником использования бывших функционеров Третьего рейха для борьбы с коммунизмом. Уж не его ли давнюю идею реализовал Херварт, всучив Вульфсону фальшивые фотокопии? Что-то очень часто в деле о «секретных протоколах» фигурирует американская разведка. Но сам Вульфсон заявляет, что копии «секретного протокола» он нашел самостоятельно, а Херварт лишь раскрыл ему при встрече подробности тайной вечери в Кремле 23 августа 1939 г.

Вдова бывшего депутата Эмма Брамник так описывает в своих воспоминаниях встречу советского депутата и американского шпиона:

«В ответ на требования прибалтов была создана комиссия съезда для рассмотрения политической и правовой оценки документов 1939 года во главе с секретарем ЦК КПСС по идеологии академиком Александром Яковлевым. Среди 24 членов комиссии было 11 депутатов из балтийских республик и среди них — трое из Латвии: Маврик Вульфсон, Ивар Кезберс и Николай Нейланд.

Но это было лишь первым шагом к исторической истине. Вначале многие из членов комиссии, как и большинство депутатов Верховного Совета СССР и главное — Горбачев, другие руководители страны, продолжали категорически отрицать существование протоколов: «Для их рассмотрения и оценки документов требуются подлинники. Без этого дискуссия беспредметна».

Депутаты были допущены во все советские архивы, но поиски оказались безрезультатными. Тогда член комиссии народный депутат Вульфсон решил поискать документы в архивах МИДа Германии. Его немецкие друзья — дипломаты и журналисты, которые симпатизировали идеям Народного фронта Латвии, подсказали, что, когда советские войска уже приближались к Берлину, перед капитуляцией Германии в ее МИДе срочно изготовили копии многих документов российско-германских отношений разных времен и эпох. И все это запрятано в архиве в горах Гарца.

Вульфсону разрешили ознакомиться с тем архивом, где вперемешку с договорами еще царских времен он нашел то, что искал — копии тех самых секретных протоколов, подписанных Риббентропом и Молотовым в ночь на 24 августа 1939 года в Кремле. Ему помогли изготовить их копии, и Вульфсон поспешил привезти их в те горячие дни в Кремль. Но Горбачев заявил: «Такие копии может изготовить каждый! Я им не верю. Никаких протоколов не было».

Помогла новая подсказка немецких коллег, и у Маврика появляется еще один колоссальный шанс: оказывается, в Северной Баварии живет уникальный человек — дипломат высокого ранга Ханс фон Херварт. В то время он — единственный еще живой свидетель подписания тех злосчастных протоколов в Кремле в 1939-м. Недавно вышла в свет его книга «Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte. 1931—1945» — «Между Гитлером и Сталиным. История прожитого времени.1931—1945».

Ханс фон Херварт вплоть до сентября 1941 года восемь лет был личным секретарем графа В. фон Шуленбурга, посла Германии в СССР. 23 августа 1939 года фон Херварт был в составе большой свиты того судьбоносного для мира визита министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа в Московский Кремль — многочисленной команды, которая прилетела на двух самолетах и включала журналистов, фотографов и кинооператоров, чтобы в мельчайших подробностей запечатлеть для истории все моменты предстоящего события. Летом 1944 года Ханс фон Херварт, активный участник заговора антинацистской оппозиции против Гитлера, чудом спасся от кровавых репрессий, последовавших после провала заговора. Жертвами репрессий стали многие антифашисты, а также боготворимый им его учитель граф В. фон Шуленбург, тот самый посол Германии в довоенной Москве.

«Попробуй встретиться с ним, получить у него интервью. Его свидетельства будут, пожалуй, самыми убедительными для ваших твердолобых в Москве, — посоветовали Маврику Германовичу немецкие журналисты — но, учти, это не так просто...»

И Маврик снова в Германии. Действительно, это было непросто. Пришлось обратиться за помощью в МИД и к шефу пресс-службы самого канцлера Гельмута Коля. И Вульфсону выделили группу телеоператоров и транспорт — путь до родового замка Гогенцоллернов Кюпс был не близким. Наконец, Кюпс. 21 июня1989 года. На «пороге» замка гостей встречают сами Ханс и Элизабет фон Херварт...

Почти три часа камеры немецких тележурналистов фиксировали вопросы Маврика Вульфсона и подробный рассказ Ханса фон Херварта о том, как проходила встреча в Кремле в ту ночь с 23 на 24 августа 1939 года. О том, как он лично по телефону согласовывал с Гитлером изменения в текстах протоколов, которые требовал Сталин — Курляндию, Windau (Вентспилс), Libau (Лиепаю)!.. И удивлялся, как легко Гитлер соглашался со всеми капризами Сталина: Гитлер торопился, чтобы пакт о ненапа-

дении был подписан и как можно скорее. Тогда уже было решено, что через несколько дней, 26 августа, должен был начаться поход на Польшу (однако военные действия против Польши начались только 1 сентября — Гитлеру пришлось еще убеждать ближайших союзников).

После встречи в Кюпсе немецкие телевизионщики вручили Маврику Вульфсону две копии фильма-интервью с уникальным свидетелем подписания тех судьбоносных секретных документов. Окрыленный депутат Вульфсон срочно возвратился в Москву, и уже через пару дней эту ленту показали Центральное телевидение СССР и очень популярная в то время программа Латвийского телевидения «Labvakar» («Добрый вечер»), которую вели Эдвин Инкенс, Оярс Рубенис и Янис Шипкевиц.

Свидетельства ветерана германской дипломатии Ханса фон Херварта и помогли окончательно сломить сопротивление Горбачева и его команды...

...На подаренных в Кюпсе нескольких открытках с видами поместья собственноручная надпись: «Профессору Маврику Вульфсону в память о приятном знакомстве и проведенном дне в Кюпсе. 21.6.89». На обложке подаренной гостю книги «Zwischen Hitler und Stalin» значится: «Дипломат немецкого посольства в Москве ...Офицер, участник войны и движения Сопротивления против Гитлера из круга Штауффенберга».

Но занимательная история: документальные кинокадры интервью с Хансом фон Хервартом, сыгравшие свою значительную роль в восстановлении свободы Балтии, исчезли из архивов и советского Центрального, и Латвийского телевидения. Не найти их и в Государственном архиве кинофотофонодокументов...»[1].

Запись исторического интервью, если она и существовала (в чем я очень сомневаюсь), исчезла неслучайно. Видимо, очень топорно набрехал Херварт. Стоит обратить внимание на следующее: писатель-фантаст Карпов утверждает, будто молотовский переводчик Павлов присутствовал при разговоре Риббентропа с Гитлером, когда рейхсминистр согласовывал с фюрером раздел Восточной Европы. В мемуарах Риббентропа указывается, что он связывался с шефом из здания австрийского посольства, причем каким образом — по телефону или шифротелеграммой, автором не уточняется. Но, поскольку, говорится об ожидании ответа, ло-

---

[1] *Брамник-Вульфсон Э.* Я вышла замуж за романтика // http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2

гично предположить второе (в немецких источниках зачастую прямо говорится о телеграмме, посланной Риббентропом по поводу Либавы[1]. А по версии Маврика Вульфсона фюреру по поводу Прибалтики звонил Херварт.

Это, конечно, полнейшая чушь. Как мог какой-то секретарь посла звонить фюреру? Первое, что бы тот сделал, это потребовал к телефону своего министра Риббентропа — того он мог узнать хотя бы по голосу. К тому же, как явствует из мемуаров Риббентропа и показаний Гаусса, в первой встрече в Кремле с германской стороны участвовали помимо рейхсминистра лишь секретарь посольства Хильгер (в качестве переводчика) и посол Шуленбург. Но в том же аффидевите Гаусса говорится, что по телефону в Берлин Риббентроп звонил во время второго раунда переговоров. Правда, о том, что разговор происходил в кабинете Сталина, он не упоминает. Это самое раннее свидетельство, датированное 15 марта 1946 г. Все последующие публикации по идее должны быть согласованы с этими показаниями, данными свидетелем под присягой. Но Вульфсон здесь дал маху, поскольку содержание гауссовского аффидевита явно не было ему знакомо.

Херварт говорит о каких-то изменениях в протоколе (Курляндия, Windau, Libau). Ну, Курляндия здесь, конечно, для красного словца упомянута — не существовало Курляндии в 1939 г., с таким же успехом можно было рассуждать об Остзейском крае или Гиперборее. Но вот о Вентспилсе и Лиепае речь вполне могла идти. Вероятно, Сталин обсуждал с Риббентропом возможность аренды этих портов для нужд советского ВМФ и то, как отнесется к этому Берлин. На это же косвенно указывают и слова Риббентропа в Нюрнберге (в том виде, в каком их передает американский вариант материалов Международного трибунала). Допускаю, что вопрос о появлении на Балтике советских военно-морских баз нуждался в дополнительном согласовании с Берлином (не по телефону, конечно же). Но ведь в «секретном протоколе» якобы давалась санкция на оккупацию советской стороной всей Прибалтики — так с какой бы стати в этом случае Сталин стал отдельно обсуждать вопрос о Вентспилсе и Лиепае? Нет логики.

Сам Вульфсон высоко оценил вклад Ганса фон Херварта в дело о фальшивых протоколах. В своем выступлении на юбилейной конференции интеллигенции Латвии в связи с 50-летием пакта Молотова — Риббентропа, как его именуют на Западе, в присутствие президента Латвии Вайры Вики-Фрейберги он предло-

[1] См.: http://www.balsi.de/3Reich/Aussenpolitik/diplohitler-stalin-pakt.htm

жил: «Учитывая роль, которую сыграли свидетельские показания Ханса фон Херварта в борьбе за восстановление независимости стран Балтии, было бы заслуженно и справедливо одну из улиц или площадей в Латвии назвать его именем».

В пояснительной записке от 14 декабря 1989 г. Съезду народных депутатов СССР, представленной комиссией по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г, есть такие строки: «*Члены комиссии ознакомились со свидетельствами — в том числе здравствующих поныне — непосредственных участников контактов и переговоров 1939 года между СССР и Германией, Англией и Францией*». По всему выходит, что лишь «интервью», взятое Вульфсоном у Херварта могло быть представлено, как свидетельство здравствующего поныне очевидца. Однако имя Херварта нигде в официальных документах комиссии не упоминается, его показания там не фигурируют, видеозапись интервью якобы таинственно исчезла из архивов. Поэтому нельзя исключать, что историческая встреча в Кюпсе — позднейшая мистификация.

МИКРОФИЛЬМЫ

Откуда взялись фотокопии «секретного дополнительного протокола» у американцев? Согласно легенде, разрекламированной в СССР в 1989 г., по указанию Риббентропа в 1943—1944 гг. были сделаны микрофильмы документов МИД Германии. Весной 1945-го поступил приказ уничтожить все архивы. Выполняя это распоряжение, некий советник МИД Карл фон Леш пожег бумаги, но, имея на то невыясненные мотивы, спрятал 20 катушек микропленок с 9725 страницами документов в железную коробку, обмотал ее промасленной тканью и зарыл в парке замка Шенберг возле города Мюльхаузена, что в Тюрингии. 12 мая 1945-го фон Леш якобы вручил микрофильмированные документы английскому подполковнику Роберту Томсону. Тот, преисполненный союзническими чувствами, зачем-то отдал ее американцам. 19 мая ценный груз доставили в Лондон, где американцы сняли копии со всех микрофильмов. Вот с этих-то пленок (американские копии с немецких фотокопий) и были растиражированы изображения, которые нам сегодня известны.

Вероятно, автором этой детективной истории был перестроечный журналист Лев Безыменский. По крайней мере, самое раннее из найденных мною упоминаний об эпизоде с микрофильмами было сделано им 31 марта 1989 г. на «круглом столе» в редакции журнала «Вопросы истории». Возможно, никакого «круглого стола» не было, а если и был, то речи о микрофильмах на нем не шло. Опубликована стенограмма «круглого стола» была только во второй половине июня того же года, когда начала свою деятельность яковлевская комиссия. Примечательно, что сам Яковлев — самый компетентный эксперт по «секретным протоколам» в интервью, датированном 2004 г. говорит следующее: «*О существовании секретных протоколов Запад узнал практически сразу после войны — и они там были опубликованы. Как они туда попали, одному богу известно — скорее всего, через Германию*»[1].

---

[1] Вечерняя Москва, №175 (23973) от 17 сентября 2004 г. // http://www.vmdaily.ru/article.php?aid=2910

Но так или иначе, общепризнанной, хоть и ничем не подтвержденной до сих пор, стала версия о микрофильмах фон Леша. Кто такой фон Леш? Валентин Сидак в интервью газете «Правда» дает ему такую характеристику:

«Советник МИД Карл Кристиан фон Леш — один из ведущих немецких специалистов по проблемам «жизненного пространства Германии», автор многих трудов по германо-польским отношениям, в том числе по проблеме «данцигского коридора». В 1938 году он совместно с Фриком, Розенбергом, Бемом и другими видными деятелями нацизма издал в специализированном ежегоднике рейха статью «Немецкие приграничные территории», которая в своих основных положениях предваряла идеи «мюнхенского сговора» в отношении Чехословакии»[1].

Леш не оставил мемуаров, никогда не давал официальных показаний в связи с микрофильмами, да и вообще, каких-либо сведений о его жизни после 1945 г. мне найти не удалось. В 1958 г. американцы передали властям Западной Германии негативы микрофильмов из так называемой коллекции фон Леша (скорее всего, копии), и с тех пор они хранятся в политическом архиве ФРГ. Официальная публикация скандальных протоколов никогда не осуществлялась, широкое хождение имеют только репродукции из американского сборника 1948 г. «Нацистско-советские отношения. 1939—1941». Вообще, видел ли кто-нибудь микрофильмы фон Леша? Весьма любопытное свидетельство приводит в своей книге «Я вышла замуж за романтика» вдова Маврика Вульфсона Эмма Брамник-Вульфсон:

«Как известно, власти СССР полвека категорически отрицали существование секретных протоколов к советско-германскому пакту 1939 года.

Но весь мир в то время очень интересовало, как живется в странах Балтии спустя полвека после того 1939-го. И в год 50-летия пакта по инициативе канала ТВ-3 Франции началась совместная работа с рижанами над созданием киноленты «Латвия. Август 1989 года». Французы пообещали получить разрешение МИДа ФРГ для киносъемки зловещих документов.

Вот что об этих встречах в Германии мне поведали Ивар и Андрис Виестурс Селецкисы — латвийские мастера кинодокументалистики.

---

[1] Правда, 2007 г, № 44, http://www.gazeta-pravda.ru/2007/pravda%20044.html.

«Август 1989-го. В Бонн, тогда столицу ФРГ, отправилась четверка рижан: сценарист Таливалдис Маргевич; в качестве эксперта — Маврик Вульфсон, депутат Верховного Совета СССР, человек, уже тогда хорошо известный на Западе; звукооператор Гунар Нетребскис и я, кинооператор, — вспоминает Андрис Селецкис. — На киностудии мне доверили 35-миллиметровую синхронную западногерманскую кинокамеру «Arriflex», тогда самую современную. Ивар Селецкис, режиссер фильма, мой старший брат, остался в Риге — предстояло документировать «Балтийский путь» трех республик, организованный народными фронтами наших стран, волнующее событие, когда миллионы их жителей — и стар, и млад, взявшись за руки, создали живую цепь, протестуя против секретных протоколов и требуя восстановления независимости на своей земле.

В Бонне нас ждали сюрпризы: гостиница заказана, но платить нечем — еще не перечислили деньги. Пару дней даже пришлось почти голодать... Исчез наш французский шеф — атташе по культуре, и группу уже собирались выселить из гостиницы.

Но постепенно все наладилось. Маврику удалось разыскать Паула Клявиньша, латвийского активиста, проживавшего тогда в Германии, — он и стал нашим помощником. Объявился и шеф-француз. Оказалось, ему было строго-настрого запрещено контактировать с латвийским диссидентом Вульфсоном.

Наконец, киносъемки в архиве разрешены. Но там особые строгости — тщательная проверка документов, личный досмотр. Из техники с собой разрешено занести только мой «Arriflex» . Даже фотоаппарат нельзя: «В разрешении написано «киносъемка», значит только киносъемка». Немецкая точность и четкость.

...И вот свершилось — мы в подземельях, в хранилищах архива — святая святых самой Истории! Специально для нас, рижан, открываются тяжелые двери, и в помещение вносят объемистую папку в крепком темно-красного, почти бордового цвета кожаном переплете и ящик с негативными фотопленками и микрофильмами, на которых заснят весь толстенный многостраничный пакт. И все это ставят... на обыкновенный рабочий стол перед нашим экспертом — предоставленный вариант документа на немецком языке.

Включаю камеру, и с этого момента она без остановки работает до самого нашего выхода из зала. Фиксирую каждый шаг, каждое движение.

Вот Маврик осторожно, с трепетом берет в руки папку и своими тонкими длинными пальцами открывает фолиант, перелистывает его страницы размером около А-4, бегло просматривает, прочитывает тексты... Затем снова главную страницу — титульный лист, и перед глазами действительно сама История: с одной стороны страницы подпись «И. Риббентроп», с другой — «В. Молотов», их официальные титулы — министр иностранных дел Германии (Третьего рейха), народный комиссар иностранных дел СССР.

На оригинале хорошо сохранились и четко видны даже цвета чернил подписей, всех официальных гербовых печатей и многочисленных штампов. И дата — «23 августа 1939» (известно, что документы были подписаны в два часа после полуночи 24 августа, но по согласованию сторон они были датированы 23 августа. — Э. Б.).

...Ящик с фотопленками, микрофильмами пакта и всех секретных протоколов Маврик просматривает так, чтобы я мог все четко заснять. Впечатление было такое, что и эти съемки документов сделаны еще в 1939 году — по краям, на дорожках пленки постоянно пробегают фирменные знаки «AGFA-39»(немецкая негативная пленка).

— Маврик, неужели это настоящие? — с недоверием шепчу Вульфсону.

— Более настоящих и быть не может!!!

«Съемка окончена! Это все!»— раздается в помещении. Оказалось, что уже промелькнули разрешенные минуты, а для нас это были моменты истины века. Только что своими глазами мы, четверо рижан, единственные из всего тогда еще Советского Союза, увидели секретные протоколы, которые взорвали мир не только в Европе. С которых началась Вторая мировая война и потекли реки человеческой крови. Увидели сатанинский документ, изменивший судьбы миллионов людей Восточной Европы — Польши, стран Балтии, Бессарабии и не только...

...Покинув мрачные архивные подземелья, от увиденного мы еще долго не можем говорить. Такое врезалось в память на всю жизнь», — и сегодня с волнением вспоминает Андрис Виестурс.

«Вместе с Майей Селецкой, режиссером по монтажу, работу над фильмом по заснятым материалам мы заканчивали уже на студии в Марселе, — вспоминает Ивар Селецкис. — 52-минутная документальная лента «Латвия. Август 1989 года» стала популярной во всей Франции — тогда фильм трижды демонстрировался по телевидению, получил хорошую оценку и имел обширную прессу. В моем архиве пачки восторженных рецензий ведущих изданий, начиная с «Фигаро», «Либерасьон» и др.

Тогда, готовясь к визиту в Латвию, этот фильм специально посмотрел президент Франции Франсуа Миттеран.

Однажды в 1989-м фильм показали и по латвийскому телевидению, но не особенно афишировали его — то было время противостояния разных политических платформ.

«Человек, видевший секретные протоколы», — так в своей книге «100 дней, которые разрушили мир» Маврик Вульфсон назвал главу о встрече с немецким дипломатом Хансом фон Хервартом, единственным в 1989-м году живым свидетелем событий той сатанинской августовской ночи 1939 года в Кремле.

«Человек, который держал в руках секретные протоколы», — с тех киносъемок в Бонне величают Маврика Вульфсона»[1].

Андрис Селецкис упоминает о негативных фотопленках и микрофильмах. Спрашивается, на кой черт давать посетителям архива негативные фотопленки, если на них все равно ничего не рассмотреть, надо сначала отпечатать снимки. А вот с микрофильмами понятно — это диапозитивные изображения, которые можно просмотреть на просвет или спроецировать на экран (во времена моего детства были популярны диафильмы, просматриваемые с помощью диапроектора). Но для просмотра микрофильмов нужен читальный аппарат, представляющий собой проекционный прибор, в котором изображение кадра микрофильма через объектив и систему зеркал проецируется на встроенный в аппарат или вынесенный экран.

Кстати, никакой необходимости в фотографировании и, тем более, кинокопировании в архиве Бонна не было. Обратимся к Большой советской энциклопедии:

«Часто при работе с микрокопиями возникает необходимость получить увеличенный дубликат какого-либо документа. Для этого используют читально-копировальный аппарат, в котором конструктивно объединены читальный аппарат и репрографическое устройство. Первые читально-копировальные аппараты фирмы «Кодак» (США, 30-е гг. 20 в.) осуществляли копирование на фотобумаге. В современных читально-копировальных аппаратах увеличенные копии получают на электрофотополупроводниковой бумаге или на обычной бумаге способом электрофотографического копирования. Работа с читально-копировальными аппаратами осуществляется в два этапа: поиск (чтение) нужного кадра микрофильма на экране и получение с него увеличенной копии. Чи-

---

[1] http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2

тальные аппараты и читально-копировальные аппараты — одно из средств оргтехники, они применяются в библиотеках, отделах научно-технической информации НИИ, проектно-конструкторских и других организациях, где по роду деятельности приходится иметь дело с микрофильмированием»[1].

Так что откровения насчет того, что Селецкис якобы копировал документы с помощью синхронной 35-миллиметровой кинокамеры, можно смело назвать бредом. Тем более, далее он дословно утверждает следующее:

...Ящик с фотопленками, микрофильмами пакта и всех секретных протоколов Маврик просматривает так, чтобы я мог все четко заснять. Впечатление было такое, что и эти съемки документов сделаны еще в 1939 году — по краям, на дорожках пленки постоянно пробегают фирменные знаки «AGFA-39» (немецкая негативная пленка).

Что можно «четко заснять» при просмотре содержимого ящика? Если же Селецкис снимал проецируемые на экран изображения (что совершенно бессмысленно, как мы уже выяснили, поскольку с помощью читально-копировального аппарата можно легко получить копию), о чем он не упоминает даже намеком, то никакие фирменные знаки «AGFA-39» на микрофильмах мимо пробегать никак не могли. Можно предположить, что Вульфсон просматривал некие пленки в руках на просвет, сощурив глаз, а Селецкис запечатлел этот момент на кинопленку. Но и в этом случае маркировку Селецкис разглядеть не мог.

Давайте снова обратимся к Большой советской энциклопедии, чтобы выяснить, что же такое «микрофильм»:

«Микрофотокопирование — отрасль техники, осуществляющая получение фотографическим способом уменьшенных в десятки и сотни раз копий (микрофильмов) с различных оригиналов (рукописей, чертежей, рисунков, печатных текстов и т. п.); процесс изготовления микрофильмов. М. — одно из средств оргтехники; применяется в информационных центрах, архивах, библиотеках, научно-исследовательских, проектно-конструкторских и других учреждениях — там, где часто приходится иметь дело с большими массивами документальной информации. М. как научная дисциплина входит в репрографию. Применение М. при-

---

[1] http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00089/76300.htm

водит к сокращению размеров хранилищ в среднем на 90—95%, обеспечивает доступность для широкого круга читателей редких изданий, имеющих большую историческую или художественную ценность, и способствует сохранению подлинников документов, исключая возможность их повреждения от частого пользования, позволяет оперативно размножать копии микрофильма и печатать с него копии документов, сокращает транспортные расходы (т. к. с применением М. значительно уменьшаются масса и размеры почтовых отправлений).

Первые работы по М. восходят к началу 19 в. и связаны с именами изготовителя оптических приборов англичанина Д. Дансера и французского фотографа Л. Ж. М. Дагера. Большая заслуга в развитии М. документальных материалов в России принадлежит Е. Ф. Буринскому — одному из основоположников научной и судебной фотографии. Научно-технический прогресс, вызвавший резкое увеличение объема научно-технической информации, обусловил использование М. во многих сферах производственной и научной деятельности.

Известно несколько основных видов носителей микроизображений: микрофильм рулонный (МР) — 16-, 35-, 70-мм кинопленка длиной до 30 м; микрофильм в отрезке (МО) — 16-, 35-мм кинопленка длиной до 150 мм; микрофиша (МФ), или диамикрокарта, — фотопленка размерами 105.148 мм; апертурная перфокарта — микрофильм, вмонтированный в стандартную перфокарту (обычно 80-колонную). Выбор типа носителя микроизображений зависит главным образом от принятой системы хранения и поиска документов.

При микрофильмировании используют следующее оборудование: аппараты для покадровой съемки на неподвижный носитель (рольную микропленку или микрофишу) и установки для динамической или щелевой съемки микрофильмов (носитель и оригинал непрерывно движутся), аппараты для контактной печати микрофотокопий, устройства для химической обработки, сушки и монтажа микрофильмов, читальные аппараты для контроля и чтения микрофильмов, читально-копировальные аппараты для получения увеличенных копий документов, например электрографическим методом, оборудование для хранения микрофильмов (боксы, шкафы, картотеки). Технология М. принципиально не отличается от обычного фотографирования; разница состоит лишь в том, что для М. применяют специальную оптику, фото- и кинопленки с более высокой, чем в фотографии, разрешающей способностью (от 200 до 500 линий и более на 1 мм)»[1].

---

[1] http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00048/02300.htm

Совершенно очевидно, что немцы никак не могли микрофильмировать документы на стандартную фотопленку! Что же тогда видел Селецкис? Скорее всего, он не был ни в каком архиве, иначе просто постеснялся бы врать про «толстенный многостраничный пакт», состоящий, как известно, всего из двух листов. И уж совсем удивительно, что он видел именно погибший по общепризнанной версии оригинал пакта с гербовыми печатями, где на титульном листе стоят подписи Молотова и Риббентропа. Чушь! На титульном листе никто никогда не расписывается, подписи ставят лишь в конце документа, и Селецкис не мог узреть там «титул» Молотова — народный комиссар иностранных дел СССР. Абсолютно во всех публикациях рядом с подписью Молотова стоят слова «*По уполномочию Правительства СССР*» без всяких «титулов» (нарком — это, кстати, должность, а не титул). Короче, перед нами очередная глупая брехня.

Заслуживает внимание и такая подробность: Селецкис якобы видел договор (то ли погибший при бомбежке в 1944 г., то ли уничтоженный по приказу Риббентропа в 1945 г.), на котором стояли гербовые печати и многочисленные штампы. Поскольку документ содержит более одного листа, он должен быть сшит, а нить зафиксирована сургучной печатью. Разумеется, если это настоящий договор, то на нем должны стоять также печати и штампы канцелярии. Но везде и всюду мы видим репродукцию советско-германского договора о ненападении из коллекции фон Леша без печатей, штампов и сургуча, не заметил я там также следов от дырокола и нити, скрепляющей листы. Да, на изображениях видна маркировка, но это нумерация кадров микрофильма, а вовсе не штампы на самом оригинале договора. Первая страница немецкого договора индексирована F110048, вторая — F110019, третья — F110050. Где логика? Ни за что не поверю, что немцы, перед тем как микрофильмировать договор, расшили его, перемешали с другими бумагами, а уж потом принялись в беспорядке снимать.

Вообще-то, чтобы убедиться в фальшивости документов из коллекции фон Леша, достаточно посмотреть кадры кинохроники, подробно запечатлевшие подписание советско-германского Договора о ненападении. Крупным планом снят момент приложения печати, скрепления сургучом, можно даже рассмотреть страницу, на которой стоят подписи. На представленном изображении прекрасно видно, что эта страница не соответствует ни немецкому, ни русскому варианту фальшивок из коробки фон Леша.

По всему выходит, что или Брамник-Вульфсон выдумала показания Селецкиса, или тот нагло брешет. Либо нам 60 лет де-

монстрируют какую-то туфту, а сохранившийся оригинал советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. спокойно лежит в германском архиве, но его почему-то не хотят представить публике. Разрешить все споры может репродуцирование советского оригинала Договора о ненападении, благо что он должен пребывать в полной сохранности. Советское правительство не могло его уничтожить, поскольку в нем не было ничего секретного и компрометирующего. Об утрате оригинала договора не заявлялось, но будьте уверены — его никто никому не покажет (по крайней мере, при нынешних властях), так как его внешний вид ни в малейшей степени не будет соответствовать той филькиной грамоте, которая известна по микрофильму фон Леша.

Мне известен лишь один-единственный случай, когда был продемонстрирован советский «оригинал» секретного протокола — в художественно-публицистическом сериале «Россия в войне: кровь на снегу», снятом в 1996 г. Этот насыщенный примитивной брехней фильм представляет собой редкостную дрянь, и посвящен он большей частью не войне, а пропаганде ужасов Гулага и воплям по поводу сталинских «преступлений». В качестве одного из этих преступлений фигурирует подписание договора о ненападении с Германией, называемый на западный манер пактом. Постепенно акценты смещались, и преступным в нынешней РФ стали считать не только мифический «секретный дополнительный протокол», но и сам договор о ненападении 1939 г. Так вот, в этом фильме был продемонстрирован якобы найденный в 1992 г. «оригинал» секретного протокола — там действительно виден цвет чернил на подписях. Но снят этот документ в макрорежиме с большим увеличением, чтобы не показывать его полностью, и чтобы не видны были края листа.

Зря оператор так поступил. При большом увеличении становится заметно, что шрифт на «оригинале» отличается от того, что использовался при изготовлении фальшивок с микрофильма фон Леша. Видно это главным образом по букве «К», поскольку именно ее начертание в различных гарнитурах имеет наибольшие расхождения. Но особенно бросается в глаза разница в длине знака переноса.

Почему же российским дипломатам, готовящим договор с Литвой, «оригинал» секретного протокола не предоставили, а для съемок фильма выдали, хотя в этом не было особой нужды? Давайте посмотрим, кто снимал этот фильм: авторы текста — Дональд Джеймс (по совместительству редактор), Стефан Поуп, Гер-

ман Боровик, Константин Славин; Консультанты — Ричард Овери, Дмитрий Волкогонов, Михаил Семиряга, Владимир Дмитриев. Снята лента была британской компанией IBP Films Distribution LTD и «Victory series» LTD, которая в титрах почему-то обозначена как российская студия (упоминаний других проектов этой студии мне нигде найти не удалось). Монтаж фильма осуществлялся в Лондоне, в РФ известен в дублированной версии. Выводы делайте сами.

Сделать верные выводы поможет приведенное выше свидетельство Брамник-Вульфсон о документальном фильме «Латвия: Август 1989 года». Ленту снимала французская телекомпания, организацией занимался французский продюсер. В трудную минуту съемочной группе помогает некий проживающий в Германии латышский активист Паул Клявиньш. Монтировали фильм в Марселе и трижды демонстрировали по французскому ТВ. Показали «не афишируя» и по латвийскому телевидению. Однако, эта лента, вероятно, исчезла из архивов вместе с записью интервью Херварта. Если нет, то очень любопытно будет ознакомиться с ней. Примечательно, что в «Энциклопедии отечественного кино СССР/СНГ» под редакцией Л. Аркуса[1] фильм «Латвия. Август 1989» значится как советский, снятый Рижской киностудией. О французах — ни слова.

Брамник-Вульфсон в своих воспоминаниях, касаясь вопроса разыскания «секретных протоколов», запуталась сама (наверное, «случайно»), и пытается запутать читателя. Из ее слов следует, что сначала Маврик Вульфсон, уже в качестве члена комиссии Яковлева, по наводке таинственных дипломатов и журналистов побывал в неназванном германском архиве, где обнаружил копии (не фотокопии!) «секретных протоколов, которые к тому же хранились *«вперемешку с договорами еще царских времен»*. Он, дескать, снял копии с копий, которые представил Горбачеву. Но тот им не поверил, сказав, что их может изготовить каждый. Тут очень кстати Вульфсону опять помогли неназванные «коллеги», сообщившие о живом свидетеле тайной вечери в Кремле — Хансе фон Херварте. С ним Вульфсон встречался в Кюпсе 21 июня 1989 г. при содействии МИД Германии и пресс-секретаря канцлера Хельмута Коля.

Сопоставляем даты. Комиссия Яковлева была создана I Съездом народных депутатов СССР 1 июня 1989 г. Сам Съезд завершил свою работу 9 июня. Следовательно, в качестве члена комиссии по

[1] http://www.russiancinema.ru

политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года Вульфсон мог посетить Германию не ранее 10 июня. Брамник пишет, что поездка состоялась лишь после того, как в советских архивах комиссия протоколы не обнаружила, но это можно не принимать во внимание, потому что никто их и не искал. А уже 21 июня он встречается с фон Херввартом в Кюпсе — родовом замке Гогенцоллернов в Баварии, причем Эмма Брамник подчеркивает, что путь туда был неблизким. Следовательно, всего за 10(!) суток Вульфсон успел побывать в таинственном германском архиве, снять копии «секретных протоколов», привезти их в Москву, показать Горбачеву, получить подсказку насчет Херварта, согласовать визит с МИД Германии и пресс-службой канцлера, после чего прибыть к утру 21 июня в Кюпс.

А еще через пару дней фильм об этой встрече якобы был показан по общесоюзному телевидению (это был тот самый фильм, который потом якобы таинственно исчез, по словам Эммы Брамник). Но ведь только монтаж документального фильма занимает, самое меньшее, неделю, а показать его могли лишь после того, как он внесен в программу — опять нестыковочка в хронологии. Ей-богу, киношный Джеймс Бонд не мог действовать так молниеносно! Наконец, в августе Вульфсон уже по приглашению французов посещает со съемочной группой архив в Бонне, где «впервые» видит «настоящие» копии «секретных протоколов», в этот раз на микрофильмах. Что-то здесь явно не сходится.

БЕЗЫМЕНСКИЙ

Оказывается, у «секретных протоколов» был еще один первооткрыватель — Лев Безыменский — журналист, историк, германист, профессор Академии военных наук, сын поэта Александра Безыменского. Вот что он пишет в предисловии к своей книге «Гитлер и Сталин перед схваткой»:

«Повезло из-за небрежности тех, кто готовил очередной визит канцлера ФРГ Гельмута Коля в Москву. Во время его беседы с Михаилом Сергеевичем Горбачевым зашла речь о секретных протоколах. Коль сказал, что в руках боннских архивистов находятся не только копии, но и оригиналы секретных приложений. Когда мне рассказал об этом помощник Горбачева, мой давний знакомый Анатолий Черняев, я в сердцах заметил:

— Ну, это уж из области фантазий. Копии есть, но оригиналы — о них даже в Бонне специалисты знают, что в архивах их не было и нет.

Но помощник советского президента отнесся к моей реакции иначе. Он решил (давно принадлежа к числу тех, кто считал недопустимым далее отрицать факт существования протоколов), что явная оговорка Коля должна стать поводом для полудипломатической-полунаучной акции: поехать в Бонн и официально получить от архивной службы ФРГ те документы, которые имеются в распоряжении боннской дипломатии. Эти документы было бы полезно предъявить «неверующему» в наличие протоколов Горбачеву, дабы он покончил с недостойным отрицанием исторических фактов. Вашему покорному слуге предстояло стать неким курьером между Бонном и Москвой. Не надо говорить, что эту необычную функцию я принял на себя с удовольствием. Мою миссию согласовали с секретарем ЦК КПСС и членом Политбюро Александром Николаевичем Яковлевым, который был в полном курсе «дела с протоколами» и полностью одобрил акцию. Ему она была нужна по специальной причине, коренящейся в серьезнейших политических обстоятельствах 1988—1989 годов.

Увы, историку печально констатировать, что решающие события в развитии «историографических» ситуаций происхо-

дят совсем не из-за требований исторической науки, а под влиянием так называемой «большой политики». В 1988—1989 годы эта большая политика для СССР включала два критических элемента: отношения с Польшей и с Прибалтикой. Оба эти элемента уходили корнями в 1939 год, в секретные протоколы. Для Польши это была судьба погибшей в тот год республики, для Эстонии, Латвии и Литвы — их судьбы перед вхождением в Советский Союз. В 1988 году М. С. Горбачев с трудом отмахнулся от щекотливой проблемы во время визита в Польшу, повторив версию с «копиями». В 1989-м с Прибалтикой было сложнее: на состоявшемся в мае I Съезде народных депутатов СССР по настойчивому требованию трех прибалтийских республик была создана Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора 1939 года. Ее председателем и стал А. Н. Яковлев, прекрасно понимавший важность и сложность этой задачи. Комиссия в составе 20 человек приступила к работе, и первые ее заседания показали, что решение будет непростым.

Комиссии помогали многочисленные эксперты (автор книги — в их числе), были затребованы все материалы, поэтому и моя «боннская миссия» оказалась полезной. Тогда я побывал в Бонне, был в знаменитом Политическом архиве МИД ФРГ, где хранятся материалы еще со времен Бисмарка. Впрочем, не буду «просто» вспоминать, а приведу мой отчет, представленный М. С. Горбачеву и А. Н. Яковлеву, на основе бесед в МИД ФРГ и предыдущих моих исследований в Москве и Лондоне.

СПРАВКА

о происхождении фотокопий секретных протоколов к договору от 23.8.1939 г. и микрофильмах из личного бюро Риббентропа («коллекция фон Леша»)

1. Согласно данным, полученным в Политическом архиве МИД ФРГ, а также по материалам Государственного архива Англии («Паблик рекорд оффис»), фотокопии секретных протоколов имеют своим источником немецкие микрофильмы, захваченные англо-американской розыскной группой в Тюрингии в апреле 1945 г. Эти микрофильмы впоследствии получили условное наименование «коллекция фон Леша» — по имени сотрудника личного бюро Риббентропа Карла фон Леша, который вывез микрофильмы из Берлина и, вместо того чтобы уничтожить их согласно полученному приказу, передал англо-американской розыскной группе.

Микрофильмы были изготовлены по указанию Риббентропа, данному после того, как в 1943 г. начались интенсивные бомбежки Берлина. Микрофильмирование проводилось по тогдашней технике на неперфорированные негативные фильмы.

2. «Коллекция» состоит из 20 негативных микрофильмов, которые были сняты с документов личного бюро министра иностранных дел Германии, причем ряд из них относится к концу XIX — началу XX в. Однако основную часть составляют документы с 1933 г. до лета 1944 г.

Заполучив эти фильмы, розыскная группа перевезла их на сборный пункт трофейной документации в Марбург, а затем в Лондон, где их обработкой ведали специалисты Министерства авиации. Были изготовлены позитивные копии и начато их изучение, в ходе чего были обнаружены материалы по советско-германским переговорам 1939 г. Об этом в ноябре 1945 г. был составлен специальный доклад на имя Черчилля, хранящийся в Государственном архиве Англии под сигнатурой ПРЕМ 8/40[1]. Обнаружены были и кадры с секретным протоколом.

В германском делопроизводстве фильмы носили обозначение «F-20». Впоследствии при обработке в Национальном архиве США они получили сигнатуру «Т-120» (ролики 605—625). Оригинальные пленки ныне переданы в МИД ФРГ.

3. Во время беседы в МИД ФРГ мне были показаны эти ролики и переданы несколько фотокопий. Однако представлялось необходимым более подробно ознакомиться с характером самих микрофильмов. Это удалось сделать, получив некоторые из них в других архивах. Ознакомление показало:

а) на каждом ролике умещалось примерно 500—600 документов;

б) качество микрофильмирования весьма различно, что свидетельствует о поспешности;

в) документы снимались в весьма случайном порядке, без предварительной сортировки (также свидетельство поспешности); на одном и том же ролике можно встретить документы разных лет и принадлежности;

г) что касается секретного протокола от 23.8.39, то он оказался на ролике 624 (немецкое обозначение F-19), между текстом испано-германского соглашения 1937 г. и разрозненными страни-

---

[1] Вероятно, имеется в виду Государственный архив Великобритании (Public Records Office)в Кью, его фонд PREM.

цами документа без подписи по поводу «московских процессов». Затем следуют немецко-югославские соглашения.

Текст самого договора от 23.8., к которому относился протокол, оказался в другом ролике (F-16), причем опять же в соседстве с документами иного рода.

4. Фальсификация кадров секретного протокола представляется невероятной по следующим соображениям:

а) вся коллекция состоит из исторически важных документов, затрагивающих отношения Германии со многими государствами; едва ли возможно, что с целью фальсификации одного лишь протокола было затеяно все микрофильмирование тысяч документов;

б) документы, соседствующие с протоколом, не вызывают сомнения в своей подлинности;

в) если в некоторых опубликованных на Западе копиях подписи Молотова и Риббентропа расплывчаты, то на фильме они вполне отчетливы; под русским текстом (ролик 624) подпись Молотова — русскими, под немецким — латинскими буквами; этот порядок не должен вызывать подозрений, поскольку и под двумя основными официальными текстами пакта о ненападении (ролик 616) Молотов сделал свои подписи таким же образом;

г) кроме текста протокола на обоих языках на ролике 624 при просмотре обнаружен еще один текст протокола, отпечатанный на так называемой «пишущей машинке фюрера» со специальным крупным шрифтом (для близорукого Гитлера, который не любил надевать очки); к тексту прилагалась сопроводительная записка Риббентропа;

д) секретные протоколы к договору от 28 сентября 1939 г. находятся в ролике 2 (немецкое обозначение).

5. По сообщению зам. начальника Политического архива МИД ФРГ Гелинга, оригиналы протокола погибли в марте 1944 г. во время очередной бомбежки. Архив располагает в оригинале лишь ратификационными грамотами и делами посольства Германии в Москве за 1939 г. В этих делах секретные протоколы неоднократно упоминаются (см. приложение).

Политический обозреватель журнала «Новое время»

Л. Безыменский[1].

Безыменский отчего-то забывает указать дату составления справки, направленной Горбачеву и Яковлеву и даже указать вре-

---

[1] http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/pre1.html

мя, когда он побывал в германских архивах. Валентин Сидак пишет, что уже 9 июня 1989 г. Безыменский дал в Бонне пресс-конференцию, посвященную своим сенсационным находкам[1]. В этой связи непонятно, почему Безыменский связывает свою миссию с работой яковлевской комиссии. Впрочем, он говорит об этом настолько обтекаемо, что ничего толком и не ясно. Посланник Яковлева гордо называет себя экспертом, помогавшим комиссии Яковлева «в составе 20 человек» (на самом деле она насчитывала 26 членов), но этот «эксперт» безапелляционно утверждает, что анализ копий показал их подлинность. Копия не бывает подлинной в принципе, и уж тем более не может доказать подлинность того документа, с которого она снята. Копия может быть лишь аутентичной, то есть соответствовать оригиналу. Но для того, чтобы установить аутентичность копии, нужно сравнить ее с оригиналом. Тут два варианта — либо Безыменский идиот, либо циничный подонок, нагло обманывающий главу государства и весь советский народ. Я склоняюсь к версии о его умственной неполноценности, потому что врет он очень коряво. Впрочем, Яковлеву как раз и нужен был придурок, чтобы легче было впарить общественности фальшивку чужими руками.

Поэтому Безыменский — лицо неофициальное, всего лишь журналист средней руки, едет с официальной миссией в Бонн. При этом происходит странная вещь — микрофильмы Безыменский, по его словам, получает «в других архивах», а не там, куда его послали. Содействовал ему неназванный помощник президента, хотя Горбачев в тот момент еще не был президентом, но «историку» Безыменскому простительно это не знать. Можно предположить, что «справку Горбачеву» Безыменский сочинил, когда готовил к изданию свою книгу, то есть в 2000 г., события десятилетней давности потускнели в его памяти и он забыл, что Горбачев в тот момент был не президентом, а генсеком. «Согласовывал» поездку, то есть фактически организовывал ее, секретарь ЦК КПСС Яковлев, а откровенно спекулировал на теме протоколов (якобы случайными оговорками) канцлер ФРГ Коль, который содействовал также и ближайшему соратнику Яковлева по работе в депутатской комиссии Маврику Вульфсону. Валентин Сидак утверждает, что в июне 1989 г. Коль лично передал Горбачеву копии микрофильмов из боннского архива с «секретными протоколами»[2].

---

[1] http://www.gazeta-pravda.ru/2007/pravda%20044.html
[2] http://www.gazeta-pravda.ru/2007/pravda%20044.html

Мне удалось разыскать еще одно свидетельство Безыменского, опубликованное в июньском номере журнала «Вопросы истории» за 1989 г.: «*...Как уже здесь говорилось, в архивах СССР оригинала этих протоколов нет. Как мне разъяснили в Политическом архиве МИД ФРГ, и там его нет, он погиб во время бомбежек Берлина. Что же касается происхождения бытующих в литературе копий, то они имеют своим источником негативы микрофильмов, снятых по приказанию Риббентропа, начиная с 1943 года. Микрофильмы были вывезены в Тюрингию, где сотрудник МИД Карл фон Леш передал их англо-американской поисковой группе. Фильмы попали в Лондон, были обработаны, после чего на имя Черчилля был составлен специальный доклад (см. PRO, PREM 8/40).*

Позитивы микрофильмов из «коллекции Леша» хранятся в Национальном архиве США (группа Т-120), негативы возвращены в МИД ФРГ. Примечательно, что в этих фильмах (их 19) документы снимались вперемежку, сам текст договора — на фильме F-11, а секретный протокол — на фильме F-19, кадры 179—185. На этих кадрах — немецкий и русский тексты с подписями Риббентропа и Молотова, а также немецкий текст, перепечатанный на специальной пишущей машинке для Гитлера...

...В МИД ФРГ мне разъяснили, что в отличие от оригинала протокола, дела немецкого посольства в Москве сохранились, в чем я имел возможность убедиться. В них имеется ряд телеграмм Шуленбурга с прямыми ссылками на протокол, а также изложение его (в шифровке Риббентропа). Секретные протоколы к договору от 28 сентября 1939 г. находятся в другом микрофильме (F-2). Такова текстологическая ситуация.

Можно констатировать, что по содержанию ни один из пунктов не выходит за рамки широко бытовавшей в те времена практики. Аналогичные секретные договоренности имелись у демократий с Германией, Италией и Японией, а также у Польши. Но именно аналогия заставляет отнестись с дополнительной строгостью к тексту, известному лишь в копии. Все ли в нем верно передает оригинал, если он существовал?»[1].

Вроде бы Безыменский говорит то же самое, что и в отчете Горбачеву, но» круглый стол» в редакции журнала «Вопросы истории» состоялся 31 марта 1989 г.! Выходит, что если Безыменский и бывал в Бонне, то это никак не было связано с деятельностью яковлевской комиссии, на которую он ссылается в своей

---

[1] «Круглый стол» «Вторая мировая война — истоки и причины» // Вопросы истории, 1989 г., № 6.

книге. Зачем же Безыменский сознательно вносит в свои тексты путаницу, категорически не желая указывать дату своей поездки в ФРГ? Вероятно, в боннском архиве он вообще не был, а его свидетельства являются сфабрикованными, что, кстати, объясняет их противоречивость и большое количество грубых ошибок. Например, совершенно немыслимо то, что специальный доклад британской разведки мог быть представлен Черчиллю в ноябре 1945 г., если еще в июле того года он лишился поста премьер-министра и был лишь депутатом парламента! Уж составляя отчет Горбачеву, можно было постараться подогнать свою брехню под реальные факты.

Судя по воспоминаниям Селецкиса, Вульфсон держал в руках оригиналы советско-германского пакта о ненападении и даже различил цвет чернил, которыми сделаны подписи. А Безыменскому заместитель начальника боннского архива Гелинг заявил, что в наличии имеется лишь оригинал ратификационных грамот к договору. Опять же, Безыменский сообщает, что пленка, на которую были засняты документы, была неперфорированной (собственно, микропленка и должна быть такой), а Селецкис говорит о том, что видел фирменный знак AGFA на [перфорированной] дорожке.

Аргументы, которые «эксперт» Безыменский приводит в пользу подлинности снятых на пленку документов, просто смехотворны. Как он может утверждать, что «документы, *соседствующие с протоколом*» (на других кадрах микрофильма. — *А. К.*), *не вызывают сомнения в своей подлинности*»? Но даже если это и так, то почему нельзя фальшивый протокол заснять вкупе с подлинными документами? Скорее всего, пленку, если она существовала, изготовили спецслужбы союзников. Фальсификаторы отсняли тысячи настоящих документов из захваченных ими архивов, а попутно ввернули туда десяток подложных бумаг. А уж то, что подпись Молотова четкая — это, безусловно, неоспоримое доказательство того, что «секретный протокол» существовал. Можно подумать, махинаторы не способны были четко подделать подпись фотоспособом!

Есть в справке Безыменского и другие сомнительные места. Копия «секретного протокола», отпечатанная на специальной пишущей машинке с крупным шрифтом для близорукого Гитлера — явная глупость. Со зрением у Гитлера в конце 30-х годов все было хорошо, испортилось оно лишь в конце войны, когда советско-германские «секретные протоколы» для него никакого интереса не представляли.

Безыменский утверждает, что копии «были сняты с документов личного бюро министра иностранных дел Германии, причем ряд из них относится к концу XIX — началу XX в.». Во-первых, что это за «личное бюро» у человека, находящегося на государственной службе? Бюро — это либо стол для письменных занятий и хранения бумаг (конторка), либо название учреждения, либо группа руководящих работников. По смыслу текста личной здесь может быть только конторка, но с какой стати в личной конторке министр хранит 9725 страниц документов, часть из которых относится к XIX веку? Риббентроп пост министра занимал всего несколько лет. Во-вторых, Безыменский утверждает, что англо-американцы захватили документы в Тюрингии в апреле, в то время как остальные источники говорят о мае.

То, что «документы снимались в весьма случайном порядке, без предварительной сортировки» должно насторожить. Если бы это делали педантичные немцы, выполняя распоряжение министра, то вряд ли они стали бы мешать на одной пленке документы, относящиеся к разным векам, да еще и разрывать (!) на части скрепленные сургучом договора. Они бы снимали по порядку, папку за папкой, и в этом случае сам пакт, «секретные протоколы» к нему, как неотъемлемая часть оного, и связанные с ним документы не могли оказаться на разных пленках. Но если микрофильмы изготовили союзники, то они должны были снимать именно вперемешку.

Вот какие сведения мне удалось обнаружить о судьбе германских архивов на специализированном сайте «Экономическое развитие фашистской Германии[1]:

«Большую ценность с точки зрения исследования политики и стратегии фашистской Германии представляют документы из бывшего архива министерства иностранных дел фашистской Германии. В апреле 1945 г. они были обнаружены частями 1-й американской армии в горах Гарца в Тюбингене (Это шибка, горы Гарц находятся в Тюрингии, а Тюбинген — это город в земле Баден-Вюртемберг — *А. К.*), *где их спрятали гитлеровцы. Среди них были записи бесед Гитлера и Риббентропа с иностранными зарубежными деятелями, микрофильмы важнейших дипломатических документов, насчитывавших около 10 тыс. страниц. Их вес составлял более 300 т. Вскоре к ним были присоединены най-*

---

[1] См.: http://www.economikager.ru

денные дела имперской канцелярии, вес которых измерялся тоже многими тоннами. Здесь были представлены и директивы, распоряжения, приказы ставки Гитлера, штаба ОКВ и других высших инстанций вермахта. В 1948 г. все эти документы отправлены в Лондон, где они хранились до 1958 г. За это время американцы и англичане замикрофильмировали их. Было сделано около 3 млн. микрофильмов. С 1956 г. началась передача этих документов правительству ФРГ»[1].

Да, некие микрофильмы важнейших дипломатических документов здесь упоминается, но ничего не сказано о роли фон Леша в их отыскании. Более того, неправдоподобной представляется мысль о том, что Леш получил указание уничтожить архивы, весом более 300 тонн! Судя по всему, архивы достались американцам в целости и сохранности. Сюжет с коробкой микрофильмов, спрятанной в саду замка Шенберг придуман с единственной целью — объяснить отсутствие в огромном горном хранилище оригиналов скандальных протоколов. Врать без опаски можно было еще и потому, что западные союзники, грубо нарушив достигнутые ранее соглашения, не допустили представителей Советского Союза к изучению трофейных архивов. Это было большой наглостью еще и потому, что Тюрингия, где якобы были захвачены микрофильмы фон Леша, входила в советскую оккупационную зону. Кстати, замок Шенберг находится весьма далеко от гор Гарца, так что обнаружение там коробки фон Леша вызывает еще большее сомнение — кто же будет тащить пленки за сотню верст, чтобы спрятать (подвергаясь при этом риску быть схваченным) — неужели в горах Гарца приметного дерева не нашлось?

Тем не менее, географическая локализация коробки Леша в Тюрингии имела смысл. Гаусс на суде нагло врал, будто по его сведениям архивы германского МИД были захвачены советскими войсками, чем он и объяснял отсутствие у него оригиналов «секретных протоколов». Поэтому для того, чтобы объяснить отсутствие архивов, но наличие у западных союзников микрофильмов, мифическую коробку фон Леша решили зарыть в парке замка Шенберг близ Мюльхаузена, который первоначально был занят американцами, а потом передан советским властям. Таким замысловатым образом фальсификаторы попытались свести концы с концами в этой шпионской истории.

---

[1] http://www.economikager.ru/yekonomicheskoe_razvitie_fashistskoj_germanii_do_vojny/yekonomicheskoe_razvitie_fashistskoj_germanii_do_vojny_ch_4.

Можно, конечно, предположить, что микрофильмы фон Леша сфабриковали сами немцы, а потом Карл фон Леш подкинул их западным союзникам по заданию своего руководства. Но, во-первых, после разгрома Германии подобная акция уже не имела смысла (посмертная месть Третьего рейха выглядит романтично, но неправдоподобно). Во-вторых, если бы протоколы сочиняли немцы, они бы не допустили такой чудовищной путаницы с географией (см. ниже главы «Граница» и «Сувалки»). Все-таки по части провокаций и изготовления фальшивок гитлеровцы были признанными мастерами своего времени — одна только спецоперация «Катынь» чего стоит! Правда, и в случае публикации ведомством Геббельса документов по эксгумации тел польских офицеров в катынском лесу обнаружены многочисленные огрехи, дезавуирующие версию о расстреле поляков НКВД[1], однако это были ляпы совсем не того масштаба.

Сомнительна и версия о том, что союзники получили микрофильмы фон Леша в мае 1945 г. Если англо-американцы обзавелись «секретным протоколом» весной 1945-го, почему они не организовали соответствующую пропагандистскую кампанию на его основе накануне Потсдамской конференции? Тут есть один нюанс. Если в СССР газеты пишут неприятные для западных союзников вещи, то совершенно очевидно, что стоит за этим политическое руководство страны и лично Сталин. Если же в американской прессе вдруг начинается клеветническая кампания против Советского Союза, то президент США к этому никакого отношения не имеет. Если советская сторона предъявит претензии, тот лишь горестно вздохнет и скажет, что, к сожалению, в его стране пресса свободна и может писать все, что считает нужным. Наоборот, этой ситуацией главы западных держав могут обосновать свои попытки давления на Сталина: дескать, мы вынуждены проводить жесткую позицию, поскольку общественное мнение настроено очень антисоветски. Короче, от широкой пропаганды «секретных протоколов» накануне потсдамской встречи в верхах англичане и американцы извлекали выгоду в любом случае. Однако они отчего-то не додумались сделать такой беспроигрышный ход.

Не секрет, что сменивший Рузвельта Трумэн не был сторонником продолжения той политики, о которой великие державы договорились в Ялте. Но в 1945 г. еще не шла холодная война.

---

[1] См.: *Мухин Ю.* Антироссийская подлость // http://lib.aldebaran.ru/author/muhin_yurii/muhin_yurii_antirossiiskaya_podlost

Она началась в 1946 г., и фабрикация «секретных протоколов» стала одним из первых выстрелов Третьей мировой. Яркий символизм получается: началась холодная война с «секретных протоколов», решающий идеологический залп был произведен в 1989 г. по Прибалтике этой же начинкой, а пировали победители над трупом СССР под торжественный салют пропагандистских выстрелов в Москве в октябре 1992 г., когда там объявили о находке «подлинников» скандальных протоколов к пакту Молотова — Риббентропа. История фальшивых протоколов — это история крушения моей Родины.

ЧЕРЧИЛЛЬ

В своей широко известной книге «Вторая мировая война» Черчилль утверждает, что *«из материалов Нюрнбергского процесса и из документов, захваченных и недавно опубликованных Соединенными Штатами, нам теперь известны подробности этой незабываемой сделки. По словам главного помощника Риббентропа Гаусса, который летал с ним в Москву, «днем 22 августа состоялась первая беседа между Риббентропом и Сталиным...*

...Имперский министр иностранных дел вернулся с этого продолжительного совещания очень довольный...»[1].

И сразу выходит конфуз, потому что Гаусс утверждал, что немецкая делегация прибыла в Москву 23 августа, а ошибочную дату привел в своих показаниях на суде Риббентроп. Абсолютно точно известно, что германская делегация в составе 37 человек на двух самолетах прибыла в Москве в 13 часов 23 августа (с опозданием), а церемония подписания состоялась в 2 часа ночи 24 августа, но по согласованию сторон решено датировать договор прошедшими сутками, чтобы публикация текста в утренних советских газетах не вызывала подозрений. Программа визита помимо собственно церемонии подписания включала беседу Риббентропа с Молотовым и Сталиным, а также застолье по случаю подписания договора. Утром 24 августа немецкий министр вылетел в Берлин. Странно, что «историк» Черчилль ошибся в датировке события, изменившего мировую историю. Возможно, дело в сознательной фальсификации — ведь для обсуждения условий «секретного протокола», его подготовки и подписания нужно время. Визит же Риббентропа был настолько молниеносным, что это оставляло некторые сомнение в том, что у сторон оставалось время для выработки и подписания столь важного документа, как «дополнительный секретный протокол».

Чечиллю вторит и «историк» Дмитрий Волкогонов в фильме «Россия в войне: кровь на снегу»:

---

[1] http://militera.lib.ru/memo/english/churchill/1_21.html

«С 39-го года эти документы тщательно скрывали. Потому что в действительности это приговор советской дипломатии, которая в 39-м году несколько месяцев договаривалась с западными демократиями, но не смогла договориться, а потом за два дня договорилась с фашистами». Вроде бы мелочь — какая разница, день или два шли переговоры? Но эта недобросовестность «историков» весьма показательна: коли они так небрежно относятся к фактам, то разве они заметят оплошность в документах, если им подкинут фальшивку? И наоборот, если такие «историки» сами берутся стряпать фальшивки, то понятно, почему их поделки выглядят столь убого.

Вот краткая хронология визита, опубликованная в газете «Известия» от 24 августа 1939 г.:

«23 августа в 3 часа 30 мин. дня состоялась первая беседа председателя Совнаркома и Наркоминдела СССР тов. Молотова с министром иностранных дел Германии г. фон Риббентропом по вопросу о заключении пакта о ненападении. Беседа происходила в присутствии тов. Сталина и германского посла г. Шуленбурга и продолжалась около 3-х часов. После перерыва в 10 часов вечера беседа была возобновлена и закончилась подписанием договора о ненападении, текст которого приводится ниже».

Формулировки самого договора о ненападении были, как известно, предварительно озвучены и обсуждены сторнами. Позиции «секретного протокола» не могли быть обсуждаемы ранее, чем подписан сам договор. Представьте себе, что заключение пакта сорвалось, а германская пропаганда принялась бы обвинять Советы в попытке захватить Польшу, Финляндию, Прибалтику и Бессарабию, предъявив в качестве доказательств советские предложения. Москва могла сделать то же самое в своих интересах. Наконец, какой же это «секретный протокол», если о нем будут знать мелкие клерки в посольствах Берлина и Москвы? Я уж молчу о возможности соблюдения секретности в случае обсуждения условий дополнительного протокола по телефону, как о том брешут Карпов и Херварт.

Вот потому Черчилль и цитирует Гаусса, чтобы можно было в случае разоблачения брехни свалить всю ответственность на него. А какой вообще смысл в этой цитате? Ведь информация о московских переговорах была опубликована во всех ведущих мировых газетах. При желании Черчилль мог обратиться к соответ-

ствующему выпуску «Таймс». Какую важность представляют слова Гаусса о том, что Риббентроп встречался со Сталиным? Из этой встречи никто не делал секрета, и быть доказательством преступного сговора она не может. Налицо самая элементарная махинация: Черчилль, ссылаясь на неназванное американское издание[1] и некие материалы Нюрнбергского процесса, утверждает, что сговор состоялся. В качестве доказательства приводит якобы свидетельские показания Гаусса, прерывая их многозначительными троеточиями.

И тут же автор исторического бестселлера принимается каяться за провалы западной дипломатии и оправдывать Сталина:

«Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет.

В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной».

Правда, всего несколькими строками выше Черчилль пишет: *«Несмотря на все, что было беспристрастно рассказано в данной и предыдущей главах, только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противоестественный акт»*[2].

Странно получается: если договора с нацистской Германией заключает «демократическая» Великобритания, то в этом нет ничего страшного. Если же два тоталитарных государства прихо-

---

[1] Это могла быть только газета «St. Louis Post-Dispatch» или известный сборник документов «Нацистско-советские отношения 1939—1941», где они опубликованы без ссылки на источник

[2] http://militera.lib.ru/memo/english/churchill/1_21.html

дят к соглашению, то это становится «одиозным и противоестественным актом». Черчилль постеснялся полностью привести в своем фундаментальном труде известный уже текст «секретного протокола», и даже не счел возможным его цитировать. Никаких доводов в пользу существования «секретных протоколов» он не привел, ни единого источника не указал. Но после того, как автор получил в 1953 г. за свое сочинение Нобелевскую премию по литературе[1], историки всего мира получили право утверждать со ссылкой на сэра Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля, что «секретный протокол» существовал.

Допустим, что в своем шеститомнике «Вторая мировая война» Черчилль не счел нужным упомянуть о выдающейся роли фон Херварта, дабы не рассекречивать ценного супершпиона. Однако очень трудно понять, почему он не использовал сенсационный компромат против Сталина во время ялтинской «битвы за Польшу». Ладно, сочтем, что английский премьер не желал обострять отношения с русскими союзниками во время войны. Но когда он 5 марта 1946 г. произносил свою эпохальную Фултонскую речь (сам Черчилль назовет впоследствии эту речь самой важной во всей его карьере), то мог бы не стесняться. Однако, клеймя Советский Союз последними словами, Черчилль, даже касаясь польского вопроса и советского экспансионизма (Восточную Европу он назвал «советской сферой»), ни словом не обмолвился о скандальных протоколах. А ведь в то время по широко бытующему убеждению Великобритания располагала не только агентурными сведениями фон Херварта, но и вещественным доказательством — микрофотопленками из так называемой коллекции фон Леша. А сам Черчилль, по версии Безыменского, якобы даже читал доклад разведке, в котором сообщалось о «секретных протоколах».

Обо всем этом бывший в то время главой государства Черчилль так же не упоминает в своей книге. Почему? Лишь потому, что в то время каноническая легенда о «секретных протоколах» еще не сложилась окончательно — вот поэтому Черчилль и пишет о них столь невнятно и беззубо, допуская грубейшие ошибки. Зачем он вообще об этом пишет? Дело в том, что после войны Британская империя развалилась и Великобритания, что назы-

---

[1] Данный факт является грубым нарушением устава нобелевского комитета. Основоположник премии завещал выплачивать награду по литературе за произведение идеалистического характера, а не за историографический труд.

вается, легла под дядюшку Сэма. Именно Черчилль был активнейшим проводником такой политики. Свою первую внешнеполитическую речь в качестве лидера оппозиции в ноябре 1945 г. Черчилль посвятил «важным проблемам наших отношений с Соединенными Штатами». Антисоветчик №1 искренне надеялся, что США, обладающие монополией на атомное оружие, способны будут раздавить Советский Союз. Поэтому он считал необходимым поддержать своим авторитетом антисоветскую пропагандистскую кампанию, начатую американцами вбросом в 1948 г. компромата через сборник «Нацистско-советские отношения. 1939—1941». В это же время Черчилль начинает писать свою книгу, став одним из первых апологетов мифа о «секретных протоколах».

СТАЛИН

Главной фигурой в деле о «секретных протоколах» является не Молотов, не Риббентроп, и даже не Гитлер, а именно Сталин. Цель фальсификаторов состояла в том, чтобы обвинить его в агрессии против стран Восточной Европы и тем самым обосновать право прибалтов на независимость своих республик. Поэтому манипуляторам позарез нужны были именно сталинские «отпечатки пальцев» в этом деле. Единственной уликой против советского вождя стала так называемая речь Сталина на Политбюро 19 августа 1939 г., в которой он якобы обрисовал тезисы своего плана по установлению коммунистического господства в Европе. А к «секретным протоколам» она привязывается тем, что в ней от имени Сталина формулируются тезисы будущего «секретного протокола», якобы подписанного Молотовым и Риббентропом. В журнале «Отечественная история» (№1, 2004 г.) вышла очень дельная статья Сергея Зиновьевича Случа «Речь Сталина, которой не было», где он досконально проанализировал историю этой мистификации. Любопытствующие могут обратиться к этой публикации по адресу http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/RUHIST/STANET1.HTM. Я же здесь привожу краткое изложение исследования Случа, дополнив своими комментариями.

Официальная версия утечки информации из Кремля весьма хлипкая. Впервые анонимный конспект сталинского выступления публикуется 28 ноября 1939 г. во французской прессе от имени влиятельного информационного агентства «Гавас». Источник получения информации не раскрывался. 30 ноября 1939 г. газета «Правда» под заголовком «О лживом сообщении агентства «Гавас» обнародует резкий отзыв в форме ответа Сталина на вопрос редактора газеты. 12 июля 1941 г. бывший женевский корреспондент «Гавас»[1] Анри Рюффен, известный своими антикоммунистическими взглядами, вновь публикует «речь Сталина» в газете «Journal de Geneve». Из публикации Рюффена следовало, что именно он 27 ноября 1939 г. передал агентству «Гавас» полученный им от неназванного источника текст «речи Сталина». Причем,

[1] Агентство было закрыто немцами после разгрома Франции.

представленный им в 1941 г. вариант значительно отличался от первоначального текста. Подредактирован он был в свете изменения военно-политической ситуации в Европе, приобретя характер, явно желательный для германской пропаганды, обыгрывающей сюжет крестового похода цивилизованной Европы против азиатского большевизма.

Нацистская пропаганда мгновенно подхватила эстафетную палочку и кампания получила довольно широкий резонанс во всей Европе. В Германии замелькали газетные статьи под крупными заголовками: «Война в Европе должна подготовить почву для мировой революции. Сенсационные французские документы о двойной игре Сталина». В вишистской Франции в 1942 г. выходит книга профессора де ла Праделя «Щупальца марксизма. Возникновение, тактика и действия советской дипломатии. 1920—1940». В главе «Признание Сталина» опубликована очередная редакция текста Рюффена с его предисловием. В этот раз акценты еще сильнее были смещены в сторону гипотетической советизации Франции, якобы запланированной Сталиным еще в 1939 г. В августе 1944 г. во французском журнале «La Revue universelle» Рюффен вновь публикует статью «План Сталина (ноябрь 1939 г.)», где «речь на Политбюро», приводится в варианте почти идентичном тому, что содержится в книге де Ла Праделя. После войны «речь Сталина» периодически фигурировала в пропагандистских сочинениях, принадлежащих перу антикоммунистических авторов, однако вопрос ее происхождения всякий раз обходился стороной. Упомянул ее мельком и Черчилль в своей «Истории Второй мировой войны», но от комментариев воздержался.

Вот текст скандально знаменитой «речи Сталина на Политбюро», распространенной агентством «Гавас», приводимый Случем в указанной журнальной публикации. Жирным шрифтом выделены дополнения, появившиеся в дальнейших французских публикациях военного времени. В скобках указана дата внесения редакции.

«Агентство Гавас получило из Москвы (через Женеву) от источника, который оно рассматривает как достойный абсолютного доверия, следующие сведения о заседании Политбюро, проведенного по инициативе Сталина 19 августа в 10 часов вечера, вскоре после которого СССР подписал известное политическое соглашение с рейхом: вечером 19 августа члены Политбюро были срочно созваны на секретное заседание, на котором присутствовали также видные лидеры Коминтерна, но только те, кто вхо-

дил в русскую секцию. Никто из зарубежных коммунистов, даже Димитров — генеральный секретарь Коминтерна, не был приглашен на это заседание, цель которого, не обозначенная в повестке дня, состояла в том, чтобы заслушать доклад Сталина».

«Мир или война.

Этот вопрос вступил в критическую фазу. Его решение целиком и полностью зависит от позиции, которую займет Советский Союз.

Мы совершенно убеждены, что, если мы заключим договор о союзе с Францией и Великобританией, Германия будет вынуждена отказаться от Польши и искать modus vivendi[1] с западными державами. Таким образом, войны удастся избежать, и тогда последующее развитие событий примет опасный для нас характер.

С другой стороны, если мы примем известное вам предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, несомненно, нападет на Польшу, и тогда вступление Англии и Франции в эту войну станет неизбежным.

В результате Западная Европа подвергнется глубокому разрушению (1941).

При таких обстоятельствах у нас будут хорошие шансы остаться в стороне от конфликта, и мы сможем, находясь в выгодном положении, выжидать, когда наступит наша очередь. Именно этого требуют наши интересы.

Диктатура коммунистической партии возможна лишь в результате большой войны... (1941).

Мы знаем, что эта деятельность требует больших средств, но мы должны пойти на эти жертвы без колебаний и поручить французским товарищам поставить в числе первоочередных задач подкуп полиции (1942).

Итак, наш выбор ясен: мы должны принять немецкое предложение, а английской и французской делегациям ответить вежливым отказом и отправить их домой.

Нетрудно предвидеть выгоду, которую мы извлечем, действуя подобным образом. Для нас очевидно, что Польша будет разгромлена прежде, чем Англия и Франция смогут прийти ей на помощь. В этом случае Германия передаст нам часть Польши вплоть до подступов Варшавы, включая украинскую Галицию.

---

[1] *Modus vivendi* (*лат.*). 1. Временное соглашение по какому-нибудь международному вопросу, заключенное сторонами в расчете на его окончательное урегулирование в последующем. 2. Фактическое состояние отношений, признаваемое заинтересованными сторонами.

Германия предоставит нам полную свободу действий в трех прибалтийских странах. Она не будет препятствовать возвращению России Бессарабии. Она будет готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию.

Остается открытым вопрос о Югославии, решение которого зависит от позиции, которую займет Италия. Если Италия останется на стороне Германии, тогда последняя потребует, чтобы Югославия входила в зону ее влияния, ведь именно через Югославию она получит доступ к Адриатическому морю. Но если Италия не пойдет вместе с Германией, то тогда она за счет Италии получит выход к Адриатическому морю, и в этом случае Югославия перейдет в нашу сферу влияния.

Все это в том случае, если Германия выйдет победительницей из войны. Однако мы должны предвидеть последствия как поражения, так и победы Германии. Рассмотрим вариант, связанный с поражением Германии.

В случае поражения Германии — сказал он, — неизбежно последует ее советизация и создание коммунистического правительства (1941).

У Англии и Франции будет достаточно сил, чтобы оккупировать Берлин и уничтожить Германию, которой мы вряд ли сможем оказать эффективную помощь.

Поэтому наша цель заключается в том, чтобы Германия как можно дольше смогла вести войну, чтобы уставшие и крайне изнуренные Англия и Франция были не в состоянии разгромить Германию.

Отсюда наша позиция: оставаясь нейтральными, мы помогаем Германии экономически, обеспечивая ее сырьем и продовольствием; однако, само собой разумеется, что наша помощь. не должна переходить определенных границ, чтобы не нанести ущерба нашей экономике и не ослабить мощь нашей армии.

В то же время мы должны вести активную коммунистическую пропаганду, особенно в странах англо-французского блока и, прежде всего, во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране наша (так в тексте. — С.С.) *партия во время войны будет вынуждена прекратить легальную деятельность и перейти к нелегальной. Мы знаем, что подобная деятельность требует больших средств, но мы должны без колебаний пойти на эти жертвы.*

Мы знаем, что эта деятельность требует больших средств, но мы должны пойти на эти жертвы без колебаний и поручить французским товарищам поставить в числе первоочередных задач подкуп полиции (1942).

Если эта подготовительная работа будет тщательно проведена, тогда безопасность Германии будет обеспечена, и она сможет способствовать советизации Франции.

Но для этого необходимо, чтобы война продолжалась как можно дольше, и именно в этом направлении должны быть задействованы все наши средства (1941).

Рассмотрим теперь вторую гипотезу, связанную с победой Германии.

Некоторые считают, что такая возможность представляла бы для нас наибольшую опасность. В этом утверждении есть доля правды, но было бы ошибкой полагать, что эта опасность настолько близка и велика, как некоторые себе это воображают.

Если Германия победит, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы воевать с нами в ближайшие десять лет. Ее основной заботой будет наблюдение за побежденными Англией и Францией, чтобы воспрепятствовать их подъему.

С другой стороны, Германия-победительница будет обладать огромными колониями; их эксплуатация и приспособление к немецким порядкам также займут Германию в течение нескольких десятилетий. Очевидно, что Германия будет слишком занята другим, чтобы повернуть против нас.

Если мы окажемся достаточно ловкими, чтобы извлечь выгоду из развития событий, мы сможем прийти на помощь коммунистической Франции и превратить ее в нашего союзника, равно как и все народы, попавшие под опеку Германии (1941).

Но нужно быть готовым и к другому: в побежденной Франции неизбежно произойдет коммунистическая революция. Если мы будем достаточно ловкими, чтобы извлечь выгоду из этого обстоятельства, мы сможем прийти на помощь коммунистической Франции и превратить ее в нашего союзника. Нашими союзниками станут также все те народы, которые оказались под опекой Германии-победительницы, и перед нами, таким образом, откроется широкое поле деятельности (1942).

Товарищи, — сказал в заключение Сталин, — я изложил вам свои соображения. Повторяю, что в ваших (так в тексте. — С.С.) *интересах, чтобы война разразилась между рейхом и англо-французским блоком. Для нас очень важно, чтобы эта война длилась как можно дольше, чтобы обе стороны истощили свои силы. Именно по этим причинам мы должны принять предложенный Германией пакт и способствовать тому, чтобы война, если таковая будет объявлена, продлилась как можно дольше. В то же*

время мы должны усилить экономическую работу в воюющих государствах, чтобы быть хорошо подготовленными к тому моменту, когда война завершится».

Доклад Сталина, выслушанный с благоговейным вниманием, не вызвал никакой дискуссии. Было задано только два малозначительных вопроса, на которые Сталин ответил. Его предложение о согласии на заключение пакта о ненападении с рейхом было принято единогласно. Затем Политбюро приняло решение поручить председателю Коминтерна Мануильскому совместно с секретарем Димитровым под личным руководством Сталина разработать надлежащие инструкции для коммунистической партии за рубежом».

С позиции сегодняшнего дня разоблачить эту инсинуацию будет не столь уж сложно. Итак, Сталин приглашает на «секретное заседание» членов Политбюро и «русских лидеров» Коминтерна. Список последних Случ приводит в сноске: членами «русской секции» в Коминтерне были сам Сталин, Жданов, Мануильский, кандидат — Лозовский (заместитель наркоминдел Молотова). Димитров, руководитель Коминтерна, не приглашен. При этом *«Политбюро приняло решение поручить «председателю Коминтерна» Мануильскому совместно с секретарем Димитровым*[1] *под личным руководством Сталина разработать надлежащие инструкции для коммунистической партии за рубежом».*

Бред полнейший. Это в нацистской Германии был провозглашен «фюрерпринцип». Воля фюрера рейха — высший закон для подданных. СССР же являлся государством очень бюрократичным. Субординационные формальности соблюдались неукоснительно. Так вот, Политбюро ВКП(б) не могло поручить Мануильскому и Димитрову разработать инструкции под личным руководством Сталина, потому что формально ВКП(б) числилась лишь секцией Коммунистического интернационала, то есть была структурным подразделением международного объединения. Так было на всех партбилетах написано.

Соответственно, если Сталин и принял решение поручить исполкому Коминтерна осуществить какую-либо работу, то это ни при каких обстоятельствах не могло быть оформлено, как поручение Политбюро. Надо было вызвать Димитрова, обсудить с ним вопрос, тот бы собрал пленум исполкома и продавил бы нужное

---

[1] Димитров являлся Генеральным секретарем Коминтерна, а Мануильский — секретарем. В тексте Рюффена слишком грубые ошибки.

решение. Наконец, как можно давать поручение Димитрову, которого даже не пригласили заслушать доклад Сталина? Он что, должен был догадываться, в каком русле ориентировать европейские компартии? Судя по дальнейшим событиям, Димитров действовал прямо противоположно этой сталинской ориентировке.

Такое понятие как «секретное заседание Политбюро в расширенном составе» — это что-то из области детективной беллетристики. Если Сталин хотел обсудить какой-то вопрос приватно, то для этого было достаточно собрать нужных людей на своей даче или пригласить в свой кабинет через личного секретаря. Разумеется, никто не протоколировал такие встречи. На официальное мероприятие участники приглашаются через канцелярию, а если мелкие клерки оргбюро ЦК будут знать, что вечером состоится «секретное заседание», то оно будет уже не очень секретным. Опять же, на этом гипотетическом заседании Политбюро ведется протокол — очередное нарушение секретности. Принятые решения официально доводятся до сведения исполнителей через секретариат ЦК — вся секретность летит к черту. Единственный способ соблюсти конспирацию — провести встречу в узком кругу и в неформальной обстановке.

Вообще-то в 1939 г. было зафиксировано всего два заседания Политбюро — 29 января и 17 декабря. Остальные решения Политбюро вырабатывались Оргбюро или Секретариатом ЦК на основе индивидуального опроса членов Политбюро по различным вопросам. Следовательно, официальных заседаний, да еще «секретных» и в расширенном составе, 19 августа 1939 г. не происходило. В архивах не найдено ни одного свидетельства в пользу версии Рюффена. Известно множество совместных постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров, но это проистекало из специфики исполнительной власти СССР, поскольку партийная верхушка занимала правительственные посты. Но никогда СНК не выполнял решения партии! Распоряжения правительства в 1939 г. подписывал только Молотов — формально подчиненный Сталина по партийной линии. Молотов же подчинялся официальному главе государства — Калинину, занимавшему пост председателя Президиума Верховного Совета СССР — советского парламента. Сталин был неформальным лидером страны и постов в исполнительной власти до 6 мая 1941 г. не занимал, его власть базировалась на личном авторитете и авторитете возглавляемой им партии. Опять же, формально в ВКП(б) соблюдался принцип коллегиального руководства и генеральный секретарь не имел никаких преимущественных прав относитель-

но других членов ЦК. В любом случае генсек Сталин не мог давать поручения руководству Коминтерна, ибо в этой иерархии Димитров был выше его по должности.

Во вступительной части своего выступления Сталин делает удивительно точный прогноз относительно быстрого разгрома Польши, который 19 августа не мог сделать никто. Мощь польской армии переоценили все — и Сталин, и Гитлер, и западные союзники. А уж сами поляки пели песни о том, как будут полоскать копыта своих коней в Рейне. Что касается западных союзников, то дело было не в том, смогут ли они прийти на помощь Польше, а в том, захотят ли они это сделать. Но Сталин не мог знать планов Лондона и Парижа, он мог лишь предполагать, что Польшу они предадут так же, как в свое время Чехословакию. Наконец, он не мог пафосно заявлять, что вопрос войны или мира находится в руках Советского Союза. Как раз, наоборот, в предвоенный период внешнеполитический вес СССР был очень мал, что советский вождь, как опытный политик, всегда учитывал, и даже в официальных речах подчеркивал, что возможности СССР в международных делах довольно ограниченны.

Выражение «*таким образом, войны удастся избежать, и тогда последующее развитие событий примет опасный для нас характер*» абсурдно. Внутреннее положение СССР было наиболее стабильным за все предшествующие годы. Соответственно, угроза могла исходить только извне. В чем опасность мирной жизни для страны? Это только обанкротившиеся диктатуры стремятся поднять свой авторитет путем «маленькой победоносной войны».

В детали переговоров с Германией был посвящен лишь очень узкий круг ближайших соратников Сталина:

Молотов (глава правительства, нарком иностранных дел);

Микоян (заместитель главы правительства, нарком внешней торговли СССР, нарком снабжения, нарком пищевой промышленности);

Каганович (заместитель главы правительства, нарком путей сообщения, нарком тяжелой промышленности, нарком топливной промышленности);

Ворошилов (нарком обороны).

Как видим, в курсе дел были лишь высшие государственные функционеры, чья деятельность непосредственно касалась предмета советско-германских отношений (не будем забывать, что фундаментом Договора о ненападении являлся подписанный 19 августа 1939 г. торговый договор между Германией и СССР, имеющий колоссальное значение для нужд тяжелой, то бишь военной, про-

мышленности). Таким образом, Сталин не мог в широком кругу членов Политбюро и представителей Коминтерна разглагольствовать об «известном вам предложении Германии», поскольку об этих предложениях никто посторонний не знал и не мог знать.

Венгрия, Болгария, и особенно Румыния — это страны, где влияние Германии было преобладающим. Никогда не шло речи о передаче этих стран в сферу влияния СССР даже в гипотетическом ключе. Румыния была стратегическим экономическим партнером Германии, обеспечивая большую часть поставок нефти. Рассуждения Сталина о балканских делах и германо-итальянских отношениях носят абсолютно оторванный от реальности характер. 22 мая 1939 г. был заключен Стальной пакт — военно-политический союз между Германией и Италией, образовавший ось Берлин — Рим. Поэтому оснований для сомнений в том, что Италия последует за Германией, у Сталина в августе 1939 г. не должно было быть.

Сталин не мог сказать в августе 1939 г., что *«у Англии и Франции будет достаточно сил, чтобы оккупировать Берлин и уничтожить Германию, которой мы вряд ли сможем оказать эффективную помощь»*. Соотношение сухопутных сил летом 1939 г. было примерно следующим: у Англии и Франции 25+32=57 дивизий (часть из них в колониях). У Германии 51 дивизия (причем, более мощных, чем у западных союзников). У ее ближайшего союзника Италии — 67 дивизий, у Японии[1] — 41 дивизия. Венгрия в феврале 1939 г. присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, то есть фактически к Германии, имея порядка 10 дивизий. А Советский Союз содержал аж 126 дивизий[2], и мне трудно понять, почему это не позволяло ему эффективно помочь Германии. Сочинитель «речи Сталина» Рюффен вряд ли мог знать этот расклад, но советскому вождю он был известен, и потому тот не мог пороть такую ахинею. В этой статистике можно не учитывать 30 дивизий у Польши, поскольку они, дескать, будут уничтожены *«прежде, чем Англия и Франция смогут прийти ей на помощь»*.

За весь предвоенный период никогда не поднимался вопрос о советской экономической помощи Германии. Речь велась ис-

---

[1] Япония была связана союзным договором с Германией, а потому могла нанести удар по английским силам в Юго-Восточной Азии и серьезно угрожать Индии, что действительно имело место в дальнейшем.

[2] Справедливости ради надо заметить, что в большинстве своем это были «скелеты» дивизий трехтысячного состава, но в процессе мобилизации гораздо проще нарастить на них «мясо», нежели создавать дивизии с нуля, не располагая командными кадрами.

ключительно о торговле, причем условия сделок были чрезвычайно выгодны СССР и весьма обременительны для Германии, но Берлин вынужден был идти на определенные жертвы, оплачивая политические уступки со стороны Советского Союза. Поэтому Сталин и в качестве шутки не мог сказать, что мы будем «экономически помогать Германии».

Даже беглый анализ указывает на то, что «речь Сталина» — довольно примитивная фальшивка, рассчитанная разве что на интеллект среднего западного обывателя. К тому же как содержание «секретного доклада» Сталина могло просочиться за границу? Рюффен свои показания по этому вопросу менял довольно резво. В книге де ла Праделя он сообщает, что ему каким-то неведомым образом представилась возможность войти в контакт с мифическим высокопоставленным лицом, чья информированность не вызывала сомнений. Это лицо и предоставило все необходимые сведения, которые Рюффен записал как можно точнее. Через два года Рюффен утверждал, что он не проявлял инициативы, а находился 27 ноября 1939 г. в женевском бюро агентства «Гавас», когда неожиданно появился посетитель, доверивший ему некий документ. После тщательного анализа Рюффен пришел к выводу о том, что это достоверное изложение «речи Сталина» и в тот же вечер передал текст в Париж.

После войны историю с «речью Сталина» расследовал немецкий историк Э. Йеккель. Он списался с Рюффеном, однако тот, подтвердив факт передачи документа агентству «Гавас», не ответил на письмо историка, с конкретными вопросами об обстоятельствах этого акта. Никак не прокомментировал он и расхождения между первоначальным текстом и его дальнейшими редакциями.

Из версии Рюффена можно сделать вывод, что среди членов Политбюро, присутствующих на «секретном заседании», был предатель, устроивший утечку информации. Если бы описываемое событие 19 августа действительно имело место, то скандальная публикация во французской прессе дала повод для серьезного расследования. Оставить неразоблаченного иуду в своем ближайшем окружении Сталин не мог. Поскольку никаких мероприятий по поиску источника утечки информации предпринято не было (по крайней мере, об этом ничего не известно), можно смело заключить, что Рюффен высосал «речь Сталина» из пальца или кто-то иной осуществил через него «слив» дезинформации.

В 1958 г. Йеккель опубликовал результаты своего исследования, в котором пришел к выводу, что «*так называемую речь Ста-*

лина [следует] исключить из использования в научной литературе, если и не как доказуемо фальшивую, то, во всяком случае, как в высшей степени сомнительную». Этой точки зрения придерживалось научное сообщество на Западе даже во времена холодной войны. Реанимирована фальшивка была в 1985 г. стараниями небезызвестного перебежчика Владимир Резуна (литературный псевдоним Виктор Суворов). Он опубликовал в журнале британского Института оборонных исследований статью, в которой выдвигал впоследствие широко распропагандированную идею о том, что Сталин летом 1941 г. планировал напасть на Германию. Возможно, эта публикация и не была бы замечена, если бы широкую рекламу новоявленному писателю-фантасту не организовала влиятельная западногерманская газета «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (выпуск от 20 августа 1986 г., стр. 25). Эта публикация спровоцировала спор о превентивной войне, не затухший по сей день. В 1989 г. вышла «библия» резунистов — бредово-фантастическая книжка «Ледокол», в которой автор доказывает, что Сталин целенаправленно стремился к развязыванию общеевропейской бойни с целью всемирного распространения коммунизма, для чего он привел к власти Гитлера и заключил с ним пакт, открывший шлюзы войны.

Одним из столпов резунистской мифологии является так называемая «речь Сталина на Политбюро 19 августа», а сама эта дата сакрализуется как день, когда было *«принято бесповоротное решение осуществить... план «освобождения Европы», означавшее не что иное, как «точную дату начала Второй мировой войны и время вступления СССР в нее»*[1].

Тема получила развитие в очередной поделке Резуна — сочинении «День М». В середине 1990-х своего коллегу по идеологической борьбе поддержала «историк» Бушуева, якобы нашедшая доказательство проведения заседания Политбюро в неких *«секретных трофейных фондах Особого архива СССР»*[2]. В журнале была опубликована компиляция различных вариантов «речи Сталина» со значительными смысловыми изменениями. После фальшивая «речь Сталина» в различных вариация начала свое триумфальное шествие по «научным» изданиям и статьям в СМИ. В 1995 г. «речь Сталина» стала темой специального доклада психически неуравновешенного «историка» Дорошенко, который договорился до того, что Сталин, дескать, передал документ *«как для исполне-*

---

[1] *Суворов В.* Ледокол // http://lib.ru/WSUWOROW.

[2] Новый мир, 1994, № 12

ния руководству ФКП, так и агентству «Гавас» для разгрома ФКП французским правительством, что вполне в духе Сталина»[1].

Бред Дорошенко был перепечатан в сборнике Российского государственного гуманитарного университета, который возглавлял Юрий Афанасьев — заместитель Яковлева по депутатской комиссии, «доказавшей» существование «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа. В этой точке два мутных пропагандистских ручья сливаются в вонючий идеологический поток. Достоверность «речи Сталина» якобы доказана источниковедческим анализом Дорошенко, а сама «речь» ныне приводится как неоспоримое, хоть и косвенное доказательство существования «секретных протоколов». Из «доказанности» существования сговора по разделу Европы, в свою очередь, следует, что подлинность «речи Сталина» подтверждается, по мнению Афанасьева, многими важнейшими фактами и событиями предвоенных лет.

---

[1] *Дорошенко В.Л.* Сталинская провокация Второй мировой войны. 1939—1945. 1 сентября — 9 мая. // Пятидесятилетие разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны. Материалы научного семинара.

НОТА

Еще одним «доказательством» существования «секретных протоколов» якобы является нота МИД Германии советскому правительству от 21 июня 1941 г. Привожу ее текст полностью в том виде, в каком она опубликована на популярном интернет-портале Хроно.ру:

НОТА ГЕРМАНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПРАВИТЕЛЬСТВУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ОТ 21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

I

Когда правительство Рейха, движимое желанием найти баланс интересов между Германией и СССР, обратилось летом 1939 года к советскому правительству, оно отдавало себе отчет в том, что взаимопонимание с государством, которое, с одной стороны, принадлежит к сообществу национальных государств с вытекающими отсюда правами и обязанностями, а с другой стороны, управляется партией, которая, как секция Коминтерна, стремится к мировой революции, т.е. к ликвидации этих национальных государств, будет нелегкой задачей. Отбросив эти тяжелые сомнения, которые определялись этим принципиальным различием политических целей Германии и Советской России и диаметральной противоположностью мировоззрений национал-социализма и большевизма, правительство Германского Рейха предприняло эту попытку. Оно руководствовалось при этом той мыслью, что предотвращение войны благодаря взаимопониманию между Германией и Россией и обеспечение этим путем реальных жизненных потребностей двух народов, издавна дружественно относящихся друг к другу, будет лучшей гарантией против дальнейшего распространения в Европе коммунистических доктрин международного еврейства. Это предположение основывалось на том, что определенные процессы в самой России и определенные меры русского правительства на международной арене позволяли считать, по меньшей мере, возможным отход от этих доктрин и от прежних мотивов разложения дру-

гих народов. Тот прием, который встретили немецкие шаги в Москве, и готовность правительства Советской России заключить пакт о дружбе с Германией как будто подтверждали эту перемену. В результате 23 августа 1939 года был заключен пакт о ненападении, а 28 сентября 1939 года подписано соглашение о границах и о дружбе между двумя государствами. Суть этих договоров заключалась:

1) во взаимном обязательстве обоих государств не нападать друг на друга и жить в мирном добрососедстве и

2) в разграничении сфер интересов с отказом Германского Рейха от какого-либо влияния в Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве и Бессарабии, причем области бывшего польского государства до линии Нарев — Буг — Сан по желанию Советской России были включены в ее состав.

После заключения пакта о ненападении с Россией правительство Рейха сразу же принципиально изменило свою политику в отношении СССР и с этого дня заняло дружественную позицию по отношению к Советскому Союзу, сохраняя верность духу и букве заключенных с Советским Союзом договоров. Кроме того, нанеся поражение Польше, для чего была пролита немецкая кровь, оно помогло Советскому Союзу достичь наибольших за время его существования внешнеполитических успехов. Это стало возможным только вследствие благожелательной политики Германии в отношении России и убедительных побед германского вермахта.

Поэтому правительство Рейха имело основания предполагать, что и позиция Советского Союза по отношению к Германскому Рейху будет такой же, — по крайней мере, во время переговоров, которые вел в Москве рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп. И при других обстоятельствах советское правительство не раз заявляло, что эти договоры служат основой долгосрочного баланса двусторонних германо-советских интересов и что оба народа при взаимном уважении режимов двух стран и невмешательстве во внутренние дела друг друга придут к длительным добрососедским отношениям. К сожалению, быстро выяснилось, что правительство Рейха в этом своем предположении глубоко заблуждалось.

В действительности вскоре после заключения германо-русских договоров повсюду снова развернул свою активность Коминтерн. Это относится не только к одной Германии, но и к союзным с Германией и нейтральным государствам и оккупированным немецкими войсками областям Европы.

Чтобы открыто не нарушать договоры, только изменили методы и сделали более тщательной и утонченной маскировку. Постоянно клеймя якобы «империалистическую» войну, ведущуюся Германией, в Москве явно намеревались компенсировать воздействие заключения пакта с национал-социалистической Германией. Сильные и эффективные полицейские контрразведывательные меры заставили Коминтерн вести свою подрывную и разведывательную деятельность против Германии окольными путями, через центры в соседних с Германией странах. При этом использовали бывших немецких коммунистических активистов, которые занимались в Германии подрывной работой и подготовкой актов саботажа. Систематическим обучением для этих целей руководил комиссар ГПУ Крылов. Кроме того, велась интенсивная подрывная работа в оккупированных Германией областях, особенно в Протекторате и оккупированной части Франции, но также в Норвегии, Голландии, Бельгии и т.д. Большую помощь ей оказывали советские представительства, особенно генеральное консульство в Праге. Активный шпионаж с использованием радиопередатчиков и приемников служит доказательством направленной против Германского Рейха работы Коминтерна. Имеются обширные документальные свидетельские и письменные материалы и обо всех прочих видах подрывной и шпионской работы Коминтерна. Кроме того, создавались группы саботажников, которые имели свои лаборатории, где изготавливались зажигательные и фугасные бомбы для осуществления актов саботажа. Жертвами таких актов стали не менее 16 немецких судов.

Помимо этой подрывной работы и саботажа велся шпионаж. Так, возвращение немцев из Советской России использовалось для того, чтобы с помощью самых отвратительных средств заставить их работать на ГПУ. Не только мужчин, но и женщин бесстыдным образом вынуждали давать подписку о сотрудничестве с ГПУ. Даже советское посольство в Берлине под руководством советника посольства Кобулова не стеснялось беззастенчиво использовать право экстерриториальности для шпионских целей. Сотрудник русского консульства в Праге Мохов возглавлял русскую шпионскую сеть, которая охватывала весь Протекторат. Другие случаи, когда своевременно вмешалась полиция, дают четкую и однозначную картину этих обширных советских махинаций. Общая картина ясно показывает, что Советская Россия в большом объеме вела против Германии неле-

гальную подрывную деятельность, саботаж, террор и, в порядке подготовки к войне, — шпионаж в политическом, военном и экономическом плане.

II

Что касается подрывной работы Советской России в Европе за пределами Германии, то она охватывала почти все союзные с Германией или оккупированные ею государства Европы. Так, например, в Румынии коммунистическая пропаганда в листовках, доставленных из России, изображала Германию виновницей всех бед, чтобы вызвать антинемецкие настроения. То же самое наблюдалось с лета 1940 года в Югославии. Листовки там призывали протестовать против заключения режимом Цветковича пактов с империалистическими правительствами в Берлине и Риме. На одном собрании активистов компартии в Аграме весь юго-восток Европы от Словакии до Болгарии обозначался как русский протекторат, который, как они надеялись, будет создан после военного ослабления Германии. В советской миссии в Белграде немецкие войска нашли документальные доказательства советского источника этой пропаганды. В то время, как в Югославии коммунистическая пропаганда пыталась использовать национал-социалистические лозунги, в Венгрии она велась прежде всего среди русинского населения, которому она лживо сулила грядущее освобождение Советской Россией. Особенно активно натравливали на немцев население Словакии, где открыто проповедовала идею присоединения к Советской России.

В Финляндии действовало пресловутое «Объединение за мир и дружбу с Советским Союзом», которое пыталось разлагать эту страну с помощью радио Петрозаводска и работало в антигерманском направлении.

Во Франции, Бельгии и Голландии население натравливали на немецкие оккупационные власти. В Генерал-губернаторстве такая же пропаганда велась в национальном и панславистском обрамлении. Едва немецкие и итальянские войска оккупировали Грецию, и там заработала советская пропаганда. Общая картина такова, что во всех странах СССР систематически вел кампанию против попыток Германии установить в Европе стабильный порядок.

Параллельно ведется прямая контрпропаганда, изображающая меры германской политики как антирусские и преследующие цель перетянуть различные страны на сторону Советской Рос-

сии и повернуть их против Германии. Так, в Болгарии велась агитация против присоединения к Тройственному пакту и за гарантийный пакт с Россией, в Румынии в результате внедрения в «Железную Гвардию» и использования ее вождей, таких как Гроза, была инсценирована попытка путча 23 января 1941 года, организаторами которой были большевистские агенты Москвы. У правительства Рейха есть неопровержимые доказательства этого.

Что касается Югославии, то правительство Рейха располагает документами, согласно которым югославский делегат Георгиевич еще в мае 1940 года вынес из беседы в Москве с г-ном Молотовым убеждение, что Германию там рассматривают как «завтрашнего могучего врага». Еще однозначней было отношение Советской России к запросам сербских военных относительно оружия. В ноябре 1940 года начальник советского Генерального штаба (генерал армии Мерецков) заявил югославскому военному атташе (полковнику Жарко Поповичу): «Мы дадим все, что требуется, и притом сразу». Цены и способ оплаты оставлялись на усмотрение белградского правительства и ставилось лишь одно условие: держать все в тайне от Германии. Когда правительство Цветковича позже сблизилось с державами Оси, в Москве начали тормозить поставки оружия. Об этом югославскому военному атташе коротко и ясно заявили в советском военном министерстве. Инсценировка белградского путча 27 марта этого года стала кульминацией этой тайной деятельности сербских заговорщиков и англо-русских агентов против Рейха.

Сербский руководитель этого путча и вождь «Черной руки» г-н Симич и сегодня находится в Москве и развертывает оттуда активную деятельность против Рейха в теснейшем контакте с советскими пропагандистскими центрами.

Изложенное выше — лишь малая часть того, что известно о достигшей огромных масштабов пропагандистской деятельности СССР в Европе против Германии. Чтобы дать остальному миру общее представление о деятельности советских центров в этом направлении после заключения германо-русских договоров и позволить ему сделать выводы, правительство Рейха решило придать широкой огласке имеющиеся в его распоряжении обширные материалы. В итоге правительство Рейха вынуждено констатировать: Советское правительство при заключении договоров с Германией неоднократно и недвусмысленно заявляло, что оно не намерено ни прямо, ни косвенно вмешиваться в дела Германии. При заключении договора о дружбе оно в торжественной форме заявило, что будет сотрудничать с Германией, что-

бы в соответствии с истинными интересами всех народов положить конец состоянию войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой и достичь этой цели как можно быстрей. Эти советские соглашения и заявления, если рассматривать их в свете изложенных выше фактов, были не более как сознательным введением в заблуждение и обманом. Даже успехи, достигнутые только благодаря дружественной позиции Германии, не подвигли советское правительство к лояльному поведению по отношению к Германии. Правительство Рейха еще больше убедилось в том, что еще раз подчеркнуто повторенный в «Директивах коммунистической партии Словакии» от октября 1939 года тезис Ленина, согласно которому «с рядом других стран можно заключать пакты, если они служат интересам советского правительства и обезвреживанию противника», оставался в силе и при заключении договоров 1939 года. Заключение этих договоров о дружбе было для советского правительства лишь тактическим маневром. Непосредственная цель заключалась в том, чтобы добиться выгодных для России соглашений и тем самым одновременно подготовить дальнейшее мощное наступление Советского Союза. Главной идеей оставалось ослабление небольшевистских государств, чтобы их легче было разложить и в нужный момент разбить. С грубой прямотой это выражалось в одном русском документе, найденном после взятия Белграда немецкими войсками 13 апреля 1941 года в тамошней советской миссии, в следующих словах: «СССР отреагирует только в подходящий момент. Державы Оси еще больше распылили свои вооруженные силы, поэтому СССР нанесет внезапный удар по Германии». Советское правительство в Москве не прислушалось к голосу русского народа, который честно хочет жить в мире и дружбе с немецким народом, а продолжило старую двуличную большевистскую политику, взяв тем самым на себя тяжелую ответственность.

III

Если уж пропагандистская подрывная работа Советского Союза в Германии и остальной Европе не оставляет никаких сомнений в ее антигерманской направленности, то поведение советского правительства по отношению к Германии во внешнеполитической и военной области после заключения германо-русских договоров говорит еще более ясным языком. В Москве при разграничении сфер интересов советское правительство заявило рейхсминистру иностранных дел, что, за исключением на-

ходившихся тогда в состоянии распада областей бывшего польского государства, оно не намерено оккупировать, большевизировать или аннексировать находящиеся в его сфере влияния государства. Но в действительности, как показал ход событий, политика Советского Союза в это время была направлена исключительно на одну цель, а именно на то, чтобы везде, где можно, продвинуть на Запад военную власть Москвы в пространстве между Ледовитым океаном и Черным морем и продолжить большевизацию Европы. Развитие этой политики отмечено следующими этапами:

1) Началось оно с заключения т.н. пактов о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой в октябре и ноябре 1939 года и с создания военных баз в этих странах.

2) Следующий ход в советской шахматной игре был сделан в Финляндии. Когда советские требования, принятие которых означало бы утрату свободным финским государством суверенитета, были отклонены финским правительством, советское правительство велело создать коммунистическое псевдоправительство Куусинена, и когда финский народ не захотел иметь никаких дел с этим правительством, Финляндии был предъявлен ультиматум и в конце ноября 1939 года началось наступление Красной Армии. По заключенному в марте 1940 года мирному договору между Финляндией и Россией Финляндии пришлось отдать часть своих юго-восточных провинций, которые сразу же подверглись большевизации.

3) Несколько месяцев спустя, в июне 1940 года, Советский Союз повел наступление на прибалтийские государства. Литва по первому Московскому договору входила в немецкую сферу интересов. По желанию Советского Союза правительство Рейха во втором договоре отказалось от своих интересов в преобладающей части этой страны, хотя и с тяжелым сердцем, в пользу Советского Союза, ради мира, хотя полоска этой области еще оставалась в сфере немецких интересов. После ультиматума, предъявленного 15 июня, вся Литва, т.е. и часть Литвы, остававшаяся в сфере немецких интересов, была оккупирована Советским Союзом, так что теперь СССР непосредственно придвинулся ко всей восточной границе Восточной Пруссии. Когда он позже обратился к Германии по этому вопросу, правительство Рейха после трудных переговоров сделало дальнейший шаг по пути дружеского урегулирования вопроса и передала и эту часть Литвы Советскому Союзу.

Вскоре после этого, таким же образом, злоупотребляя заключенными с этими странами пактами о взаимопомощи, СССР оккупировал также Латвию и Эстонию. Вся Прибалтика, вопреки заверениям Москвы, была большевизирована, а через несколько недель после оккупации аннексирована. Одновременно с аннексией во всем северном секторе своей границы с Европой Советский Союз осуществил первое массовое сосредоточение частей Красной Армии.

Упомянем попутно, что торговые соглашения Германии с этими государствами, которые по московским договорам должны были остаться в силе, были односторонне аннулированы Советским Союзом.

4) В Московских договорах при разграничении сфер интересов на территории бывшего польского государства подчеркивалось, что никакая политическая агитация не может вестись за границами этих сфер интересов, а деятельность оккупационных властей стран должна ограничиваться исключительно мирным обустройством этих территорий. Правительство Рейха имеет неопровержимые доказательства того, что, несмотря на эти соглашения, Советский Союз вскоре после оккупации этой территории не только допускал антигерманскую агитацию в Генерал-губернаторстве Польша, но и подкреплял ее большевистской пропагандой. И здесь сразу же после оккупации были созданы сильные русские гарнизоны.

5) Когда немецкая армия еще сражалась на Западе против Англии и Франции, началось продвижение Советского Союза на Балканы. В то время, как в ходе московских переговоров советское правительство заявляло, что оно со своей стороны никогда не применит силу для решения бессарабского вопроса, 24 июня 1940 года советское правительство уведомило правительство Рейха, что теперь оно намерено решить бессарабский вопрос силой. Одновременно сообщалось, что советские притязания распространяются также на Буковину, т.е. на старое владение австрийской короны, которое никогда не принадлежало России и о котором в Москве в свое время вообще ничего не говорилось. Германский посол в Мокве, граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург, заявил советскому правительству, что его решение было совершенно неожиданным для правительства Рейха и может нанести тяжелый ущерб германским экономическим интересам в Румынии и Буковине. Г-н Молотов возразил на это, что дело это чрезвычайно срочное и что Советский Союз хотел бы узнать позицию правительства Рейха по этому вопросу в течение суток.

Несмотря на это внезапное наступление на Румынию, правительство Рейха ради сохранения мира и дружбы с Советским Союзом и на этот раз приняло решение в его пользу. Оно посоветовало румынскому правительству Татареску, которое обратилось к Германии за помощью, уступить, и рекомендовало отдать Бессарабию и Северную Буковину Советской России. После того, как румынское правительство согласилось, Германия передала советскому правительству его просьбу предоставить ему достаточно времени для эвакуации этих больших областей и для обеспечения сохранности жизни и имущества тамошних жителей. Однако советское правительство снова предъявило Румынии ультиматум, и еще до истечения его срока начало оккупацию частей Буковины, а потом всей Бессарабии до Дуная. И эти области были сразу же аннексированы Советским Союзом, большевизированы и тем самым фактически разрушены.

Оккупировав и большевизировав всю предоставленную СССР на переговорах в Москве правительством Рейха сферу интересов в Восточной Европе и на Балканах, советское правительство явно и однозначно нарушило Московские соглашения. Несмотря на это, правительство Рейха и впоследствии занимало в отношении СССР более чем лояльную позицию. Оно полностью устранилось от участия в финской войне и в решении прибалтийского вопроса, в бессарабском вопросе оно поддерживало точку зрения советского правительства против румынского правительства и мирилось, хотя и с тяжелым сердцем, с тем, что советское правительство ставит его перед свершившимися фактами. Кроме того, оно старалось по возможности заранее исключить разногласия между обоими государствами, и с этой целью предприняло великодушную акцию переселения всех немцев из оккупированных СССР областей назад в Германию. Правительство Рейха считает, что трудно найти лучшее доказательство его желания достичь долгосрочного примирения с СССР.

IV

В результате продвижения России на Балканы в этом регионе обострились территориальные проблемы. Румыния и Венгрия летом 1940 года обратились к Германии с просьбой помочь в решении спорных территориальных вопросов, после того, как из-за этих разногласий, разжигаемых английскими агентами, в конце августа возник острый кризис. Румыния и Венгрия стояли на пороге войны друг с другом. Германия, которую Венгрия и Румыния

повторно попросили о посредничестве в этом споре, желая сохранить мир на Балканах, вместе с Италией пригласила оба государства на конференцию в Вену и там по их просьбе 30 августа 1940 года было вынесено решение третейского суда. Была определена новая венгерско-румынская граница и, чтобы дать возможность румынскому правительству оправдать свои территориальные уступки перед своим народом и исключить на будущее какие-либо конфликты в этом регионе, Германия и Италия взяли на себя гарантию границ того, что еще осталось от румынского государства. Так как русские притязания в этом регионе были удовлетворены, эта гарантия никоим образом не могла быть направлена против России. Тем не менее, Советский Союз выступил с протестом и объявил, вопреки своим прежним заявлениям, согласно которым с получением Бессарабии и Северной Буковины его притязания на Балканах были удовлетворены, о своей дальнейшей заинтересованности в балканских проблемах, которые первоначально не были определены более точно.

С этого момента антигерманская направленность политики Советской России стала проявляться все более четко. Правительство Рейха получало все более конкретные сведения о том, что шедшие уже длительное время переговоры английского посла Криппса в Москве принимают благоприятный оборот. Одновременно правительство Рейха получило в свое распоряжение документы об интенсивной военной подготовке Советского Союза во всех областях. Эти документы подтверждаются, в частности, найденным недавно в Белграде докладом югославского военного атташе в Москве от 17 декабря 1940 года, в котором говорится буквально следующее: «По данным из советских кругов, вооружение ВВС, танковых войск и артиллерии на основе опыта современной войны идет полным ходом и, в основном, будет закончено к августу 1941 года. Это, вероятно, также крайний предел (во времени), до которого не следует ожидать заметных изменений в советской внешней политике».

Несмотря на недружественное поведение Советского Союза в балканском вопросе, Германия предприняла, тем не менее, новые усилия для достижения взаимопонимания с СССР. Рейхсминистр иностранных дел в письме г-ну Сталину дал подробное описание политики правительства Рейха со времени московских переговоров. В этом письме особо подчеркивалось следующее. При заключении тройственного пакта 27 сентября 1940 года Германия, Италия и Япония единогласно выразили мнение, что этот пакт никоим образом не направлен против Советского Союза

и что дружественные отношения трех держав и их договоры с СССР данным соглашением совершенно не затрагиваются. Это зафиксировано документально в ст. 5 пакта трех держав. Одновременно в этом письме выражались пожелание и надежда, что дружественные отношения с Советским Союзом, которые хотят поддерживать державы, заключившие Тройственный пакт, удастся совместными усилиями очистить от недоразумений и придать им конкретную форму. Для дальнейшего обсуждения этих вопросов рейхсминистр иностранных дел пригласил г-на Молотова в Берлин.

Во время визита г-на Молотова в Берлин правительство Рейха убедилось, что Россия согласна на действительно дружественное сотрудничество с державами, заключившими Тройственный пакт, и с Германией, в частности, лишь в том случае, если последняя готова уплатить за это цену, которую требует Советский Союз. Этой ценой было дальнейшее продвижение Советского Союза на севере и юго-востоке Европы. В Берлине и в ходе последующих дипломатических переговоров с германским послом в Москве г-н Молотов предъявил следующие требования:

1) Советский Союз хочет дать Болгарии гарантию и, кроме того, заключить с этим государством пакт о взаимопомощи по образцу пактов, заключенных с прибалтийскими государствами, т.е. с предоставлением военных баз, причем г-н Молотов заявил, что вмешательства во внутренние дела Болгарии не будет. Осуществлению этой цели служил и визит русского комиссара Соболева в Софию, состоявшийся в то же время.

2) Советский Союз требует заключения договора с Турцией с целью создания баз сухопутных и военно-морских сил СССР на Босфоре и Дарданеллах на основе долгосрочной аренды. В том случае, если Турция не согласится на это, Германия и Италия должны будут поддержать русские дипломатические меры, чтобы заставить Турцию согласиться. Эти требования были направлены на установление господства СССР на Балканах.

3) Советский Союз заявил, что по-прежнему ощущает угрозу со стороны Финляндии и поэтому требует, чтобы Германия полностью отдала ему Финляндию, что практически означало оккупацию этой страны и истребление финского народа.

Само собой разумеется, Германия не могла принять эти русские требования, которые советское правительство выдвигало как предварительное условие присоединения к Тройственному пакту. В результате усилия держав, заключивших этот пакт, достичь взаимопонимания с Советским Союзом потерпели не-

удачу. Следствием такой германской позиции было то, что и без того все более открыто антигерманская политика России стала еще более интенсивной и стало вылезать наружу ее все более тесное сотрудничество с Англией. В январе 1941 года эта негативная русская позиция впервые проявилась и на дипломатическом уровне. Когда Германия в этом месяце приняла определенные меры безопасности против высадки британских войск в Греции, русский посол в Берлине Деканозов в официальном демарше указал, что Советский Союз рассматривает территорию Болгарии и обоих проливов как зону безопасности СССР и не будет оставаться безучастным к событиям на этих территориях, угрожающим интересам этой безопасности. Поэтому советское правительство предостерегает от ввода немецких войск на территорию Болгарии и обоих проливов.

Правительство Рейха дало советскому правительству исчерпывающее объяснение причин и целей своих военных мер на Балканах. Оно указало, что Германия будет всеми средствами препятствовать любой попытке Англии утвердиться в Греции, но у нее нет намерения оккупировать проливы, так как она уважает территориальную целостность Турции. Прохождение немецких войск через Болгарию не следует рассматривать как нарушение интересов безопасности Советского Союза, более того, правительство Рейха считает, что эта операция служит и советским интересам. По завершении операции на Балканах Германия снова выведет оттуда свои войска. Несмотря на это разъяснение правительства Рейха, советское правительство со своей стороны сразу же после ввода немецких войск в Болгарию 2 марта 1941 года, направило Болгарии ноту явно враждебного характера по отношению к Германскому Рейху, в которой указывалось, что присутствие немецких войск в Болгарии служит не миру на Балканах, а войне. Причины такого его поведения стали ясными правительству Рейха благодаря участившимся в это время сообщениям обо все более тесном сотрудничестве между Советской Россией и Англией. Несмотря на это, Германия опять промолчала.

Эту же линию продолжила гарантия, данная в марте 1941 года советским правительством Турции на тот случай, если она будет втянута в войну на Балканах. Это было, как стало известно правительству Рейха, результатом англо-русских переговоров во время визита в Анкару 26—28 февраля 1941 года британского министра иностранных дел Идена, старания которого были направлены на то, чтобы таким способом еще больше втянуть Россию в английскую комбинацию.

V

Все более агрессивная с этого времени политика советского правительства по отношению к Германскому Рейху и раньше еще в какой-то степени завуалированное политическое сотрудничество между Советским Союзом и Англией, стали явными для всего мира в начале апреля этого года, когда разразился балканский кризис. Сегодня достоверно установлено, что путч, устроенный в Белграде после присоединения Югославии к Тройственному пакту, был инсценирован Англией по взаимному согласию с Советской Россией. Уже давно, а именно с 14 ноября 1940 года, Россия тайно снабжала Югославию оружием против держав Оси. Это однозначно доказывают документы, попавшие в руки правительства Рейха после взятия Белграда 13 апреля 1941 года, по которым можно проследить все этапы поставок русского оружия в Югославию. После белградского путча Россия 5 апреля заключила с незаконным сербским правительством Симовича пакт о дружбе, который укрепил тыл путчистов и увеличил их вес в общем англо-югославско-греческом фронте. С явным удовлетворением отнесся к этому заместитель государственного секретаря США г-н Самнер Уэллес, который заявил 6 апреля 1941 года, проведя предварительно переговоры с советским послом в Вашингтоне К.А. Уманским, что русско-югославский пакт при определенных обстоятельствах мог бы иметь очень большое значение, он отражает многосторонние интересы и есть основания предполагать, что он представляет собой нечто большее, чем просто пакт о дружбе и ненападении.

Таким образом, в то самое время, когда немецкие войска стягивались на румынской и болгарской территории для отражения массированных английских десантов, высадившихся в Греции, советское правительство попыталось в явном сговоре с Англией нанести удар в спину Германии

1) оказав открытую политическую и тайную военную поддержку Югославии;

2) попытавшись подтолкнуть Турцию путем предоставления ей гарантий к агрессивным действиям против Болгарии и Германии и к выдвижению турецких армий на очень невыгодные военные позиции во Фракии;

3) сосредоточив сильную группу своих войск на румынской границе в Бессарабии;

4) тем, что в начале апреля заместитель наркома иностранных дел Вышинский внезапно предпринял попытку в ходе переговоров с румынским посланником в Москве Гафенку начать политику быстрого сближения с Румынией, чтобы побудить эту страну порвать с Германией. Английская дипломатия предпринимала в Бухаресте усилия в том же направлении при посредстве американцев.

Таким образом, немецкие войска, вступившие в Румынию и Болгарию, по англо-русскому плану должны были быть атакованы с трех сторон: из Бессарабии, из Фракии и из Сербии — Греции. Только благодаря лояльности генерала Антонеску, реалистической позиции турецкого правительства и, прежде всего, быстрому немецкому наступлению и решающим победам немецкой армии, этот англо-русский план сорвался. По сведениям правительства Рейха, около 200 югославских самолетов, имея на борту советских и английских агентов, а также сербских путчистов во главе с г-ном Симичем, частично улетели в Россию, где эти офицеры сегодня служат в русской армии, частично в Египет. Одна эта подробность проливает особенно характерный свет на тесное сотрудничество Англии и России с Югославией.

Напрасно советское правительство пыталось разными способами замаскировать истинное намерение своей политики. Оно до последнего времени поддерживало экономические отношения с Германией и предприняло ряд отдельных акций, чтобы ввести мир в заблуждение и показать, что отношения с Германией нормальные, даже дружественные. Сюда относится, например, высылка несколько недель назад норвежского, бельгийского, греческого и югославского посланников. Молчание британской прессы о германо-русских отношениях по указаний британского посла в Москве Криппса и, наконец, недавнее опровержение ТАСС от 14 июня 1941 года, пытавшееся представить отношения между Германией и Советской Россией как совершенно корректные. Эти маскировочные маневры, которые находятся в столь явном противоречии с действительной политикой советского правительства, разумеется, не могли ввести в заблуждение правительство Рейха.

VI

Антигерманская политика советского правительства сопровождалась в военной области все большим сосредоточением всех имеющихся русских вооруженных сил на протяженном

фронте от Балтийского до Черного моря. Еще в то время, когда Германия была сильно занята на Западе, во французской кампании, а на Востоке оставалась лишь совсем небольшая часть немецких войск, русское верховное командование начало систематическую переброску больших войсковых контингентов на восточную границу Рейха, причем особенно массовые сосредоточения были отмечены на границах Восточной Пруссии и Генерал-губернаторства, а также в Буковине и Бессарабии против Румынии. Постоянно усиливались и русские гарнизоны на финской границе. К другим мерам в этой области относилась переброска все новых русских дивизий из Восточной Азии и с Кавказа в Европейскую Россию. После того, как советское правительство в свое время заявило, что, например, Прибалтика будет занята лишь небольшой армией, только в этой области после ее оккупации сосредотачивалась все более сильная группировка русских войск, которая сегодня оценивается в 22 дивизии. Русские войска все ближе продвигаются к германской границе, хотя с германской стороны не было принято никаких военных мер, которые могли бы оправдать подобные действия русских. Только такое поведение русских вынудило германский вермахт принять контрмеры. Кроме того, отдельные соединения русской армии и ВВС выдвинуты на передовые позиции, а на аэродромах вдоль германской границы базируются сильные соединения ВВС. С начала апреля также увеличилось число нарушений границы Рейха и ее все чаще перелетают русские самолеты. То же самое, по сообщениям румынского правительства, происходит и в румынских пограничных областях, в Буковине, Молдавии и по Дунаю.

Верховное командование вермахта с начала этого года неоднократно обращала внимание внешнеполитического руководства Рейха на эту растущую угрозу Рейху со стороны русской армии и подчеркивало, что за такими действиями могут скрываться только агрессивные намерения. Эти сообщения верховного командования вермахта со всеми содержащимися в них подробностями предаются теперь гласности.

Если еще и существовали самые ничтожные сомнения в агрессивных целях сосредоточения русских войск, то они окончательно исчезли после тех донесений, которые получило верховное командование вермахта в последние дни. После проведения в России всеобщей мобилизации, против Германии сосредоточено сегодня не менее 160 дивизий. Результаты наблюдений последних

дней показывают, что группировка русских войск, особенно моторизованных и танковых соединений, произведена таким образом, что русское верховное командование может в любой момент перейти к агрессивным действиям на разных участках германской границы. Сообщения об активизации деятельности разведки и патрулей, а также ежедневные сообщения об инцидентах на границе и столкновениях аванпостов обоих армий дополняют картину напряженной до предела военной ситуации, при которой в любой момент может произойти взрыв. Поступающие сегодня из Англии сообщения о переговорах английского посла Криппса о еще более тесном сотрудничестве между политическим и военным руководством Англии и Советской России, а также призыв ранее всегда занимавшего антисоветскую позицию лорда Бивербрука поддержать Россию всеми имеющимися силами в ее грядущей борьбе и призыв к Соединенным Штатам сделать то же самое, однозначно доказывают, какую судьбу готовят немецкому народу.

Поэтому, подводя итог, правительство Рейха должно сделать следующее заявление:

Вопреки всем взятым на себя обязательствам и в явном противоречии со своими торжественными декларациями, советское правительство повернуло против Германии. Оно

1) не только продолжило, но со времени начала войны даже усилило попытки своей подрывной деятельности, направленной против Германии и Европы; оно

2) во все большей мере придавало своей внешней политике враждебный Германии характер и оно

3) сосредоточило на германской границе все свои вооруженные силы, готовые к броску.

Тем самым советское правительство предало и нарушило договоры и соглашения с Германией. Ненависть большевистской Москвы к национал-социализму оказалась сильнее политического разума. Большевизм — смертельный враг национал-социализма. Большевистская Москва намеревается нанести удар в спину национал-социалистической Германии, которая ведет борьбу за свое существование. Германия не намерена смотреть на эту серьезную угрозу своим восточным границам и ничего не делать. Поэтому Фюрер отдал германскому вермахту приказ отразить эту угрозу всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Немецкий народ понимает, что в грядущей борьбе он не только защищает свою Родину, но что он призван спасти весь

культурный мир от смертельной опасности большевизма и открыть путь к истинному социальному подъему в Европе. Берлин, 21 июня 1941 года[1].

Нетрудно догадаться, что это очередная фальшивка. Я бы не стал ее цитировать, если бы эту галиматью совершенно неясного происхождения не стали перепечатывать «солидные» сайты и бульварная пресса вроде «Аргументов и фактов» и «Военно-исторического журнала», как совершенно достоверный документ. Некоторые публицисты считают, что данный текст является переработанным выступлением Гитлера по радио 22 июня 1941 г., что совершенно неверно (к тому же обращение фюрера зачитал Геббельс). Об этой речи Гитлера, где, кстати тоже ведется речь о разделе Восточной Европы, я кое-что скажу ниже. Без ссылки на источник она опубликована на «Хроно.ру»[2]

«Военно-исторический журнал» (№6, 1991 г.) слизал эту ноту из книги Круммахера и Ланге «От Брест-Литовска до «Барбароссы» (Krummacber F., Lange G. Brest-Litowsk zum Unternehmen Barbarossa. Munchen und Esstinken: Bechte Verlag:, 1970). А уж откуда ее откопали авторы книги — бог весть. Впрочем, это издание носит не научный, а публицистический характер, так что не удивлюсь, если ссылок не будет и в ней. Проверить не могу, так как на русском языке это сочинение не издавалось. Можно предположить, что в «Военно-историческом журнале» эта фальшивая нота появилась с подачи известного антисоветчика Дмитрия Волкогонова, который в то время возглавлял Институт военной истории Министерства обороны СССР. Если к чему-то имеет отношение Волкогонов — ухо надо держать востро, уж больно лихо он извлекает на свет божий фальшивки.

Порой происходят странные вещи: известный разоблачитель исторических мифов Юрий Мухин ссылается на эту фальшивую ноту, как доказательство того, что «секретные протоколы» Молотова — Риббентропа — фальшивка, находя между ними явные противоречия (см. книгу Мухина «Крестовый поход на восток»). Например, в «ноте» есть такие слова: «*В Москве при разграничении сфер интересов советское правительство заявило рейхсминистру иностранных дел, что, за исключением находившихся тогда в состоянии распада областей бывшего польского госу-*

[1] http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1941nota.html.

[2] http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1941gitler.html.

дарства, оно не намерено оккупировать, большевизировать или аннексировать находящиеся в его сфере влияния государства».

Да, подобные высказывания, действительно, содержат множество противоречий. Если речь идет об августовских переговорах 1939 г., то польское государство еще существовало и не находилось в стадии распада. Если же имеется в виду второй приезд Риббентропа в Москву, то к тому времени, согласно общепринятой легенде, сферы интересов (или сферы влияния, как в тексте), были поделены, и лишь уточнялись относительно Литвы и Польши. Наконец, как советское правительство могло сделать заявление (устное?) о том, что не намеревается аннексировать, скажем, Бессарабию — в чем же тогда вообще могло выражаться ее влияние в этом регионе?

Достаточно всего лишь посмотреть на заголовок ноты, чтобы понять — перед нами подложный документ. Войну Германия начала 22 июня без всякого объявления, что бы там не кукарекали резуны и семиряги всех мастей. А этот документ датирован 21 июня. Не стоит пытаться возражать в том духе, что, дескать, написана она была 21 июня, а вручена советскому правительству на следующий день. Нота датируется тем днем, когда вручена, а составлена она может быть хоть месяцем ранее. Так же любой договор датирован исключительно днем подписания. Дата составления текста в данном случае не имеет совершенно никакого значения и никогда не фиксируется. Происхождение этой фальшивой ноты явно англоязычное — так же, как и госдеповский сборник 1948 г. она напичкана выражениями типа «германо-русский договор», «русское правительство», «правительство Рейха» и т.д. Особенно мне понравилось словосочетание «англо-русские агенты». Разумеется, слова «Советская Россия» или «русское правительство» никогда не использовались в официальной дипломатической переписке.

И уж совсем смешно, что фальсификаторы пытаются что-то вещать о кознях ГПУ, которое было упразднено в 1934 г.[1] Вообще, фишка с ГПУ, если оно упоминается в документах, датиро-

---

[1] 6 февраля 1922 ВЦИК РСФСР принял постановление об упразднении ВЧК и образовании Государственного политического управления (ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) РСФСР. 15 ноября 1923 постановлением Президиума ЦИК СССР создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. Органы внутренних дел освобождались от функций обеспечения государственной безопасности. 10 июля 1934 образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел СССР, в состав которого вошло ОГПУ, переименованное в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ).

ванных позже 1934 г., является четким сигналом о том, что перед нами фальсификация. Особенно выдающийся случай — так называемые мемуары Вальтера Кривицкого (настоящее имя Самуил Гинзберг) «Я был агентом Сталина». В этом сочинении ОГПУ и НКВД существуют параллельно. Еще более удивляет то, что Кривицкий написал мемуары на английском языке, совершенно не владея им.

Текст этой ноты был составлен, судя по всему, на основании другой фальшивки — телеграммы Риббентропа Шуленбергу от 21 июня 1941 г., появившейся все в том же госдеповском сборнике 1948 г.[1] То, что телеграмма подложная, сомневаться не приходится, поскольку ее текст также нашпигован храктерными для американских фальшивок ошибками. Например, сферы интересов (так в каноническом варианте «секретных протоколов») упорно именуются сферами влияния, и так далее. В своих мемуарах уже не раз упомянутый нами Густав Хильгер приводит текст телеграммы Шуленберга, цитируя ее по госдеповскому изданию на немецком языке. Этим он, непосредственный участник тех событий, как бы придает вес сей фальшивке. Но на деле в очередной раз показывает мошенническую суть своих сочинений.

Те, кому интересно, могут самостоятельно попытаться найти в телеграмме Риббентропа (текст доступен по указанной ссылке, не привожу ее из экономии места, так как она в общих чертах передает смысл ноты) или приведенном выше тексте ноты свидетельства их подложности (я сбился со счета на четвертом десятке). А чтобы окончательно разрешить вопрос в пользу того, что Германия напала на Советский Союз без объявления войны и что никакой многостраничной «ноты германского МИД» никто советской стороне не предъявлял, мы обратимся к официальным документам.

БЕСЕДА НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В.М. МОЛОТОВА С ПОСЛОМ ГЕРМАНИИ В СССР Ф. ШУЛЕНБУРГОМ

22 июня 1941 г.,
в 5 час. 30 мин. утра
Секретно

Шуленбург, явившийся на прием в сопровождении советника Хильгера, сказал, что он с самым глубоким сожалением должен заявить, что еще вчера вечером, будучи на приеме у нарко-

[1] http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/before.php

ма т. Молотова, он ничего не знал. Сегодня ночью, говорит он, было получено несколько телеграмм из Берлина. Германское правительство поручило ему передать советскому правительству следующую ноту:

«Ввиду нетерпимой долее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры.

Соответственная нота одновременно будет передана Деканозову в Берлине».

Шуленбург говорит, что он не может выразить свое подавленное настроение, вызванное неоправданным и неожиданным действием своего правительства. Посол говорит, что он отдавал все свои силы для создания мира и дружбы с СССР.

Тов. Молотов спрашивает, что означает эта нота?

Шуленбург отвечает, что, по его мнению, это начало войны.

Тов. Молотов заявляет, что никакой концентрации войск Красной Армии на границе с Германией не производилось. Проходили обычные маневры, которые проводятся каждый год, и если бы было заявлено, что почему-либо маневры, по территории их проведения, нежелательны, можно было бы обсудить этот вопрос. От имени советского правительства должен заявить, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к советскому правительству. Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной. В четыре часа утра германская армия произвела нападение на СССР без всякого повода и причины. Всякую попытку со стороны Германии найти повод к нападению на СССР считаю ложью или провокацией. Тем не менее, факт нападения налицо.

Шуленбург говорит, что он ничего не может добавить к имеющимся у него инструкциям. Он, Шуленбург, не имеет инструкций по поводу техники эвакуации сотрудников посольства и представителей различных германских фирм и учреждений. Посол просит разрешить эвакуировать германских граждан из СССР через Иран. Выезд через западную границу невозможен, так как Румыния и Финляндия совместно с Германией тоже должны выступить. Шуленбург просит к проведению эвакуации германских граждан отнестись возможно лояльнее и заверяет, что сотрудники советского посольства и советских учреждений в Германии

встретят со стороны германского правительства самое лояльное отношение по части эвакуации, и просит сообщить, какое лицо будет выделено по осуществлению техники этого дела.

Тов. Молотов заявляет Шуленбургу, что поскольку к сотрудникам советского посольства и советских учреждений в Германии будет проявлено лояльное отношение, на что т. Молотов надеется, то и в части германских граждан будет проявлено такое же отношение. Для осуществления эвакуации т. Молотов обещает выделить соответствующее лицо.

Тов. Молотов спрашивает: «Для чего Германия заключала пакт о ненападении, когда так легко его порвала?»

Шуленбург отвечает, что он не может ничего добавить к сказанному им.

В заключение беседы Шуленбург говорит, что он в течение 6 лет добивался дружественных отношений между СССР и Германией, но против судьбы ничего не может поделать.

Записал Гостев
АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 1, д. 5, л. 12-14.
(Документы внешней политики, т. XXIII, книга вторая)

Запись датирована половиной шестого утра по московскому времени, когда война шла уже второй час. За полчаса до беседы Молотова с Шуленбургом в Берлине Риббентроп вручил советскому послу Деканозову меморандум о том, что германское правительство вынуждено принять контрмеры против концентрации советских войск на границе. Фальсификаторы, сочинившие вышеприведенную «ноту», совершенно не разбираются в дипломатической терминологии. Нота (от лат. nota — знак, замечание) — официальный дипломатический документ, которым оформляются различные вопросы отношений между государствами (заявление протеста, уведомление о каком-либо факте и т. д.). Широко используются вербальные ноты, то есть устные заявления по какому-либо вопросу. А к ноте обычно прилагают меморандум, лично вручая его представителю другой страны. Меморандум (лат. memorandum, букв. — то, о чем следует помнить) — дипломатический документ, излагающий фактическую, документальную или юридическую сторону какого-либо вопроса. Так что фальсификаторы назвали нотой то, что всегда именуется меморандумом.

Все-таки мне, кажется, удалось докопаться до первоисточника! Мое предположение об американском происхождении этой фальшивки оправдалось — она впервые опубликована в «New

York Times» 23 июня 1941 г.[1] Правда с одним существенным отличием — датирована она была все-таки 22 июня 1941 г. и была представлена не как правительственная нота, а как «Заявление Иоахима фон Риббентропа, германского министра иностранных дел в связи с объявлением войны Советскому Союзу». Впрочем, мошенничество и здесь налицо — объявления войны СССР не было, а газета представляет дело так, что оно имело место.

Пока эта «нота» блуждает по русофобским изданиям и сайтам без ссылки на первоисточник (еще бы — кто ж поверит, что Риббентроп объявил войну СССР через американскую газету!). Но я ничуть не удивлюсь, если в скором времени какой-нибудь очередной профессор волкогонов вдруг обнаружит в солидном архиве и опубликует в «научном» журнале, как еще одно неопровержимое доказательство существования сговора Молотова — Риббентропа ноту, врученную 21 июня 1941 г. послом Шуленбергом наркому Молотову под роспись (разумеется, латиницей).

Для нас же эта фальшивая нота интересна тем, что представляет еще одну улику против фальсификаторов «секретных протоколов», и ниточки снова тянутся именно в США. Вполне возможно, что в 1946 г. какому-нибудь американскому политику, дипломату или сотруднику разведслужбы пришла в голову блестящая идея развить сюжет, начатый публикацией в «New York Times» этой газетной утки.

К сожалению, спрятать уши фальшивой публикации уже невозможно. Но давайте обратим внимание на такой факт: никто из «историков», пишущих о «секретных протоколах», не упоминает о публикации в «New York Times», хотя, казалось бы, это самое раннее упоминание о некоем разделе «сфер влияния» между Берлином и Москвой. Так потому и не упоминают, что умственная убогость авторов этой газетной инсинуации слишком уж бросается в глаза. Если отнестсь к этой публикации всерьез, то чем объяснить то, что до 25 марта 1946 г. абсолютно никто не говорил о нацистско-советском сговоре, о котором Риббентроп якобы сам сознался через американскую газету еще в 1941 г.?

Ах, да, я совсем забыл о своем обещании рассказать кое-что интересное о речи Гитлера по радио 22 июня 1941 г. Я чуть не упал со стула от смеха, когда узнал о первоисточнике[2]. Оказывается, она опубликована в том же номере «New York Times» от 23 июня 1941 г.! И надо быть очень невысокого мнения об умствен-

---

[1] http://kurung.livejournal.com/2817.html

[2] http://militera.lib.ru/docs/ww2/chrono/1941/1941-06-22.html

ных способностях фюрера германской нации, чтобы приписывать ему ту ахинею, какую вложили в его уста анонимные юмористы из американской газеты. Впрочем, пока я собственными руками не подержу в руках пожелтевший от времени выпуск «New York Times» от 23 июня 1941 г., я все же не берусь со стопроцентной гарантией утверждать, что вся эта билиберда была там действительно опубликована. Ниже мы еще рассмотрим случай, когда для легализации «секретных протоколов» задним числом издавались «научные» журналы и фабриковались выставочные экспонаты. Так что вполне возможно, что ссылки на радиовыступление Гитлера и заявление Риббентропа в «New York Times» тоже фальшивые.

КОМИССИЯ

Как утверждают сегодня «историки», в СССР существование «секретных протоколов» долгие годы решительно отрицалось. На самом деле говорить так будет неверно. Советскому Союзу не было нужды отрицать наличие протоколов хотя бы потому, что вопрос об их существовании никогда и никем официально не поднимался вплоть до конца 80-х годов. Да, начитавшиеся солженицинского бреда диссиденты обсуждали на кухнях всякие сплетни — о том, что Сталин оккупировал Прибалтику, что потери в войне составили 46 миллионов человек, что Гагарин никогда не летал в космос и прочую чепуху. На Западе «секретные протоколы» воспринимались публикаторами как элемент идеологической войны. Антикоммунисты вроде Черчилля их использовали в своих агитках, лояльные к СССР и просто честные историки их не замечали, но ни те, ни другие не придавали им особого значения.

Все изменилось с началом перестройки. Миф о преступном сговоре Молотова и Риббентропа, якобы разделившим Восточную Европу между двумя тоталитарными державами, был использован Западом в антисоветской пропаганде в Польше и Прибалтике. Вопрос, что называется, назрел, и власть должна была заявить о своей позиции по этому вопросу. Но кто должен был это сделать? Трусливый Горбачев всю свою карьеру делал только одно — уклонялся от любой проблемы, любого острого вопроса. Поэтому нет ничего удивительного в том, что функцию дать оценку несуществующим секретным протоколам взял на себя Съезд народных депутатов СССР.

Собственно, сами депутаты и проявили инициативу — вопрос был поднят прибалтийскими сепаратистами и поддержан членами фракции «пятой колонны» — Межрегиональной депутатской группой, возглавляемой ярыми антисоветчиками Андреем Сахаровым, Гавриилом Поповым, Анатолием Собчаком, Юрием Афанасьевым, Борисом Ельциным, Николаем Травкиным. В этом объединении собралась самая паскудная демшиза и скучковались оголтелые сепаратисты. Именно из их числа и была образована так называемая комиссия Яковлева — депутатская комиссия по политической и правовой оценке советско-германского

Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. Формулировка кажется абсурдной? Нет, истинная цель этого мероприятия была в том, чтобы навязать общественности мнение, будто существовали преступные и аморальные «секретные протоколы» к договору. Стало быть, Советский Союз во Второй мировой войне был агрессором наравне с нацистской Германией, а жертвами его агрессии стали три балтийских лимитрофа, которые лишились независимости потому, что Гитлер подарил их Сталину в обмен на помощь в уничтожении Польши.

«Репетиция» осуждения «секретных протоколов» была проведена за несколько дней до открытия съезда в Москве. Сессия Верховного Совета Литовской ССР одиннадцатого созыва 18 мая 1989 г. осудила «тайные протоколы» к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. Лейтмотивом сессии прозвучали слова:

«Общественное признание и осуждение тайных протоколов являются объективной необходимостью. Сделать это нужно во имя исторической правды, будущего литовского и других народов Прибалтики. Верховный Совет Литовской ССР обращается к Съезду народных депутатов СССР, правительству Советского Союза с требованием осудить упомянутые тайные сделки, подписанные тогдашним советским правительством, и объявить их незаконными и недействительными с момента подписания».

25 мая 1989 г., в день открытия Съезда, в газете «Правда» была опубликована статья «Канун и начало Второй мировой войны», в которой излагались тезисы, подготовленные Комиссией ученых СССР и Польской Народной Республики по истории отношений между двумя странами. В тексте были такие слова:

«...23 августа СССР подписал пакт о ненападении с Германией. Из опубликованных на Западе сборников немецких дипломатических документов следует, что составной частью договора был секретный дополнительный протокол. Оригинал этого протокола в советских и других архивах не обнаружен. Но последующее развитие событий и дипломатическая переписка дают основание заключить, что договоренность, касающаяся сфер интересов двух стран (примерно вдоль линии рек Писса, Нарев, Висла, Сан), в какой-то форме была в августе 1939 г. достигнута».

Заметим, что это писала главная газета страны, а в советское время доверие к СМИ было исключительным. В Прибалтике же пропаганда «сговора двух кровавых диктаторов» длилась к тому времени почти целый год. Народными депутатами от прибалтийских республик были избраны самые ярые сепаратисты, которые публично заявляли, что едут в Москву бороться за независимость. Поэтому вопрос о «секретных протоколах» Молотова — Риббентропа неминуемо должен был всплыть на Съезде. Обратимся к опубликованному в газете «Известия» стенографическому отчету первого Съезда народных депутатов СССР, проходившему в кремлевском Дворце съездов 25 мая — 9 июня 1989 г. По ходу текста я буду давать свои комментарии.

Патон Б. Е. (председательствующий). *По поручению Президиума Съезда слово для предложения имеет депутат Липпмаа Эндель Теодорович, Эстонская ССР.*

Липпмаа Э.Т., *директор Института химической и биологической физики Академии наук Эстонской ССР, г. Таллин (**Таллинский центральный национально-территориальный избирательный округ, Эстонская ССР**). Уважаемый Съезд и уважаемые гости! Тут многими делегациями и во многих выступлениях был поднят вопрос о договорах 1939 года с нацистской Германией. Вот по этому поводу мы выносим проект постановления для анализа этих самых сложных проблем. Проект выглядит так: «Постановление Съезда народных депутатов СССР об образовании комиссии по правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года, так называемого пакта Молотова — Риббентропа и секретного дополнительного протокола к пакту». Съезд народных депутатов СССР постановляет: во-первых, для выработки политической и правовой оценки советско-германского договора о ненападении от 1939 года, секретного дополнительного протокола, то есть протокола о территориальной и политической реорганизации в Восточной Европе, в частности, в Прибалтике и Польше, и связанных с ним документов, образовать комиссию в составе следующих народных депутатов СССР. Члены комиссии:*

Арутюнян Людмила Акоповна *— заведующая кафедрой Ереванского государственного университета, г. Ереван;*

Арбатов Георгий Аркадьевич *— директор Института США и Канады;*

Афанасьев Юрий Николаевич *— ректор Московского государственного историко-архивного института, г. Москва;*

Бишер Илмар Ольгсртович *— профессор Латвийского государственного университета имени Стучки, г. Рига;*

***Вульфсон Маврик Германович** — старший преподаватель Академии художеств Латвии, г. Рига;*

***Грязни Игорь Николаевич** — заведующий отделом Института философии, социологии и права Академии наук Эстонской ССР, г. Тарту;*

***Казанник Алексей Иванович** — доцент кафедры Омского государственного университета, г. Омск;*

***Коротич Виталий Алексеевич** — главный редактор журнале «Оптик», г. Москва;*

***Ландсбергис Витаутас Витаутович,** профессор Государственной консерватории Литовской ССР, г. Вильнюс;*

***Лауристин Марью Йоханнесовна** — заведующая кафедрой Тартуского государственного университета, г. Тарту;*

***Липпмаа Эндель Теодорович** — директор Института химической и биологической физики Академии наук Эстонской ССР, г. Таллин;*

***Мотека Казимир Владиславович** — адвокат 1-й вильнюсской юридической консультации, г, Вильнюс;*

***Нейланд Николай Васильевич** — заместитель министра иностранных дел Латвийской ССР, г. Рига;*

***Сависаар Эдгар Эльмарович** — заместитель директора СПК бюро «Майнор», г. Таллин;*

***Шличите Зита Леоновна** — адвокат Клайпедской юридической консультации, г. Клайпеда;*

***Ридигер Алексей Михайлович** — митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, г. Ленинград;*

***Фалин Валентин Михайлович** — заведующий Международным отделом ЦК КПСС. Кроме того, по одному представителю по представлению делегации Украины, Белоруссии и Молдавии.*

Кстати, у нас были и предложения по поводу этих возможных трех кандидатур от Украины, Белоруссии и Молдавии. Хотя это, конечно, дело их делегаций, но они были:

***Шинкарук Владимир Илларионович** — директор Института философии;*

***Быков Василий Владимирович** — писатель;*

*и **Друцэ Ион Пантелеевич** — писатель.*

*Председателем комиссии предлагаем **Айтматова Чингиза,** писателя, г. Фрунзе. Это во-первых.*

Во-вторых, обязать Министерство иностранных дел СССР и иные ведомства и архивы предоставить в распоряжение комиссии все необходимые материалы.

В-третьих, комиссии предоставить свое заключение в Верховный Совет Советского Союза к концу июня этого года и предать гласности результаты своей деятельности.

Остается вопрос, почему такая спешка? Потому, что 23 августа этого года исполняется 50 лет соглашению с Гитлером о разделе Европы. И поэтому мы должны кое-что делать сразу. Кроме того, были предложения сразу денонсировать этот пакт с момента подписания. Это неплохое предложение, но многие наши депутаты не знают текста, во-первых, а во-вторых, этого мало. Надо делать выводы из этого. Одной недействительности мало. Из этого вытекает многое, поэтому комиссию надо все-таки создать. Этот проект составили депутаты от эстонской делегации с активным участием Литвы, Латвии, но прежде всего нашего президиума.

Эндель Липпмаа — один из радикальнейших сепаратистов. Уже сама формулировка постановления, предложенная им, носила мошеннический характер. Из контекста ее следует, что задача депутатской комиссии — дать оценку «секретным протоколам», которые и были, дескать, главной составной частью некоего пакта, а не выяснять, существуют ли они вообще. На этом примере видно, почему фальсификаторы и сепаратисты навязчиво называют советско-германский договор августа 1939 г. пактом. Суть этой терминологической манипуляции в том, чтобы представить, будто договор о ненападении и «секретные протоколы» составляли собой единый пакт.

Спешка была неслучайной. На 23 августа 1989 г. была запланирована самая грандиозная манифестация за всю историю человечества — сепаратисты рассчитывали выстроить вдоль шоссе от Вильнюса до Риги сотни тысяч человек, протестующих против «пакта Молотова — Риббентропа» и «насильственного присоединения» прибалтийских республик к СССР. К этой дате комиссия должна была впервые официально заявить от имени Советского Союза о преступном характере «сговора» между Германией и СССР, поделившего Восточную Европу.

Липпмаа был настоящим фокусником. Когда потребовалось как-то обосновать молотовскую подпись латиницей, этот депутат якобы представил... личную коллекцию образцов подписей Молотова, где по случаю как раз нашлись образцы его подписи по-немецки. Вот что об этом сообщает Владимир Абаринов в журнале «Новая Польша» (№4(85), 2007 г.):

«Постановлению предшествовали разнообразные и хитроумные ходы, направленные на легитимацию копий. Одним из главных возражений противников признания аутентичности копий была подпись Молотова, сделанная латиницей, что не соответствовало дипломатическому протоколу и как будто не было в обычае у наркома иностранных дел. Тогда депутат от Эстонии академик Эндель Липпмаа представил комиссии образчики латинского автографа Молотова из своей личной коллекции — оказалось, что на иноязычных экземплярах документов Молотов подписывался именно так»[1].

Председательствующий. *Товарищи депутаты! Если нет возражений, давайте утвердим предложение, внесенное нам, и проголосуем. Нет возражений?*

С места. *Нет.*

Председательствующий. *Формулировку комиссии, наименование, да? Депутат Яровой.*

Яровой В.И., *директор производственного объединения «Государственный союзный завод «Двигатель» имени В.И. Ленина», г. Таллин (**Таллинский — Ласнамяэский национально-территориальный избирательный округ, Эстонская ССР**). Товарищи депутаты! Вокруг этого пакта идет очень много разговоров и по стране, и особенно в Прибалтике. В течение полутора лет практически идет обработка коренного населения вокруг этого пакта, вызывается недоверие эстонской части населения. В результате неэстонская часть превратилась в «оккупантов», в «колонизаторов» и неизвестно в кого. Я считаю, та комиссия, которая составлена по инициативе эстонских депутатов, должна быть отстранена от рассмотрения данного вопроса, поскольку они заинтересованы в решении этого вопроса. (**Аплодисменты.**)*

Здравое предложение. Дать объективную оценку способен только непредвзятый специалист. Тут же получается, что «жертвы оккупации» создали комиссию для того, чтобы дать моральную оценку «оккупантам».

Председательствующий. *Еще есть предложения или желающие выступить?*

Горбачев М.С. *Какой-то вопрос хотели задать товарищи.*

Председательствующий. *Наименование комиссии спрашивают, цель комиссии.*

Липпмаа Э.Т. *Цель комиссии простая. Чтобы не было недоразумений, чтобы могли хорошо и эффективно двигаться впе-*

---

[1] http://www.novpol.ru/?id=792.

ред. Не для разжигания разногласий, а для решения вопроса, чтобы не было лишних разговоров, а мы бы могли деловым образом работать.

Блестящий ответ! Если я когда-нибудь буду писать учебник словоблудия, то эта фраза войдет в его золотой фонд.

Председательствующий. *Пожалуйста, вопрос.*

Алферов Ж.И., *академик, директор Физико-технического института имени Л. Ф. Иоффе Академии наук СССР, г. Ленинград* **(от Академии наук СССР).** *У меня чисто юридический вопрос по поводу того, что договор потерял силу. Я понимал, что 22 июня, с началом войны, договор Молотов — Риббентроп потерял силу.* ***(Аплодисменты.)***

Можно совершенно четко формулировать отношение к договору, я, как и многие другие, считаю, что этот договор был позорным явлением в нашей истории. Но надо ли обсуждать вопрос — потерял он силу или нет? Он потерял силу 22 июня, когда началась война. ***(Аплодисменты.)***

Иванов В.В., *доктор филологических наук, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР, г. Москва.* **(От Академии наук СССР).** *Я хочу внести предложение по процедуре обсуждения этого вопроса. Вопрос представляется чрезвычайно важным — может быть, одним из важнейших, которые мы обсуждаем на нашей этой сессии, и хотелось бы внимания к самой процедуре обсуждения. Делегации трех республик внесли предложение. Разумеется, абсолютным большинством мы можем его отвергнуть и этим повергнем себя еще в один очень существенный конфликт внутри нашего федеративного государства. Я предлагаю использовать метод согласия, который вообще мы слишком мало используем. Не нужно нам заниматься большинством и меньшинством. Это путь, который уже исторически показал себя как неправильный. Мы должны добиваться согласия. И, мне кажется, что предложений трех республик достаточно для того, чтобы Съезд путем согласия принял это предложение.* ***(Аплодисменты.)***

Семенов В. М., *секретарь Гродненского областного комитета Компартии Белоруссии* ***(Гродненский территориальный избирательный округ, Гродненская область).*** *Товарищи! Я, как видите, из Западной Белоруссии. Выступаю по процедурному вопросу. У нас может появиться слишком много предложений, в том числе наболевших, серьезных, важных. Нельзя все вопросы выно-*

сить только на Съезд. У меня предложение: поручить вновь избранному Верховному совету рассмотреть этот вопрос.

Депутат *(не представился). Уважаемые депутаты, уважаемые товарищи из президиума, я поддерживаю ранее выступившего здесь товарища из Западной Белоруссии и хочу сказать: мы должны создать комиссию по Чернобылю, о трагедии, которая случилась. А вот эти второстепенные вопросы могут подождать. Потому что затронуты, действительно, не только Белоруссия, Украина, но и Россия. А вот эти вопросы может решить Президиум Верховного Совета и вынести на решение нашего Съезда. И давайте мы будем конструктивно и по-деловому подходить к вопросам. Будем решать эти вопросы. Ведь от нас избиратели ждут действительно конкретных дел.*

Березов В.А.*, второй секретарь ЦК Компартии Литвы* ***(Таурагский национально-территориальный избирательный округ, Литовская ССР).*** *Я сам — русский, я вас прошу, депутаты, поддержать эту комиссию. Это — самая болевая точка прибалтийских народов, и надо решить эти проблемы. Потому что тут не идет разговор о пакте Молотова — Риббентропа. Вы получили обращение Верховного Совета Литовской ССР Всем вам роздали его. И обращается Верховный Совет Литовской ССР, чтобы решить эту проблему. Это — не о пакте самом, а о тайных договорах Молотова— Риббентропа. Об этих тайных договорах все время идет разговор: что их нет, что они потеряны и так далее. Это — накал страстей. И мы, депутаты из Литвы, Латвии и Эстонии, не можем вернуться, не решив этого вопроса. Очень прошу поддержать эту комиссию.* ***(Аплодисменты.)***

Председательствующий. *Пожалуйста.*

Кезберс И.Я.*, секретарь ЦК Компартии Латвии* ***(Кулдигский территориальный избирательный округ, Латвийская ССР).*** *Уважаемые коллеги, у нас много наболевших вопросов, наболевших проблем. Я — представитель Латвии. Как мы часто говорим, это один процент по многим показателям. Это так. Но наша история нам дорога так же как и вся история нашей социалистической Родины. Я считаю, что надо поддержать эту комиссию, идею расследования этого вопроса, и, наконец, мы должны своему народу ответить: да, были черные и белые пятна, и мы справедливо их оцениваем. Поэтому я прошу поддержать предложение, которое было здесь высказано.* ***(Аплодисменты.)***

Грязин И.Н.*, заведующий отделом Института философии, социологии и права Академии наук Эстонской ССР, г. Тарту* ***(Пярнуский сельский национально-территориальный избиратель-***

***ный округ, Эстонская ССР).** Уже затрагивался этот вопрос: что делать с этими договорами, протоколами? вопрос юридический. Денонсировать — не денонсировать? Аннулировать — не аннулировать? Тут, кстати, была высказана довольно оригинальная концепция о том, что в 1941 году часть договоров потеряла силу. Концепция оригинальная, тоже заслуживает рассмотрения. Но для этого комиссия и создается.*

О чем идет речь? Простите, эти 8 строк печатного текста заслуживают того, чтобы их зачитать. Читаю: «23 августа 1939 года. Москва. Пункт I. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам — Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве,— северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами. Во-вторых, в случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан».

Интересно, что за источник цитирует депутат Грязин. То ли это устное народное творчество, то ли очень вольный перевод с английского. Но ни на один из имеющихся ныне в ходу вариантов «секретных протоколов» это не похоже.

Далее. Очень интересно: «Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих сторон сохранение независимости польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий. В любом случае оба правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия. В-третьих. Касательно Юго-Восточной Европы. Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях. В-четвертых. Данный протокол рассматривается обеими сторонами как строго секретный. Подписи: за Правительство Германии — Йохен фон Риббентроп. Полномочный представитель Правительства СССР — Вячеслав Молотов».

Неужели так и было написано — «полномочный представитель Правительства СССР»? И почему Иоахим фон Риббентроп назван на чухонский манер Йохеном? Нет, все-таки надо тщательнее

переводить. С другой стороны, легко представить, как оно могло быть: сначала текст был написан по-английски, затем переведен на немецкий, с немецкого сделан перевод на английский в американском сборнике 1948 г. Далее якобы Фельштинский перевел английскую публикацию на русский для литовского издательства. Советские литовцы переложили его на жмудскую азбуку, а уж потом радетели за историческую правду перевели «секретные протоколы», тиснутые в каком-нибудь сепаратистском листке, обратно на русский язык. Странно, что при этом Вячеслав Молотов не превратился в Валдиса Молотаускаса.

Вот текст. Вот о чем идет течь. Правильные, неправильный? Что с ним делать? Для этого нужна комиссия. Сейчас решение принимать нельзя, нужна комиссия. Прошу вас проголосовать за эту комиссию. Спасибо. ***(Аплодисменты. Шум в зале.)***

Инкенс Э. Э., *старший редактор главной редакции телевизионно-информационных передач* ***Государственного комитета Латвийской ССР по телевидению и радиовещанию, г. Рита. (Цесиссккий национально-территориальный избирательный округ. Латвийская ССР).*** *Я хочу сказать об особом значении, которое эти договоры имеют для Прибалтики. То, что мы сейчас тут говорим, это ни на что не похоже. Весь мир прекрасно знает, что такие протоколы есть. Для нас, в Прибалтике, это тоже уже давно известно. И нежелание рассмотреть их тут — это просто похоже на затыкание ушей, когда говорят правду. И еще одно. Этот договор не ликвидирован, поскольку, несмотря на начало войны в 1941 году, Советский Союз заключил с польским правительством в эмиграции (в Лондоне) особый договор о частичной денонсации этого договора. Так что, к сожалению, он еще все-таки имеет какое-то влияние. И, что самое главное, пагубная часть этого договора относится к периоду с 1939 по 1940 год. Это именно период аннексий в Прибалтике.*

Советско-польский «Особый договор о частичной денонсации» договора с Германией — это полнейший бред. Но со съездовской трибуны иные оораторы несли такую ахинею, что депутатская толпа совершенно утратила чувство реальности, погрузившись в мир страстей и хаоса.

Болдырев Ю. Ю., *старший инженер Центрального научно-исследовательского института судовой электротехники и технологий, г. Ленинград* ***(Московский территориальный избиратель-***

ный округ, г. Ленинград, РСФСР). *Уважаемые товарищи! Я лицо незаинтересованное. Наверно, убеждать вас сейчас в важности этой проблемы абсолютно не нужно. Но а хочу обратить ваше внимание на результаты сегодняшнего и вчерашнего заседаний. Мы делаем абсолютно недопустимые вещи. Уважаемые депутаты, каждый из вас не имеет, на мой взгляд, морального права оценивать и отводить других депутатов. Право оценивать нас должны иметь только наши избиратели. Сейчас здесь нагнетаются страсти, но ведь внесено било совершенно конкретное, четкое предложение: ничего сейчас не решать, создать комиссию, которая рассмотрела бы вопрос и результаты работы комиссии вынесла бы на ваше рассмотрение. В этой ситуации, мне кажется, совершенно неправомочно отводить этих людей как заинтересованных. Я считаю, что если кто-то считает нужным ввести дополнительно в комиссию своих представителей, — это нужно сделать. Спасибо за внимание.*

Председательствующий. *Уважаемые товарищи, одну минутку. Я вижу еще девять желающих выступить. Давайте дадим по одной минуте каждому. Пожалуйста.*

Медведев Р. А., *писатель* ***(Ворошиловский территориальный избирательный округ, г. Москва).*** *Товарищи, я думаю, что наша бурная реакция связана не только с тем, что предложена комиссия, у меня нет никаких сомнений в том, что такая комиссия необходима. Речь здесь о том, что комиссия предложена именно в таком составе. Я как историк должен вам сказать, что мы, советские историки, не стесняемся говорить, что Среднюю Азию Россия завоевала. Мы не стесняемся говорить, что даже Северный Кавказ Россия завоевала. Мы не стесняемся выставлять в наших музеях знаменитую картину «Завоевание Сибири Ермаком». Но до сих пор в наших официальных исторических трудах, в наших статьях, в наших публикациях, появляющихся в Москве, мы пишем о том, что Эстония, Латвия и Литва добровольно присоединились к Советскому Союзу, что это была народная революция, что никакого насилия и никаких угроз не было и что это было полное, добровольное волеизъявление литовского, эстонского и латышского народов.*

Это — неправда. Это, конечно, была акция, когда шла уже империалистическая война, и когда у всех, не только у Советского Союза, но и у Германии, Японии, Англии, Франции не было никакого уважения к правам малых стран и народов, они решали свои проблемы, не считаясь с нейтралитетом Бельгии, Голландии, Финляндии и других стран. Поэтому комиссия должна быть создана,

и мы должны наконец дать правильную оценку этим договорам. Но в комиссию должны войти не только авторитетные представители Эстонии, Латвии и Литвы. В комиссию должны войти и другие государственные деятели нашей страны. Я удивляюсь, почему товарищи предлагают, например, председателем комиссии сделать уважаемого мной, всеми нами Чингиза Айтматова, а не министра иностранных дел Шеварднадзе, например. То есть я предлагаю решение о создании такай комиссии принять, а персональный состав ее депутатам из Эстонской, Латвийской ССР подработать совместно с президиумом Съезда и членами Советского правительства и Политбюро. ***(Аплодисменты).***

Горбачев М.С. *Товарищи, можно попросить слово вне очереди? Буквально внести некоторую ясность в эту проблему. Проблема эта стоит давно, она обсуждается, изучается и историками, и политологами, и соответствующими ведомствами. И я должен сказать: пока мы обсуждаем в научном плане, в ведомствах каких-то, уже все документы, в том числе и секретное приложение к этому договору, опубликованы везде. И пресса Прибалтики все это опубликовала. Но все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом. Те, кто занимается этими вопросами, обратили внимание, что и в беседе с польскими товарищами, с польской прессой, и в своем послесловии на эту тему после встречи с интеллигенцией Польши я этого вопроса касался.*

Мы давно занимаемся этим вопросом. Подлинников нет, есть копии, с чего — не известно, за подписями... особенно у нас вызывает сомнение то, что подпись Молотова сделана немецкими буквами. Когда был здесь канцлер Коль — это, как говорят, разговор был одни на один, но раз вопрос приобретает такой характер, стоит, видимо, рассказать, и господин канцлер, думаю, не так уж обидится на то, что я раскрою этот секрет, — были вопросы, которые носили сугубо конфиденциальный характер, один на один. И я, в частности, его спросил: есть ли у вас подлинники этих договоров, приложение? Он ответил, что у них есть. Я говорю: тогда просим дать их нам. И мы на основе этой договоренности направляли представителей МИДа. Так, Эдуард Амвросиевич? Да. Но не обнаружилось и там подлинников.

Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе — министр иностранных дел СССР, много сделавший для развала страны. Действительно, Коль заявил о существовании подлинников «секретных протоколов». В результате в Бонн ездил некий представитель МИД. Жур-

налист Лев Безыменский утверждает, что это был он, но связывает свой визит с образованием депутатской комиссии. Со слов Горбачева же следует, что некто уже ездил в Германию, но безрезультатно. Об экскурсии в боннский архив официальных представителей советского внешнеполитического ведомства я не нашел никакой информации.

Визит канцлера ФРГ Коля в Москву имел место в октябре 1988 г., то есть командировка советского представителя в боннский архив должна была состояться в предшествующее началу Съезда полугодие.

Это, так сказать, информация для размышления. Вопрос серьезный, требует научного и политического анализа. Я не хочу его упрощать, надо его обсудить и оценить, как предлагают товарищи. Поэтому я высказался бы за создание комиссии, поскольку это просьба нескольких делегаций. Но я попросил бы товарищей еще посмотреть, кого включить в эту комиссию. Я думаю, эту комиссию надо расширить, поэтому попросить разрешения у Съезда, президиума, внесшего предложение, дать на это время. На основе консультаций с нашими учеными, с Академией наук ввести в нее компетентных людей, потому что вопрос очень серьезный. Это первое.

Второе. Я бы заранее предложение по комиссии — с учетом специально данной мной справки, в том числе и беседы с господином Колем, — не называл «Об образовании комиссии...». Во-первых, есть разночтение. Дается предложение по выработке политической и правовой оценки, а называется: «по правовой оценке советско-германского договора о ненападении и секретного дополнительного протокола к пакту...» Секретного протокола пока нет, и мы его оценить не можем. Я думаю вообще, комиссия такая должна быть, с этим я действительно согласился бы. Она должна выработать политическую и правовую оценку этого договора о ненападении, без упоминания секретного протокола, поскольку все архивы, что мы перерыли у себя, ответа не дали. Хотя я вам скажу, историки знают и могли бы вам сказать: вот то-то происходило, двигались навстречу две мощные силы, и на каких-то рубежах, так сказать, это соприкосновение совершенно остановилось. Что-то лежало в основе. Но это пока рассуждения. Поэтому тут требуется разбирательство, анализ всех документов, всей той ситуации, как она шла, в том числе, как советское правительство поступило с этим договором, когда началась война... А мы его признали не имеющим силу.

Вот весь этот комплекс вопросов, я думаю, надо оценить, ибо бурлит Прибалтика, обсуждая эти вопросы, и в связи с этим подвергается сомнению, что при вхождении в Советский. Союз вообще была воля народа. Вряд ли это так. Это все надо изучить. И поэтому комиссию такую о политической и правовой оценке советско-германского договора я бы Съездом образовал, после сформировав ее на соответствующем уровне — и пусть займется и даст свое компетентное суждение на этот счет. Я не знаю даже, выйдет ли она на истину с одного захода. Это не простой вопрос, но раз он есть, уходить, уклоняться, я думаю, не нужно. Не будем уклоняться, давайте браться и изучать. Как мы сказали, во время перестройки острых проблем и так много. Если товарищи сочтут нужным получить перед принятием решения о составе комиссии еще какую-то информацию, чтобы какие-то предварительные соображения были высказаны от Министерства иностранных дел, мы можем попросить товарища Шеварднадзе, чтобы он взял слово. Но, я думаю, самое главное — комиссию такую создать правильно, чтобы она занялась работой, и потом или Верховный Совет, или, все депутаты будут проинформированы о результатах работы этой комиссии. Вот мое пояснение. Мы могли бы сейчас, таким образом, ограничиться этим, и если товарищи поддерживают мнение о создании комиссии, то дать время президиуму продолжить консультации, пополнить ее компетентными людьми. Так, товарищи?

***Из зала.** Так!*

***Горбачев М.С.** Хорошо. Договорились.*

***Голос с места.** Включить в состав комиссии товарища Шеварднадзе.*

Горбачев М.С.** Нет, товарищи, Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе не депутат. Министры не депутаты. Давайте поручим депутатам. Два международника у нас по линии ЦК есть, и по линии Политбюро — это товарищ Яковлев. Давайте Яковлева в комиссию включим. Хорошо? **(Аплодисменты.)

Председательствующий.** Товарищи депутаты! Таким образом, принимается всеми, я так понял, предложение относительно целесообразности создания комиссии. Что касается персонального состава, то Михаил Сергеевич предложил. Я думаю, все мы примем это предложение: поручить делегациям Прибалтики и президиуму рассмотреть дополнительно этот вопрос, поскольку потребуется включить в состав комиссии больше профессионалов, специалистов в этом вопросе. Принимается такое предложение? Спасибо. **(Шум в зале.)

Требуете голосования? А за что голосовать? За целесообразность создания комиссии? Ведь мы за предложенный состав не можем проголосовать. Значит, только за целесообразность. Я думаю, никто не возражает против целесообразности? Принято?

***Из зала**. Принято.*

В итоге Съезд создал комиссию по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года в следующем составе:

Председатель комиссии **Яковлев Александр Николаевич** — член Политбюро ЦККПСС, секретарь ЦК КПСС.

Члены комиссии:

Айтматов Чингиз — писатель, председатель правления Союза писателей Киргизской ССР главный редактор журнала «Иностранная литература», г. Фрунзе;

Арбатов Георгий Аркадьевич — директор Института США и Канады Академии наук СССР, г. Москва;

Арутюнян Людмила Акоповна — заведующая кафедрой Ереванского государственного университета, г. Ереван;

Афанасьев Юрий Николаевич — ректор Московского государственного историко-архивного института, г. Москва;

Быков Василий Владимирович — писатель, секретарь правления Союза писателей СССР, г. Минск;

Вульфсон Маврик Германович — старший преподаватель Академии художеств Латвии, г. Рига;

Грязин Игорь Николаевич — заведующий отделом Института философии, социологии и права Академии наук Эстонской ССР, г. Тарту;

Друцэ Ион Пантелеевич — писатель. Молдавская ССР;

Еремей Григорий Исидорович — председатель Молдавского республиканского совета профсоюзов, г. Кишинев;

Казанник Алексей Иванович — доцент кафедры Омского государственного университета, г. Омск;

Кезберс Ивар Янович — секретарь ЦК Компартии Латвии, г. Рига;

Коротич Виталий Алексеевич — главный редактор журнала «Огонек», г. Москва;

Кравец Владимир Алексеевич — министр иностранных дел Украинской ССР, г. Киев;

Лавров Сергей Борисович — заведующий кафедрой Ленинградского государственного университета;

Ландсбергис Витаутас Витаутович — профессор Государственной консерватории Литовской ССР, г. Вильнюс;

Лауристин Марью Йоханнесовна — заведующая кафедрой Тартуского государственного университета;

Липпмаа Эндель Теодорович — директор Института химической и биологической физики Академии наук Эстонской ССР, г. Таллинн;

Марцинкявичюс Юстинас Могеевич — писатель, Литовская ССР, г. Вильнюс.

Мотека Казимир Владиславович — адвокат 1-й Вильнюсской юридической консультации, г. Вильнюс;

Нейланд Николай Васильевич — заместитель министра иностранных дел Латвийской ССР, гор. Рига;

Ридигер Алексей Михайлович — митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, г. Ленинград;

Сависаар Эдгар Эльмарович— заместитель директора специального проектно-конструкторского бюро «Майнор» Министерства легкой промышленности Эстонской ССР, г. Таллин;

Фалин Валентин Михайлович — заведующий Международным отделом ЦК КПСС, г. Москва;

Шинкарук Владимир Илларионович — директор Института философии Академии наук Украинской ССР, г. Киев,

Шличите Зита Леоновна — адвокат Клайпедской юридической консультации, гор. Клайпеда.

Как видим, комиссия Яковлева, созданная 1 июня 1989 г., состояла из 26 человек, из которых 11 были депутатами от Прибалтики, двое — молдавские сепаратисты, да и остальные — патентованные антисоветчики. Впрочем, к числу прибалтов смело можно отнести и депутата Алексея Ридигера. Этот самый Ридигер, родившийся в Эстонии и долго там живший, известен ныне как патриарх московский и всея Руси Алексий II, а с 1986 г. являлся митрополитом Ленинградским и Новгородским, одновременно управляя и Таллинской епархией. По совместительству сей поп 30 лет был сексотом КГБ, но в данном случае это роли не играло. Хотя, как знать... Лишь один член комиссии — украинский депутат Кравец официально отказался поддержать выводы яковлевцев о существовании «секретных протоколов», но даже он не осмелился публично заявить о том, что комиссия занималась фальсификацией, а не выяснением истины.

ДЕПУТАТЫ

II Съезд народных депутатов СССР хоть и со скрипом, но все же принял постановление, осуждающее подписание «секретных протоколов» к договору о ненападении, несмотря на то, что депутаты не только не видели оригиналов протоколов, но даже копии американского происхождения им не показали (видимо, чтоб не возникало ненужных вопросов). Но как могли 2500 депутатов попасться на такую примитивную наживку? — спросит читатель. Дело в том, что обмануть тысячу человек в сто раз легче, нежели одного. Объясню это на таком примере. Допустим, вы являетесь руководителем и должны принять важное решение. В этом случае придется обратиться к достоверной информации, серьезно взвесить все доводы за и против, просчитать различные варианты последствий вашего решения. Ведь руководитель несет *персональную* ответственность за свои действия.

А Съезд депутатов — это не коллективный руководитель, а просто толпа. Толпа никогда не несет и не может нести ответственности за принятые решения, ибо любое коллективное решение является обезличенным. Кто вообще принимает решение в толпе? Никто, в этом-то и все дело! Находящийся в толпе человек утрачивает собственное Я, подпадая под подавляющее воздействие коллективного бессознательного. Индивид в толпе полностью теряет способность мыслить рационально. Эту парадигму массовой психологии обосновал еще Гюстав Лебон более 100 лет назад. Но если отдельный человек в толпе утрачивает способность рассуждать, то кто же вырабатывает решения, которые одобряет толпа? Эту функцию выполняет манипулятор, который внушает толпе нужную ему установку.

Мне часто приходилось наблюдать, как толпа провожала выступающего аплодисментами и криками «Правильно говоришь!», после чего на трибуну входил новый оратор, который говорил абсолютно противоположное по смыслу, но и его те же самые люди поддерживали столь же энергично и искренне. Тот, кто завладел вниманием толпы — тот и есть манипулятор. Искусство убеждения массы — есть техника манипуляции. В манипуляции не существует разделения понятий правды и лжи. Есть лишь понятие

эффекта. Признанный мастер манипуляции массовым сознанием доктор Йозеф Геббельс, кажется, так и говорил: «Нам не нужна правда, нам нужен эффект!» Коллективное мнение толпы есть абсолютная истина, составляющие массу индивиды никогда не позволят себе усомниться в том, что общее мнение может быть ошибочным. Съезд народных депутатов был единственным центральным органом власти в СССР, которым можно было манипулировать, потому что только он являлся по своей структуре толпой. Ниже мы разберем конкретные механизмы манипуляции, которые яковлевцы использовали для оболванивания депутатской массы.

Правительство — коллегиальный орган власти, но сказать, что это толпа, нельзя. В правительстве в отличие от парламента существует разделение функций и разделение ответственности. Представим себе, что вопрос о «секретных протоколах» вынесен на правительственный уровень. Ведь не будет председатель Совета министров создавать комиссию из министра сельского хозяйства и министра здравоохранения для поиска документов в архивах. Он распределит функции: поручит министру иностранных дел подготовить доклад о советско-германском договоре 1939 г. и представить все необходимые документы. Председателю КГБ даст задание исследовать вопрос о происхождении непонятных копий, тиражируемых прибалтийскими сепаратистами. Министр юстиции силами своего ведомства проведет юридическую экспертизу документов. На министра внутренних дел в случае необходимости будет возложена обязанность осуществить криминалистическую экспертизу документов, якобы доказывающих существование протоколов (вполне может статься, что анализ чернил и бумаги покажет, что их изготовили полгода назад). После того как правительство заслушает выводы этих специалистов, несущих полную ответственность за свою работу, оно вполне может принять взвешенное решение. Если же выяснится, что оригиналы скандальных протоколов нигде не обнаружены и даже отсутствуют какие-либо явные свидетельства их существования, то правительство не станет утруждать себя рассмотрением этого вопроса — как можно обсуждать то, что не существует?

Съезд народных депутатов исследовательскую работу провести не в состоянии. Но самое главное, что депутаты не несут ни административно-правовой, ни даже моральной ответственности за глупое решение. Какой спрос с дураков-то? Да, подавляющее большинство людей считают, что стать депутатом можно только обладая большим умом — мол, как же иначе пробиться наверх?

Но здесь важно учитывать сущность системы управления. При диктатурах парламенты играют роль сугубо декоративную: рейхстаг при Гитлере разогнан не был, но депутаты лишь послушно голосовали за любую инициативу фюрера. Верховный Совет в СССР, хоть формально он и обладал верховной властью, а его председатель являлся номинальным главой государства, реальной власти не имел. Декоративность высшего органа власти требовала главным образом соблюдения внешнего антуража — депутатами могли быть исключительно героические летчики, стахановцы, передовые доярки и шахтеры, знаменитые спортсмены, известные писатели, великие ученые и т.д. Большое внимание уделялось тому, чтобы в депутатском корпусе СССР были пропорционально представлены все национальности (о, бедные советские евреи, неужели они могли рассчитывать лишь на 2% мест?), все социальные и профессиональные группы.

Именно по этой причине публичный выборный процесс в Советском Союзе проходил в два этапа. Этап первый — торжественное и единогласное выдвижение кандидатов трудовыми коллективами, творческими союзами, воинскими частями и т.д. и формирование нерушимого блока беспартийных и коммунистов. Второй этап — проведение всенародного плебисцита о доверии к этому блоку. Альтернативные выборы западного типа были глубоко чужды нашей культуре, ибо сама постановка вопроса: кого выбрать в Верховный Совет — героя освоения Севера или героя Халхин-Гола? — воспринималась как абсурдная. Герой, где бы он ни проявил себя, заслуживает неоспоримое право олицетворять собой великую страну именно своим подвигом, трудовым достижением, и это право не может быть поставлено в зависимость от количества бюллетеней с галочкой, опущенных в урну. Введение в процесс по формированию законодательного органа СССР соревновательной компоненты просто не имело смысла.

Понятное дело, что всякий либераст станет с пеной у рта вопить, что такая система выборов недемократична, то есть не отражает воли народа. С этим можно поспорить. Волю нашего народа такая процедура формирования Верховного Совета очень хорошо отражала. Поэтому трудно найти среди депутатов ВС СССР проституток, коллаборационистов, бандитов, изменников, алкашей и гомосеков. Требовался ли народным представителям в данном случае большой ум и политическая мудрость? Конечно, нет. Их функция была не в выработке политического курса страны, а в его легитимации. Поэтому депутатские голосования были единогласными, переходящими в бурные и продолжительные ова-

ции. Депутату-доярке и депутату-шахтеру не требовалось знание юридической казуистики и умения выгодно торговать своим мандатом во время важных голосований. Их роль была в том, чтобы символизировать единство партии и народа, преданность идеалам, дружбу народов, и т.д.

При так называемой буржуазной демократии западного типа парламент играет важную роль в деле манипуляции общественным мнением. Поэтому и сама система выборов построена на манипуляции, а не плебисците. Почему демократия названа буржуазной? Потому что механизм избрания конкретного депутата (партии) регулируется с помощью денег. Таким образом, истинные избиратели — это те, кто финансирует избирательную компанию, конкурируя или заключая альянс с другими инвесторами.

В этой системе мозг будущему парламентарию не очень-то и нужен. Надо иметь лишь привлекательный внешний образ (харизму) и способность к демагогии. Современные технологии воздействия на электорат достигли такого совершенства, что даже это уже не обязательно, проводить выборы можно без непосредственного контакта кандидата с электоратом. То есть избиратель голосует не за конкретного человека, а за совершенно виртуальный образ, созданный политтехнологами. Поэтому когда пиарщики говорят: «Дайте мне шимпанзе, 10 миллионов долларов — и она будет депутатом», то в этом есть лишь доля шутки. Интеллект Джорджа Буша-младшего недалеко оторвался от уровня шимпанзе, однако он дважды избирался президентом США.

В политической системе западного типа интеллект парламентария не играет принципиальной роли. Его главная задача — отработать средства, вложенные инвестором в его (его партии) избирательную компанию и добиться продления контракта. На первое место при отборе потенциальных кандидатов выходят их моральные качества. Ценятся такие как отсутствие совести, моральная «гибкость», умение убедительно лгать, цинизм и, разумеется, корыстность. Даже если депутат парламента будет полным тупицей — не беда: компетентные помощники напишут ему речь и дадут шпаргалку, как надо голосовать.

В современной РФ формально существует, вроде бы, режим буржуазной демократии, но деньги решающей роли в процессе выборов не играют. На самом деле внутренний механизм сложившейся при Путине политической системы совершенно иного рода — это демократия административная. То есть вместо буржуазии единственным реальным избирателем становится бюрократия. Очень часто для обозначения такой системы исполь-

зуется термин «управляемая демократия», но он принципиально неверен. Любая демократия управляема внешними модераторами. Неуправляемая демократия — это охлократия или анархия. Административная модель демократии в отличие от буржуазной стремится минимизировать конкуренцию в ходе выборного процесса. В большинстве случаев альтернативность только имитируется, как например, в случае президентских «выборов» Медведева, которому оппонировал никому ранее не известный гражданин Богданов, исполняющий поручение по олицетворению своей персоной право-демократических сил.

Политический процесс в русле административной демократии стремится максимально избежать конкуренции (поэтому выборы по одномандатным округам были в РФ упразднены) и публичности, что отличает эту конструкцию и от демократии советского плебисцитарного типа, и от западной буржуазной, конкурентной по характеру и манипулятивной по типу. Решения вырабатываются на основе компромисса между господствующими теневыми кланами (центрами силы, как их деликатно именует пресса) и реализуются через утверждение парламентом спущенных сверху законов и нормативных документов. Зачем депутату нынешней Госдумы РФ иметь ум, честь и совесть? Честь и совесть им абсолютно противопоказаны, да и ум ни к чему. Законотворческой деятельностью депутаты не занимаются, а так называемая парламентская оппозиция в принципе не способна влиять на принятие законов. Более того, умный, трезвомыслящий депутат несет в себе потенциальную опасность, ибо в силу каких-то субъективных причин способен проявить собственную волю и воспрепятствовать принятию какого-то решения, усмотрев в этом угрозу своим интересам. Таким образом, отбор осуществляется по следующему принципу: наверх пробиваются лишь аморальные и безмозглые людишки. Чем ничтожнее эти личности, тем эффективнее они дрессируются и управляются со стороны «центров силы».

Начало сегодняшней парламентской системы РФ положено 1 декабря 1988 г., когда внеочередная 12-я сессия Верховного Совета СССР 11-го созыва приняла два закона: «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР» и «Закон о выборах народных депутатов СССР». В соответствии с первым законом вновь создаваемый Съезд народных депутатов правомочен был решать любой вопрос, отнесенный к ведению СССР. Перестроечная парламентская система СССР представляла собой гибридную модель. Первые и последние в истории Союза все-

народные парламентские выборы происходили на альтернативной основе. Появились 1500 мажоритарных территориальных и национально-территориальных округов, где кандидаты конкурировали друг с другом за симпатии избирателей. В этой борьбе зачастую побеждали демагоги и телезвезды (недаром в составе депутатского корпуса оказалось очень много популярных журналистов).

С другой стороны — треть нардепов (750 человек) получила мандаты по квотам, предоставленным КПСС, ВЛКСМ, профсоюзам, а также общественным организациям, научным и творческим союзам (свою квоту имело даже общество филателистов), то есть выборы проходили внутри этих организаций и административный ресурс играл здесь решающую роль. По квоте от общественных организаций на 750 мандатов претендовал всего 871 кандидат, то есть выборы в большинстве случаев прошли в привычной плебисцитарной манере (по мажоритарным округам в среднем на один мандат претендовало 1,9 кандидата, то есть и в этом случае особого ажиотажа не наблюдалось). Выборы по квоте общественников прошли тихо и спокойно. Исключением стала лишь компания по избранию депутатом от Академии наук Дмитрия Сахарова — видного активиста движения по развалу СССР. По результатам выборов, прошедших весной 1989 г. доля коммунистов среди народных депутатов достигла 87% против 71,5% в составе предыдущего созыва, несмотря на разгул гласности и вакханалию демократизации. Это красноречиво свидетельствует о том, что процесс выборов прошел под плотным контролем властей, но этот контроль носил уже неявный, манипулятивный характер, свойственный западным демократиям.

Весь этот балаган с политической реформой, по которой Съезд народных депутатов расширил свои полномочия, был затеян с одной практической целью: Горбачеву нужно было спешно получить независимость от партии и сменить амплуа высшего партийного администратора на общенационального лидера. 13 марта 1990 г. Съезд избрал генерального секретаря ЦК КПСС президентом СССР, легитимировав его как главу исполнительной власти страны. В это время истинные качества Горбачева как политика и администратора уже проявились в полной мере, и народные депутаты, избрав его президентом, совершили либо глупость (в том случае, если они искренне заблуждались), либо преступление (если знали, кому они вручают судьбу Союза в момент начавшегося развала, экономического кризиса и вооруженных конфликтов на окраинах). Этот акт, я думаю, исчерпывающе ха-

рактеризует моральный и интеллектуальный уровень советского депутатского корпуса. Наверх всплывают те, кто не обременен ни большим умом, ни моральными принципами.

Вернемся к вопросу о постановлении, осуждающем подписание «секретных протоколов». Через пятнадцать лет после уничтожения Советского Союза некоторые бывшие народные избранники прозрели и принялись каяться в своих прошлых заблуждениях. То, как они это делают, только подтверждают предположение об их умственной неполноценности. Вот, например, публикация под рубрикой «...оценим заново» в оппозиционной «Экономической и философской газете» (№34, 2006 г.).

ПОЗИЦИЯ АЛКСНИСА ДОСТОЙНА ВНИМАНИЯ

Как известно, два десятка лет тому назад Россия была повержена в шоковое состояние, в результате чего под шумок была проведена смена общественно-политического устройства. Результаты известны: лечили головы, а очистили карманы. Но сознание и дееспособность возвращаются. Об этом говорит, в частности, заинтересованное обсуждение одного из шоковых мероприятий конца 80-х годов — Постановления Съезда народных депутатов СССР № 979-1 от 29 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года».

Обсуждение этого договора и дополнительных к нему секретных протоколов, которые якобы подписаны, но которых никто не видел, имеет два важных и очень актуальных аспекта. С одной стороны, это конкретный внешнеполитический акт, касающийся определенной проблемы в отношениях между Россией и Литвой. А с другой стороны, это внутриполитический спектакль под названием «демократическое голосование», отражающий характер принятия важнейших политических решений в «то» еще, «перестроечное» время. События, происходящие на съезде, использование современных средств манипулирования депутатами и сознанием советских людей в процессе подготовки и принятия постановления позволяют подвергнуть сомнению его легитимность и законность.

В «ЭФГ» уже были опубликованы отзывы и впечатления нескольких участников Съезда народных депутатов по этому поводу. Большинство из них сегодня не проголосовали бы за осуждение пакта Молотова — Риббентропа.

Сегодня на вопросы газеты: «Почему вы воздержались при голосовании за Постановление Съезда народных депутатов СССР

от 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года?» и «Как бы вы проголосовали сейчас, в 2006 году?» — отвечает председатель Общероссийского общественного движения «Союз», народный депутат СССР Георгий Иванович ТИХОНОВ.

— Да, при голосовании по этому постановлению я воздержался, — говорит Г.И.Тихонов. — Голосовать за документ, которого никто не видел (показали только его копию, и то ее не все видели), — это, по меньшей мере, несерьезно. Все крупные решения принимаются только на основе подлинных документов. А что касается существования собственно протокола с какими-то там подписями, то это очень сомнительно, потому что нет подлинника.

Вот в этом главная причина того, почему я при голосовании воздержался.

Но сейчас меня интересует другой подход к оценке секретного дополнительного протокола к договору «О ненападении...» и постановления Второго Съезда народных депутатов.

Представьте себе на один момент, что этот документ действительно когда-то был и что про него узнали все. И если сегодня сказать, что мы отменили этот документ, тогда давайте будем последовательны и дойдем в развитии этой истории до логического конца.

На основании постановления Съезда, включающего денонсацию секретного дополнительного протокола от 1939 года, Литва должна была бы отказаться от тех территорий, которые были переданы ей, когда она вошла в состав Советского Союза. Она теряет Клайпеду, теряет еще пять районов, которые граничат с Польшей и Белоруссией. То есть пусть Литва возвращается в те границы, которые она имела до вступления в Советский Союз. В этом случае Россия территориально воссоединяется с Калининградом и сообщение с ним будет проходить по российской территории.

Я на съезде сначала удивился позиции В. Алксниса, который голосовал за денонсацию протокола, а потом подумал о том, что его позиция достойна внимания. Учитывая вышеизложенные соображения, в сегодняшней ситуации я бы поддержал позицию Алксниса, который считает, что денонсация секретных дополнительных протоколов выгодна России.

Кроме того, если представить себе, что подлинный протокол существовал, то это действительно был, как сказал в «ЭФГ» в интервью А.Н. Крайко, «гениальный шаг Сталина». Естественно, перед войной нужно было обезопасить себя, отдалить границу.

Разговоры же об оккупации Литвы, Латвии и Эстонии во всех случаях не имеют под собой никаких оснований. Тогда, в 1939–1940 годах, там были проведены всенародные выборы, избраны Верховные Советы. При этом люди шли на выборы свободно и с большим воодушевлением.

Отмена, денонсация этого «сказочного» документа на съезде, несмотря на большие сомнения в законности этого, все же была проведена под мощным прессингом М.С. Горбачева, А.Н. Яковлева и их «соратников». К тому же мы привыкли верить своему руководству и соответственно все принимали на веру.

С другой стороны, касаясь отношения Горбачева к народным депутатам, уместно вспомнить характерный случай. Когда мы с некоторыми депутатами поставили вопрос о замене министра иностранных дел Шеварднадзе, Горбачев буквально взвизгнул и в присутствии народных депутатов Алксниса и Чехоева выругался в мой адрес матом, чего я никак не ожидал. Правда, матом меня не удивишь: работая на стройках, я всякого наслышался. Но обращает на себя внимание презрение Горбачева к депутатскому корпусу, готовность любыми способами подавить малейшую критику и горой встать на защиту своего подельника.

Мало кто из вновь избранных в Верховный Совет депутатов до конца понимал этот вопрос, так как люди в основном не были профессиональными политиками и слепо верили команде Горбачева. Теперь-то все поняли, кто такой Горбачев, кто такие Шеварднадзе и Яковлев, которые занимались этими делами! Это была одна команда.

В заключение можно сказать, что, по сути дела, в процессе принятия съездом народных депутатов постановления с «осуждением» протоколов произошел крупнейший обман всего состава съезда командой Горбачева, который нанес тяжелый урон международному и внутреннему положению России.

«ЭФГ»: В коротком интервью Г.И. Тихонова отразились очень важные проблемы принятия государственных решений, которые актуальны по сей день и требуют пристального внимания общественности.

1. Законодательная власть под прессингом высших руководителей государства, под давлением чиновников из администрации президента принимает решения в ущерб государству. То есть в угоду интересам других стран.

Сегодня, в условиях очень сложной политической ситуации, особое значение приобретает создание у граждан четких пред-

ставлений о различных ближних и дальних интересах России. На затуманивание наших представлений упорно работают враждебные организации и за рубежом, и внутри страны. Множество закамуфлированных антироссийских структур всякими способами внедряют отравленные смыслы, уродливые мифы и оценочные суждения в головы людей, особенно молодежи.

2. «Мало кто из вновь избранных депутатов до конца понимает смысл и содержание вопросов, по которым надо принять решение», — говорит Г.И. Тихонов. Отсюда следует важнейший вывод: необходим государственный институт (резерв) лиц, которые могли бы претендовать на выборные должности снизу доверху. Этот резерв может быть создан только путем профессионального систематического обучения «кухарок» и граждан других специальностей науке управления государством.

3. «При денонсации протоколов Литва практически прогадывала больше, чем кто бы то ни было, — считает Г.И. Тихонов. — Мне до сих пор непонятна активная деятельность дипломатов Литвы, которые поднимают вопрос о незаконности секретного дополнения к советско-германскому договору «О ненападении» от 1939 г., мотивируя это тем, что он направлен против Литвы. В действительности же с точки зрения здравого смысла действия литовских дипломатов противоречат интересам Литвы».

Понимание странной позиции прибалтов может произойти только в том случае, если предположить, что литовские дипломаты руководствовались не интересами Литвы, а интересами своих хозяев. Тогда все становится на свои места. Литовцы и другие прибалты по заказу своих хозяев устроили шоу на съезде народных депутатов для убеждения международной общественности в агрессивности русских.

В применяемых по сей день технологиях обсуждения и решения серьезных вопросов на первом месте стоят не государственные, а шкурные интересы, какая-то притянутая за уши модная, но не адекватная аргументация, искусственно взвинченные эмоциональные оценки, заслоняющие политические горизонты и смысловое содержание действий и документов. Вспоминая о них, депутаты порой удивляются сами себе и своим тогдашним вредоносным поступкам.

Беседовали и комментировали Анатолий Геннадьевич Волков и Сергей Сергеевич Эльманович[1].

---

[1] http://www.eifgaz.ru/tyhonovgi432006.htm

Итак, в 1989 г. Тихонов воздержался от голосования, потому что считал, что нельзя дать оценку документу, не имея его подлинника. Позиция предельно трусливая. Честный депутат должен был потребовать предъявить неоспоримые доказательства существования «секретного дополнительного протокола», подписание которого предлагалось осудить. В противном случае следовало голосовать против принятия постановления, а не уклоняться от решения вопроса.

Утверждение Тихонова, что депутатам показали «копию, и то ее не все видели», вызывает сомнение. Если копию показали, то почему ее видели не все? Какая часть депутатов не видела? В каком виде показали копию: помахали в воздухе таинственной микропленкой или дали подержать в руках ксерокопию госдеповского сборника? Если пусть даже часть депутатов ознакомилась с текстом, почему во время прений никто не апеллировал к нему? Совершенно не ясно из слов интервьюируемого, знакомился ли он сам с содержанием «секретного протокола». Скорее всего, Тихонов сознательно напускает тумана, ибо стесняется признать, что Съезд обсуждал и осудил подписание документа, не имея ни малейшего представления о его содержании.

Далее Тихонов несет бред, заявляя, что если Литва вернет районы, переданные Литовской ССР в 1940 г. из состава Белоруссии, то Россия соединит свою территорию с Калининградской областью. Во-первых, Литва вернет территории не России, а Белоруссии. Во-вторых, соединиться по суше с балтийским анклавом у РФ не получится, даже если Литва отдаст обратно всю Виленскую область. Видимо, географический кретинизм — отличительная черта депутатов. Наконец, в-третьих, Литва не была субъектом советско-германских переговоров в августе 1939 г. и даже денонсация неких «секретных протоколов» ни к чему ее не обяжет. Территориальные изменения Литовской республики регулировались совершенно иными правовыми актами, не имеющими никаких связей с советско-германским Договором о ненападении.

Вообще, как может Тихонов говорить о денонсации протоколов, в существование которых он не верит? Допустим на минуту, что протоколы Молотова — Риббентропа имели место быть. Поскольку данное соглашение не было ратифицировано в установленном порядке, государство не несет по нему никаких обязательств. Даже если бы «секретный дополнительный протокол» существовал, с юридической точки зрения это были взаимные обязательства Риббентропа и Молотова друг перед другом. То

есть денонсировать протоколы могли только они. Если считать пресловутый протокол официальным межгосударственным актом, то он был денонсирован Германией 22 июня 1941 г. И уж совсем не поддается осмыслению откровение Тихонова о том, что сегодня он бы, подобно Алкснису, голосовал за денонсацию несуществующих секретных протоколов, потому что это несет России некую выгоду.

Действительно ценно в этом интервью свидетельство Тихонова о том, что «мы привыкли верить своему руководству и соответственно все принимали на веру». То есть бывший депутат признал, что Съезд народных депутатов представлял собой сборище баранов, тупо исполняющих команды пастухов («слепо верили команде Горбачева»). Случай, когда Горбачев публично обматерил Тихонова, а тот лишь утерся, характеризует депутата, члена Верховного Совета, как ничтожнейшую личность, лишенную даже рудиментарного чувства собственного достоинства. Неудивительно, что Советский Союз был развален и разграблен — ведь его судьба в критический момент оказалась в руках Тихонова и ему подобных типов. «*Теперь-то все поняли, кто такой Горбачев, кто такие Шеварднадзе и Яковлев, которые занимались этими делами!*», — вздыхает он сегодня. При этом даже не понимает, что «эти дела» вместе с Горбачевым и Яковлевым творил он сам. Такой ценный «интеллектуал», конечно, не сидел без дела и после уничтожения СССР. Дважды Тихонов избирался депутатом Госдумы РФ, помогая Ельцину и Путину строить светлое капиталистическое будущее.

Комментаторы «ЭФГ» тоже умом не блещут. Над их предложением разделить граждан страны на тех, кто может претендовать на занятие выборной должности и тех, кто не обладает такой привилегией, можно, конечно, посмеяться, как над неудачной шуткой. Но утверждение о том, что чиновники из администрации президента оказали давление на народных депутатов, чтоб те приняли постановление во вред государству, заставляет усомниться в их профпригодности. Уж коли мните себя журналистами, то проверяйте, что пишете. Президент в СССР появился только в марте 1990 г.!

Волков и Эльманович солидаризируются с мнением своего собеседника о том, что Литва, якобы, действует вопреки собственным интересам, продолжая пропагандировать миф о «секретных протоколах». Между тем, совершенно очевидно, что территориальными приобретениями 1939—1945 гг. Вильнюс нисколько

не рискует. Апелляция к «преступному сговору» СССР и Германии, якобы направленному против Литвы, служит легитимации новосозданной Литовской республики, поскольку морально оправдывает развал СССР, репрессии против политических противников независимости, убийство мирных жителей боевиками «Саюдиса», кровавые преступления их предшественников — «лесных братьев» и т.д. Эта пропаганда подогревает в массовом сознании образа врага в лице России, и своими глупыми выступлениями Тихонов, Волков и Эльманович только помогают нынешнему литовскому режиму.

Но и дураки иногда испытывают муки раскаяния. Ниже приведен проект документа, подготовленный бывшим нардепом Теймуразом Авалиани, поддержавшим в свое время выводы комиссии Яковлева. По его мнению, этот проект следовало бы принять сегодня бывшим народным депутатам СССР, чтобы исправить свою ошибку 1989 г., которая тогда здорово помогла разрушителям Советского Союза.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПОСТОЯННОГО ПРЕЗИДИУМА СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

В связи с непрекращающимися спекуляциями «Постановлением Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года № 979-1 о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» постоянный президиум Съезда народных депутатов СССР заявляет:

1. Постановление Съезда НД СССР от 24 декабря 1989 года № 979-1 было принято путем обмана депутатов комиссией, готовившей это постановление. Секретные протоколы к договору не обнаружены по состоянию на сентябрь 2000 года ни в одном архиве мира. Фальшивки в виде копий практиковались в истории много раз, но никогда не считались оригиналом и не принимались мировым сообществом как де-юре.

Президиум Съезда НД СССР подтверждает отсутствие секретных протоколов де-юре и по состоянию на момент подписания данного заявления.

2. Литовское, Латвийское и Эстонское государства добровольно вошли в состав Союза Советских Социалистических Республик не в связи с подписанием договора между Германией и СССР, а в связи с захватом Германией Польши, Бельгии, Нидерландов, Чехословакии, Норвегии, Франции и нависшей угрозой оккупации Германией и этих прибалтийских государств.

3. Прибалтийские государства вынуждены были войти в состав СССР, так как они оказались в экономической изоляции от своих западных союзников в связи с тем, что одни страны были оккупированы Германией, а другие втянулись в войну с Германией. И это было не разделом сфер влияния, а сложившимся положением в результате политики уступок со стороны Англии и Франции по отношению к фашистской Германии в надежде, что их не тронут и Германия объявит войну СССР.

Прибалтийские государства были преданы своими западными союзниками и вынуждены были обратиться к правительству СССР.

4. Провокация с протоколами к так называемому договору Молотова — Риббентропа была организована после окончания Второй мировой войны разведкой США в связи с началом идеологической работы по развалу СССР как часть этого глобального плана. Выход прибалтийских государств из состава СССР в 1991 году был желанием не большинства народа этих стран, а только активно действующего меньшинства, поддержанного правительством США и его агентами в политическом руководстве СССР того времени.

5. За время вхождения прибалтийских государств в состав СССР с 1940 по 1991 годы в эти республики были вложены инвестиции на строительство морских и аэропортов, заводов, фабрик, электростанций, в инфраструктуру территорий значительно больше, чем получаемый ими внутренний валовой продукт, за счет общесоюзного бюджета. Сегодня бюджеты этих государств наполняются в значительной мере за счет транзита грузов из России через их морские порты.

6. В связи с выходом из СССР за прошедшие 15 лет прибалтийские государства ничего не строят значительного и не реконструируют. Живут за счет построенного ранее и доходов, получаемых от транзита российских грузов. Однако это время заканчивается. Трудящиеся прибалтийских государств будут вынуждены интегрироваться экономически и политически с другими государствами юго-востока, и в первую очередь с Россией.

7. Постоянный президиум Съезда народных депутатов СССР одновременно заявляет, что искать контрибуции каким-либо сегодняшним государствам, вышедшим из состава СССР, бесполезно. Любая политика такого плана приведет к военным действиям и усугубит ситуацию. Выход один — начать немедленно консультации между всеми бывшими республиками СССР о вос-

становлении Союза Советских Социалистических Республик на основе Конституции 1977 года.

Постоянный президиум Съезда народных депутатов СССР

Проект подготовлен членом президиума Теймуразом Георгиевичем Авалиани[1].

Снявши голову, по волосам не плачут. Фактически народные депутаты СССР в 1989 г. совершили не досадную ошибку, а акт предательства, пусть многие сделали это и бессознательно. Теперь, находясь на помойке истории, глупо каяться и призывать «отыграть» историю назад к состоянию Конституции 1977 г. Просрал свою страну — иди и застрелись. Дела этим не исправишь, но такая честная самооценка, возможно, избавит тебя от презрения потомков.

---

[1] http://www.eifgaz.ru/tyhonovgi432006.htm

ЯКОВЛЕВ

Почему комиссию по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении возглавил именно академик Яковлев? Надо полагать, потому, что данной провокации в деле развала СССР отводилось стратегическая роль, а Яковлев считался главным стратегом перестройки. Скорее всего, на деле он был лишь исполнителем чьих-то замыслов, потому что сам обладал, мягко говоря, довольно ограниченным интеллектом, но в данном случае это не принципиально.

Будущий герой перестройки родился в 1923 г. Некоторые озабоченные на предмет жидомасонства граждане отчего-то утверждают, что его настоящая фамилия Эпштейн. На самом деле они вольно или невольно путают его с расстрелянным в 1938 г. Яковлевым Яковом Аркадьевичем, бывшим в 1929—1934 гг. наркомом земледелия СССР. Этот действительно имел настоящую фамилию Эпштейн и соответствующую «пятую графу». Во время войны, согласно официальной биографии, Александр Яковлев воевал, командовал взводом в 6-й бригаде морской пехоты, был тяжело ранен в августе 1943 г., после чего комиссован из армии по инвалидности.

Дальнейшая карьера нашего героя происходит все больше по партийно-бюрократической линии: начинал в 1946 г. в Ярославле с должности инструктора отдела пропаганды и агитации обкома ВКП(б), в 1953 г. он переезжает в Москву, получив должность в аппарате ЦК КПСС. В это время Яковлев примыкает к так называемой комсомольской внутрипартийной группировке, возглавляемой Шелепиным. Благодаря протекции своего покровителя Александра Шелепина[1], с которым Яковлев близко познакомился в Ярославле, он был направлен в Академию общественных наук при ЦК КПСС, где Яковлев учился с 1956 по 1959 год в аспирантуре на кафедре международного коммунистического и рабочего движения. По содействию Шелепина с 1958 по 1959 г. ста-

[1] *Шелепин Александр Николаевич* (1918—1994 гг.), видный советский государственный деятель. В 1952—1958 гг. 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1958—1961 гг. председатель КГБ при Совете Министров СССР. В 1961—1967 секретарь ЦК КПСС, в 1962—1965 председатель Комитета партийно-государственного контроля, заместитель председателя Совета Министров СССР.

жировался в Колумбийском университете (США). Кстати, Яковлев стажировался там вместе с известным впоследствии своим предательством генерал-майором КГБ Олегом Калугиным, с которым он в дальнейшем поддерживал тесные контакты и руководил его подрывной деятельностью в период перестройки[1].

К «колумбийскому» периоду относятся первые контакты Яковлева с иностранными спецслужбами, о чем КГБ стало известно не позднее 1960 г. Об этом поведал на допросе по делу ГКЧП председатель КГБ Владимир Крючков. В интервью изданию «Газета» он рассказал о том, что во второй половине 80-х годов контакты Яковлева с представителями западных спецслужб участились:

«Однако он был членом Политбюро, и мы не имели права перепроверять эту буквально ошеломляющую информацию. Тогда я пошел к Горбачеву. Объяснился с ним по этому поводу. «Да-а-а... — протянул Горбачев, — что же делать? Неужели это опять Колумбийский университет? Да-а-а... Нехорошо это. Нехорошо».

...И вот теперь я наблюдал, как Горбачев, находясь в полном смятении, никак не может прийти в себя, словно за сообщением о Яковлеве для него скрывалось нечто большее. Тогда я сказал: «Происходящее с Яковлевым никуда не годится. Надо думать, как быть».

...Горбачев, как всегда, стал не искать решения возникшей проблемы, а стал думать, как уйти от нее. Как-то раз он сказал мне буквально следующее: «Возможно, с тех пор Яковлев вообще ничего для них не делал. Сам видишь, они недовольны его работой, поэтому и хотят, чтобы он ее активизировал»[2].

Впрочем, сам Яковлев, как пишет в своих воспоминаниях перебежчик Калугин, признался ему, что его влияние на Горбачева в 1991 г. благодаря стараниям КГБ значительно ослабло, он даже опасался покушения на свою жизнь со стороны спецслужб. Любой другой перевертыш на месте Яковлева немедленно отправился бы искупать грехи на печорские лесоповалы, но председателем КГБ в 1960 г. был его друг Шелепин, и дело, разумеется, замяли, иначе тень яковлевского предатель-

---

[1] Уникальность Калугина в том, что свою предательскую деятельность он продолжил даже после развала СССР. Есть основания полагать, что Калугин был завербован еще в 1959 г. В 1994 г. он, будучи депутатом Госдумы, опасаясь ареста, сбежал в США и выдал имена многих советских агентов, живущих на Западе. За измену был заочно осужден российским судом в 2002 г.

[2] http://gzt.ru/politics/2003/12/19/121615.html.

ства пала на самого Александра Николаевича. По возвращении из заграниц наш «колумбиец» продолжил восхождение по карьерной лестнице, став в 1966 г. заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. В 1969 г. Яковлев выторговал себе звание профессора. Профессор — это ученое звание и должность преподавателя вуза или научного сотрудника научно-исследовательского учреждения, однако наш «деятель науки» не был ни тем ни другим.

По долгу службы Яковлев курировал центральные СМИ. В ноябре 1972 г. он неожиданно публикует в «Литературной газете» свою скандально знаменитую статью «Против антиисторизма», в которой клеймил «неправильных» писателей, отказавшихся от классового подхода и рассуждающих о русском (грузинском, литовском, армянском и пр.) деревенском национальном характере, народной духовной традиции, исторических корнях и прочей антимарксистской ереси. Русофобия, ненависть «к этой стране» была у него в крови. Вероятно, мнение Владимира Крючкова покажется читателю субъективным, но он вспоминал о поразившем его поведении Яковлева, который никогда не проявлял гордости за победу СССР в Великой Отечественной войне, несмотря на то, что сам был ее участником, и вообще выказывал самое неуважительное отношение к русскому народу.

В наказание за эту дерзкую выходку Яковлева отправили послом в Канаду, где он провел время с 1973 по 1983 годы. Причиной скандальной публикации, возможно, стало то, что у нашего героя просто сдали нервы, ведь после того как Шелепин попал в опалу в 1967 г., стремительная карьера Яковлева замерла на одной точке: с 1968 г. четыре года он исполнял обязанности заведующего отделом пропаганды ЦК, так и не получив официального назначения на эту должность. В Канаде его деятельность была отмечена лоббированием интересов компании «Макдоналдс» в СССР и срывом ответа на начавшую набирать тогда обороты клеветническую кампанию «украинского голодомора». В Оттаве Яковлев близко дружил с канадским премьер-министром Пьером Трюдо, настолько близко, что в честь советского друга своего младшего сына Александра канадский премьер стал звать на русский манер Sasha.

В Канаде в 1983 г. Яковлев впервые повстречал Горбачева, который приехал перенимать опыт канадских фермеров. Как вспоминал впоследствии Яковлев, с Михаилом Сергеевичем они имели долгую откровенную беседу на предмет внутреннего по-

ложения в СССР и пришли к выводу, что советский строй нуждается в радикальной либерализации. На профессиональном жаргоне спецслужб такое общение называется вербовочной беседой. После этого советский посол убедил своих западных друзей, что Горбачеву следует оказывать более радушный прием, потому что он вероятный претендент на кремлевский престол.

В момент дипломатической службы Яковлева вновь всплыл вопрос о его связях с забугорными спецслужбами. Вот что писал об этом Евгений Жирнов в журнале «Власть» (№42(645) от 24 октября 2005 г.):

«Что Яковлев завербован иностранной разведкой, утверждали и два весьма высокопоставленных сотрудника госбезопасности — генерал-лейтенант Евгений Питовранов и председатель КГБ Виктор Чебриков. Первый создал в 1969 году спецрезидентуру КГБ «Фирма», которая работала под крышей Торгово-промышленной палаты СССР и специализировалась на получении информации от западных бизнесменов, заинтересованных в контрактах с СССР. От бизнесменов «Фирма» перешла к установлению контактов с видными западными политиками. Сведения от одного из них — очень информированного американского политика — без промедления напрямую докладывали Андропову, а затем Брежневу. Как рассказывал мне Питовранов, тот как-то сообщил, что посол в Канаде Яковлев сотрудничает с американской разведкой.

Андропов приказал Питовранову перепроверить информацию и получить какие-либо подтверждающие или опровергающие факты. За дело взялось представительство «Фирмы» в Канаде. Как рассказывал Питовранов, те сообщили, что у посла появляются новые дорогие вещи и что он утверждает, будто это подарки знакомых. Траты посла якобы значительно превышали не только зарплату, но даже те средства, которые главы советских диппредставительств обычно умудрялись втихую приватизировать из представительских денег. Для Андропова этого было достаточно. Он поручил подготовить записку Брежневу.

О том, что было дальше, мне задолго до Питовранова рассказывал Виктор Чебриков:

«Я помню такой случай. Юрий Владимирович Андропов показал мне записку, с которой он был на докладе у Брежнева. О том, что Яковлев по всем признакам является агентом американской разведки. Леонид Ильич прочел и сказал: «Член ЦРК (Центральной

ревизионной комиссии КПСС) предателем быть не может». Андропов при мне порвал эту записку».

«Юрий Владимирович не согласился с Брежневым,— вспоминал Питовранов,— но в споры не полез»[1].

По отбытии приятной во всех отношениях канадской «ссылки» Яковлев с 1983 по 1985 годы занимает должность директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Должность эта была «пенсионерской», поэтому тогдашний генеральный секретарь ЦК КПСС Андропов, крайне неприязненно относившийся к Яковлеву, считавший его антисоветчиком, не стал возражать против назначения, уступив ходатайству будущего генсека Черненко. Последний, кстати, был в прошлом подчиненным Яковлева по работе в отделе пропаганды ЦК. Ходатайствовал за Яковлева и министр иностранных дел Громыко (его жена была восхищена искусством Яковлева в лобызании ее руки и ставила его в пример другим дипломатам). Под руководством бывшего дипломата и профессора далеких от экономики наук институтом была направлена в ЦК КПСС записка о целесообразности создания в СССР предприятий с участием иностранного капитала. Почему за такую крамолу его тут же не уволили — то нам не ведомо.

Звездный час Яковлева пробил в 1985 г., когда он по просьбе могущественного тогда заместителя председателя правительства Андрея Громыко провел переговоры со своим канадским приятелем Михаилом Горбачевым об избрании последнего генеральным секретарем партии. Горбачев отблагодарил своего «крестного»: Яковлев назначается заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС, в следующем году он стал членом ЦК КПСС, секретарем ЦК, курирующим вопросы идеологии, информации и культуры, в 1987 г. избран членом Политбюро. По его предложению были назначены редакторы «перестроечной обоймы» — газет «Московские новости», «Советская культура», «Известия»; журналов «Огонек», «Знамя», «Новый мир» и др., ставших мощными пропагандистскими инструментами по делегитимации советского строя. А вот как оценивает один из пропагандистов мифа о «секретных протоколах» Владимир Абаринов достижения Яковлева на кинематографическом фронте: *«В руководстве Союза кинематографистов СССР в то время оказались либералы, постоянно испытывавшие режим на прочность — именно там получили крышу над*

---

[1] http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=620319

головой и легальную трибуну люди, составившие впоследствии первую команду Ельцина»[1].

Издательское дело стало при кураторстве Яковлева сверхприбыльным бизнесом, причем наибольшего коммерческого успеха добивались лишь те издания, которые усерднее всего проводили «политически правильный» курс на уничтожение советского строя. Малотиражный еженедельник «Аргументы и факты», задуманный в недрах ЦК, как издание для партийных пропагандистов, за несколько лет превратился в самое массовое еженедельное издание мира. Как человек, связанный со СМИ в течение пятнадцати лет, могу сказать одно: те чудеса, какие продемонстрировали «Московские новости» или «АиФ», нельзя объяснить рыночным успехом. Секрет заключался во внедренной Яковлевым системе финансирования «свободной» прессы из государственного бюджета.

Финансирование получали, разумеется, лишь наиболее лживые и беспринципные издания, не брезгающие никакой заказной чернухой. По данным Госкомстата, только за первую половину 1991 г. было опубликовано не менее семнадцати тысяч материалов, обвиняющих Ленина (ключевая фигура в советском историческом сознании) в многочисленных политических и уголовных преступлениях — от шпионажа в пользу Германии[2] до распространения венерических заболеваний. Размах компании по очернению Сталина был, вероятно, даже большим. Благодаря усилиям Яковлева в СССР были впервые опубликованы псевдоисторические бредни Солженицына, разоблачающие культ личности и повествующие о 20 миллионах расстрелянных в сталинских лагерях. Если же суммировать все публикации, так или иначе направленных на «переформатирование» исторического сознания советского народа, то это будет поистине девятый вал тотальной лжи, сметающий те ценности, которые составляли собой морально-нравственный каркас народа. Взамен их массам навязывались

---

[1] «Новая Польша», №4(85), 2007.

[2] Тут руку приложил и лично Александр Николаевич, ставший в 1990 г. академиком. Например, им была обнародована версия о якобы поступавших через Якова Ганецкого большевикам немецких деньгах на ведение подрывной работы. На самом деле через Ганецкого деньги шли в обратном направлении — из России в Данию, и лишь потом частично через шведский банк возвращались в Россию и шли на нужды большевистской партии. Здесь показательно то, как Яковлев лихо фальсифицирует факты — русские деньги, направленные на оплату импортных товаров, он объявляет «золотом кайзера», что позволяет объявить Ленина немецким шпионом.

абстрактные «общечеловеческие ценности», демократия, рынок, либерализм, потребительская идиллия лубочного капитализма и тому подобные химеры.

Важнейшей вехой перестройки была мощная антисталинская компания. Ее стартером также выступил Яковлев, лично возглавив созданную 28 сентября 1987 г. комиссию по реабилитации жертв политических репрессий. Не удержусь от того, чтобы не привести полностью главу «Сталин» из воспоминаний бывший работника аппарата ЦК Виталия Легостаева «Теневик демократии»:

«Весной 1988 года многие признаки говорили о том, что разочарование политикой Горбачева достигло в народе критического уровня. И в этот раз, правильно оценив опасный характер складывающейся обстановки, Яковлев решил, что настала пора снова разоблачать Сталина.

Можно с абсолютной точностью назвать дату, когда в СССР стартовала вторая, со времен Хрущева, массовая пропагандистская кампания против Сталина, намного превосходившая по своему размаху, накалу и цинизму все, что было достигнуто на этом поприще раньше. Это произошло 5 апреля 1988 года в день опубликования «Правдой» редакционной статьи «Принципы перестройки: революционность мышления и действия». Статья, подготовленная при решающем участии Яковлева, являлась разгромным директивным ответом ЦК на появившееся месяцем раньше в «Советской России» знаменитое выступление Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами».

Утром в день выхода «Правды» Яковлев, по дороге в свой кабинет, заглянул ко мне. После истории с Рустом это был второй случай, когда я видел его настолько празднично взволнованным, почти счастливым. Взяв с моего стола свежий номер, Яковлев быстро отыскал на полосе со статьей те строки, которые считал в ней наиболее важными, и со вкусом зачитал их вслух: «Нет-нет, да и слышатся голоса, что Сталин не знал об актах беззакония. Не просто знал — организовывал их, дирижировал ими. Сегодня это уже доказанный факт». Присутствие в абзаце любимого словечка Яковлева «дирижировал» не оставляло места для сомнений в том, чья обличительная рука начертала эти, указующие цель для всех органов пропаганды, строки. И понеслось.

В дальнейшем меня и самого неоднократно искренне удивлял неподдельный энтузиазм, с которым Яковлев дирижировал всесоюзной пропагандистской кампанией против Сталина, начатой через 35 лет после кончины виновника торжества. Себе

я объяснял его пылкий азарт неофита несколькими причинами. Во-первых, для него это было как бы возвращение во времена счастливой молодости, когда, под отеческим присмотром Хрущева, он уже делал себе партийную карьеру поношением имени Сталина. Во-вторых, Яковлев по самой своей природе вообще большой любитель судить, обвинять, требовать покаяния, дознаваться, изобличать, приговаривать и все прочее в том же духе.

Его любимый полемический образ — тараканы, бегающие по горячей сковороде. Чем сильнее она накаляется, тем быстрее бегают тараканы. Представляя себе эту картину, Яковлев всегда чуть улыбался. Ему приятно за тараканов. Не могу исключать, что в одной из своих прошлых реинкарнаций, где-то в Средние века, он был видным деятелем требовательной испанской инквизиции. Во всяком случае, что-то в нем от тех далеких святых времен частенько проступает.

Но есть, разумеется, и более глубокая причина повторно привитой Яковлевым обществу антисталинской паранойи. Чтобы назвать ее, придется еще раз обратиться к трудам авторитетов Третьего рейха. Как ни странно, но именно в них легко обнаруживаются объяснения многих практических действий нынешнего поколения российских демократов.

Небезызвестный Вальтер Шелленберг, бывший шеф немецкой внешней разведки, в своих мемуарах повествует, что в июле 1941 г. Гитлер собрал высокое совещание, на котором определялись основы будущей политики Германии в отношении к Советской России. Фюрер поставил задачу: «На Востоке в самое короткое время необходимо создать мощную информационную службу, которая должна работать столь безошибочно и слаженно, чтобы ни в одном районе Советского Союза не смогла возникнуть такая личность, как Сталин. Опасны не массы русского народа сами по себе, а присущая им сила порождать такие личности, способные, опираясь на знание души русского народа, привести массы в движение».

Всего в двух строках Гитлер доходчиво просто сформулировал подлинную цель шквальной, продолжающейся без перерыва уже почти полвека пропагандистской войны против имени Сталина. На самом деле, как показал фюрер, эта бессрочная война на полное уничтожение ведется не против Сталина, но против народов России, которым Сталин однажды воочию показал, на какие величайшие подвиги они способны, когда они едины, и когда у них есть достойный лидер.

Нагоняя в очередной раз крутую волну антисталинской пропаганды, Яковлев рассчитывал утопить в ней оппонентов и открытых противников своего хозяина Горбачева. Преемники Яковлева в российских СМИ ставят планку выше. Они делают то же самое, чтобы не дать народам России выдвинуть из своей среды не фальшивого, а настоящего общенационального лидера, способного вывести массы из состояния нынешнего безвольного оцепенения, привести их в движение, вместе с ними спасти страну от окончательной катастрофы.

Наиболее гнусным свершением жрецов антисталинской пропаганды в СССР со времен Хрущева явилось уничтожение ими на карте России названия Сталинград.

Несколько лет назад мне повезло оказаться с туристической группой в Париже. Во время экскурсии по городу то и дело попадалось на глаза слово Сталинград. Метро — Сталинград, площадь — Сталинград, улица — Сталинград. В шутку я спросил нашего переводчика Рафаэля: «Не слишком ли много Сталинграда на один Париж?» Он не принял шутливый тон, серьезно ответил: «Вы знаете, у нас во Франции каждый город обязательно имеет улицу Сталинград»,— и внимательно, словно законченному недоумку, заглянув мне в глаза, пояснил: «Так мы чтим память о подвиге ваших солдат». Никогда в жизни: ни до, ни после,— я не испытывал чувства столь жуткого стыда и унижения за себя лично и свой народ, как в краткие секунды этого разговора с худеньким субтильным парижанином.

Сейчас, по слухам, некие клерки подсчитывают — во что нам обойдется в рублях, если мы вдруг вернем на карту России слово «Сталинград». Бедная, безответная, затурканная телевизионными поганцами страна! У нее есть миллиарды долларов, чтобы привести в свой Кремль косноязычного партийного выкидыша, предателя и душегуба. Обустроить ему по византийским стандартам царские кремлевские палаты. Его самого, подобно цирковому клоуну, разукрасить с ног до головы императорскими орлами. И у нее нет ни гордости, ни рублей, чтобы оплатить перед миром память о мгновениях собственного величия, о беспримерном подвиге своих живых и мертвых сыновей — героев.

Смотришь на всю эту постыдную картину, и нет-нет, да и кольнет иной раз холодок под сердце: ужели гитлеровские последыши нас все-таки заломали?!»[1]

---

[1] http://www.pseudology.org/democracy/Tenevik_democracy.htm.

Период разгара перестройки и торжества «гласности» является пиком карьеры «колумбийца», который приобрел громадное влияние, как на советское общественное мнение, так и на высшее политическое руководство СССР. Например, в 1987 г. он занимался несколько несвойственной идеологу работой — чисткой советского генералитета в связи с делом Руста. Валерий Легостаев так вспоминает о последовавшей за провокацией с перелетом Руста разгромом в армейском руководстве:

«Широкое, грубо прочерченное лицо А.Н. светилось торжествующей улыбкой. Он пребывал в откровенно приподнятом, почти праздничном расположении духа. Прямо с порога, победно выставив перед собой ладони, выпалил: «Во! Все руки в крови! По локти!» Из последовавших затем возбужденных пояснений выяснилось, что мой гость возвращается с очередного заседания Политбюро, на котором проводились кадровые разборки в связи с делом Руста. Было принято решение о смещении со своих постов ряда высших советских военачальников. Итоги этого заседания и привели Яковлева в столь восторженное победоносное состояние. Его руки были «в крови» поверженных супостатов»...

...В результате, как заявил на заседании Политбюро сам Горбачев, были отданы под суд 150 генералов и офицеров Советской армии. По данным американских спецов, внимательно следивших за ситуацией, «под Руста» было смещено не только руководство Войск ПВО во главе с маршалом авиации Колдуновым, но и министр обороны маршал Соколов со всеми своими заместителями, начальник Генерального штаба и два его первых заместителя, главнокомандующий и начальник штаба ОВС Варшавского Договора, все командующие группами войск (в Германии, Польше, Чехословакии и Венгрии), все командующие флотами и все командующие округами...

...«дело Руста» подвело окончательную черту под длительным историческим периодом, на протяжении которого Советская Армия и ее высший генералитет занимали в политической структуре СССР прочное высокое положение[1].

С конца 80-х годов Яковлев осуществлял прикрытие деятельности прибалтийских сепаратистских движений («крышевал», как бы сейчас сказали), участвовал в фальсификации катынско-

[1] http://www.pseudology.org/democracy/Tenevik_democracy.htm.

го дела, за что впоследствии был награжден высшими орденами Литвы, Латвии, Эстонии и Польши. Начиная с 1988 г. в Прибалтике периодически проходили митинги с абсурдным требованием признания советско-германского Договора о ненападении 1939 г. недействительным и выхода республик из состава СССР. Осенью 1988 г. Яковлев выехал в Прибалтику, где приложил немало усилий для разворачивания сепаратистских движений. Местные националисты радостно восприняли такое содействие, как поощрение со стороны верховной власти, о чем неоднократно заявляли впоследствии, как например Витаутас Ландсбергис, тогдашний председатель Верховного Совета Литвы: «*Запад должен понять, что Горбачев сам позволил сложиться нашей ситуации. Он в течение двух лет наблюдал за ростом нашего движения за независимость. Он мог бы остановить его в любой момент. Может быть, он этого хотел или хочет сейчас. Но он его не остановил*»[1].

23 августа 1989 г. в годовщину подписания советско-германского договора, десятки тысяч жителей Литвы, Латвии и Эстонии образовали живую цепь через всю территорию Прибалтики в знак протеста против пакта «Молотова — Риббентропа». Идиотизм? Массовая историческая паранойя? Нет, всего лишь весьма распространенный прием воздействия на общественное мнение. Для начала «горячей» фазы развала СССР требовалось, чтобы центральная власть хотя бы косвенно признала, что Прибалтика была оккупирована Сталиным после циничной сделки с Гитлером .

Но чтобы Съезд народных депутатов — высший законодательный орган страны рассмотрел этот вопрос, нужно было создать повод. Ведь фактически не было никаких причин, чтобы давать оценку хоть и важному внешнеполитическому акту, но утратившему юридическую силу почти полвека назад, относящемуся еще к довоенной эпохе. О «секретных протоколах» до того времени абсолютное большинство советских граждан и слыхом не слыхивало. Поэтому доклад Яковлева и якобы принятое депутатами постановление играли важную роль в подрыве легитимности Советского Союза.

Регулировалась работа яковлевского «министерства правды» с помощью государственных и партийных финансовых рычагов, но кто был мозговым центром компании по разрушению сознания народа Советского Союза, до конца не ясно. Современники почти единодушно отдают пальму первенства академику Яковле-

---

[1] «Дейли мэйл», 7 апреля 1990 г.

ву, как главному идеологу перестройки. Вот, какую оценку вклада Яковлева в уничтожение СССР дает Валерий Легостаев в упомянутой статье:

«Яковлеву принадлежит циничная, но технически плодотворная идея назвать корыстные политические игрища Горбачева «радикальной реформой». Сначала — экономики. А когда «пипл» этим наелся досыта, взялись за политическую систему. Как профессиональный пропагандист Яковлев правильно оценивал огромные возможности манипулирования людской массой при помощи умело подобранного слова. Вы хотите реформ? Вы их получите. Но это будут наши реформы!

Наибольшее зло, которое Яковлев и Горбачев совместно причинили своему народу, состоит в том, что они похитили у него шанс провести действительно необходимые, исторически вызревшие, материально и политически обеспеченные реформы. Реформы, при которых не надо рушить заводы и есть всем миром, не брезгуя и не краснея, протухшую «гуманитарную помощь». Причем сознательно ставлю здесь на первое место Яковлева. Именно ему принадлежит и сама идея, и особенно — ее практическая разработка средствами массовой пропаганды.

Первое условие успешного разрешения любой крупной общественной проблемы заключается в том, чтобы дать ей правильное имя. Правдивое имя делает народ единым и сильным. Ложное — превращает его в толпу, неспособную к самостоятельному мышлению. Это хорошо понимали те, кто назвали нашу войну с Германией «Великой Отечественной войной советского народа». Но это так же хорошо понимала и шайка политических паскудников, называвшая, вслед за Яковлевым, «реформами» воровскую распродажу советской империи»[1].

Но я не могу согласиться с Легостаевым при всем желании. Во-первых, размах и сложность проекта не позволяют допустить мысль, что такой громадный объем работы провернул человек, не владеющий практическим опытом в подобных делах и не имеющий штата опытных профильных специалистов. Во-вторых, сам Яковлев был слишком тупым даже для того, чтобы убедительно врать на бытовом уровне. Например, он совершенно серьезно утверждал, что был ранен во время войны четырьмя разрывными пулями. Любой образованный человек знает, что ве-

[1] http://www.pseudology.org/democracy/Tenevik_democracy.htm.

роятность выжить после этого примерно такая же, как после прямого попадания в тело артиллерийского снаряда. Нет, одержимый манией разрушения Яковлев со своей звериной ненавистью ко всему советскому, циничный интриган и опытный аппаратчик был лишь хорошим исполнителем, но инструкции этот «колумбиец» получал, разумеется, из-за рубежа.

«Независимая газета» 10 октября 1998 года опубликовала пространное интервью Николая Злобина с Джин Кирпатрик, бывшей при Рейгане членом президентского Совета по национальной безопасности. В нем есть очень любопытный момент:

«— Я знаю, что вы придаете большое значение личностям в истории и политике. Можете ли вы перечислить имена людей, которые сыграли, по вашему мнению, наибольшую роль в формировании внешнеполитических отношений в XX веке?

— Часто это те же люди, которые сыграли большую роль во внутренней политике. Я уже упомянула две важнейшие группировки нашего века. Это, во-первых, большевики. Более косвенно, чем прямо, но Муссолини оказал огромное влияние на наше столетие, создав в Италии первый образец однопартийной страны с личной диктатурой и воинствующей фашистской идеологией. Он наплевал на Лигу Наций и, по сути, прервал все добрые начинания в Европе. Гитлер имел огромное влияние на мир. Одной из крупнейших фигур века был Уинстон Черчилль. Совершенно очевидно, что Мао Цзэдун оказал большое влияние на положение в мире. Я, конечно, не говорю о качественном содержании их влияния...

...Полагаю, что Гарри Трумэн и Иосиф Сталин оказали колоссальное влияние на международные процессы в мире. Последний особенно тем, что охватил своей властью половину Европы, а может быть, еще больше. Именно Сталин сделал Советский Союз тем, чем он был. Затем я бы назвала Михаила Горбачева и Александра Яковлева.

— Почему Яковлева? Встречались ли вы с ним?

— Пару раз. Я думаю, что он очень интересный человек и сыграл огромную и важную роль. Я надеюсь, что он знает, что я так считаю»[1].

Что же это за дама, столь лестно отозвавшаяся о бывшем идеологическом противнике? Джин Кирпатрик — одна из самых известных фигур в американской политике конца XX столетия.

---

[1] http://www.whoiswho.ru/russian/Password/papers/10r/kirpatrik/st1.htm.

В 1980 г. Рональд Рейган пригласил ее в качестве своего советника по внешней политике на время предвыборной кампании, а после победы назначил представителем США в ООН. За те четыре года, что она занимала этот пост, она снискала мировую славу одного из самых ярых борцов с коммунизмом. Одновременно она была членом правительства Рональда Рейгана и членом президентского Совета по национальной безопасности. В 1985 г., то есть с началом перестройки в СССР и возвышением Яковлева, Киркпатрик, оставив пост в ООН, приняла должность советника президента по обороне и иностранной разведке, пребывая в этом качестве до 1990 г.

Весьма любопытно, при каких обстоятельствах борец с коммунизмом и куратор спецслужб США Киркпатрик встречалась с Яковлевым. Да, Яковлев был очень тщеславен, и, видимо зная об этом, Киркпатрик весьма многозначительно польстила ему. Многозначительность же этой реплики заключается в том, что она польстила не ему, а себе. Вполне вероятно, что именно Киркпатрик с 1985 г. курировала Яковлева по линии американских спецслужб, и разработка плана мероприятий по осуществлению в СССР бархатной революции не обошлась без ее участия. Это всего лишь предположение. Возможно, мы никогда не узнаем всей правды о темной стороне жизни «прораба Перестройки». Но то, что Яковлев не мог быть ее архитектором, мозговым центром — в этом я уверен. Не того масштаба был этот тип, не того ума и не той воли.

Да, можно ненавидеть, но при этом уважать сильного и жестокого врага. Русские генералы не считали зазорным выказывать восхищение Наполеоном, который нещадно бил их на полях сражений. Петр I на пиру по случаю полтавской виктории поднял кубок за своих учителей — побежденных шведских генералов, которые сидели с ним за одним столом. Йозеф Геббельс, как мастер военно-пропагандистских операций, и сегодня имеет в среде специалистов немалый авторитет. Если уж и учиться побеждать вражескую армию словом, так именно у него. Но Яковлев не достоин сравнения с Геббельсом, что позволяют себе некоторые публицисты, несмотря на то, что он делал одно с ним дело. Геббельс не был марионеткой, озвучивающим тексты анонимных спичрайтеров и он предпочел смерть предательству идее, которой служил. Никаких обстоятельств, оправдывающих предательство Яковлева, его ненависть к моей стране, я обнаружить не смог.

Читая воспоминания бывших сослуживцев и коллег Яковлева, я был поражен, с каким отвращением они пишут о нем. «Упырь»,

«паскуда», «предатель», «перевертыш» «подонок» «иуда» — такими эпитетами награждают мемуаристы обер-идеолога перестройки. К Горбачеву эти же авторы относятся значительно мягче. Даже его сообщники-антисоветчики в качестве привлекательных личных качеств Яковлева скромно упоминают разве что его приверженность демократическим ценностям. У меня этот негодяй не вызывает никаких иных чувств, кроме крайней степени омерзения, тем не менее, в дальнейшем мы постараемся осветить роль Яковлева в деле о «секретных протоколах» беспристрастно, разобрав методы манипуляции и оценив политические последствия акции, не акцентируя внимание на моральной оценке его поступкам.

ДОКЛАД

Итак, обратимся к докладу, который зачитал на Съезде академик Яковлев. Курсивом выделен текст доклада, обычным шрифтом я буду давать по ходу дела свои комментарии.

Товарищи депутаты! Начну с исторической справки. 23 августа 1939 года был подписан, а 31 августа ратифицирован Верховным Советом СССР советско-германский договор о ненападении. 24 августа он был опубликован. 24 сентября состоялся обмен ратификационными грамотами.

В 1946 году на Нюрнбергском процессе впервые упоминается факт существования секретного протокола. 23 мая 1946 года протокол публикуется в газете «Сан-Луи пост диспэтч», а в 1948 году появляется в изданной в США книге «Национал-социалистская партия Германии и Советский Союз. 1939—1941 годы».

До этого о содержании протокола не знала не только общественность, но и Верховный Совет СССР, не знало об этом и Политбюро ЦК партии.

С 1939 года никакой информации по этому поводу у нас не публиковалось. Причины умалчивания понятны: суть секретного протокола сводилась к тому, что Сталин и Гитлер поделили «сферы интересов», куда вошли соседние суверенные государства.

Академик Яковлев, что называется, сразу берет быка за рога. Народные депутаты СССР вряд ли читали американскую провинциальную прессу 40-летней давности. Неплохо бы было ознакомить их с содержанием рассматриваемого «секретного протокола», благо текст весьма короток. Но докладчик знакомит их только со своими выводами.

Все это обошлось нам дорого — и политически, и морально. До сих пор строятся всевозможные гипотезы относительно того, как пошло бы развитие событий в Европе без договора и протокола; в частности, началась бы в этом случае война 1 сентября 1939 года или нет.

Гадать тут особо нечего. Польское командование начало разработку плана войны против Германии под кодовым названием «Захуд» в марте 1939 г., а Гитлер подписал директиву о разработке плана войны против Польши «Вайс» только 11 апреля. Польша объявила частичную мобилизацию 22 марта, второй этап скрытой мобилизации осуществлен 13—18 августа, 30 августа была объявлена всеобщая мобилизация. В Германии предмобилизационные мероприятия развернулись лишь с 18 августа, всеобщая мобилизация не проводилась. Начало мобилизации — это и есть начало войны. Вопрос лишь в том, кто и когда сделает первый выстрел. Я не припоминаю случая в истории, чтобы два агрессивно настроенных друг против друга государства мобилизовали свои армии, а потом решили дело миром. Таким образом, наличие или отсутствие советско-германского Договора о ненападении принципиально на ход немецко-польского кризиса повлиять не могло.

Общественное мнение и сегодня подпитывается идеями, будто определенные аспекты современного положения в Европе, притом касающиеся не только Советского Союза, выглядят так, как если бы они складывались на базе или под влиянием договора от 23 августа 1939 года и секретных протоколов августа — сентября.

Все это побудило первый Съезд народных депутатов образовать 2 июня 1989 года комиссию в составе 26 народных депутатов. Хочу подчеркнуть, что мы касались только 1939 года, но не последующих лет. Подчеркиваю это потому, что в комиссию поступило очень много разного рода заявлений и записок, касающихся 1940 года и последующих лет. Так вот, я хотел бы подчеркнуть еще раз, что компетенция комиссии ограничилась 1939 годом и отвечать на другие вопросы и делать суждения о событиях она не правомочна.

Такова предыстория.

Комиссия пришла к соглашению по выводам. Я сразу скажу: консенсус дался нелегко. Споров и столкновений мнений было немало, но они не подрывали общей конструктивной атмосферы обсуждений.

При всем многообразии подходов, точек зрения, эмоциональных оттенков превалировало стремление раскрыть не разрозненные эпизоды прошлого, но осмыслить предвоенную действительность комплексно, в ее реальных взаимосвязях и взаимообусловленностях.

Дело не упрощалось и тем, что наша официальная историография долго уклонялась от прояснения многих страниц внеш-

ней политики СССР всего послеоктябрьского периода. Конечно, здесь есть свои условности и ограничители, связанные с интересами третьих стран. Но немало и такого, что лежит под спудом в силу инерции и сложившихся стереотипов. В любом случае некоторые ключевые документы из советских архивов, относящиеся к обсуждаемой теме, стали доступными лишь в самое последнее время.

Неназванные «ключевые документы» в связи с работой комиссии нигде не публиковались. Яковлев даже намеком не обозначает, что это за документы.

Попутно замечу, что бытующее мнение, будто Англия и США без остатка раскрыли свои документальные досье, не более чем легенда. Лондон, например, установил, что значительная по объему и крайне важная для постижения былого часть правительственных архивов останется засекреченной до 2017 года, а Вашингтон по ряду документов вообще не назвал таких временных ограничителей.

Тем не менее уже накопленный запас достоверных данных позволяет воспроизвести картину вползания человечества и отдельных государств во Вторую мировую войну и сделать на основе анализа совокупности фактов адекватные выводы.

И еще несколько замечаний предварительного характера.

Во-первых, приступая к анализу и оценкам прошлого, мы, понятно, не в состоянии даже на мгновение вырвать из наших сердец события, последовавшие за 1939 годом. Наше сознание и поныне мучает скорбь по миллионам и миллионам погибших рабочих и крестьян, ученых и поэтов, которых нет с нами сегодня. Не утихает и гнев к фашизму, и презрение к тем, кто продемонстрировал свою неспособность обуздать убийц. Тут нелегко удержаться строго в фарватере фактов, не поддаться натиску естественных чувств.

Но отвергнуть, осудить что-либо слишком просто. Надо еще понять. Понять, как рождались соглашения, сделки, сговоры, что двигало их вдохновителями и создателями. Понять, чтобы оградить себя от повторения уже пройденного.

Магические слова «сделка» и «сговор» произнесены. Но както невнятно, без конкретики. Конкретики в докладе Яковлева вообще нет никакой, но на подсознание докладчик работает неплохо.

Применительно к прошлому время остановилось. Постижение любого события — независимо от эмоционального шлейфа, который оно тянет за собой, — возможно при условии, если его анализ проводится в конкретном контексте исторического развития. Мы же часто оказываемся во власти априорных мнений, но не фактов; в плену угодных нам схем; пасуем перед искусом обелять свое и чернить чужое или — что не лучше — идеологизировать историю до степени, когда она теряет свое действительное содержание. И лишь трезвый, честный анализ, лишенный ослепляющих эмоций и унижающих достоинство предвзятостей, способен утихомирить взбаламученное море страстей.

Борение за истину и есть двигатель истории. Историческая совесть призвана сберечь прогресс от лукавства, от дьявольского соблазна сыграть с прошлым в прятки. Мы совершили бы двойную ошибку, попытавшись вывести за скобки «неудобные» темы. Оправдывать собственные падения грехами других — путь не к честному самопознанию и обновлению, а к историческому беспамятству.

Яковлев все-таки был довольно опытным манипулятором, годы работы в отделе пропаганды ЦК КПСС не прошли даром. Всякое большое историческое вранье начинается с призывов отказаться от стереотипов, посмотреть трезво и непредвзято, сделать честный анализ, и т.д. Таким образом манипулятор размягчает сознание своей жертвы, внушает, что иное мнение априори лживо, стереотипно, бессодержательно, предвзято и идеологизировано.

Во-вторых, в процессе работы комиссии мы еще раз убедились в том, как далеко ушел мир за последние полвека. Как сильно разнятся политические, правовые и моральные нормы мира современного и того, в котором жила Европа пять десятков лет назад. Все это приходилось учитывать, погружаясь в прошлое, но в надежде вернуться в политическое сегодня. Главное было — не перепутать внешнее с сущим.

Настоящее сообщение, естественно, не претендует на полноту освещения предвоенного периода. Его логика и содержание максимально завязаны на события 1939 года. Хотя для каждого непредвзятого человека очевидно, что тогда гром грянул вовсе не с ясного неба.

Поэтому, не сделав экскурса в прошлое, трудно объективно оценить последующее. Все, о чем я буду говорить дальше, исходит из документов.

Навязчивая ссылка на некие документы — весьма примитивный прием оболванивания, но в отношении советских людей, обладающих довольно своеобразным менталитетом, он действует. Когда с трибуны Съезда народных депутатов выступает академик, и постоянно упоминает недавно рассекреченные документы, зарубежные архивы, произносит слова «анализ», «напряженная работа», «честные выводы», как же слушатель может не поверить столь уважаемому человеку? Усомниться в истинности его слов и правильности выводов — значит оскорбить его своим недоверием, обвинить во лжи и сознательной спекуляции. При этом критик не имеет никакой возможности аргументировать свое мнение, поскольку не может апеллировать к документам, архивам и анализу.

Сама проблема, ее многочисленные нюансы вынуждают к подробному, иногда к детальному разбору обстоятельств. Да и Съезд, несомненно, ожидает от комиссии аргументированных соображений.

Итак, в какой международной обстановке рождался советско-германский договор о ненападении, что непосредственно предшествовало его заключению, какие цели по замыслу его создателей и инициаторов преследовал договор?

Одномерных ответов здесь найти невозможно. При оценке соглашения мы не можем уйти по крайней мере от трех обстоятельств:

— внезапность поворота в отношениях с фашистским режимом;

— секретные договоренности с ним, затронувшие интересы третьих стран;

— сокрытие подлинного содержания и смысла соглашений от советских людей, от партии, от конституционных органов власти.

Снова мы видим примитивную, но обезоруживающую своей наглостью спекуляцию. Опять упоминаются секретные договоренности, утверждается о сокрытии их от народа. Все это подается как бесспорный факт. Ни малейшей попытки аргументировать утверждения не делается.

Как и почему все это стало возможным?

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 года было началом трагедии. Но и финалом политики по отношению к гер-

манскому империализму. Курса, проводившегося, как правило, без Советского Союза и зачастую против его интересов.

Но тут и коренилось историческое коварство.

Британский премьер-министр Болдуин заявлял в 1936 году: «Нам всем известно желание Германии... двинуться на Восток... Если бы он (то есть Гитлер. — А. Я.) двинулся на Восток, мое сердце не разорвалось бы... Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами». Лондону позднее вторил и Париж.

Эта позиция соединила в общую цепь политику «умиротворения» агрессоров, потворство нацизму в его планах о «жизненном пространстве». Она привела к аншлюсу Австрии и предательству Чехословакии в Мюнхене в 1938 году.

Жертвуя Чехословакией, в Лондоне тогда считали, что купили обещание Берлина «никогда больше не воевать» с Британией и устранять «возможные источники разногласий» методом консультаций. Аналогичную договоренность с рейхом оформила и Франция — другая участница мюнхенской трагедии. Советско-французский договор о взаимопомощи практически для Парижа существовать перестал.

Мюнхенское соглашение коренным образом изменило обстановку в Европе, значительно укрепило позиции Германии, сломало зачатки системы коллективной безопасности, открыло путь агрессии в общеевропейском масштабе. Сговор в Мюнхене не был поспешной импровизацией. Он продолжит политическую линию, обозначенную Локарнским договором (1925 г.) и «пактом четырех» (1933 г.). Малые и средние страны Европы поняли, что демократии предали их, и в страхе начали склоняться в сторону Германии.

СССР оказался в международной изоляции. Учитывая поддержку Мюнхена со стороны США, непосредственное участие Польши и Венгрии в разделе Чехословакии и одобрение соглашений Японией, советское руководство не могло не думать об угрозе создания единой антисоветской коалиции.

Скороспелые решения, мистифицирующая иррациональность восприятия действительности были распространенной болезнью в ту пору. То, что Лондон и Париж мнили «венцом умиротворения» Германии, гарантирующего демократиям уют и покой на годы и десятилетия, Гитлер воспринял как откровенный сигнал к силовой борьбе за гегемонию в Европе. Практически после Мюнхена не стояло вопроса, будет или не будет война, речь шла совсем о другом — кто станет очередной жертвой и когда.

Может быть, самое поразительное, поныне сбивающее многих с толку, состоит в том, что западные державы знали в подробностях о приготовлении Германии к вооруженной схватке. Знали, но рассчитывали, что нацисты не покусятся на интересы западных демократий, пока не разделаются с Советским Союзом. От наваждения не избавились и весной 1939 года, когда гитлеровцы оккупировали остатки Чехословакии, захватили Клайпеду, а Италия напала на Албанию.

Что означали с точки зрения советских интересов аншлюс Австрии, переход Чехословакии под контроль Германии, нацистское проникновение в Венгрию, Румынию, Болгарию, активизация военных спецслужб рейха в Эстонии, Латвии, Литве, Финляндии, если брать их не разрозненно, а в совокупности?

Перед советской внешней политикой вырисовывались следующие основные возможности:

а) добиваться заключения союза СССР, Англии, Франции, который мог бы стать преградой агрессору;

б) наладить взаимопонимание с соседними государствами, которые также оказывались под угрозой;

в) в случае невозможности уклониться от войны с Германией, попытаться избежать войны на два фронта — на Западе и на Дальнем Востоке.

Первая возможность стала официально прорабатываться с марта — апреля 1939 года, когда СССР пытался привлечь западные державы к сотрудничеству в деле предотвращения агрессии.

Вторая — в ходе визитов В. П. Потемкина, бывшего тогда заместителем министра иностранных дел, в Турцию и Польшу (апрель — май 1939 г.) и дипломатических акций (март 1939 г.), направленных на то, чтобы показать правительствам Латвии и Эстонии заинтересованность СССР в предотвращении агрессии в Прибалтике.

Оставался открытым вопрос о нормализации отношений с Германией. В дипломатической документации СССР за 1937-1938 годы не обнаружено свидетельств, которые говорили бы о советских намерениях добиваться взаимопонимания с Берлином. Со стороны Германии с конца 1938 — начала 1939 года начался зондаж возможностей улучшения отношений с СССР. «Инсценировкой нового рапалльского этапа» назвал его Гитлер.

Судя по документальным данным, советское руководстве располагало надежными сведениями о военных приготовлениях нацистского режима, а также о линии поведения западных держав.

Так, информация о содержании разговора Гитлера с Чемберленом 15 сентября 1938 года поступила к Сталину на второй день.

Имевшиеся материалы давали основание считать, что, если агрессия Германии против СССР станет неотвратимой, она будет осуществляться либо в союзе с Польшей, либо с лояльным рейху польским тылом, либо при подчинении Польши. При любом варианте — с использованием территории Литвы, Латвии и Эстонии.

Операция «Вайс» — план нападения на Польшу, утвержденный 11 апреля 1939 года, предполагал захват Литвы, неприкосновенности которой Англия и Франция никак не гарантировали. Литвой, однако, аппетиты рейха не утолялись. Еще 16 марта 1939 года посланнику Латвии в Берлине было заявлено, что его страна должна следовать за Германией и тогда «немцы, — цитирую, — не будут заставлять ее при помощи силы становиться под защиту фюрера». Выступая перед генералитетом в мае 1939 года, Гитлер дал установку решить и «прибалтийскую проблему».

Как и в других сходных случаях, у Берлина имелись программа-минимум и программа-максимум. Если бы Запад сдал ему Польшу без боя, как до того Чехословакию, Гитлер мог растянуть во времени осуществление «плана Вайс» (имеются и такие данные). Руководство рейха, однако, понимало, что полоса легких побед заканчивается. Особенно когда Польша, ассистировавшая при аншлюсе Австрии и захвате Чехословакии, заартачилась. Действительно, пока объектом торга являлись чужие территории, министр иностранных дел Польши Бек и его единомышленники не чурались диалога с Берлином. Но когда им было предложено сдать Германии Данциг и вычленить из польских земель транспортный коридор в Восточную Пруссию, то стремления делить Советскую Украину поубавилось. Перестало прельщать и обещание нацистов зарезервировать за Польшей выход к Черному морю с Одессой в придачу.

Речи о вычленении части польской территории никогда не велось. Германия требовала согласия на строительство экстерриториального шоссе и железнодорожной магистрали, связывающей Восточную Пруссию с основной частью Германии. Точно так же не известны и обещания немцев подарить полякам Одессу. В дальнейшем Одессу Гитлер действительно подарил, но только румынам.

Британские военные доказывали Чемберлену, что угроза нацистской агрессии не миф, что самый целесообразный способ противодействия ей — военное сотрудничество с Советским Союзом. На это есть соответствующие документы.

Опять ссылка на абстрактные документы. То ли плохо военные доказывали Чемберлену серьезность германской угрозы, то ли это были совсем не те военные, которые проигнорировали советские предложения о военном сотрудничестве весной 1939 г.

Чемберлен заявлял в ответ, что скорее уйдет в отставку, чем вступит в альянс с СССР. Характеризуя эту позицию своего правительства, работник МИД Англии Кольер писал: Лондон не желает связывать себя с Советским Союзом, а «хочет дать возможность Германии развивать агрессию на восток за счет России»...

В некоторых современных публикациях, особенно самых последних месяцев, встречается немало сетований на негибкость советской дипломатии, упущенные альтернативы и тому подобное. Возможно, такое и было. Видимо, даже скорее всего было. Но из документов следует и другое. Всякий раз, когда СССР шел навстречу западным державам, британским и французским делегатам давались указания не фиксировать сближение позиций, а наращивать требования, обострять несбалансированность условий и таким образом блокировать договоренность. Наконец, 11 июля Англия решила отклонить предложения Советского правительства об одновременном подписании политического и военного соглашений.

На заседаниях кабинета Чемберлена, где в июле 1939 года вырабатывалась позиция британской делегации на военных переговорах в Москве, было определено, что главное — тянуть время. «Само соглашение, — цитирую министра иностранных дел Галифакса, — не является столь важным, как представлялось с первого взгляда...»

Обширная британская и французская документация за май — август 1939 года показывает, что кабинет Чемберлена находил партнерство с СССР нежелательным, а военное сотрудничество — невозможным. Хотя от шефа нацистской военной разведки Канариса британские руководители точно знали — нападение на Польшу назначено на последнюю неделю августа, английской делегации на московских военных переговорах было предписано заниматься словопрениями «по возможности» до октября.

Англо-французские взгляды поддерживались американскими представителями в Европе. Посол США в Лондоне Дж. Кеннеди был убежден, что поляков следует бросить на произвол судьбы и дать нацистам возможность осуществить свои цели на востоке: конфликт между СССР и Германией, по его словам, принесет большую выгоду всему западному миру. Посол США в Берли-

не Х. Вильсон также считал наилучшим вариантом нападение Германии на Россию с молчаливого согласия западных держав «и даже с их одобрения».

Советский Союз сейчас упрекают, что он не сумел склонить правительство Польши к сотрудничеству, переуступив эту часть работы Лондону и Парижу. Однако даже в обстановке, когда до нападения Германии оставались считанные дни, Польша и слышать не хотела ни о каком сотрудничестве с СССР. 20 августа 1939 года Бек заявлял: «У нас нет военного соглашения с СССР. Нам не нужно такого соглашения».

В канун 50-летия нападения Германии на Польшу столкнулось немало гипотез о том, как сложились бы события, если бы Советский Союз принял тактику англичан и французов, рассчитанную на создание видимости активности трех держав по части согласования (хотя такого и не было) ответных действий в случае агрессии Германии. На сей счет высказываются полярные суждения. Одно из них гласит: войны не было бы вообще. Другие полагают, что в этом случае СССР уже в 1939 году мог бы попасть в водоворот войны, в которой Англия и Франция при самом оптимистическом раскладе лишь значились бы нашими союзниками.

Теперь, конечно, гадать трудно. История не признает сослагательных наклонений. История уже состоялась. Даже предположения и те неподсудны нормальной логике, поскольку поведение всех субъектов политики было непредсказуемым. Нельзя отделаться от впечатления, что на сцене истории лицедействовали игроки, а не политики. Одно ясно: ответственности, не говоря уже о мудрости, недоставало всем, за что человечество жестоко поплатилось.

На самом деле в поведении западных держав прослеживается железная логика. В советской историографии господствовала трактовка, что лидеры ведущих мировых держав как бы временно сошли с ума, причем все поголовно. В результате стали возможны и аншлюс Австрии, и мюнхенский сговор, и оккупация Чехии. Этой линии следует и Яковлев.

В этом же контексте можно рассматривать и такой вопрос: была ли реальной угроза нападения фашистской Германии на нашу страну в 1939 году? Естественно, ответ на него выходит за рамки возможностей и целей нашей комиссии. Дать его призвана наука. Настоящий анализ этой проблемы не был дан ни тогда, ни позднее. И все же документы говорят, что советская

политика строилась тогда чаще на оперативных сообщениях, нежели на глубоких стратегических выкладках.

Вопрос о готовности Гитлера к агрессии против СССР еще в 1939 году имеет как минимум три аспекта. Была ли Германия объективно готова к войне? Считала ли свою военную машину готовой? И воспринималась ли угроза вторжения советским руководством как вероятная?

С уверенностью можно ответить только на последнее: безусловно, да. Можно предположить, что такое восприятие корректировалось в психологии Сталина надеждой, что Гитлер может увязнуть на европейском театре боевых действий, что, вероятно, влияло на способность видеть и объективно оценивать возможные альтернативы.

Трудно, конечно, говорить об этих факторах сколько-нибудь категорически. Но допустить, что они имели место, мы вправе.

Не являются доказательными утверждения, будто в отсутствие договора о ненападении с СССР рейх не начал бы «польский поход». В их опровержение можно было бы привести не одно заявление самого Гитлера. Кроме того, Германия зашла в подготовке войны, особенно к середине августа, слишком далеко, чтобы «фюрер» без серьезного политического риска для себя трубил отбой.

Довод приверженцев точки зрения, что Сталин преувеличивал опасность войны, сводится к тому, что в немецком генштабе в августе 1939 года не было готового плана боевых действий против нашей страны.

Но, во-первых, это вскрылось после 1945 года.

Во-вторых, тогда не существовало и планов операций против Англии и Франции. Задание готовить такие планы штабы получили 10 октября 1939 года, после отклонения западными державами предложения Гитлера о замирении.

В-третьих, пауза с подготовкой к боевым действиям на западном фронте не лишена своеобразного подтекста. В опьянении быстрой победой над Польшей Гитлер какое-то время носился с мыслью, не разорвать ли свежеиспеченный договор о ненападении с Советским Союзом и не атаковать ли внезапно и нашу страну?

Весьма сомнительное утверждение. Весь ход событий указывает на то, что война на два фронта никак не входила в планы Гитлера. И вообще, интересно, каким образом Яковлеву удалось проникнуть в мысли Гитлера.

В-четвертых, на период концептуальных разработок в оперативные директивы для генштабистов рейха порой требовались лишь недели.

При анализе альтернатив 1939 года нельзя упускать из виду, что советское руководство владело информацией о содержании директив, определявших линию поведения английской и французской делегаций на военных переговорах с нами. Не был сверхтайной и факт закулисных контактов, которые поддерживались между Лондоном и Берлином.

Тщательное прочтение документов обнаруживает довольно простую игру. Берлин «обхаживал» нас или, наоборот, отзывал свои авансы в точном соответствии с каждым поворотом англо-франко-советских переговоров.

Так, после первых прощупываний советских намерений и сдержанной реакции Молотова на немецкие обращения (20 мая) Риббентроп дал команду затаиться. Но стоило на тройственных переговорах в Москве обнаружиться разногласиям в части гарантий прибалтийским государствам, как немцы пришли в движение. Достаточно было назначить переговоры об англо-франко-советской военной конвенции, чтобы Берлин без промедления (26 июля) подбросил идею «освежения» договора о нейтралитете 1926 года, заявил о готовности уважать неприкосновенность прибалтийских государств и договориться о сбалансировании «взаимных интересов».

Когда же определилась дата открытия военных переговоров в Москве, Риббентроп, не мешкая, пригласил к себе временного поверенного в делах СССР в Берлине Астахова и прямо высказался за размежевание советско-германских интересов «от Балтийского до Черного моря». Эти соображения были повторены на следующий день, 3 августа, послом Шуленбургом в беседе в Москве.

Принципиально важный рубеж — в период с 26 июля по 3 августа 1939 года. Именно в это время происходит активизация контактов на всех направлениях — и по объему, и по содержанию. Именно в это время нарастает давление предварительных позиций и реальных обстоятельств, подводившее к необходимости конечного выбора: быть договоренности или не быть?

Если быть, то с кем? С западными демократиями или фашистской Германией?

Именно в это время в политическую игру вводятся те ее «азартные» элементы, что соответствовали психологии главных действующих лиц и в итоге предопределили появление и суть секретного протокола.

Зомбирование продолжается. Главная задача — внушить, что «секретный протокол» существовал.

Как разворачивались события на этом рубеже и вплоть до открытия советско-германских переговоров?

Первый ход делает германская сторона. Берлин впервые легализует идею договорного урегулирования межгосударственных отношений с СССР и отказа от третирования наших национальных интересов. Напомню, что после прихода нацистов к власти Германия домогалась остракизма «Советов» там, где только могла. Стало быть, до начала августа 1939 года реальной альтернативы сотрудничеству с Англией и Францией Советский Союз не имел и ничего противопоставить этому сотрудничеству не мог.

Показательно, что даже после откровений Риббентропа советская сторона не сменила тактики — еще целую неделю она ограничивалась выслушиванием немецких предложений, а Шуленбург неизменно телеграфировал в Берлин о глубоком недоверии Советского правительства к Германии и его, цитирую, «решимости договориться с Англией и Францией».

Теперь нам известно, что Сталин подозревал всех и вся. Его недоверие к Гитлеру было не меньшим, чем недоверие к Чемберлену и Даладье. И не только в силу личной мнительности. Его концепция империалистической войны концентрировалась на отсутствии различий между двумя группами, противоборствующими на мировой арене, видя у каждой из них прежде всего стремление к переделу мира и к уничтожению Советского Союза. В роковые дни августа эта концепция сыграла немалую роль. Сталин вряд ли обманывался насчет действительных намерений Лондона и Парижа, но, похоже, опасался упустить возможный шанс договориться. По свидетельству Димитрова, 7 сентября 1939 года, то есть через семь дней как началась война, Сталин, упомянув о переговорах с западными державами, заметил: «Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить! Мы, конечно, не пошли бы в батраки и еще меньше — ничего не получая».

Сотрудник МИД Германии Шнурре 26 июля 1939 года заявил Астахову: «Пусть в Москве подумают, что может предложить ей Англия. В лучшем случае участие в европейской войне и вражду с Германией, что едва ли является для России желанной целью.

А что можем предложить мы? Нейтралитет и неучастие в возможном европейском конфликте, и ежели Москва того пожелает, германо-советское соглашение о взаимных интересах».

Что конкретно имелось в виду? Берлин отвечал — отказ Германии от притязаний на Украину, от претензий на господство в Прибалтике, от планов экспансии в те районы Восточной и Юго-Восточной Европы, где имеются заметные интересы СССР.

О том, что нападение Германии на Польшу может произойти в конце августа — начале сентября, советская разведка доложила руководству еще в первых числах июля 1939 года. Из непосредственного окружения Риббентропа была получена информация, что, по мнению Гитлера, польский вопрос должен быть обязательно решен. Гитлер сказал, цитирую: «...то, что произойдет в случае войны с Польшей, превзойдет и затмит гуннов. Эта безудержность в германских военных действиях необходима, чтобы продемонстрировать государствам Востока и Юго-Востока на примере уничтожения Польши, что означает в условиях сегодняшнего дня противоречить желанию немцев и провоцировать Германию на введение военных сил».

7 августа 1939 года Сталину было доложено, что Германия будет в состоянии начать вооруженные действия в любой день после 25 августа. 11 августа 1939 года положение рассматривалось в Политбюро ЦК ВКП(б). Не без учета сведений о попытках Гитлера восстановить непосредственную связь с Чемберленом и пессимистических предсказаний касательно московских военных переговоров было признано целесообразным вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин.

В результате 15 августа 1939 года в Москве встречей между Молотовым и Шуленбургом начались советско-германские переговоры.

Немцы предложили — либо подтверждение договора о нейтралитете, либо заключение договора о ненападении. Сталин остановился на последнем варианте.

Финальная стадия советско-германских переговоров с трудом поддается реконструкции, товарищи. Стенограмм не велось. Все предварительные проекты, привезенные Риббентропом в Москву, были уничтожены по его распоряжению. Известно, что Риббентроп отправился на встречу 23 августа полный сомнений в исходе своей миссии, хотя имел от Гитлера полномочия удовлетворять любые мыслимые требования Москвы.

Подготовительных советских материалов к переговорам, если они существовали, в архивах не найдено. Известно только, что поначалу не предполагалось делать секретным документ о намерениях.

Документов не найдено, однако откуда-то известно о намерениях сторон. Откуда?

Видимо, в этом и не было нужды, ибо Молотов говорил о довольно известных вещах: о совместных гарантиях независимости прибалтийских государств, посредничестве немцев с целью прекращения японских военных акций против СССР, развитии германо-советских экономических отношений. Каких-либо территориальных претензий, касавшихся Польши или кого бы то ни было, и тем более вопросов о судьбе той или иной конкретной страны, на этом этапе не поднималось.

Но Гитлер предложил больше, чем Сталин ожидал. Есть ли этому объяснение?

Совершенно голословное утверждение. Неизвестно, что Сталин мог ожидать. Тем более нет никаких сведений о предложениях, сделанных Гитлером.

Возможно, какой-то свет проливает директива Исполкома Коминтерна от 22 августа 1939 года, содержание которой стало известно Берлину. В ней отмечалось, что СССР вступает в переговоры с Германией на предмет заключения договора о ненападении, имея в виду побудить Англию и Францию заняться делом на переговорах о военном союзе с нашей страной.

Судя по всему, Гитлер решил разом обесценить любые британские и французские маневры, стремясь побудить Сталина сжечь запасные мосты. Сцена благоприятствовала разыгрывавшемуся нацистами спектаклю. 19—20 августа 1939 года Сталин получил документальные подтверждения, что Англия, Франция и Польша не собираются менять свои позиции. Видимо, Сталин надеялся договором о ненападении повлиять на Англию и Францию, но просчитался. После подписания договора западные державы потеряли к нам всякий конструктивный интерес.

Была ли возможность свести переговоры с Берлином только к заключению договора о ненападении? Анализ свидетельствует — безусловно. И в том виде, в каком договор был подписан 23 августа 1939 года, он пополнил бы обширный каталог урегулирований, известных мировой политике.

Любопытный кульбит. Договор был подписан в том виде, в каком мы его знаем, однако, по мнению Яковлева, он не пополнил обширный каталог урегулирований. Почему же? К тому же смысла в заключении *только* Договора о ненападении не было ни малейшего. Советскому Союзу этот договор был не нужен абсолютно, поскольку никакого доверия к Германии у советского правительства не было, да и быть не могло. СССР был необходим торговый договор с Германией, и только при условии его заключения Москва готова была дружить с Берлином. В чем Сталину нельзя отказать, так это в прагматизме.

Аналогичными взаимными обязательствами, по-разному оформленными, Германия к тому времени обменялась, в частности, с Польшей — 1934 год, с Англией и Францией — 1938 год, Литвой, Латвией, Эстонией — 1939 год.

Заключение данного договора, понятно, меняло конфигурацию сил, позволяло Берлину закрыть одно из неизвестных в сложном политическом уравнении. Это так. Но было бы несправедливо тут обрывать мысль.

Сталин, при всех его имперских замашках, не мог не понимать аморальности и взрывоопасности секретной сделки с Гитлером. Даже после войны Сталин и Молотов заметали следы существования секретного протокола — оригинал протокола в наших архивах так и не обнаружен.

Логика совершенно откровенная: раз оригинал протокола в архивах не обнаружен, значит Сталин и Молотов заметали следы. Но сам факт существования протокола Яковлев сомнению не подвергает. Очень напоминает классической перл софистики.

Один человек другому: «Где ты потерял рога?» — «Я не терял рога, у меня их нет» — удивляется тот. «То, что у тебя нет рогов, доказывает, что ты их потерял. Весь вопрос в том, где именно», — парирует возражение первый.

По свидетельству Хрущева, Сталин рассуждал так: «Здесь ведется игра — игра, кто кого перехитрит, кто кого обманет». И добавил: «Я их обманул».

Хрущев — тот еще свидетель. Яковлев выдергивает цитату, а хорошо бы привести весь абзац из хрущевских воспоминаний: *«У Сталина мы собрались 23 августа к вечеру. Пока готовили к столу наши охотничьи трофеи, Сталин рассказал, что Риббентроп уже улетел в Берлин. Он приехал с проектом договора о не-*

нападении, и мы такой договор подписали. Сталин был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол, завтра англичане и французы узнают об этом и уедут ни с чем. Они в то время еще были в Москве. Сталин правильно оценивал значение этого договора с Германией. Он понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, просто перехитрить. Но полагал, что это мы, СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор. Тут же Сталин рассказал, что согласно договору к нам фактически отходят Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия и Финляндия таким образом, что мы сами будем решать с этими государствами вопрос о судьбе их территорий, а гитлеровская Германия при сем как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши Сталин сказал, что Гитлер нападет на нее, захватит и сделает своим протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы стояли за последнее, хотя чувства испытывали смешанные. Сталин это понимал. Он говорил нам: «Тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет»[1].

Во-первых, Хрущев говорит, что встреча на сталинской даче состоялась вечером 23 августа, когда Сталин на самом деле находился в Кремле и участвовал в переговорах с Риббентропом. На Западе непонятно почему широкое хождение в печати получило мнение, что Риббентроп прибыл в Москву 22 августа. Поскольку мемуары Хрущева были изданы за границей, эта ошибка могла появиться в результате редакторской правки.

Во-вторых, Сталин якобы сообщает, что Гитлер хочет сделать Польшу своим протекторатом, в то время как Гитлер в августе 1939 г. даже не заикался об этом. В-третьих, Литву советский вождь включает в советскую сферу влияния, хотя по известному нам тексту «секретного протокола» она отходила Германии. Наконец, Хрущев не упоминает никаких «секретных протоколов», утверждая, что раздел территории был зафиксирован в договоре. Что-то слишком много «неточностей» в одном абзаце. А ведь согласно общепринятой версии событий Хрущев лично участвовал в марте 1953 г. в разборе сталинского архива, где якобы хранились оригиналы «секретных протоколов». Как же он их проглядел?

Сталина, по всей видимости, не смущала цена, которую он заплатил, предав высокие нравственные принципы внешней политики, заложенные Лениным. Вместе с немецкой редакцией

---

[1] *Хрущев Н.* Время. Люди. Власть // http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/H/Hrucev/time/book1ch1/approach.html.

протокола он принял такие постулаты, как «сфера интересов», «территориально-политическое переустройство» и прочее, что до сих пор было детищем политики империалистических разделов и переделов мира.

Слова о нравственности из уст Яковлева звучат несколько странно. Но снова мы не видим ни малейших попыток доказать существование «секретного протокола». Дескать, комиссия пришла к выводам, что они были, но на основании чего сделаны такие заключения — ни слова. Есть лишь ссылка на провинциальный бульварный листок из Америки. Аргумент слабоват.

«Второму Рапалло» Гитлер предназначал сугубо утилитарную роль — выключить СССР как потенциального противника Германии на срок до двух лет. Неясно, почему Сталин не придал значения информации, поступавшей по разным каналам, что максимум через 24 месяца нацисты растопчут свои обязательства и нападут на Советский Союз.

Еще в июле 1939 года советская разведка предупреждала, что инсценировка добрососедства в отношении СССР и, в частности, уважения его интересов в Прибалтике рассчитана всего на двухлетний срок. На это же время немцами заключались с нами все экономические соглашения. Сталин не захотел вникнуть в эти факты.

Остапа понесло... Никто в Европе в тот момент не мог сказать, что будет через две недели. Гитлер не знал даже того, будет ли он воевать с Польшей, или она все же уступит в последний момент. Даже после заброски в Польшу диверсионных групп, он отложил начало вторжения. До последнего момента он придерживался позиции, что выполнение Варшавой условий ультиматума исключит применение силы. Гитлер не знал, как поведут себя Англия и Франция. И уж тем более, он не догадывался, что через два года ему предстоит воевать на востоке, так и не покончив с Англией на западе. Но советская разведка, по мнению Яковлева, это знала. А насчет экономических соглашений Яковлев откровенно брешет, срок полного погашения первого германского кредита, полученного в 1939 г. относился к 1946 г.

Давая свою редакцию протоколу, Гитлер готовил почву для того, чтобы столкнуть Советский Союз не только с Польшей, но и с Англией и Францией. До этого, слава богу, не дошло, хотя порой

наша страна была на волосок от подобного разворота событий, особенно после вступления частей Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину. И всякое могло стрястись, не остановись советские части на «линии Керзона», которая по Версальскому договору определялась как восточная граница Польши.

Вообще-то, «всякое могло стрястись» не во время польской компании, а в период советско-финской войны, когда англо-французы планировали бомбардировку нефтепромыслов в Баку и десант в Скандинавии. Если бы Красная Армия не остановилась на «линии Керзона», то это означало бы войну с Германией, а не с Англией и Францией. Советские войска даже не дошли до пресловутой «линии Керзона». Новая западная граница СССР стала не результатом военных успехов РККА, а следствием дипломатических усилий, в результате которых Германия уступила Советскому Союзу часть захваченных ею территорий (см. главы «Гальдер» и «Граница»).

Вернемся, однако, к теме 23 августа. Гитлера не воодушевила схема протокола, изложенная Молотовым, поскольку оставалось неясным, как прореагирует советская сторона, если вместо Польши на западной границе СССР будет Германия.

Молотовский вариант протокола вообще никому не известен, кроме Яковлева. Всего в пропагандистском обороте находятся две противоречащие друг другу версии. Первая, подкрепленная показаниями Гаусса, приписывает инициативу заключения «секретных протоколов» всецело Германии. По второй инициатором является Сталин, неожиданно для германской стороны предложивший 23 августа 1939 г. «распилить» Восточную Европу. Как при этом Гитлер мог ознакомиться с некой схемой Молотова, совершенно неясно.

Неопределенность советской позиции, судя по разведматериалам, побудила Гитлера не перенапрягать «нейтралитет» СССР развертыванием украинской проблемы. Больше того, в августе нацисты дали понять, что сочувствуют желанию украинцев и белорусов жить в воссоединенных семьях. То, что восстановление справедливости по отношению к Украине и Белоруссии соседствовало с «территориально-политическим переустройством» в других землях, не смутило Сталина.

А почему, собственно, Сталина это должно было смущать? Он вернул стране те земли, что были отторгнуты Польшей в ходе захватнической войны 1918—1920 гг. Проблемы поляков — это их головная боль и всецело результат их дурости.

Суммирую сказанное. В отличие от оценки секретных протоколов, по которой в комиссии было полное единство, относительно самого договора высказывались разные мнения.

Главное для Яковлева — внушить, что «секретный протокол» был, и он носил откровенно преступный характер. Он апеллирует к тому, что данный вопрос не вызвал никаких сомнений у всех 26 членов депутатской комиссии. А раз 26 депутатов, в течение полугода изучавшие «документы» и проводившие «экспертизы», пришли к однозначным выводам, то и всем остальным следует безоговорочно принять их точку зрения. И тут же докладчик резко уходит от темы, принимаясь смаковать нюансы самого Договора о ненападении

Первое — что в конкретных условиях того времени договор был правомерен политически. Политика Германии и Японии, позиция западных демократий не оставляла Советскому Союзу иного выхода. Руководство СССР обязано было принять меры для обеспечения безопасности страны, хотя бы оттянуть начало войны и использовать выигранное время для укрепления экономики и обороны.

И другое — что Сталин пошел на заключение договора о ненападении по иным причинам. Главным его мотивом было не само соглашение, а именно то, что стало предметом секретных протоколов: то есть возможность ввода войск в прибалтийские республики, в Польшу и Бессарабию, даже в перспективе в Финляндию. То есть центральным мотивом договора были имперские амбиции.

Яковлев нагло спекулирует. Даже в фальшивых протоколах нет ни слова о возможности ввести войска в Прибалтику и Бессарабию, не говоря уж о самом договоре. В Эстонии советские войска были размещены в соответствие с советско-эстонскими соглашениями. За Эстонией аналогичные договора заключили Латвия и Литва. Причиной войны с Финляндией стали ее откровенно враждебные действия, выразившиеся в срыве советско-финляндских переговоров и проведении мобилизации. Возвра-

щение Бессарабии стало возможно благодаря удачному стечению обстоятельств: Франция, гарантирующая неприкосновенность румынских границ, была разгромлена Германией, а сама Германия, связанная войной с Англией, настоятельно рекомендовала Бухаресту удовлетворить требования СССР. Немцы вовсе не хотели помогать Сталину, просто они панически боялись, что в случае военного столкновения с Румынией, Советский Союз захватит плоештинские нефтяные месторождения, лишив Германию жизненно важного для нее в условиях войны источника сырья.

Взвешивая слагаемые прошлого, выделяя уроки на будущее, Комиссия Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года пришла к следующим выводам.

Сам по себе договор с юридической точки зрения не выходил за рамки принятых в то время соглашений, не нарушал внутреннего законодательства и международных обязательств СССР. Юридически он утратил силу 22 июня 1941 года. Все советско-германские соглашения, какие существовали на тот момент, были полностью зачеркнуты с первым залпом орудий на рассвете 22 июня 1941 года. Это не только наша позиция. Это признанная норма международного права. Что касается послевоенной Европы, то строилась она на международно-правовых нормах, имеющих иные истоки, что отражена прежде всего в Уставе ООН и Заключительном акте общеевропейского совещания.

Другой вопрос, что у Сталина и некоторых людей из его окружения уже тогда могли быть имперские замыслы, чуждые принципам социализма. Но это выходит за рамки самого договора как международно-правового документа.

Точно так же к этой оценке не имеют отношения иллюзии, которым, судя по всему, предался Сталин после заключения соглашений 1939 года. Иллюзии, не позволившие должным образом использовать полученную мирную передышку, в значительной мере демобилизовавшие и дезориентировавшие антифашистские силы, что не могло не нанести ущерба последующей борьбе против гитлеризма и его союзников.

Вместе с тем ясно, что с заключением договора оказались нарушенными какие-то глубинные элементы демократического мироощущения в целом. Ни коммунисты, ни подавляющее большинство других левых сил и движений предвоенного времени, даже не зная и не подозревая о существовании секретных протоколов, не были готовы к тому, чтобы допустить саму возможность договоренности с Гитлером о чем бы то ни было.

Вот уж дудки! Левые партии в Европе порой очень охотно сотрудничали с Германией. Например, Французская коммунистическая партия с момента объявления Францией войны Германии в сентябре 1939 г. заняла ярко выраженную коллаборационистскую позицию. После оккупации Франции коммунисты даже пытались легализоваться при новом режиме, но безуспешно. Зато те коммунисты, которые вслед за вторым человеком в партии Жаком Дорио откололись от ФКП и создали Народную партию, настолько подружились с Гитлером, что отправились добровольцами воевать на Восточный фронт. Коллега Дорио, член Политбюро и секретарь ЦК ФКП, третий человек в партийной иерархии, Марсель Життон, после подписания советско-германского Договора о ненападении вообще порвал с ФКП и создал Нацистскую рабоче-крестьянскую партию. Другие страны тоже дали подобные примеры, хоть и менее яркие.

Не считаться с умонастроениями, этическими убеждениями общественности — значит становиться на позиции, которые рано или поздно оборачиваются нравственными и идейно-социальными потерями, что и произошло в действительности.

Политическая и правовая оценка советско-германского договора о ненападении дана в заключении комиссии и в проекте Постановления, предложенных вниманию Съезда. Это, как полагают члены комиссии, итог анализа фактов и синтеза мнений, адекватно передающий особенности крайне противоречивой ситуации того времени и нашего отношения к ней с позиций нового политического мышления.

Комиссия сформулировала оценки и в отношении протокола. Они таковы.

Первое. Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал, хотя его оригинал не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах. Имеющиеся в распоряжении правительств СССР и ФРГ копии могут быть на уровне современных знаний признаны достоверными. Да и сами последующие события развивались точно «по протоколу».

Все гораздо проще: текст «секретного протокола» лепился точно «по событиям». Фальсификаторы всегда стараются слепить содержание фабрикуемого документа так, чтобы подогнать его под реально имевшие место факты. В дальнейшем я покажу, что неверные, ошибочные представления о действительных событиях отразились и в фальшивках (см. главы «Граница», «Карта»,

«Сувалки»). Выше приводился фрагмент воспоминаний Хрущева, который выдумал слова Сталина «по событиям» осени 1939 г., набрехав про включение Литвы в советскую сферу влияния и намерение Гитлера создать протекторат на территории Польши. Да, так оно и произошло в дальнейшем, однако предвидеть этого в августе не мог никто.

Итак, это кульминация доклада Яковлева. Оригинал «секретного протокола» не обнаружен ни в Германии, ни в СССР. Копии «могут быть признаны достоверными», однако из этого вовсе не следует, что делалась попытка экспертизы их «на уровне современных знаний». Сам Яковлев не пытается утверждать, что в рамках работы комиссии проводилось исследование аутентичности представленных фотокопий. Более того, даже самим депутатам не был предъявлен текст пресловутого «секретного протокола», не говоря уж о фотокопиях из коробки фон Леша, чтоб они могли оценить его весомость хотя бы на глазок. А поскольку никто не мог ознакомиться с текстом «секретного протокола», который был опубликован лишь в 1990 г., докладчик мог голословно утверждать, что последующие события развивались точно «по протоколу», что и являлось главным доказательством их существования. Но, во-первых, как показано выше, события развивались совершенно не в русле известного нам «секретного протокола» от 23 августа, особенно в Польше. Во-вторых, даже если бы в сфабрикованной фальшивке точно описывались реально происходившие события, то это не может служить аргументом в пользу достоверности документа. Задним числом можно сочинить любые «протоколы сионских мудрецов», «завещание Петра I» или «план Даллеса».

Второе. Исходный протокол был составлен в МИД Германии и принят Сталиным и Молотовым с небольшими поправками. Советские участники переговоров, не к их чести, забыли свои изначальные пожелания о двойных гарантиях независимости прибалтийских стран. Они не настаивали на отражении в протоколе готовности Германии образумить Японию, удовлетворившись устными обещаниями Риббентропа на сей счет.

Ух ты! Выходит, Яковлев имел возможность лицезреть не только окончательный протокол, но и исходный вариант. А устные обещания Риббентропа образумить Японию, надо полагать, академик получил телепатическим путем. Впрочем, еще до приезда Риббентропа в Москву Красная Армия неплохо образумила японцев на Халхин-Голе и без посторонней помощи.

Третье. О факте подготовки протокола не ставились в известность политические и государственные инстанции Советского Союза. Молотов не имел должным образом оформленных полномочий на его подписание. Протокол был изъят из процедуры ратификации и не утверждался законодательными или исполнительными органами страны.

Четвертое. Будучи принят в обход внутренних законов СССР и в нарушение его договорных обязательств перед третьими странами, протокол в юридическом смысле являлся изначально противоправным документом, представлял собой сговор, выражавший намерения подписавших его физических лиц.

В таком случае государство не может нести никакой моральной или юридической ответственности за сговор физических лиц. Соответственно и Съезд народных депутатов не компетентен давать оценку этому акту, тем более, что факт его существования так и не был установлен.

Наконец, пятое. Метод выработки протокола и примененные в нем категории и понятия («территориально-политическое переустройство» и прочие) были явным отходом от ленинских принципов советской внешней политики.

Ну, почему же? Ленинские принципы внешней политики вовсе не отрицали силового вмешательства в дела суверенных стран. Азербайджан был суверенным государством, отколовшимся от Российской империи, однако в 1920 г. страна была оккупирована Красной Армией. Та же участь постигла Грузию и Армению. И как быть с ленинской идеей экспорта революции в Европу через труп панской Польши?

Верно, что народы Украины и Белоруссии возвратили себе территориальную общность. Но разве по тем же общечеловеческим меркам нельзя понять и чувства тех, кто оказался бессильной игрушкой более сильных, кто через призму содеянных Сталиным несправедливостей стал оценивать всю свою последующую историю?

Встав на путь раздела добычи с хищником, Сталин стал изъясняться языком ультиматумов и угроз с соседними, особенно малыми, странами. Не счел зазорным прибегнуть к силе оружия — так произошло в споре с Финляндией. В великодержавной манере осуществил возвращение в состав Союза Бессарабии, восстанов-

ление Советской власти в республиках Прибалтики. Все это деформировало советскую политику и государственную мораль.

Наверное, впервые о событиях трудного предвоенного времени говорится в столь жестких и безоговорочных формулировках. Но когда-то должна была быть сказана вся правда, даже самая горькая.

В этих абзацах заключен, как говорят политтехнологи, меседж всего послания. Итак, жертвами сталинского преступления объявлены Бессарабия и прибалтийские республики (до кучи и Финляндию записали в пострадавшие). Вообще-то никакой прямой связи между возвращением Москвой ранее утраченных территорий и советско-германским Договором о ненападении нет. Но идеологической атаке подвергся именно этот договор. Почему? Все очень просто. Если прямо обвинить СССР в оккупации Прибалтики, то придется доказать что советские гарнизоны были размещены в Прибалтике без соответствующих договоров, а парламенты этих стран не принимали решения о вхождении в состав СССР. Придется отрицать то, что у населения этих нищих карликовых бантустанов, где правили фашистские диктаторы, не было стремления установить советскую власть, что забитые батраки не хотели скинуть со своей шеи помещиков, а голодные безработные не желали иметь работу.

В отношении Бессарабии задача еще более усложняется. Придется доказывать, что эта территория не была оккупирована в 1918 г. в результате ничем не спровоцированной румынской агрессии, а также то, что молдаване, украинцы, русские и гагаузы были равноправными румынскими гражданами, не испытывали на себе дискриминации, не устраивали антирумынских восстаний и категорически не желали освобождения. Спасибо хоть, воссоединение украинских и белорусских народов Яковлев не счел сталинским преступлением, хотя это и было прямым следствием раздела Польши, тоже мечтавшей о воссоединении Украины, но под властью Варшавы.

Таким образом, прямо признать Прибалтику оккупированной и тем самым дать старт развалу Советского Союза было нереально. А вот если объявить, что «оккупация» Прибалтики стала результатом сговора Гитлера и Сталина, то все прочие факты можно просто не принимать во внимание. Гитлер — воплощение вселенского зла. Сталин благодаря усилиям того же Яковлева и кодлы прикормленных им «свободных журналистов» был к концу 1989 г. в достаточной степени демонизирован. Следователь-

но, если два исчадия ада решили судьбу Прибалтики, то это решение однозначно преступное.

То, что сговора не было — не беда. Надо сфальсифицировать пару протоколов и представить их общественности, как неоспоримое доказательство злодеяния века. Впрочем, есть еще более эффективный путь — фальшивки общественности не демонстрировать (мало ли, вдруг кто-то их разоблачит), а сфабриковать постановление высшего законодательного органа страны, осуждающего «преступный сговор». Мол, СССР сам признался в преступлении. Для этого, как видим, достаточно просто пустить пыль в глаза нескольким сотням депутатов, благо, что часть из них откровенные антисоветчики и сепаратисты (это будет видно по ходу прений после доклада Яковлева). Другая часть депутатского корпуса — политические проститутки и патентованные интеллигенты, достигшие такой степени умственной деградации, при которой они «схавают» любой бред, если он исходит из уст академика и члена Политбюро.

Секретный протокол от 23 августа 1939 года точно отразил внутреннюю суть сталинизма. Это не единственная, но одна из наиболее опасных мин замедленного действия из доставшегося нам в наследство минного поля, которое мы сейчас с таким трудом и сложностями хотим очистить. Делать это надо. Общественные мины коррозии не знают. Мы не можем не сделать этого во имя перестройки, ради утверждения нового политического мышления, для восстановления чести социализма, попранной сталинизмом.

«Делать это надо» — данные слова можно считать призывом взрывать Прибалтику. Вину заранее списали на Сталина — он, мол, заминировал, гад. И еще Гитлер ему помогал, подлюга.

Комиссия считает, что в результате проделанной работы вносится определенность в ряд вопросов, занимающих умы людей, сформулирован верный в правовом и нравственном смысле вердикт прежде всего секретному протоколу. Члены комиссии выразили эти свои выводы, взвешивая каждое слово и сверяя их со своими убеждениями.

Да уж, если рассмотреть персональный состав членов яковлевской комиссии, то об их убеждениях можно будет сказать очень лаконично — подонки. Не зря же Яковлев лично занимался формированием депутатского корпуса (административный

ресурс — он и тогда задействовался активно), причем основные усилия приложил именно в Прибалтике. Яковлевские протеже ярко проявят себя в прениях. А кто такой Яковлев, показано выше именно для того, чтобы читатель мог сам догадаться, каких типов этот деятель пропихнет в депутаты, кого он рекрутирует в свою комиссию. Уж поверьте, случайных людей туда не допустили.

Если Съезд сочтет возможным согласиться с предложениями комиссии, это дополнительно послужит очищению атмосферы от реликтов прошлого, несовместимых с социализмом и справедливостью.

Вам эти призывы ничего не напоминают? Польский профсоюз «Солидарность» провозглашал лозунги борьбы за социализм и справедливость. Так оказалось гораздо сподручнее покончить с социализмом. Да и перестройка в СССР начиналась под лозунгом «Больше социализма!». Результат известен.

Товарищи депутаты! В заключение хочу сказать следующее. История сама себе прокурор и судья. Но, погружаясь в нее, мы не можем абстрагироваться от того, что предвоенные события развивались в другой системе координат. Тогда страны еще не осознали себя в едином потоке человечества; ни общеевропейские, ни общемировые идеалы справедливости и гуманизма не пробились к общественному и особенно государственному сознанию; голос мыслителей, увидевших предел цивилизации, перекрывался топотом солдатских сапог и овациями в честь вождей; судьбы мира вершились замкнутыми группами политиков и политиканов с их амбициями и эгоизмом, демагогией и отстраненностью от масс; уделом народов многие хотели навсегда сделать обслуживание этих групп, да еще участие во взаимном истреблении.

Понадобилось ввергнуть мир в пучину безумия, прежде чем идея взаимосвязанности и судеб, и коллективных действий во имя избавления Земли от тирании и возрождения мира начала утверждаться как объективная истина.

Рано или поздно правда выходит на свет божий, фальшь отметается. Без такого нравственного очищения немыслимо развитие цивилизации. Сегодня признать это важнее, чем когда-либо прежде. Народы могут спокойно жить и быть уверенными в будущем только все вместе и никак не друг против друга.

Спасибо за внимание[1].

---

[1] «Правда», 24 декабря 1989 г.

Итак, резюмируем. Если отбросить призывы бороться за социализм и прочую демагогию про нравственность и общечеловеческие ценности, то в своем историческом экскурсе, обрисовывая канун начала Второй мировой войны, Яковлев не сообщил совершенно ничего нового. Школьные рефераты на эту тему бывают более содержательными и менее шаблонными. Политической оценки собственно договору о ненападении он не дал, да и как может быть дана политическая оценка событию, являющемуся достоянием истории? Разве можно дать сегодня политическую оценку практике рабовладения в Древнем Египте, принять политическое постановление по вопросу Куликовской битвы или по поводу Венского конгресса 1815 г.? Правовая оценка советско-германскому договору о ненападении дана примерно такая: его положения соответствовали нормам международного права, юридическую силу договор утратил 22 июня 1941 г. Вот и все.

Но это лишь обертка, в которую Яковлев завернул ложь о якобы установленном факте существовании «секретного протокола», и на этом шатком фундаменте выстроил целую теорию заговора двух диктаторов против маленьких невинных народов Прибалтики, которые тиран Сталин ради удовлетворения имперских амбиций на аркане затянул в свою тюрьму народов.

Ничего конкретного по поводу «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. и позднейших секретных соглашениях докладчик не сообщил. Фактически депутаты ознакомились лишь с позицией Яковлева по поводу мифического протокола, ни один конкретный факт, связанный с этим делом, рассмотрен не был. С текстом «секретного протокола» депутаты ознакомлены не были, равно как с данными графологической, фототехнической и лексическим экспертизами копий, карт и других документов, как то упоминается в Постановлении Съезда. О самом факте проведения этих экспертиз они извещены не были. То есть на основе голословного мнения Яковлева, прикрывшегося мнением марионеточной депутатской комиссии, Съезду народных депутатов было предложено принять постановление, из контекста которого следует:

а) Сталин обманул правительство, партию и весь советский народ, скрыв факт преступного сговора с Гитлером;

б) Сталин и его подручные каким-то таинственным образом использовали этот «секретный дополнительный протокол» для «предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств», при этом сохраняя факт наличия протокола в тайне;

в) пострадавшими от сталинского произвола являются Румыния и Финляндия, ставшие объектами имперской экспансии СССР, а также Литва, Латвия и Эстония, утратившие свой суверенитет в результате последствий, вытекающих из заключения советско-германского договора о ненападении;

г) Съезд народных депутатов осуждает действия Сталина, считает их неправильными, аморальными, принесшими вред народам Советского Союза, что нужно осознать во имя «свободного и равноправного развития в условиях целостного, взаимозависимого мира и расширяющегося взаимопонимания».

Да, прямых призывов денонсировать союзный договор или аннулировать Конституцию СССР выступление Яковлева не содержало, однако оно дало националистическим и сепаратистским движениям, и прежде всего в Прибалтике, отличный козырь в борьбе за отделение, что и было ими использовано в полной мере. В результате Советский Союз был уничтожен.

ПРЕНИЯ

Предлагаю ознакомиться со стенограммой прений по докладу. Свои комментарии я буду давать по ходу материала.

Председательствующий. *Есть ли вопросы к Александру Николаевичу Яковлеву? Есть. Пожалуйста.*

С места. *У меня вопрос к докладчику. Как известно, комиссии было поручено рассмотреть вопрос о пакте Молотова — Риббентропа и связанных с ним документах. Вы ограничили рамки рассмотрения 1939 годом. Но, как члену Политбюро, Вам известно, что в прибалтийских республиках созданы рабочие комиссии, считающие, что акты 1940 года о вхождении в СССР напрямую связаны с событиями 1939 года. Я попросил бы Вас ответить на вопрос: или Вы не знаете об этом, или же по каким-то мотивам не хотите здесь, на Съезде, затронуть эту проблему, которая, желаем мы того или нет, будет затронута в дискуссии по Вашему докладу.*

Яковлев А. Н. *Товарищ, я уже сказал о том, что мандатом Съезда определена следующая тема для нашего доклада: «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года». Вот этим мандатом комиссия и руководствуется.*

Председательствующий. *Пожалуйста, депутат Гольданский.*

Гольданский В. И., *директор Института химической физики имени Н. Н. Семенова Академии наук СССР, председатель Советского Пагуошского комитета, г. Москва (**от Советского фонда мира совместно с восемью советскими комитетами, выступающими за мир, солидарность и международное сотрудничество**). Александр Николаевич, ограничиваясь 1939 годом, хочу задать несколько вопросов.*

Первый вопрос. Не явилась ли отставка Литвинова в начале мая 1939 года уже вполне четким знаком того, что внешняя политика Советского Союза с ориентации на англо-французские связи коренным образом меняется и перестраивается на возможность заключения договора с Германией.

Второй вопрос. Вы говорили относительно различных оценок, относительно того, насколько Германия была готова к войне с Советским Союзом в 1939 году. Известно, что довольно широко распространялись сведения о том, что в 1939 году среди германского генералитета были довольно сильные настроения против Гитлера и против войны, в частности, с Советским Союзом. Назывались имена, скажем, Блумберга, других ведущих генералов. И было покушение на Гитлера в ноябре 1939 года. Вот с точки зрения этих фактов — каково значение советско-германского договора?

И наконец, третий вопрос. Не было ли дано со стороны Коминтерна каких-то инструкций коммунистическим партиям ряда стран после того, как был заключен договор Сталина с Гитлером,— относительно изменения их политики от антифашистской к политике, в которой как-то прослеживалась соглашательская с фашизмом линия?

***Яковлев А. Н.** Товарищи, я полагаю, у нас здесь не исторический симпозиум...*

***С места.** Да, да. (Шум в зале).*

***Яковлев А. Н.** Я только могу сказать, что комиссия имела дело с сотнями документов, документальных данных, в том числе впервые ставших известными в ходе изучения данного вопроса. Изложить их все — дело невозможное, они находятся в распоряжении комиссии.*

Что касается Коминтерна и его указаний коммунистическим партиям, то изучение их показывает, что они очень и очень противоречивы. Коминтерн был поставлен в очень сложную ситуацию. Он ведь не знал о секретном протоколе. Но все видели, что что-то происходит. И если вы возьмете эти указания, они то призывали к продолжению борьбы с фашизмом, сплочению антивоенных, антифашистских сил, то — в решениях отдельных компартий, скажем, Франции, насколько я помню, и Италии была такая резолюция, которая призывала к определенной сдержанности. Хотя через некоторое время Французская компартия изменила свою позицию.

Французская компартия изменила свое решение по приказу Коминтерна лишь после 22 июня 1941 г.

Изучение документов показывает всю сложность событий, все колебания, противоречивость принимаемых решений, рекомендаций и так далее. Поэтому я и счел возможным сказать, что

неизвестность, секретность этого протокола поставила в тяжелое положение все антивоенные, антифашистские демократические силы.

Логика просто потрясающая: о существовании «секретного протокола» никто даже не подозревал, но он поставил в тяжелое положение все антифашистские силы. Задача Яковлева — внушить, что секретные договоренности между Гитлером и Сталиным существовали. Поэтому он произносит слово «протокол», как заклинание, не вдумываясь в смысл произносимых фраз.

Председательствующий. *Пожалуйста, депутат Сухов.*

Сухов Л. И.*, член Комиссии Совета Союза Верховного Совета СССР по вопросам транспорта, связи и информатики* ***(Харьковский — Ленинский территориальный избирательный округ, Харьковская область).*** *Александр Николаевич, у меня такой вопрос. Вы говорили о том, что именно Франция и Англия отказывались сотрудничать с Советским Союзом. Как Вы считаете, можете ли Вы сегодня дать гарантию, что, если бы Советский Союз отказался заключить договор с Германией, Франция и Англия не заключили бы между собой соглашения и не напали бы на Советский Союз?*

Яковлев А. Н. *Я по специальности историк и, уважая эту науку, не могу гадать, как бы кто поступил и в каких обстоятельствах, тем более, если придется опрокидывать исторические события, свои размышления в прошлое.*

Как я вам уже сказал, история-то ведь в нашем анализе остановилась, она уже состоялась, она уже была. И мы поэтому можем лишь приложить к ней то или иное свое собственное мнение. Как бы Франция, Англия повели себя в тех или иных обстоятельствах — это сейчас сказать трудно. Мы знаем из документов только то, как они себя повели.

Председательствующий. *Спасибо.* ***(Шум в зале).*** *Третий микрофон. Пожалуйста, товарищ Йорга.*

Сухов Л. И. *Извините, я не закончил свою мысль и вопрос.*

Председательствующий. *Пожалуйста, депутат Сухов.*

Сухов Л. И. *Так как же мы сегодня говорим о том, что Советский Союз вошел в прибалтийские республики как завоеватель? Скажите, пожалуйста, имели ли советские люди преимущества перед людьми из прибалтийских республик? Например, когда*

Румыния воевала в составе Германии, то солдат Германии был выше, чем офицер Румынии.

С места. *Ничего не понимаю.* ***(Шум в зале).***

Сухов Л. И. *Как же так согласиться нам, советским людям, что мы завоеватели? Ответьте, пожалуйста.*

Председательствующий. *Почему мы завоеватели?*

Яковлев А. Н. *Я очень извиняюсь, но я не понял вопроса.*

(Шум в зале).

Депутат Сухов — простой харьковский рабочий. Политесам не обучен, и потому рубит с плеча. Суть дела он уловил четко — главный вопрос именно в прибалтийском сепаратизме. Но Яковлев, разумеется, эту тему поднимать не намерен. Он ведь радеет исключительно за восстановление «исторической правды» во имя социализма, мира и перестройки.

Председательствующий. *Будем рассматривать выступление Леонида Ивановича Сухова как реплику. Пожалуйста, депутат Йорга.*

Йорга Л. И.*, консультант отдела публицистики Союза писателей Молдавской ССР, г. Кишинев* ***(Кутузовский национально-территориальный избирательный округ, Молдавская ССР).*** *Уважаемые депутаты! Чтобы был понятен мой вопрос, я изложу несколько фактов...* ***(Шум в зале).***

Председательствующим. *Я прошу, депутат Йорга, я очень уважаю Вас, но прошу задать вопрос.*

Йорга Л. И. *Да, так вот вопрос зависит от фактов. Это одна минута.*

Председательствующий. *Пожалуйста, одна минута.*

Йорга Л. И. *Уважаемые депутаты, дело в том, что в 1917 году, когда были освобождены все колонии бывшей царской империи, была освобождена и Бессарабия.*

Россия не обладала колониями. Все подданные империи пользовались равными правами, при том, что обязанности у населяющих ее народов были неравными. Многие инородческие окраины, например, были освобождены от рекрутских наборов.

Это было официально признано телеграммой из Петрограда. Потом, в 1940 году, мы уже знаем, что случилось. Были попраны права демократической республики, которая была сформирована 2 декабря того же 1917 года.

«Демократическая республика», о которой стенает Йорга, прекратила свое существование в январе 1918 г. в связи с румынской оккупацией. Вряд ли даже все местные жители успели узнать, что они стали подданными какой-то республики. Если же речь идет о 1940 г., то Бессарабия была захудалой провинцией румынского королевства, а не республики.

Более того, в Киеве в 1917 году состоялся съезд всех освобожденных наций. И на этом съезде была принята программа этих наций, которая имела все наши теперешние требования. История повторяется. Было требование суверенитета наций, языка государственного, языка русского в качестве средства общения между нациями. Больше того, была признана национальная армия. Сейчас наши генералы удивляются этому.

Вопрос такой: если Бессарабия была колонией царской империи, почему сейчас Вы сказали, что она была возвращена, как будто она была собственностью Советского Союза, России? Дальше. Если в пакте указана только Бессарабия, почему вместо Бессарабии Сталин захватил еще и Молдавию, и Буковину? Между прочим, Бессарабия состоит только из областей Аккерман, Килия и Измаил, которые сейчас находятся на Украине.

Бред какой-то. Аккерман, Килия и Измаил находились в исторической области, называемой Буджак. В царской России существовала Бессарабская губерния — как раз в междуречье Прута и Днестра до побережья Черного моря. И это была именно губерния, а не колония. Можно, конечно, думать, что такие психически нездоровые крикуны действовали по собственному почину. Но я склонен считать, что они нагнетали истерию, дабы уйти от взвешенного обсуждения вопроса в соответствие с заранее разработанным сценарием.

***Председательствующий.** Ясен вопрос?*

***Яковлев А. Н.** Нет, абсолютно.*

***Председательствующий.** Тогда ответьте, как можете.*

***Яковлев А. Н.** Я хочу только еще, товарищи, сказать...*

***Председательствующий.** Внимание, товарищи, послушайте, пожалуйста.*

***Яковлев А. Н.** Прошу еще раз принять во внимание мандат нашей комиссии. Вы, Съезд, обозначили его очень четко: договор о ненападении 1939 года. Все мы понимаем, что эта тема такая,*

что можно выйти беспредельно за ее пределы, как до пакта, так и после него. Он дает для этого основания, но ваше поручение было конкретным: договор 1939 года.

Председательствующий. *Пожалуйста, вопрос. Одну минуту. Первый микрофон, последние вопрос. Все, товарищи.*

Иргашев А. К., *управляющий трестом «Узбекгидроэнергострой», г. Ташкент* ***(Ташкентский — Октябрьский национально-территориальный избирательный округ, Узбекская ССР).*** *Уважаемый Александр Николаевич! Вы уже остановились на этом моменте, но я все же еще раз хотел уточнить и получить ответ. Вот Вы в проекте Постановления своей комиссии пишете, что подлинные протоколы не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. И в то же время в пункте 7 проекта Постановления написано, что «Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола». Является ли правильным писать, что Съезд осуждает несуществующие документы? Ведь если их не могли найти в архивах Советского Союза, то, наверное, можно было бы найти в архивах Германской Демократической Республики или Федеративной республики Германии.*

Вопрос совершенно закономерный, но задан в какой-то казуистической манере. То ли депутат сомневается в существовании «секретных протоколов», то ли выражает недовольство работой комиссии, которая плохо их искала.

Председательствующий. *Спасибо. Ясен вопрос?*

Яковлев А. Н. *Ясен.*

Иргашев А. К. *Я прошу извинить, тут как раз и замечание члена комиссии имеется. При подписании проекта Постановления товарищ Кравец написал: «Считаю, что Постановление Съезда должно содержать лишь пункт 1». То есть нет единства и среди членов комиссии по этому вопросу.*

Яковлев А. Н. *Двадцать пять членов комиссии считают, что нужно принять Постановление в целом. Товарищ Кравец, не возражая против существа сделанных выводов, сделал приписку, что стоило бы ограничиться принятием пункта 1, дабы поддержать выводы комиссии, изложенные в объяснительной записке. Поэтому Съезду решать, как тут быть, какое принять решение — это уже функция Съезда народных депутатов СССР.*

А насчет первого вопроса...

Председательствующий. *Вопрос о судьбе протокола.*

Яковлев А. Н. *Понимаете, товарищи, в проекте Постановления ведь есть четкое разграничение: одно дело — отношение к договору. Комиссия пришла к выводу, что он ничего особенного не представлял с точки зрения принятой в то время международной практики. И это я попытался рассказать здесь, стоя на трибуне.*

Что касается секретного протокола, то это уже совсем другое дело. Будучи изъятым из процедур, будучи явным сговором между двумя субъектами переговоров, он является противоправным и изначально незаконным. Поэтому мы даем политическую оценку и предлагаем принять формулу его осуждения, ибо это противоречило всем принципам ленинской внешней политики.

Ответа по существу Яковлев не дал совершенно никакого, однако депутат Иргашов был этим отсутствием ответа удовлетворен. В публичных дискуссиях часто применяется такой манипулятивный прием, когда острый вопрос по договоренности задает подсадная утка. Ответчик разводит демагогию, задавший вопрос делает вид, что удовлетворен ответом. Если в дальнейшем кто-то попытается задать тот же вопрос, можно отмахнуться: мол, мы это уже обсуждали, что тут повторять — комиссия, дескать, работала, факт установлен, давайте обсуждать проект Постановления, а не углублять историческую дискуссию.

Председательствующий. *Больше вопросов нет?*

С места. *Нет.*

Председательствующий. *Прошу садиться.*

Яковлев А. Н. *Все, да?*

Председательствующий. *Да, все. Спасибо. <...> Объявляется перерыв на 30 минут.*

(После перерыва)

Председательствующий. *Товарищи депутаты! Приступаем к обсуждению сообщения Комиссии Съезда по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. Но прежде чем приступить к обсуждению, я хотел бы зачитать поступившие в Президиум записки.*

Первая записка. «Учитывая глубокий, всесторонний и взвешенный характер доклада товарища Яковлева, а также неуместность попыток выхода за рамки поручения первого Съезда, считаем возможным прения не открывать, а ограничиться принятием Постановления. Депутаты Владиславлев и Бурлацкий».

Второе предложение: «Предлагаю прения по докладу Александра Николаевича Яковлева не открывать. Принять предложенный комиссией проект Постановления. Депутат Кириллов».

Кроме того, несколько депутатов в перерыв подошли и сказали — посмотрите на проект, он подписан всеми членами комиссии, завизирован, за исключением одной маленькой оговорки. Все остальные члены комиссии согласны с этим. Поэтому депутаты предлагают не открывать прения. Но я должен с вами посоветоваться. Кто-нибудь настаивает на открытии прений? С места. Нет!

***Председательствующий.** Вы настаиваете, товарищ Коган?*

***С места.** Нет.*

Яковлевцы стремятся всячески избежать обсуждения. Ведь в зале есть и неподконтрольные им депутаты. Могут возникнуть действительно неудобные вопросы.

***Председательствующий.** Но два депутата, Клоков и Еремей, насколько я вижу, настаивают на обсуждении. Значит, я должен поставить на голосование: открывать прения или не открывать? Наверное, так, товарищи?*

***С места.** Да!*

Председательствующий. Хочу предложить следующее. Если сейчас мы не будем открывать прения, то обсуждать Постановление мы обязаны. Я ставлю на голосование предложения, поступившие от депутатов, фамилии которых я назвал: прения по этому вопросу не открывать, а перейти непосредственно к принятию решения. Кто за это предложение, прошу проголосовать.

***Председательствующий.** Принимается предложение — прения по этому вопросу не открывать, а непосредственно перейти к обсуждению Постановления, которое имеется у депутатов.*

Результаты голосования
Проголосовало «за» 1670
Проголосовало «против» 109
Воздержалось 26
Всего проголосовало 1805
Не голосовало 1

Депутатское болото проявляет инертность. Дискуссии получилось избежать, от сути вопроса удалось свести дело к обсуждению формулировок постановления. Интриги нет, попытка депута-

та Сухова атаковать Яковлева оказалась неудачной. Неслучайно этот очень важный вопрос о принятии Постановления по договору присутствует в повестке предпоследнего дня работы съезда. Депутаты уже устали от многочасовых заседаний, наорались, наспорились, им уже хочется скорее проголосовать и ехать домой — через несколько дней Новый год.

Слово имеет депутат Клоков.

***Клоков В. И.**, главный научный сотрудник Института истории Академии наук Украинской ССР, г. Киев **(От Всесоюзной организации ветеранов войны и труда)**. Дорогие товарищи, вопрос не такой легкий, как кажется, вопрос сложный, накладывающий отпечаток на все будущие исследования, на оценку, может быть, самой большой и славной страницы — и героической, и трагической в нашей истории. Договор 1939 года, с чего началась война, потом цепная реакция — Великая Отечественная и так далее. И Великая Победа нашего народа. Я полностью согласен с тезисами доклада, вернее, с содержанием доклада, который был здесь произнесен. Он гораздо лучше отражает политическую оценку того времени, чем даже тот текст, который мы имеем. Но я категорически не могу согласиться с пунктом 2 Постановления нашего Съезда, если он будет только так звучать, без анализа сложнейшей политической обстановки, которая вызвала все перипетии заключения договора 1939 года. Свидетельством этого служит и вопрос, который задавал депутат Сухов, и вопросы, которые могут задать, миллионы наших граждан, испытавших на себе все ужасы войны и фашизма. Я позволю себе обратить ваше внимание на текст, характеризующий политическую оценку договора. Съезд народных депутатов соглашается с мнением комиссии, что договор имел объявленной целью отвести от СССР угрозу надвигающегося вооруженного конфликта. В конечном счете эта цель не была достигнута, а иллюзии, порожденные наличием обязательств, усугубили последствия. Что я вижу в этом? я вижу в этом прямое обвинение в адрес нашей страны, нашего народа в развязывании Второй мировой войны. Где тут главный виновник развязывания войны? Где тут агрессивность фашизма, пробивавшегося к мировому господству? Это первый вопрос.*

Второй вопрос. Можно ли только на действиях правительств, только на словах «посол сказал — посол ответил» и так далее основывать политическую оценку договора? А где же тут народы, где их участие в этом историческом процессе, без которого нельзя дать политической оценки? Поэтому я предла-

гаю Съезду принять к сведению выводы комиссии и этим ограничиться. А дальше дать текст устного выступления, которое здесь прозвучало, то есть еще неполной, но все же приближенной к правде оценки, иначе на исследователей будут надеты новые цепи. Раньше это были цепи запрета на негативные публикации о нашей истории, а теперь будет запрет публикаций положительных. Спасибо.

Председательствующий. *Кто еще имеет слово по этому проекту? Депутат Петрушенко, пожалуйста.*

Петрушенко Н. С. *Уважаемые товарищи! Я считаю, что было бы целесообразным ограничиться только первым пунктом. Но если уж ставят вопрос, что нужны, может быть, И пункт 5, или пункт 6, или пункт 7, то отдельным пунктом надо записать, что кое-какие силы пытаются сейчас использовать договор для увязывания с совершенно другими событиями.*

На мой взгляд, надо было бы дать оценку тем событиям, которые происходят сегодня вокруг этого договора. Я в этом убежден потому, что в Постановлении первого Съезда народных депутатов СССР говорилось с создании Комиссии для выработки политической и правовой оценки заключенного в 1939 году советско-германского договора о ненападении и связанных с ним документов. Но, как вам известно, с этик договором связан и ряд документов, принятых в 1989 году в прибалтийских республиках. Я предлагаю дать им оценку. Вот передо мной эти документы. В одном из них в частности, без всякого на то основания, утверждается что «созданные в результате обмана и насилия «Декларация о вхождении Латвии в Союз Советских Социалистических Республик» Сейма Латвии от 21 июня 1940 года и «Закон о включении Латвийской Советской Социалистической Республики в состав Союза Советских Социалистических Республик» Верховного Совета СССР от 5 августа 1940 года являются незаконными с момента их принятия».

К аналогичным выводам пришли и комиссии Литвы и Эстонии. Вот на этом, я думаю, нам и следует заострить внимание. Почему я так считаю? Коль была создана комиссия, то она должна была дать оценку и этим документам. У нас они имеются, поскольку к обсуждению готовились не только прибалтийские республики, как это было на первом Съезде народных депутатов, но и мы. В этой связи я позволю себе зачитать не только пункт 1 Закона СССР от 3 августа 1940 года, но и пункт 2, который гласит: принять предложение Верховного Совета Белорусской ССР с передаче в состав союзной Литовской Советской Социалистической

Республики Свенцянского района и части территорий с преобладающим литовским населением Видзовского, Годутишковского, Островецкого, Вороновского, Радунского районов Белорусской ССР. Раз в республиках Прибалтики настаивают на том, чтобы отменить весь закон как незаконный, давайте мы удовлетворим просьбу и отменим не только первый пункт, но и второй.

Почему я об этом завел речь? Потому что, на мой взгляд, связывая договор 1939 года с договором 1940 года, в прибалтийских республиках совершенно не думают о тех политических последствиях, которые их ожидают. Для примера скажу, что в 1972 году этому договору не стали давать оценку в парламенте Федеративной Республики Германии, несмотря на настоятельное предложение господина Штрауса. Но если прибалтийские республики так сильно в этом заинтересованы, то тогда можно будет и дать оценку. Мое мнение сводится к тому, чтобы ограничиться первым пунктом. Если будут настаивать на остальных пунктах, то тогда я внесу еще предложение. У меня их в запасе, поверьте, не один десяток. ***(Смех в зале).***

Так, кажется, появилась реальная оппозиция яковлевцам. Депутат Петрушенко не ставит под сомнение существование «секретных протоколов», но поднимает очень болезненные для сепаратистов вопросы. Если литовцы связывают Договор о ненападении с «оккупацией» своей республики, то надо помнить, что эта «оккупация» обернулась для них существенными территориальными приобретениями.

Председательствующий. *Кто еще просит слово? Товарищ Еремей? Пожалуйста.*

Еремей Г. И., *председатель Молдавского республиканского совета профсоюзов, г. Кишинев* ***(Британский национально-территориальный избирательный округ, Молдавская ССР).*** *Уважаемые народные депутаты! Я могу только сожалеть, что на обсуждение процедурных вопросов и повестки дня Съезда мы тратим по полтора-два дня, а когда доходим до серьезных вопросов, то спешим и не даем высказаться всем, чтобы разрешить очень много проблем, которые важны как для каждого региона, так и для нашей союзной республики.*

Комиссия имела мандат первого Съезда, чтобы разобраться в договоре 1939 года. Но, учитывая то, что были подписаны секретные протоколы, которые охватывают период 1939—1941 годов, я прошу депутатов поддержать предложенный проект По-

становления комиссии и объяснительную записку или выводы, которые представлены на рассмотрение Съезда.

Я не имею в запасе столько проектов и вариантов, сколько их имеет коллега депутат, но я ощущаю боль людей, боль своего народа. Что я прошу? В ходе работы комиссии неоднократно высказывалась мысль о том, что вопросы, касающиеся вхождения прибалтийских республик в состав СССР, воссоединения народов Украины и Белоруссии, возвращения СССР Бессарабии — это отдельные, самостоятельные вопросы. Именно так они и должны исследоваться. Поэтому я прошу Съезд, призываю делегатов отнестись с подниманием и доверием к результатам работы комиссии и поддержать предложенный проект Постановления о политической и правовой оценке советско-германского договора 1939 года. Однако, учитывая возникшую необходимость аналогичной оценки, а такого мнения и Министерство иностранных дел СССР, и других соглашений, актов и документов 1939—1941 годов, предлагаю продлить мандат комиссии первого Съезда либо созвать новую для продолжения начатой работы. Это нам необходимо для восстановления исторической правды. Спасибо за внимание.

***Председательствующий.** Депутат Липпмаа. Пожалуйста.*

***Липпмаа Э. Т.**, директор Института химической и биологической физики Академии наук Эстонской ССР, г. Таллин **(Таллинский Центральный национально-территориальный избирательный округ, Эстонская ССР)**. Уважаемый Съезд! Это исторический документ, который мы рассматриваем теперь. Очень важно одобрить это постановление. Мы должны проявить принципиальность. Можно понять сговор с Гитлером в 1939 году но нельзя понять продолжение этого сговора 50 лет позднее. Этого мы не должны делать. Поэтому абсолютно необходимо его осуждение. Мы не можем просто одобрить первый пункт, как товарищ Кравец хочет. Он зря озабочен границей Украины. Она был а оговорена в Ялте, и, я думаю, там больших проблем нет. Кроме того, Гельмут Коль тоже недавно выразил надежду, что западные границы Польше твердые, так что, я думаю, особых проблем здесь нет.*

Мы должны признать, что был сговор. Но теперь надо конструктивно работать, чтобы определиться, как жить дальше. Это касается экономики, военных тем, национальных вопросов, глобальной политики. Сказать теперь, что мы сами хотели быть участниками сговора, — это просто оскорбление. А оскорбление стран и наций, больших и маленьких, никогда не может

быть мудрой политикой и лучше этого не делать. Давайте работать все-таки конструктивно. Для того чтобы создать хорошую базу для взаимного доверия во всем мир, а это нам крайне важно теперь. Надо одобрить Постановление в целом, как есть, со всеми пунктами без изменений. Тем более что они одобрены комиссией, всеми специалистами, а это веский довод в том, что это мудрое, продуманное и нелегкое решение. Кроме того, это намного увеличивает авторитет наших действий и содействует росту доверия к нашей стране.

Есть, конечно, и другой аспект — продолжение работы. Конечно, это имеет смысл, работа всегда продолжается. Но это уже другой вопрос. Я уже подчеркнул, что сейчас действительно важно. А пересказывать еще раз все, что уже было сказано, вряд ли имеет смысл. Например, подлинность подписи Молотова на сохранившихся в ФРГ фотокопиях подтверждается специалистами. Это есть и в письме товарища Шеварднадзе товарищу Яковлеву. Это нужно знать, но, я думаю, это уже детали, и не хочу вникать в эти детали. Поэтому я еще раз призываю Съезд одобрить Постановление в целом. Спасибо.

Этот негодяй — настоящий мастер демагогии. Из всего несвязного набора слов следует только то, что Постановление надо принять, потому что это будет проявлением политической мудрости. Аргументация же довольно слабая: дескать, подлинность подписи Молотова на фотокопиях подтверждается специалистами. Приводится даже фамилия специалиста — Шеварднадзе, который мало того что эксперт по подписям, но еще и министр иностранных дел (правда, 20 декабря 1989 г. Шеварднадзе, подал в отставку). А раз министр написал в письме Яковлеву, что подпись подлинная, значит Постановление надо принять. Кстати, через несколько лет все стали хором говорить, что именно Липпмаа предоставил доказательства подлинности подписи Молотова, поскольку, дескать, владел целой коллекцией его автографов. Сам же Липпмаа, как видим, придерживался другой легенды.

На самом деле Липпмаа городит полную чушь: определить подлинность подписи по фотокопии совершенно нереально, и ни один специалист под этим не подпишется, иначе он потом нигде на работу по специальности не устроится — его за профессионала никто считать не будет. При фотомонтаже это делается элементарно: фотографируется настоящая подпись Молотова на подлинном документе, а при печати снимка на фотобумагу одновременно проецируется изображение фальшивого докумен-

та и подлинная подпись. Поэтому нигде в мире экспертизы автографа по фотокопии не делают. Не проводилась такая экспертиза и яковлевской комиссией. Липпмаа это, конечно, отлично знает, но брешет.

Реальная же причина того, что Молотов расписался латиницей заключается в том, что изображения «секретных протоколов» были впервые опубликованы американцами, и для западного обывателя подпись Molotov или Molotow (известны два варианта) на изображении выглядит более убедительной. А цель была именно в том, чтобы придать фальшивке убедительный вид.

Председательствующий. *Пожалуйста. Одну минутку, я предоставлю слово депутату.*

С места. *Уважаемые товарищи депутаты! У меня одно очень маленькое и, на мой взгляд, очень принципиальное замечание по пункту 2 проекта Постановления. Он начинается словами: «Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации...». Дальше я прошу добавить: «военных действий в Азии и надвигающейся войны в Европе». Нам нельзя сбрасывать со счета Халхин-Гол. Это тоже было в 1939 году. Не надо приуменьшать опасность, которая нависла над нашей Родиной в 1939 году. Спасибо.*

Председательствующий. *Так, поправка. Пожалуйста.*

Инкенс Э. Э., *старший редактор главной редакции телевизионно-информационных передач Государственного комитета Латвийской ССР по телевидению и радиовещанию, г. Рига* ***(Цесисский национально-территориальный округ, Латвийская ССР).*** *Я считаю, что комиссия подготовила очень хороший отчет и дала нам представление о той ситуации, которая была перед войной в Европе. И это очень честный взгляд на ситуацию, и Сталин со своим окружением, и Гитлер готовились к войне, были готовы занимать плацдармы и разделять Восточную Европу, взяв под свое крыло. Бессарабию, часть Финляндии, Прибалтику. Но это было в 1939 году. Война давно закончилась, а территориальная ситуация в СССР сохранилась как в 1939 году. Конечно, невозможно подумать, что здесь, на этом Съезде кто-то представлял бы еще другую точку зрения. Но в 1939 году существовали и другие стороны.*

Это, например, Латвийская республика. Здесь ее никто не представляет, поскольку она уничтожена. Но это не так. То, что де-факто она сейчас не существует, не значит, что она во-

обще не существует, поскольку инкорпорация в Советский Союз прибалтийских республик не признается цивилизованным миром. Латвийская республика живет в душе тех людей, которые борются за ее независимость. Это Народный фронт Латвии, это часть депутатов Латвии. Поэтому я полагаю, что для балтийских стран, поскольку они сохраняют сейчас свой территориальный статус в Советском Союзе, война в какой-то мере не закончилась. Сумерки невозможно отделить от ночи, и 1939 год мы не можем отделить от 1940 года. Я предлагаю продолжить работу комиссии и, принимая во внимание, что высшие органы власти трех прибалтийских республик высказывали свои мнения по этому поводу, привлекать также специалистов от Верховных Советов этих республик.

Да, видно, что прибалты занервничали. И их понесло — прозвучал открытый призыв развалить Советский Союз. Вот это зря, надо было вести себя сдержаннее, все шло как по маслу. Но именно это истерическое выступление Инкенса и взорвало ситуацию. Апатичные депутаты очнулись.

***Председательствующий.** Спасибо. Кто еще хочет высказаться? **(Шум в зале)**.*

***Председательствующий.** Сейчас я дам вам слово. Пожалуйста.*

***С места.** Дорогие товарищи народные депутаты! Я задал вопрос председателю комиссии относительно секретных протоколов, но, к сожалению, ответа не получил, да и не мог получить, потому что, как сказано на первой странице проекта Постановления, подлинного протокола не обнаружено ни в советских, ни в зарубежных архивах. Поэтому я считаю, если такого документа не обнаружено, заявлять о том, что Съезд народных депутатов осуждает подписание секретного дополнительного протокола от 23 августа, то есть несуществующего документа, я считаю, неправомочно. (Шум в зале).*

***С места.** Точно так же и по пункту 8. Очевидно, история не кончается только нашим Съездом. Через несколько лет, через 50 лет опять появятся комиссии, которые скажут, что было принято решение по несуществующему документу, я прошу это исключить.*

***Председательствующий.** Пожалуйста.*

Семенов В. М.**, первый секретарь Гродненского обкома Компартии Белоруссии **(Гродненский территориальный избира-

тельный округ, Гродненская область). *Я по мотивам голосования. Уважаемые товарищи народные депутаты! По пункту 4 одно маленькое замечание. Там говорится: «Равно как и другие советско-германские договоренности 1939—1941 годов». По это означает противоречие темы обсуждения принимаемому документу. Как доложил нам товарищ Яковлев, мы рассматриваем только договор 1939 года и секретное соглашение. Остальные документы мы не рассматривали и не вправе говорить о них в нашем решении.*

Второе замечание — по пункту 7 во втором абзаце: «но были использованы предвоенным советским руководством для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств» — толкуется слишком расширительно. Поскольку предвоенное советское руководство было и во время войны, и после войны, и мы ставим под сомнение очень многие соглашения, включая ялтинские, тегеранские и прочие. По пункту 8 я согласен с выступавшими до меня — его нельзя включать в Постановление, он требует дополнительного обоснования.

Председательствующий. *Пожалуйста.*

Сандурский Б. Ф., *генеральный директор производственного объединения «Башнефть», г., Уфа (Бураевский территориальный избирательный округ, Башкирская АССР), я поддерживаю предложения депутатов, которые предлагали оставить в проекте только пункт 1, не комментируя других, и прошу поставить этот вопрос на голосование.*

С места. *Правильно!*

Председательствующий. *Пожалуйста. Сейчас я дам вам слово.*

Шишов А. А., *пенсионер, председатель Краснодарского краевого совета ветеранов войны и труда.* ***(От Всесоюзной организации ветеранов войны и труда).*** *Товарищи депутаты! Я считаю, что наши Съезды — это событие истории. Мы с вами тоже сейчас делаем историю государства, и поэтому надо относиться ко всем документам, соблюдая историческую точность. Я бы поступил так: предложил подтвердить, что договор о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года, а также договор о дружбе и границах от 28 сентября 1939 года, равно как и другие советско-германские договоры 1939—1941 гг., в соответствии с нормативами международного права утратили силу в момент начала Германией войны против СССР. Все то, что сказано о «тайном», имевшем место, я не отрицаю. Может быть, все и было, но исторически это не доказано. И не надо делать ак-*

цент на том, что прошло, что кануло в вечность. Пусть останутся в истории именно подлинники, а не домыслы нашего Съезда. ***(Аплодисменты).***

Ситуация окончательно вышла из-под контроля. Ох и напортачил горячий депутат Инкенс своими сепаратистскими проповедями!

Председательствующий. *Депутат Вульфсон, сейчас я дам Вам слово. Обождите одну минуточку...*

Сидоров А. А.*, пенсионер, председатель Свердловского городского совета ветеранов войны и труда, г. Свердловск.* ***(От Всесоюзной организации ветеранов войны и труда).*** *Я прошу обратить внимание вот на такой момент. Идет обсуждение двух пунктов. Если в Постановлении будет один или два пункта, то корректировки последующих, видимо, не потребуется.*

Если будет рассматриваться тот проект, который нам выдан, я считаю, нельзя принимать следующую часть пункта 3: «Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Но в свете документов и материалов 1939—1941 годов из советских и зарубежных источников не вызывает сомнений существование секретного протокола и достоверность сохранившейся его копии». Как же так, ничего не существует и в то же время «не вызывает сомнения». Я предлагаю здесь таким образом записать: «Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Лишь в свете документов и материалов 1939—1941 годов из советских и зарубежных источников, предполагается существование секретного протокола». Не утверждать, что такой протокол был.

Стоит обратить внимание, что противники принятия Постановления говорят логично, связно, строго по существу вопроса, предлагают конкретные предложения по изменению текста Постановления.

Председательствующий. *Депутат Вульфсон, я дам Вам слово. У нас краткие выступления. Прошу Вас, только по мотивам голосования. Пожалуйста.*

Вульфсон М. Г.*, старший преподаватель Академии художеств Латвии, г. Рига* ***(Кировский национально-территориальный избирательный округ Латвийской ССР).*** *Уважаемый председатель. Уважаемые товарищи депутаты. Я, очевидно, наивный*

человек, потому что мне показалось, что после виртуозного выступления Александра Николаевича Яковлева вопрос, который мы сегодня обсуждаем, мог бы всем нам помочь лучше понять позицию жертв сделки 23 августа 1939 года — балтийских народов. И прекратить наконец охоту за латышскими, эстонскими и литовскими «ведьмами». И не искать в Балтике образ врага, без которого, очевидно, не так легко обойтись некоторым из моих коллег здесь, в зале. Нет для вас врага в Балтике, нет. Нужно прекратить такие разговоры. Потому что каждый камень, который бросается в нас, он отдается и в Латвии, и в Эстонии, и в Литве возгласами возмущения. Так же, как тот фильм, который был показан о событиях в Прибалтике в ночь на 14 декабря. Ложный фильм. У меня в гостинице лежит папка телеграмм с возмущением простых людей, с тысячами подписей тех, кто смотрел этот фильм. Поэтому давайте не будем...

Председательствующий. *Я вас прошу...*

Вульфсон М. Г. *...давайте остановимся и разберемся с этим вопросом. Я считаю, что заключение Комиссии по политической оценке советско-германского договора о ненападении имеет для советского народа, я подчеркиваю, для советского народа огромное значение. Мы с вами теперь переживаем час истины. И не дадим себя сбить, ведь Съезд народных депутатов сегодня делает еще один, я сказал бы, важнейший шаг, способствующий очищению нашего сложного прошлого от фальшивых легенд. Десятилетиями и до сегодняшнего дня некоторые товарищи прикрывают антиленинские, преступные действия клики Сталина-Молотова в роковой для всего человечества Второй мировой войне.*

Да, с тех пор действительно прошло полвека. И сегодня в Кремлевском Дворце, как в уважаемом Президиуме, так и в зале мало живых свидетелей тех дней, пепел которых стучит в сердца балтийских народов. Я один из них, коммунист с пятидесятилетним стажем. Я 50 лет в партии, свидетель и участник событий этой тяжкой годины, полагаю, что мы, живые свидетели, можем дать, по-видимому, более точную оценку тем сделкам, которые были заключены 23 августа и 28 сентября 1939 года здесь, в Московском Кремле. Не забудем этого.

И вот позорное последствие сговора двух алчных, жестоких тиранов двадцатого века. Речь идет о тайных соглашениях между сталинской кликой и руководителями фашистской Германии по полному разделу Восточной Европы на так называемые сферы интересов. По этим соглашениям Финляндия, Эстония, Латвия, а затем и Литва были включены в сферу влияния Советско-

го Союза. Был предначертан раздел Польши, присоединение Бессарабии. Именно эта сделка была той тайной, в которой родилась Вторая мировая война

Тайна превращалась в действительность поэтапно. Вы это знаете. ***(Шум в зале)****. Если вы мне не даете сказать... Я, конечно, уважаю ваше мнение, но мне хочется сказать об одном. По Центральному телевидению выступал один высокопоставленный представитель...*

Председательствующий*. Пять минут прошло.* ***(Шум в зале)****.*

Вульфсон М. Г. *Дайте мне еще одну минуту.* ***(Шум в зале)****.*

Председательствующий. *Пожалуйста, продолжайте.*

Вульфсон М. Г. *Неужели это неуважение к малочисленным народам будет нашей главной линией? Здесь, товарищи, моими устами говорит жертва этого сговора. Неужели к этому нет никакого уважения? Я призываю вас одобрить заключение комиссии, в которой сначала расходились мнения, в которой шла острая дискуссия, в которой участвовали представители как прибалтийских республик, так и других, представители великого русского народа, которые отстаивали его честь в лучшем смысле этого слова. 24 человека против 1 проголосовали за это решение комиссии. Неужели сегодня вы дадите вбить в себя сомнения после такой длительной, трудной, кропотливой, честной и верной работы? Неужели у вас сегодня есть сомнения в том, что был протокол, что была договоренность, что ввели войска в эти страны в точные дни, в точное время? Вы думаете, это все были случайности?*

Я участник этих событий. Я убедился в этом после того, как все сверил. Все, как в протоколе написано, с которым пришлось, правда, познакомиться позже. Произошло точно, минута в минуту. Так что здесь любые сомнения несправедливы. В своих руках я держал пленку, в Бонне в архиве ее сфотографировали. В ее достоверности не может быть сомнений, потому что рядом с ней разные документы договоров, заключенных между царской Россией и Германией. Они спешили — Берлин бомбили. Быстро все это снимали на пленку, которая осталась. Так что здесь сомнений нет. Все, что написано, так и произошло. Почему нам сомневаться? Если я договорюсь с сидящими передо мной встретиться у гостиницы «Москва», мы ведь встретимся не случайно. Так и эти встречи были по договоренности. Я призываю вас голосовать полностью за наше предложение. Мы смоем пятно стыда, скажем правду нашему народу. Спасибо. ***(Аплодисменты)****.*

Кто говорит, что прибалты — меланхолики? На съезде они устраивают форменную истерику. Хотя Вульфсон чистопородный еврей. Этот тип до того договорился, что объявил себя живым свидетелем подписания «секретных протоколов». Аргументация у него тоже сверхубедительная: раз он подержал некую пленку, отснятую в архиве Бонна, и рядом с ней лежали царские договора, Берлин бомбили, они спешили, все сошлось минуту в минуту, он все сверил, хотя увидел протокол позже и сидящие встретятся у гостиницы неслучайно — значит надо признать работу Яковлева виртуозной. Есть такое психическое заболевание — шизофразия называется. Первое впечатление, что депутат Вульфсон злостно уклоняется от психиатрического обследования. Но потом я узнал о нем больше: профессор марксистско-ленинских наук (преподавал историю КПСС в академии художеств), журналист с 60-летним стажем, телеведущий, блестящий лектор, один из популярных эстонских политиков. Такие люди косноязычием не страдают.

Тогда почему он, самый информированный член комиссии Яковлева, дважды ездивший в Германию, побывавший в политическом архиве ФРГ, державший в руках микрофильмы, не может связно сказать и двух слов? Так потому и не может, что сказать нечего. Скажешь ненароком чушь, какой-нибудь дотошный депутат зацепится за слово, и пошло-поехало. Вместо членораздельной речи он камлает, как заправский шаман. Его задача — не объяснить, а сбить с толку, напустить тумана, создать атмосферу. «Выступление Вульфсона можно вписать в хрестоматию мирового ораторского искусства», — так оценил впоследствии этот поток бессвязных слов депутат Дайнис Иванс, коллега Вульфсона по пятой колонне. Если оценивать эффект от вульфсоновских истерических воплей, а не смысл сказанного, то я согласен

Странно, что Вульфсон умолчал об источнике получения ценных сведений относительно протокола — бывшем сотруднике Абвера и агенте американской разведки Херварте. Что ж, милок, застеснялся-то? Ведь фон Херварт — это живой свидетель заключения советско-германского пакта, якобы сливший американцам информацию о нем уже 24 августа 1939 г.

Председательствуй. *Слово имеет депутат Казанник.*

Казанник А. И.*, доцент кафедры трудового, экологического и сельскохозяйственного права Омского государственного Университета (Омский национально-территориальный избирательный округ, РСФСР). Глубоко уважаемые народные депутаты! Я все-*

гда выступаю только по той проблеме, которую хорошо знаю. И я стремлюсь, чтобы мы уважали профессионализм.

В этой комиссии мне приходилось работать очень много. Работа была напряженная. Вначале наши позиции не совпадали. Но потом за подписью Александра Николаевича Яковлева нам поступило столько документов из советских архивов и из архивов Федеративной Республики Германии, что я вынужден был отвести для них маленькую комнатку из своей небольшой квартиры.

Весьма интересно: документы поступали именно через Яковлева и за его подписью, а не в адрес комиссии по ее официальному запросу за подписью должностного лица архива. Так или иначе, но Казанник утверждает, что комиссия получала документы не напрямую, а из рук ее председателя, причем только тогда, когда позиции не совпали.

Я брал эти акты и пытался их квалифицировать как юрист. К какому же выводу я пришел? к такому, что, действительно, секретный протокол существовал. У юристов есть доказательства как прямые, так и косвенные. И на основании косвенных доказательств можно сделать заключение, которое не вызывает никакого сомнения. Во-первых, есть пленка, которая снята, по-видимому, с оригинала. Я говорю — по-видимому. Во-вторых, во всех документах имеются многочисленные ссылки на этот секретный протокол. В-третьих, логика фактических событий уже подтверждала наличие этого протокола.

С момента выступления Казанника прошло почти 20 лет. Никаких документов со ссылкой на «секретные протоколы» не известно (ссылки на «секретный протокол от 23 августа 1939 г. есть лишь в последующих «секретных протоколах). Хорошо бы проверить «маленькую комнатку», не завалялось ли там чего. Кстати, это откровенное заявление весьма ценно. Если Съезд учредил официальную комиссию, то ее деятельность должна быть обеспечена. По меньшей мере, соответствующее помещение для работы и хранения документов должно быть выделено. Если же отдельные депутаты будут растаскивать по домам мешки с документами, то с чем будут работать другие члены комиссии?

Действительно, комиссия Яковлева получила в свое распоряжение помещение в здании ЦК КПСС на Старой площади. Но основная работа отчего-то происходила в маленькой комнатке небольшой квартиры Казанника

Таких фактов вполне достаточно для того, чтобы даже осудить человека в суде. Я имею в виду — по уголовным делам. Здесь у комиссии уже не осталось никаких сомнений. И мы стремились выработать компромиссное решение. Нам это в значительной степени, как я считаю, удалось. А теперь я вижу, что многие депутаты, может, недостаточно изучив все эти документы в полном объеме (а их, я повторяю, получили десятки тысяч), ставят под сомнение заключение комиссии.

Видимо, депутат Казанник не пускал сомневающихся депутатов в свою небольшую квартиру, чтоб они могли ознакомиться с десятками тысяч документов в полном объеме. С другой стороны, дабы распознать фальшивку, не надо читать тысячи бумаг. Чтобы понять, что суп из тухлого мяса, не обязательно есть всю кастрюлю целиком.

Мне очень жаль, и я хотел бы призвать депутатов проголосовать за проект этого решения. Спасибо вам. ***(Аплодисменты).***

Председательствующий. *Слово имеет депутат Ландсбергис.* ***(Шум в зале)****. Спокойно, товарищи.*

Ландсбергис В. В., *профессор Государственной консерватории Литовской ССР, г. Вильнюс* ***(Паневежскнй городской национально-территориальный избирательный округ, Литовская ССР).*** *Уважаемый председатель, уважаемые депутаты! 23 августа этого года, когда народы Литвы, Латвии, Эстонии вышли, взявшись за руки, на балтийский путь, образовав живую двухмиллионную цепь памяти и интернациональной солидарности от Таллинна до Вильнюса, в Варшаве заседал Сейм Польской Народной Республики. В его резолюции говорится, что так называемый пакт Риббентропа-Молотова был не только постыдным с моральной точки зрения, но и несовместимым с основными принципами международного права, в связи с этим изначально недействительным и никчемным, что он останется навсегда примером имперского мышления и тайной дипломатии, пренебрежения правами более слабых народов.*

Чья бы корова мычала, а уж польская бы молчала. Уж они-то права малых народов уважали! Последняя насильственная депортация целого народа в Европе была осуществлена именно поляками — в 1946 г. польские спецслужбы осуществили операцию «Висла», депортировав на западные границы неблагонадежное, с их точки зрения, украинское нацменьшинство, компактно проживающее на востоке страны.

Можно вспомнить и то, что говорил канцлер Западной Германии Гельмут Коль в официальной речи, посвященной 50-й годовщине начала Второй мировой войны. Он указал, что немцы понимают свою ответственность за деяния, начатые этим «дьявольским пактом» (так он назвал), в котором проявилось ничем не оправданное нарушение прав народов. Со стороны Советского Союза до сих пор не было подобного заявления, а соответствующие документы Верховных Советов Литвы и Эстонии либо замалчивались, либо откладывались. Так откладывалась возможность начать жить без лжи.

Теперь второй Съезд народных депутатов СССР стоит перед такой исторической возможностью: ему предстоит сказать свое слово от имени сегодняшнего Советского Союза, слово политической оценки и скрытого или более явного покаяния. Это будет слово и о Советском Союзе, о том, подлинно или обманчиво его обновление, способен ли он сегодня отмежеваться от сталинщины в виде одного из сквернейших его преступлений. Обратное, равносильное признанию, что страна, по существу, остается прежней, как и в 1939—1940 годах, было бы слишком страшно для мира, гибельно для надежд на то, что эпоха лагерей кончается строительством европейского дома. Да не будет сомнений в вашей политической мудрости, уважаемые коллеги-депутаты, и да проявится она не только в положительном голосовании за проект Постановления, но и в поддержке предложения, чтобы та или другая комиссия продолжала работу уже по 1941 год. Спасибо.

Ландсбергис — это не просто крупнейший прибалтийский сепаратист, это живой символ сепаратизма. То есть он самый лживый, самый наглый и бессовестный из всей этой националистической кодлы. Но надо признать, он не самый глупый из них. Хотя какая бы то ни было аргументация у него отсутствует напрочь. Возгласы о политической мудрости есть, а аргументов — ноль.

Председательствующий. *Слово имеет депутат Медведев. Я дам Вам сейчас слово.* ***(Шум в зале).***

С места. *Товарищи, у меня есть конкретное предложение...*

Председательствующий. *Товарищи, не более двух минут...*

С места. *Чтобы нас не завели в дебри и не обвиняли оккупантами, я предлагаю из проекта этого Постановления взять пункт 1, первую строчку пункта 3 и пункт 4, где говорится: Съезд народных депутатов СССР настоящим подтверждает, что договор о ненападении, равно как и другие документы были приня-*

ты в соответствии с нормами международного права, утратили силу в момент нападения Германии на СССР, то есть 22 июня 1941 года. И на этом закончить обсуждение этого вопроса.

***Председательствующий.** Слово имеет депутат Медведев, и на этом мы заканчиваем прения.*

***Медведев Р. А.**, член Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка **(Ворошиловский территориальный избирательный округ, г. Москва)**. Уважаемые народные депутаты! Я выступаю здесь как профессиональный историк и должен сказать, что за свою многолетнюю деятельность почти не встречал столь взвешенного, точного, ясного и совершенно справедливого документа. **(Аплодисменты)**.*

Считаю, что его нужно принять полностью, так как историки всего мира давно признали существование секретных протоколов. Мы поставим себя — и Съезд, и нашу историческую науку — в смешное положение перед всем миром, если отвергнем эту истину, известную историкам всех стран.

Как учил Геббельс: ложь, чтобы в нее поверили, должна быть грандиозной. Медведев плохо учился врать. Надо врать масштабнее: все историки галактики давно признали существование секретных протоколов. Да что там галактики — во всей Вселенной историки всех планет уверены, что протоколы существовали. А Медведев наивно пытается впечатлить всего лишь всемирным масштабом признания работы яковлевской комиссии.

*Критерием истины являются не только копии протоколов, но и практика последующих событий, доказавшая их существование. Есть наука палеонтология, которая специально занимается изучением вымерших животных и растений по отпечаткам. Мы в школе изучаем ископаемую птицу по ее отпечатку в гранитном монолите. Птицы нет, но есть отпечаток, и мы уверены, что она была. У нас есть абсолютно точные, всеми экспертами подтвержденные копии. И ни у кого из историков всего мира, подлинность этих копий не вызывает сомнения. Я Думаю, что нам нужно принять этот документ полностью и не ставить себя в трудное положение. **(Аплодисменты)**.*

Да, аргументы у фальсификаторов окончательно иссякли. Мол, все историки, даже в Мозамбике и Папуа-Новой Гвинее, признают подлинность фотокопий. Значит Постановление надо принять пол-

ностью. Неужели народные депутаты СССР смеют сомневаться в чистоплотности и непредвзятости всех историков мира?

Председательствующий. *Я получил очень много записок, товарищи, с просьбой прекратить прения.* ***(Шум в зале)****.*

Горбачев М. С. *Высказано много предложений.*

Председательствующий. *Давайте сначала решим вопрос о прекращении прений. Мы ровно два часа обсуждаем проект этого установления. Кто за то, чтобы прекратить прения? Кто против? Явное меньшинство. Далее товарищи. Внесено много предложений. В частности, мы получили и такие записки: «Вносим предложение оставить пункт 1 и добавить: «доклад комиссии прилагается». Профессор Вульфсон говорит, что он согласен с виртуозным докладом. Но все же, товарищи, поскольку внесено столько предложений, в Президиуме сложилось мнение: может быть, нам поручить комиссии до завтрашнего утра еще раз посмотреть все предложения и доработать проект Постановления?* ***(Шум в зале)****.*

Председательствующий. *Принять проект в целом?*

С места. *Да.*

Председательствующий. *Значит, первое предложение — это предложение комиссии?*

С места. *Да.*

Председательствующий. *Я должен поставить его на голосование. Ставлю проект, внесенный комиссией, на ваше рассмотрение. Пожалуйста. Постановление не набрало половины требуемых голосов. (Шум в зале).*

Результаты голосования
Проголосовало «за» 1052
Проголосовало «против» 678
Воздержалось 150
Всего проголосовало 1880
Не голосовало 0

Товарищи, для того чтобы принять Постановление, необходимо 1122 голоса, поскольку это не процедурный вопрос. Это оговаривает принятый нами Регламент. ***(Шум в зале)****. Каков выход из этого положения? Мне думается, товарищи, что утро вечера мудренее. Давайте дадим комиссии еще раз все посмотреть и послушаем ее завтра утром.* ***(Шум в зале)****. Есть второе предло-*

жение: принять только пункт 1 и приложить весь доклад. ***(Шум в зале).*** *Я хочу прочитать вам пункт 1 проекта Постановления: «Съезд народных депутатов СССР принимает к сведению выводы Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года». И далее: «Доклад комиссии прилагается». Таково второе предложение.* ***(Шум в зале).*** *Ставлю его на голосование?*

С места. *Да.*

Председательствующий. Давайте будем уважать себя и принятый нами Регламент. Для того чтобы Постановление было принято в соответствии с Регламентом, оно должно получить больше половины голосов общего состава народных депутатов, даже с учетом умерших — 1122. Таким образом, Постановление принято не было. Товарищи настаивают на том, чтобы было предложение, которое внесли депутаты Григорьев, Гончаров, Граховский и Володько. Они предлагают оставить в Постановлении пункт 1 и добавить, что доклад комиссии, который вы получили в письменном виде, подписанный всеми членами комиссии, прилагается. Я могу ставить этот вопрос на голосование? (Шум в зале). Что?

С места. *(Не слышно).*

Председательствующий. *Хорошо. Это второе предложение. Третье предложение товарища Кравца, оно здесь зафиксировано. Он считает, что в Постановлении должен остаться только пункт 1 без приложения доклада. Но сам по себе, без приложения доклада, пункт 1 ничего не дает. Поэтому я ставлю на голосование предложение депутатов Григорьева, Гончарова, Граховского и Володько, сформулированное следующим образом: «Съезд народных депутатов СССР принимает к сведению выводы Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года. Доклад комиссии прилагается». Я прошу высказать ваше отношение к этому предложению депутатов. (Шум в зале).*

Как видите, и это решение не проходит.

Результаты голосования
Проголосовало «за» 952
Проголосовало «против» 762
Воздержалось 138
Всего проголосовало 1852
Не голосовало 0

Я еще раз обращаюсь к Съезду с предложением поручить комиссии представить нам свои соображения по этому вопросу завтра. **(Шум в зале.)** *Правда, еще есть предложение: принять Постановление без приложения. (Шум в зале). Это предложение товарища Кравца. Скажите, пожалуйста, товарищ Кравец, Вы настаиваете на этом предложении? Я прошу Вас, подойдите к третьему микрофону.*

***Кравец В. А.**, министр иностранных дел Украинской ССР, г. Киев — **(Харьковский территориальный избирательный округ. Харьковская область)**. Спасибо, Анатолий Иванович. Дело в том, что мое предложение полностью совпадает с предложением добавить слова: «доклад комиссии прилагается». Я только называл не «доклад», а «заключение» комиссии. Мое предложение не прошло, поэтому я не могу настаивать на повторном голосовании.*

***Председательствующий.** Товарищ Кравец снимает свое предложение. Спасибо. Слово имеет Михаил Иванович Мунтян.*

***Мунтян М. И.**, солист Молдавского государственного академического театра оперы и балета имени А. С. Пушкина, г. Кишинев (от Коммунистической партии Советского Союза). Уважаемые товарищи! Это очень важный вопрос. Перед нами выступал председатель комиссии товарищ Яковлев. И абсолютно все, что было изложено в его докладе, отражено в проекте Постановления. Я не могу понять, почему товарищи, которые выступают против принятия этого Постановления, не хотят согласиться с тем, что все положения доклада нашли в нем отражение?*

И еще я хочу сказать, что, действительно, можно отложить рассмотрение этого вопроса до завтра. Разумно решить этот очень важный вопрос. По поводу разговоров о несуществовании этих договоров скажу, что весь мир признал, что они существуют, а мы не признаем.

***Председательствующий.** Спасибо. Пожалуйста, второй микрофон включите.*

С места.** Анатолий Иванович, я предлагал включить в Постановление пункт 1 и пункт 4 представленного проекта. И настаиваю на голосовании его поименно. **(Шум в зале).

***Председательствующий.** Так. Товарищ Сависаар.*

Сависаар Э. Э.**, заместитель директора специального проектно-конструкторского бюро «Майнор» Министерства легкой промышленности Эстонской ССР, г. Таллинн **(Вильяндиский северным национально-территориальный избирательный ок-

руг, Эстонская ССР). Я был одним из заместителей председателя комиссии, поэтому просил слова. Здесь высказывалось мнение, что по данному вопросу можно было бы ограничиться кратким решением и констатацией, что Съезд принимает к сведению выводы Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года (пункт 1 проекта Постановления). Однако это равнозначно остановке на полпути. Выводы комиссии представляют собой лишь рекомендации для верховной власти, но никак не выражают волю государства. Я строго придерживаюсь мнения, что второму Съезду народных депутатов СССР следует принять именно развернутое собственное решение в виде подготовленного комиссией Постановления.

***Председательствующий.** Ваша позиция ясна.*

***Сависаар Э. Э.** Поэтому я предлагаю поименное голосование. Именно поименное. **(Аплодисменты)**.*

***Председательствующий.** Видите ли, товарищи, депутат Семенов имеет предложение по пункту 4, депутаты Сандурский, Шишов предлагают оставить пункт 1, товарищ Иргашев предлагает пункты 7 и 8 исключить. Видите, какой большой разброс мнений. Если мы все это будем голосовать, не выслушав мнения комиссии, мы не очень будем себя уважать. Поэтому, по-моему, целесообразнее завтра утром принять взвешенное решение с учетом рекомендаций комиссии **(Шум в зале)**.*

***Горбачев М. С.** Стоит поставить на голосование это предложение.*

***Председательствующий.** Поставим его на голосование? **(Шум в зале)**. Простым поднятием рук предлагаете голосовать? Хорошо. Кто за? Кто против? Предложение принимается большинством голосов. Завтра в начале заседания мы заслушаем сообщение товарища Яковлева. Я могу переходить к следующему вопросу? **(Шум в зале)**[1].*

Кое-какие выводы: слово получали большей частью только яковлевские сторонники и подельники, выступающие, как организованная группа — Сависаар, Медведев, Вульфсон, Казанник, Мунтян, Йорга, Ландсбергис, Инкенс, Липпмаа, Еремей.

Им пытались противостоять депутаты Сухов, Клоков, Шишов, Семенов, Петрушенко. Только последний работал над вопросом заранее, остальные ограничились лишь репликами, не

[1] «Известия», 25 декабря 1989 г.

делая пространных заявлений. Депутат Кравец — единственный член комиссии Яковлева, занявший особую позицию. Ее можно охарактеризовать как нейтральную, нежели направленную против фальсификаторов. Тем не менее, с наскоку принять столь необходимое сепаратистам Постановление, не удалось. Но утро вечера мудренее, как выразился председательствующий на Съезде Анатолий Лукьянов. До утра у Яковлева есть время, чтобы сварганить неоспоримые доказательства существования «секретного протокола».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Вечером 23 декабря многие депутаты от Прибалтики отправились домой праздновать Рождество. Но при голосовании по вопросу о «секретных протоколах» важен был каждый голос. Тогда сподвижница Яковлева депутат Марина Костенецкая срочно вылетела на несколько часов в Ригу и по телевидению в программе «Прошу слова!» призвала всех депутатов от Народного фронта Латвии, покинувших Кремль, срочно вернуться в Москву к решающему голосованию. Чтобы узнать, что произошло в кремлевском Дворце съездов на следующий день, обратимся к стенограмме заседания 24 декабря 1989 г.

Председательствующий. *Товарищи депутаты, нам надо вернуться к рассмотрению проекта Постановления о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. Вы знаете, что работала комиссия. Она работала ночью и сегодня утром.*

Слово для сообщения по проекту Постановления предоставляется председателю комиссии депутату Яковлеву.

Яковлев А.Н., *член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС. (**От Коммунистической партии Советского Союза.**) Товарищи депутаты! Представленный вчера вниманию Съезда документ — комиссия уполномочила меня повторить это — результат долгой и кропотливой работы и членов комиссии, и многочисленных экспертов, ученых, организаций и институтов.*

По поручению комиссии были изучены относящиеся к началу Второй мировой войны материалы в архивах МИД СССР, Министерства обороны СССР, КГБ СССР, Главного архивного управления, Института марксизма-ленинизма, Общего отдела ЦК КПСС. По запросу комиссии архивные материалы передало по поручению своего правительства посольство ФРГ в СССР.

Вчера вечером комиссия снова обсудила итоги своей работы, сделанные ранее выводы, замечания и соображения, высказанные народными депутатами в ходе заседания. Она работала вместе с представителями Министерства иностранных дел СССР.

Важная деталь! Комиссия депутатская, но в ее деятельности участвуют представители МИД. Зачем мидовцы провели бессонную ночь с депутатами, как в том старается убедить Съезд Яковлев? Кто были эти люди? Кто их уполномочил? Впрочем, несколько забегая вперед, сообщаю читателю: вечернее заседание комиссии — плод яковлевской фантазии. В главе «Политбюро» приводится совершенно другое свидетельство об этом вечере.

От имени комиссии хотим просить вас еще раз рассмотреть представленные ею соображения, с отдельными поправками, о которых я доложу ниже.

А теперь о проблеме, которая вызвала наибольшее количество вопросов: о секретных протоколах. Действительно, оригиналы протоколов не найдены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Тем не менее комиссия считает возможным признать, что секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал. Я извиняюсь, вчера просто не расслышал вопрос товарища Сухова — тут не очень комфортная обстановка для того, чтобы слушать вопросы, — не расслышал и не смог на него вчера, таким образом, ответить. Но отвечу сегодня.

Да, вопрос Сухова был настолько опасным, что у Яковлева случилось расстройство слуха. Депутат спрашивал, почему комиссия пытается навязать Съезду свое конъюнктурное мнение относительно «секретных протоколов», которых никто никогда не видел и доказательств существования которых не представлено. Проблемы со слухом у Яковлева случились потому, что ответить ему было нечего.

Докладываю.

Первое. В Министерстве иностранных дел СССР существует служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 года подлинника секретных протоколов одним из помощников Молотова другому: Смирновым — Подцеробу. Таким образом, оригиналы у нас были, а затем они исчезли. Куда они исчезли, ни комиссия, никто об этом не знает. Вот текст этой записки: «Мы, нижеподписавшиеся, заместитель заведующего Секретариатом товарища Молотова Смирнов и старший помощник Министра иностранных дел Подцероб, сего числа первый сдал, второй принял следующие документы особого архива Министерства иностранных дел СССР.

Первое. Подлинный секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года на русском и немецком языках, плюс три экземпляра копии этого протокола».

Документы в архив передаются не по «служебной записке», а по акту, вообще-то. Странно, что бюрократ с 40-летним стажем Яковлев этого не знает. Выражение «плюс три экземпляра» — это разговорный оборот, в канцелярской переписке никогда не использовался. В официальном документе допустимы в данном случае слова «а также», «в дополнение к сему» и другие. Непонятно, какие три копии имеются в виду, и для чего вообще делать копии секретных документов? Секретные — они на то и секретные, что их копировать не положено!

Дальше не относящиеся к этому делу, в одном случае 14, в другом — еще несколько документов. Подписи: «Сдал Смирнов; принял Подцероб». Это первое.

Следующий факт. Найдены заверенные машинописные копии протоколов на русском языке. Как показала экспертиза, эти копии относятся к молотовским временам в работе МИД СССР.

Во как оперативно! За ночь нашли заверенные копии и даже успели провести экспертизу. В предыдущий день ни о каких «заверенных копиях» никто даже не заикался. Многочисленные публикации в СМИ оперировали лишь ссылками на копии протоколов из немецких архивов. Сам Яковлев днем ранее утверждал, что о существовании «секретных протоколов», которые не обнаружены, можно судить лишь по косвенным признакам.

Третье. Криминалисты провели экспертизу подписи Молотова в оригинале договора о ненападении, подлинник которого, как вы сами понимаете, у нас есть, и в фотокопии секретного протокола. Эксперты пришли к выводу об идентичности этих подписей.

Это, конечно, вранье. Как уже говорилось выше, по фотографии невозможно установить аутентичность (идентичность — неверный термин в данном случае) подписи. Но даже если бы существовал оригинал протокола, по одной лишь подписи установить наверняка, чьей рукой она сделана, невозможно в принципе. Эксперт может уверенно установить лишь поддельность подписи, а ее подлинность всегда определяется лишь как возможная. Я с

этим сталкивался в уголовном делопроизводстве. Но еще раз подчеркну — ни один эксперт-графолог не возьмется исследовать фотографию.

Четвертое. Оказалось, что протоколы, с которых сняты западногерманские фотокопии, были напечатаны на той же машинке, что и хранящийся в архивах МИД СССР подлинник договора. Как вы понимаете, таких совпадений не бывает.

Поделюсь некоторыми секретами, как осуществляется простейшая экспертиза машинописи. Два сравниваемых образца переворачиваются и исследуется тыльная сторона листа. Металлические литеры ударяют по красящей ленте с разной силой и эта индивидуальная особенность у разных машинок уникальна. Например, у той, которой я пользовался в 1993 г. буква «Е» и «Б» почти пробивали бумагу насквозь, а «Й» наоборот еле пропечатывалась. Другой ее особенностью было то, что запятая всегда оказывалась несколько ниже линии строки.

Но чтобы провести экспертизу, нужны два оригинальных текста. По фотокопии абсолютно нереально провести экспертизу, ибо эксперт может сравнивать настоящий текст и фотомонтаж, слепленный из фрагментов этого же самого текста — характерные особенности оттисков там будут схожи, но это ни в малейшей степени не укажет на подлинность документа. Однако, напомню, в нашем случае даже поверхностного визуального анализа будет достаточно для того, чтобы вскрыть подлог. Именно поэтому якобы найденные в 1992 г. «оригиналы» никогда не репродуцировались.

И еще один важный вопрос: кто и когда проводил экспертизу? Комиссия Яковлева, насколько мне известно, никому не поручала это делать, вся ее работа свелась к обсуждению проекта резолюции. Секрет этой таинственной экспертизы будет раскрыт ниже.

И наконец, пятое. Существует разграничительная карта. Она напечатана, завизирована Сталиным. Карта разграничивает территории точно по протоколу. Причем на ней две подписи Сталина. В одном случае — общая вместе с Риббентропом, а во втором случае Сталин красным карандашом делает поправку в нашу пользу и еще раз расписывается на этой поправке.

Эту карту никто никогда не видел ни в оригинале, ни в копии. Если же Яковлев имеет в виду карту из американского сборника «Нацистско-советские отношения. 1939—1941 г., так это грубая фальсификация. Но даже в этом случае разграничение проведено не «точно по протоколу», а в соответствие с советско-германским Договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. В газетах карта новой границы появилась на следующий день.

Таким образом, дорогие товарищи, эти соображения не вызывают ни малейших сомнений в том, что такой протокол существовал. Это первый вопрос.

Соображения Яковлева не вызывают ничего кроме сомнений в существовании «секретного протокола».

Второй. На основании вчерашнего обсуждения и на основании того, что я вам только что сказал, комиссия вчера ночью еще раз обсудила проект и просит Съезд еще раз его рассмотреть со следующими поправками.

В пункте 2, который вызвал критику, после слов «Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации» вместо слов «и имел объявленной целью» записать так: «в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны». Записать здесь «войны», а не «вооруженного конфликта в Европе», как вчера предлагали некоторые депутаты. Дальше, в следующей фразе: «в конечном счете эта цель не была достигнута» вместо «иллюзии, порожденные» записать: «просчеты, связанные с наличием доказательств». И наконец, в конце дополнить этот абзац следующими словами: «в это время страна стояла перед трудным выбором».

Дальше. Последний абзац пункта 3, где говорится о протоколах, сформулировать следующим образом: «В подлиннике протокола не обнаружено ни в советских, ни в зарубежных архивах» и добавить: «Однако графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования». Мы избегаем слова «достоверность», поскольку юристы говорят, что для достоверности надо иметь оригинал. Точнее, как считают юристы, записать: «подтверждают факт его подписания и существования».

Комментарии тут излишни. Последний абзац — блестящий образец черной риторики.

Наконец, было замечание насчет слов «предвоенным советским руководством». Комиссия считает целесообразным заменить эти слова: «Сталиным и его окружением».

И наконец, снять пункт 8, в котором говорится о демобилизующем влиянии договора на антифашистские силы, поскольку эта тема нашла свое отражение достаточно и в докладе, и в объяснительной записке. Таковы соображения и дополнительные предложения комиссии.

Дорогие товарищи! Комиссия убеждена: вердикт сформулирован верно и в правовом, и в нравственном смысле; и в отношении договора о ненападении, и по секретному протоколу. Вердикт, нужный социализму, перестройке, новому политическому мышлению, нужный каждому из нас.

Какое бы решение ни принял Съезд — поддержать выводы комиссии, отклонить, просто принять к сведению или какое-то иное, — оно уже не изменит историю.

Прошлое останется таким, каким оно сложилось в те годы.

Верно. Но к чему тогда такие яростные споры относительно событий полувековой давности? Дело в том, что голосование по этому вопросу определяло будущее Советского Союза. Но это понимали очень немногие...

Оно, это решение, не изменит юридического статуса рассмотренных комиссией договора и протокола. Как уже отмечалось, с нападением Германии на Советский Союз были перечеркнуты любые существовавшие на тот момент двусторонние соглашения.

А послевоенный мир строился уже на иных основах. Наш мандат ограничен 1939 годом, и делать какие-либо выводы по другим периодам нет оснований.

Но решение Съезда может изменить нашу политическую и нравственную оценку конкретных документов, ничего более, как только этих документов, я это подчеркиваю. Мы проведем — или не проведем — четкую границу между правомерным, обоснованным, каким является договор, и морально негодным, неприемлемым, несовместимым с социализмом, каким является протокол.

*Теория относительности, товарищи, великое открытие в постижении Вселенной. Но относительность не может существовать в сфере морали. Мы обязаны вернуться на твердую, здоровую почву незыблемых нравственных критериев. Пора осознать — беззаконие страшно не только своим прямым эффектом, но и тем, что оно калечит сознание, создает ситуации, когда аморальность и оппортунизм начинают считать нормой. Любое наше решение, товарищи депутаты, будет одновременно не только политическим, но и нравственным. Спасибо за внимание. (**Аплодисменты.**)*

***Председательствующий.** Как видите, товарищи, значительная часть предложений, которые внесли депутаты, комиссия учла, дала целый ряд поправок и объяснений к тому тексту, который вами получен. Надо ли нам еще раз сейчас обсуждать или можно... (**шум в зале**) ...или можно ставить на голосование проект с поправками, предложенными комиссией?*

***С места.** Да.*

***Председательствующий.** Пожалуйста.*

***С места.** Я не раз записывался, но мне не предоставляли слова. Я прошу полторы минуты.*

***Председательствующий.** Одну минуточку! Назовите себя и спокойно говорите.*

***Образ В.С.**, пенсионер, председатель Полтавского областного совета ветеранов войны и труда, г. Полтава (**от Всесоюзной организации ветеранов войны и труда**). Я хочу сказать вам, что с последним предложением я категорически не согласен. (**Шум в зале.**) Обосновываю, почему! Первое!.. Я прошу выслушать...*

***Председательствующий.** Говорите.*

***Образ В.С.** Взываю к вашему разуму. Мы принимаем решение по тем документам, которых фактически не обнаружили. (**Шум в зале.**) Второе.*

***Председательствующий.** Товарищи, внимание! Выслушайте депутата!*

О, я представляю, как заерзали и зашипели прибалтийские сепаратисты. Бесстрастное «(Шум в зале)» не может передать всплеска ярости представителей «пятой колонны».

***Образ В.С.** Второе. Принимая такое решение, мы становимся на путь развала государства. Если и дальше так пойдем, то скоро поставим под сомнение решение Богдана Хмельницкого на Переяславской раде. Разве можно идти по этому пути? Я призываю вас к разуму. Взываю!*

Глас вопиющего в пустыне. Метафора превратилась в реальность менее чем через два года, когда решение Переяславской рады о вхождении Малороссии в состав Российского государство было «денонсировано».

Председательствующий. *Спасибо.*

Образ В.С. *Предлагаю принять Постановление, состоящее только из первой его статьи, без всяких приложений и прочее. Иначе нашим потомкам будет стыдно за принятое нами сегодня решение, ибо оно принимается, когда закрыты британские и американские архивы, все закрыто. Благодарю за внимание.*

Председательствующий. *Товарищи, я прошу только...* ***(шум в зале)****... сейчас, подождите минутку, я проголосую сначала проект, а потом ваши поправки. Поименно? Хорошо, проголосуем поименно. Садитесь. Товарищ Нейланд, я прошу вас. Выступил депутат, выразил свое отношение к мотивам голосования, обычное отношение человека, который хочет высказаться перед голосованием. У одного одно мнение, у другого другое. Надо спокойнее относиться к этому. Ряд товарищей предлагают провести поименное голосование. Чтобы провести его, я должен получить согласие Съезда, поэтому вопрос о проведении поименного голосования ставлю на голосование. Можно проголосовать поднятием рук? Хорошо. Кто за? Прошу опустить. Кто против? Я вижу лишь трех человек, больше не вижу. Значит, проводим поименное голосование по проекту Постановления, предложенному комиссией, с поправками, внесенными после обсуждения этого проекта Съездом. Нет возражений? Ставлю на поименное голосование проект Постановления Съезда «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Текст проекта у вас на руках, поправки были доложены товарищем Яковлевым. Прошу народных депутатов СССР выразить свое отношение к этому проекту.*

Большинством голосов народных депутатов СССР Постановление принято. ***(Аплодисменты.)***

Результаты голосования
Проголосовало «за» 1435
Проголосовало «против» 251
Воздержалось 266
Всего проголосовало 1952

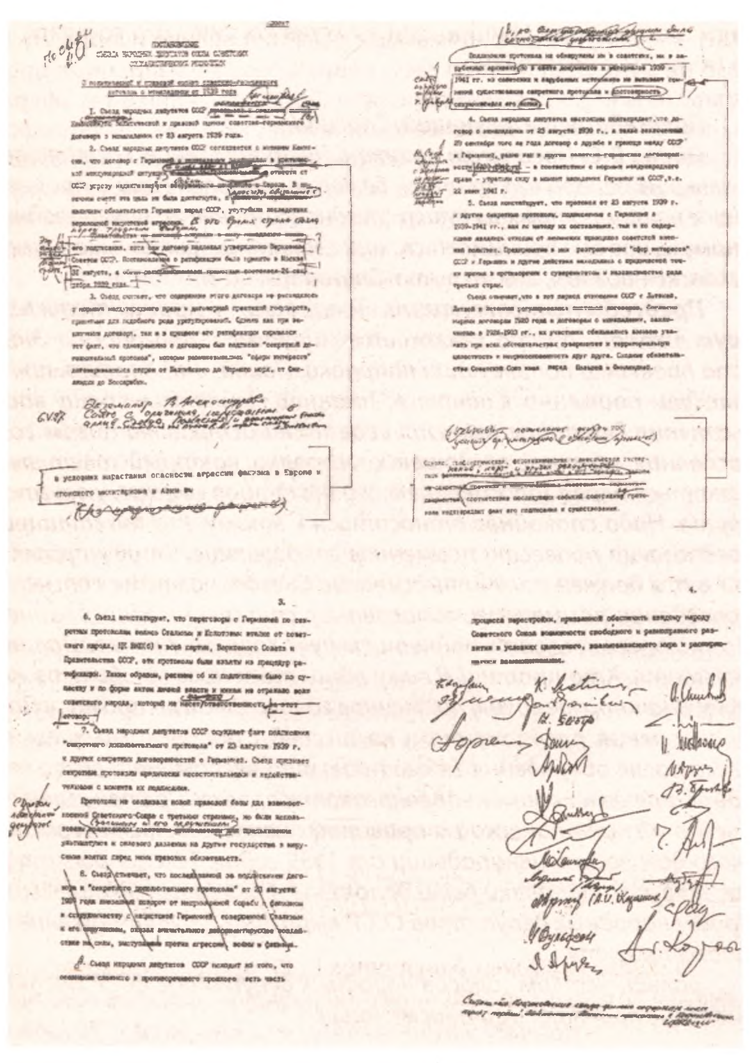

Фото 8—9. Рабочий экземпляр постановления II Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.» (копия из архива А.А. Александрова, опубликована в сборнике «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях»).

Вряд ли все депутаты читали постановление, за которое они проголосовали. Такая уж особенность парламентской демократии — количество принимаемых решений велико и вникнуть во все ни один депутат не в состоянии. К тому же избранные представители народа вынуждены принимать решения в тех сферах, которых они совершенно некомпетентны. Поэтому они привыкли полагаться на мнение «профессионалов» и «экспертов». Для имитации рассмотрения дела о «секретных протоколах» была создана комиссия Яковлева, 25 из 26 членов которой пришли к единому мнению. Поэтому почти все остальные депутаты избавили себя от необходимости думать своей головой.

Заместитель председателя яковлевской комиссии Юрий Афанасьев вспоминал о декабрьских баталиях: «*Съездовские дебаты по этому вопросу наглядно показывали, что проблема эта воспринималась как нечто навязанное съезду извне (что, впрочем, было близко к истине). Она не была выстрадана самим Съездом, и депутаты никогда не воспринимали ее как действительно значимую и важную. Большинство делегатов смотрели на этот всплеск историографических штудий как на что-то странное, потенциально опасное и враждебное их интересам: не углубляться в эту проблему, а поскорее избавиться, отмахнуться от нее — было их нескрываемым желанием*[1].

Но раз уж профессора во главе с академиком решили, что протоколы существовали, значит, так оно и было. Депутатское стадо баранов послушно проголосовало «за». За что? Вот за что:

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 24 декабря 1989 г. № 979-1

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ ОТ 1939 ГОДА

1. Съезд народных депутатов СССР принимает к сведению выводы Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года.

2. Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением Комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации, в условиях нарастания

[1] Другая война: история и память // http://www.yuri-afanasiev.ru/articles/art_1996_59

опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей — отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны. В конечном счете эта цель не была достигнута, а просчеты, связанные с наличием обязательств Германии перед СССР, усугубили последствия вероломной нацистской агрессии. В это время страна стояла перед трудным выбором.

Обязательства по договору вступали в силу немедленно после его подписания, хотя сам договор подлежал утверждению Верховным Советом СССР. Постановление о ратификации было принято в Москве 31 августа, а обмен ратификационными грамотами состоялся 24 сентября 1939 года.

3. Съезд считает, что содержание этого договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований. Однако как при заключении договора, так и в процессе его ратификации скрывался тот факт, что одновременно с договором был подписан «секретный дополнительный протокол», которым размежевывались «сферы интересов» договаривавшихся сторон от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Бессарабии.

Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования.

4. Съезд народных депутатов СССР настоящим подтверждает, что договор о ненападении от 23 августа 1939 года, а также заключенный 28 сентября того же года договор о дружбе и границе между СССР и Германией, равно как и другие советско-германские договоренности, — в соответствии с нормами международного права — утратили силу в момент нападения Германии на СССР, то есть 22 июня 1941 года.

5. Съезд констатирует, что протокол от 23 августа 1939 года и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939—1941 годах, как по методу их составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Предпринятые в них разграничение «сфер интересов» СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран.

Съезд отмечает, что в тот период отношения СССР с Латвией, Литвой и Эстонией регулировались системой договоров.

Согласно мирным договорам 1920 года и договорам о ненападении, заключенным в 1926—1933 годах, их участники обязывались взаимно уважать при всех обстоятельствах суверенитет и территориальную целостность и неприкосновенность друг друга. Сходные обязательства Советский Союз имел перед Польшей и Финляндией.

6. Съезд констатирует, что переговоры с Германией по секретным протоколам велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР, эти протоколы были изъяты из процедур ратификации. Таким образом, решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор.

7. Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.

Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств.

8. Съезд народных депутатов СССР исходит из того, что осознание сложного и противоречивого прошлого есть часть процесса перестройки, призванной обеспечить каждому народу Советского Союза возможности свободного и равноправного развития в условиях целостного, взаимозависимого мира и расширяющегося взаимопонимания.

Председатель Верховного Совета СССР М. ГОРБАЧЕВ

24.12.1989

Главное, чего добивалась «пятая колонна», — признания прямой связи между «секретными протоколами» и вхождением в состав СССР «третьих стран» (см. п. 5-7 Постановления) — вот та идеологическая бомба, которая была заложена под фундамент Советского Союза. Фитиль был подожжен 24 декабря 1989 г. Через 728 дней Союз Советских Социалистических Республик разлетелся на куски.

«Не будь Яковлева, Съезд народных депутатов в 1989 году не признал бы существование секретных протоколов к договору 1939 г. о ненападении между СССР и нацистской Германией, — говорила в 2005 г. бывший депутат Верховного Совета СССР Марина Костенецкая. — *А без этого наши смельчаки в Риге вряд ли бы провозгласили 4 мая 1990 г. независимость Латвии»*[1].

За заслуги в развале Советского Союза в 2001 г. Яковлев и его заместитель по депутатской комиссии Юрий Афанасьев были награждены латвийским орденом Трех звезд третьей степени. Костенецкая, ходатайствовавшая о награждении этих деятелей, считает, что Яковлев заслужил орден первой степени.

---

[1] http://www.dialogi.lv/article.php?id=1601&t=12&rub=0

ЗАПИСКА

Что произошло в ночь с 23 на 24 декабря, Яковлев рассказал в интервью, которое приводит в своей книге «Я вышла замуж за романтика» вдова депутата Вульфсона Эмма Брамник-Вульфсон:

«...Почти всю ночь мы, единомышленники, бродили по кремлевскому двору, вокруг Кремля, снова спорили, убеждали друг друга. Расставаясь, я сказал: «Утро вечера мудренее». Тогда и пригодился документ, который мне до заседаний дал Анатолий Гаврилович Ковалев — первый заместитель министра иностранных дел. Когда он мне его принес, я своим глазам не поверил — то был «Протокол передачи документов в архив» (акт, записка, теперь протокол — что-то слишком часто Яковлев путается. — *А. К.*). *И среди множества документов, кажется, под номером шесть — секретные протоколы к пакту Молотова — Риббентропа! То есть документальное обозначение того самого исторического документа 1939-го, в котором и было все дело. Существование которого М. Горбачев категорически отрицал и говорил: «Покажите мне этот документ, и я за него проголосую!» (Возможно, что он и сам не понял когда-то, передавая те протоколы в архив?)*

...Когда я наутро зачитал этот документ с трибуны съезда, большинство депутатов уже не могло нас не поддержать. Так тогда и решился вопрос о независимости государств Балтии. Но если бы не запал балтийцев, до такого, возможно, дорога была бы еще очень и очень долгой»[1].

Что ж, о цели провокации с «секретными протоколами» он, наконец, сказал довольно откровенно — развалить Советский Союз. Но это и так теперь ясно. Вот еще одна интерпретация Яковлева на эту тему из его интервью «Вечерней Москве» (№175 (23973) от 17.09.2004):

«В кармане у меня была одна «петарда» — еще перед первым докладом мой приятель из МИДа Анатолий Ковалев дал мне акт

---

[1] *Брамник-Вульфсон Э.* Я вышла замуж за романтика // http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2

о передаче документов из приемной Молотова в архив, где черным по белому шестым пунктом стояло: «секретные протоколы...» И подпись секретарей Молотова. О том, что эта бумага у меня есть, я вообще никому не сказал. Когда мне нужно было выступать с переделанным докладом, я поднялся на трибуну и сказал, что мне к своему прошлому выступлению добавить нечего, я настаиваю именно на нем, а потом зачитал эту «петарду». Неожиданно для меня решили прения не открывать и сразу приняли как доклад, так и постановление»[1].

С его слов выходит, что Яковлев не только имел записку (которую потом стал именовать актом или протоколом), но и скрыл ее не только от народных депутатов во время своего доклада, но и от членов комиссии. Оказывается, Яковлев был ясновидцем, и предвидел, что нардепы не примут нужное ему постановление и у него будет возможность второго выступления, во время которого он эффектно хлопнет заранее заготовленной «петардой». Именно так пытается объяснить Яковлев свой шулерский финт с запиской Смирнова — Подцероба. Вот что он пишет в своих мемуарах «Сумерки»:

«Последний вариант своего доклада я никому не показывал — ни Горбачеву, ни членам Политбюро, ни членам комиссии. За день до выступления ко мне подошел Анатолий Ковалев — первый заместитель министра иностранных дел СССР. Большая умница и высокой порядочности человек. Он сказал, что нашел акт передачи текста секретного протокола из одного подразделения МИД в другое. Я обрадовался и хотел сразу же вставить его в мой доклад. Но, поразмыслив, решил оставить этот последний аргумент про запас»[2].

Кстати, в 1989 г. Яковлев не раскрыл источник получения «служебной записки», так же как и Альфред Зайдль в 1946 г. героически молчал о происхождении фотокопий «секретных протоколов. Лишь через десять лет после успешной операции по ликвидации СССР в своих мемуарах он раскрыл имя героя — Анатолий Гаврилович Ковалев. Ковалев родился в 1923 г. в Москве; окончил МГИМО МИД СССР в 1948 г.; после окончания института работал в Германии в аппарате политсоветника Советской кон-

---

[1] http://www.vmdaily.ru/article.php?aid=2910

[2] http://www.lebed.com/2005/art4364.htm.

трольной комиссии; занимал должности помощника министра иностранных дел СССР Громыко. То есть два будущих борца за демократию знали друг друга к 1989 г. как минимум полтора десятка лет, с момента, когда Яковлев начал делать дипломатическую карьеру.

Почему именно на Ковалева ссылается Яковлев? Они вместе помогали прибалтийскому сепаратистскому движению в конце 80-х. Ковалев помимо дипломатии развлекался сочинением стишков и был весьма дружен с Янисом Петерсом — крупнейшим латвийским сепаратистом, одним из лидеров Народного фронта, который, в свою очередь, был тесно связан с Мавриком Вульфсоном. Короче, в этом кругу были все свои. В 2005 г. Петерс с благодарностью вспоминал о том вкладе, который Ковалев внес в дело обретения Латвией независимости. Русскоязычный портал dialogi.lv в разделе «Обзоры» дал небольшой анонс этой публикации:

«И, наконец, слово предоставлено поэту Янису Петерсу, статья которого называется «Где прятались Риббентроп с Молотовым?» *В годовщину подписания пакта Молотова — Риббентропа поэт (и в прошлом также политик и дипломат) вспоминает о событиях конца 80-х и рассказывает об Анатолии Гавриловиче Ковалеве, первом заместителе Андрея Громыко, который любил отдыхать на даче у Раймонда Паулса в Меллужи. Ковалев считал Латвию землей высокой культуры и пророчил перемены в СССР. Ковалев нашел акт, свидетельствующий о том, что оригинальный текст пакта Молотова — Риббентропа находится в МИД СССР, и этого оказалось достаточно, чтобы узнать имена авторов пакта и тех, кто их скрывал 50 лет после подписания*»[1].

Вы думаете, что Петерс — только поэт, Паулс — просто композитор? Как бы не так! Это матерые антисоветчики, оба были народными депутатами СССР, оба в числе прочих депутатов-балтийцев покинули зал заседаний съезда, когда в повестку дня не удалось включать вопрос об осуждении пакта Молотова — Риббентропа. Неудивительно, что Ковалев хорошо спелся с этими певцами прибалтийской независимости. Поэтому вполне естественно, что его фамилия мелькает в деле о «секретных протоколах». Тем не менее, я не берусь утверждать, что он лично участвовал в фальсификации «записки Подцероба». Первое упоминание об участии Ковалева в деле с протоколами я нашел в яковлевском интервью, данном в Латвии, которое датируется ноябрем 2001 г. Ковалев, к тому времени всеми забытый, отошел в мир иной че-

---

[1] http://www.dialogi.lv/article.php?id=1416&t=7&rub=0&print=1

рез два месяца. И уже после смерти из него вылепили демократа-подпольщика, внедрившегося в высшие эшелоны власти СССР.

28 декабря 1989 г. «Известия» опубликовали интервью с Ковалевым под заголовком «Вновь о договоре 1939 года», причем без указания имени журналиста, беседовавшего с ним, что совершенно необычно. Вероятно, текст был составлен самим Яковлевым, потому что в нем содержится лишь краткое изложение тезисов его доклада, даже официозная стилистика была сохранена, хотя жанр интервью предполагает большую степень выражения собственного мнения, живость языка, образность. Нам интересна в данном случае лишь первая фраза и последняя, приписываемые Ковалеву: *«Министерство иностранных дел представило за подписью Э. А. Шеварднадзе в Комиссию Съезда факты, которыми оно располагает, а также свои суждения, относящиеся к политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года»*. Завершается интервью такими словами: *«Думаю, что ваша газета могла бы для наглядности опубликовать одно из самых важных доказательств того, что секретный протокол действительно существовал — акт о передаче подлинника протокола и других документов одним помощником В. М. Молотова другому. Этот документ публикуется впервые. Ряд других документов, о которых я упоминал в этом интервью, будет опубликован в одном из первых номеров «Дипломатического вестника»*.

То, что этот текст принадлежит перу Яковлева, косвенно подтверждается тем, что он не подвергался редакторской правке, что могло быть лишь в том случае, если текст спущен сверху. Иначе трудно объяснить, как МИД мог представить «факты за подписью Шеварднадзе.

Итак, со слов Ковалева следует, что документы из МИДа передавались *за подписью* Шеварднадзе и именно в комиссию. Анатолий Гаврилович ни полсловом не обмолвился о том, что он по собственной инициативе дал какие-то бумаги лично Яковлеву. Эта конспиративная версия была запущена в оборот значительно позже. Другой существенный момент, — из слов Ковалева следует, что «акт о передаче подлинника протокола» является ВАЖНЕЙШИМ доказательством существования «секретных протоколов». Это стоит понимать так, что другими доказательствами он не располагает, иначе они бы удостоились хоть какого-то упоминания, и Яковлеву не пришлось нести лепет о том, что факт сговора диктаторов доказывает то, что события в дальнейшем развивались точно по протоколу.

Насколько же «одно из самых важных доказательств» убедительно? Выше я позволил себе усомниться в умственных способностях Яковлева, которого объявляют чуть ли не автором проекта «Перестройка». Очевидно, что он действовал по инструкциям своих закордонных хозяев. Когда же на Съезде возникла опасность срыва принятия Постановления о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г., ему пришлось работать самостоятельно и очень быстро. В итоге он родил за ночь настолько примитивную липу, что поверить в нее, несмотря на то, что официально документ представил публике заместитель министра иностранных дел, может только кретин. Впрочем, большинство депутатов этой характеристике соответствуют в полной мере. Привожу текст акта по публикации в «Известиях» от 28 декабря 1989 г.

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, заместитель заведующего секретариатом тов. Молотова В. М. т. Смирнов Д. В. и старший помощник Министра иностранных дел СССР т. Подцероб Б. Ф. сего числа первый сдал, второй принял следующие документы Особого архива Министерства иностранных дел СССР:

I. Документы по Германии

1. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 3 экземпляра копии этого протокола.

2. Подлинное разъяснение к «Секретному дополнительному протоколу» от 23 августа 1939 г» (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии разъяснения.

3. Подлинный Доверительный протокол от 28 сентября 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

4. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. («О польской агитации») (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

5. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. (о Литве) (на русском и немецком языках). Плюс 3 экземпляра копии этого протокола.

6. Подлинный Секретный протокол от 10 января 1941 г. (о части территории Литвы) (на русском и немецком языках).

7. Подлинный Дополнительный протокол между СССР и Германией от 4 октября 1939 г. (о линии границы) (на русском и немецком языках).

8. Подлинный Протокол — описание прохождения линии госграницы СССР и госграницы и границы интересов Германии (две книги на русском и немецком языках).

9. Карты (5-ти участков) к дополнительному протоколу между СССР и Германией (октябрь 1939 г.).

10. Карты, подписанные И. В. Ст. и Риббентропом, №1 и № 2.

11. Подлинное Заявление советского и германского правительств от 28 сентября 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 1 экземпляр копии этого заявления.

12. Полномочия Шуленбургу вести переговоры с представителем Правительства СССР о дополнительном протоколе (на немецком языке). Плюс 3 экземпляра копии этих полномочий.

13. Письмо тов. Ст. Гитлеру от 21.VIII. 1939 г. (подлинник).

14. Копии (две) дневника В. М. Молотова (прием Шуленбурга 22.VI. 1941 г.).

II. Документы по Японии

1. Подлинное соглашение «об уплате последнего взноса за КВЖД и об урегулировании взаимных претензий от 31 декабря 1939 г. (на русском и японском языках). Плюс 2 экземпляра копии этого соглашения.

2. Подлинное Соглашение о составе и функциях комиссии по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го в районе конфликта от 9 июня 1940 г. (на русском и японском языках). Плюс 1 экземпляр копии этого соглашения.

3. Подлинное Соглашение об уточнении границы между МНР и Манчжоу-Го в районе озера Буир-Нур и реки Нумургин-Гол от 9 июня с. г. (на русском и японском языках). Плюс 2 экземпляра копии этого соглашения.

4. Подлинный Протокол — соглашение по рыболовному вопросу от 31 декабря 1939 г. (на английском языке). Плюс 1 экземпляр копии этого протокола.

III. Документы по Финляндии

1. Подлинный Конфиденциальный протокол от 2 декабря 1939 г., являющийся приложением к Договору о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической республикой. (2 экз. на русском и 2 экз. — на финском языках).

Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

IV. Документы по Англии и США

1. Подлинный Секретный протокол конференции представителей СССР, Великобритании и] США, состоявшейся в Москве

с 29 сентября по 1 октября 1941 года (на русском и английском языках). Плюс 1 экземпляр копии этого протокола, «апреля 1946 года.

Сдал: Д. СМИРНОВ.
Принял: Б. ПОДЦЕРОБ.

Настоящий смех вызывает то, что в «записке», представленной Яковлевым, значилось: «подлинный секретный дополнительный протокол». Сам текст этой записки сфабрикован настолько тупо, что сразу выдает фальсификацию. На кой хрен во внутренней переписке два мидовских чиновника будут подчеркивать, что один передает, а другой принимает именно «подлинники» документов? Неужели помимо «подлинников» в сейфе Молотова могли лежать подделки? В документоведении вообще не существуют понятия «подлинник», «фальшивка» или «фотокопия» (вспомним «показания» Вайцзеккера в Нюрнберге). Чиновники оперируют понятиями «оригинал» и «заверенная копия». Давайте заглянем в текст советско-германского договора о ненападении, последняя строка которого гласит: *«Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года».*

Словом «подлинник» оперируют по большей части эксперты-искусствоведы, в задачу которых входит определить подлинность художественного произведения, и которые действительно по роду своей деятельности имеют дело с подделками. Так что у Яковлева, состряпавшего фальшивку, имела место оговорка по Фрейду.

Яковлев в своем докладе Съезду утверждал, что в «служебной записке Смирнова — Подцероба» упоминался «секретный протокол» от 23 августа 1939 г. и 14 несекретных документов, не относящихся к делу. А через три дня к моменту публикации записки, уже ставшей актом, список переданных Подцеробу документов, «относящихся к делу», возрос до восьми.

Колоссальный прокол у Яковлева вышел насчет «заверенных копий». Как следует из его выступления, в апреле 1946 г. Смирнов передал Подцеробу оригиналы протокола «плюс три копии». Эти «плюс три копии» потом куда-то испарились. И вдруг в архиве МИД обнаружены некие «заверенные копии» протоколов. Заверить копии, по идее, мог только Молотов. Но Яковлев не упоминает, кто заверил копии, утаив тем самым важнейшую информацию. При этом он брешет, что «как показала экспертиза, эти копии относятся к молотовским временам в работе МИД СССР». Неужели в молотовские времена не принято было отмечать дату

заверения документа, чтобы потом это делали эксперты? Видимо, злодей Молотов предвидел, что через 40 лет пламенный борец с тоталитаризмом Яковлев начнет его разоблачать, и поэтому, наплодив с совершенно непонятной целью «заверенных копий», он специально не датировал их. Все ясно — заметал следы! Но демократическая экспертиза раскусила козни коварного сталиниста, да к тому же за одну ночь. Кстати, рассматриваемый нами акт тоже почему-то не датирован и не имеет канцелярских реквизитов, даже входящего номера. Уже одно это полностью разоблачает фальшивку.

Зачем вообще потребовалось копировать «секретные протоколы»? Копии секретных документов изготавливаются не от нечего делать, а для конкретной работы, для определенного должностного лица. Причем на копии в данном случае даже делают пометку: вернуть такого-то числа, по возвращении уничтожить. Вопрос заключения внешнеполитических секретных договоренностей находится в компетенции первого лица государства и министра иностранных дел. Следовательно, кроме Молотова и Сталина эти копии никому в принципе не были нужны, а они вполне могли воспользоваться оригиналами, не посвящая в величайшую тайну XX века машинистку из секретариата (или Молотов лично набивал на пишущей машинке копии?).

К тому же совершенно нелогично хранение оригинала документа и «плюс трех его копий» в одном месте (кстати, копии были на русском или на немецком тоже?). Копии при необходимости можно легко изготовить, а этой необходимости, как мы выяснили, не могло быть даже гипотетически. Изготовление копий секретного документа про запас — абсурд. Изготовление копий оправдано в случае опасности утраты оригинала, но такой опасности никогда не существовало. Но если это предположить, то копии и оригинал должны были храниться в разных местах. Если же они хранились в разных местах, они не могли быть переданы Смирновым Подцеробу по одному акту одним пакетом. Да и вообще, секретные документы на то и секретные, что их никому показывать не положено, и потому на изготовление копии нужна санкция руководства. Кто же санкционировал копирование — Молотов или Сталин? И почему, спрашивается, спрятав «оригиналы» скандальных протоколов в «особой папке», совершенно забыли про «заверенные копии» в архиве МИДа? В общем, становится очевидно, что копии «секретных протоколов» были сделаны Молотовым лишь для того, чтобы Яковлев нашел их спустя полвека.

В открытой электронной энциклопедии «Википедия», на вкладке, где обсуждалась статья «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», я встретил весьма любопытную реплику участника дискуссии под ником Alen Zarini:

«Довод Яковлева о наличии акта передачи Смирнов — Поцероб, извиняюсь, но это еще одна глупость, которую невозможно допустить ни одному человеку мало-мальски знакомому с секретным делопроизводством. Секретная и несекретная документация не только передается разными актами, но и храниться должна раздельно, с приложением к каждому особого акта приемки. Обычно секретной и несекретной документацией, вообще занимаются разные люди. Это уж могу сам свидетельствовать, как человек имевший дело с секретным делопроизводством. Кроме того, извиняюсь, а где журнал учета секретной документации?? акт есть, а журнал постановки на учет где? А эти журналы являются документами строгой отчетности и хранятся ВЕЧНО, странное дело, что Яковлев находит акт, который в принципе некому не был нужен, а вот важнейший реестр, единственный документ, который мог свидетельствовать реальность пребывания этого документа в архивах МИДа или правительства нет!».

Возразить на этот аргумент не смог ни один из участников дискуссии на форуме «Википедии».

История со «служебной запиской» Подцероба получила свое продолжение. В книге Ильи Безыменского «Сталин и Гитлер перед схваткой» можно прочесть следующее:

«23 декабря 1989 г. консервативное большинство съезда было настроено весьма агрессивно. Оно отклонило предложение осудить пакт 1939 г. и аннулировать протоколы. Все соображения комиссии о протоколах были отвергнуты, в том числе отвергнуты и доказательства их существования. Лишь на следующий день А. Н. Яковлев смог переубедить делегатов, предъявив им обнаруженный комиссией документ.

Что же содержалось в этом документе, который был известен Громыко еще в 50-х годах, потом положен под сукно? Его главную часть представлял акт, составленный в апреле 1946 г. работниками секретариата Молотова Д. Смирновым и Б. Подцеробом. Акт фиксировал наличие восьми документов, в том числе подлинных секретных протоколов от 23 августа и 28 сентября 1939 г.

Акт гласил:

«Мы, нижеподписавшиеся, заместитель заведующего секретариата тов. Молотова В. М. тов. Смирнов Д. В., и старший помощник министра иностранных дел СССР т. Подцероб Б. Ф., сего числа первый сдал, второй принял следующие документы Особого архива Министерства иностранных дел СССР:

I. Документы по Германии

1. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 3 экземпляра копии этого протокола.

2. Подлинное разъяснение к «Секретному дополнительному протоколу» от 23 августа 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии разъяснения.

3. Подлинный Доверительный протокол от 28 сентября 1939 г. (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

4. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. («О польской агитации») (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

5. Подлинный Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. (о Литве) (на русском и немецком языках). Плюс 2 экземпляра копии этого протокола.

6. Подлинный Секретный протокол от 10 января 1941 г. (о части территории Литвы) (на русском и немецком языках).

7. Подлинный Дополнительный протокол между СССР и Германией от 4 октября 1939 г. (о линии границы) (на русском и немецком языках).

8. Подлинный Протокол — описание прохождения линии госграницы СССР и госграницы интересов Германии (две книги на русском и немецком языках)...».

Самое важное: в найденном «деле» МИД СССР сохранились копии секретных протоколов, заверенные (без указания должности) В. Паниным. Когда же было проведено сопоставление этих копий с копиями из архива Риббентропа, то было установлено следующее.

1. Тексты по содержанию на 100% идентичны.

2. Снимались все подозрения (повторявшиеся и М. С. Горбачевым) о том, что, мол, подпись В. М. Молотова сделана латинским шрифтом, следовательно, фальшивка. Молотов русский оригинал подписал кириллицей; зато под немецким текстом (и договора, и протокола) решил продемонстрировать свои университетские познания. Риббентроп оба текста подписал латиницей.

3. Оставшийся у немцев текст и текст Панина отпечатаны на одной и той же пишущей машинке, видимо, принадлежавшей молотовскому секретариату и предназначенной для самых важных работ.

4. Наконец, что касается подписей самого Панина, то от его родичей было получено подтверждение их аутентичности»[1].

К мелочам я придираться не буду: ну, не знает Безыменский, что такое демаркация и делимитация границы, потому и пишет какую-то чушь о двух «подлинных протоколах» в виде книг с описанием границы между госграницей СССР и «госграницей интересов» Германии. Еще бы он потрудился объяснить, что значит «госграница интересов» — вот это было бы весело.

Отборный бред Безыменский начинает нести, когда он сравнивает «копии Панина» с фотокопиями из коллекции фон Леша. Разберем его по пунктам:

1. То, что текст «копий Панина» и копий из коллекции фон Леша на 100% идентичны, весьма радует. Видимо, фальсификаторы научились перепечатывать документы, не путаясь в датах, фамилиях и орфографии. Впрочем, поскольку «копий Панина» никто не видел, я все-таки сомневаюсь и в этом.

2. Очень мне интересно, как «заверенные копии Панина» могли снять подозрения с подписей Молотова, сделанных латиницей? Это каким же придурком надо быть, чтобы утверждать, будто Панин скопировал не только текст «секретного протокола», но еще и подпись Молотова латиницей на копию проставил? Один кретин это написал, тысячи дебилов больше 10 лет читают его книжонку, и никто не понимает, что это полнейшая ахинея! Книжка Безыменского, все же способна внести вклад в науку. В медицинскую. Представления о масштабах старческого маразма она расширила весьма значительно.

3. То, что «панинские копии» изготовлены на той же пишущей машинке, что и микрофильмы фон Леша — это, конечно, открытие. Я считал, что сфотографировать пишущей машинкой нельзя, даже если это машинка «для самых важных работ». Но если отнестись к словам Безыменского серьезно, то фальсификаторы попадают в весьма щекотливую ситуацию: что произойдет, если выяснится, что один из этих документов фальшивый? Если будет установлена подложность «копий Панина», то выходит, что и копии Леша тоже фальшивые, поскольку изгоовлены с помощью той же машинки. Если же не акцентировать внимание на том, что

---

[1] http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/pre1.html.

оба документа отпечатаны на одной машинке, то даже разоблачение панинской «копии» не подорвет веру в подлинность немецких микрофильмов. Правда, Безыменский ничем не рискует, ибо копии Панина, повторюсь, никто никогда не видел. В любом случае, даже если они изготовлены с использованием одной пишущей машинки, это не доказывает их подлинности. Разве фальсификаторы не могли использовать для изготовления «заверенных копий» ту же машинку, что и в 1946 г.?

4. Как родичи Панина могут подтвердить аутентичность его подписи — они что, эксперты-графологи? Это как раз тот случай, когда можно провести экспертизу, сравнив подпись Панина на «заверенной копии» с его подписью на множестве других документов, которых наверняка тысячи сохранились в архивах МИД. Отсюда следует вывод, что подпись Панина никто не удостоверял. Кстати, почему никто не обратился к родичам Молотова, чтобы те засвидетельствовали аутентичность подписи Молотова латиницей? Вот это был бы цирк.

Далее рассказ Безыменского обрастает все новыми и новыми подробностями:

В президентском архиве хранились секретные документы партии. При этом степень секретности архивов была различной: просто секретные, совершенно секретные, далее — особой важности, или — о, эти партийные эвфемизмы! — документы ОП, т. е. «особой папки». Собственно говоря, «папок» как таковых не существовало. Это было просто обозначение высшей степени секретности для особо важных решений Политбюро ЦК. Они обозначались в протоколах так: сначала порядковый номер в повестке дня. Затем — чей вопрос (Министерства обороны или МИД и т. д.). Наконец, краткая формула в скобках: «смотри особую папку». Однако, оказывается, существовала еще одна специфическая степень секретности. Она называлась «закрытым пакетом». Это действительно был большой пакет с соответствующим номером (проставлялся от руки). Он опечатывался или заклеивался в Общем отделе тремя или пятью печатями и обозначался буквой «К» («конфиденциально»).

Именно в таком пакете за № 34 были обнаружены оригиналы секретных протоколов вместе с подробным описанием их «архивной судьбы». Оказывается, что оригиналы секретных протоколов, находившиеся до октября 1952 г. у В. М. Молотова, 30 октября 1952 г. были переданы в Общий отдел ЦК. Почему именно в это время? В это время звезда министра закатилась: еще до смерти Сталина доверия к нему уже не было, внешним знаком чего был

арест супруги Молотова Полины Жемчужиной. В VI секторе Общего отдела ЦК протоколу был дан свой номер: фонд № 3, опись № 64, единица хранения № 675-а, на 26 листах. В свою очередь эта «единица хранения» была вложена в «закрытый пакет» № 34, а сам пакет получил № 46-Г9А/4–1/ и заголовок «Советско-германский договор 1939 г.». Внутри пакета лежала опись документов, полученных из МИД СССР, — всего восемь документов и две карты:

1) секретный дополнительный протокол «о границах сфер интересов» от 23 августа 1939 г.;

2) разъяснение к нему от 28 августа (включение в разграничительный рубеж р. Писса);

3) доверительный протокол от 28 сентября о переселении польского населения;

4) секретный протокол «об изменении сфер интересов» от 28 сентября;

5) такой же протокол «о недопущении польской агитации» от 28 сентября;

6) протокол об отказе Германии «от притязаний на часть территории Литвы» от 10 января 1941 г.;

7) заявление о взаимной консультации от 28 сентября 1939 г.;

8) обмен письмами об экономических отношениях (той же даты).

Ну вот, теперь прояснилась ситуация с передачей документов от Смирнова Потцеробу. Значит, до апреля 1946 г. «секретные протоколы» хранились у Молотова, а потом заместитель заведующего молотовским секретариатом Смирнов передал их Подцеробу, старшему помощнику министра иностранных дел СССР Молотова, чтобы секретные протоколы теперь хранились у Молотова. Прочувствуйте весь смак ситуации! Выходит, что вся эта процедура была затеяна исключительно для того, чтобы оставить за собой шлейф в виде «служебной записки Смирнова — Подцероба», которую волшебным образом обнаружил Яковлев в ночь с 23 на 24 декабря 1989 г.

Безыменский свидетельствует, что передача оригиналов «секретных протоколов» в Общий отдел ЦК состоялось в октябре 1952 г., когда «*звезда министра закатилась*». Его совершенно не смущает, что Молотов был освобожден от должности министра иностранных дел СССР еще в марте 1949 г. Шпионскую лабуду про «особую папку» и «закрытый пакет» с буквой «К» комментировать не имеет смысла. Интересно другое — то, что писатель обнаружил какой-то новый «доверительный протокол о переселении

польского населения». Видать, он спутал 1939 г. с 1863 г., когда несколько тысяч поляков отправили на ПМЖ в Сибирь. Впрочем, я не удивлюсь, если когда-нибудь историки обнаружат «особую папку» №666, где будет находиться ранее неизвестный протокол о переселении на Колыму всех поляков, которых Сталин купил у Гитлера, потому что в Гулаге всех зеков постреляли и уморили голодом, и там некому стало работать. Как обнадеживающе пишет сам Безыменский, «... *«архивная масса» настолько велика, что на ее освоение понадобится немало лет и не один исследователь. Тем не менее, архивы бывшего VI сектора Общего отдела ЦК КПСС, ныне перешедшие в Архив Президента РФ (сокращенно АП РФ), уже открывают много нового и доселе неизвестного».*

Но как бы ни велика была «архивная масса», настоящий «историк» всегда сможет извлечь из «особой папки», словно фокусник зайца из цилиндра, очередной «секретный протокол» или «служебную записку». Ознакомившись с книжкой Безыменского, я долго гадал: то ли автор идиот, то ли он скрытый враг перестройки, который писал бредятину, чтобы его можно было легко разоблачить и тем самым опровергнуть фальшивые «секретные протоколы». Первое все же более вероятно.

Но давайте вернемся к рассматриваемому акту («записке Смирнова — Подцероба»). В нем громадное количество изъянов, помимо упомянутых выше, которые полностью исключают его достоверность:

1. «Подлинное разъяснение к «секретному дополнительному протоколу» (видимо, имеется в виду разъяснение об уточнении границы сфер интересов) датировано неправильно — 23 августа 1939 г. Во всех прочих источниках оно отнесено к 28 августа. Уже одно это упоминание несуществующего в природе документа полностью разоблачает фальшивку. Халатную небрежность можно сразу исключить — ведь документы принимаются по описи, и потому Подцероб должен был либо потребовать у Смирнова указанное разъяснение от 23 августа, либо составить новый акт, устранив ошибку.

2. Документы перечисляются бессистемно, в нарушение хронологического порядка.

3. Названия документов вроде «Подлинный Секретный протокол от 10 января 1941 г. (о части территории Литвы)» абсолютно недопустимы в официальном делопроизводстве, где действует железное правило: указываются только официальные наименования документов без раскрытия их содержания (тем более, если речь идет о секретных документах!). То есть если речь идет о «дополнительном секретном протоколе» от 23 августа 1939 г.,

то обязательно следует указывать, что он дополняет германо-советский договор о ненападении. А то мало ли, сколько могло быть подписано секретных протоколов в тот день?

4. Самое уязвимое место яковлевской фальшивки в том, что в акте не указывается реквизитов передаваемых документов по месту хранения. Вообще из акта непонятно, откуда и куда они передаются. Впрочем, поскольку речь идет о несуществующих бумагах, это вполне объяснимо.

5. «Подлинный Протокол — описание прохождения линии госграницы СССР и госграницы и границы интересов Германии (две книги на русском и немецком языках)» не датирован. Сделано это умышленно, поскольку настоящий протокол о границе был подписан в Москве 4 октября 1939 г., и ничего секретного в нем не было. Ко всему прочему, в тексте есть ошибка — написано «...и госграницы и границы интересов Германии», причем, как видно из приведенной в «Известиях» репродукции, эта ошибка даже не исправлена.

6. «Карты, подписанные И. В. Ст. и Риббентропом, №1 и № 2» — о чем идет речь, совершенно непонятно. Не указано, к какому документу прилагаются эти карты, ни даты подписания. Не указано даже, что изображено на этих картах.

7. «Полномочия Шуленбургу вести переговоры с представителем Правительства СССР о дополнительном протоколе (на немецком языке). Плюс 3 экземпляра копий этих полномочий» — плод очень нездоровой фантазии. Посол по определению уполномочен вести переговоры, о чем свидетельствует верительная грамота. Снова не указано ни название документа, ни дата, не раскрывается вопрос о том, какой дополнительный протокол (дополнительный по отношению к чему?) имеется в виду. Если же речь идет о «дополнительном секретном протоколе от 23 августа 1939 г., то посол Шуленбург не мог вести эти переговоры через голову своего шефа Риббентропа. Думается, под этим документом следует понимать полномочия, данные Шуленбургу на заключение дополнительного протокола к договору о дружбе и границе, в котором уточнялась демаркация пограничной линии. Данный НЕсекретный протокол был подписан 4 октября 1939 г. и опубликован в советской печати в 1940 г. Применяя размытую формулировку полномочий Шуленбурга и не датируя их, фальсификаторы совершают подтасовку, пытаясь представить дело так, будто речь идет о «дополнительном секретном протоколе» от 23 августа или каком-то ином.

8. Чиновник советского министерства не мог написать «Письмо тов. Ст. Гитлеру». Это не частная записочка с приглашением на

свидание, где допустимо обращение «милая Д.» и подпись «твой Х». Фамилию должностного лица надо писать полностью, да и должность «тов. Ст.» надо обязательно указывать. В Архиве внешней политики действительно хранится документ под названием «Письмо секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру» (АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 65.). Так неужели нельзя было привести полное название документа? Можно, но для этого нужно время, а у Яковлева была только одна ночь, вот и появилась в «записке Смирнова — Подцероба» странная запись: «Письмо тов. Ст. Гитлеру от 21.VIII. 1939 г. (подлинник).

9. Документы по Японии к теме нашего исследования отношения не имеют, но относительно их сказана такая ахинея, от которой за версту отдает глубоким маразмом: «Подлинное Соглашение об уточнении границы между МНР и Манчжоу-Го в районе озера Буир-Нур и реки Нумургин-Гол от 9 июня с. г. (на русском и японском языках)». В Манчжоу-Го государственным языком был китайский, а в Монголии — монгольский. Соответственно, если эти страны улаживают пограничный вопрос, то «подлинники» составляют на монгольском и китайском языках, да и в Москве никак не могло быть «подлинника» договора между третьими странами. Но самое смешное, что фальсификаторы датируют монгольско-маньчжурское соглашение 9 июня сего года (так следует понимать обозначение с.г.), хотя акт составлен в апреле. Вот ведь идиоты! К тому же Манчжоу-Го прекратило свое существование 19 августа 1945 г. Рядом упоминается некий «Подлинный Протокол — соглашение по рыболовному вопросу от 31 декабря 1939 г. (на английском языке)». С какой стати соглашение (или протокол?) с Японией составлено на английском?

В общем, всего вышесказанного достаточно для того, чтобы сделать однозначный вывод: «записка Смирнова — Подцероба» — очень примитивная фальшивка, которая если что и доказывает, так лишь то, что Яковлев являлся тупым фальсификатором (в этом мы убедимся еще не раз), и самостоятельно создать убедительную подделку был не в состоянии. Другой вариант: Яковлев не сам стряпал сию писульку, а поручил своему подчиненному, который, испытывая большое отвращение к этому делу, постарался выполнить задание нарочито халтурно, чтобы фальсификацию легко было разоблачить в дальнейшем.

ПОЛИТБЮРО

Кто же провел экспертизу машинописи, доказав, что Договор о ненападении и «секретные протоколы» отпечатаны на одной печатной машинке? Об этом все члены яковлевской комиссии 20 лет назад умолчали. Зато потом некоторые участники той тусовки принялись строчить мемуары, рассказывая о своей героической роли в деле раскрытия величайшей тайны XX века. Вот что пишет бывший нардеп, член яковлевской комиссии, заведующий Международным отделом ЦК КПСС Валентин Фалин:

«После несчастливого обсуждения на Политбюро темы секретных протоколов я попытался взять крепость в обход. Криминалистическая лаборатория Московского уголовного розыска согласилась выполнить экспертизу, чтобы установить, на одной или разных пишущих машинках изготовлены тексты договора о ненападении (оригинал сохранился) и секретного протокола к нему (тогда он был известен лишь в фотокопии, пришедшей к нам с Запада). Заключение гласило: тексты имеют идентичный шрифтовой почерк. Практически исключалось, что копия протокола могла быть продуктом фальсификаторов. Технические средства 40-х годов не позволяли так безупречно подделывать документы[1].

Во-первых, как будет показано ниже, разные варианты даже одного протокола сделаны на разных печатных машинках с очень отличными шрифтами (см. главу «Граница»). Во-вторых, по фотокопии, да еще и некачественной, в принципе невозможно установить, оригинальный это документ или образец фотомонтажа. Наконец, в 40-х годах фототехника находилась на таком уровне, что изготовить «секретный протокол» мог не только профессионал, но даже опытный фотолюбитель в домашних условиях.

Но в данном случае нам важно отметить лишь то, что мифическую экспертизу заказало частное лицо по собственному почину, а не депутатская комиссия. И самое главное — время, когда она якобы проводилась — упоминаемое автором «несчастли-

[1] «Совершенно Секретно», №1(117), 1999 // http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/284.

вое обсуждение на Политбюро» состоялось весной 1987 г.! Еще одно заседание Политбюро, на котором затрагивался вопрос о «секретных протоколах», имело место 5 мая 1988 г. накануне визита Горбачева в Польшу. Но даже если Фалин и ошибся на год, это ничего принципиально не меняет.

А вот что сообщает о той же экспертизе Владимир Абаринов в книге «Катынский синдром в советско-польских отношениях»: *«В.М.Фалин получил результаты проведенной по его просьбе в историко-дипломатическом управлении МИДа криминалистической экспертизы соответствия шрифта пишущей машинки, на которой был напечатан текст договора от 23 августа, с шрифтом известных фотокопий секретных протоколов. Лабораторное исследование подтвердило наличие этого соответствия»*[1].

Нетрудно заметить разницу в показаниях. В одном случае экспертизу проводит уголовный розыск, а в другом — историко-дипломатическое управление. Читая Абаринова, я постоянно натыкался на свидетельства его слабоумия, но утверждать, что в МИД существовала собственная криминалистическая лаборатория — это слишком даже для имбецильного перестроечного журналиста.

Если о деятельности комиссии Яковлева говорят многие (правда, в очень общих словах, подробностей деятельности ее никто до сих пор не раскрыл), то о рассмотрении проблемы «секретных протоколов» на Политбюро известно меньше. Между тем, сам факт обсуждения данной темы на партийном олимпе вызывает большое удивление. Никто не мог оказать давление на высших сановников КПСС с целью признать «секретные протоколы». Никто, кроме них самих. И чем больше я собирал отрывочных фрагментов информации об этом деле, тем более я укреплялся во мнении, что в ЦК КПСС активно действовало целое лобби (точнее, наверное, будет назвать это группой заговорщиков), добивающееся легализации «секретных протоколов». Яковлев, Ильичев, Шеварднадзе, Медведев, Громыко, Фалин, Болдин, Черняев, Соколов — вот далеко не полный список высокопоставленных капэсэсовских антисоветчиков. Конечно, они маскировали свои настырные потуги признать протоколы якобы стремлением открыть историческую правду, но сегодня абсолютно ясно, что цель у них была иной.

Когда я прочел мемуары Вадима Медведева, у меня просто челюсть отвисла — настолько откровенно он рассказал о своей роли в деле легализации «секретных протоколов» в 1968—

---

[1] http://katynbooks.narod.ru/syndrome/Docs/Chapter_04.html.

1971 гг.[1] В 1994 г. вышла его книга «Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма»[2].

В этой весьма любопытной работе автор приводит свой доклад на заседании Политбюро 5 мая 1988 г. перед визитом Горбачева в Польшу. Процитирую фрагмент сочинения Медведева, но поскольку он очень обширный, повествование я буду прерывать своими комментариями.

В постановление Политбюро по итогам встречи Горбачева с Ярузельским в апреле 1987 года, проект которого готовился мною, было вписано поручение МИД и международным отделам ЦК изучить вопрос о секретных протоколах и внести предложения. И еще до того, как комиссия историков приступила к работе, Отдел ЦК вместе с МИД плотно занялись этим вопросом, собрали досье всех имеющихся материалов.

Итак, ЦК и МИД плотно занялись этим вопросом. Мы приходим к шокирующему выводу: впервые в СССР тему «секретных протоколов» подняли не прибалтийские сепаратисты, не сидящие по психушкам диссиденты, не лидеры нарождающихся демократических движений, не фрондирующие деятели науки и искусств, а члены Политбюро ЦК КПСС, причем по собственной инициативе! Почему именно в этот момент? Наверное потому, что в ноябре 1986 г. скончался Молотов, и миф о «секретных протоколах» можно было запускать в широкий пропагандистский оборот. Ссылки на внешнеполитическую актуальность вопроса неубедительны. Официально никто перед Советским Союзом вопрос о признании «секретных протоколов» не поднимал. Как отмечает далее Медведев, невольно разоблачая сам себя, даже во время визита в ПНР 11—16 июля 1988 г. *«польская сторона во время визита проявила деликатность не только на официальных встречах, но и в общении с интеллигенцией, журналистами. Даже на пресс-конференции, насколько мне помнится, данный вопрос польской стороной не поднимался».*

Так что могло заставить высших партийных иерархов настойчиво поднимать этот вопрос, откровенно действуя во вред интересам СССР? На сумасшедших они похожи не были, зато версия о предательстве так и напрашивается.

---

[1] *Вадим Андреевич Медведев* был секретарем Ленинградского горкома партии. С 1971 г. работает в Москве: заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС (подчиненный Яковлева!), ректор Академии общественных наук, заведующий отделом науки и учебных заведений, отделом по связям с социалистическими странами ЦК КПСС. В 1986—1990 гг. секретарь ЦК КПСС. С января 1992 г. Медведев работает в «Горбачев-Фонде» (опять с Яковлевым)

[2] http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=25840&rubr_id=168&page=1.

Изучив их, я написал краткую записку Горбачеву, 28 июля передал ее «из рук в руки», высказавшись за то, чтобы обсудить и решить этот вопрос: «Чем больше мы тянем, тем сложнее будет сделать это в будущем». Мою записку по секретным протоколам 1939 года Горбачев оставил у себя (к сожалению, она у меня не сохранилась), согласившись с моим предложением о дезавуировании оскорбительных в отношении Польши высказываний Молотова в 1939 году через печать. В моем присутствии он связался с В.М. Чебриковым и поручил ему вернуться к вопросу о Катыни, несмотря на уверения председателя КГБ, что комитет не располагает материалами на этот счет. В начале октября я вновь завел разговор с Горбачевым о секретных протоколах к пакту 1939 года. Но результат был тот же: никаких новых документов к этому времени ему не было представлено. В ходе консультаций с Ю. Чиреком, состоявшихся вскоре после этого, пришлось по-товарищески просить польскую сторону не форсировать развитие событий, дать нам время для того, чтобы подкрепить документальную базу.

Проблема встала особенно остро в связи с подготовкой визита Горбачева в Польшу, намеченного на лето 1988 года. 5 мая вопрос о секретных протоколах к советско-германскому пакту 1939 года был вынесен на заседание Политбюро. Насколько я помню, была подготовлена совместная записка за подписями Э.А. Шеварднадзе, А.Ф. Добрынина и моей, в которой излагалась суть дела и были сформулированы три варианта решения этого вопроса с анализом возможных положительных и негативных последствий каждого из них. Один вариант — продолжать занимать ту же позицию непризнания секретных протоколов, а копии считать фальшивкой. Другой — по имеющимся копиям и другим косвенным свидетельствам признать существование протоколов и дать им оценку. И третий, промежуточный вариант — не идти на юридическое признание протоколов, но и не отрицать их де-факто, дать возможность историкам дальше изучать и обсуждать эти вопросы. Предварительно с Шеварднадзе мы договорились, что докладывать на Политбюро будет его заместитель Ильичев, но то ли Леонид Федорович замешкался, то ли аппарат не сработал, к началу обсуждения этого вопроса его в зале Политбюро не оказалось, и пришлось докладывать мне.

Выступать я все равно собирался. Обычно выступления на Политбюро делались, конечно, не по написанным текстам. Но в данном случае вопрос был настолько важным и острым, что выступление мною предварительно было тщательно продума-

но и положено на бумагу. Выступление на заседании Политбюро 5 мая 1988 г. «Вопрос о протоколах 1939 года — один из тяжелейших для нас. По существу он довольно ясен. Их отрицание и тем более квалификация как фальшивки никого не убеждают. Оригиналов нет, но имеющиеся копии и с той, и с другой стороны совпадают. Реальность протоколов подтверждается и самим ходом событий, которые развивались в точном соответствии с ними, а там, где возникали отклонения, они поправлялись. Например, немцы, продвинувшись в ряде случаев дальше, чем намечалось, затем отошли к согласованной линии.

По существу признание протоколов содержалось и в советской печати. Я имею в виду «Историю Великой Отечественной войны» (издание 1961 г., т. I). На стр. 176 этой книги говорится: «Советский Союз уже не мог оказать помощь Польше, правительство которой столь категорически ее отвергло. Единственно, что можно было сделать,— это спасти от германского вторжения Западную Украину и Западную Белоруссию, а также Прибалтику. Советское правительство добилось от Германии обязательства не переступать линию рек Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан (выделено мной.— В. М)». Но в основном советско-германском договоре это обязательство Германии не предусматривается, значит, была и какая-то другая договоренность, другой документ. Это высказывание хорошо известно в Польше и в других странах, и на него ссылаются историки.

Если историки и ссылаются на это утверждение, то они кретины. «Другая договоренность», на которую намекает Медведев, была достигнута в ходе переговоров германского военного атташе Кестринга с наркомом обороны Ворошиловым 21 сентября 1939 г. Именно тогда была определена демаркационная линия Писса — Нарев — Буг — Висла — Сан. 23 сентября карта Польши с отмеченной на ней демаркационной линией опубликована в советских газетах (см. главы «Гальдер» и «Граница»).

Возникает альтернатива: или и дальше уходить от этого вопроса под предлогом того, что нет оригинала, или фактически в той или иной форме признать их. Умолчание — не выход, потому что уже сам факт умолчания используется против нас, против нашего курса на гласность и перестройку.

Что касается признания, то оно, конечно, связано с определенными издержками, вызовет, по-видимому, какой-то всплеск антисоветской пропаганды, породит определенные трудности

12 А. Кунгуров

внешнего и внутреннего порядка. Но зато это расчистит почву, снимет с нас тяжкий груз, даст возможность развернуть активную наступательную пропагандистскую работу. Это было бы в русле традиций открытой, гласной внешней политики и в конечном счете не снизило бы, а повысило авторитет Советского государства и нынешнего руководства.

Вдумайтесь, что говорит этот антисоветчик! Хоть нас никто об этом и не просит, давайте покаемся в жутком преступлении. Нас, конечно, после этого оплюют, зато это повысит авторитет Советского государства. Именно этого требуют уже сегодня от РФ американцы: мол, признайте оккупацию Прибалтики, очиститесь от старых грехов, сделайте еще один шаг к моральному оздоровлению и демократии. Если в дальнейшем выяснится, что Вадим Медведев был агентом влияния Запада, меня это нисколько не удивит.

Совершенно очевидно, что президент США Буш врал в 2003 г. всему миру, что Ирак, якобы обладает оружием массового поражения. Директор ЦРУ Джордж Тенет врал, будто у него имеются доказательства этого. Министр обороны Дональд Рамсфельд врал, что Саддам Хусейн несет угрозу Америке и всему человечеству. Теперь представьте, что нынешний госсекретарь Хилари Клинтон предложит: а давайте признаемся, что мы начали ту войну не ради торжества демократии, а из-за нефти. Давайте покаемся в том, что убили миллион иракцев, чтобы свергнуть режим, который просто нам не нравился. Давайте сделаем это, дабы избежать обвинений в том, будто Америка боится признавать собственные ошибки.

Трудно предположить, что США пойдут на такое самоунижение? Зато легко представить, что посмей миссис Клинтон только заикнуться об этом, она тут же вылетит с должности, а пресса заклеймит ее самыми последними словами. Хотя факт масштабного обмана всего мира сомнению не подлежит, это то, что можно назвать очевидным фактом. Но одно дело — очевидный факт, и совсем другое — политическое самобичевание по этому поводу.

Поэтому даже если бы «секретные протоколы» существовали, даже если бы члены Политбюро знали об этом, надо было занять жесткую позицию: протоколов нет, копии являются фальшивками, и потому СССР отказывается обсуждать этот вопрос, а всякое упоминание о нем будет считать недружественным актом по отношению к себе, и на всякую подобную провокацию ответит адекватными мерами.

Неужели Яковлев, Медведев, Шеварднадзе, Горбачев и прочие не осознавали, что обязаны в первую очередь защищать интересы государства? Тогда следует объяснить, почему они действовали вопреки им.

Это открыло бы возможность для развертывания более активной наступательной работы по разъяснению нашей позиции в сложнейшей мировой обстановке, приведшей к возникновению второй мировой войны. Начало такой работе положено в докладе о 70-летии Октябрьской революции, где было убедительно показано, что для нас пакт 1939 года был тяжелой, но вынужденной мерой. Эту работу надо было бы активно развернуть в научной литературе и пропаганде.

И напротив, наше молчание по поводу секретных договоров создаст впечатление, что мы чего-то боимся, что-то пытаемся скрыть, о чем-то умалчиваем. Какие «за» и «против» с точки зрения польской ситуации? Для польского общества существование договоров давно уже воспринимается как очевидное. Конечно, какие-то спекуляции могут быть, но взрыва общественного мнения не произойдет. В польской печати в конце прошлого года опубликован полный текст секретных протоколов в западном варианте. Они оживленно обсуждаются в периодике, в научной литературе, и, пожалуй, главное, что вызывает непонимание в польской аудитории,— это наше молчание по данному вопросу.

Вот что думает об этом один из видных польских историков, член совместной советско-польской комиссии профессор Ковальский. «Смешно говорить о «белых пятнах». Конечно, если взять то, что написано, то в этом случае они есть, но если говорить о сознании людей, то в нем нет «белых пятен». Те, кого это коснулось, и те, кто хочет об этом знать, знают. Знают, что был пакт Риббентропа — Молотова, что около миллиона польских граждан было депортировано в глубь Советского Союза» («Одродзене», 16 апреля 1988 г.).

Сняв пелену умолчания с факта секретного протокола, мы перечеркнем обвинения, что что-то утаиваем. Тем самым создадим более благоприятные возможности для доведения до широких слоев польской общественности того, что не секретный протокол, а пагубный внешнеполитический курс правительства буржуазной Польши привел к сентябрьской катастрофе. Из документов известно, что дата нападения Германии на Польшу («не позднее 1 сентября») была установлена еще 3 апреля 1939 г., то есть задолго до советско-германского пакта.

Будут сужены возможности противников советско-польской дружбы использовать наше молчание по поводу секретного протокола для разжигания в Польше враждебного отношения к СССР.

Противники советско-польской дружбы были в таком восторге от Яковлева, убедившего депутатов осудить «секретные протоколы», что даже наградили его впоследствии орденом Белого орла.

Определенные издержки признание протоколов может породить для наших отношений с Финляндией, против которой Советский Союз в декабре 1939 года начал войну, а за этим последовало исключение СССР из Лиги Наций. По-видимому, правые силы не преминут воспользоваться этим предлогом для нападок на СССР и дружественный курс Финляндии по отношению к Советскому Союзу. Но нам известно, что финская сторона не обостряет вопросов истории советско-финляндских отношений. События 1939 года отодвинуты назад последующим ходом развития — укреплением наших добрососедских отношений с этой страной, которые к тому же хорошо отрегулированы на государственно-правовой основе.

Теперь о наших внутренних проблемах, касающихся Прибалтийских республик и Молдавии. Замалчивая проблему протоколов, мы оставляем широкое поле для распространения националистских взглядов в Прибалтийских республиках, согласно которым якобы судьба Прибалтики была решена в августе 1939 года путем секретных соглашений. В действительности же дело обстояло иначе: если какую роль и сыграли советско-германские соглашения, то она состоит в том, что Прибалтика была ограждена тогда от вмешательства германского фашизма, угроза немецкого порабощения прибалтийских государств — Литвы, Латвии и Эстонии — была отодвинута.

Судьба народов этих стран решилась не в 1939 году, а в 1940 году, когда на основе собственного волеизъявления они вошли в состав Советского Союза. Содержание протоколов известно населению Прибалтики через каналы западных радиостанций, так что изменение нашей позиции в отношении их не будет представлять какой-то драматический шаг и вряд ли окажет большое влияние, хотя, конечно, необходимо его тщательное пропагандистское и идеологическое обеспечение.

Подумайте только, какой убойный аргумент! Давайте признаем «секретные протоколы» потому что радиоголоса уже о них раструбили. Представьте себе, что главный редактор издательства «Главполитиздат» скажет: «А давайте издадим «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, потому что его все равно читают по «Голосу Америки», а диссиденты перепечатывают по ночам на пишущих машинках. Другой вариант: нынешний президент всея РФ предложит покаяться за москальский геноцид украинского народа, лишь на том основании что на Украине поставили памятник семи миллионам жертв «голодомаора».

Как лучше подойти к решению этого вопроса? Конечно, для публикации протоколов по имеющимся копиям нет достаточных оснований[1]*, но можно было бы в качестве первого шага снять запрет на обсуждение этих вопросов в научной литературе. Ученые могли бы высказать свои мнения, точки зрения на сей счет и затем, в зависимости от реакции в стране и за рубежом, можно было бы предпринять и дальнейшие шаги. Например, заявить, что, не располагая оригиналами протоколов, мы не можем признать их юридически, но считаем возможным и необходимым рассматривать вопрос по существу, с учетом совокупности всех фактов, относящихся к этому делу».*

Конечно, это было компромиссное предложение, а его аргументация несла на себе печать своего времени, но важно было сдвинуть глыбу с мертвой точки. Выступивший все-таки после меня Ильичев, сославшись на косвенные свидетельства, утверждал, что подлинник был, его держал в руках Павлов, работник МИД периода войны. Есть его свидетельство на сей счет.

То, что всплыла фамилия Павлова — очень важно. Он был жив в тот момент, и сторонники признания «секретных протоколов» должны были приложить все усилия к тому, чтобы найти его и получить подтверждение факту тайной сделки Молотова — Риббентропа. Еще более интересно, что он якобы оставил на сей счет какое-то свидетельство. Но ни тогда, ни потом, когда некоторые участники майского заседания Политбюро работали в комиссии Яковлева, это сделано не было. Почему радетели за «историческую правду» старательно обходили стороной единственного живого свидетеля московских переговоров? Говорить о том, что они, дескать, не знали о Павлове, теперь уже нельзя.

---

[1] В 1990 г. их все же опубликовали в сборнике «Документы внешней политики СССР» по неизвестным копиям.

Громыко заявил, что непризнание протоколов становится все более неприемлемым. В то же время сослался на разговор с Молотовым и Хрущевым: Молотов не отрицал ничего, не отрицал наличия документов и Хрущев. С точки зрения наших перспективных интересов надо открыть правду. Не исключено, что на Западе располагают оригиналом, но придерживают его. Меньше риска, если скажем правду.

Бывший министр иностранных дел СССР Андрей Громыко, как стали утверждать фальсификаторы после его смерти, знал о «секретных протоколах» еще с 50-х годов, и один из немногих якобы имел копию с оригиналов. В 1992 г. вместе с «оригиналами» «секретных протоколов» якобы была найдена «Справка о советско-германских секретных соглашениях, заключенных в период 1939—1941 годов» (см. «Новая и новейшая история» №1, 1993 г.), доказывающая, что Горбачев знакомился с «секретными протоколами» Молотова — Риббентропа. Справка, подписанная Заведующим VI сектором Общего отдела ЦК КПСС Л. Мошковым, разумеется, фальшивая. Там есть такие слова: «*Копии секретных советско-германских соглашений, подписанных в 1939—1941 гг., посылались в МИД дважды: 1—8 июля 1975 года — на имя зам. министра И. Н. Земскова для ознакомления А.А. Громыко (копии были возвращены и уничтожены 4 марта 1977 года); — 21 ноября 1979 года — в адрес И.Н. Земскова «лично» (копии возвращены и уничтожены 1 февраля 1980 года). Никому другому эти документы для ознакомления не посылались...*».

Но здесь мы видим, что Громыко, стараясь убедить коллег по Политбюро в их существовании, почему-то об этом умалчивает, а ссылается на какие-то косвенные, малоубедительные и непроверяемые данные. Что мешало ему заявить, что он видел эти протоколы лично? Бояться ему, председателю Верховного Совета СССР, уж точно было нечего.

Молотов умер ровно за полгода до этого заседания Политбюро и тут же начались разговоры, что он, дескать, не отрицал наличия «секретных протоколов». «Историки», пишущие о «секретных протоколах», старательно не замечают столь ценных свидетельств Медведева и не пытаются дать им объяснения.

Иное мнение высказал Чебриков: публиковать копии нельзя даже с формальной точки зрения. Это было бы нарушением общепринятой юридической практики. Что касается существа дела, то признание и публикация протоколов дадут больше минусов, чем плюсов. В Польше это активизирует антисовет-

ские настроения. Возрастут претензии по пересмотру границ, осложнятся отношения с Румынией. Усилятся требования об отделении Прибалтики. Одним словом, публикация по меньшей мере преждевременна.

При таком разбросе мнений девять десятых в решении этого вопроса зависело от Горбачева. Но он подтвердил свою прежнюю точку зрения: по копиям, как бы достоверно они ни выглядели, юридическое признание документа неправомерно. Надо продолжать поиски документальных подтверждений, тем более что опубликованные копии порождают ряд сомнений. Как Молотов мог подписать документ латинскими буквами? И вообще слишком велика ответственность, которую мы возьмем на себя, совершив насилие над юридическими процедурами и нормами.

Председатель КГБ Чебриков высказал очень разумную точку зрения — точно так оно в дальнейшем и произошло. Неудивительно, что в 1989 г., когда спецоперация «Секретные протоколы» вступила в горячую фазу, Виктор Михайлович был отправлен в отставку.

Горбачев занял типично страусиную позицию, уходя от обсуждения неприятного вопроса, который навязчиво поднимали представители пятой колонны. Напомню, что заседание Политбюро проходило 5 мая 1988 г. Менее чем через месяц имело место скандальное выступление Маврика Вульфсона в Риге на пленуме творческих союзов, где он впервые в СССР публично поднял вопрос о «секретных протоколах» и «оккупации» Прибалтики. Речь эта получила большой международный резонанс, солидарность с Вульфсоном выразили даже американские конгрессмены. Время для этого хода было выбрано как нельзя более удачно — за месяц до запланированной поездки Горбачева в Польшу.

Не исключаю, что выступление Вульфсона было санкционировано представителями «пятой колонны» в высшем руководстве страны, хотя прямых доказательств этому нет. Однако по косвенным признакам можно предположить, что у Вульфсона была серьезная «крыша». Несмотря на то, что некоторые латвийские руководители были возмущены его выходкой и даже предлагали судить за клеветнические и оскорбительные выступления (статья УК, карающая за антисоветскую пропаганду, не была отменена), он вышел сухим из воды — даже выговора по партийной линии не получил. Это более чем удивительно.

Все очень логично: поскольку польский фактор оказался недейственным — дважды вопрос поднимался в Политбюро, и оба

раза дожать Горбачева не удалось. Поэтому, как пишет Медведев, *«в дальнейшем острота дискуссий вокруг проблемы протоколов 1939 года переместилась с польского на прибалтийский угол»*. Надо полагать, переместилась она не сама собой, а была перемещена, и первым тактическим ходом в этом направлении было выступление Вульфсона.

Что же происходило в Политбюро потом? Владимир Абаринов в книге «Катынский лабиринт» пишет:

«Когда был избран Первый съезд народных депутатов, по настоянию депутатов-прибалтов в апреле-мае 1989 г. была создана комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г. Ее возглавили А.Н.Яковлев и В.М.Фалин как один из трех его заместителей (наряду с Э. Липпмаа и Ю.Н.Афанасьевым), а также в качестве секретаря В. А.Александров. К этому моменту дискуссия приобрела острый внутриполитический характер, и обе комиссии — партийная и государственная (народных депутатов, которая также собиралась в здании ЦК КПСС на Старой площади) — ориентировались на приближавшуюся годовщину начала Второй мировой войны»[1].

Выходит, что параллельно с депутатской работала и некая партийная комиссия, о деятельности которой мне не удалось найти вообще никаких материалов. Но именно эта партийная комиссия, носящая неофициальный характер, судя по всему, была главной. Там принимались решения, там фабриковались необходимые документы, а психически неуравновешенные, но зато подконтрольные народные депутаты из яковлевской комиссии использовались лишь для того, чтобы легализовать решения и документы.

Не случайно, проект Постановления депутатской комиссии обсуждался 31 июля на Политбюро и не был одобрен. Почему вопрос обсуждался партийным руководством? Вот какие любопытные сведения сообщает Абаринов в своей книге: *«Когда комиссия народных депутатов выработала проект заявления Съезда «От комиссии Съезда народных депутатов о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года» и проект сообщения для печати «В комиссии съезда народных депутатов», они были, по старой традиции, направлены вместе с сопроводительной запиской от 22 июля 1989 г., под-*

---

[1] http://katynbooks.narod.ru/syndrome/Docs/Chapter_04.html

писанной А.Н.Яковлевым и завизированной В. М. Фалиным (и сразу засекреченной общим отделом ЦК КПСС), членам Политбюро, кандидатам в члены Политбюро и секретарям ЦК».

Быстро однако комиссия отработала — менее чем за месяц изучила горы документов и выработала проект постановления. Видите нестыковочку? Бла-бла-бла про «старые традиции» здесь только для отвода глаз. Важная информация — это то, что поступившие в Политбюро документы были засекречены общим отделом ЦК. Дело в том, что общий отдел в принципе не мог присвоить гриф секретности документам, которые исходили от народных депутатов СССР (депутатской комиссии). Это действие абсолютно абсурдно, потому что заставить депутатов держать содержание документа в тайне невозможно, они Политбюро не подчинялись. Гораздо логичнее предположить, что проект постановления и заявления для печати был разработан теневой партийной комиссией, которая по странному совпадению заседала там же, где и депутатская — на Старой площади. А до тех пор, пока документы не будут одобрены Политбюро, они и были засекречены, дабы не произошло нежелательной утечки. Косвенно это подтверждается тем, что помимо этого фигурировали еще некие-то радикальные проекты постановления Афанасьева и проект эстонских депутатов от 9 июля — вот эти документы действительно могли исходить от членов комиссии.

Абаринов пишет в своей книге со ссылкой на мемуары первого заместителя заведующего отделом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами Александра Капто «На изломе века»: *«Однако подготовленный вариант заявления вызвал подлинную идеологическую баталию и на Политбюро 31 июля одобрен не был. Дальнейшее продвижение работы над документом было трудным. Члены комиссии старались ускорить ее работу, оказывали давление на председателя со своей стороны, чтобы добиться опубликования хотя бы промежуточного варианта. Яковлев не получил на это согласия Горбачева. Даже выступление на съезде стало возможным только под угрозой отказа от поста председателя комиссии. Наконец Ю. Афанасьев и группа членов комиссии выступили против ее председателя и предали огласке предварительный текст заключения»*[1].

Теперь ясно, для чего нужна была депутатская комиссия? Поскольку Горбачева в очередной, кажется, уже пятый раз, не удалось уломать на признание «секретных протоколов», информа-

---

[1] http://katynbooks.narod.ru/syndrome/Docs/Chapter_04.html.

цию просто слили через придурковатых съездовских демократов. Так оказывалось давление на Горбачева (мол, согласись с нашими условиями, иначе спустим с цепи безбашенных радикалов) и продолжалась обработка общественного мнения.

То, что членов депутатской комиссии истинные режиссеры спектакля с «секретными протоколами» воспринимали, как ничего не решающих марионеток, прекрасно показывает документ, представленный на фото 8 и 9. Я специально не стал его комментировать в главе «Постановление», давая возможность внимательному читателю самостоятельно заметить в нем очевиднейшие нелепости. Репродуцированный в книге «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях»[1], он озаглавлен как «Рабочий экземпляр постановления II Съезда народных депутатов СССР...», но подписан всеми членами комиссии. Между тем рабочие экземпляры обычно пишутся от руки и подписываются только секретарем и председателем комиссии. Нет нужды подписывать всем участникам комиссии каждый рабочий вариант, которых могут быть десятки. Какой смысл вообще подписывать черновики проекта?

Но допустим, что какой-то смысл в этом имелся. В этом случае надо было выработать проект, согласовать его со всеми, внести исправления, отпечатать начисто и после этого дать на подпись членам комиссии. Дело в том, что ни одно должностное лицо никогда не будет подписывать документ, содержащий массу исправлений от руки. Если же по каким-то причинам незначительные исправления вносятся в момент подписания, то всякое исправление также заверяется подписью. Почему так принято? Да потому, что если в подписанном документе присутствуют исправления от руки, то изменять документ можно будет уже после того, как он подписан. Например, стороны заключили договор о продаже нефти по одной цене, а потом продавец от руки вписал более высокую цену и на этом основании потребовал увеличить оплату — разве можно такое представить? Поэтому НИКТО НИКОГДА не подписывает документы с исправлениями! Попробуй потом разберись, правился он до подписания или после. Неужели трудно было напечатать каких-то три странички начисто, прежде чем дать на подпись двум дюжинам народных депутатов? Опытная машинистка справилась бы с этой работой минут за 15.

Исправления на подписанном документе свидетельствуют о том, что эти многочисленные правки вносились уже после того,

---

[1] См. http://katynbooks.narod.ru/img/syndrome_photo.djvu

как проект подписали депутаты — это же совершенно очевидно! Но кто мог редактировать уже подписанный депутатами проект? Это, вероятно, делали члены теневой партийной комиссии, которая и играла главную роль в этом деле. Еще один аргумент в пользу моей гипотезы заключается в том, что подписанный проект не датирован. Железное правило делопроизводства гласит, что датируется любой исходящий документ. А если документ не датирован (что, кстати, является традицией, когда дело касается «секретных протоколов»), то сделано это может быть лишь с одним умыслом — вписать необходимую дату задним числом тогда, когда это будет нужно. Но поскольку рассматриваемый вариант не был окончательно утвержден, то его за ненадобностью и не датировали. Он был формально отправлен в мусорную корзину, а фактически оказался в личном (!) архиве Александрова — секретаря депутатской комиссии, который официально не входил в ее состав. Элементарно, Ватсон! — так говаривал в подобных случаях Шерлок Холмс.

Кстати, свой доклад Яковлев не согласовывал с членами депутатской комиссии, а получил добро на свое выступление на Съезде лично от Горбачева. Процитируем уже известного нам активиста-яковлевца Льва Безыменского:

«В августе 1989 года в работе комиссии наступил кризис. Радикальная группа, лидером которой стал Ю. Н. Афанасьев, требовала, чтобы к 23 августа был опубликован хотя бы промежуточный результат. Однако председатель комиссии А. Н. Яковлев не получил согласия на это от М. С. Горбачева. Открытыми противниками А. Н. Яковлева были Е. К. Лигачев, В. А. Крючков, М. С. Соломенцев. Как свидетельствовал А. Н. Яковлев, практически он не получил поддержки у членов ПБ, за исключением Э. А. Шеварднадзе. Только угроза отставки А. Н. Яковлева с поста председателя комиссии заставила М. С. Горбачева согласиться на выступление А. Н. Яковлева на съезде.

После этого группа членов комиссии передала предварительный текст проекта выступления А. Н. Яковлева прессе (в нем признавались протоколы) и выступила на пресс-конференции с обвинениями в адрес своего председателя. Возникла реальная угроза развала комиссии. Но победила тактика А. Н. Яковлева, который стал выше личных обид и не дал комиссии распасться. Появилось такое решение: А. Н. Яковлев будет выступать с «личным докладом», следовательно, согласовывать в комиссии (а также вне ее, т. е. в Политбюро) доклад не надо, подготовить надо лишь про-

ект резолюции, предлагаемой съезду, и краткую объяснительную запись. Эти документы были готовы 4 ноября; доклад был сделан 23 декабря на II Съезде народных депутатов СССР»[1].

Опять мы видим, что обсуждение происходит именно в Политбюро, и там же принимаются все решения. А то, что Абаринов пишет о закулисье Съезда, вообще шокирует своей откровенностью:

«Проект встретил резкое противодействие консервативного большинства и при первом голосовании не прошел. Рассмотрение проблемы секретных протоколов было полностью отвергнуто.

Комиссия после заседания собралась в зале. Яковлев, лукаво усмехаясь, поручил Александрову подготовить на следующий день аргументацию с учетом того, что копия существует. К восьми часам утра текст лежал на столе. Яковлев его подправил и произнес в виде краткой речи, сообщив, к изумлению членов комиссии, о наличии копии. В подтверждении ее подлинности сыграл свою роль владелец коллекции подписей В.М.Молотова, сделанных как кириллицей, так и латиницей на различных документах, — Э. Липпмаа. Возражение против подлинности документов, где подпись Молотова проставлена латиницей было снято. Важнейшим аргументом было представление акта от апреля 1946 г. о передаче и приемке документов Особого архива МИД СССР, который был подписан сотрудниками секретариата Молотова Д.В.Смирновым и Б. Ф. Подцеробом. В перечне указывались не только копии, но и подлинники секретных протоколов на русском и немецком языках к советско-германским договорам 1939 г. и другие связанные с ними материалы[2].

Выходит, что члены депутатской комиссии даже не подозревали о наличии заверенной копии «секретного протокола», которая, по словам автора, лежала в папке Александрова. Сами члены комиссии не участвовали в выработке «своих» документов — это делал все тот же приставленный Яковлевым секретарь Александров. Соответственно, позднейшие байки Яковлева о ночных бдениях и напряженной работе после первого доклада на Съезде — ложь. Стоит дополнить Абаринова, что изумление у членов комис-

---

[1] *Безыменский Л.* Гитлер и Сталин перед схваткой // http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/pre1.html.

[2] *Абаринов В.* Катынский синдром... // http://katynbooks.narod.ru/syndrome/Docs/Chapter_04.html.

сии вызвало не только наличие копии, но и «акт от апреля 1946 г.» Смирнова — Подцероба, о котором они тоже ничего не знали.

Хорошо, что Абаринов — тупица, иначе он, доказывая существование «секретных протоколов», не стал бы разоблачать свою же версию. Ну как, скажите на милость, можно доказать «подлинность копии», да еще и с помощью коллекции молотовских автографов латиницей, принадлежащей Липпмаа. Только идиот может поверить, будто Молотов расписался латиницей не только на оригинале, но и на копии.

В примечании к опубликованному «рабочему проекту постановления» из личного архива Александрова в книге «Катынский синдром...» говорится:

«Были усилены некоторые формулировки <...>

С предъявлением копии секретного протокола о разделе «сфер интересов» были сняты указание на то, что якобы подлинники, «по всем имеющимся данным, были сознательно уничтожены», а также ссылки на фотокопии из МИДа Германии и наличие отсылок к документам»[1].

Но ведь буквально на предыдущей странице указано, что Яковлев предъявил депутатам сохранившуюся в МИД СССР копию «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. после первого доклада сделанного 23 декабря 1989 г. Выходит, что репродуцированный в книге «рабочий проект постановления» правился уже после первого яковлевского выступления!

Спрашивается, чем вообще занимались члены комиссии Яковлева, если они не были знакомы даже с ключевыми документами? Узнать об этом нет ни малейшей возможности. Ни один из 26 участников комиссии, включая Яковлева, за прошедшие годы не проронил об этой работе ни слова. Все мемуаристы, словно сговорившись, употребляют лишь общие слова — «началась напряженная, кропотливая работа», «была проведена большая работа», «в процессе работы были рассмотрены тысячи документов» и так далее.

Даже такой плодовитый писатель, как Маврик Вульфсон, настрочивший несколько книг о «секретных протоколах», собственно процессу работы комиссии Яковлева не уделил даже абзаца. Сам Яковлев в своих мемуарах ограничился несколькими предложениями. Молчит о своих заслугах не вылезающий из эфира либе-

---

[1] http://katynbooks.narod.ru/syndrome/Docs/Chapter_04.html.

ральных СМИ ветеран перестройки Афанасьев, молчат писатели Чингиз Айтматов, Василий Быков, Ион Друцэ, Юстинас Марцинкявичюс, молчит звезда перестроечной журналистики Виталий Коротич, молчит известный политолог Георгий Арбатов. Молчат даже прибалты — Ландсбергис, Кезберс, Липпмаа и другие, которые, казалось бы, должны были всем раструбить подробности о том, как ковалась свобода Балтии. Все они были членами депутатской комиссии, все они в буквальном смысле слова делали историю, прикоснулись к разгадке одной из величайших тайн истории XX века — и никто не хочет поведать о своей исторической миссии миру. Разве такое можно себе представить?

Да, возможно! Потому что депутатская комиссия НИКАКОЙ работы по изучению вопроса о «секретных протоколах» не вела. Возможно, суетливый Афанасьев, действительно настрочил пару заявлений и проект постановления по собственной инициативе. Не сомневаюсь, что прибалтийские сепаратисты тоже попытались что-то продекларировать. Но ни один из депутатов не работал ни с какими документами. Все они были марионетками, послушно подписывавшими составленные Александровым бумажки. Сознаться в том, что их попользовали в качестве известного резинового одноразового изделия, бывшие нардепы не могут, потому и молчат о своей работе по уничтожению СССР. Если я не прав, покажите мне подробные воспоминания хоть одного из членов яковлевской комиссии, полный список которых приведен в главе «Комиссия». Я же за два года поисков их нигде не обнаружил.

ОРИГИНАЛЫ

После уничтожения Советского Союза Яковлев возвращается в большую политику. В декабре 1991 г. он принимает участие в историческом событии — передаче дел от Горбачева Ельцину. Процесс проходил приватно и длился более восьми часов. Никто кроме этой троицы в деле не участвовал. На первый взгляд присутствие при передаче дел Яковлева ничем не обосновано, поскольку он в тот момент не занимал никаких государственных постов ни при Ельцине, ни при Горбачеве. По сути же все верно: «колумбиец» представлял своих западных хозяев, победивших СССР в холодной войне и фактически становился «смотрящим» за Ельциным. Это подтверждает и то, что он получил вскоре очень влиятельный пост, став во главе Федеральной службы по телевидению и радиовещанию. В начале 1990-х годов в условиях всеобщего развала и административного паралича телевидение стало единственным действенным рычагом власти. Причем в постсоветское время СМИ окончательно избавились от какого-либо стороннего контроля и моральных оков. То, что раньше называлось средствами массовой информации, превратилось в медиа.

Думаю, необходимо сделать небольшое отступление и пояснить в чем разница между СМИ и медиа, поскольку большинство уверены, что это одно и то же. Функция средств массовой информации — информировать общество о событиях. Этим занимаются журналисты. СМИ, как инструмент, всегда использовались еще и для пропаганды, то есть формирования у широких масс населения определенных взглядов (политических, идеологических, культурных, религиозных). Однако пропаганда есть явление более широкое, она ведется через художественную литературу, кино, театр, изобразительное искусство (в том числе наглядную агитацию, скульптуру, архитектуру), образование, науку, спорт, а также через прямые коммуникативные формы — митинги, шествия, собрания, беседы и т. д. То есть для СМИ пропаганда не является главным делом, первично все же информирование. К тому же в прессе пропагандистский и информационный материал стилистически очень сильно отличаются. Каноны старой журналистики вообще базировались на разделении информационного сообщения и оценочных суждений автора.

Современные медиа уже не информируют, а выполняют иную функцию, поэтому последние 15 лет в языковой практике все более разделяются понятия СМИ и медиа. Радио «Шансон» — это медиа, но назвать его СМИ нельзя. Журнал «Maxim» — тоже медиа, ведь о событиях, даже самых важных, он не информирует. На первые полосы медиа-изданий попадают такие «события», как спавшие трусы во время светской вечеринки у известной тусовщицы Ксении С., а по разряду сенсаций проходит публичное признание какой-нибудь певички о том, что она на самом деле лесбиянка. Остальная печатная площадь заполнена удивительно тупыми статьями вроде таких: «10 способов затащить в свою постель супермодель» или «Как похудеть, не садясь на диету». Собственно о том, что происходит в мире, медиа не сообщают.

Кто-то скажет, что я говорю лишь о желтой прессе, которая всегда была такой. На самом деле, так называемая желтая пресса с сисястой шлюшкой на обложке и анекдотами на последней странице есть самое безобидное проявление медиа. Куда опаснее медиа, имитирующие серьезные издания — они не просто НЕ информируют человека о событиях, они его совершенно ДЕЗОРИЕНТИРУЮТ, формируя ложную картину действительности. То есть медиа выполняют функцию, прямо противоположную назначению средств массовой информации. Простейший пример: попробуйте посчитать, сколько по новостным и «аналитическим» программам государственных телеканалов РФ проходит сюжетов о поддержке отечественной науки, инновационных технологий и т. д. Из всей этой шумихи о многократном увеличении финансирования науки можно сделать совершенно ложный вывод о том, что с наукой в стране дело обстоит просто замечательно. А теперь попробуйте перечислить хотя бы несколько важных научных открытий, сделанных русскими учеными за последние 15 лет. Да, задача не из легких, потому как медиа вам о них не сообщали. А если и сообщали, то это были «утки» об изобретении некоего вечного «вакуумного двигателя» или пластмассы, обладающей свойствами металла. И не надо повторять вслед за теледиктором мантры про нанотехнологии. Что это такое, не смог объяснить даже директор недавно созданной госкорпорации «Роснанотех» господин Маломуд. Зато медиа успешно вбили в головы тупых обывателей, что за нанотехнологиями будущее, а раз Путин поддерживает нанотехнолгии, значит, мы на верном пути в светлое завтра.

В общем, медиа отличаются от средств массовой информации так же, как мясо краба от крабовых палочек из сои, которые валяются в любом гастрономе — с виду похоже, но по вкусу... Впрочем, в ситуации, когда мясо краба никто не пробовал, и соя будет крабом. Медиа — это суррогат СМИ, который при тотальном

засилье медиа на рынке массовых коммуникаций принимается за чистую монету. В чем же предназначение медиа? В том, чтобы формировать у масс ложное представление о реальности? Не совсем. Не обманывать, не скрывать правду, не пропагандировать выгодную властям версию событий, нет, перед медиа стоит более масштабная задача — полностью оградить сознание обывателя от реальности. Реальность — это то, что показывают в реалити-шоу «Дом-2». Главный вопрос современности — какой шампунь лучше помогает от перхоти. Политика — это рассуждения о том, когда будет названа фамилия преемника и яростные споры о том, сколько процентов голосов он получит на выборах — 72 или 75.

В деле ограждения обывательского сознания от реальности манипуляции с историческим сознанием сегодня уже не играют той роли, каковая им отводилась 20 лет назад. У эталонного члена потребительского общества вообще не должно быть истории! Он вне истории, он ничем не связан с прошлым, не строит будущее, не влияет на настоящее, он вообще должен быть свято уверен, что от него ничего не зависит. Медиа теперь не деформируют историческое сознание (деформировать можно лишь то, что существует), они его успешно стерилизуют. Самая массовая газетенка РФ «Аргументы и факты» не вызывает у меня ничего, кроме легкой тошноты, но я ее пролистываю исключительно из научного интереса, поскольку она является своего рода барометром отупения населения. Помню, лет десять назад в каждом номере «АиФ» была большая статья или хотя бы пара заметок на историческую тему. И дело не в том, что публикации были на уровне ахинеи, которую строчит драматург Радзинский, и даже не в том, что главной задачей редакция по инерции считала обсирание советского прошлого (вряд ли за это сейчас платят, как при Яковлеве). Факт в том, что тогдашнему читателю такие имена, как Тухачевский, Бисмарк, Наполеон III и Чан Кайши что-то говорили.

С тех пор 24-полосный еженедельник увеличился в объеме ровно вдвое, но исторические экскурсы практически полностью исчезли из издания. За первое полугодие 2008 г. я отыскал всего несколько публикаций. Весьма показательны темы: как большевики убивали демократию; кто отравил Сталина?; кто убил Горького: туберкулез или советская власть?; как чуть не убили Шолохова; сколько своих убили во время войны особисты? У неискушенного читателя должно сложиться ощущение, что в СССР жили одни маньяки, которые с энтузиазмом друг друга убивали. Лишь одна статья к 65-летней годовщине победы под Сталинградом имеет вполне пристойный вид, и то лишь потому, что это не сочинение «историка» или журналиста, а запись воспоминаний летчика-штурмовика Ивана Стрыго. Правда, рядом редакция опуб-

ликовала свой бред на тему: что было бы, если бы Сталинградская битва завершилась не так, как на самом деле, но не будем смеяться над убогими.

Однако историческая тема не просто исчезла со страниц еженедельника, она была заменена суррогатом двух видов. Первый — это пространные рассуждения всевозможных поп-звезд о судьбах родины, в которых они проводят нехитрую мысль о том, что раньше все было плохо, не было свободы и водка по талонам, а сейчас, слава богу, в магазинах всего навалом, значит, мы на верном пути. Второй — это вообще клинический бред лиц, притворяющихся «учеными», о прошлом цивилизации. Я, честно говоря, этот информационный понос не потреблял, но судя по заголовкам и подписям к фотографиям, речь там шла о следующем: жрецы майя вживляли своим сородичам в мозг микрочипы и превращали их в киборгов, которые построили пирамиды; деятели древней истории умели перемещаться во времени и потому одни и те же персонажи действовали в разных эпохах; древние индейцы приручали динозавров.

Я рассказываю об этом лишь потому, чтобы те, кому сегодня 20 лет, могли представить, какое значение имела два десятилетия назад спецоперация по деформации исторической памяти нашего народа. Советская материалистическая идеология базировалась на постулате о том, что каждый человек является творцом истории, что именно в этом его истинное предназначение, а вовсе не в том, чтобы иметь много барахла и получать побольше всяческих наслаждений. Государство, пусть и с оговорками, но большинство воспринимало как итог коллективного труда поколений, результат социального, культурного, экономического, политического творчества. Слова «наше государство», «наша страна» произносились людьми совершенно естественно, они ассоциировали себя с государством, его прошлым, настоящим и будущим.

Потом наступила пора, когда кучка шакалов пожелала отобрать государство у ее граждан. Но как тысячи, пусть даже сотни тысяч хищников могли захватить государство, которое своим считали 270 миллионов? Силой этого добиться нельзя, но оказывается, можно сделать так, чтобы сотни миллионов граждан добровольно отреклись от страны. Для этого нужно убедить их, что государство плохое, что гордиться им стыдно, что в его прошлом — только кровь и грязь, светлое и героическое всегда существовало исключительно вопреки варварской государственной сути. СССР был первой и величайшей космической державой мира, и это было предметом гордости, хотя вряд ли обыватель мог объяснить, какая ему есть конкретная польза от орбитальной

станции «Мир». Покорение космоса — великая цель, которая не нуждалась в каком-то меркантильном обосновании. Но в течение буквально нескольких лет в общественном сознании произошли тектонические сдвиги — массы вдруг осознали, что высшая цель — это иметь видеомагнитофон и импортные шмотки. Космическая сверхдержава — это неправильное государство, потому что витрины магазинов в ней не завалены копченой колбасой.

Вообще-то, стране, создающей луноходы, атомные ледоколы и орбитальные станции, нетрудно обеспечить население копченой колбасой. Но шакалы усиленно внушали обывателю, что «эта страна» — неправильная, убогая, агрессивная, тупая и неэффективная, не способна накормить народ колбасой из-за своей врожденной дефективности, и доказательством тому объявляли дефицит этой самой колбасы. Если государство плохое, то надо его сломать, отдать в руки хорошим дядям, которые перестроят его, сделают правильным, эффективным, и тогда у каждого будет полный холодильник колбасы и две «Волги» в гараже. В течение всей перестройки ее идеологи внушали народу отвращение к своей стране и смогли, наконец, добиться того, что подавляющее большинство добровольно отказались от государства, отдав его в руки тех, кто обещал его переделать во благо всех и каждого, а завладев желанной добычей, разодрал его ради удовлетворения своей ненасытной алчности.

Очернение истории — важнейший элемент стратегии перестройщиков. Цель их фекальных манипуляций — подрыв легитимности государства. Одним из столпов его легитимности была вера в справедливость. Советский человек был свято уверен, что СССР, какими бы внутренними недостатками ни обладал, служил высшим идеалам справедливости: мы никогда не вели захватнических войн, не имели колоний, не угнетали другие народы. Во время Второй мировой войны мы заплатили за победу громадную цену — более 20 миллионов жизней. Во имя чего были эти жертвы? Во имя высшей справедливости! Ведь мы освобождали Европу от нацистов, Китай и Корею от японцев не для того, чтобы сменить один оккупационный режим другим и даже не для того, чтобы потребовать потом оплатить услуги, как это сделали американцы с Западной Европой. Нашим людям вполне естественным казалось то, что в пользу Польши мы отказались от доли своих репараций с Германии, а после создания ГДР полностью списали им репарационный долг. Ведь это были наши друзья, а брать деньги с друзей немыслимо. Нашим людям и в голову не могло прийти упрекнуть советское руководство в том, что в 1946 г. оно гнало эшелоны с зерном в Венгрию, спасая от голода вчерашних врагов, хотя у самих дети ели горький хлеб, да и тот

не досыта. Само понятие справедливости было настолько глубоко укоренено в сознании советского народа, что поделиться последней коркой с голодным было совершенно естественным делом. Русских можно было обвинить в чем угодно, но в эгоизме, жадности и подлости — никогда.

Удар, который нанесли все эти яковлевы, вульфсоны, сахаровы и афанасьевы, оказался для нашего народа страшнее ядерного потому, что он разрушал не города, а идеалы. Дело было не в том, что Молотов подмахнул Риббентропу пару сомнительных бумажек, а в том, что государство, которому миллионы верили, самым циничным образом предало принципы справедливости, то есть ЭТО ГОСУДАРСТВО ПРЕДАЛО НАРОД. Да, пара страниц текста действительно переворачивала сознание людей, потому что выходило, что наше государство виновато в том, что началась Вторая мировая война, что был Освенцим, Дрезден и блокадный Ленинград. Простить колбасу по талонам советские люди государству могли, но предательство справедливости — нет.

Подрыв легитимности государства в глазах народа был весьма масштабной военно-пропагандистской операцией, осуществленной советской интеллигенцией — главной революционной (или контрреволюционной, если хотите) силой либеральной революции (контрреволюции) 1985—1991 гг. Миф о «секретных протоколах» был одним из самых важных этапов пропагандистской войны против СССР, имеющий помимо морально-психологического сугубо прикладное значение — именно этот миф стал базовым для сепаратистских прибалтийских движений, которые уже в 1990 г. сделали распад Советского Союза свершившимся фактом. Логично будет предположить, что после разгрома СССР «секретные протоколы» Молотова — Риббентропа потеряют свою актуальность, став предметом занудных споров историков, специализирующихся на истории Второй мировой войны, но никак не оружием политиков и дипломатов. На деле же мы видим обратное. Чтобы в этом убедиться, достаточно набрать в «Яндексе» слова «пакт Молотова — Риббентропа»: подавляющее большинство найденных ссылок будет на новостные страницы информационных агентств, а не на исторические порталы.

Да, с помощью фальшивых «секретных протоколов» Советский Союз был убит, но по сию пору нет никакой гарантии, что он не возродится в той или иной форме. А потому оказавшееся столь эффективным идеологическое оружие рано сдавать в музей. Наоборот, надо всячески усовершенствовать те пропагандистские инструменты, благодаря которым прибалтийские страны были вырваны из своей исторической колыбели, и наскоро прицеплены к ЕС и НАТО. Если НАТО существует, значит, солдат тех стран, что

входят в его состав, надо готовить к войне. А с кем могут воевать Эстония или Польша, кроме как с русскими? Гитлер в свое время попользовал эстонцев в войне против нас так же, как Наполеон когда-то поляков. Европейцы и американцы с явным облегчением вздохнут лишь тогда, когда Россия будет окончательно разорвана на куски. Русские сейчас не угрожают Западу даже гипотетически. РФ сегодня — это униженный прислужник хозяев мира. Но дело в том, что Россия потенциально опасна для Запада не как военный противник, а как носитель вируса *иной* цивилизации.

Поэтому возрождения России Запад совершенно не желает. Что же может стать идеологической базой возрождения нашей страны? Вряд ли идеализации будет подвергнута романовская империя, пусть даже олицетворяемая Петром I или Екатериной Великой. Гораздо более опасен ренессанс советской цивилизации — России Сталина, Лысенко, Чкалова, Рокоссовского, Королева, Гагарина. Вот против такой России и будет вестись борьба до конца — пока она не окажется окончательно погребена под фекалиями потребительского общества. Народ — это не просто толпа местнопроживающих. Народ — есть коллективный носитель политической воли. Задача нынешнего режима — превратить массы населения в политически безвольных обывателей. Только это будет залогом выживания правящего режима, только это даст гарантию того, что Россия никогда не возродится, как самодостаточная мировая держава. *«Знание подлинной нашей истории является фактором номер один для оздоровления страны. Пока мы не будем знать, что с нами произошло, мы останемся рабами, стадом»* — это слова прораба перестройки Яковлева, который отлично понимал, что к чему. Поэтому на деле он до последних дней своей жизни занимался фальсификацией истории, выпуская на средства зарубежных спонсоров сборники документов, нашпиговывая их фальшивками.

Спецоперация «Секретные протоколы» была продолжена Яковлевым и К° уже после крушения СССР. Нашлась в том и чисто утилитарная надобность. В 1992 г. скелеты «секретных протоколов» вновь были извлечены из пыльного шкафа. На этот раз они потребовались в качестве вещдоков во время судебного процесса по делу КПСС, который проходил 26 мая по 30 ноября 1992 г. Особо рьяные «демократы» предлагали закрепить победу над Советским Союзом неким аналогом Нюрнбергского трибунала, который должен заклеймить коммунизм, как явление, чуждое человеческой природе. Бывший член ЦК КПСС Ельцин на это не решился, потому как имел все шансы оказаться на этом процессе в качестве подсудимого.

Но дело приняло неожиданный поворот: депутаты-коммунисты внесли в Конституционный суд вопрос о конституционности указов Президента РФ и о приостановлении деятельности, а затем и запрете КПСС и КП РСФСР и о партийном имуществе. Как нетрудно понять, ключевым был вопрос об имуществе партии. Таким образом, правящий режим оказался в роли оправдывающегося, и эрзац-Нюрнберг не получил нужного резонанса. Решение Конституционного суда в итоге получилось компромиссным: имущество КПСС, конечно, никому не отдали, и ликвидацию руководящих органов партии признали законной, но местные ячейки компартии сочли легитимными и не подлежащими ликвидации.

«Демократы» даже пытались контратаковать. Так депутат Румянцев внес от имени либеральных депутатов встречный вопрос о конституционности КПСС и КП РСФСР. Коль уж суд затеяли, то туда надо представить документальные доказательства преступного характера компартии, причем требовались исключительно подлинные документы, а не стенограмма Съезда народных депутатов, заклеймившего «секретные протоколы» за «отход от ленинских принципов внешней политики».

Официальная версия дальнейших событий такова: в июле 1992 г. содержимое Архива президента РФ, доставшееся Ельцину в наследство от генсеков, изучали тогдашний руководитель президентской администрации Юрий Петров, советник президента Дмитрий Волкогонов, главный архивист Рудольф Пихоя и директор архива Александр Коротков. 24 сентября они вскрыли «закрытый пакет №1». По словам Короткова *«документы оказались настолько серьезными, что их доложили Борису Николаевичу Ельцину. Реакция Президента была быстрой: он немедля распорядился, чтобы Рудольф Пихоя как главный государственный архивист России вылетел в Варшаву и передал эти потрясающие документы президенту Валенсе. Затем мы передали копии в Конституционный суд, Генеральную прокуратуру и общественности»*[1].

Документы из «закрытого пакета» №1 говорили о том, что Политбюро ЦК ВКП(б) постановило умертвить польских военнопленных. Конечно, элементарный здравый смысл подсказывает, что по решению Политбюро в СССР никого не убивали, ибо для этого есть соответствующие судебные и специальные внесудебные органы. Но правящему режиму надо было обвинить именно КПСС, поэтому преступление, реально совершенное германскими оккупантами в 1941 г., приписали Политбюро.

---

[1] Цит. по: Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях // http://katynbooks.narod.ru/.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правит. СССР

За Правительство Германии

Фото 10. То, что обычно выдают за «подлинник» секретного протокола к договору. На самом деле это фотомонтаж из госдеповского сборника 1948 г., в котором опубликованы фотокопии из коробки фон Леша.

Через некоторое время, а именно 27 октября в «закрытом пакете №34» были обнаружены «оригиналы» якобы тщательно скрывавшихся «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа, а в пакете №35 карты с автографами Сталина и Риббентропа. В данном случае «секретные протоколы» потребовались, что называется, до кучи, дабы конъюнктурность якобы случайной находки «катынского» пакета №1 не так бросалась в глаза. Впрочем, по прошествии 16 лет эти находки в президентском архиве все же выглядят более чем странными. По официальной версии в архивах генсеков скопилось до полутора тысяч закрытых пакетов с документами наивысшей степени секретности. Но общественности предъявили содержимое одного пакета, а содержимое другого — «секретные протоколы» — лишь огласили. А что же было в остальных — неужели ничего интересного?

Любопытного там, конечно, было много. И новая «демократическая» власть устами своих самых «демократических ученых» неоднократно торжественно обещала обнародовать содержимое главного партийного архива. Газета «Коммерсант» опубликовала 15 апреля 1993 г. такую заметку:

ПАРТИЙНЫЕ АРХИВЫ СТАНУТ ДОСТОЯНИЕМ НАРОДА

Документы из бывших архивов ЦК КПСС и Центрального партийного архива, которые до августа 1991 года хранились под грифами «строго секретно» и «особая папка», скоро появятся в печати. Вчера об этом было заявлено на состоявшейся в пресс-центре МИД России презентации нулевого номера журнала «Источник», редакция которого намерена публиковать только архивные материалы. «Источник» — приложение к журналу «Родина». Учредитель нового журнала — Верховный Совет России.

Главный редактор журнала «Родина» Владимир Долматов рассказал корреспонденту Ъ, что идея нового журнала возникла после издания в августе 1991 года указов президента России, согласно которым архивы КГБ СССР и учреждений КПСС, находящихся на территории РСФСР, передавались в ведение архивных органов России. В результате огромное количество ранее недоступных архивных материалов было рассекречено. Еще до принятия указов редакции удалось установить контакты со многими архивами, которые и пригодились впоследствии. <...>

Присутствовавший на презентации председатель Комитета по делам архивов при правительстве России Рудольф Пихоя сказал корреспонденту Ъ, что выход журнала «Источник» он считает особенно важным, поскольку принцип подачи материалов

в нем — публикация только архивных документов без каких либо комментариев — поможет читателям самим оценить те события прошлых лет, сведения о которых раньше были доступны лишь немногим.

Журнал будет выходить тиражом 20 тыс. экз. раз в два месяца и распространяться как по подписке (600 руб. за 6 номеров), так и в розницу по свободной цене.

Тел. редакции журнала «Источник»: (095) 203-60-25[1].

«Источник» действительно издается. Однако сенсационные секретные документы из партийных архивов почему-то не обнародуются. Чтобы как-то объяснить странное молчание относительно содержимого других сотен «закрытых пакетов» с грифом «Особая папка» демократические «историки» что-то невнятно бормочут насчет того, что новая «демократическая» власть засекретила все (!!!) документы из архива Политбюро и генсеков. Это не мешает им с пеной у рта клеймить прошлую власть как раз за то, что та, дескать, подло скрывала от народа правду.

Поскольку сами документы не публикуются, остается выуживать крохи информации из воспоминаний прикоснувшимся к ним избранных счастливцев. Вот какими откровениями делится с нами бывший руководитель аппарата президента СССР Горбачева Валерий Болдин:

«То, что Горбачев большой мистификатор, секрета не представляет. Во всяком случае, в 1987 году секретные протоколы и карты были положены ему на стол. Он расстелил карту и долго изучал ее. Это была крупномасштабная карта с обозначением населенных пунктов, рек и прочего на немецком языке. Он изучал линию границы, которая была согласована. Насколько помню, там стояли две подписи: Сталина и Риббентропа. Потом Горбачев посмотрел и сам протокол — небольшой документ, по-моему, всего два листочка, и обратил внимание на то, что подпись Молотова была сделана латинскими буквами. Та главная загадка, которая всех сбивала с толку и была необъяснима. Горбачев изучал документы долго, потом сказал: «Убери, и подальше!».

---

[1] http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=4c6ecf91-e7fd-4552-8a92-e1f061db0f7b&docsid=45126

ОСОБАЯ ПАПКА

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

тов.ГОРБАЧЕВУ М.С.

В соответствии с Вашим поручением по шифртелеграмме № 6322 о предложениях экспертов ПНР по вопросу "белых пятен" в истории польско-советских отношений докладываем, что в архиве Политбюро ЦК КПСС имеются следующие группы документов по указанному вопросу:

I. О роспуске Коммунистической партии Польши в 1938 г. и о признании этого решения ИККИ необоснованным.

II. О советско-германских секретных соглашениях, заключенных в 1939 и 1941 гг.

III. [redacted]

IV. [redacted]).

V. [redacted] (из личного архивного фонда И.В.Сталина).

VI. По так называемому "Катынскому делу".

VII. О взаимоотношениях с польским партизанским движением.

VIII. О некоторых негативных проявлениях, связанных с пребыванием советских войск в Западной Украине (1939г.) и на территории Польши (1944-45гг.).

IX. [redacted] в период военных действий на фронтах войны в 1944-1945 годах.

Приложение: [redacted]

ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

1 декабря 1986 г.

Фото 11. Вот эта фитюлька, опубликованная в 1999 г. еженедельником «Совершенно секретно» без ссылки на источник якобы доказывает, что Горбачев знал о «секретных протоколах» как минимум с 1986 г. Реквизитов, указывающих на подлинность документа, эта записка не имеет. Вообще, вопрос о «белых пятнах» в истории отношений между двумя странами впервые был поставлен в повестку дня лишь во время краткого визита Горбачева в апреле 1987 г., откуда он действительно мог дать шифротелеграмму. Но в этом случае ответ не может быть датирован 1 декабря 1986 г. Перед нами очевиднейшая фальшивка.

Шло время, и вдруг эти протоколы стали вызывать повышенный интерес. Их запрашивали и Фалин, и Яковлев. Я доложил об этом Горбачеву. Он сказал: «Никому ничего давать не надо. Кому нужно — скажу сам».

А на первом Съезде народных депутатов он заявляет, что «все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом». Вскоре после этого он пригласил меня к себе и спросил как бы между прочим, уничтожил ли я эти документы. Я ответил, что сделать этого не могу, на это нужно специальное решение. Он: «Ты понимаешь, что представляет сейчас этот документ?» Ну, после того, как он на весь мир заявил, что документов этих не видел, я представлял, насколько для него это неуютная тема, он хотел бы поскорее уйти от нее и забыть, но сделать это было не так-то просто. Он еще дважды спрашивал, уничтожены ли секретные протоколы. Документы эти многократно зарегистрированы в различных книгах и картотеках, поэтому либо надо было уничтожить все книги, потому что подтирки делать там, естественно, нельзя, либо переписывать книги заново, — а это многолетние, начиная с тридцатых годов, записи. Вообще сделать это невозможно в принципе»[1].

Удивительно, что об этом случае Болдин хранил молчание столь долго, и поделился воспоминаниями, находясь под следствием по делу ГКЧП. Горбачев категорически отрицал, что Болдин представлял ему некий доклад о «секретных протоколах» и показывал их оригиналы. Первооткрывателей у «оригиналов» протоколов Молотова — Риббентропа много, и множатся они с каждым днем. Один из них — известный антисоветчик Буковский, которого в свое время отпустили на Запад в обмен на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана. Вот что он рассказывает в интервью «Новой газете»:

— В двадцатых числах августа 1991 года, сразу после путча ГКЧП, я приехал в Москву и начал уговаривать власти открыть архивы и устроить суд над КПСС. К тому времени я уже был хорошо знаком с людьми из ближайшего окружения Ельцина — Геннадием Бурбулисом и Михаилом Полтораниным. Я к ним пришел с этим предложением и объяснил, что если этого не сделать, то коммунисты оживут и снова станут серьезной угрозой. И более-менее всех уговорил — кроме Ельцина. Тем не менее я предложил

---

[1] *Гарифуллина Н.* Мистификаторы. Руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин «уточняет» А. Яковлева и М. Горбачева // «Советская Россия», 11 марта 1993 г.

созвать международную комиссию из историков, открыть архивы и постепенно все обнародовать. Был даже подписан черновой договор между главой Росархива Рудольфом Пихоя и мной. У меня были доверенности Гуверовского института войны, революции и мира и еще целого ряда западных исследовательских институтов, то есть я действовал как их представитель.

Этот договор у меня где-то до сих пор хранится. Он был написан от руки и подписан Пихоя и мной. Как впоследствии выяснилось, никакого значения он не имел и оказался филькиной грамотой. Когда чуть позже я снова приехал в Россию, оказалось, что все изменилось. Ельцина уговорили подписать какую-то инструкцию, согласно которой возвращаются правила секретности, существовавшие до падения советской власти.

— Это когда произошло?

— К концу того же 1991 года. Ельцин, несмотря на все ходатайства Бурбулиса и Полторанина, выступил против идеи суда. Он сказал, что не надо раскачивать лодку. Конъюнктура очень быстро, буквально в течение месяца, изменилась, и никакой речи о комиссии, о суде, об открытии архивов уже просто не было. Все вернулось на круги своя. Я не смог в архивах посмотреть даже собственное дело. Мне сказали, что подписано решение о засекречивании материалов после 1961 года. А «особые папки» засекретили чуть ли не со сталинских времен. И я уехал из России, потеряв всякое желание возвращаться.

Но к весне мое предсказание оправдалось. Коммунисты зашевелились, ожили и подали в Конституционный суд на Ельцина, оспаривая его решение о запрете КПСС. Мне позвонили от Бурбулиса и попросили приехать помочь с этим судом. Я сразу же сказал, что приеду при одном условии: если будут открыты архивы. Меня заверили, что они будут открыты. Весной 1992 года действительно была создана президентская комиссия по временному рассекречиванию архивов для нужд судебного дела. К моменту моего приезда она уже работала. Кое-что уже было доступно.

— А с чего вы начали рассекречивание?

— В основном смотрели документы ЦК. Как известно, было три уровня принятия решений — Политбюро, секретариат ЦК и аппарат ЦК (отделы). В основном рассекречивались документы секретариата и аппарата. В августе 1991 года здание ЦК было опечатано. Его взяли под контроль и сменили охрану. Поэтому архивы, находившиеся в здании ЦК на Ильинке, оказались в руках российских властей. А архив Политбюро где-то за год до того был перевезен в Кремль и приобщен к Президентскому архиву, то есть к архиву Горбачева. И поэтому был недоступен российской власти.

— А кому он был доступен?

— В тот момент Ельцин уже мог распоряжаться архивом, он стал президентом страны. Но все было не так просто. Если в здание ЦК мы могли ходить, смотреть описи, по описям заказывать документы и через суд их пробивать, то в Президентский архив мы даже попасть не могли.

— Кто это — мы? Члены комиссии?

— Да, группа экспертов. Я официально был экспертом Конституционного суда по делу «КПСС против Ельцина». В архиве Политбюро мы не могли ничего толком заказать, потому что не видели описей. А не имея описей, невозможно было дать номер документа и шифр. Президентский архив этим пользовался. Если мы запрашивали какой-нибудь документ, они требовали его номер, шифр и дату решения Политбюро, отлично зная, что ничего этого у нас нет. Но механизм получения особо важных документов существовал. Если мы очень хотели получить некий документ, мы шли к Бурбулису и Полторанину, они шли к Ельцину, Ельцин вызывал начальника архива, стучал кулаком по столу, и назавтра документ нам предоставляли.

Но это был довольно сложный алгоритм. Каждую бумажку так вышибать невозможно. Главой ельцинской администрации был некий Петров, которого Ельцин притащил с собой еще из свердловского обкома. Он по статусу отвечал за Президентский архив. Поэтому пробиться туда мы не могли никак. Это был старый обкомовец, который душой принадлежал партии и вовсе не хотел, чтобы такие люди, как мы, туда совали нос. Только через Ельцина и со скандалом можно было что-то получить. Так мы, например, получили документ о вторжении в Афганистан, хотя архив нам отвечал, что никакого решения об этом вторжении Политбюро не принимало.

— Как вам удавалось копировать документы?

— Я их сканировал. Купил портативный компьютер и ручной сканер — по тем временам это было большой новинкой даже на Западе. Я приобрел экспериментальную модель у фирмы-производителя. В широкой продаже их еще не было, а в России о такой технике даже не слышали. И не подозревали, чем я, собственно, занимаюсь. Хотя никакого закона я не нарушал. Нам запрещалось ксерокопировать документы, но упоминания о сканировании в инструкциях не было. Они же были составлены очень давно, еще при советской власти. Потом чиновники наконец сообразили, чем я занимаюсь. Помню, кто-то закричал однажды: «Он же все копирует! Он же все на Западе опубликует!». Я спокойно собрал вещи и вышел из здания... Слава богу, не задержали, дали уехать.

— Вам удалось, насколько я знаю, скопировать даже некоторые документы, не рассекреченные для Конституционного суда.

— Да. В основе своей это были документы, связанные, как они выражались, с агентурной работой. А по их правилам агентуру расшифровывать нельзя ни при каких обстоятельствах.

— Как вам удалось добраться до этих документов?

— Я запрашивал документы по описи. А описи устроены так, что по ним не поймешь, что это за документ. Названия, например, такие: «Вопрос международного отдела ЦК» или «Вопрос КГБ СССР». Нужно было догадываться, что это мог быть за вопрос в то время. Я разозлился и потребовал открыть все документы из «особых папок». Вообще все. И власти на это пошли.

Так вот, однажды заходит в комнату отдыха президентской стороны, участвовавшей в процессе, член комиссии по рассекречиванию Котенков (тогда представитель президента в Верховном совете) и радостно мне сообщает, что в комиссии для меня много новых материалов рассекретили — целую папку. Не все, конечно, есть документы, связанные с агентурой, эти — никак, а остальное вот — читай! И кладет передо мной одну папку. А вторую кладет на свой стол. Тут начался обеденный перерыв, и они все отправились на обед. В пустой комнате остались я и две папки. Ну я, конечно, начал с папки Котенкова...

— Какой массив материала вам удалось просмотреть?

— Много тысяч документов, а скопировал я порядка семи тысяч. Вообще комиссией было отобрано 48 томов, но все я не сканировал. Очень большую часть составляли вещи, мне мало интересные, например, коррупция в КПСС.

— Что такое «особая папка»?

— «Особая папка» — это форма секретности. Есть разные формы — «секретно», «сверхсекретно», «особой важности», «лично», «особая папка». А в президентском архиве, то есть в архиве Политбюро, еще была такая форма, как «особый пакет». Это запломбированный мешок, на котором не написано, что в нем находится.

— Что хранилось в таких «особых пакетах»?

— Сведения о всех крупных убийствах: например, о катынском деле — расстрел пленных польских офицеров в 1940 году. Но не только. Там же находился секретный протокол к договору «Молотов — Риббентроп» от 1939 года. Там вообще много вещей, неприятных для власти.

Президентский архив после суда снова перевели на Ильинку в здание ЦК. Но он хранится отдельно, в него нужен особый допуск...[1]

---

[1] Хмельницкий Д. Я вооружился копиями // «Новая газета», 20 декабря 2004 г., http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/93n/n93n-s43.shtml

Как следует со слов Буковского, он остался один на один с «особой папкой», в которой хранились «секретные протоколы» и сведения «о всех крупных преступлениях». В руках у него был сканер. Логично будет предположить, что самые сенсационные документы советской эпохи, не одно десятилетие будоражащие умы прогрессивного человечества, он скопирует. Однако именно бумаги из «особых пакетов» бывший диссидент не копирует. Более того, Буковский даже не упоминает, что же было в этих пакетах, кроме уже известных нам бумаг по катынскому делу и «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа. «Много вещей, неприятных для власти» — это очень уж расплывчатая формулировка.

Буковский, надо отдать должное его последовательности, ненавидел прошлую советскую власть, ненавидит он и нынешнюю эрэфовскую. Так с чего это он упускает возможность предать огласке неприятные для нее документы? Объяснение простое: никаких «особых пакетов» этот «эксперт» и в глаза не видал, потому он о них и не может сказать ничего вразумительного, повторяя лишь общеизвестные штампы. Правда, даже повторить правильно не может, называя «закрытый пакет» «особым пакетом». А если кто-то все еще верит, что Буковский действительно работал с секретными документами, то спросите у этого типа, в каком месте ему померещился гриф «сверхсекретно». Это уже из разряда анекдотов про Штирлица.

Вывезя копии документов на Запад, Буковский их там опубликовал. Так называемый архив Буковского доступен в Интернете по адресу http://www.2nt1.com/archive/buk-rus.html, но искать там изображения скандальных «секретных протоколов» бесполезно — документов, датированных между февралем и октябрем 1939 г. там вообще нет. Опять приходится верить на слово ельцинскому «эксперту»: он, дескать, видел собственными глазами и держал в руках. Кстати, хранение исторических документов 30-х годов в президентском архиве противоречит нормам Положения об Архиве президента РФ, ибо он создан 17 февраля 1992 г. как структурное подразделение президентской администрации для хранения документов, связанных с деятельностью Ельцина и его преемников. Почему якобы обнаруженные там «секретные протоколы» не были переданы по подведомственности? Только потому, что «секретные протоколы» не существуют, а всякого, кто осмелится их запросить, пошлют куда подальше, сославшись на то, что данный документ хранится в секретном фонде. Так оно и происходит.

Почему-то прикасаются к скандальным документам, связанным с «секретными протоколами» только самые ярые антисоветчики: Ельцин, Яковлев, Волкогонов, Пихоя, Буковский, Болдин, Фа-

лин и Вульфсон с Безыменским. А потом долго и витиевато рассказывают, что же они увидели. Но показать никому не желают. Правда, их россказни совершенно не согласуются друг с другом, и это понятно — врать всем одинаково невозможно. Например, Ельцин видел сразу десять «секретных протоколов»! Наверное, с перепоя у него двоилось в глазах и известные нам четыре он принял за десять. Даже если считать разъяснение к «секретному протоколу» от 28 августа 1939 г. и один доверительный протокол, получится лишь шесть документов. Вот как сам высокопоставленный алкаш поведал об этом в своих мемуарах «Записки президента»:

«Запомнилось, как Горбачев передавал мне свой секретный архив.

Он достал кучу папок и сказал: это из архива генеральных секретарей, берите, теперь это все ваше.

Я ответил, что до той поры, пока все это не обработают архивисты, не притронусь к бумагам. Я знал, что там есть и вовсе не стратегические, а просто очень интересные и важные материалы для историков — например, письма репрессированных писателей на имя Сталина, неизвестные эпизоды из политической жизни Хрущева, Брежнева, история Чернобыля, афганской войны и так далее.

Кстати, через несколько месяцев именно в этом архиве были найдены оригиналы всех знаменитых секретных соглашений пакта Молотова — Риббентропа. Двухметровые карты с подписями Сталина и Риббентропа — у Сталина красный карандаш, у Риббентропа синий. Видно, как они «правили» границы. Один тут правит, другой там... И потом крупными буквами их подписи. Нашли десять секретных соглашений. В них абсолютно ясно видна вся грязная политика Гитлера и Сталина.

На съезде народных депутатов Союза А. Н. Яковлева назначили председателем комиссии по правовой оценке пакта Молотова — Риббентропа. Этой комиссии удалось найти только копии документов. И то не всех, трех вообще не было.

Яковлев обращался к Горбачеву с просьбой помочь в поисках документов. Горбачев сказал, что все было уничтожено в пятидесятых годах. Сейчас выяснилось, что пакеты с оригиналами документов были вскрыты руководителем секретариата Горбачева Болдиным. Естественно, Болдин доложил своему шефу о том, что обнаружены документы, которые искали историки всей планеты.

Когда мне сообщили о том, что найдены эти документы, я тут же позвонил Яковлеву: «Александр Николаевич, нашлись до-

кументы». Сначала я услышал его радостный возглас: «Наконец-то, я всегда в это верил!» Ну а потом он в сердцах добавил несколько слов — повторить их я не решаюсь»[1].

Копировал документы из архива Политбюро и Дмитрий Волкогонов (вроде как с разрешения Ельцина). Копировал и отчего-то тоже передавал за границу (архив доступен в Интернет по адресу http://www.loc.gov/rr/mss/text/volkogon.html). Читаем интервью с директором Государственного архива Российской федерации Сергеем Мироненко, опубликованное русским журналом «Вестник», издаваемым в США (№ 13(350) от 23 июня 2004 г.):

«...— Покойный Дмитрий Антонович Волкогонов передал, говорят, большое количество документов в США из архива Политбюро. Это так?

— Оригиналы Волкогонов не передавал — можете мне поверить. Но он снимал копии, имея полномочия от президента России, несмотря на то, имеет ли документ гриф «сов. секретно» или нет. Поэтому доступ к копиям этих документов, оказавшихся в библиотеке Конгресса США, проще, чем в наших архивах — к оригиналам. Это понятно, да?

— Конечно. Что такое «особая папка», Сергей Владимирович? Это папка, куда складывались особо секретные бумаги?

— Нет. «Особая папка» — это тип документа, степень секретности. Такая «особая папка» существовала и в Политбюро, и в правительстве, и в министерствах. В протоколах заседания Политбюро можно прочитать: «Слушали. Постановили. Решение — «особая папка». То есть даже среди членов Политбюро это была высшая степень секретности, материалы Политбюро хранились не в одном делопроизводстве, а в разных»[2].

Опять мы сталкиваемся с удивительным фактом: почему-то именно «секретные протоколы» Волкогонов не скопировал и никуда не передал, ограничившись устным сообщением о находке.

А вот какими воспоминаниями поделился с еженедельником «Совершенно секретно» еще один член секты «свидетелей протоколов» — сотрудник аппарата ЦК КПСС Юрий Мурин[3]:

---

[1] http://www.fb2book.com/?kniga=7110&strn=30&cht=1

[2] http://www.vestnik.com/issues/2004/0623/koi/nuzov.htm

[3] Редакция еженедельника «Совершенно секретно» дает о Юрии Мурине краткую справку: «С 1972-го по 1990 год работал в архивах Общего отдела ЦК КПСС, с 1990-го по 1991 год — в Архиве президента СССР, с 1992—1994 в Архиве президента РФ. Сейчас на пенсии».

«В 1986 году мне стало известно о существовании в Архиве Политбюро закрытого пакета №1 с надписью «О поляках, постановление Политбюро П 13/144 от 5.III.1940 г., записка НКВД СССР (Берия) 794/Б, март 1940 г.». Это были документы, относящиеся к расстрелу военнопленных польских офицеров, так называемое «Катынское дело». Вскрывать этот пакет имел право только Генеральный секретарь ЦК КПСС. С содержанием документов были ознакомлены все лидеры СССР, от Хрущева до Горбачева. Последний раз пакет №1 вскрывали 24 декабря 1991 года, и он был вновь запечатан с пометками «Справок не давать» и «Без разрешения руководителя аппарата президента СССР не вскрывать».

Накануне сложения своих полномочий президент СССР Горбачев ознакомил президента РФ Ельцина с содержанием документов, представляющих наивысшую государственную тайну, в том числе с документами о расстрелах польских офицеров в 1940 году и с секретными протоколами советско-германского пакта 1939 года. Горбачев, очевидно, полагал, что передача этих документов Ельцину возложит на того ответственность за их дальнейшую судьбу. Но Ельцин поступил иначе. Документы были возвращены в Архив президента СССР, а спустя неделю сам архив был переподчинен Ельцину. Таким образом, вина в сокрытии документов о расстрелах польских офицеров и подлинников секретных статей советско-германского пакта 1939 года оказалась возложена на Горбачева.

В 1992 году члены президентской комиссии под председательством генерала Волкогонова «обнаружили» этот пакет и обнародовали его содержание<...>

Работая над выявлением документов по советско-германским отношениям за предвоенный период, я обратил внимание на несколько небольших по объему дел. Это были подлинники секретных статей советско-германского пакта 1939 года, получившего название «пакт Молотова — Риббентропа». Запомнились подписи Молотова, Риббентропа, а также росчерки Сталина и Риббентропа на карте раздела сфер влияния. Номера дел с секретными статьями пакта и картой оказались литерными. Это означало, что дела были включены в опись уже после ее оформления и находились на обычном, т. е. совершенно секретном, а не специальном хранении. Хранитель фондов разъяснила, что документы были переданы из МИДа, где находились в личном сейфе Вячеслава Молотова.

В 1987—1989 годах средства массовой информации стали чаще вспоминать о «белых пятнах» в истории, в том числе о подлинниках секретных статей советско-германского пакта

1939 года. 28 марта 1989 года состоялось заседание комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики. В своих выступлениях ученые В. Кудрявцев, А. Чубарьян, Ф. Ковалев, Г. Арбатов не отрицали существование секретных статей пакта (так как в ФРГ сохранилась их фотопленка), однако судьба подлинников оставалась загадкой. По официальным заявлениям МИД, КГБ, ЦК и Минобороны, их не находили.

Учитывая взрывоопасный характер обнаруженных подлинников секретных статей, мы с заведующим VI сектором Л. А. Мошковым решили изъять эти документы с совершенно секретного хранения и передать их на закрытое, в запечатанном пакете. В начале апреля 1989 года заведующий Общим отделом ЦК В. И. Болдин затребовал секретные статьи пакта. Через некоторое время документы возвратились с указанием: никому никаких справок не давать. На конверте Мошков сделал запись о том, что документы были доложены В. И. Болдину.

Однако М.С. Горбачев на I съезде Народных депутатов СССР 1 июня 1989 года, отвечая на вопрос о подлинниках секретных статей пакта, заявил: «Мы занимаемся этим вопросом. Подлинников нет, есть копии, с чего — неизвестно». Через некоторое время меня вызвал Мошков.

— Положение очень серьезное, — сказал он, — руководство спрашивает наше мнение о возможности уничтожения этих документов.

— Но о существовании подлинников знают некоторые сотрудники...

— Возьмем подписку о неразглашении.

После обсуждения пришли к решению доложить В.И. Болдину о нашем отрицательном отношении к данному предложению. В.И. Болдин выслушал наши доводы и не настаивал. Казалось, что документы надежно спрятаны в закрытом пакете. Но в обществе происходили серьезные перемены, события развивались стремительно.

Прошли «дни ГКЧП». Во второй половине декабря 1991 года, перед самым уходом с поста президента СССР в Архиве Политбюро появился Михаил Горбачев в сопровождении помощника и охраны. Его прихода здесь ждали: на сдвинутых во всю длину комнаты столах лежали документы, составляющие особую государственную тайну. Речь шла о надежном их сохранении от возможной утраты при смене власти. Выбрав удобный момент, задаю вопрос М.С. Горбачеву:

— Михаил Сергеевич, везде говорилось, что подлинники секретных статей пакта в архиве не обнаружены, а они хранятся здесь, и мы о них знаем.

— Ну что ж, — ответил М. С. Горбачев, — мы же объявили их с самого начала недействительными.

Михаил Сергеевич ушел, а мы вскоре получили распоряжение от руководства срочно передать документы «Особой папки» в Архив Генштаба. За два-три дня в опломбированных мешках документы перевезли в здание Министерства обороны. Прошло немного времени, и от нового начальства мы получили указание вернуть все на старое место, что было так же оперативно исполнено.

В октябре 1992 года средства массовой информации на весь мир заявили, что подлинники секретных статей пакта 1939 года наконец-то найдены, и тогда же состоялась их публикация наряду с другими рассекреченными документами. Так закончилась эпоха документов с грифом «Особая папка» и закрытых пакетов, ставших теперь достоянием истории[1].

Поскольку это самый поздний источник, сообщающий об «оригиналах» протоколов Молотова — Риббентропа, он изобилуёт массой подробностей, но при этом никак не стыкуется с более ранними сообщениями. Со слов Мурина следует, что Ельцин ознакомился с «секретными протоколами» при передаче ему дел Горбачевым. При этом, как известно, присутствовал Александр Яковлев. Ельцин же утверждает, что лично сообщил Яковлеву о находке лишь в октябре 1992 г. Кто же из двух свидетелей врет? Да оба!

Процитирую яковлевские мемуары «Сумерки»: «*Упомяну об одном грустном для меня моменте по проблеме, связанной с пактом Риббентропа — Молотова. Однажды мне позвонил Борис Ельцин (он был уже президентом, а я работал в Фонде Горбачева) и сказал, что «секретные протоколы», которые искали по всему свету, лежат в президентском архиве и что Горбачев об этом знал. Ельцин попросил меня провести пресс-конференцию, посвященную находке. Я сделал это, но был крайне удивлен, что средства массовой информации отреагировали вяло, видимо, не понимая исторического значения события...*».

И еще из того же источника: «*И вот в декабре 1991 года Горбачев в моем присутствии передал Ельцину пакет со всеми документами по Катыни...*»[2]

---

[1] «Совершенно секретно», №2(225), 2008 г. // http://www.sovsekretno.ru/app/magazines/articles/1859.pdf

[2] http://www.lebed.com/2005/art4364.htm

Горбачев утверждает, что увидел некие документы по Катыни из «особой папки» за несколько дней до сложения полномочий, и лично ознакомил с ними Ельцина и Яковлева при передаче дел. Но почему-то о содержании другого «закрытого пакета», где хранились «секретные протоколы», ни Яковлев, ни Ельцин, ни Горбачев не упоминают. Выходит, что при передаче дел Ельцин заглянул не во все бумаги? Если допустить, что Яковлев и Мурин говорят правду, то как объяснить то, что по официальной версии Ельцин ознакомился с катынскими документами из «особой папки» только 11 октября 1992 г., после чего срочно отправил своего спецпосланника Пихоя к Валенсе? Сам Пихоя в этом вопросе безбожно путается: 14 октября в Варшаве он говорит, что катынские документы только что обнаружены, а вернувшись в Москву, вскоре заявляет в одном из интервью, что находка была сделана 10 месяцев назад.

Но даже если принять слова Мурина за чистую правду, получается, что сверхсекретные архивы Политбюро извлекались, бесконтрольно перемещались, с ними работали некие сомнительные «исследователи» при том, что сами документы хранились, мягко говоря, бессистемно, и единого их реестра не существовало (в это абсолютно невозможно поверить!). В этих условиях вбросить туда любую фальшивку, чтобы потом «вдруг» найти и легализовать — плевое дело. Поскольку якобы не было описи содержимого «закрытых пакетов», то вполне возможно, что при передаче дел в пакете №34 хранились совсем не «секретные протоколы» Молотова — Риббентропа. Кстати, Горбачев, описывая содержание «катынского пакета», не упоминает тех документов, которые там впоследствии якобы были обнаружены. А кое-что из того, что было обнаружено и передано в копиях в Конституционный суд, сегодня опять куда-то подевалось, и в «научном» обороте не участвует.

Почему никто до сих пор не видел оригиналов «секретных протоколов», понятно — трудно увидеть то, чего не существует. Интересен и вопрос о том, почему никому не показывают оригинал НЕсекретного советско-германского Договора о ненападении. Думаю, документ скрывают для того, чтобы не дискредитировать подделку этого же договора из коробки фон Леша — сразу будет видна абсолютная неаутентичность этих документов. И на всякий случай отечественные «историки» принялись напускать в этом деле туман. Вот что пишет Лев Безыменский:

«Как архивный курьез можно охарактеризовать тот факт, что в соответствующем архивном деле ЦК ВКП(б) содержались не оригиналы, а вырезки из «Известий» и «Правды» с текстами договора»[1].

Спрашивается, что же здесь удивительного? В партийном архиве не могут храниться важные межгосударственные договора — для этого существует архив Наркомата иностранных дел. С «оригиналами» у яковлевско-волкогоновско-пихоевской шайки вышел еще один прокол. В дипломатии издавна существует правило альтерната, согласно которому наименование каждой договаривающейся стороны и подпись ее представителя помещаются в экземпляре договора, предназначенном для этой стороны, на первом месте. По этому правилу у советской стороны должны остаться документы, где первой стоит подпись Молотова. Но отчего-то слева он расписывается только на русских оригиналах, а на немецких его подпись стоит справа. И если бы так было всегда, то в этом можно было бы усмотреть, хоть и неправильную, но систему. Однако 10 января 1941 г. Молотов подписал первым не только русский, но и немецкий оригинал «секретного протокола» (о выкупе части территории Литвы) из советского комплекта. Запомним правило альтерната. В дальнейшем мы еще столкнемся с его нарушением, когда дело касается «секретных протоколов».

Не много ли проколов? — удивится иной читатель. Как-никак, фальсифицировали «оригиналы» не просто историки, а академики и профессора. Вот потому, уважаемые, и много проколов — ведь эти ученые нетрадиционной ориентации — демократические. Вообще, когда речь заходит о «демократических ученых», надо держать ухо востро — среди них достаточно много умственно нездоровых людей. Например, тот же Пихоя иногда совершенно серьезно произносит такие речи, что трудно удержаться от подозрений насчет его вменяемости:

«... мне пришлось обнаружить море лжи. А сколько элементарного непрофессионализма! В свое время ваш покорный слуга сидит на заседании ученого совета и слышит загробные рыдания историков партии: «А мы не можем посчитать, сколько заключенных было в Свердловской области». Я встаю и говорю: как

---

[1] Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история, №3, 1998 г.

вы не можете посчитать? «А нам данные не дают». Привет, ребята, у вас есть данные о пропускной способности железной дороги? «Есть». Вы знаете, сколько колючей проволоки туда завезли? «Да». Сколько положено проволоки на одного заключенного, знаете? «Знаем». Вот вам и ответ на вопрос»[1].

Допустим на секунду, что в тоталитарном СССР колючую проволоку не использовали ни в сельском хозяйстве, ни в армии, ни в промышленности, а вся она шла только на нужды Гулага. Допустим, что пропускная способность железных дорог измерялась исключительно объемами перевезенной колючей проволоки. Но по какой формуле высчитывается расход «колючки» на одного заключенного? Ведь это материал долговечный — один раз сделали ограждение, и лет 30 можно не беспокоиться, а за это время через лагерь пройдет не одно поколение зеков. Наверное, Солженицын, когда насчитал 20 миллионов невинно убиенных в сталинских лагерях, пользовался схожими методиками подсчета — посчитал количество винтовок у вохры, а потом прикинул, сколько можно было убить из них заключенных, работая в три смены.

Спрашивается, как такому «интеллектуалу», как Пихоя, можно поручать фальсифицировать документы, неужели людей поумнее не нашлось? Для фальсификатора в наши дни ум — далеко не главное, потому что фальшивке уже не требуется придавать убедительный вид. Зачастую и подделывать ничего не надо, ибо масс-медиа убедят, что документ существует и он самый настоящий-пренастоящий. Для фальсификатора сейчас главное — быть подлецом и иметь госдолжность, чтобы авторитетно заверить виртуальный подлог, который все равно никто никогда не увидит. В этом смысле кандидатура Рудольфа Пихоя подходит идеально. Во-первых, он принадлежал к ельцинской шайке, и когда Ельцин добрался до вершин власти, тот притащил в Москву и Пихоя (его жена состояла в должности президентского спичрайтера). Рудольф Германович, кстати, и сегодня не стесняется именовать Ельцина великим человеком, сравнивая почему-то с Петром Великим. То, что Пихоя — эстонец по происхождению, наверное, не имеет значения, но то, что его отец был выслан при Сталине на Урал, видимо, подпитывало его ненависть к советскому строю.

---

[1] Челябинский рабочий, 13 ноября 2003 г. // http://www.chrab.chel.su/archive/13-11-03/3/A192270.DOC.html.

Главный же мотив Пихоя, Козлова и прочих фальсификаторов, на мой взгляд, был сугубо меркантильным. Я не берусь утверждать, что конкретно за фабрикацию «секретных протоколов» каждый из них получил свои 30 сребреников. Надо смотреть на вопрос шире: при новой «демократической» власти всякий подлец получил для заглота свой кусок Родины — кому-то достались золотые прииски, кому-то заводы и нефтяные компании, а Пихое — архивы. А что, в эпоху рыночной экономики и архивы могут быть ходовым товаром. Сколько десятков тонн ценнейших архивных документов было вывезено из страны за рубеж, установить уже вряд ли возможно, но счет идет не на единицы хранения, а именно на тонны! В 1994 г. разразился скандал в связи с несанкционированным вывозом во Францию 20 тонн документов из архивов, захваченных в Германии в качестве трофеев. Осуществлял операцию глава Государственной архивной службы РФ Рудольф Пихоя. Взамен французы выделили 300 тысяч франков для «надлежащего содержания архивов», которые бесследно рассосались. Это лишь один эпизод многолетней деятельности Пихоя по разбазариванию культурных ценностей.

Двумя годами ранее он продал Гуверовскому институту (то есть правительству США) архивы КГБ (по 10 центов за лист копии) и отдал частной британской фирме «Chadwick-Healy» монопольные права продажи на мировом рынке копий 25 миллионов листов архивных документов. Видимо, чтобы избежать уголовной ответственности за продажу документов, содержащих гостайну, договор был составлен «исключительно в соответствии с законом штата Нью-Йорк». Вот такой интересный архивный «офшор» получился! Поражают и условия распределения доходов: собственник, то есть Российская Федерация получает 27% прибыли, а британский контрагент — 73%. Разумеется, без «отката» дело не обошлось. Правда, в 1996 г. вконец оборзевшего хапугу выпнули с должности (он перебрался на работу в яковлевский фонд «Демократия»), но освободившееся место занял подельник Пихоя по фальсификации «секретных протоколов» Владимир Козлов, и утечка архивов за рубеж успешно продолжилась.

Выходит, что абсолютно все лица, связанные с непосредственным обнаружением «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа из «особой папки», замешаны в торговле советскими архивами — Буковский, Волкогонов, Пихоя, Козлов. Генерал-политработник Волкогонов умудрился умыкнуть даже документы,

с которых до сих пор не снят гриф «Совершенно секретно». В общем, моральный облик этих типов соответствует тем требованиям, которые нынешняя власть предъявляет к своим слугам. А вот с их профессиональными способностями дело обстоит, мягко говоря, неважно.

Козлов, кстати, является автором книги о подлогах письменных источников по истории России XX века «Обманутая, но торжествующая Клио». Но одно дело — писать книжки по теории подлогов, и совсем другое — самому фальсифицировать документы. То, как Пихоя с Козловым сварганили в 1992 г. бумаги по катынскому делу, не выдерживает никакой критики. Работа была настолько халтурной, что даже проельцинский Конституционный суд, где слушалось дело КПСС, счел их сомнительными. Что характерно, туда были представлены лишь копии, а не оригиналы подделок (понятно, что у тех бумаг, что сварганили на прошлой неделе, вид будет слишком свежий для документов полувековой давности). Но огрехи были такие существенные, что их выдавали даже ксерокопии.

14 октября 1992 г. Пихоя по личному указанию президента Ельцина вылетел в Варшаву, где передал копии катынских бумаг лично президенту Валенсе. Где теперь те бумаги? По официальной версии они утеряны поляками. Оно и понятно — вреда от таких подделок, которые просто вопят о своей подложности, больше, чем пользы. У нас пихоевско-козловскую туфту по катынскому делу после конфуза в Конституционном суде немного подправили и опубликовали. И зря: писатель Юрий Мухин учинил такой разгром этим поделкам[1], что теперь фальсификаторам приходится из кожи вон лезть, чтобы объяснить, почему в делопроизводстве 50-х годов используются бланки 30-х.

С найденными «оригиналами» «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа пихоевцы решили не создавать себе лишних проблем, и никому их не показывали. Ну, кое-что, конечно, гуляет по маргинальным интернет-страницам, но от этих поделок Федеральная архивная служба всегда может откреститься. Если же это кое-что рассмотреть повнимательнее, то легко убедиться, что перед нами коллаж, сделанный путем наложения снимков «секретных протоколов» из госдеповского сборника 1948 г. и автографов Молотова и Риббентропа, репродуцированных в журнале «Вопросы истории».

---

[1] См.: Антироссийская подлость // http://lib.aldebaran.ru/author/muhin_yurii/muhin_yurii_antirossiiskaya_podlost

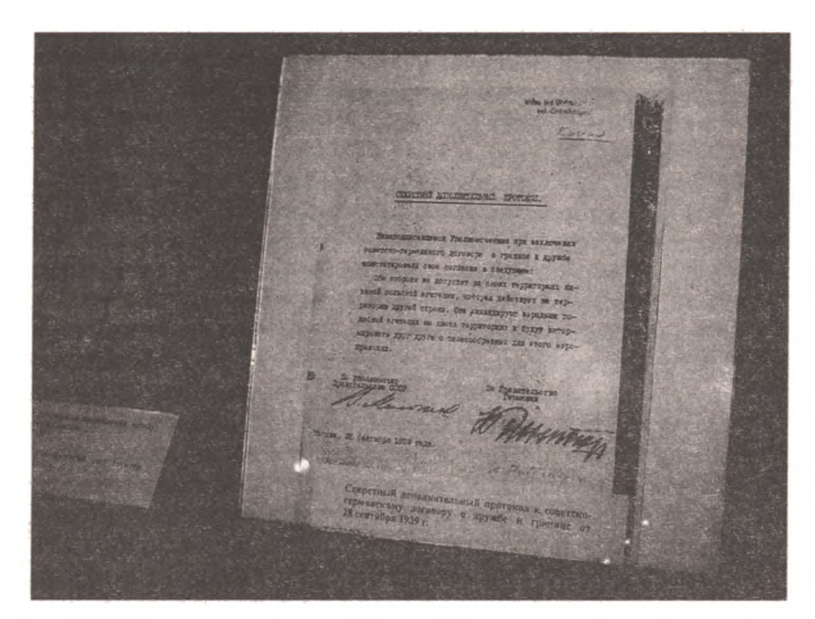

Фото 12. В Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе выставлена не копия из немецких архивов, как считает Валентин Сидак, а вероятно, новодел, изготовленный фирмой «Пихоя и К°». Поверить в то, что перед нами найденный в 1992 г. «оригинал», мешает надпись на немецком языке в верхнем правом углу, но от аналогичной фотокопии фон Леша этот экземпляр сильно отличается.

Как сообщают масс-медиа, в 1995 г. первые экземпляры секретных протоколов и карта к Договору о дружбе и границе с автографами Сталина и Риббентропа экспонировались на московской выставке «Документы великой войны». Про эту липовую карту речь ниже, а вот «первые экземпляры» на этой выставке не выставлялись. Хотя разговоров было много. Например, Владимир Козлов торжественно объявил:

«В период подготовки выставки к 50-летию Победы были рассекречены и впервые предстали перед посетителями такие документы: подлинный текст Пакта Молотова — Риббентропа, карта Европы с разграничительной линией...[1]

[1] http://www.nijournal.ru/archive/2005/n4_05/rus_mir405/kozl405/

Минуточку! Как это возможно: некий «пакт», под которым понимаются, разумеется, «секретные протоколы», опубликованный в журнала «Вопросы истории» еще в 1993 г. рассекретили только два года спустя? Когда дело касается «секретных протоколов», происходят еще и не такие чудеса. Но Козлов в данном случае не совсем врет. Дело в том, что указанный выпуск журнала «Вопросы истории» был отпечатан... в том же 1995 г. По крайней мере, именно тогда он поступил в библиотеки. Я еще могу понять, когда задним числом рассекречивают вдруг найденные документы. Но издавать задним числом периодическое издание — это уже чересчур!

Я не зря пространно объяснял в начале этой главы, чем медиа отличается от СМИ. Задача медиа — создавать ложную картину действительности. Поэтому специально для опубликования виртуальных «секретных протоколов» задним числом издают «научный» журнал. В романе-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» специальное Министерство Правды занималось постоянным изменением прошлого путем переиздания старых газет с новым содержанием и заменой их во всех библиотеках. Яковлевцы такие технологии внедрить не сумели, зато они задним числом проводили виртуальные пресс-конференции. Вот как описывает историю с представлением «секретных протоколов» общественности сам Александр Яковлев:

«Я тогда работал в фонде у Горбачева, и однажды мне позвонил Ельцин: «Александр Николаевич, нашлись документы, приезжайте, забирайте». Попросил меня собрать пресс-конференцию. Я согласился. Но на пресс-конференцию собралось очень мало журналистов, причем в основном начинающие. И после нее почти ничего не напечатали. Меня это поразило: политический вопрос, который повернул историю нашей страны и Европы, нашей прессе оказался неинтересен[1].

Об этой пресс-конференции Яковлев пишет и в своих мемуарах, цитированных выше, сетуя на то, что издания отреагировали на нее вяло. Не правда ли, любопытная ситуация? Пресс-конференция, на которой якобы представили сенсационные находки, вроде как была, потому что, начиная с 2001 г., на нее ссылаются

[1] «Вечерняя Москва», №175 (23973) от 17 сентября 2004 г. // http://www.vmdaily.ru/article.php?aid=2910

«историки», но никаких следов в тогдашней прессе она не оставила. Почти.

Яковлев утверждает, что «почти ничего не напечатали», и это показалось мне очень подозрительным. Просмотрел в библиотеке подшивки старых газет, но никаких упоминаний об этой исторической пресс-конференции не нашел. А то, что нашел, настолько интересно, что... Давайте прочитаем заметку в газете «КоммерсантЪ» № 23(176) от 31 октября 1992 г., но только очень-очень внимательно:

ПАКТ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА ИСКАЛИ НЕ ТАМ

В архиве ЦК КПСС обнаружены оригиналы девяти документов советско-германских соглашений 1939—1941 годов, определявших раздел сфер влияния в Европе. Как сообщили корреспонденту Ъ в Госкомархиве России, документы нашлись 28 октября в ходе подготовки к передаче части президентских бумаг в российские хранилища. Подлинность документов подтверждена экспертизой. Содержание советско-германских договоров было известно давно, но оригиналы хранили в глубоком секрете долгие десятилетия. Вчера документы из «Особой папки» ЦК КПСС переданы президенту России

Принадлежавший Германии оригинал секретного протокола, подписанного 23 августа 1939 года и служившего приложением к советско-германскому пакту о ненападении, был уничтожен в конце Второй Мировой войны. Сохранившаяся копия-микрофильм долгие годы была единственным историческим источником, проливавшим свет на события, связанные с началом войны и судьбами многих европейских государств. В 1947 году копию опубликовал Госдепартамент США. Бывшее руководство ЦК КПСС неоднократно объявляло микрофильм фальшивкой. По результатам работы депутатской комиссии во главе с Александром Яковлевым ее аутентичность была признана постановлением II Съезда народных депутатов СССР 29 декабря 1989 года, где пакт Риббентропа — Молотова был осужден как сговор.

Однако наличие оригинала договора в советских архивах отрицалось. Теперь Яковлев принял участие в презентации документов.

Состоящий из четырех пунктов секретный протокол, подписанный министрами иностранных дел СССР и Германии, определял, что, во-первых, северные границы Литвы становились гра-

ницей сфер влияния Германии и Советского Союза. Во-вторых, договаривающиеся стороны оставляли за собой полную свободу рук в отношении Польши. В-третьих, Бессарабия, принадлежавшая королевской Румынии, становилась советской «зоной интересов» Последствия этого соглашения известны: 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, а в июне 1940 года СССР оккупировал Литву. Окончательно запутанный бессарабский вопрос стал причиной сегодняшнего приднестровского конфликта.

До 1952 года документ хранился в секретариате наркома иностранных дел СССР Вячеслава Молотова, затем был передан в архив политбюро ЦК КПСС. За последние 40 лет копии с протокола для работы снимались только трижды: для бывшего министра иностранных дел Андрея Громыко, позднее, для заместителя главы этого департамента Земскова и заведующего общим отделом ЦК КПСС, руководителя канцелярии генерального секретаря ЦК КПСС (Михаила Горбачева) Валерия Болдина.

Эксперты отмечают, что момент обнародования «пропавших» документов был выбран не случайно. Еще не забылись обвинения против Горбачева в умышленной задержке передачи Польше материалов по Катыни. Если теперь подтвердится, что он снова «все знал», это может стать еще одним козырем в руках игнорируемого им Конституционного суда. Но последовательность Москвы в раскрытии прошлого может обернуться и другой стороной в том случае, если соседи, обиженные в результате сделки Молотова — Риббентропа, потребуют от России последовательности и в пересмотре послевоенных границ.

Наталья Ъ-Калашникова, Виктор Ъ-Замятин[1].

Ну что, кто заметил подозрительные места в этой короткой заметке? Если даже опустить грубые неточности вроде того, что архив, в котором найдены документы, назван неправильно (он именовался, как известно, Архивом президента Российской Федерации) и то, что нарком иностранных дел СССР называется отчего-то министром, у меня возникли следующие вопросы:

1. Какие это девять оригиналов «советско-германских соглашений 1939—1941 годов, определявших раздел сфер влияния в Европе» были найдены, и почему о них здесь нет даже намека? Упоминается лишь «секретный протокол» от 23 августа 1939 г. Всего известно четыре секретных протокола, один доверитель-

---

[1] http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=28494

ный, одно разъяснение к «секретному протоколу» и карта (о ней речь ниже) — итого, самое большее, семь документов.

В дальнейшем, дабы как-то объяснить проскочившую в прессу нелепую цифру «9», в журнале «Новая и новейшая история» (№1, 1993 г.) была опубликована «Опись №1. Документы, относящиеся к советско-германским переговорам в период 1939—1941 гг.», где в разделе №1 «Подлинные тексты [*да, именно так и написано — «подлинные тексты», а не оригиналы!!! — чувствуется убогий стиль Яковлева*] советско-германских секретных соглашений, заключенных в период 1939—1941 гг.» помимо секретных документов совершенно от балды приписано следующее:

«...7) Заявление советского и германского правительство от 28 сентября 1939 года о взаимной консультации.

8) Обмен письмами между Молотовым и Риббентропом от 28 сентября 1939 года об экономических отношениях между СССР и Германией».

Кто-нибудь может объяснить, какое отношение открытое заявление имеет к секретным соглашениям и что это за документ, названный «обменом письмами». Обмен — это действие, процесс, но документ так называться не может.

2. Если документы нашлись 28 октября, а на следующий день якобы были представлены публике, то кто, когда и какую успел провести экспертизу, упоминаемую в газете?

3. Советское правительство никогда не объявляло микрофильмы фальшивкой, и вообще никогда не делало официальных заявлений по поводу «секретных протоколов».

4. Съезд народных депутатов СССР не признавал аутентичность копий протоколов, он лишь осудил их за «отход от ленинских принципов советской внешней политики».

5. Каким образом «секретный протокол» от 23 августа 1939 г. мог храниться в «секретариате наркома иностранных дел СССР Вячеслава Молотова» до 1952 г., если министр иностранных дел (а не нарком!) Молотов был смещен со своего поста 4 марта 1949 г.?

6. Прочитайте еще раз это предложение: «*За последние 40 лет копии с протокола для работы снимались только трижды: для бывшего министра иностранных дел Андрея Громыко, позднее, для заместителя главы этого департамента Земскова и заведующего общим отделом ЦК КПСС, руководителя канцеля-*

рии генерального секретаря ЦК КПСС (Михаила Горбачева) Валерия Болдина». Какая работа могла вестись с документом, не имеющим никакой юридической силы? Но вопрос даже не в этом. Почему Болдин назван руководителем канцелярии генсека, хотя такой должности не существовало? Он в 1990—1991 гг. был руководителем Аппарата президента СССР Горбачева! Теперь самое интересное — Министерство иностранных дел СССР названо департаментом. Русский человек, тем более журналист, никогда не сделает такой ошибки. Но если текст писал американец, это легко объяснимо — в США министерство иностранных дел называется *Государственный департамент.*

Так что вся эта путаница с названиями учреждений и должностей может объясняться только одним: в основе заметки лежал текст, составленный на английском языке, либо написанный американцем. Поэтому и возник таинственный «департамент» и «канцелярия» генерального секретаря, а нарком Молотов назван министром, когда дело касается 1939 г., но наркомом применительно к 1952 г.

Спрашивается, почему Калашникова и Замятин (вообще странно, что над такой маленькой заметкой работают сразу два человека) допустили в тексте столько небрежностей, а главный редактор пропустил всю эту галиматью в номер без правки? Я сам в течение последних семи лет являюсь главным редактором газет (а до этого был ответсеком), и еще не было случая, чтобы написанную кем-то статью я не переделал процентов на 20—30, а иногда и больше. Есть лишь два обстоятельства, при которых главный редактор не считает нужным доводить текст до совершенства — когда публикуется проплаченная статья или когда печатается текст, спущенный сверху. Текст, уже утвержденный начальством не особо-то поредактируешь, а с рекламодателем спорить — себе дороже выйдет. В данном случае могу предположить, что команда опубликовать заметку поступила из инстанций, подконтрольных Александру Яковлеву.

7. Но самое главное — другое. Заметка вышла в субботу, 31 октября 1992 г., а яковлевская пресс-конференция якобы состоялась в четверг, 29 октября. Ежедневная газета никогда не ждет два дня, чтобы опубликовать отчет о событии — это аксиома! Появление заметки 31 октября должно иметь информационный повод в предшествующий выходу газеты день, и он обозначен здесь очень туманно: «*Вчера* (то есть 30 октября — *А. К.*) *документы из «Особой папки» ЦК КПСС переданы президенту России*». Не сказа-

но ни кем переданы, ни для чего. Вообще-то по общепринятой версии, удостоверенной самими Ельциным и Яковлевым, президент сначала получил «секретные протоколы», а потом сообщил об этом Яковлеву и попросил его провести пресс-конференцию. Следовательно, Ельцин ознакомился с содержимым «особой папки» не позднее 28 октября, если на 29 число уже якобы была назначена встреча с прессой. Следовательно, либо эта фраза в заметке «Коммерсанта» является инсинуацией, либо никакой пресс-конференции 28 октября, якобы устроенной по указанию Ельцина не было.

Почему же в публикации нет даже намека на какую-либо пресс-конференцию, и появилась она в печати лишь 31 октября? Объяснение простое: 29 октября в программе «Время» по первому каналу телевидения диктор объявил о сенсационной находке оригинала «секретного протокола» от 23 августа 1939 г., и даже зачитал его текст[1]. То есть первым источником информации для «Коммерсанта» стала не мифическая пресс-конференция, а сообщение в вечернем выпуске новостей. Поэтому только 30 октября редакция связалась с Госкомархивом, о чем упоминается в первом абзаце заметки, и уж там некий анонимный субъект якобы поведал о «презентации», в которой участвовал Яковлев. Не названо имя должностного лица, предоставившего информацию, не ясно, что же за презентация имела место быть, кем, где, когда и с какой целью она проводилась. Поскольку «презентация» переводится на русский язык, как «представление», а в заметке речь идет о представленных Ельцину документах, можно сделать вывод, что Яковлев презентовал президенту сенсационную находку. Наконец, не сказано и о том, кто и при каких обстоятельствах нашел «секретные протоколы».

С выставкой в Третьяковской галерее получилась похожая история. Вот что пишет Валентин Сидак:

«К чему, спрашивается, эта загадочная таинственность вокруг преданных огласке материалов, которых в «живом виде» никто, кроме архивистов и бывших работников Общего отдела ЦК КПСС, не видел?

---

[1] Как утверждает участник обсуждения статьи о советско-германском договоре 1939 г. на «Википедии» (см. http://ru.wikipedia.org) Alen Zarini, фальшивка «рассыпалась уже при чтении текста в программе «Время» от 29 октября 1992 г. Первые слова Протокола гласили: «По случаю подписания пакта о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик...».

Или, к примеру, дают «задним числом» сенсационную новость: в Третьяковской галерее в 1995 г. впервые экспонировались «оригиналы» секретных протоколов из Президентского архива. Наводим справки об авторах сенсации — оказывается, третьеразрядный украинский политический сайт, а в российских официальных сообщениях о действительно развертывавшейся юбилейной выставке об «оригиналах» ни слова, лишь все та же пресловутая карта с подписями И.Риббентропа и И. В. Сталина.

Другое «сенсационное» сообщение — в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе демонстрируют «оригинал» одного из секретных протоколов. Приглядываешься повнимательнее — все та же копия из немецких архивов...»[1]

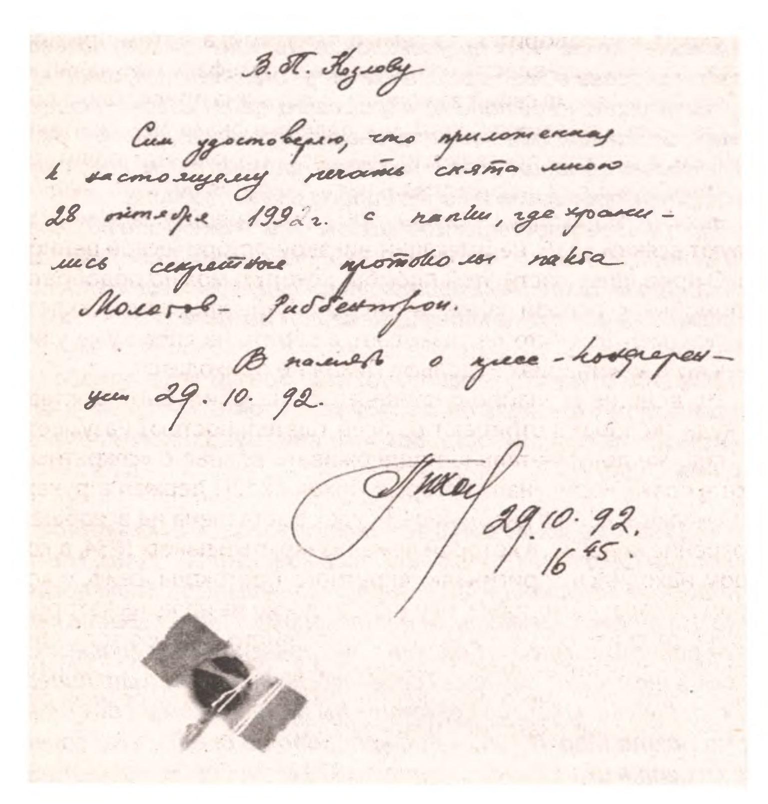
Михаил Горбачев, конечно, тот еще брехун, но в вопросе о «секретных протоколах» он продолжает стоять на своем, упорно отрицая их подлинность. Вот что пишет украинский еженедельник «2000»:

«В 1999 г. на канале НТВ демонстрировался документальный фильм Светланы Сорокиной, посвященный 10-летию I съезда народных депутатов СССР. Значительная часть была посвящена и истории с «секретным протоколом». Спустя десять лет после работы комиссии Сорокина интервьюировала главных ее героев, в том числе Михаила Горбачева. Журналистка спрашивает у Горбачева: «Михаил Сергеевич, Вы были знакомы с документами пакта Молотова — Риббентропа до съезда?» Горбачев: «До сих пор я их не видел». И это в 1999 году! Сорокина: «А почему Яковлев и тот же Лукьянов говорят, что вы были знакомы, то ли в 85-м, то ли в 86-м даже стоит на документах ваша запись «ознакомлен»? « Горбачев: «Как я думаю, что на этот счет существовало две или три папки. Копии, кстати, лежали. Копии! Но подлинников не было. И самое интересное, что копия подписана Молотовым немецким шрифтом». Сорокина: «Подпись Молотова по-немецки?» Горбачев: «По-немецки. Странно для меня это было». Сорокина: «То есть копии вы видели?» Горбачев: «Копии да-а-а... Так копии были у всех. Где подлинники?.. Ну а копии что же, у нас подлинники изобретают, а уж копии... Мастера большие»[2].

---

[1] *Сидак В.* Оригиналы секретных протоколов — на стол! // «Обозреватель», №8, 2008 г.

[2] *Лунько С.* А был ли протокол? // http://www.2000.net.ua/issue/378/C8.pdf

В. П. Козлову

Сим удостоверяю, что приложенная к настоящему печать снята мною 28 октября 1992 г. с папки, где хранились секретные протоколы пакта Молотов-Риббентроп.

В память о пресс-конференции 29.10.92.

Пихоя
29.10.92.
16^{45}.

Фото 13. Записка Р. Г. Пихоя к В. П. Козлову. 29 октября 1992 г. Странно, что проработавший не один год в архивах Пихоя не в состоянии отличить пломбу от печати. Судя по состоянию записки, трудно представить, что ей 16 лет. Скотч действительно выглядит старым, но за полтора десятилетия клеевой слой у него должен был полностью высохнуть, а пленка отпасть от бумаги. Скорее всего, состряпали этот экспонат уже в момент подготовки выставки. Лучше бы вместо пломбы показали хоть одну газету 1992 г. с отчетом о той эпохальной пресс-конференции.

28 мая 2008 г. в Выставочном зале федеральных архивов открылась историко-документальная выставка «Служим вечности», посвященная 90-летию государственной архивной службы России. На ней были представлен очень любопытный экспонат, озна-

ченный как «Записка Р. Г. Пихоя к В. П. Козлову. 29 октября 1992 г.». Смех, да и только: в советские времена «секретный протокол» был скрыт, как говорится, за семью печатями, а потом пришла «демократическая» власть, и упрятала сей артефакт еще дальше. В доказательство же своей демократичности она представила общественности ту самую печать (на деле это оказалась все-таки пломба), за которой прятали изобличающий документ тоталитарные коммуняки. Нет чтоб хотя бы в честь 90-летия показать людям сенсационную находку из сейфа Горбачева! Вместо нее демонстрируют всякий хлам, не имеющий никакой исторической ценности. О принадлежности этой пломбы, которую можно подобрать на помойке, к «особой папке», в которой якобы хранились секретные документы, ничто не указывает, а верить на слово уже уличенному в махинациях Рудольфу Пихоя не приходится.

Но ведь не случайно она оказалась на юбилейной выставке, куда экспонаты отбирают со всей тщательностью? Разумеется. Надо же документально поддерживать вранье о «секретных протоколах», «оригинал» которых Пихоя якобы держал в руках. Не удивлюсь, если в дальнейшем будет выставлена на всеобщее обозрение коробка, в которой лежал «закрытый пакет» №34, в котором находился «оригинал» секретного протокола, сейф, в котором лежала эта коробка, или просто доска из пола, на которой стоял этот сейф. Но уж точно, никто не увидит вживую тот скандальный «оригинал», якобы найденный 27 октября 1992 г. Очень трудно увидеть то, чего не существует. По крайней мере, мои обращения в архив оказались безрезультатными.

КВИЦИНСКИЙ

Поскольку при нынешнем режиме моими гражданскими правами чиновники подтерлись, и в архивы пускать не намерены, я решил найти какого-нибудь депутата Госдумы, который запросил бы документы, касающиеся дела о «секретных протоколах» в архивах. Отказать просто гражданину — это одно, а вот послать на... депутата Госдумы — это уже проблематично. Осталось найти хоть одного честного и небоязливого депутата из 450 человек наличного состава. Мой выбор пал на члена фракции КПРФ Юлия Александровича Квицинского. Во-первых, он бывший дипломат, которому этот вопрос может быть интересен, во-вторых, занимает пост первого заместителя председателя Комитета Государственной Думы по международным делам. Поэтому его обращение в МИД не вызвало бы особых подозрений. Наконец, он известен как автор пространной статьи, в которой доказывает, что советско-германский Договор о ненападении 1939 г. — величайшая дипломатическая победа, которой нисколько не стоит стыдиться[1].

Я позвонил Квицинскому и коротко объяснил, что хочу от него. Тот заявил, что верит в существование «секретных протоколов», но считает их подписание оправданным и необходимым в той обстановке. Тем не менее, он согласился выполнить мою просьбу. Я послал депутату письмо, где коротко раскрыл историю вопроса и тезисно изложил аргументы в пользу того, что «секретные протоколы» — фальшивка. К письму я присовокупил список документов, которые необходимо запросить, а именно:

1. Секретный протокол от 23 августа 1939 года — АП РФ, ф. 3, оп. 64, д.675а, лл. 3—4.

2. Секретный протокол от 28 сентября 1939 года — АП РФ, ф. 3, оп. 64, д.675а, л. 20.

3. Акт Смирнова — Подцероба о передаче в архив МИД секретного протокола в числе других документов. Акт датирован апрелем 1946 г. без указания числа

---

[1] См. http://www.za-nauku.narod.ru/docs/Kvicinsky_pakt.htm.

4. Секретный протокол о польской агитации — АП РФ, ф. 3, оп. 64, д. 675а, л. 20

5. Советско-германский Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. — АВП СССР, ф. 3а — Германия, д. 243.

6. Германо-советский Договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.

7. Карта к договору о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 года из «особой папки» №35

8. Заверенная копия секретного протокола от 23 августа 1939 года — АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1—2.

9. Заверенная копия разъяснения к секретному протоколу от 23 августа 1939 года от 28 августа 1939 года — АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 3.

10. Запрос начальника генштаба германских военно-воздушных сил об использовании радиостанции Минска в качестве радиомаяка с резолюцией Молотова — АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 74.

11. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова С Послом Германии В СССР Ф. Шуленбургом 13 июля 1940 г. — АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 15, д. 156, л. 20—21.

12. Секретный протокол от 10 января 1941 г. — АВП РФ, ф.06, оп. 3, п.1, д. 4, л. 31. Машинопись, заверенная копия.

13. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова С Послом Германии В СССР Ф. Шуленбургом 12 августа 1940 г. и приложение к записи о беседе — АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 2, д. 15, л. 44. Машинопись, заверенная копия — АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 2, д. 15, лл. 49—51, Машинопись, заверенная копия.

14. Беседа Наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии В СССР Ф. Шуленбургом от 8 января 1941 . — АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п.16, д. 4, лл. 26—28. Машинопись, заверенная копия.

15. Беседа Наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Шуленбургом и председателем германской экономической делегации Шнурре от 9 января 1941 г. — АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 1, д. 4, лл. 29—30. Машинопись, заверенная копия.

Когда через полтора месяца я позвонил в приемную депутата и поинтересовался судьбой запроса, помощница Квицинского сказала, что она готовит ответ. Мне, конечно, уже стало ясно, что надеяться на помощь пламенного зюгановца Квицинского в деле разоблачения фальсификаторов бесполезно, и интересно было только одно — как он сформулирует отказ на мою просьбу. Еще через полтора месяца я получил от него такое письмо:

«Уважаемый Алексей Анатольевич!

Извините, что задержался с ответом на Ваше обращение. Оно требовало внимательного прочтения, обдумывания и обмена мнениями со специалистами. Кроме того, были и есть всегдашние срочные дела, поездки и т.д.

Вами собран интересный материал, выстроена система доказательств Вашей точки зрения, которая хоть и не совсем обычна, но имеет право на существование. С пониманием отношусь к Вашему политическому подходу к вопросу в широком смысле этого слова.

Публикация, которую Вы готовите, конечно, может в определенной степени внести сумятицу в ту аргументацию, которую собирается использовать западная сторона, прежде всего прибалты и поляки, в годовщину нашего пакта с Германией 1939 года. Насколько стоек и действенен будет этот эффект, предсказать трудно. Скорее всего, однако, планы наших противников Ваша публикация не перечеркнет. Может быть, произойдет какая-нибудь корректировка, но не более того.

Далее. Мне кажется, что в Вашем материале содержится немало спорных утверждений и выводов. Возьмем, к примеру, чисто юридическую сторону. Вы говорите о невозможности различий в шрифте печатной машинки, которая используется при печатании текстов одного международного договора. Это сомнительный вывод. Разумеется, тексты международного договора должны быть аутентичными. Смысл данного понятия состоит в том, что тексты документа на разных языках должны одинаково передавать содержание документа, а тексты на одном языке — совпадать.

Последнее, однако, не означает, что тексты договоров должны (или должны были) печататься «под копирку». За 50 лет своей дипломатической практики я лично не знаю ни одного случая печатанья «под копирку». Да и как это возможно, если каждый экземпляр имеет свой альтернат? Кроме того, каждая сторона может предъявлять собственные требования к оформлению экземпляра документа, который отойдет после подписания к этой стороне. При печатании текста может применяться (и применяется) иной шрифт, иные параметры расположения текста, используется бумага, отличного формата от бумаги другой стороны, и т.п.

Что до отличий в грамматике, то для текстов на разных языках это тоже случается, поскольку грамматика языков различна. Однако, это не повод сомневаться в аутентичности тек-

стов, если они одинаково передают содержание согласованного документа. При этом, разумеется, различий в грамматике текстов на одном языке быть не должно.

Несколько скоропалительными кажутся и некоторые Ваши политические доводы. Например, Вы говорите, что Хрущев почему-то не обнародовал секретные протоколы, хотя это был бы хороший способ свалить вину за них на Сталина. Думается, что в данном случае игра не стоила свеч. Лишнее обвинение в адрес Сталина не стоило того, чтобы давать повод противной стороне ставить под вопрос легитимность западных рубежей Советского Союза.

Ну а теперь все же о главном. В чем был бы «политический навар» от того, чтобы попытаться доказать, что документы, о которых Вы пишете, являются фальшивкой и что их, скорее всего, вообще не существовало? Фактом является то, что после заключения пакта 1939 года западные рубежи Советского Союза были передвинуты на сотни километров на Запад. Когда поляки, прибалты и прочие в конце 80-х — начале 90-х годов бросились искать эти документы, чтобы, якобы, восстановить историческую правду, они искали вовсе не историческую правду, а способ объявить незаконным вхождение в состав СССР Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии. А наши депутаты Верховного Совета с подачи Яковлева и Фалина сделали им бесценный подарок, «разыскав» эти документы и объявив их с ходу юридически несостоятельными и аморальными.

Острие нашей аргументации, на мой взгляд, сейчас должно направляться не на то, чтобы пытаться оспаривать происшедшее в те годы, а на опровержение тезиса о юридической несостоятельности и аморальности. Вполне все было юридически состоятельно, по крайней мере, по стандартам того времени. Вполне было морально, если иметь в виду долг руководства страны защитить свой народ и свое Отечество. Пакт 1939 года и все, что затем последовало, были мастерским ходом советской дипломатии, который не позволил в 1941 году немцам взять Москву и выйти на линию Архангельск — Волга, организовать геноцид нашего народа, а нашим уважаемым будущим партнерам по антигитлеровской коалиции уйти от союза с нами. Нам не в чем оправдываться и не от чего отмываться.

Надеюсь, в этом Вы согласны со мной.

С уважением Ю.А. Квицинский».

Да, по стилю письма чувствуется, по части болтологического мастерства Квицинский даст фору самому Горбачеву. Ответ есть, в нем выражается понимание и всяческое сочувствие. Но ни слова нет по существу моей просьбы. Из ответа вообще не ясно, запрашивал Квицинский необходимые документы или нет. Пришлось еще раз звонить в приемную. Помощница депутата долго изображала непонимание, оправдывалась в том духе, что ваше право — обратиться, наше право — послать куда подальше, и даже пыталась заявлять, что раз документы не дали, значит, они секретные. Когда ее аргументы иссякли, она передала трубку самому Квицинскому, который минуты две уклонялся от ответа на прямой вопрос — запросил ли он указанные документы в архивах? Наконец, он вынужден был сознаться, что запрос он не делал, и не хочет этого делать.

— Почему? — спросил я.

— Потому что вы все равно не сможете доказать, что «секретные протоколы» не существовали, и вообще ваша аргументация маргинальна. Прошлое изменить не удастся.

Да, прошлое изменить не удастся, но можно разоблачить чьи-то грязные делишки, имевшие место в прошлом. И Квицинский ясно показал, что не желает этих разоблачений. Почему?

О, это вопрос весьма интересный. Дело в том, что именно к Квицинскому я обратился совсем не случайно, я бы сделал это, будь он даже членом «Единой России». В 1986—1990 гг. Юлий Александрович занимал пост Чрезвычайного и полномочного посла СССР в ФРГ. То есть в то самое время, когда суета вокруг «секретных протоколов» достигла пика, и в Бонн якобы наведывались с целью розыска оных Безыменский и Вульфсон. Вряд ли советский посол был не в курсе такого горячего дела: Яковлев в своих мемуарах упоминает, что советское посольство было подключено к работе по поиску документов по вопросу «секретных протоколов», а Вульфсон вспоминает о Квицинском, как о своем хорошем знакомом. В дальнейшем Квицинский являлся заместителем министра иностранных дел СССР, и даже несколько дней исполнял обязанности главы внешнеполитического ведомства страны во время путча ГКЧП. Если «секретные протоколы» были сфабрикованы, то руководитель такого ранга не мог этого не знать. Его категорическое нежелание ворошить прошлое является еще одним пусть косвенным, но свидетельством в пользу того, что «секретные протоколы Молотова — Риббентропа» — подделка. Я, конечно, не имею никаких оснований утверждать, что к фальсификации был причастен лично Квицинский, но и ис-

ключать этого не буду. В любом случае, бывший заместитель министра не хочет доставлять неприятности своим бывшим коллегам. А те очень не хотят, чтобы стала известна правда о «секретных протоколах».

Итак, в плюсе имеем косвенную улику против фальсификаторов. В минусе — то, что Квицинский переслал в МИД мое письмо к нему с доводами против фальсификаторов, о чем он проговорился в беседе со мной. Неужели моя «маргинальная аргументация» стоила того, чтобы отвлекать этим внимание важных мидовских чинов от проблем внешней политики? Сначала я не хотел ни с кем делиться результатами своего расследования до окончания работы, опасаясь, что чиновники, замешанные в махинациях с «секретными протоколами» (скажем, ныне здравствующий Рудольф Пихоя), постараются замести следы и ликвидируют некоторые свои «косяки». Например, изготовят и предъявят общественности более качественно сработанный «оригинал» протокола от 23 августа 1939 г. или дезавуируют некоторые наиболее явные фальшивки вроде «секретного протокола» от 10 января 1941 г. (см. главу «Сувалки»). Но потом решил, что любые попытки с их стороны замести следы повлекут за собой лишь новые ошибки, и бояться этого не стоит. Фальсифицировать-то тоже надо с умом, а его как раз и не хватает у нынешних госчиновников. Да и как теперь МИД открестится от документов, официально опубликованных им в сборнике «Документы внешней политики СССР»? Поэтому будет даже хорошо, если удастся спровоцировать моих оппонентов на какие-то действия.

ВУЛЬФСОН

Кому же принадлежит первенство в открытии «секретных протоколов» в СССР? Основные претенденты — Лев Безыменский и Маврик Вульфсон. Оба, якобы, побывали в 1989 г. в германском архиве и получили там фотокопию с микрофильмов из коллекции Карла фон Леша. Еще один представитель демшизы — Эндель Липпмаа, активный член комиссии Яковлева, громко заявлял об уникальности полученного им текста «секретных протоколов» к пакту Молотова — Риббентропа в Библиотеке Национального Конгресса США. Без сомнения, в этой библиотеке имелся сборник документов, выпущенный госдепом в 1948 г. Возможно, там даже хранились копии микрофильмов фон Леша. Так что, вполне вероятно, что Липпмаа в этот раз не врет. Но все же первым пропагандистом «секретных протоколов» в Советском Союзе следует признать профессора латвийской Академии художеств Вульфсона.

Фото 14. Маврик Вульфсон.

Он публично заявил о существовании «секретных протоколов» и об оккупации Латвии Советским Союзом 2 июня 1988 г. на ежегодном пленуме творческих союзов Латвийской ССР. Как это произошло, описал бывший генерал КГБ Эдмунд Йохансон в своих воспоминаниях «Записки генерала ЧК»:

«В Латвии сложилась традиция проведения ежегодных пленумов творческих союзов, на которых задавались нежелательные вопросы и плелись интриги, что было не по нраву партийной элите. Она с опаской ожидала, какие вопросы задаст интеллигенция на своем очередном пленуме. В 1987—1988 годах уже началось активное брожение среди интеллигенции.

Пленум 1—2 июня 1988 года мне особенно запомнился. По разным соображениям я обычно не сидел в зале. Прежде всего потому, что был заместителем председателя КГБ по идеологическим вопросам, и мое появление в зале слишком бросалось бы в глаза. Это было бы воспринято как контроль за мероприятием и надзор со стороны комитета. Наш председатель был членом бюро Центрального комитета, поэтому он, конечно, сидел в президиуме. Все политическое руководство находилось в президиуме, тем самым подчеркивая важную роль интеллигенции в политической жизни Латвии. Так как пленум транслировали по радио, я сидел в кабинете директора Дома политпросвещения рядом с залом и слушал.

Поначалу все шло без инцидентов и сюрпризов. В зале прозвучала критика в адрес руководства республики и замечания, как уж это было принято во времена перестройки. Но тут, как взрыв бомбы, прозвучала речь Маврика Вульфсона. Вот этого никто не ожидал. Очевидно, что Вульфсон серьезно подготовился. Текст был продуман, взвешен, юридически корректен. Мне стало ясно — он зачитывал текст с листа, чтобы не допустить неточностей, которые впоследствии можно было бы квалифицировать как клевету на СССР.

В зале царила тишина. В президиуме тоже никто не ожидал такого поворота. Несомненно, что эту речь он подготовил конспиративно. Говоря о пакте Молотова — Риббентропа, он впервые публично начал называть вещи своими именами. Прочитав эти документы, он в качестве резюме сказал, что Латвия в 1940 году была оккупирована. Это было огромной сенсацией. Если бы в зале пролетела муха, то ее было бы слышно. Все застыли, сидели, словно облиты ледяной водой.

Во время перерыва члены бюро зашли в кабинет директора и глубокомысленно молчали, не знали, что сказать, к кому обратиться. Все ждали, что скажет Пуго как первый секретарь. Но и он ничего не мог сделать. Больше всех волновался Горбунов, потому что он должен был выступать на пленуме. Наконец Пуго сказал: «Не будем торопиться! Все эти вопросы обсудим на бюро». Горбунов тоже не был готов говорить о случившемся.

Тема пакта Молотова — Риббентропа была легализована — с секретного документа была сорвана гранитная крышка. И это сделал Вульфсон. Его речь внесла в политическую жизнь Латвии дополнительное напряжение. Это была сенсация, которую тогда обсуждали в больших и малых коллективах, в небольших и крупных изданиях. Речь Вульфсона стала поворотным пунктом для организаций, боровшихся за независимость Латвии. Она оказалась бомбой замедленного действия с существенными последствиями[1].

«Ты убил Советскую Латвию!» — эти слова первого секретаря ЦК Компартии Латвии Бориса Пуго, сказанные Вульфсону после пленума, вошли в историю. Но где же Вульфсон взял текст «секретного протокола», который он частично зачитал с трибуны? Уже после смерти Вульфсона его вдова Эмма Брамник запустила в оборот остросюжетную версию, согласно которой фотокопии протоколов Вульфсону передал некий офицер КГБ. В своей книге она приводит пояснения директора латвийского Центра документации последствий тоталитаризма Индулису Залите:

«Уважаемая г-жа Эмма Брамник-Вульфсон!

Сегодня я встретился со своим знакомым, и вот что выяснилось.

Летом 1983 года в Юрмале на даче у Ивара Кезберса, лектора ЦК КПЛ, председателя комитета ТВ и радио ЛатвССР, проходила неофициальная встреча, в которой участвовали несколько человек, в том числе М. Вульфсон и мой знакомый г-н А. из разведки КГБ ЛатвССР. Он в то время работал в ГДР и в Юрмалу приехал в очередной отпуск. Г-н А. был знаком с И. Кезберсом и М. Вульфсоном уже раньше. Как г-н А. рассказывает, Маврик в беседе поднял тему о необходимости найти секретный протокол к пакту Молотова — Риббентропа (ПМР) и предлагал искать в Германии, а И. Кезберс был уверен, что надо работать в архивах России.

---

[1] *Брамник-Вульфсон Э.* Я вышла замуж за романтика / Перевод с латышского Аллы Скоровой // http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2.

Но та встреча не оставила никаких конкретных планов действий.

Г-на А. эта проблема заинтересовала и, вернувшись после отпуска в Германию, он решил «проявить инициативу» и самостоятельно начал поиски протоколов, хотя «бойцам невидимого фронта» надлежало бы, наоборот, скрывать подобные факты. В Западном Берлине, в библиотеке, в приложении научного журнала Свободного берлинского университета, он нашел ссылку на множество документов из истории политических, экономических и других отношений между Россией и Германией разных времен. Через пару дней он получил два экземпляра копий интересовавших его текстов размером А4. Они были в виде фотографий очень хорошего качества, на которых четко были видны все подписи, печати и другие отметки. Это были копии приложений, секретных протоколов к ПМР на немецком языке. Но то были копии не с самого протокола, а копии с микрофильмов из архивов МИД ФРГ.

Летом 1984-го в Риге г-н А. передал материалы М. Вульфсону. Оба джентльмена договорились о происхождении копии не распространяться, чтобы не причинить неприятности г-ну А. — ведь в то время оригиналы протоколов и их местонахождение еще оставались тайной. И каждый из них тщательно прятал те копии в своих тайных анналах. Но обнаруженные копии текстов прибавили М. Вульфсону уверенности в том, что протоколы действительно существуют и нужно продолжать поиски оригиналов как на немецком, так и на русском языках.

Сегодня можно предположить, что участие г-на А. в поисках секретных приложений к ПМР прибавило уверенности М. Вульфсону и при подготовке его экстремального и сенсационного выступления на пленуме интеллигенции в Риге 2 июня 1988 года и позднее, в декабре 1989-го в Кремле (именно эти копии, видимо, он показывал с трибуны).

Этот эпизод — еще одно свидетельство того, что многие патриоты Латвии, используя свои возможности, активно помогали М. Вульфсону доказать существование секретных приложений к ПМР, действуя даже вопреки своим служебным обязанностям.

С уважением, Индулис Залите»[1].

---

[1] *Брамник-Вульфсон Э.* Я вышла замуж за романтика / Перевод с латышского Аллы Скоровой // http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2.

В эту историю очень трудно поверить. Хотя бы потому что сам Вульфсон об этом захватывающем сюжете никогда не вспоминал, несмотря на то, что об истории с протоколами он написал не одну книгу и издал их на нескольких языках. Настораживает то, что Залите, не присутствовавший на той встрече и не видевший фотокопий, отчего-то уверенно говорит, что это была копия не с самого протокола, а с микрофильма Леша. Как вообще по фотокопии можно определить, с чего она сделана? Скорее всего, копии были сняты с госдеповского сборника. Наконец, здесь снова упоминается, что на документах видны печати и другие отметки. Но на известных нам «секретных протоколах» из коробки фон Леша нет ни печатей, ни других отметок (не считая нумерации кадров на самой пленке)! Так что рассказ Залите — очередная утка. Вопрос в том, зачем нужно напускать столько детективного тумана? Ответ напрашивается сам собой: чтобы скрыть настоящий источник информации.

То, что именно Маврик Вульфсон первым в СССР начал открыто пропагандировать миф о «секретных протоколах», не случайно. Да, он был диссидентом, но диссидентом придворным (отчего настоящие диссиденты его сторонились). В отличие от других борцов с режимом, в тюрьмах и психушках не сидел, а... дружил с иностранными дипломатами, регулярно выезжал за рубеж, где имел знакомства во влиятельных политических кругах Германии, Швейцарии, Канады и США. Особенно тесные узы связывали нашего героя с ФРГ, где в его друзьях числились многие влиятельные журналисты и политики. О том, какой вес имел Маврик Вульфсон на Западе, свидетельствует такой эпизод, описанный в его воспоминаниях «Карты на стол»:

«В 1987 году в немецком посольстве в Москве меня принял первый секретарь посольства Ульрих Бранденбург и пригласил с группой ведущих московских журналистов быть наблюдателем на выборах бундестага. Это была не только большая честь, но и свидетельство того, что на Западе начинают обращать внимание на Латвию. Я с радостью согласился и, вернувшись в Ригу, начал оформлять необходимые для выезда документы.

Однако в ночь под Новый год меня ждал сюрприз. Мне по телефону с возмущением сообщили, что арестован мой хороший друг, в то время один из руководителей германо-советского общества дружбы Герхард Вебер (с которым я несколько раз встречался в Риге, у себя дома), и что рупор московских консервативных

сил — газета «Советская Россия» опубликовала статью с продолжениями, в которой Вебер обвиняется в подготовке террористических актов в Ленинграде, в частности за «попытку взорвать Зимний дворец...

...Помня о моих близких отношениях с ним и его ближайшими помощниками, которые еще недавно гостили у меня, я с пессимизмом смотрел в свое будущее. Как и следовало ожидать, представитель «компетентных органов» по телефону сурово сообщил мне, что поездка в ФРГ отменяется. В волнениях прошло еще несколько дней, и вдруг в трубке я услышал голос Бранденбурга:

— Почему не присланы ваши документы?

Пояснил ситуацию. Он помолчал, потом коротко и твердо сказал:

— Ну, посмотрим, кто кого.

На следующее утро «компетентный» голос вновь разыскал меня:

— Можете быстро чистить ботинки и на аэродром — в Москву! Вы едете в ФРГ.

...В Союзе журналистов в Москве меня встретили хмуро, выдали паспорт и сквозь зубы вымолвили: «В час обед у Бранденбурга. Вот его адрес».

Я купил цветы и по грязным улицам отправился по указанному адресу. По дороге мой белый плащ по пояс обрызгал грязью проезжающий троллейбус...

...Когда я поднялся по лестнице (войти в лифт я не осмелился), у открытой двери меня встречал улыбающийся Бранденбург.

— Я все видел. Снимайте плащ, мы его засунем в стиральную машину.

Он кого-то позвал. Вышла молодая, элегантно одетая женщина.

— Моя супруга. А это Маврик Вульфсон.

Как мне пригодились в тот момент мои розы...

Когда мы вошли в гостиную, других гостей еще не было, но стол был накрыт на много персон. Бранденбург посмотрел в окно и сказал:

— Ваше московское начальство уже приехало, но не беспокойтесь, вы будете сидеть среди сотрудников посольства.

В первый момент я не понял его замечания, но потом, когда увидел, что никто из приехавших московских тузов от журналистики со мной не здоровается, был рад дальновидности немецкого дипломата. После искусственного веселья, речей и обеда толпа гостей стала прощаться.

— Вам придется подождать, пока приведут в порядок ваш плащ, — посмеиваясь, сказал мой новый опекун. — Выпьем пока еще по чашке кофе.

За чашкой кофе я из слов Бранденбурга понял, что немецкое руководство, узнав о случившемся, дало москвичам понять, что поедут либо все, либо никто. И тут мне хотелось бы задать риторический вопрос: неужели Германии действительно было так важно пригласить на выборы агента КГБ?

В самолете, которым мы отправились в Бонн, царила неразговорчивость, хотя я и сидел довольно далеко от больших начальников. Зато в пресс-центре выборов ФРГ меня ждали дружеские речи и рукопожатия, которые свидетельствовали о том, что мой приезд достигнут с ведома правительства ФРГ»[1].

Маврик Вульфсон в то время был профессором по части марксизма-ленинизма, членом КПСС и, как многие считали, сотрудником КГБ. Последнее не доказано, хотя после развала СССР в Латвии имел место громкий скандал (так называемое «Дело пятерки»), в ходе которого некий бывший сотрудник КГБ обнародовал данные о высокопоставленных латвийских политиках, в прошлом сотрудничавших с органами госбезопасности. Среди озвученных имен была названа и фамилия Вульфсона. Тот отрицал факт работы в интересах КГБ, но свою кандидатуру с выборов в Сейм Латвии все же был вынужден снять. Так вот, весьма любопытно, отчего же это германские дипломаты столь трепетно относились к коммунисту с 50-летним стажем и предполагаемому агенту Лубянки Маврику Вульфсону? В опубликованных после его смерти воспоминаниях он сам невзначай раскрывает этот секрет:

«У моих хороших отношений с немецкими дипломатами, аккредитованными в СССР, длинная предыстория. Мы часто встречались — ведь я международный политический комментатор, потом — депутат верховных советов Латвии и СССР, позднее — посол по особым поручениям МИДа ЛР. Они гостили и у меня на квартире, отдыхали, в беседах и из моих откровенных комментариев получали полезную информацию. Особенно это относится к обоим бывшим генеральным консулам в Ленинграде — фон Бернингену и Хенигу фон Вестингхаузеру. Только с их помощью и с помощью Клауса Нойбарта, сотрудника Министерства иностранных дел ФРГ, ведавшего относящимися к СССР вопросами, я смог

---

[1] *Брамник-Вульфсон Э.* Я вышла замуж за романтика / Перевод с латышского Аллы Скоровой // http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2.

(как аутсайдер) скромно способствовать встрече полномочного представителя президента США Пола Нитце и советского посла Юлия Квицинского (да-да, того самого, о котором речь в главе «Оригиналы». — *А. К.) и их переговорам по проблеме ограничения советских ракет СС-20 и американских «томагавков». Они проходили в Швейцарии и вошли в историю дипломатии под названием «Прогулка по берегу Женевского озера»*[1].

Вот это уже интересно! Оказывается, Вульфсон был ценным информатором западногерманского правительства (давал полезную информацию) и даже участником закулисных дипломатических интриг. В этом случае он, разумеется, не мог остаться вне поля зрения КГБ, но являлся ли он штатным сотрудником советских спецслужб, в нашем случае не имеет значения. Гораздо интереснее то, что советский «диссидент» завязал тесные контакты в МИД ФРГ и даже канцлерском управлении в Бонне. Общался он и с таким влиятельным немецким медийщиком, как главный редактор журнала «Der Spiegel» Рудольфом Аугштайном.

«Осмелюсь утверждать, что именно моя откровенность открыла мне двери, чтобы ближе познакомиться с такими уважаемыми в мире журналистами, как издатель «Die Zeit» графиня Марион фон Денхоф; выдающийся публицист этой газеты Кристиан Шмидт-Хойер; редактор отдела востока «Der Spiegel» Фритьоф Майер; многолетний редактор «Die Welt» Энно фон Левенштерн; главный редактор «Politiken» Херберт Пундик. Особенно хочется упомянуть издателя и главного редактора ежемесячника «Baltische Briefe» Вольфа фон Клейста, немецкую активистку Татьяну Вассенберг».

Подобного рода связи можно объяснить профессиональными интересами Вульфсона, если бы не его оговорка:

«Я называю имена этих близких мне людей не без гордости. Каждый из них, находясь за «железным занавесом», в тяжелые для Латвии моменты без колебания вносил свой вклад в дело нашей независимости. Необычно то, что человек моего возраста и по сей день все еще чувствует себя их поклонником, чуть ли не учеником»[2].

---

[1] *Брамник-Вульфсон Э.* Я вышла замуж за романтика / Перевод с латышского Аллы Скоровой // http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2.

[2] *Брамник-Вульфсон Э.* Я вышла замуж за романтика / Перевод с латышского Аллы Скоровой // http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2.

Выходит, эти милые ребята сами боролись за независимость Латвии (то есть за уничтожение СССР), да еще и Вульфсона учили. Уж не они ли подкинули ему «секретные протоколы» и подсказали, что надо делать, чтобы «искупить вину» за десятилетия приверженности коммунизму? Если в 1946—1948 гг. все, что связано с «секретными протоколами» делалось руками американцев, то в конце 80-х большую роль в легализации этих фальшивок сыграла Западная Германия, о чем неоднократно упоминалось выше. А Маврик Вульфсон если и не был связан с германскими спецслужбами напрямую, то по дипломатическим или журналистским каналам вполне мог получить фотокопии «секретных протоколов» для слива. Остальное — дело техники. Вскоре я нашел некоторое подтверждение своим догадкам. Немецкий журналист Фритьоф Майер в своем поздравлении Вульфсону с 85-летием в 2003 г. вспоминает:

«Я любил наши встречи. Мне всегда было интересно с тобой — мы подолгу беседовали, обсуждали новости, дискутировали. Но особенно судьбоносным был твой визит в 1988-м. Помню, тогда ты попросил достать для тебя русскую версию текста секретных протоколов к пакту Риббентропа — Молотова. Для Запада те протоколы не было ни новостью, ни проблемой, и с помощью сотрудниц редакции ты получил ксерокопию буквально за несколько минут и срочно улетел домой. Вскоре ты смог опубликовать текст в латышской «Учительской газете». Знаю, это было не просто, это было впервые в истории СССР!»[1].

«Учительская газета» — единственное издание в Латвии, которое опубликовало выступление Вульфсона на пленуме творческих союзов 2 июня 1988 г. Дружеское расположение друзей с Запада надо отрабатывать. А чтобы ни у кого не возникло подозрений в банальном «сливе» информации, друзья и коллеги Вульфсона до сих пор продолжают лепить наивные байки про некий неназванный журнал с таинственными ссылками, благодаря которым удалось еще в 1984 с помощью законспирированного в КГБ неназванного диссидента получить фотокопии «секретных протоколов».

Выше я уже выдвинул предположение, Вульфсон выступил на пленуме творческих союзов по инициативе «мидовской» группировки в Политбюро, которая обеспечила ему административ-

---

[1] http://www.dialogi.lv/article.php?t=12&id=974&la=1.

ное прикрытие. Влиятельные покровители у него имелись — это факт. Иначе он просто не смог бы выезжать за границу и близко общаться с зарубежными политиками и журналистами, чем он так охотно бравирует в своих мемуарах. Возможно, что секретные протоколы были целенаправленно вложены в его руки усилиями все той же «мидовской группировки» через германских журналистов, того же Майера. По крайней мере, для советского интеллигента, питающего почти религиозное преклонение перед Западом, было бы гораздо лучше получить дезу от «незаинтересованного» зарубежного источника.

Таким образом, уместно поставить вопрос: был ли Вульфсон сознательным западным агентом влияния, являлся ли марионеткой «мидовцев» из Политбюро, или использовался «втемную» одной из сторон? Я вижу три варианта его мотивации:

— Вульфсон действительно искренне верил в подлинность «секретных протоколов»;

— Не верил, но шел на ложь во имя благих целей (торжество демократии, независимость Латвии);

— Цинично отрабатывал заказ своих хозяев ради личных выгод.

Вербовка — дело тонкое. Из своего небольшого опыта в этом деле я вынес убеждение, что третий вариант — наиболее целесообразный. Дурак, если его грамотно «развести», будет искренне и бесплатно отрабатывать заказ. Но связываться с ним опасно, ибо контролировать его действия очень трудно, он может запороть все дело. Если твои цели совпадают с идейными устремлениями вербуемого, добиться можно гораздо большего, ибо вы становитесь с ним сообщниками. Идейный исполнитель способен действовать эффективно и самостоятельно, его надо лишь направлять. Одно плохо — если завербованный агент вдруг разочаровывается в своих идеалах, или на определенном этапе поймет, что его используют совсем в других целях, он может превратиться во врага. Продажный тип — вот чьи мотивы предельно ясны, с кем можно легко договориться, и с кого требовать исполнения строго в рамках заключенного контракта.

Кем же был Вульфсон — дураком, идеалистом или иудой? Скорее всего, нечто среднее между вторым и третьим вариантом. То, что он искренне верил в существование «секретных протоколов» следует сразу исключить. В этом случае он бы не стал врать о своих поездках в немецкие архивы, а честно, и с большой охотой рассказал бы, каким образом он получил копии скандальных соглашений. И на Съезде народных депутатов он бы не пус-

кал пыль в глаза своим коллегам, а страстно пытался бы их убедить в своей правоте, выложив все аргументы. Но он даже о своей встрече с Хансом фон Хервартом (если она действительно имела место) не упомянул.

Характерно и то, как цинично и умело он врал на своем знаменитом выступлении на пленуме, которое начиналось с таких слов:

«За последние месяцы я получил сотни писем со всей республики, авторы которых — учителя, работники культуры, агрономы, историки, животноводы, люди старшего поколения, пережившие лето 1940 г. Я напоминаю текст этого пункта, который гласит, что в случае территориально-политического переустройства в Прибалтике (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва) «северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР...» [1]

Это что же получается? 70-летний профессор Вульфсон получает сотни писем от неких животноводов и лиц старшего поколения, которые учат его, современника и активного участника тех событий, уму-разуму, объясняя, что оккупация Прибалтики была предрешена первым пунктом «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. А откуда эти граждане вообще могли узнать содержание этого первого пункта, если даже сам Вульфсон, якобы годами ищущий «секретные протоколы», получил их только накануне того пленума, да и то в Германии? Однако это не помешало Вульфсону выступить как бы от имени народа.

Вся жизнь Маврика Вульфсона — это типичный путь морально деградировавшего советского интеллигента, свято уверовавшего в свою мессианскую роль. Родился он в Москве, где тогда обретались его родители, бежавшие от войны. Его отец Герман Матвеевич Вульфсон состоял в партии правых эсеров, был арестован за антисоветскую деятельность, но в 1921 г. по обмену политзаключенными передан Латвии. Герман Вульфсон был довольно зажиточным еврейским купцом, отчего маленький Маврик не бедствовал. Одно плохо — он был евреем, а им в тогдашней независимой Латвии жилось не очень комфортно (впрочем, как и в нынешней).

Маврик учился в немецкой школе, пока правительство не приняло закон, по которому детям из меньшинственных семей

[1] *Вульфсон М.* Карты на стол.

разрешается учиться только на родном языке или на латышском. В результате он перешел в 4-ю городскую латышскую гимназию, но вскоре власти ее закрыли из-за процветавшего в ней вольнодумства и сильного влияния социал-демократических идей.

С 15 лет Вульфсон участвовал в молодежном социал-демократическом движении. Впоследствии он так вспоминал об этом в своих мемуарах:

«Во времена Ульманиса я начал работать в подполье как член молодежной организации ЛСДРП. В 1936 году часть социал-демократической молодежи объединилась с коммунистической молодежью, был образован Союз трудовой молодежи. Мы организовывали помощь республиканской Испании, подали руку австрийским антифашистам, боролись с авторитарным режимом, за восстановление парламентарной Латвии».

В 1936 г. Маврик поступает на механический факультет Латвийского университета, а через три года его призывают на срочную службу в 9-й Резекненский полк. Здесь его и застает июньская революция 1940 г.

«Признаю — но я этого никогда и не скрывал, — что летом 1940 года я был с теми, кто приветствовал вступление советских войск в Латвию, хотя впоследствии мне пришлось убедиться, что такое отношение свидетельствовало лишь о моей наивности и политической близорукости»[1].

«Наивность и политическая близорукость» длились у Вульфсона полвека — не удивительно ли? Нет, в этом нет ничего странного, потому что при новых властях он неизменно был на очень хорошем счету. В августе 1940 г. Вульфсон вступает в ВКП(б) (этому не помешало даже классово чуждое происхождение), назначается представителем ЦК компартии Латвии в 9-м Резекненском пехотном полку и адъютантом начальника политуправления Латвийской народной армии. В конце 1940 г. он становится заместителем редактора газеты «Красный солдат» 24-го (Латвийского) территориального корпуса РККА. Войну Вульфсон так же перекантовался на политотдельских должностях: сотрудником дивизионной газеты, политруком роты, комиссаром стрелкового батальона. С осени 1942 г. и до конца войны Вульфсон — майор, старший

---

[1] *Вульфсон М. Карты на стол.*

инструктор политотдела дивизии «по работе среди войск противника».

С 1945 по 1952 гг. Вульфсон заведует отделом зарубежной информации, после становится заместителем редактора газеты «Cina». С 1957 — он заместитель редактора газеты «Rigas Balss». Единственное притеснение, которое Вульфсон претерпел от советской власти, — схлопотал выговор по партийной линии за «латышский и еврейский мелкобуржуазный национализм». В 1963 г. Вульфсон становится преподавателем Латвийской академии художеств, где, излагая студентам основы марксизма-ленинизма, выслужил себе профессорское звание. Почти сорок лет Вульфсон ведет международные обозрения «Глобус» на латвийском телевидении, председательствуя с 1960 г. в секции журналистов-международников Союза журналистов ЛССР, часто выезжает за рубеж. Все это свидетельствует о том, что власти ему доверяли.

Вряд ли Вульфсон являлся искренним коммунистом, но при советской власти это было выгодно, и он исправно платил партвзносы и произносил торжественные речи в честь очередной годовщины Октябрьской революции. Трудно сказать, когда он стал откровенным антисоветчиком, но свои истинные взгляды он не отваживался проявлять публично вплоть до исторического пленума творческих союзов 1—2 июня 1988 г., на котором Вульфсон, внезапно став антикоммунистом, прочел свою скандальную речь, где открыто высказал мнение о том, что Прибалтика в 1940 г. была оккупирована Советским Союзом. Популярный латвийский писатель Зигмунд Скуиньш так выразил свои впечатления о том выступлении: «*...судьбоносная речь Вульфсона на пленуме 1988 года мне показалась чудом из чудес — голос и лицо знакомы, а человек другой!*»

Любопытно, что идея выступить с речью принадлежала не самому Вульфсону. В своей книге «Карты на стол» он пишет об этом очень пафосно и довольно туманно, но суть уловить можно:

«В канун собрания ко мне пришли друзья: «Маврик, тебе предоставят трибуну и тебя услышит вся Латвия, используй это, чтобы сказать правду».

Я был готов к этому. Во многих статьях я уже приблизился к этой правде, но как ее высказать всю — голую правду? Помню, как в тот вечер спросил у Инкенса: «Эдвин, готово ли молодое поколение латышей выйти на улицы, даже если милиция набросится на них?» И он ответил: «Думаю, да...»

Эдвин ушел, а я сел писать речь. Это была речь, в которой события июня 1940 года впервые были названы насильственной оккупацией. Впервые я зачитал секретные протоколы, подписанные В. Молотовым и И. Риббентропом, — преступные документы, которые более чем на полвека определили судьбу стран и народов Балтии. В то время по эту сторону «железного занавеса» упоминать об этом не дозволялось, хотя в свободном мире о них было известно давно».

Итак, еще накануне пленума Вульфсон не собирался толкать речь и даже не просил слова. К этому его подвигли некие неназванные друзья, из которых он называет лишь одно имя — Эдвин Инкенс. Инкенс — один из активнейших сепаратистов того времени, популярный тележурналист, в дальнейшем народный депутат СССР, яростно требовавший осуждения «секретных протоколов» на съезде (см. главы «Комиссия» и «Прения»). В новой Латвии он преуспел не только в политике, будучи министром и депутатом сейма, но и в коммерции, став влиятельным телемагнатом и миллионером. Весьма странно, что Вульфсон спрашивает Инкенса о настроениях молодых латышей. Если бы спросил Инкенс — такое можно понять, ведь Вульфсон преподает в Академии художеств и каждый день общается с молодежью. Этот патетический диалог явно выдуман автором, чтобы затушевать то, о чем реально говорили неизвестные друзья вечером 1 июня 1988 г.

Скорее всего эти неизвестные, но влиятельные друзья (они, судя по всему, определяли, кто будет выступать на пленуме) попросили Вульфсона сделать выступление в определенном ключе. Почему именно его? Сами посудите: Вульфсон — седой аксакал, профессор, коммунист с почти полувековым стажем, ветеран войны, орденоносец. Если бы с трибуны тявкнул о «секретных протоколах» и «советской оккупации» какой-нибудь молодой диссидентствующий маргинал, это выступление не возымело бы того эффекта, который однозначно был оценен присутствующими, как эффект разорвавшейся бомбы. Далее по словам Вульфсона произошло следующее: «*В перерыве первый секретарь ЦК [компартии Латвии] Борис Пуго поспешил ко мне. Покраснев от злости, он прошипел: «Знаешь, что ты только что сделал? Ты убил советскую Латвию». Он вроде был прав, но в тот момент я этого еще не понимал».*

Надо сказать, фигура Вульфсона для информационного слива подходила просто идеально. В конце концов, он особо ничем и не рисковал — в худшем случае его могли отправить на пенсию. Но в «тоталитарном» СССР подобные «репрессии» могли вызвать

такое возмущение, что власти решили не связываться с Вульфсоном. И он это отлично понимал. Когда через месяц после пленума Вульфсона отлучили от эфира (он вел по пятницам программу «Глобус»), телезрители своими возмущенными звонками вынудили партийные органы пойти на попятную. То же самое произошло и с Феликсом Звайгзноном, главным редактором латвийской «Учительской газеты», напечатавшей речь Вульфсона. На следующий день после публикации его освободили от занимаемой должности, но весь коллектив редакции отказался работать с новым начальником и Звайгзнона тут же вернули на место.

Когда дело касается «секретных протоколов» мы привычно находим в этом деле след Запада. Удивительно, но даже в речи Вульфсона он проявился. Я даже готов предположить, что авторство зачитанной им речи принадлежит не ему. Очень подозрительно то, что он ее именно зачитал, на что многие обратили внимание. Вульфсон — опытнейший лектор (на его лекциях по марксизму-ленинизму бывали аншлаги, потому что излагал тему он действительно увлекательно), великолепный оратор, тонкий психолог — и вдруг уподобился косноязычному обкомовскому чинуше, без бумажки не способному произнести речь. Как хотите, но я в это не верю. Такое могло произойти лишь в том случае, если Вульфсон пел с чужого голоса и бумагу с тезисами выступления получил накануне вечером от своих таинственных друзей.

Но главное, что в том выступлении присутствовали такие обороты речи, которые слишком уж явно выдавали забугорный источник. Настолько явно, что на это обратили внимание даже соратники Вульфсона, а он сам вынужден был оправдываться спустя десятилетие:

«Следует добавить, что не совсем прав Дайнис Иванс (глава Народного фронта. — *А. К.*) *на страницах книги «Воин поневоле», где он, обращаясь к моей речи, пишет: «Маврик использовал еще не нашу, а западную терминологию и назвал вторжение «насильственной оккупацией Латвии».*

С трибуны было названо гораздо прямее, а это смягчение — «насильственная оккупация Латвии», то есть сама эта западная терминология появилась лишь накануне публикации в «Учительской газете», когда дежурные по редакции под нажимом Главлита или еще каких-то надзирающих органов разыскали автора, то есть меня, пригласили в типографию и велели, нет, позволили смягчить тяжелый моральный удар истории»[1].

---

[1] *Вульфсон М. Карты на стол.*

Кто-нибудь хоть что-то понял? Со слов Вульфсона следует, что ему «позволили смягчить тяжелый моральный удар истории», применив западную терминологию, да еще «под нажимом Главлита», то есть цензурного органа «или еще каких-то надзирающих ведомств». Но если речь была санкционирована цензурой, то за что тогда сняли с должности главного редактора газеты? А если тот опубликовал ее на свой страх и риск, то как цензура могла узнать об этом до момента выхода газеты? Поэтому данное объяснение Вульфсона, сделанное задним числом, серьезно воспринимать нельзя из-за его полнейшей абсурдности. Факт остается фактом — в речи Маврика Вульфсона проскочил характерный именно для западной пропаганды термин, очень коряво звучащий по-русски.

В том же абзаце есть еще один подобный пассаж, когда Вульфсон объясняет принятие советского ультиматума в июне 1940 г. «чтобы предотвратить кровопролитие и массовую депортацию». Само словосочетание «массовая депортация» — типично для западной пропаганды, откуда оно и перекочевало в лексикон отечественной интеллигенции во время перестройки. Но важнее здесь другой момент: латвийскому правительству никто не грозил массовой депортацией в 1940 г., и потому оно не могло принимать этот фактор во внимание. Миф о массовых и беспричинных депортациях был сформирован западной пропагандой уже после войны, причем эти пресловутые «массовые депортации» представлялось как нечто совершенно естественное для коммунистического режима и вызывающее всеобщий ужас. Поэтому у Вульфсона правительство как бы заранее трепещет перед депортациями.

Обращает на себя внимание и тот факт, что речь Вульфсона состоит из двух никак не связанных друг с другом частей. Он дает этому такое объяснение:

«В заключение своего выступления я обратился и к еврейской проблеме, напомнил, какая судьба постигла евреев во время нацистской оккупации, и потребовал увековечить память погибших, а так же разрешения создать Центр еврейской культуры.

Вероятно, эта часть выступления была включена мною ради своеобразного композиционного равновесия: чтобы не говорить об обидах только одного народа — латышского. Если бы в палитре красок была только одна эта, то на меня можно было бы снова навесить ярлык латышского буржуазного националиста со всеми вытекающими из этого последствиями...»[1].

---

[1] *Вульфсон М. Карты на стол.*

Странно, что автор употребляет слово «вероятно», говоря о причинах, побудивших его объединить два столь мало связанных вопроса в одном выступлении. Кому же, как не самому Вульфсону знать ответ на этот вопрос? Кстати, в его еврейской части речи тоже присутствуют штампы западной пропаганды. Например, советская историография предпочитала говорить о 4 миллионах жертв холокоста, в то время как на Западе утвердилась цифра в 6 миллионов, каковую Вульфсон и приводит. И уж совсем ни в какие ворота не лезет цифра в 5 тысяч евреев, якобы депортированных из Латвии 14 июня 1941 г. Согласно докладной записке НКГБ СССР № 12288/м об окончательных итогах депортации из Прибалтики, из Латвии на 17 июня 1941 г было выселено 9546 человек[1]. Не могли же более половины из них быть евреями? Наоборот, евреи с большим энтузиазмом приветствовали советскую власть, поэтому не удивлюсь, если Вульфсон завысил свои данные раз в 100. Вообще, трудно сказать, с какого потолка он взял такую круглую цифру.

Сам Вульфсон назвал события 2 июня 1988 г. своим первым звездным часом. О том, как партийная верхушка попыталась ответить на обвинение в оккупации и что из этого получилось, будет рассказано ниже (см. главу «Атлас»), о втором звездном часе Вульфсона, наступившем на Съезде народных депутатов в декабре 1989 г., мы уже знаем. Закономерный итог его усилий — провозглашение Латвией независимости. В этот день, 4 мая 1990 г. Вульфсон сполна насладился славой. Вновь обратимся к мемуарам Эммы Брамник-Вульфсон:

«Народ его дважды буквально носил на руках. Первый раз это было в Москве в 1989-м, после сообщения о смерти великого правозащитника академика Андрея Сахарова. Второй раз — 4 мая 1990 года, после заседания Верховного Совета в Риге, на котором была провозглашена Декларация о восстановлении независимости Латвии. Тысячи людей на Домской площади ждали окончания этого исторического заседания и горячими аплодисментами, криками «Молодцы!» (кстати, громче других кричали по-русски) приветствовали выходящих из здания депутатов. Когда же из дверей вышел Вульфсон, по площади пронеслось мощное «Ура-а-а!». Его подняли на руки и донесли до трибун на набережной Даугавы, тогда еще Комсомольской, над которой уже колыхались красно-бело-красные стяги и где собрались более 200 000 людей. Цветы. Начался митинг. Выступал и Вульфсон, и его речь люди встретили с восторгом»[2].

---

[1] См.: http://scepsis.ru/library/id_1958.htm

[2] http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2

Заслуги Маврика Вульфсона оценили и его заокеанские коллеги. В своей книге «Карты на стол» Маврик Вульфсон хвастается:

«Передо мной номер газеты «Tevzemes Avize» («Газета Отчизны») от 6 марта 1992 года. В нем — обзор очередного номера издаваемого в США на латышском языке журнала «Jauna Gaita» («Новая поступь»), где приводится предложение известного историка профессора Аидриевса Эзергайлиса составить список героев возрожденной Латвии:

«В качестве двух главных я выбрал бы Яниса Петерса и Маврика Вульфсона. <...> Петерс предложенную перестройкой свободу превратил в революцию, которая не только в Латвии, но и во всем СССР расшатала основы власти». Говоря же о Вульфсоне, Эзергайлис подчеркивает, что он «одним махом нашел ахиллесову пяту России и ключ к интернационализации балтийского вопроса, поднял вопрос о преступном характере пакта Риббентропа — Молотова и беспрестанно приколачивал Балтию к совести Запада, а Россию — к позорному столбу, доказал, что СССР — это империя, а не государство».

Своим вкладом в разгром СССР и похвалой заокеанских господ Вульфсон гордился вплоть до самой смерти. Незадолго до кончины Маврик Вульфсон продиктовал своей супруге послание литовскому премьер-министру Артурасу Паулаускасу по случаю 15-летия независимости Литвы, где были такие слова:

«...Сегодня я счастлив, что мы были вместе в те судьбоносное дни 1989-го в Москве, Кремле, когда единым фронтом боролись за ликвидацию последствий пакта Молотова — Риббентропа, его секретных протоколов, которые взорвали мир не только в Европе. И мы победили — восстановили независимость стран Балтии.

Вспоминаю раннее утро, когда в гостинице «Москва», где жили мы — депутаты Съезда народных депутатов СССР от Балтии, меня разбудили господа Ландсбергис, затем Бразаускис и другие:

— Надевай галстук! Мы победили! Шампанское!»[1]

---

[1] *Брамник-Вульфсон Э.* Я вышла замуж за романтика // http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2.

Да, они победили. Мы потерпели поражение. Наверное, бывший коммунист Вульфсон, вовремя перекрестившийся из коммуниста-интернационалиста в антисоветчика и сепаратиста, умер счастливым, ведь он находился в стане победителей. Говорят, предатели перед лицом приближающейся смерти испытывают страшные муки раскаяния. Наверное, так бывает не с каждым. Его, еврея, видимо не пугало то, что в свободной Латвии героями стали недобитые эсэсовцы. Вульфсона, бывшего офицера «оккупационной» Красной Армии, не очень-то смущал разгул нацистской мрази. Правда, однажды ему пришлось понервничать, когда в 1999 г. в местной прессе был опубликован список лиц, приговоренных возрожденной фашистской организацией «Перконкрустс» к смертной казни. Фамилия нашего героя значилась в этом списке. Как вспоминает его вдова, за газетой в киоск он на следующий день пошел с «детским» пистолетом в кармане. Даже жаль, что перконкрустовцы его только попугали, а не привели свой приговор в исполнение — вот был бы наглядный урок всем иудам!

ГЕСТАПО — НКВД

Миф о кремлевском сговоре между двумя тоталитарными режимами базируется на довольно обширном комплексе фальсификаций, который пополнятся и поныне. В начале 50-х годов в оборот был запущен миф о некоем «антипольском соглашении», якобы заключенным между НКВД и гестапо на основе «секретного протокола о польской агитации» от 28 сентября 1939 г. Через полвека мусляканья этой темы «антипольское сотрудничество» между спецслужбами Германии и СССР превратилось в «общеизвестный факт», к которому не считают зазорным апеллировать даже «серьезные историки». Однако в этой версии есть много уязвимых мест. Например, очень часто упоминается краковская конференция НКВД и гестапо в марте 1940 г., однако никто не называет точной даты этой встречи, имен участников, принятых документов. То же самое относится к якобы имевшим место быть конференциям в Закопане, Крынице и Бресте-Литовском.

Но польские «историки», известные своей патологической тупостью, настырно пытаются «уточнить» мифологию. Вот как оценивает их потуги российский исследователь Александр Дюков:

«Само подробное описание — сделанное неким польским священникам Юзефом Дембиньским: «Первая конференция по сотрудничеству немецких и советских служб безопасности состоялась 27 сентября 1939 г. в Бресте над Бугом. Она была посвящена деятельности обеих спецслужб по борьбе с польской оппозицией и диверсией. Вторая конференция состоялась в конце ноября 1939 г. в Пшемысле (Перемышль) и касалась обмена военнопленными и перемещения населения. Однако наиболее кошмарная в своих последствиях была III методическая конференция НКВД и гестапо, состоявшаяся 20 февраля 1940 г. в г. Закопане. Немецкую делегацию возглавил Адольф Эйхман, а советскую — Григорий Литвинов. Принятые во время этой конференции постановления оказали чрезвычайно серьезное влияние на методы совершенного на польском народе геноцида». Источники информации святой отец, естественно, не называет; поверить же ему на слово мешают Эйх-

ман и Литвинов, назначенные Дембиньским руководителями делегации. Дело в том, что Эйхман в феврале 1940 года был всего лишь референтом «еврейского» отдела гестапо и к борьбе с польским подпольем никакого отношения не имел. С Литвиновым же дело обстоит еще хуже. Если в виду имеется дипломат Литвинов, то его звали все-таки не Григорием, а Максимом, и никакого отношения к борьбе с польским подпольем он опять-таки не имел. Конечно, может быть, речь идет о каком-то офицере НКВД; однако ни в фундаментальном справочнике «Кто руководил НКВД, 1934 — 1941», ни в именных указателях к сборникам документов «Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне» мы никакого Григория Литвинова не находим.

Польский историк Петр Колаковский, считает, что контакты между НКВД и гестапо осуществлял «генерал НКВД Набрашников» (Kolakowski P. NKWD i GRU na ziemiach polskich, 1939—1945. Warzawa, 2002. S. 66). К сожалению, фамилия Набрашникова в справочнике руководителей НКВД опять-таки не фигурирует.

Впрочем, в отличие от польского священника, профессиональные историки не балуют нас подробностями и сюжет о сотрудничестве между НКВД и гестапо в Кракове и Закопане обрисовываю крайне лаконично. Например, доктор исторических наук Н.С. Лебедева в статье «Четвертый раздел Польши и катынская трагедия» пишет, что «в Закопане в декабре 1939 г. был создан совместный учебный центр служб безопасности и проходили переговоры ответственных чинов гестапо и НКВД». В качестве источника информации она ссылается на книгу Piekalkiewicz J. Hitler und Stalin zerschlagen die Polnische Republik. Berish Gladbach, 1982. — по всей видимости, эмигрантскую.

Белорусский кандидат исторических наук Игорь Кузнецов в «Белорусской деловой газете» пишет: «СД на территории Западной Белоруссии по указанию имперского министерства безопасности вступило в тесный контакт со службами НКВД. С этой же целью в Закопане был создан секретный совместный учебный центр, в котором эсэсовцы и энкаведисты постигали науку борьбы с польским сопротивлением.» Из какого источника, взята эта информация, Кузнецов не уточняет.

Поляк Мачей Козловский более откровенен и свои источники называет: «Осенью 1990 года в российском еженедельнике «Новое время» была опубликована статья С.Куратова и А.Полякова, которые выдвинули гипотезу о том, что расстрел польских офицеров весной 1940 года был заранее спланированной и скоординиро-

ванной совместной акцией гестапо и НКВД. Сговор мог состояться в начале марта 1940 года на совещании в Кракове и Закопане (об этом совещании и договоренностях, касающихся деятельности против польского движения сопротивления, пишет также Н.Дэвис в своем труде о Варшавском восстании). О «методических конференциях», проводившихся германскими и советскими властями, мы знаем также из исследований С. Дембского, автора большой монографии «Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939—1941 гг.». Он приводит даже конкретные подробности этих встреч, однако приходит к выводу, что до настоящего времени не обнаружено убедительных доказательств, свидетельствующих о связи этих конференций с катынским делом». Как видим, автор ссылается на книги Н. Дэвиса и С. Дембского.

Давайте разбираться с источниками. Книга г-на Piekalkiewicza, на которую ссылается Лебедева, не может рассматриваться как надежный источник по той простой причине, что поляки-эмигранты не имели доступа к документальным свидетельствам и были вынуждены довольствоваться слухами. Книгу С. Дембского, на которую ссылается Козловский, мне достать не удалось. Зато в книге Дэвиса, на которую ссылается тот же Козловский, истории с конференцией между НКВД и гестапо (Дэвис, впрочем, пишет об СС) отведено одно предложение (!). При этом Дэвис ясно пишет об отсутствии документальных свидетельств об этой «конференции» (Davies N. Rising ' 44: The Battle for Warsaw. London, 2004. P. 91)»[1].

Итак, никаких документальных источников о сотрудничестве между спецслужбами СССР и Германии нет. Вообще, сама необходимость обмена опытом по линии гестапо — НКВД вызывает большое сомнение. У советских спецслужб к тому времени был накоплен колоссальный опыт по борьбе как с политическим подпольем, так и с повстанческим движением (басмачество, махновщина, семеновщина, восстания горцев Кавказа), потому очень сомнительно, чтобы гестаповцы, не имевшие даже сотой части такой практики, могли научить чекистов чему-то новому. А вот знакомить немцев с эффективными методами антиповстанческой борьбы было совсем не в интересах СССР. Чем беспокойнее будет в тылу у немцев, тем лучше для советской стороны. Но самое главное, ника-

---

[1] http://a-dyukov.livejournal.com/94091.html.

кого организованного сопротивления Германии в Варшавском генерал-губернаторстве в 1940 г. не было. В Западной Белоруссии и Западной Украине и подавно: там советским властям приходилось не обороняться от польских повстанцев, а наоборот, защищать немногочисленных поляков от враждебно настроенного коренного населения.

В Кракове 29—31 марта 1940 г. действительно проходили советско-германские переговоры, однако к проблемам борьбы с подпольем они никакого отношения не имели. На встрече рассматривались чисто технические и организационные вопросы по осуществлению взаимного обмена беженцами на основании ранее заключенного межгосударственного соглашения. С советской стороны в переговорах участвовала делегация из трех человек, в составе которой был один капитан НКВД. В составе германской делегации помимо трех гражданских чиновников был один майор жандармерии. Вот на этой базе и был в 1952 г. запущен миф о антипольской конференции, в которой участвовали «высочайшие чины» гестапо и НКВД. Авторство этой «утки» принадлежит проживавшему после войны в Лондоне польскому генералу Коморовскому, возглавлявшему в 1944 г. варшавское восстание (см. его книгу «Секретная Армия» («The «Secret Army»), Нью-Йорк, 1951 г. или польское ее издание «Armia Podziemna»). Позднейшие мифотворцы представили дело так, будто на этой конференции советская сторона предлагала сбагрить немцам ненужных ей польских пленных. После отказа германской стороны принять сей сомнительный подарок, Сталин якобы приказал расстрелять 25 тысяч польских офицеров.

А вот в курортном городке Закопане действительно в 1939—1940 гг. функционировала школа гестапо, в которой проходили подготовку украинские националисты. Нетрудно догадаться, что деятельность школы носила антисоветский, а не антипольский характер, и сотрудничество с НКВД в данном случае полностью исключалось. С момента образования советско-германской границы до 22 июня 1941 г. на Западной Украине было разгромлено около полусотни оуновских отрядов, заброшенных с германской стороны. Отношения же между НКВД и Имперским управлением безопасности (РСХА), куда входило в качестве IV управления и гестапо (государственная тайная полиция), меньше всего можно назвать дружескими. Только в 1940 г. между пограничной полицией РСХА и погранвойсками НКВД произошло 235 конфликтов, включая вооруженные столкновения, в результате которых с обеих сто-

рон имелись убитые и раненные. Видимо, именно это и было то, что впоследствии пропагандисты доктрины советско-германского союза любили называть «дружбой, скрепленной кровью».

Уже в наши дни фонд фальшивок, введенных в оборот, пополняется. Так, в газете «Память» (№1(26) 1999 г.), печатном органе одноименной ксенофобской организации, было опубликовано «Генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между НКВД и РСХА», якобы подписанное 11 ноября 1938 г. начальником главного управления госбезопасности НКВД СССР комиссаром госбезопасности I ранга Л. Берия и начальником IV управления Главного управления безопасности НСДАП бригаденфюрером СС Г. Мюллером. После этой публикации фальшивка получила широкое хождение в СМИ, кочуя по либеральным изданиям и «историческим» книгам. Попала она и в «шедевр» антисоветской кинодокументалистики — снятый в Латвии на деньги западных спонсоров фильм «The Soviet Story».

Именно с этой даты — 11 ноября 1938 г. фальсификаторы предлагают вести отчет тайного сотрудничества двух «кровавых режимов». В русле этого секретного «генерального соглашения» можно объяснить и совместные «антипольские конференции» НКВД — гестапо и катынский расстрел, да и сговор о разделе Восточной Европы тоже. Мол, не на пустом месте он возник, еще загодя два диктатора стали прощупывать друг друга по каналам спецслужб. Но доказать подложность «генерального соглашения» проще простого. Из нескольких десятков доказательств хватит и одного: с 1 ноября 1938 г. Главное управление безопасности НСДАП перестало существовать, а Мюллер в тот момент занимал скромную должность начальника отдела Главного управления полиции безопасности. Да и бригаденфюрером СС он стал лишь в 1940 г. Берия же в то время имел должность повыше, чем указано, будучи первым заместителем наркома внутренних дел, а ГУГБ он возглавлял по совместительству с основной должностью.

Кто-то, наверное, уже начал подозревать автора в тенденциозности: мол, у него официально утвержденная версия истории базируется на сплошных фальшивках. Поверьте, дело обстоит куда печальнее: зачастую официальная версия не подкрепляется даже сфабрикованными артефактами и документами, опираясь лишь на пропаганду. Например, об украинском «голодоморе», унесшим то ли пять, то ли семь миллионов жизней, даже в школьных учебниках пишут. Вот только, описывая ужасы «мучений ограбленных до нитки колхозников» историки оперируют отчего-

то лишь свидетельствами «чудом выживших очевидцев». Миф о голодоморе фабриковался в Канаде и США в среде националистической эмиграции в послевоенное время, и возможности наполнять советские архивы фальшивыми документами у голодоморщиков не было. Нынешняя же прозападная власть в Киеве, получив в свое распоряжение архивы, решила не утруждать себя, сделав ставку на поверхностный агитпроп. То, что махинаторы постарались запустить в оборот немало фальшивок по пакту Молотова — Риббентропа или катынскому расстрелу, свидетельствует о том, что этим пропагандистским спецоперациям отводилось очень важное место. А «голодомор» — это так, личная вендетта антимоскальски озабоченных бандеровцев.

ГРАНИЦА

Яковлев, клеймя на Съезде народных депутатов «аморальный сговор» Сталина с Гитлером, почему-то не счел нужным акцентировать внимание общественности на «секретных протоколах», подписанных после 23 августа 1939 г., хотя именно в них можно усмотреть «агрессивность» Советского Союза. Ведь августовский протокол носит исключительно гипотетический характер, положения этого соглашения вступают в силу лишь в случае некоего «территориально-политического переустройства». А 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан важный договор между Германией и СССР, который при известной наглости можно было бы объявить следствием заключения тайной сделки по перекраиванию границ в Восточной Европе от 23 августа.

Вот его текст, опубликованный в газете «Правда» 29 сентября 1939 г.:

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II

Обе стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье I линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР.

Статья IV

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Москва, 28 сентября 1939 года.

(газета «Известия», 29 сентября 1939 г.)

К нему фальсификаторы тоже решили приделать секретный протокол, дабы как-то объяснить, почему раздел Польши произошел не так, как о том было договорено четырьмя неделями ранее. Вновь обратимся к журналу «Вопросы истории», № 1 за 1993 г.:

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К «ГЕРМАНО-СОВЕТСКОМУ ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ»

Нижеподписавшиеся уполномоченные констатируют согласие Германского Правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п. 1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих инте-

ресов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов

28 сентября 1939 года.

За Правительство Германии И. Риббентроп

28/IX/39[1]

Вот тут фальсификаторы обделались по-крупному! Делили вроде бы Польшу, а договорились об изменении германо-литовской границы. На самом деле, посмотрев на представленную карту, мы не увидим там никаких посягательств на территорию Литвы, а «естественно и просто» граница проведена в районе польских Сувалок таким образом, что действительно, линия советско-германской границы плавно переходит в границу между Литвой и СССР. Но ведь по смыслу «секретного протокола» это исправление лишь предполагается в случае, «как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры...». Сочинители этой туфты совсем забыли, что пятью строчками выше они передали Литву в сферу интересов Советского Союза и дали согласие на ее присоединение (именно так можно трактовать витиеватый эвфемизм «особые меры для охраны своих интересов»). В противном случае непонятно, почему Германия договаривается об аннексии части литовской территории с Москвой. Но в последнем случае «естественность и простота» границы летит к черту — переданный Германии Сувалкинский выступ глубоко и неестественно вдается в территорию Советского Союза!

Поскольку фальшивка введена в «научный оборот» именно в таком виде, «историки» вынуждены ее как-то комментировать. Но делают они это весьма скомканно: «*Советский Союз также изъявил готовность согласиться с исправлением в пользу Германии юго-западного участка линии тогдашней германо-литовской границы, после того «как только СССР примет специальные меры на литовской территории для защиты своих интересов»*[2].

---

[1] Вопросы истории, №1, 1993 г.

[2] Системная история международных отношений под редакцией Богатурова // www.obraforum.ru/lib/book1/chapter14_2.htm.

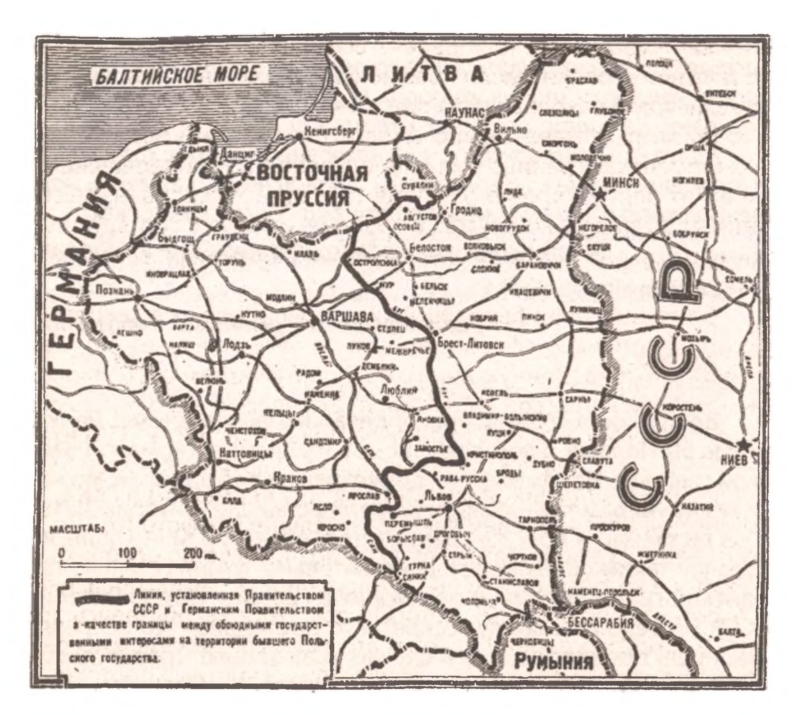

Фото 15. Карта из газеты «Известия» от 29 сентября 1939 г. Аналогичные карты были опубликованы в других изданиях, включая даже «Пионерскую правду» (см. http://www.oldgazette.ru/pionerka/30091939/02-1.gif).

Выходит, из текста этого протокола другие делают такой же вывод, что и я: Сталин пообещал подарить Гитлеру часть уже своей территории лишь после присоединения Литвы к СССР. Бред полнейший, но почему-то бредовость подобных трактовок «историки» не желают замечать. Подробнее мы рассмотрим этот казус в главе «Сувалки».

Возникает и такой вопрос: а зачем фальсификаторам в первом «секретном протоколе» надо было делить Польшу по Висле, если в дальнейшем граница прошла по Бугу? Не лучше ли сразу было подогнать фальшивку под реальность? Во-первых, если заранее провести границу так, как она была зафиксирована в сентябре, то раздела Польши никак не получается. Выходит лишь то, что Советский Союз вернул себе ранее захваченные поляками НЕпольские земли к великой радости белорусов и украинцев. Ис-

ключением был разве что Львов — бывший австрийский Лемберг, но и на него поляки имели прав не больше, чем на Смоленск или Киев, некогда находившиеся под их властью.

Во-вторых, невозможно скрыть тот факт, что новая советско-германская граница была определена в ходе очередных московских переговоров в сентябре 1939 г., зафиксирована НЕсекретным договором о дружбе и границе, и карта с соответствующими изменениями была опубликована 29 сентября советскими газетами.

В-третьих, если бы фальсификаторы провели в секретном протоколе границу сфер интересов по Бугу, то как бы они объяснили демаркационную линию по Висле в картах, опубликованных советской прессой 23 сентября? Вот здесь и надо искать разгадку первого «секретного» раздела Польши по Висле. 23 сентября 1939 г. советская пресса опубликовала карту, на которой была проведена демаркационная линия между вермахтом и РККА, установленная соглашением двух правительств (см. фото 16). Что же получается?! Выходит, что советское правительство опубликовало карту, в которой отражены договоренности, зафиксированные «секретным протоколом», который обе стороны обязались хранить в строгом секрете! Какой в этом смысл? На самом-то деле это фальсификаторы в 1946 г. привязали «секретный протокол» к несекретному соглашению, имевшему место в действительности. Еще один важный вопрос: почему линия разграничения «сфер обоюдных интересов» называется демаркационной линией, а не госграницей? Попробуем разобраться.

Возможно, это утверждение покажется кому-то странным, но осенью 1939 г. живая Польша была нужна и Гитлеру и Сталину. 19 сентября Молотов в беседе с Шуленбургом высказал намерение допустить существование Польши в какой-либо форме. Посол Германии не отверг такое предположение. Сталин нуждался в буфере между Германией и СССР, а Гитлеру нужен был мир с Англией. Мир во что бы то ни стало! Только совершенно оторванный от реальности человек может утверждать, что фюрер рассчитывал победить Британию. Сделать это было совершенно нереально хотя бы по одной причине — у Германии не было военно-морского флота. Кое-что, конечно, было, но это «кое-что» ни в какое сравнение не шло с морской мощью Великобритании. Соотношение по основным типам боевых кораблей в 1939 г. было таким:

— линкоры: 12/1 (еще один в постройке).

— линейные крейсеры 3/0

— тяжелые крейсера 15/1

— авианосцы 7/0
— легкие крейсеры 49/6
— эсминцы 192/21
— подводные лодки 62/57

Здесь не принимается в расчет французский ВМФ, четвертый по величине в мире. К тому же всегда следует держать в уме крупнейшую в мире военную мощь «нейтральных» Соединенных Штатов. Без флота атаковать Британские острова представлялось крайне сомнительной авантюрой, а без вторжения невозможно выиграть войну с Англией. Но замириться с ней можно, если Германия подпишет мир с Польшей. В этом случае и у Великобритании с Францией не останется повода продолжать свою «сидячую» войну на западе. Подписав мирный договор с Берлином, Польша освобождала своих союзников от всех взятых ими перед ней обязательств. Разумеется, Гитлер вернул бы себе ранее отторгнутые немецкие земли. Советский Союз, конечно, потребовал бы провести новую советско-польскую границу по линии Керзона. Но Польша в своих этнографических границах, близких к очертаниям Царства Польского, сохранилась бы. Такой вариант устраивал всех.

Именно с этой целью СССР и настаивал на демаркационной линии по линии Писса — Нарев — Буг — Висла — Сан, то есть требовал от Берлина очистить более половины территории Польской республики. Причем, именно советская сторона настаивала на скорейшем осуществлении этого плана. Зачем? Возможно, в Кремле рассчитывали найти потерявшееся польское правительство и договориться с ним о создании на подконтрольной СССР территории польского квазигосударства, а потом выторговать у Гитлера для новособранной Польши Варшавское, Краковское и часть Лодзинского воеводств. В итоге такая Польша была бы неопасна для Германии и дружественна СССР. Оккупация же центральных польских земель практически ничего не давала немцам кроме кучи проблем. В экономическом плане эти территории не представляли серьезного интереса, так как основные промышленные центры Ржечи Посполитой находились на западе

Это, конечно, лишь гипотеза, но только таким образом можно объяснить усилия, предпринятые Москвой. В ноте советского правительства, опубликованной 18 сентября 1939 г., многозначительно говорится, что оно «*намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью*». Однако планам этим не су-

ждено было осуществиться, поскольку польское правительство вместо того, чтобы воевать или заключить мир, трусливо сбежало в Румынию вместе с верховным главнокомандующим Рыдз-Смиглы, где и было интернировано. Договариваться стало попросту не с кем, польская государственность развалилась полностью, что стало окончательно ясно в 20-х числах сентября.

С тех пор в официальных заявлениях о польском народе советское правительство не вспоминало, говорилось лишь о белорусах и украинцах. В этой ситуации Советский Союз легко отказался от населенного поляками правобережья Польши, предоставив Германии самой расхлебывать польский вопрос. Но 20 сентября, когда начались переговоры по разграничению германской и советской зон контроля на территории Польши, возможность сохранения польского государства не исключалась обеими сторонами.

19 сентября было обнародовано совместно советско-германское коммюнике, где декларировалось стремление «*помочь населению Польши переустроить условия своего **государственного*** (выделение мое. — *А. К.*) *существования*». Может быть, эти заявления следует считать лицемерными и лживыми? Нет, случайные слова и обороты речи в таких документах исключаются. Когда стало ясно, что система власти в Польше развалилась необратимо, малейшие упоминания о польской государственности исчезли из лексикона советских и германских политиков. Речь теперь велась лишь о территории *бывшего* польского государства и населяющих ее народах (см. преамбулу советско-германского Договора о дружбе и границе).

Вспомним, что писал Гальдер в своем дневнике 7 сентября:

«*Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией: остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой — Польше; промышленный район — нам; Краков — Польше; северная окраина Бескидов — нам; области (Западной) Украины — самостоятельны*».

По крайней мере, до падения Варшавы немцы еще ждали от поляков предложений о переговорах. Но польское правительство сбежало из столицы 6 сентября, а 16 сентября покинуло страну, и тем самым полностью самоустранилось от решения судьбы своей страны и народа. Это, по-моему, уникальный случай в новейшей истории. Никакое другое правительство не сможет пере-

плюнуть тогдашнее польское по уровню трусости и подлости. Но, видимо, в Кремле оценивали польскую верхушку неадекватно, и потому предприняли усилия к тому, чтобы создать условия для возможной реанимации польской государственности

Фото 16. Карта из газеты «Известия» от 23 сентября 1939 г.

Вечером 20 сентября 1939 г. начались переговоры наркома обороны Ворошилова и начальника Генштаба Шапошникова с делегацией германского военного командования, возглавляемой генералом Кестрингом, военным атташе Германии в СССР, о порядке отвода германских войск и продвижения советских войск на демаркационную линию. В ночь на 21 сентября был подписан советско-германский протокол. Основной пункт его гласил: «*Части Германской армии, начиная с 22 сентября, отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход, примерно в 20 километров, закончить свой отход на западный берег р. Вислы у Варшавы к вечеру 3 октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 27 сентяб-*

ря, р. Нарев, у Остроленка, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября»[1].

22 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике: «*Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит па реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков*». Таким образом, опубликованная в «Известиях» карта (см. фото 16.) отражает не положения «секретного» сговора Молотова с Риббентропом от 23 августа, а договоренности между Ворошиловым и Кестрингом. Об этом, разумеется, апологеты доктрины «секретных протоколов» стараются умолчать.

В сети Интернет, особенно на иностранных сайтах, мне нередко приходилось находить приведенную карту, как доказательство советско-германского сговора 23 августа 1939 г. (публикаторов почему-то не смущает, что подробности *тайного* сговора опубликованы в открытой печати). Именно поэтому фальсификаторы, стряпая «секретный протокол», и поделили Польшу по Висле, чтобы подогнать свою брехню под коммюнике от 22 сентября. Но они совершенно не учли, что итоги переговоров представителей двух армий в Москве 20—21 сентября отражали ситуацию, сложившуюся в ходе непредвиденного хода событий. 23 августа ни Сталин, ни Гитлер не могли предположить, что польская армия рассыплется в прах так быстро. Не предполагали этого и немецкие генералы, о чем они дружно пишут в своих мемуарах. Ни в Москве, ни в Берлине не рассчитывали, что Польша исчезнет с политической карты Европы. Более того, в этом, повторюсь, не были заинтересованы обе державы.

Когда же стал очевиден полный крах польского государства, советское правительство не стало претендовать на правобережье Вислы, но в отношении Львова возникли определенные трения. Дело совсем не в том, что Львов (Лемберг) когда-то находился под властью Австро-Венгрии, а ныне Австрия являлась составной ча-

---

[1] Цит. по: *Мельтюхов М.* Советско-польские войны. // Военно-политическое противостояние 1918—1939; http://militera.lib.ru/research/meltyukhov2/03.html.

стью Третьего рейха. Яблоком раздора стала нефть. В Галиции находились нефтяные месторождения, хоть и не очень крупные, но крайне необходимые Германии. Михаил Мельтюхов пишет:

«С утра 20 сентября 1939 г. германский военный атташе в Москве генерал Кестринг пытался урегулировать ситуацию под Львовом. Сначала германское командование заявило, что не может отвести войска, и предложило взять город совместным штурмом с Красной Армией, а затем передать его советской стороне. Однако неуступчивость Москвы привела к тому, что германское руководство решило «действовать совместно с русскими», и было решено, что «немецкие войска очистят Львов». В 12.45 Кестринг прибыл к Ворошилову и сообщил, что по личному указу Гитлера вермахт будет отведен на 10 км западнее Львова. «Как было договорено в присутствии Риббентропа, линия рек Писса, Нарев, Висла, Сан никем оспариваться не будет. Карта, которую показал начальник оперативного управления Варлимонт Белякову, имела линию границы не в соответствии с договоренностью советской и германской сторон, и она не может считаться линией границы, а только лишь линией, которую должны занять германские войска.

На замечание наркома обороны, что на карте Варлимонта, которую он показал Белякову, была линия границы, проведенная от Варшавы по Висле и далее к востоку от Львова, Кестринг, явно смутившись, в шутливом тоне сказал, что Варлимонт не политик и, возможно, что он как работник-нефтяник соблазнился нефтью, но что из-за этого они не позволят себе нарушать достигнутое соглашение и что это был маленький инцидент»[1].

Мельтюхов неверно употребляет термин «граница», речь идет именно о демаркационной линии, потому что границы в одностороннем порядке проведены быть не могут, тем более в условиях войны. Вопрос по поводу Львова возник после того, как начальник оперативного отдела вермахта Варлимонт показал 18 сентября исполняющему обязанности советского военного атташе в Берлине Беляеву карту, на которой разграничительная линия проходит вдоль Вислы, идет через Варшаву, но далее «соскальзывает» так, что Львов оказывается в немецкой зоне оккупации. Получив известие об этом, Молотов 19 сентября вызвал

---

[1] *Мельтюхов М.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. // http://militera.lib.ru/research/meltyukhov.

Шуленбурга и выразил несогласие с таким намерением германского командования. На следующий день конфликт был улажен.

Теперь давайте подумаем: зачем устраивать нервную суету по разграничению сфер интересов в Польше, в ситуации сближения двух сильнейших армий, если все уже поделили буквально четыре недели назад и зафиксировали договоренности в «секретном протоколе»? Изготовителям фальшивки, наверное, хотелось сразу указать линию будущей советско-германской границы по Бугу, но в этом случае невозможно было объяснить появление соглашения о демаркационной линии по линии рек Писса — Нарев — Буг — Висла — Сан. Поэтому махинаторы решили привязать первоначальные условия «сговора» к этой линии, а специально для того, чтобы объяснить то, что граница прошла восточнее, состряпали второй «секретный протокол» от 28 сентября 1939 г.

В этот день стороны якобы подписали еще один любопытный документ. Привожу его текст в том виде, в каком он опубликован Фельштинским в вильнюсском издании госдеповского сборника:

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся полномочные представители, по заключении Германо-Русского Договора о Дружбе и Границе, заявляют о своем согласии в следующем:

Обе Стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны. Они будут подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, предпринимаемых с этой целью.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Москва, 28 сентября 1939 г.

Совершенно очевидно, что это фальшивка. Какой «германо-русский» договор мог подписать Советский Союз? Можно, конечно, списать это на ошибку Фельштинского, переводившего госдеповский сборник. Но нет, в американском оригинале тоже значится German-Russian Treaty. Причем в госдеповском сборнике 1948 г. первой стоит подпись Риббентропа, а в литовском издании 1989 г. первым подписал договор Молотов. И это совсем не мелочь. Вспомним о принципе альтерната (см. главу «Оригиналы»). Поскольку американцы использовали для публикации вроде как

германские экземпляры документов, то первой должна стоять подпись Риббентропа, что мы и видим. Но Фельштинский, если уж он якобы переводил госдеповское издание, должен был оставить текст как есть. Между тем в литовской книжке имеется подтасовка: текст переведен с английского, но оформлен так, будто публикаторы использовали советский оригинал протокола.

Но исходный текст в обоих случаях был английским. Сборник 1948 г. не предназначался для русских читателей, и поэтому его слепили весьма небрежно — для западного обывателя что Russian, что Soviet — никакой разницы. Удивляет лишь то, что в 1989 г. советские издатели не нашли нужным исправить такие явные ляпы. Не исключаю, что вильнюсское издательство «Mokslas» либо вообще не печатало эту книгу, либо использовало для печати формы, привезенные из-за границы. Но халтура налицо. В дальнейшем этот договор все же стали именовать советско-германским.

На то, что исходные тексты «секретных протоколов» писаны по-английски, указывает такая странность. Валентин Андреевич Сидак обратил внимание на следующее:

«Официальное название германо-советского соглашения от 28 сентября 1939 года — Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Почему же тогда в секретном Дополнительном протоколе идет речь о «договоре о границе и дружбе»? Это ведь только домохозяйки не видят никакой разницы в наименовании документов. Но и германские, и советские дипломаты и юристы, принимавшие участие в их подготовке, — не обыватели, а высококлассные специалисты в составлении международно-правовых актов»[1].

Произошло это потому, что Договор о дружбе и границе между СССР и Германией был опубликован в газетах, и отечественным публикаторам не было нужды переводить его с английского. А вот «секретного протокола» к этому договору на русском языке не существовало, поэтому издатели вынуждены были пользоваться исходником на английском, где договор от 28 сентября неизменно называется германо-советским договором о границе и дружбе — *German-Soviet Boundary and Friendship Treaty*. Таким образом, разнобой с названиями договора возникает только в публикациях на русском языке и объяснить его можно лишь тем, что отечественные «историки» не имели в своем распоря-

[1] Правда, №44, 2007 г. // www.gazeta-pravda.ru/2007/pravda 044.html

жении русского исходника. Сначала я это только предположил, но оказалось, что и в американском сборнике 1948 г. опубликована репродукция протокола о польской агитации (надо полагать, с микрофильма фон Леша), где договор от 28 сентября назван договором о границе и дружбе. То есть неверный перевод с английского сделали сами американцы еще в момент изготовления фальсификатов, а потом они выдали эту туфту за фотокопию с якобы утраченного оригинала!

Правда, генерал Сидак считает, что исходник «секретных протоколов» фабриковали немцы. В качестве аргумента он приводит предположение, что знаменитая ошибка с «обоими сторонами» в августовском «секретном протоколе» произошла потому, что в немецком слова «обоими» и «обеими» пишутся одинаково — *beiden*. Но и по-английски в данном случае никакой разницы в написании не будет: «обеими сторонами» следует писать как *by both parties*.

Надо заметить, что изготовленные и запущенные в оборот американцами фальшивки (а их великое множество) распознаются зачастую элементарно. Вот типичный образчик вашингтонской халтуры — так называемое секретное письмо Гвишиани Берии: «*Только для ваших глаз. В виду нетранспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции «Горы» вынужден был ликвидировать более семисот жителей в местечке Хайбах. Полковник Гвишиани*».

Эта писулька — единственное «доказательство» сожжения мирных жителей войсками НКВД в ауле Хайбах 23 февраля 1944 г. во время депортации чеченцев. Об этом «злодеянии кровавого сталинского режима» любят потявкать либеральные правозащитники. Поскольку слово «либерал» уже вполне стало синонимом слова «идиот», не будем с ними спорить, доказывая, что в горных районах Чечни депортацию начали лишь с 26 февраля, и что Михаил Гвишиани никогда не был полковником, а в феврале 1944 г. являлся комиссаром госбезопасности третьего ранга, и что грузин Гвишиани никак не мог назвать горный аул местечком. Нам сейчас интересна лишь первая фраза письма. Словосочетание «только для ваших глаз» совершенно не характерно для нашего официального документооборота, но гриф «For Your Eyes Only» действительно используется для обозначения секретности документов в Соединенных Штатах.

Кстати, московские коллеги американских фальсификаторов допустили с «антипольским протоколом» еще одну глупость. В 1992 г. они, имея перед глазами «фотокопию» фон Леша, изготовили «оригинал», сохранив неправильное наименование догово-

ра о дружбе и границе, но исправили небольшую ошибку — написали «По уполномочию...» вместо «По Уполномочию...», как значится у американцев. При этом переносы проставлены совсем иначе, да и сам знак переноса на американской фотокопии заметно длиннее. То есть пишущие машинки использовались разные.

Помимо двух «секретных протоколов» 28 сентября 1939 г. Молотов с Риббентропом подписали якобы еще и «доверительный протокол» о нижеследующем:

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ
К «ГЕРМАНО-СОВЕТСКОМУ ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ
И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ»

Правительство СССР не будет препятствовать немецким гражданам и другим лицам германского происхождения, проживающим в сферах его интересов, если они будут иметь желание переселиться в Германию или в сферы германских интересов. Оно согласно, что это переселение будет проводиться уполномоченными Германского Правительства в согласии с компетентными местными властями и что при этом не будут затронуты имущественные права переселенцев.

Соответствующее обязательство принимает на себя Германское Правительство относительно лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих в сферах его интересов.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Москва, 28 сентября 1939 года.

Воспроизводится текст по публикации в журнале «Вопросы истории», № 1 за 1993 г. Вроде бы ничего преступного в данном соглашении нет, поэтому не имело смысла делать его тайным. Ведь репатриацию десятков тысяч человек скрыть невозможно, да и не нужно, поскольку репатриация предполагается исключительно добровольная (не надо путать ее с депортацией). Но все-таки и этот документ фальшивый. У Фельштинского первое предложение звучит ужасно коряво: «*Правительство СССР не будет создавать никаких препятствий на пути Имперских граждан и других лиц германского происхождения, проживающих на территориях, находящихся в сфере его влияния, если они пожелают переселиться в Германию или на территории, находящиеся в германской сфере влияния*[1].

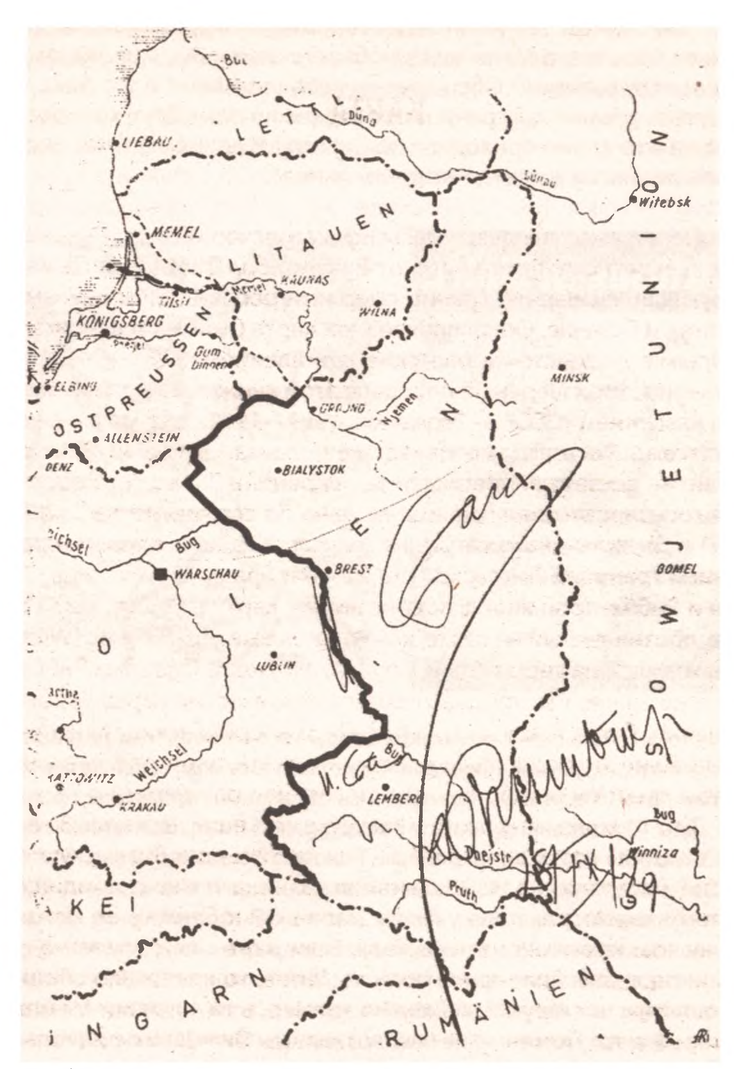
[1] СССР — Германия. 1939—1941 // http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/wwar.php.

Редакция журнала «Вопросы истории» сочла возможным немного подредактировать американских составителей сборника, но без особого успеха. По уму надо было писать так: «Правительство СССР не будет препятствовать гражданам Германии и иным лицам немецкого происхождения...». Ведь понятие «немецкий гражданин» столь же расплывчато, как например, выражение «арабский гражданин» — арабских стран-то очень много. Стран с преобладающим немецким населением даже после аншлюса Австрии было несколько — Германия, Швейцария, Люксембург и Лихтенштейн. А смысл определения «лицо германского происхождения» может быть истолкован настолько вольно, что таковым можно считать еврея, родившегося в Германии, но покинувшего страну. В Германии в то время существовало понятие «фольксдойче», что означало немцев, живущих вне родины. Так что Риббентроп никак не мог допустить такую корявую формулировку, какую предложил журнал «Вопросы истории». Эх, даже такую мелочевку не могут грамотно сфабриковать!

КАРТА

Перед вами «шедевр» фальсификаторского искусства — карта к «секретному протоколу» от 28 сентября 1939 г., якобы фиксирующая изменение границ сфер интересов СССР и Германии в Литве и Польше. Опубликована эта карта была в госдеповском сборнике «Нацистско-советские отношения. 1939—1941», а в 1989 г. воспроизведена в переводе этой книжки на русский язык под названием «СССР — Германия. 1939—1941», откуда я ее и заимствовал. Доказать, что эта карта фальшивая, много труда не составит — достаточно посмотреть на границы Литвы: юго-восточная государственная граница ее дана по состоянию на... конец 1991 г. До этого она являлась не государственной, а административной границей Литовской СССР с октября 1940 г. Но ведь Сталин и Риббентроп якобы подписали эту карту в 1939 г., когда город, обозначенный на карте, как Wilna, назывался Вильно (Wilno), и находился на территории Польши. Неужели Сталин и Риббентроп не знали, как тогда выглядит политическая карта Европы? Конечно, знали. А вот «специалисты» из американских спецслужб, слепившие эту подделку, как истинные янки, в географии весьма слабы, поэтому они прокалываются на ней раз за разом.

Кто-то хочет возразить в том духе, что еще, дескать, 23 августа стороны признали права Литвы на Вильно и Виленскую область? Допустим, но на 28 сентября граница так не проходила, и потому подписать такую карту Сталин с Риббентропом не могли ни при каких обстоятельствах. Если даже они совместно решили передать Виленскую область Литве, то следовало обозначить новую и старую границу. Например, в отношении Мемеля, который в тот момент уже был возвращен Литвой и официально включен в состав Рейха, отчего-то именно так и сделано, и это еще один казус. Германия всегда считала Мемельскую область своей территорией, не признавая захвата ее литовцами в 1923 г. Советский Союз на 28 сентября также полагал Мемель германским городом. Литва совершенно официально отказалась от него 22 марта 1939 г., как ранее она отказалась от претензий на польский город Вильно.

Карта раздела Польши с подписями Сталина и Риббентропа.

Фото 17. Карта из сборника «СССР — Германия. 1939—1941» с подписями Сталина и Риббентропа. Несмотря на свою очевиднейшую подложность, именно это изображение экспонируется в латвийском музее оккупации на стенде, посвященном «сговору Молотова — Риббентропа».

Так с какой стати литовско-германская граница проведена южнее Мемеля, а Мемельская область отмечена, как оккупированная территория? Обращает на себя внимание и тот факт, что советско-румынская граница проведена по реке Прут, хотя реально она в то время проходила по Днестру. В данном случае она не была отражена даже пунктирной линией.

Фото 18. Наверняка фальсификаторы из американской разведки, фантазируя насчет передачи Советским Союзом части территории Литвы Германии, пользовались образцами германской пропаганды. Приведенный плакат (Feldzug gegen Polen. Sonderdruck der Zeitschrift «Deutsche Infanterie». Titelblatt. Deutscher Verlag. Berlin, September/Oktober 1939) действительно создает впечатление, будто Германия отхватила у Литвы маленький кусочек на ее юго-западной окраине. Увеличенный фрагмент карты, опубликованной в газете «Известия», показывает, что юго-западная граница Литвы осталась неизменной, а Сувалки находятся на территории Польши (граница Польши оттенена толстым заштрихованным абрисом). Если же верить в существование «секретных протоколов», то выходит, что немцы опубликовали «секретную» карту, еще не дождавшись, когда СССР оккупирует Литву и отдаст Германии ее кусок ради «выпрямления» границы. На самом деле красная линия обозначает лишь состоявшееся на тот момент изменение границ рейха, и не более того.

С юго-западной границей Литвы на госдеповской карте вообще творится что-то непонятное. Там, где она реально проходила, отмечена точечная пунктирная линия. По смыслу обозначений выходит, что небольшой участок территории северо-западнее Гродно — литовская территория, которая также оккупирована Германией. Действительно, это территория, так называемый Сувалкинский выступ, была передана немецким войскам Красной Армией, но это была территория Польши. Гальдер в своем дневнике за 21 сентября 1939 г. отмечает, что эту территорию немцы получили взамен отказа от притязаний на Львов. Обмен, конечно, неравноценный, но уж очень решительно был настроен товарищ Сталин — мол, все украинские земли должны принадлежать СССР, и баста!

Фото 19. Литовская ССР в 1940 г. до передачи территорий Белоруссии. Карта содержит следующее примечание: «Граница между Белорусской ССР и Литовской ССР согласно закону, принятому VII сессией Верховного Совета СССР, подлежит точному установлению».

10 октября Вильно и прилегающие территории были переданы Советским Союзом Литовской республике, однако даже в этом случае граница имела не ту конфигурацию, что обозначена на приведенной карте. В результате соглашений, достигнутых на переговорах делегаций Литвы и Белоруссии в Гродно 1—2 октября 1940-го, Литовской ССР были переданы курорт Друскеники (Друскининкай), Свенцяны (Швенчионис), железнодорожная станция Адутишкис с окрестными деревнями, населенными преимущественно литовцами. Именно эта окончательная линия границы с двумя характерными «сосками» южнее Вильно обозначена на госдеповской карте. Фальсификаторы при изготовлении этой поделки взяли за основу карту, самое раннее, 1940 г.

Итак, совершенно очевидно, что подписать эту галиматью Сталин и Риббентроп не могли. Но совершенно точно известно, что в тот день между Советским Союзом и Германией был подписан договор о дружбе и границе. Следовательно, к нему была приложена и карта с приблизительным обозначением новой границы. А позже, 4 октября 1939 г. стороны подписали дополнительный протокол, где демаркационная линия описывалась очень подробно. К данному протоколу тоже была приложена карта. Не эта попоподтиралка, а настоящая подробная цветная карта, которая отнюдь не была секретной.

А теперь вспомним, что было написано в секретном протоколе от 28 сентября 1939 г.: «*Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п. 1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией)*».

Ну что, улавливаете душок крепкого американского маразма? Выходит, что на НЕсекретной карте к НЕсекретному договору о дружбе и границе обозначена совершенно секретная линия *будущего* раздела Литвы! Спрашивается, почему «секретный протокол» отсылает к несекретной карте — неужели так трудно было составить секретную карту раздела Литвы отдельно и приложить ее к «секретному протоколу»?

Вообще-то из новой линии границы никто не делал тайны. 29 сентября пресловутая «карта раздела Польши» была опубликована ведущими советскими газетами. Разве что подписей Сталина и Риббентропа на них не было. И, кстати, не могло быть.

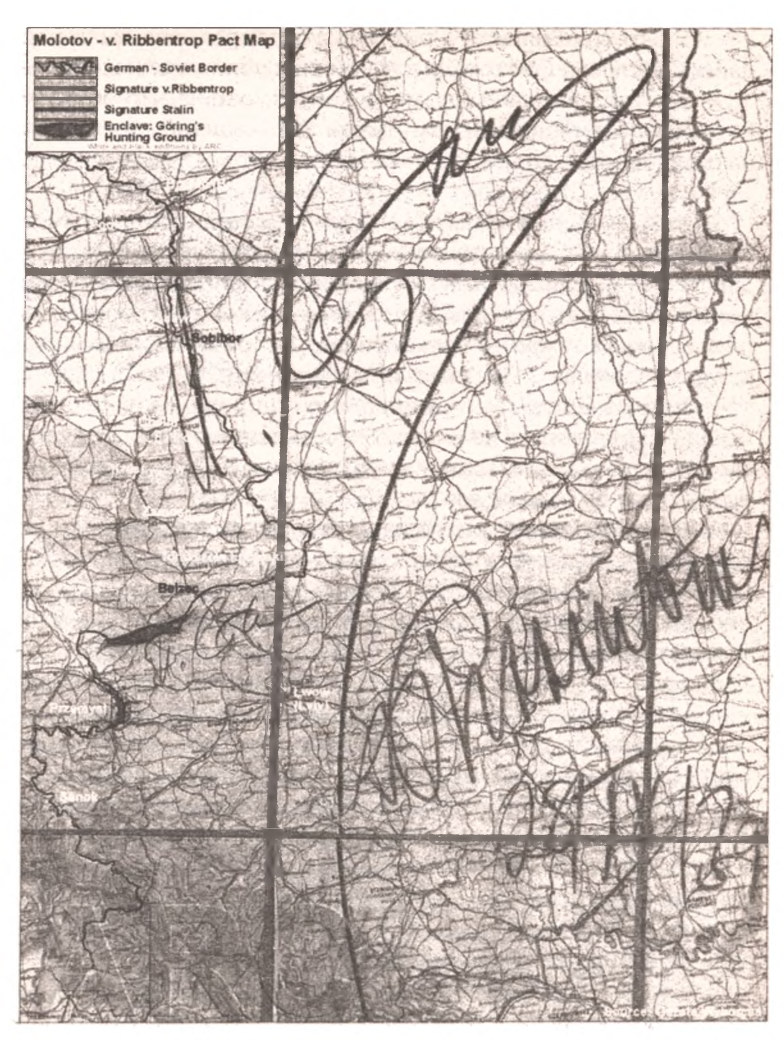

Фото 20. Раздел Польши по версии «Gazeta Wyborcza».
Этот вариант условно будем считать германским.

Снова процитируем книжку Льва Безыменского «Гитлер и Сталин перед схваткой» в том месте, где он описывает находку в 1992 г. в президентском архиве «оригиналов» «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа и иных дипломатических документов, в том числе и совершенно несекретных:

«Внутри пакета [№34] лежала опись документов, полученных из МИД СССР, — всего восемь документов и две карты...

..Долгие годы «закрытые пакеты» №34 и 35 (в 35-м находились большие географические карты Польши) вели спокойное существование».

Итак, в отдельном пакете находились карты Польши. Карты эти были крупномасштабными, иначе бы такое маленькое государство, как Польша, уместилось бы и на одном листе. Вероятно, это и были те самые карты с демаркацией советско-германской границы, которые прилагались к дополнительному протоколу от 4 октября 1939 г. Но в этом случае непонятно, почему эти несекретные краты хранились в партийном архиве, а не в архиве МИДа? Относительно внешнего вида карт из «закрытого пакета» существует много противоречащих друг другу версий. Вот что вспоминает Николай Рыжков:

«Я лично также не раз обращался к Горбачеву с вопросом: действительно ли не существует оригинала? Однажды он попросил принести в кабинет карту, сделанную на листе ватмана. Выполнена она была вручную. На ней определены границы территорий после военных действий 1939 года. На карте стояли две подписи — Риббентропа и Сталина. Кроме того, рукой Сталина красным карандашом были сделаны некоторые изменения в нашу пользу и его карандашная подпись. Кстати, на этой карте стран Прибалтики не было. Больше никаких документов по этому вопросу члены Политбюро не видели[1]. Вряд ли Рыжкова можно считать заинтересованным лицом в сокрытии правды, иначе он бы вообще не упоминал о неприятной для него теме. Однако он говорит о выполненной вручную(!) на листе ватмана карте. Ничего похожего на известных нам вариантах карты (всего я отыскал четыре варианта) мы не наблюдаем.

Если верить свидетельству советника германского посольства в Москве Густава Хильгера, был еще и пятый вариант карты, нам неизвестный. Напомню, что он (или анонимные сочинители от его имени) писал: *«Польша была уничтожена и разделена. Мы были свидетелями того, как Сталин толстым цветным карандашом собственноручно провел на географической карте линию, которая начиналась там, где южная граница Литвы упи-*

---

[1] Наш современник, №5, 2006 г. //http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=5&id=7

ралась в восточную границу Германии, и оттуда шла на юг до чехословацкой границы. На основе этой линии специальная комиссия должна была потом определить точное прохождение границы — работа, доставившая много труда и приводившая к долгим спорам, так как советские партнеры рангом пониже рабски держались синей линии, даже если на практике это вело к таким бессмысленным последствиям, как расчленение небольших населенных пунктов и жилищ, только потому, что линия эта была начертана рукой самого Сталина»[1].

Итак, германский дипломат пишет о собственноручно проведенной Сталиным синей карандашной линии. Ни на одной из имеющихся в нашем распоряжении изображений синей линии от Литвы до Карпат нет. Кстати, Чехословакии к тому времени уже не существовало, и карандашную линию Сталин мог довести лишь до венгерской границы. Но даже не это странно, а то, что Хильгер лепечет о расчленениях населенных пунктов и жилищ. Поскольку граница проходила почти исключительно по рекам, трудно представить, что по их фарватеру имелись какие-то жилища, которые пришлось расчленять. К тому же карта, на которой якобы советский вождь «расчленял» населенные пункты и жилища, не могла быть топографической, и потому добиться столь ювилирной точности «расчленения» было нереально. Наконец, в настоящем протоколе о границе, подписанном Молотовым и Шуленбургом 4 октября 1939 г. с приложением к нему карты, ни одного расчлененного населенного пункта не указано. Пограничная река Буг пересекала разве что ставшую впоследствие знаменитой Брестскую крепость. О том, как советская сторона выкрутилась из этой ситуации, рассказано в конце этой главы.

Существуют и совсем уж фантастические измышления о картах. В сборнике «Катынь: Пленники необъявленной войны» под редакцией академика Яковлева утверждается следующее: *«К секретному протоколу [от 23 августа 1939 г.] было приложено более десяти карт Польши и прибалтийских стран с подробным обозначением сфер влияния двух сторон договора»*. Тут яковлевцы сбрехали, не подумав. Никто никогда не заикался о том, что в августе помимо «секретного протокола» к пакту подписывались какие-то карты, да еще в количестве более десяти (!!!) штук. Ви-

---

[1] *Хильгер Г.* Я присутствовал при этом // «Дипломатический ежегодник, 1989 г.; http://www.ayseve.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=48:2008-11-27-13-11-00&catid=34:2008-11-17-11-37-10&Itemid=58.

димо сочинители «научного» сборника все же имели в виду две карты из мифической «особой папки», но это были приложения не к августовскому «секретному протоколу», а к сентябрьскому договору о дружбе и границе. Хотя как знать, сенсационные находки ранее неизвестных карт могут быть и продолжены — надо же чем-то подкреплять брехню безмозглых кремлевских «историков», которые путаются в собственном вранье.

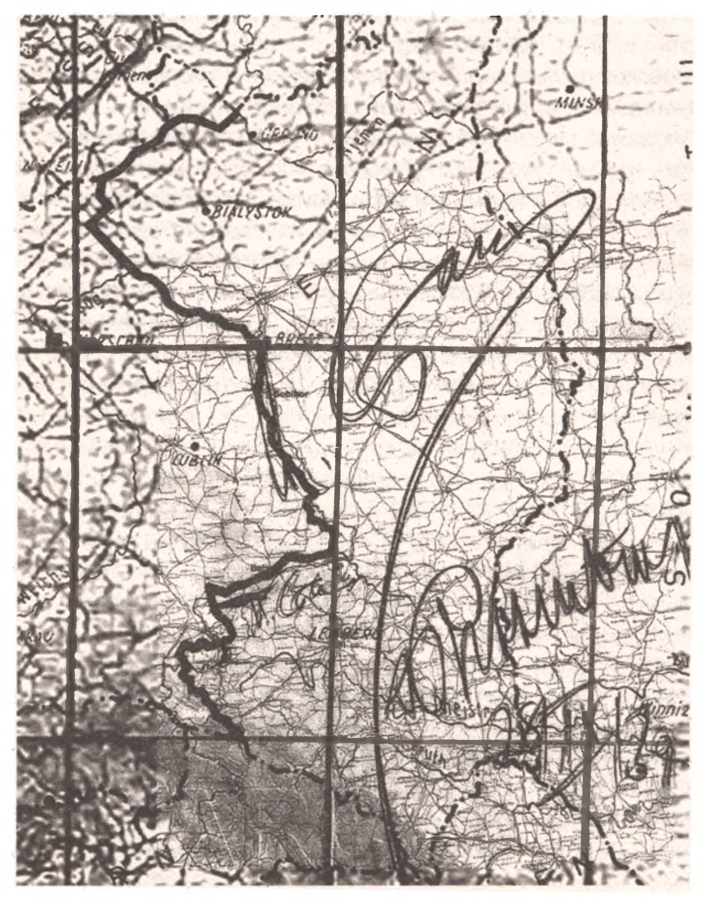

Фото 21. Результат наложения двух карт, совмещенных по подписям. Как видим, линии границ не совпадают. Более того, если на черно-белом рисунке линия новой советско-германской границы упирается в пределы Венгрии, то на цветной карте она почему то пересекает венгерские Карпаты. Ладно, хоть не Гималаи.

В РФ эти мифические карты из «особой папки» никогда не обнародовались. Почему? Да потому что сразу станет ясно, что эти карты совершенно не похожи на ту, что опубликовали американцы в 1948 г., выдав за карту раздела Польши. Самое главное, на ней не обозначено никакой линии, к которой апеллирует «секретный протокол»: *«Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии»*.

Однако, спасибо заграничным друзьям! Поляки настолько глупы, что напечатали эту карту в хорошем качестве в «Gazeta Wyborcza»[1]. Правда, и они сообразили, что целиком ее показывать не стоит и Литва в их публикации отсутствует. Англичане, создавшие уже упомянутый фильм «Россия в войне: кровь на снегу» тоже ограничились показом лишь ее южной части. Тем не менее, в обоих случаях прекрасно видны подписи Сталина и Риббентропа. Я решил провести небольшой эксперимент, совместив на компьютере изображение цветной карты с черно-белой картинкой из госдеповского сборника 1948 г. Прорисовка результатов перед вами. Подписи Молотова и Риббентропа приблизительно совпадают друг с другом на обоих изображениях, однако на черно-белом рисунке они несколько крупнее по масштабу и расположены немного иначе по отношению к границе. Таким образом, легко установить, что поляки сварганили свою карту путем наложения автографов из госдеповского сборника.

Ельцин в своих мемуарах (см. главу «Оригиналы») упоминает о неких двухметровых картах. Если поверить, что он говорит правду, то Сталину, чтобы оставить такой размашистый автограф, надо было ползать по карте на четвереньках. И уж совершенно никак невозможно объяснить то, что карандашная линия имеет в этом масштабе толщину более сантиметра! Вы видели такие толстенные карандаши? Если считать верной информацию Рыжкова о том, что карта состояла из одного листа ватмана, то даже в этом случае такого гигантского размера росчерк Сталин оставить не мог. Попробуйте на досуге поупражняться. Впрочем, доказать то, что цветная карта, опубликованная в польской газете, фальшивая, легко можно и без этого.

---

[1] http://www.deathcamps.org/occupation/pic/molotovmap.jpg

Проведем элементарнейшую техническую экспертизу. Попробуйте взять в руки цветной карандаш и расписаться на белом и плотном листе бумаги. Легко убедиться, что края линии несколько рваные, поскольку карандашная линия представляет собой кусочки грифеля, зацепившиеся за шероховатость поверхности бумаги, а по краям линии давление на бумагу слабее, чем в центре линии. Делая росчерк, рука не может удерживать карандаш строго под одним углом и давить на бумагу с одинаковой силой, поэтому и толщина линии будет разной. Теперь посмотрите на толстенную линию подписи Риббентропа — разве она похожа на карандашную? Нет, она однозначно сделана маркером или фломастером, которых в те годы не существовало. Почему я так решил? В полиграфии, как и в живописи, существует такое понятие, как оптическая плотность цвета. Например, если мы покрасим стекло нитрокраской, оно почти не будет просвечивать, а если залить его акварелью или гуашью, способность стекла пропускать свет снизится в лучшем случае наполовину. У этих материалов разная оптическая плотность или кроющая способность. У цветного карандаша и маркера со спиртовым красителем кроющая способность также сильно различается — карандашная линия, да еще проведенная поверх цветной карты не может выглядеть столь ярко и насыщенно. Оптическая плотность офсетной краски, которой отпечатана карта, однозначно будет выше.

А при увеличении этого изображения на мониторе компьютера отлично видно еще и то, что якобы карандашная линия не только неестественно ровная и яркая, но и прозрачная. Добиться этого можно только одним путем — наложив с эффектом сложения цвета в программе «Photoshop» или аналогичном графическом редакторе изображение карты и автографы Сталина и Риббентропа, выполненные маркером или фломастером, и увеличенные в несколько раз. Кстати, другой вариант карты с подписями (см. рисунок ниже) изготовлен куда более старательно — карандашные росчерки Сталина и Риббентропа действительно похожи на таковые по фактуре и размер у них не такой громадный, будто расписывался Кинг-Конг. Да и сама эта карта выглядит по-другому — она выполнена на одном листе, а не собрана из нескольких сегментов, как это имеет место в случае с публикацией в «Gazeta Wyborcza». Столь разными карты получились потому, что делали их разные люди и, вероятно, в разное время.

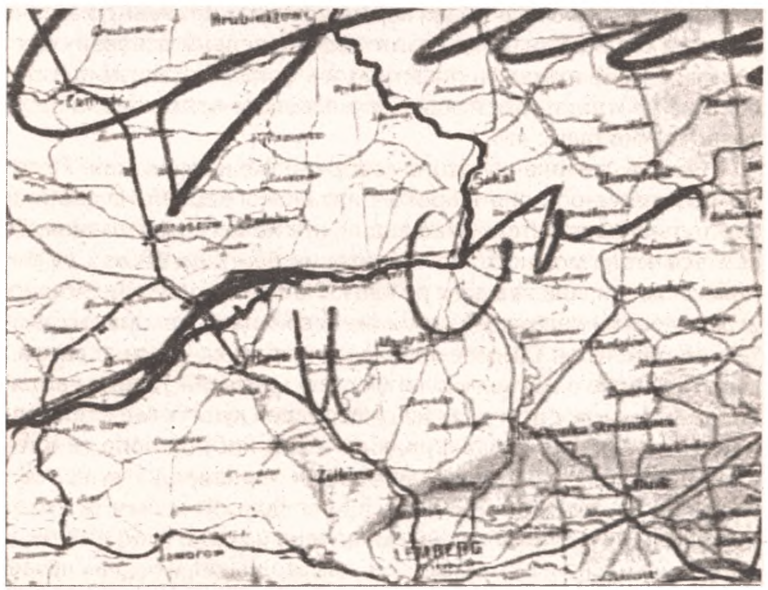

Фото 22. Еще один «оригинал» — условно советский.
Кадры из фильма «Нацизм по-прибалтийски»

Допустим, американцы в книге решили привести схематическое изображение карты, немножко «подкорректировав» Литву, чтобы она подгонялась под глупый текст «секретного протокола» от 28 сентября. Допустим, янки использовали для этих целей оказавшуюся в их распоряжении пленку фон Леша (хотя я не встречал ни одного упоминания, что на ней есть снимки карты). Откуда же тогда ляхи в 90-х годах взяли цветной «оригинал», о существовании которого в течение более полувека не было никаких упоминаний — может быть, это тот самый оригинал из «закрытого пакета №35»? Сначала я предположил именно это, но потом отыскал изображение еще одного «оригинала» — он довольно подробно показан в документальном фильме «Нацизм по-прибалтийски» (фильм откровенно тупой, но за карту спасибо!).

Итак, происхождение продемонстрированной московскими кинопропагандистами в антиприбалтийском фильме карты можно объяснить находкой в 1992 г. Яковлевым «особой папки» в президентском архиве, но откуда взялся американско-польско-британский[1] цветной «оригинал», совершенно не ясно. Впрочем, как мы выяснили выше, фальсификация совершенно очевидна: сначала янки слепили эрзац-карту, растиражированную госдеповским сборником, потом изготовили красивый цветной «оригинал», опубликованный поляками, а в фильме «Нацизм по-прибалтийски» используется поделка яковлевско-волкогоновско-пихоевской бригады.

Почему я столь уверенно говорю о фальсификации? Потому что махинаторы опять прокололись с географией. На цветной карте совершенно отчетливо видно, что новая советско-германская граница проходит... по территории Венгрии. Весной 1939 г. Чехословакия, лишившаяся в 1938 г. Судетской области, отошедшей к Германии по решению Мюнхенской конференции, окончательно распалась. В Праге президент Гаха торжественно вверил судьбу чешского народа в руки фюрера, Словакия 15 марта объявила независимость, и в тот же день независимость была провозглашена в Прикарпатской Украине — автономной области в составе Словакии. Однако уже через 3 дня Прикарпатье было оккупировано венгерскими войсками при поддержке польской армии и включено в состав Венгрии. Но на подписанной Риббентропом и Сталиным карте мы видим, что черная разделительная линия

---

[1] Карта мелькает в снятом в Великобритании фильме «Россия в войне: кровь на снегу»

(по смыслу — государственная граница), проведенная по реке Сан, переваливает через Карпаты и проходит по реке Уж. Можно подумать, венгерский диктатор Хорти уполномочил Риббентропа отдать Сталину недавно захваченную им Подкарпатскую Русь!

Почему фальсификаторы облажались? Плохо знают политическую историю Европы. В ноябре 1944 г. освобожденное Красной Армией Закарпатье передано чехословацким властям, но уже 26 ноября 1944 г. народное собрание в Мукачево высказалось за присоединение к Советскому Союзу. 29 июня 1945 г. между СССР и Чехословакией было подписано соглашение о присоединении Карпатской Украины к УССР, а 22 ноября 1945 г. между двумя странами подписан договор о границе. 4 апреля 1946 года произошел последний обмен территорией с ЧСР, и Закарпатская Украина стала Закарпатской областью УССР — это было последнее советское территориальное приобретение. Но в 1939 г. Закарпатье находилось в составе Венгрии, и Москва на эти территории не покушалась. Кстати, по реке Уж чья-либо государственная граница никогда не проходила. С 11 октября 1938 г. по 11 февраля 1939 г. по Ужу пролегала административная граница Закарпатской автономии в составе Словакии, но по результатам первого Венского арбитража Венгрия заполучила часть территории Закарпатья с городами Уж, Мукачево и Берегово.

После полной оккупации Закарпатья граница между Словакией и Венгрией пролегала в 25—30 км западнее Ужа, советско-чехословацкая граница (ныне словацко-украинская) проходила западнее Ужа в 5—7 км. Таким образом, фальсификаторы в 90-х годах не только начертили разграничительную линию между Германией и СССР в Венгрии, но и не посчитались с реально существующими на тот момент границами. Кстати, янки, напутав с Литвой в госдеповском сборнике 1948 г., венгерскую границу отобразили все же верно, а яковлевцы, пытаясь изготовить правдоподобный «оригинал», перестарались на южном направлении, и прирезали СССР те территории, которые он получил лишь шестью годами позже. Боже мой, ну почему фальсификаторы такие тупые — не могут качественную подделку сварганить даже там, где это очень просто! Мне их уже стало скучно разоблачать.

Но даже если бы границы на фальшивой карте были отображены верно, в подложности этого артефакта не приходится сомневаться. Почему на карте, прилагаемой к договору о дружбе и границе, стоит подпись Сталина, если договор с советской стороны подписывал Молотов? Да, товарищ Сталин был уважаемым

политиком, но его подпись на карте вкупе с отсутствием подписи Молотова делала ее, как юридический документ, совершенно несостоятельным. Ведь Сталин формально не являлся официальным представителем правительства Советского Союза, он вообще не занимал в 1939 г. никаких государственных постов. Получается, что с одной стороны документ подписал министр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп, уполномоченный своим правительством, а с советской стороны размашистый автограф оставил частное лицо Иосиф Джугашвили, которому никто на это санкции не давал. Где подпись Молотова?

К тому же сомнительной выглядит и роспись на самой карте. На географических картах, вообще-то, расписываться не принято. Что такое карта? Это — чертеж земного рельефа в определенной проекции. Технические чертежи оформляются в соответствии со строгими правилами. В правом нижнем углу там разграфлено специальное место для подписей — штамп:

СОСТАВИЛ: чертежник такой-то (подпись)

ПРОВЕРИЛ: инженер такой-то (подпись)

УТВЕРЖДАЮ: главный инженер такой-то (подпись).

Карта по идее должна содержать такой же штамп, где и надлежит оставить свои автографы уполномоченным для согласования линии границы лицам. Смешно, но вскоре мне попался на глаза как раз примерно такой вариант карты — со штампом. Особенно мне понравилось, что в штампе так и значится: «Гитлеровско-сталинская линия раздела Польши». Даже подпись Молотова на месте, но, как водится, латиницей. Этот вариант, кстати, самый правильный, если оценивать начертание границ. По всему видать, эта поделка взята из какой-то газеты. Я даже готов предположить, что из «St. Louis Post-Dispatch», через которую впервые был осуществлен слив «секретных протоколов».

На этой карте есть детали, которые нам чрезвычайно интересны. Это, скорее всего, самый ранний образец из всех «карт раздела Польши», и если это так, то можно с уверенностью говорить о том, что первоначально фальсификаторы использовали не немецкую (как в случае с цветными вариантами), и тем более, не русскую карту, а польскую. Дело в том, что английские надписи, налепленные на нее сверху, даны в польской транскрипции. Причем авторы этой поделки польского языка не знали. Иначе трудно объяснить, почему на карте появился странный город под названием Лак (Luck). По-польски Luck произносится как «Луцк», и потому по-английски его следовало обазначить

Lutsk. Так же как и город Львов пишется в английской транскрипции Lvov а не Lwow, как принято у поляков. Ладно, допустим, изготовители этой карты не вдавались в тонкости транскрибирования названий провинциальных городов. Но уж то, что польская столица Варшава на англоязычных картах обозначается Warsav, а не Warsaw (Варсау), они должны были бы знать. Но они не знали, а потому просто привели польское слово Warszawa, исключив из него нечитаемые в английском буквы. Подобные ошибки сделаны в наименованиях еще шести городов, отмеченных на карте. Таким образом, мое предположение о том, что ошибка с рекой Буг появилась из-за того, что фальсификаторы пользовались польскими картами (где она впадает в Нарев), получает еще одно подтверждение.

Что касается исправления сталинской рукой линии границы в пользу СССР — это, конечно, полная туфта. Карта отражает лишь визуальное отображение демаркации границы, а ее делимитация на местности проводится по словесному описанию. Оно должно иметь примерно такой вид: граница проходит по левому берегу ручья Быстрый от его истока до соединения оного с оврагом Глубокий; далее вдоль южной стороны грунтовой дороги от моста через овраг Глубокий до моста через реку Холодную; далее по фарватеру реки Холодная вниз по течению до острова Лесной; далее по протоке реки Холодная между островом Лесной и правым берегом реки Холодная; далее...

Таким образом, эффектно обозначенное на карте одностороннее изменение границы Сталиным в пользу СССР представляется неправдоподобным. Ведь в этом случае пришлось бы изменять и документацию по демаркации границы на русском и немецком языках. А уж коли изменили ее, то провести в чистовую новую линию на другом экземпляре карты — дело пяти минут. Вопрос границы — это настолько серьезный предмет, что маленькая помарка или невнимательность может повлечь за собой большие проблемы. В качестве иллюстрации могу привести такой исторический курьез:

«1939 год. 29 сентября. Польша повержена. Идет демаркация советско-германской границы. Граница должна была проходить по рекам Писса, Нарев, Буг, Висла (так в тексте. — *Авт.*) *и дальше по реке Сан до ее истоков. Военные отмечают, что если в районе Бреста граница пройдет по Бугу, то она пройдет через систему фортов Брестской крепости, что, естественно, снизит ее обороноспособность.*

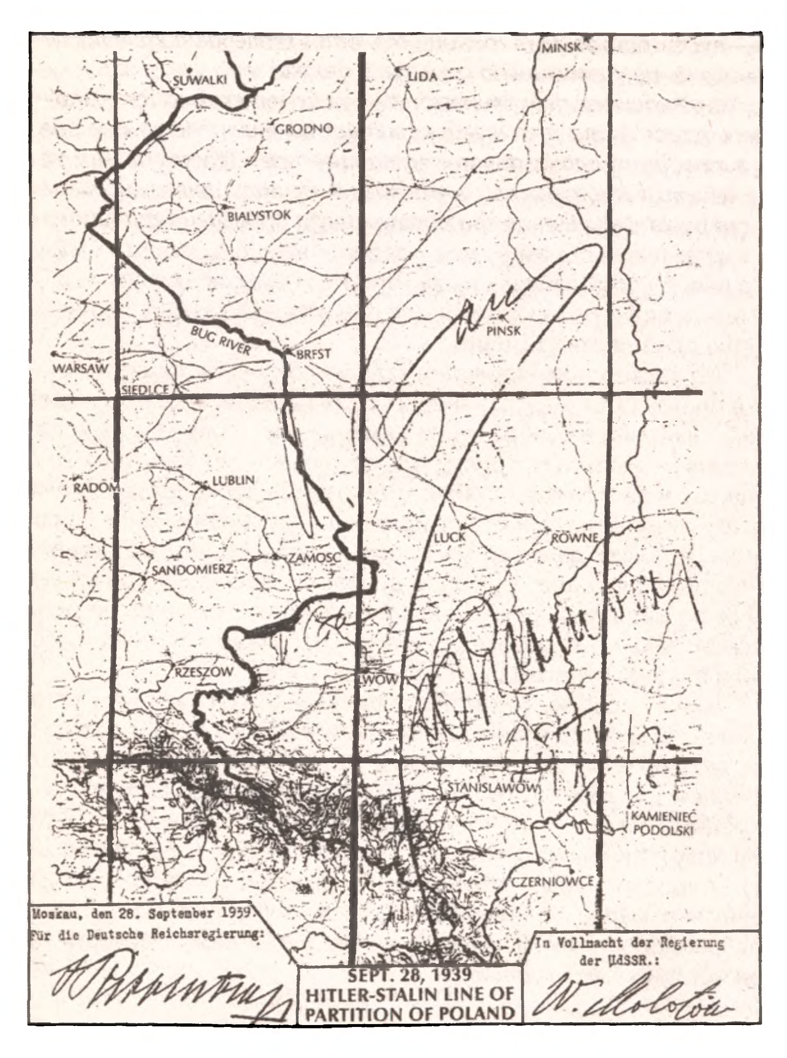

Фото 23. На портале «Википедия» в аннотации к этой карте сказано: «Эта фотография документа была сделана в 1946 защитой фон Риббентропа и Германа Геринга на Нюрнбергском процессе в 1946 г». При чем тут Герман Геринг, совершенно непонятно. Также очень подозрительно выглядят надписи на английском языке.

Командующий Белорусским фронтом телеграфирует Молотову: мол, товарищи дипломаты, передоговоритесь с немцами — пусть передвинут границу. Молотов отвечает: границу передвинуть невозможно, по реке Буг, и точка!

Тогда военные передвинули реку Буг. Советские войска запрудили старое русло Буга и взорвали перемычки крепостного рва. В итоге вода пошла по обводному каналу перед Тереспольским укреплением, и этот канал советский представитель выдал немцам за русло реки Буг, по которому и была проведена граница»[1].

---

[1] http://historic.ru/joke/bayka_1.shtml.

АТЛАС

Почему я такое большое значение придаю картам? Когда меня иногда об этом спрашивают, даже не знаю, как объяснить, настолько очевидным мне кажется ответ. Я люблю карты с детства. В девять лет составил свою первую карту — закрасил красным цветом на учебной контурной карте страны социалистической системы, а страны, дружественные соцлагерю, аккуратно заполнил линейным растром. Конечно, она отражала мою субъективную точку зрения, но оказалась на удивление точной, несмотря на некоторые погрешности (скажем, Никарагуа я уверенно закрасил красным, хотя, в отличие от Кубы, эту страну не принято было считать социалистической).

Очень рано я понял, насколько схематические графические изображения помогают понять суть исторических процессов. В 4-м классе учительница истории была очень удивлена, когда я, отвечая на вопрос о Мамаевом побоище, по памяти изобразил на доске мелом схему Куликовской битвы. Мне же было совершенно непонятно, как мои одноклассники зубрят наизусть параграфы из учебника, посвященные Отечественной войне 1812 г., но даже не пытаются заглянуть на цветную вкладку в конце книги, где находятся наглядные карты и схемы. Ведь они не понимали, где течет река Неман, которую перешел Наполеон 22 июня, зачем ему так нужен был Смоленск, и почему яростные бои велись за какой-то Малоярославец, в то время как Москва была сдана неприятелю без боя. Зато когда мы изучали по литературе «Войну и мир» Толстого, я откровенно скучал, читая о любовных переживаниях героев, но сцены боев и походов пробуждали во мне ярчайшие образы.

Помню, мы обсуждали на уроке эпизод, когда польские уланы смело бросаются в воду и тонут на глазах у Наполеона, пытаясь форсировать Неман вплавь, но при этом плачут от счастья, что погибают под взором императора. Я довольно резко возразил нашей литераторше, что Толстой в этой сцене показал вовсе не величие французского императора, а дурость поляков. Ведь Неман — это не просто река, а река пограничная: по одну сторону Польша (тогда — Великое герцогство Варшавское), по дру-

гую — Россия. «И при чем тут это?» — недоумевала учительница, так и не понявшая географического символизма.

В деле зомбирования человеческих масс карты играют исключительную роль. Иногда само изображение совершенно парализует волю и рассудок человека. Причина в том, что люди в большинстве своем не способны читать карту, они не знают ее языка, карта сама по себе воспринимается, как неоспоримый отпечаток реальности. Исследователь современного общества Сергей Георгиевич Кара-Мурза в книге «Манипуляция сознанием» так пишет об этом:

«Они [карты] оказывают на человека огромное идеологическое воздействие. Уже с начала века (точнее, с зарождением геополитики — крайне идеологизированного учения о территориальных отношениях между государствами) карты стали интенсивно использоваться для манипуляции общественным сознанием.

В ходе развития цивилизации человек выработал два, в принципе равноправных языка для записи, хранения и передачи информации — знаковый (цифра, буква) и иконический (визуальный образ, картинка). На пути соединения этих двух языков совершенно особое место занимает изобретение карты — важная веха в развитии культуры.

Карта как способ «свертывания» и соединения разнородной информации обладает не просто огромной, почти мистической эффективностью. Карта имеет не вполне еще объясненное свойство — она «вступает в диалог» с человеком. Карта — инструмент творчества, так же, как картина талантливого художника, которую зритель «додумывает», дополняет своим знанием и чувством, становясь соавтором художника. Карта мобилизует пласты неявного знания работающего с нею человека (а по своим запасам неявное, неформализованное знание превышает знание осознанное, выражаемое в словах и цифрах). В то же время карта мобилизует подсознание, гнездящиеся в нем иррациональные установки и предрассудки — надо только умело подтолкнуть человека на нужный путь работы мысли и чувства. Как мутное и потрескавшееся волшебное зеркало, карта открывает все новые и новые черты образа по мере того, как в нее вглядывается человек. При этом возможности создать в воображении человека именно тот образ, который нужен идеологам, огромны. Ведь карта — не отражение видимой реальности, как, например, кадр аэрофотосъемки. Это визуальное выражение представления о

реальности, переработанного соответственно той или иной теории, той или иной идеологии.

В то же время карта воспринимается как продукт солидной, уважаемой и старой науки и воздействует на сознание человека всем авторитетом научного знания. Для человека, пропущенного через систему современного европейского образования, этот авторитет столь же непререкаем, как авторитет священных текстов для религиозного фанатика.

Первыми предприняли крупномасштабное использование географических карт для идеологической обработки населения немецкие фашисты. Они быстро установили, что чем лучше и «научнее» выполнена карта, тем сильнее ее воздействие на сознание в нужном направлении. И они не скупились на средства, так что фальсифицированные карты, которые оправдывали геополитические планы нацистов, стали шедеврами картографического издательского дела. Эти карты заполнили учебники, журналы, книги. Их изучение сегодня стало интересной главой в истории географии (и в истории идеологии).

В последние годы фабрикация географических карт (особенно в историческом разрезе) стала излюбленным средством для разжигания национального психоза при подготовке этнических конфликтов. Это — особая «горячая» сфера манипуляции общественным сознанием. Наглядная, красивая, «научно» сделанная карта былого расселения народа, утраченных исконных земель и т.д. воздействует на подогретые национальные чувства безотказно. При этом человек, глядящий на карту, совершенно беззащитен против того текста, которым сопровождают карту идеологи. Карта его завораживает, хотя он, как правило, даже не пытается в ней разобраться»[1].

В деле уничтожения СССР провокации с картами играли очень важную роль, о чем неоднократно говорилось выше. Но почему толпы людей так глупо заглотили наживку с картами, чья подложность просто бросается в глаза? Ответ, что массы малокультурны и необразованны, совершенно неверен. Даже на профессиональных «ученых» магия карты действует безотказно. Противостоять гипнозу способны единицы. Всего лишь маленьким кусочком бумаги с цветными пятнами можно начисто лишить человека рассудка. Маврик Вульфсон хвастливо вспоминает в своих мемуарах:

---

[1] http://www.kara-murza.ru/manipul.htm.

«Через месяц после 2 июня 1988 года партийная верхушка организовала расширенное заседание ученых советов Института истории Академии наук и Института истории партии, чтобы опровергнуть мое утверждение о том, что летом 1940 года имела место не революция, а насильственная аннексия.

Меня пригласили явиться и защитить свое мнение. Предвидя, что собравшиеся там во главе с бывшим тогда секретарем партии по пропаганде, историком, академиком Александром Друзилисом, выступят против меня, я потребовал, чтобы на заседание пригласили 300 латышских рабочих с «ВЭФа» и других заводов. Ответ был отрицательным: «Это научное заседание». Я ответил, что тогда буду вынужден выступить перед Домом конгрессов. Мои противники отступили, заметив, что после собрания вам все равно придется только выброситься из окна.

Выступило 18 ораторов, где на моей стороне был только молодой историк Мартиньш Вирсис да еще Эдуард Берклавс и Янис Густсонс — участник революционного движения, один из организаторов демонстрации 21 июня 1940 года. Все остальные чуть ли не в унисон «пели», что латышский народ добровольно поддержал установление советской власти в Латвии.

После того, как многие из моих наиболее яростных оппонентов аргументировали свое мнение о непричастности Советского Союза к установлению советской власти в Латвии и обеих других прибалтийских республиках, я попросил слова.

Поднявшись на трибуну, я сказал, что пришло время выложить карты на стол. Вынул из портфеля небольшой атлас, изданный в 1939 году в Ленинграде, и раскрыл страницу с европейской частью СССР. Зал притих и замер. Телекамеры были обращены к трибуне, на карту, на которой было ясно видно, что три независимых государства Балтии уже окрашены в тот же светло-красный цвет, что и остальной Советский Союз. На какой-то миг наступила растерянность. Сторонники аплодировали, колеблющиеся просили полистать атлас. Они не верили своим глазам, что цензура (Главлит) могла санкционировать преждевременное издание таких карт[1].

Да, по части манипуляции толпой Вульфсон неплохой специалист, может даже выдающийся. Видимо, именно этому мастерству научили его немецкие друзья, которыми он так восхищался в своих мемуарах. Не случайно же он настойчиво требовал до-

[1] *Вульфсон М.* Карты на стол.

пустить на академическое научное мероприятие толпу рабочих в качестве его группы поддержки! Вряд ли они могли выступить с докладом или поучаствовать в научной дискуссии, зато они умели отменно топать, хлопать и свистеть. Получив отказ, Вульфсон все же нашел прием, безотказно бьющий по всем аргументам академиков и докторов наук — карту. Возможно, он даже не преувеличивает эффект от предъявленного аргумента. Но подумайте сами, как атлас 1939 г. мог доказать факт оккупации Прибалтики в 1940 г.? Рационального объяснения нет и не может быть. Это магия карты.

Если же серьезно воспринять доводы Вульфсона, то дело должно было обстоять так. Коварный Сталин решил «распилить» с Гитлером Восточную Европу и велел подписать своему подручному Молотову секретный-пресекретный протокол, который так запрятал, что его до сих пор не могут найти. Но при этом он еще в 1939 г. велел выпустить сотни тысяч атласов, на которых Прибалтика закрашена в красный цвет. И ни у кого не возникло вопросов по этому поводу — ни у составителей атласа, ни у корректоров, ни у редакторов, ни у работников типографии. Ну, ладно, этих, допустим, запугало НКВД. Но как к подобному художеству отнеслись сами прибалты? Ведь когда одна страна всего лишь сдвигает на карте границу в свою пользу, ее соседи воспринимают это как недружественный акт. Случались и войны из-за этого. А тут Сталин вообще стер с карты целых три страны!

Ах да, конечно же, кремлевский тиран приказал держать уже отпечатанные атласы в секретных хранилищах до поры до времени, а всех картографов и полиграфистов расстрелял, чтоб не проболтались. В продажу атласы поступили только после «оккупации» Прибалтики. Но какой смысл тогда был печатать атлас в 39-м? Об этом доктора и кандидаты наук, собравшиеся на заседании ученых советов Института истории Академии наук и Института истории партии, размышлять были не в состоянии. Карта полностью парализовала их мышление. Они стояли и аплодировали. Это называется массовым психозом. Когда мне твердят, что Советский Союз имел шанс сохраниться, я не верю — с такой «интеллектуальной элитой» обречена любая страна.

Ну что ж, давайте посмотрим атлас СССР и мира отпечатанный в 1940 г. На них Литва, Латвия и Эстония значатся как независимые зарубежные страны. Упаси боже, вовсе не хочу этим сказать, что Вульфсон, как завзятый шулер, извлек из рукава очередную фальшивку. Нет, атлас у него самый настоящий. Возможно, он, действительно был составлен в 1939 г. Но то, что в этом атла-

се прибалтийские республики фигурируют как советские союзные, объясняется элементарно просто.

В выходных данных атласа 1940 г., репродукции которых приведены здесь, указано следующее: *«Сдано в производство 17-XI-39 года. Подписано к печати 10-VI-40 года»*. Следовательно, на момент подписания атласа в печать, Бессарабия и Северная Буковина еще целых 18 дней должны находиться в составе Румынии. Однако на политической карте Европы (стр. 25) мы видим, что Бессарабия уже закрашена в красный цвет, хоть и не поименована еще Молдавской ССР, и город Черновицы также находится на советской территории. На всех прочих же листах карты (например, на стр. 14, где показана Украинская ССР или на стр. 33, изображающей Балканы) Бессарабия еще заштрихована как оккупированная Румынией территория.

Разгадка проста. После подписания в печать оригинал-макеты готового атласа передаются в типографию, где изготавливаются печатные формы и последовательно печатаются листы атласа. Далее производится фальцовка, подборка, брошюровка, рубка и переплет. Пока шел производственный процесс, границы изменились. Но пол-атласа уже отпечатали — не сдавать же в макулатуру сотни тонн бумаги? Поэтому на тех листах, что еще не были отпечатаны, вносятся изменения, а готовые оставляют, как есть. Другой вариант: отпечатали весь тираж полностью, но еще не сброшюровали. Тогда можно отпечатать листы с изменениями, вручную перебрать одну тетрадь (составная часть книги, сшитая ниткой. Тетради прикрепляются к переплетной крышке) и переплести.

Что же касается того атласа, которым Вульфсон так потряс научную общественность, то с ним дело обстоит, вероятно, еще проще. Тиражи делали в те годы большие, не редкостью были и миллионные. Поэтому книжку печатали не враз, а, как говорят полиграфисты, заводами. Первый 100-тысячный завод могли отпечатать в январе, а следующий в 500 тысяч только через полгода и даже через год. Если границы менялись, то соответственно, более поздняя партия могла отличаться от первой. Иногда в этом случае меняли выходные данные, где указывалось, что это издание исправленное и дополненное, но не обязательно. Опять же, могло случиться, что листы с выходными данными уже отпечатаны и сшиты. Не исключаю, что по случаю вхождения в состав Союза сразу трех республик, могли дать приказ перепечатать тетрадку, где находились листы с картами северо-запада СССР.

Но переделывать переплетную крышку (картонную обложку) только из-за того, что там оттиснуты цифры «1939», разумеется, никто не будет — слишком уж затратный, трудоемкий процесс, да и принципиального значения это не имеет. В выходных данных дата подписания в печать может остаться прежней, поскольку в 1940 г. допечатывался тираж издания с тем же порядковым номером со старых форм, были лишь внесены некоторые изменения. Мне приходилось встречать два варианта одного атласа, изданного в 1939 г. В одном Польша была, а в другом уже исчезла, там изображалась лишь «область гос. интересов Германии». Эти экземпляры были из разных партий, но подписание в печать в обоих случаях было датировано апрелем 1939 г. Из этого вовсе не следует, что Сталин разрабатывал план «Вайс» по разгрому Польши совместно с Гитлером еще до того, как Молотов и Риббентроп 23 августа 1939 г. поделили Восточную Европу.

Как видим, абсолютно все доводы сторонников доктрины сговора двух диктаторов легко разбиваются, а эффектные пропагандистские выпады оказываются на поверку шельмовством

СУВАЛКИ

Никакие договора между странами не существуют сами по себе вне связи с другими межправительственными соглашениями. Бывают рамочные договора, определяющие характер отношений между двумя странами и множество других международно-правовых актов, в преамбуле которых указывается: в соответствии с договором таким-то заключается настоящее соглашение. Но с «секретными протоколами» ситуация сложилась именно такая — вроде бы они есть, поскольку опубликованы в провинциальной американской газетке и сборнике госдепа США, но при этом они находятся в вакууме, поскольку нет документов, в которых бы имелись ссылки на них. До 1989 г. эту ситуацию можно было объяснять тем, что тоталитарный СССР отказывается признавать факт секретного сговора с Гитлером и прячет в своих архивах документы, подтверждающие существование «секретных протоколов».

Но Съезд народных депутатов СССР официально признал существование протоколов, хотя они так и не были обнаружены. Лед тронулся. В 1990 г. спешно находят неподписанные «заверенные копии»(!!!) якобы уничтоженных секретных протоколов, спокойно лежащие в архиве Министерства иностранных дел. От этой находки, которую, кстати, до сих пор никто не видел, за версту воняет подлогом, поэтому через два года вдруг обнаруживают уничтоженные «оригиналы» протоколов, да не где-нибудь, а в архиве Горбачева. Там обнаружили еще целую пачку документов, напрямую связанных с «секретными протоколами». Журнал «Вопросы истории» (№ 1, 1993 г.) публикует вот такой любопытный текст:

СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

По уполномочию Правительства Союза ССР Председатель СНК СССР В. М. Молотов, с одной стороны, и по уполномочию Правительства Германии Германский Посол граф фон-дер Шуленбург, с другой стороны, согласились о нижеследующем:

1. Правительство Германии отказывается от своих притязаний на часть территории Литвы, указанную в Секретном До-

полнительном Протоколе от 28 сентября 1939 года и обозначенную на приложенной к этому Протоколу карте;

2. Правительство Союза ССР соглашается компенсировать Правительство Германии за территорию, указанную в пункте 1 настоящего Протокола, уплатой Германии суммы 7 500 000 золотых долларов, равной 31 миллиону 500 тысяч германских марок.

Выплата суммы в 31,5 миллионов германских марок будет произведена нижеследующим образом: одна восьмая (а именно 3 937 501 германских марок) поставками цветных металлов в течение трех месяцев со дня подписания настоящего Протокола, а остальные семь восьмых (а именно 27 562 500 германских марок) золотом, путем вычета из германских платежей золота, которые германская сторона имеет произвести до 11 февраля 1941 года на основании обмена писем, состоявшегося между Народным Комиссаром Внешней Торговли Союза ССР А. И. Микояном и Председателем Германской Экономической Делегации г. Шнурре в связи с подписанием «Соглашения от 10 января 1941 года о взаимных товарных поставках на второй договорный период по Хозяйственному Соглашению от 11 февраля 1940 года между Союзом ССР и Германией».

3. Настоящий Протокол составлен в двух оригиналах на русском и двух оригиналах на немецком языках и вступает в силу немедленно по его подписании.

По уполномочию Правительства Союза ССР В. Молотов
За Правительство Германии Ф. фон Шуленбург

Москва, 10 января 1941 года.

Интересно, с какой радости Шуленбург назван фоном, да еще и графом. Советская дипломатия дворянских титулов не признавала. НИКОГДА титулатура в официальном делопроизводстве не использовалась! Риббентроп — тоже фон, однако во всех советско-германских договорах он скромно подписан «И. Риббентроп». Ох, лучше бы «историки» демократической ориентации не печатали этот бред, позаимствовав его все из того же американского сборника 1948 г. Без всякой экспертизы можно сказать, что это фальшивка. 22 июня 1941 г. вермахт нанес удар по Красной Армии как раз из «части территории Литвы» — Сувалкинского выступа, якобы уступленного СССР. Почему надо полагать, что речь идет именно о районе Сувалок? Во-первых, потому что в приложенной к «секретному протоколу» от 28 сентября карте загадочной пунктирной линией отделена от территории Литвы именно

эта область. Во-вторых, в 2005 г. в проекте заявления Государственной Думы «В связи с принятием Сеймом Литовской Республики заявления о последствиях Второй мировой войны в Европе»[1] этот район прямо называется Сувалкинским выступом. Наконец, еще в 1989 г. от имени Балтийской межреспубликанской депутатской группы Съезда народных депутатов СССР было распространено обращение, в котором выкупленная у Германии территория названа «треугольник Сувалки».

Вообще-то, коль протокол заключается о передаче одной державой другой конкретной территории, то непременно должны быть определены границы участка, либо он должен быть хоть как-то назван, а в примечании оговорено, что границы передаваемой области будут установлены специальной комиссией к такому-то сроку. И совсем нелишним будет приложить карту. Иначе что же получается: цена, которую должен заплатить Советский Союз, установлена до последнего доллара, а тот товар, за который он платит сумму, четко не описан и даже не назван. Надо хотя бы перечислить населенные пункты, расположенные на передаваемой территории.

Явное свидетельство подложности документа — оценка суммы сделки в золотых долларах. По всем советско-германским торговым контрактам расчеты номинировались в марках, но реально осуществлялся лишь обмен товарами. За сверхнормативные поставки Советский Союз расплачивался золотом в слитках. 10 января 1941 г. между Германией и Советским Союзом было подписано несколько договоров экономического характера, и везде расчеты ведутся исключительно в германских марках (см., например, Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией об урегулировании взаимных имущественных претензий, относящихся к Литве, Латвии и Эстонии (*«Документы внешней политики СССР, т. XXIII, кн. II»*)). В секретном же протоколе сделка вдруг номинируется в долларах, да еще в золотых. Что-то я о такой валюте не слышал. Золотой рубль — да, была такая условная денежная единица неизменного номинала (0,774235 г чистого золота), применялась во внешнеторговых расчетах. А вот доллар после 1933 г. золотом уже не обеспечивался, став лишь «законным средством оплаты», как то обозначено сегодня на купюрах. За доллары можно было купить золото, но цена была уже рыночной, а не фиксированной. Опять же, в договоре четко определен характер расчетов: путем поставки цветных

---

[1] http://www.materik.ru/print.php?section=analitics&bulsectionid=10980

металлов и вычетов из германских платежей. То есть совершенно абсурдно при этом исчислять сумму сделки в долларах. Впрочем, если эту глупость лепили американцы — им простительно, они ведь все сущее меряют в долларах.

Наконец, самый очевидный признак фальсификации — в договоре не определен срок передачи этой неназванной территории Советскому Союзу, и нет никаких оговорок насчет того, что дата будет установлена отдельным соглашением. Получается, что СССР должен заплатить до 11 февраля (поставить металлы до 11 апреля), а Германия может отдать Сувалкинский выступ лет эдак через сто. Только кретин способен подписать такой договор, но Молотов этой характеристике уж точно не соответствует. Те же, кто состряпал и пропагандирует эту фальшивку — кретины вне всякого сомнения. Вот что сказано в обращении Балтийской депутатской группы от 11 декабря 1989 г.:

«Прибывший два дня спустя в Москву Й. ф. Риббентроп подписал совместно с В. М. Молотовым 28 сентября 1939 года новый секретный дополнительный протокол, в котором, со ссылкой на предыдущий секретный и дополнительный протокол от 23 августа, было сформулировано и подтверждено желание Сталина изменить план территориально-политического переустройства в отношении Литвы. При этом было оговорено, что как только правительство СССР приступит к применению специальных мер на литовской территории для защиты своих интересов, германо-литовская граница будет исправлена таким образом, чтобы треугольник Сувалки (охватывающий территорию, расположенную к юго-западу от обозначенной на прилагаемой карте линии) отходил к Германии.

За два дня до ультимативно навязанного Советским Союзом Литве 10 октября 1939 года Договора о взаимопомощи с правом введения ограниченных контингентов Красной Армии, В.М. Молотов сообщил телеграммой от 8 октября послу Ф. фон В. Шуленбургу, что при размещении частей Красной Армии в Литве т. н. треугольник Сувалки не будет оккупирован. Но, поскольку передача этой, оговоренной во втором секретном протоколе, части территории Литовской Республики Германскому Рейху могла вызвать определенные политические трудности, новым секретным протоколом от 10 января 1941 года текст предыдущего секретного протокола (от 28 сентября 1939 г.) был изменен и т.н. треугольник Сувалки перешел к Советскому Союзу за компенсацию в размере 7 500 000 золотых долларов».

Из этой писульки совершенно однозначно следует, что «треугольник Сувалки» описывается как территория Литвы, и он даже не был во избежание «определенных политических требований» передан Германии, как то оговаривалось соглашением от 28 сентября 1939 г. Потому выходит, что до 10 января 1941 г. Красная Армия оккупировала территорию рейха, пока дело не уладили с помощью миллионов «золотых долларов». Да, в этом случае можно объяснить, почему в «секретном протоколе» от 10 января 1941 г. не указана дата передачи проданной территории Советскому Союзу — он якобы уже ею обладал. Таким образом, одна фальшивка хоть и с трудом, но согласуется с другой. Да вот беда — с реальными событиями ни та ни другая фальшивка не стыкуются.

Могла ли Германия в принципе продать столь важный для нее в стратегическом смысле Сувалкинский выступ в 1941 г., когда она вовсю готовилась напасть на СССР. Восточнее Сувалок находился штаб III танковой группы Гота, в самом городе — штаб VIII авиакорпуса и Тяжелая истребительная эскадра «Хорст Вессель» (ZG 26). Вроде бы, никакого резона уступать эту область будущему врагу нет. 22 июня 1941 г. как раз из Сувалкинского выступа, глубоко вдающегося в советскую территорию, был нанесен мощный удар на окружение группировки войск советского Западного фронта, дислоцированной в районе Белостока.

Но, допустим на минуту, что две державы все же решились на обмен — какой смысл в этом случае подписывать СЕКРЕТНЫЙ протокол? Ведь изменение границ невозможно сохранить в секрете от всего мира. И никакого криминала в этой сделке нет. Наоборот, СССР будто бы воссоединяет части Литвы, а Германия благородно идет навстречу. Чем продиктована секретность сделки, которую в принципе невозможно засекретить? Советский Союз же не подписывал с Литвой секретный договор о передачи Виленской области. Секретным «сувалкинский протокол» фальсификаторы вынуждены сделать лишь потому, что такого соглашения никогда не существовало — вот единственно возможное объяснение.

Короче, фальсификаторы, пытаясь исправить свой конфуз с «секретным протоколом» о границе от 28 сентября 1939 г., когда они в аффидевите Гаусса от 15 марта 1946 г. спутали литовскую территорию с польской, только усугубили дело. Теперь они прокукарекали, что СССР, дескать, выкупил у Германии часть литовской территории, и замолчали. Но сами литовцы на это отреагировали, причем абсолютно неадекватным образом. На рисунке представлена карта, взятая с сайта эмигрантского литовского журнала «Lituanus» (№3, 1985 г.). Заштрихована территория, яко-

бы занятая в 1939 г. немцами, а потом проданная Советскому Союзу за «золотые доллары». Именно так говорится в тексте (если я верно понял перевод), сопровождающем рисунок. О, это уже совершенно за гранью самой смелой фантастики. Собирая материалы о Прибалтике, мне приходилось встречать упоминания и о Вилкавишкисе и о Мариямполе, находящихся в заштрихованной зоне. Например, в Мариямполе с 1939 г. располагался гарнизон Красной Армии, а в июле 1940 г. там состоялся грандиозный митинг, в котором приняли участие 10 тысяч манифестантов, требовавших присоединения к СССР. Аналогичное, но менее масштабное мероприятие прошло в те же дни в Вилкавишкисе. Весьма сомнительно, что демонстранты требовали присоединить к СССР часть Третьего рейха, да и присутствие советских гарнизонов на занятой немцами территории выглядит совершенно сюрреалистично.

Фото 24. Версия покупки Советским Союзом Сувалки 10 января 1941 г. от эмигрантского литовского журнала «Lituanus»

Кстати, об этой мифической оккупации совершенно нигде не упоминается, в отличие от аннексии немцами Мемельской области, хотя оккупацией ее назвать нельзя, ибо Литва хоть и под нажимом, но все же мирно вернула захваченную ею в 1923 г. территорию. Почему же американские литовцы не стенают о «треугольнике Сувалки»? Видимо, они в 1985 г. о нем просто не слышали, а сепаратисты в советской Литве в 1989 г. не читали эмигрантскую прессу, из которой следует, что торг между СССР и Германией якобы шел о «треугольнике Мариямполе». В общем, мы наблюдаем, что брехуны наступают на классические грабли — врут совершенно по-разному, по причине невозможности согласовать свое вранье друг с другом.

В РФ бреду о торговле Литвой был придан официальный статус в 1995 г., когда вышел 23-й том сборника «Документы внешней политики», охватывающий период с 1940 г. по 22 июня 1941 г. Там был помещен такой текст:

БЕСЕДА НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В. М. МОЛОТОВА С ПОСЛОМ ГЕРМАНИИ В СССР Ф. ШУЛЕНБУРГОМ

13 июля 1940 г.

Тов. Молотов сообщил Шуленбургу, что Советское правительство полностью подтверждает формальные права Германии на ту территорию Литвы, о которой сделана оговорка в Протоколе от 28 сентября 1939 года, что эта территория должна отойти к Германии.

Но тем не менее тов. Сталин и тов. Молотов просят германское правительство пересмотреть этот вопрос, то есть просят германское правительство обсудить, не может ли оно найти возможность отказаться от этого небольшого куска территории Литвы. Тов. Сталин при обсуждении этого вопроса с тов. Молотовым напомнил ему и просил передать Германскому правительству, что, когда стал вопрос об изменении границы государственных интересов СССР и Германии в бывшей Польше, советское правительство внесло в нее значительную поправку за счет признания советских интересов в Литве.

Советское правительство считало бы это очень желательным сделать теперь, чтобы избежать ряда возникающих в связи с этим трудностей. Например, в случае, если эта территория Литвы отойдет к Германии, то может возникнуть вопрос о переселении литовцев с этой территории, где они составляют большинство, в Литву.

Разрешение этого вопроса Германией, в соответствии с просьбой Советского правительства, имеет для него при теперешних отношениях СССР с Литвой особый политический интерес. Разумеется, для немецкого населения, как во всей Литве, так и на этой территории, будет обеспечена возможность переселения в Германию.

Тов. Молотов сослался при этом на то, что в свое время советским правительством был разрешен в пользу Германии вопрос о Сувалкинской области, хотя СССР не имел такого обязательства перед Германией и это является примером того, что такие небольшие вопросы могут быть разрешены без нарушения интересов обеих стран.

Шуленбург обещал немедленно передать сообщение тов. Молотова Германскому правительству <...>

Записал Иванов
АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 15, д. 156, л. 20—21.

Нужно обратить внимание, что эта просьба Молотова отнесена ко времени, когда Литва была формально независимым государством. Из текста следует, что неназванная территория, именуемая «небольшой кусок территории Литвы», еще не перешла под контроль Германии. То, что этот документ сфабрикован, не подлежит сомнению. Содержание секретных протоколов не могло обсуждаться Молотовым и Шуленбургом при посторонних (некоем Иванове), и тем более, недопустимо стенографирование этой беседы. Германский посол достаточно хорошо владел русским языком, чтобы решить этот вопрос с Молотовым приватно. Ладно, посмотрим, как Шуленбург выполнил свое обещание немедленно передать сообщение германскому правительству. Открываем сборник документов «1941 год», изданный международным фондом «Демократия» под редакцией академика Яковлева. Там опубликовано следующий документ:

ИЗ СООБЩЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ
Ф. ШУЛЕНБУРГА В МИД ГЕРМАНИИ

13 июля 1940 г.

Молотов сообщил мне сегодня, что здешний британский посол Криппс по просьбе Британского правительства недавно был принят Сталиным. При этом Молотов передал мне по поручению Сталина запись беседы...

Ответы Сталина изложены нижеследующим образом:

1) Советское правительство, как это само собой разумеется, проявляет большой интерес к нынешним событиям в Европе. Однако он — Сталин — не видит опасности господства какой-либо страны в Европе и еще менее опасности, если Германия проглотит европейские территории. Сталин следит за политикой Германии и хорошо знает некоторых ведущих немецких государственных деятелей. У них он не заметил стремления проглотить европейские государства. Сталин не считает, что немецкие военные успехи угрожают Советскому Союзу и его дружественным отношениям с Германией. Эти отношения базируются не на временных моментах, а на коренных государственных интересах.

Прежнее так называемое равновесие давило не только на Германию, но и на Советский Союз. Поэтому Советский Союз примет все меры, чтобы в Европе не было восстановлено прежнее равновесие.

2) Советский Союз не возражает против торговли с Англией, однако он отвергает право Англии и любого другого государства вмешиваться в германо-советские экономические отношения. Советский Союз согласно договору будет экспортировать в Германию часть купленных им за границей цветных металлов, так как Германия нуждается в этих металлах для производства военного оборудования, которое она поставляет в Советский Союз. Если Англия не признает подобных предпосылок, то торговля между Советским Союзом и Англией исключена.

3) По мнению Сталина, ни одна держава не может предъявить претензии на исключительную роль в использовании и руководстве балканскими государствами. Советский Союз не претендует на такую миссию, хотя он и заинтересован в балканских делах.

4) По поводу Турции Сталин заявил, что Советский Союз действительно выступает против единоличного господства Турции в Проливах и против того, чтобы Турция диктовала порядки в Черном море. Турецкое правительство об этом проинформировано.

Шуленбург.

Перевод с немецкого языка из: Akten zur deutshen Auswartigen Politik, Serie D, Baden-Baden, Bd. № 164.

Яковлев имел возможность фабриковать любые фальшивки в архивах РФ, но в отношении германских документов у него полномочий не было. Поэтому между собой запись беседы Молотова с Шуленбургом и телеграмма последнего в Берлин никак не стыкуются. Шуленбург был обязан сообщить своему руководству о молотовских предложениях касательно Литвы, и он обещал это Молотову, но выходит, что обманул последнего и наплевательски отнесся к своим служебным обязанностям. Поэтому я не в силах понять, зачем Яковлев вообще публикует этот документ, разоблачая сам себя. Объяснение все то же — он слишком тупой для того, чтобы грамотно фабриковать документы. Кстати, запись беседы Молотова с германским послом он приводит в своем сборнике, но дает очень интересную ссылку на архив, несколько отличную от той, что дана в официальном сборнике МИД РФ: «АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 15, д. 156, лл. 20—21. Машинопись, заверенная копия».

Видимо, чувствует негодяй неубедительность этой фитюльки и на всякий случай подстраховывается, утверждая, что это некая «заверенная копия». Если его обвинят в подлоге, то тогда будет возможность отыскать «оригинал», соответствующим образом исправленный. Возникают традиционные для нашего повествования вопросы: куда же исчез оригинал, для каких целей была изготовлена копия, и кто ее заверил?

В яковлевском сборнике «1941 год» аккумулирован уже целый ворох документов, касающихся «кусочка Литвы», но все они слишком грубо сляпаны. Однако они очень нужны Яковлеву, чтобы загладить возникший в 1989 г. конфуз с «треугольником Сувалки». Поэтому он предлагает свою версию территориальных метаморфоз. Процитирую полностью довольно обширный документ из упомянутого сборника.

ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В. М. МОЛОТОВА С ПОСЛОМ ГЕРМАНИИ В СССР Ф. ШУЛЕНБУРГОМ

12 августа 1940 г.

[...] Тов. Молотов вручил Шуленбургу памятную записку (приложение) по вопросу о компенсации за ту часть территории Литвы, о котором сделана оговорка в специальном протоколе от 28 сентября 1940 г.

Шуленбург по зачтении ему перевода этой памятной записки ответил, что он передаст ее содержание в Берлин, и сообщил, что им еще не получен ответ из Берлина на его телеграмму о со-

гласии Советского правительства на переговоры с Германией по поводу компенсации за эту часть Литвы. По личному мнению Шуленбурга, Германское правительство не ставило в данном случае вопроса о территориальной компенсации.

Записал Иванов

АВП РФ. Ф. 06, оп.2, п.2, д. 15, л. 44. Машинопись, заверенная копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В связи с заявлением германского посла графа фон дер Шуленбурга от 7 августа с.г. по вопросу о компенсации за часть территории Литвы, о которой сделана оговорка в советско-германском Протоколе от 28 сентября 1939 г., Народный комиссариат иностранных дел имеет честь заявить следующее:

1. Любая компенсация в виде уступки в пользу Германии какой-либо части территории, уже отошедшей к СССР по договору с Германией, не могла бы быть произведена без большого морального ущерба для СССР, так как на всей территории, которая могла бы быть предложена в порядке компенсации, установлены и уже укрепились новые порядки, соответствующие государственному строю СССР, и произведено переустройство жизни городского и сельского населения.

Кроме того, передача в настоящее время Германии какой-либо части территории, отошедшей к СССР, неизбежно была бы связана с переселением с этой территории в СССР русской, белорусской, украинской и литовской национальности, что встретило бы большие затруднения и вызвало бы нежелательный политический эффект.

В то же время для Германии отказ от упомянутой выше части территории Литвы не вызывает подобных затруднений по той причине, что вышеупомянутая территория не входила в состав Германии и, следовательно, никакого морального ущерба при отказе от этой территории в пользу СССР для Германии не будет.

Мы уже не говорим о том, что всякое новое изменение официально объявленных границ между Германией и СССР дало бы пищу враждебным элементам для кампании о серьезных трениях между нашими странами и неустойчивости в их взаимоотношениях.

2. Население вышеуказанной части территории Литвы является в подавляющем большинстве принадлежащим к литовской национальности (82,3%), и лишь незначительная часть населения принадлежит к немецкой национальности (7,3%), что при переда-

че Германии этой территории, естественно, вызвало бы переселение в Литву подавляющего большинства этого населения.

Вместе с тем, как уже заявляло Правительство СССР, имущественные интересы лиц немецкой национальности и германских граждан, которые по просьбе Германского правительства из Литвы будут эвакуированы в Германию согласно их желанию, при этом не пострадают.

3. Советское правительство считает нелишним упомянуть здесь также о том, что в соответствии с Протоколом от 23 августа 1939 г. и с Демаркационной линией, установленной на территории бывшей Польши 22 сентября 1939 г., Сувалкская область отошла к СССР. Тем не менее при определении Государственной границы на той же территории бывшей Польши 28 сентября 1939 г. Сувалкская область была Советским Союзом уступлена Германии, в соответствии с просьбой правительства последней, без всякой компенсации, хотя никаких обязательств по этому вопросу СССР перед Германией не имел. Это, несомненно, явилось выражением желания Советского Союза максимально пойти навстречу удовлетворению интересов Германии.

Тем не менее, учитывая интересы и нужды Германии, связанные с обстановкой происходящей войны, Советское правительство согласно дать Германии материальную компенсацию за уступаемый ею Советскому Союзу «кусочек» Литвы.

Советское правительство могло бы уплатить в течение двух лет 3 млн. 860 тыс. золотых долларов, то есть половинную часть той суммы, которая была в свое время уплачена Соединенными Штатами царскому правительству России за полуостров Аляска. Советское правительство могло бы произвести уплату этой суммы золотом или товарами — по усмотрению Германского правительства.

Советское правительство надеется, что Правительство Германии учтет интересы СССР и согласится с настоящим его предложением.

12 августа 1940 г.

АВП РФ. Ф.06, оп.2, п.2, д. 15, лл.49—51, Машинопись, заверенная копия.

Опять бросается в глаза характерное для яковлевских подделок нарушение протокола — в официальном советском документе упомянута титулатура германского посла. Совершенно неуместно использование просторечных разговорных оборотов — что это за «оговорка в протоколе» или «имеет честь заявить»?

Смешно, что в Литве усмотрена какая-то «украинская национальность», которую надо переселять. Вообще-то, следует писать «лиц украинской национальности», но не будем придираться. Авторы фальшивок уже не раз расписывались в плохом владении русским языком. Откуда взялись на этой территории аж 7,3% немецкого населения, вообще непостижимо. Кстати, население принято считать в количестве человек, а не в процентах. Но авторы сего сочинения, разумеется, не могли оперировать такими цифрами, так как статистическими данными не обладали.

Но еще смешнее приведенная здесь ссылка на сделку с Аляской от 18 (30) марта 1867 г. Но именно она и объясняет возникновение «золотых долларов» в качестве расчетной единицы. Дело в том, что по Вашингтонскому договору «*Соединенные Штаты обязываются заплатить... дипломатическому представителю или иному е. в. имп. всероссийским надлежаще уполномоченному лицу, семь миллионов двести тысяч долларов золотою монетою...*». Видимо фальсификаторы и применили тот же подход при покупке Молотовым «кусочка Литвы». Но здесь опять грубейшая географическая нестыковка. Дело в том, что Аляска в сотни раз больше и «треугольника Сувалки» и «треугольника Мариямполе», и потому определение цены «кусочка Литвы» никак не может быть увязано со стоимостью Аляски. Цифра в 7,2 миллиона долларов была получена из цены в пять центов за гектар земли Аляски и Алеутских островов. Вот если бы Молотов считал и литовскую землю по пять центов — тогда здесь была бы хоть какая-то логика. К тому же половинная сумма от стоимости Аляски — это все-таки не 3,86 миллиона долларов, как считают фальсификаторы, а 3,6 миллиона. Вот дебилы — даже сосчитать верно не могут!

Наивный читатель может возмутиться: дескать, как можно обвинять академика, заслуженного демократа в том, что тот фабрикует архивные документы, разве это вообще возможно? Конечно, возможно! Ведь в международном фонде «Демократия» получал зарплату уже известный нам гражданин Пихоя Рудольф Германович, числившийся там вице-президентом. В 1993—1996 гг., он занимал по совместительству пост руководителя Государственной архивной службы России и должность Главного государственного архивиста России. Пихоя — редкостный подонок, но к счастью, недалекий умом, как и большинство подонков, поэтому его уже не раз ловили за руку на подлоге документов. Особенно преуспел в разоблачении этого яковлевского прихвостня

публицист Юрий Мухин, проанализировавший фальшивки, состряпанные фирмой «Пихоя & К°» по так называемому катынскому делу[1].

Но для «демократических историков» эти штрихи к моральному портрету Главного архивиста РФ значения не имеют. Раз фальшивка введена в научный оборот, значит, можно смело врать, ссылаясь на нее. Михаил Семиряга в книге «Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941» отпускает на волю свою фантазию:

«Торг между СССР и Германией о дележе не принадлежавшей им земли продолжался и позже. Так, 13 июля 1940 г., когда Литва еще сохраняла свой государственный суверенитет, Молотов через Шуленбурга внес предложение, чтобы Германия отказалась от небольшой территории на юго-западе. При этом он сослался на прецедент, когда 23 августа 1939 г. советское правительство разрешило в пользу Германии вместе со всей Литвой и вопрос о Сувалкском выступе площадью в 8 200 кв. км.»[2]

Последнюю фразу оставляю без комментариев, ибо ее абсурдность слишком очевидна. Анонимные авторы портала «Хроно.ру» вообще теряют чувство меры и впаривают читателю следующую туфту:

«1940.07.13. СССР. Москва. Нарком иностранных дел СССР В.Молотов передал послу Германии В. Шуленбургу предложение, чтобы Германия отказалась от небольшой территории на юго-западе Литвы. Речь шла о Вилькавишском уезде и о частях Мариампольского, Сеймского и Алитского уездов с населением 184 108 человек...»[3]

Здесь важно то, что они ссылаются, как на источник, на указанное сочинение Семиряги, однако тот никоим образом не пытался уточнить географическое положение «небольшого куска территории Литвы», а «Хроно.ру» упоминает в этой связи конкретные уезды и даже приводит непонятного происхождения сверхточные данные об их населении (выходит, что 7,3% немецкого населения — это будет 13440 человек — столько немцев во всей Литве не жило!).

---

[1] См.: Антироссийская подлость // http://lib.aldebaran.ru/author/muhin_yurii/muhin_yurii_antirossiiskaya_podlost

[2] http://militera.lib.ru/research/semiryaga1/title.html.

[3] http://www.hrono.ru/sobyt/1940prib.html

Далее на этом портале присутствует такой текст:

«1940.08.07. СССР. Москва. Посол Германии В. Шуленбург вручил нкид В.Молотову ответ на советское предложение от 13.07.1940 г. о передаче Германией в состав Литвы Вилькавишского уезда и части Мариампольского, Сеймского и Алитского уездов: «Германское правительство считает, что отказ от этой территории представляет для него большую жертву, и ставит вопрос, какую компенсацию Советское правительство может предложить ему взамен этой территории».

Очень интересно знать, чем пожертвовала Германия, контролирующая большую часть континентальной Европы в нескольких захолустных уездах нищей Литвы? Ни заслуживающих внимания промышленных предприятий, ни источников сырья там нет, а есть лишь несколько десятков тысяч «расово неполноценных» литовских и польских крестьян, а в городках (о боже!) — евреев. Я очень сомневаюсь, что этот актив был так уж дорог для Германии, что она смогла выторговать у Молотова аж 7,5 миллиона долларов — весьма солидную по тем временам сумму. И уж совсем не поддается осмыслению то, что Молотов, дескать, заплатил в 1941 г. требуемую сумму за ту территорию, которая и без того принадлежала СССР в ситуации, когда у Германии не было ни малейших юридических оснований на нее («секретные протоколы», как известно, юридически несостоятельны). Наконец, о какой *передаче* в состав Литвы могла идти речь 7 августа 1939 г., если 13 июля стороны обсуждали отказ от «формальных прав» на территорию, уже *находящуюся* в составе Литвы? Боже, ну что за придурки занимаются фальсификацией истории? Два соседних абзаца между собой согласовать не могут!

Попытаюсь объяснить, из-за чего возникла путаница с Сувалками. Дело в том, что маленький огрызочек польской территории, доставшийся Германии в 1939 г., — Сувалкинский район — граничит с литовской исторической областью, называемой Сувалкия. Для немцев или русских спутать Белостокское воеводство Польши с литовской Сувалкией достаточно сложно. Поляки с литовцами уж точно не перепутают, но поскольку «секретные протоколы» и сопутствующие документы состряпали англосаксы, то для них что Suwalki, что Suwalkia — один хрен. Но скорее всего они просто пользовались литовской картой, например той, что представлена на рисунке. Да, на ней Сувалки находятся на территории Литвы! Вы удивлены?

Литовцы — очень странный народ. С чувством реальности у них, мягко говоря, всегда были проблемы. Например, с момента обретения независимости 20 лет польский город Сувалки они считали литовским, оккупированным поляками. С городом Вильно, который никогда не назывался Вильнюс и никогда не был населен литовцами — та же история. Вот хотелось им так считать — и рисовали они карты Великой Литвы, вплоть до1938 г. включая в свои владения часть Виленского и Белостокского воеводств Польши. Литовцы в Сувалках практически не обитали, в Вильно их было примерно 2% населения. Из числа сельского населения в Виленском крае литовцев принято исчислять в четверть от остального народонаселения.

Претензии же Литвы на эти территории базировались главным образом на том, что ленинское правительство в 1920 г. авансом подарило эти земли Литовской республике за нейтралитет в войне против Польши, что, разумеется, никем никогда не признавалось. Но литовцы, большие мечтатели, рисовали «глобус Литвы» по своему усмотрению, на чем и споткнулись в будущем хлопцы, сляпавшие «секретные протоколы».

У них была задача — сделать фальшивку так, чтобы она подгонялась под исторические факты. Да, Советский Союз передал Литве Виленскую область в октябре 1939 г. Поэтому фальсификаторы ввернули в «секретный протокол» от 23 августа пункт о признании литовских прав на эту территорию. Но они плохо представляли, где находится Виленская область и какие она имеет очертания, а потому, видать, воспользовались литовской картой, потому что только литовские ландкарты имели подходящий масштаб и только на них абстрактная Виленская область имела определенные очертания. А на той карте район Сувалок тоже обозначался как территория Литвы, что и отложилось в их памяти. Далее мастера подделок посмотрели на политическую карту, отражающую ситуацию после 28 сентября 1939 г., и узрели, что Сувалкинский край отошел к Германии. Поэтому они сдуру и влепили в «секретный протокол» от 28 сентября положение о праве Германии оккупировать часть Литвы, посчитав, что так оно и было на самом деле. Ко всему прочему изготовители фальшивого протокола, как упоминалось выше, забыли, что Литву, «проданную» Сталиным Гитлеру, тот «обменял» обратно на часть Польши, и поэтому они «спрямили» границу «сфер обоюдных интересов» так, что образовался Сувалкинский выступ. Ну а потом они решили спрямить границу в правильном направлении и «продали» Сувалки Сталину в 1941 г. за 7,5 миллиона «золотых долларов».

Этот географический бред уже не первое десятилетие тиражируют «историки» и политики, совершенно не задумываясь, какую чушь несут. И можете быть уверены — они и дальше будут пороть ахинею, признавая подлинность «секретных протоколов» от 28 сентября 1939 г. и от 10 января 1941 г., потому что если они признают их сфабрикованными, то им придется признать и остальные «секретные протоколы» подделками. Это значит — расписаться в собственной подлости и идиотизме. Но ни один умственно неполноценный индивид себя таковым не признает — сие вам подтвердит любой психиатр. Потому ни один серьезный политик или «историк» никогда ни при каких обстоятельствах не отреагирует на мое разоблачение. Будут молчать, как египетские сфинксы. Даже если перевести эту книжку на жмудскую азбуку и сунуть под нос литовскому президенту, он скорее скажет, что не умеет читать, чем отменит общенациональный траур 23 августа 2009 г. (День черной ленты) в честь юбилея «секретных протоколов», которых никогда не было.

Общепризнанная ложь превращается в реальность.

ВИЛЬНО

Город Вильно (ныне Вильнюс) по частоте упоминаний в этой книге уступает только Москве и Берлину. В этой связи хочется немного прояснить историческую метаморфозу — как бывший русский город Вильна превратилась в польское Вильно, а тот — в литовский Вильнюс. Напрямую к теме «секретных протоколов» это не относится, зато помогает понять стремительное развитие ситуации в регионе в 1939—1941 гг., а так же то, почему именно Литва первой из всех советских республик объявила о своей независимости в 1990 г., открыв тем самым парад суверенитетов.

Сначала я безуспешно пытался найти рациональное объяснение тому, почему именно Литва была избрана в качестве локомотива прибалтийского сепаратизма; почему именно литовские народные депутаты наиболее рьяно требовали осудить подписание «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа; почему именно «Tiesa», орган ЦК компартии Литвы, 20 декабря 1988 г. первой опубликовала текст протокола от 23 августа 1939 г.; почему именно в Вильнюсе в январе 1990 г. был разыгран классический сценарий бархатной революции (путч — демонстрация протеста — жертвоприношение — сплочение — эйфория).

Все попытки логически объяснить литовскую русофобию, антисоветизм и ненависть к «секретным протоколам» бессмысленны. Ведь если допустить, что история пошла в 1939 г. таким путем потому, что 23 августа в Москве Сталин и Гитлер поделили между своими империями Восточную Европу, то именно Литва от этого выиграла более всего — она обрела свою столицу Вильнюс, а в 1950 г. получила и порт Клайпеду (немецкий город Мемель). Если строго следовать историческим фактам, то Литва была соучастником раздела Польши в 1939 г., приняв в подарок от Советского Союза Виленскую область. Поэтому когда прибалты принялись с пеной у рта клеймить сговор Молотова — Риббентропа, то уж чья бы корова мычала, но литовской следовало скромно помолчать. На деле же Литва выла громче других. Почему?

Ответ лежит в совершенно иррациональной области — литовцы из всех прибалтийских народов имеют самое ложное представление о своем прошлом, их историческое сознание во мно-

гом мутантно и крайне неустойчиво. Если говорить проще, то у литовцев нет истории, она выдумана на 90%, практически полностью базируясь на мифах. А если нет реального базиса, историческое сознание этноса непрочно, и его можно легко контролировать. Кто контролирует прошлое — тот управляет настоящим и формирует будущее — вот один из важнейших принципов манипуляции массовым сознанием. Именно это сделало литовцев идеальным материалом для, выражаясь научным языком, молекулярной агрессии в культурное ядро (наиболее полно эта технология рассмотрена в книге Сергея Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием»). По-простому это можно назвать зомбированием.

Итак, кто же такие литовцы? Этнические литовцы — по-старорусски жмудь, — это общность, образованная главным образом слиянием племен жемайтов и аукшайтов. Участвовали в литовском этногенезе также ятвяги, траки, курши. Племена эти вплоть до XVI столетия были язычниками, а окончательно язычество было вытеснено христианством только через два столетия. Первый письменный источник, который, как считается, содержит в себе запись на литовском языке, датируется 1503 г. и представляет собой молитву, написанную от руки на последней странице богослужебной книги, выпущенной в Страсбурге. В 1653 г. выпущен первый учебник литовской грамматики. Впрочем, литовская письменность имела совершенно незначительное распространение вплоть до XIX столетия по причине ничтожно малого количества грамотных литовцев. В 1864 г. после подавления польского мятежа царский наместник в Северо-Западном крае Михаил Муравьев-Виленский запретил латинскую азбуку и литовский язык был переложен на кириллицу — это один из редких случаев культурно-национального насилия в Российской империи. Запрет этот, впрочем, был скорее формальным, культурный литовский слой продолжал пользоваться латиницей, литература ввозилась из-за границы, а подавляющее большинство литовцев оставались неграмотными, и их это нововведение никак не затронуло. Запрет на применение в печати латиницы был снят в 1904 г. Современный литературный литовский язык, основанный на диалекте западных аукшайтов (сувалкийцев), складывается к началу XX века.

Своей государственности вплоть до 1918 г. литовцы не имели, да и не могли иметь. Как известно, язычество являлось главнейшим препятствием для североевропейских варварских племен в деле организации государства. Только с принятием монотеистического культа эти племена оказывались способны создавать го-

сударственность. Соседствующие язычники, разрозненные, а потому слабые, становились для них объектом завоевания и христианизации. Но самое главное, постоянно терроризируемые немцами жемайты и аукшайты, живущие в глухих лесах и болотах, не имели ни малейших экономических предпосылок для госстроительства. В торговле и мореплавании они своего следа не оставили, городов не построили, письменности не создали, да и в военном деле не блистали. Собственно, сохранились жемайты и аукшайты только потому, что жили в медвежьем углу, который особого интереса для завоевателей не представлял.

Между тем сами современные литовцы свято уверены, что принадлежат к великой исторической нации, создавшей в Средневековье мощное государство — Великое княжество Литовское. В реальности государство это было русским по составу, а жемайты, аукшайты, курши, латгалы и другие небольшие культурно отсталые племена входили в это государство на правах данников. Впрочем, особой ценности те же язычники-жемайты и их земли не представляли, и потому, например, князь Ягайло Ольгердович легко отдал Тевтонскому ордену Жемайтию в качестве платы рыцарям за помощь в борьбе за литовский престол. Тевтоны упорно пытались цивилизовать жемайтов, применяя в основном меч и огонь, но успехов добились весьма относительных.

Вильна — столица княжества — была на протяжении столетий русским городом, а литовцы — это не название этноса, а обозначение жителей Великого княжества Литовского, точнее в прошлом они назывались литвинами. Еще в XIX столетии в широком обиходе был термин «литовцо-русы», который впоследствии был вытеснен этнонимом «белорусы». Как несложно догадаться, к современным литовцам это не имело ни малейшего отношения. Миф о Великой Литве был создан литовскими националистами на рубеже XIX—XX веков очень нехитрым способом: они перекрестили деятелей Польши и Великого княжества Литовского на жмудинский манер, и тем самым приписали себе историю Польши и Русской Литвы. Князь Витовт стал Витаутасом, Миндовг — Миндаугасом, Ольгерд — Альгирдасом, Гедемин — Гядэминасом, и так далее. Разумеется, типично славянские имена Витовт и Ольгерд ничего общего с полудикой языческой жмудью не имели и иметь не могли. «Историки» же, пытаясь объяснить столь странную славянизацию литовцев, запустили в оборот идиотскую легенду о том, что литовцы, завоевав русских, переняли у них язык, культуру, веру и даже сменили имена. Припоминаете ли вы хоть у одного завоевателя такие же манеры?

Ранняя польско-литовская и русская история тесно переплетены. Так, например, русский князь Яков Витебский, более известный как Ягелло (Ягайло), сын княгини Ульяны Александровны Тверской, после женитьбы на польской королевне Ядвиге и перехода в католичество, положил начало знаменитой ягеллонской королевской династии. При Ягелло произошло событие, кардинально повлиявшее на историю Западной Руси — Великое княжество Литовское и Польское королевство в 1385 г. заключили династический союз — унию, создав общее государство — Ржечь Посполитую. С этого момента началась постепенная дерусификация и окатоличивание Великого княжества Литовского, урезание политических прав, приведшие к полной утрате Литвой государственности к началу XVIII столетия. Православная литовская знать постепенно окатоличивалась и ополячивалась, слившись с великопольской шляхтой. Крестьянские же массы и городских обывателей так и не удалось ополячить, однако сильное польское влияние наложило на западных русских свой отпечаток, в результате чего сформировались малороссийский и белорусский диалекты, вплоть до XX века близкие великорусскому настолько, что литературный язык у великороссов, малороссов и белорусов был один.

Наличие у литвинов и поляков общей неразрывной истории, легко объясняет, что одних и тех же деятелей современные белорусы и поляки именуют на свой манер по-разному, отчего они как бы раздваиваются. Но и те и другие все же понимают, что речь идет об одних и тех же лицах. Однако жмудины «приватизировали» не только этноним «литовцы» (lietuviai), но и всю польско-литовскую, то есть польско-западнорусскую историю, объявив ее своей собственностью, а себя — единственными наследниками Великого княжества Литовского. Порой доходило до анекдотов. После первого обретения независимости литовские власти потребовали от Советского правительства передать им все древние литовские летописи. Москва согласилась, но с одним условием — переданы будут только те документы, что писаны на литовском языке. Литовская комиссия, исследовавшая советские архивы, вернулась в Каунас ни с чем, потому что в Великом княжестве Литовском официальным языком был русский.

Собственно, никакой древней истории не было у финнов, латышей, латгалов, эстонцев, ингерманландцев, карел. Была лишь история завоевания этих земель германцами, полякам шведами, русскими и даже датчанами. Завоеватели строили города и церкви, заводили университеты, развивали ремесла и искусства. Ме-

стное же население представляло собой крестьян, не имеющих ни национального сознания, ни письменности, ни интеллигенции, ни аристократии. Прибалтийские помещики — сплошь немцы, отчасти шведы, в Литве — поляки. Так было веками. Национальное пробуждение балтов начинается лишь со второй половины XIX столетия с появлением местной интеллигенции. Тогда же начинают складываться у малых народов литературные языки.

Звездный час национально озабоченных сепаратистов наступает в период распада Российской империи. «Независимое» литовское государство впервые создается под опекой германских оккупационных сил в декабре 1917 г. Государственный Совет, провозгласивший независимость Литвы, сделал это с оговоркой, что она будет в «вечных союзных связях Литовского государства с Германией». С разгромом Германии новорожденное литовское государство быстро меняет покровителей, переориентировавшись на Париж и Лондон. В 1920 г. Литва ссорится с другим детищем Антанты — Польшей, что толкает ее на сближение с большевистской Россией (РСФСР признает независимую Литву в июле 1920 г.) в советско-польской войне. Москва за хорошее поведение обещает признать за Литвой Вильно и Сувалки. Советское правительство считало эти обязательства чисто формальными, а вот в Каунасе, как переименовали Ковно, восприняли их вполне серьезно. Правда после того, как польские войска были выбиты из этих мест, Москва учредила на этих землях вассальную Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую республику со столицей в Вильно, позабыв о «независимой» Литовской республике. Вояки из литовцев оказались никудышными, и поляки в ходе контрнаступления в августе 1920 г. легко разбили, с позволения сказать, литовскую армию, намереваясь полностью подчинить себе Литву, но этому воспротивились западные хозяева Варшавы, верные древнему принципу «разделяй и властвуй».

Поэтому начальник польского государства Юзеф Пилсудский пошел на хитрость — завоевывать Литву, с которой Польша заключила перемирие, он отправил дивизию генерала Люциана Желиговского, которого официально объявил мятежником. Части Желиговского состояли в основном из жителей Вильно и окрестностей, которые Антанта решила уступить Литве, несмотря на то, что в Вильно литовцев проживало 2,3%, а в Виленском крае 3,6% от общего числа населения[1]. Повстанцы Желиговского, снабжае-

---

[1] *Тюляков С.* Выборочная память // Независимое военное обозрение, 25 июля 2007 г., http://nvo.ng.ru/history/2003-07-25/5_memory.html

мые из Польши, выбивают 9 октября 1920 г. литовские войска из их столицы Вильно и провозглашают государство Срединная Литва. 20 февраля сейм Срединной Литвы принимает резолюцию о присоединении к Польше. Сейм в Варшаве в свою очередь принимает акт о воссоединении. Западные союзники в марте 1923 г., поставленные перед свершившимся фактом, признают Виленский край за Польшей. Советский Союз протестует против этого решения и заключает с Литвой договор о ненападении, что в какой-то мере сдерживает агрессивные намерения Польши, желающей полностью проглотить своего маленького соседа.

Одновременно разворачивается соперничество между Польшей и Литвой за немецкий порт Мемель. По Версальскому договору Мемельский край отторгается от Германии. В период 1920—1923 гг. краем от имени Лиги Наций управляет французская администрация. После ухода из края французов 10 января 1923 г. около трех тысяч боевиков литовского «Союза стрелков» («Шаулю саюнга»), переодетых в гражданскую одежду проникают в Мемель, Шилуте и другие населенные пункты края. Они инсценируют там народное восстание и, разогнав немецкую директорию — исполнительный орган власти в Мемельском крае, оккупируют бывшую германскую территорию.

Мемельские немцы не оказали вооруженного сопротивления шаулю. Немецкое население (мемельлендеры) сочло, что в будущем им будет легче избавиться от слабой Литвы, чем от более сильной Польши. Официальный Берлин решил не вмешиваться в ход событий. Лишь Польша яростно протестует против действий Литвы и даже пыталась спровоцировать новую войну. 16 января 1923 г. в Мемельский порт вошел польский крейсер, и, вероятно, лишь решительный протест Москвы помешал развязыванию нового вооруженного конфликта.

Мемель — город, основанный крестоносцами в 1252 г, всегда был чисто немецким, литовцев в нем проживало к 1923 г. не более 8%, а в прилегающих районах из 120 тысяч жителей они насчитывали не более 32 тысяч[1]. К тому же местные литовцы, именуемые литовниками, были в значительной степени онемечены и по вероисповеданию являлись лютеранами в отличие от остальных литовцев-католиков. Хотя территориально Мемельский край был небольшим, экономическое его значение было огромно: он

---

[1] *Тюляков С.* Выборочная память // Независимое военное обозрение, 25 июля 2007 г. // http://nvo.ng.ru/history/2003-07-25/5_memory.html

дал Литве единственный морской порт, в Мемеле было сосредоточено около 30% всей литовской промышленности.

Немцы, ставшие в нищей Литве нацменьшинством, не испытывали восторга от новой «родины», многие даже отказались принимать литовское гражданство. С приходов к власти Гитлера и возрождением Германии в Мемеле, переименованном литовцами в Клайпеду, активизируется движение мемельлендеров за возврат края в лоно фатерланда. Создаются военизированные формирования, в январе объявляется о подготовке референдума по вопросу присоединения к Германии. Воспользовавшись ситуацией, Берлин 21 марта предъявляет Каунусу ультиматум с требованием вернуть Германии Мемель и заключить межгосударственный договор, ставящий Литву в зависимость от рейха. Литва униженно соглашается принять германские требования. 22 марта в Мемель на военном корабле прибывает Гитлер, где его встречает ликующая толпа.

Германия в этом случае брала пример с Польши. 1 марта 1938 года на литовско-польской границе обнаружили труп польского солдата. Варшава тотчас развернула массированную антилитовскую кампанию, готовясь осуществить аншлюс Литвы параллельно с гитлеровским аншлюсом Австрии. 16 марта в Берлине посол Липский осведомился у Геринга о реакции Германии на захват Польшей Литвы. Тот выразил полнейшее согласие с этим шагом, оговорив только, что Мемель не должен быть захвачен поляками. В ночь с 16 на 17 марта Варшава предъявила Литве ультиматум: в течение 48 часов подписать мирный договор (состояние войны между двумя странами не было прекращено с 1920 г.) и отказаться от каких-либо притязаний на Вильно. В противном случае, Польша угрожала применить силу, сосредоточив на литовской границе крупные воинские силы.

Эскалацию конфликта остановило вмешательство Советского Союза и Франции. 16 марта наркоминдел Литвинов заявил польскому послу в Москве Гжибовскому, о том, что СССР не останется безучастным в случае начала агрессии. После того как Франция выступила с аналогичным заявлением, поляки сбавили обороты. Литве же не осталось ничего другого, кроме как удовлетворить польские требования. Но вопрос о Виленской области не был решен в марте 1938-го. Через полтора года Красная Армия, перейдя польскую границу, один из ударов устремит в направлении Вильно. Польский гарнизон окажет сопротивление, советские войска при захвате города 17—18 сентября понесут потери в технике и живой силе. А уже 10 октября 1939 г. Вильно с окрест-

ностями будет передан Литве на основании советско-литовского договора. Литовский диктатор Сметона объявит Вильнюс столицей Литвы, но переехать в этот польский город побоится. Лишь 25 августа 1940 г. Верховный Совет Литовской ССР принял постановление «О переезде государственных и правительственных органов в Вильнюс».

Всплыла Виленская область и в «секретном протоколе» от 23 августа 1939 г. Некоторые комментаторы пытаются представить дело так, будто инициатива признать за Литвой права на Виленскую область исходила от Германии: поскольку Литва отходила в ее «огород», то фактически немцы застолбили за собой право и на Вильно с окрестностями. Но в этом случае вопрос о разграничении сфер интересов на северо-востоке Польши не был решен ни 23 августа, ни 28 августа 1939 г. Это уже не такая мелочь, как прокол с рекой Нарев, не впадающей в Вислу. Границы так называемой Виленской области никому не были известны, а сами литовцы, например, считали своими и Сувалки, и Августов и даже Гродно с Лидой, рисуя границу «Великой Литвы» аж по реке Неман. Поэтому элементарный здравый смысл подсказывает, что в «секретном протоколе» не стоило разводить демагогию про права на Виленскую область, а надо было конкретно разграничить сферы интересов двух держав в Виленском воеводстве Польши — северо-запад Германии, юго-восток — СССР.

Мемель, как и Вильно, достался литовцам на халяву. Красная Армия взяла его руины штурмом в конце января 1945 г., понеся немалые потери (всего в Литве погибло около 600 тысяч советских солдат). Город вновь переименовывается в Клайпеду и включается в состав Литовской ССР, которая наконец обретает свои современные границы. Ныне в Литве немцы не проживают, поляки составляют меньшинство — менее 7% населения, а от евреев, некогда второй по численности группы городского населения, практически не осталось следа. Большинство евреев было уничтожено во время германской оккупации, и в основном этим занимались местные из числа национально озабоченных активистов. Кстати, Литве в деле этнических чисток принадлежит своеобразный мировой рекорд: по числу уничтоженных евреев относительно общей численности населения страна занимает первое место в мире.

В июне 1941 г. немцев многие литовцы встречали с цветами, видимо надеясь по старой памяти, что оккупанты вновь, как и в 1918 г., будут пестовать литовскую независимость. В Каунасе даже было провозглашено коллаборационистское Временное прави-

тельство Литвы во главе с Юозасом Амбразявичюсом, которое оккупанты, однако, разогнали, а Литву включили в состав рейхскомиссариата «Остланд». И если латыши и эстонцы, условно говоря, считались людьми второго сорта, то литовцы пользовались правами третьесортной этнической группы, не годной к германизации. Литовцы даже не удостоились сомнительной чести служить в национальных формированиях ваффен-СС. И если в Латвии и Эстонии партизанского движения фактически не было, в Литве оно существовало, правда в основном партизанами были поляки, евреи (известны даже целые еврейские отряды) и русские. Из литовцев оккупанты формировали лишь местную полицию.

Из всех прибалтийских народов у литовцев было самое обостренное чувство национальной неполноценности. С одной стороны, национальная интеллигенция сумела внушить своим соплеменникам миф о древней Великой Литве, простиравшейся от моря до моря (это было достигнуто путем «приватизации» польско-русской истории), а с другой стороны вся современная история Литвы — это длинная цепь поражений и унижений. Литовское государство создано под эгидой оккупационных германских войск и избегло поглощения Польшей только потому, что в Лондоне и Париже это сочли нецелесообразным. Литовские войска не сумели одержать хоть каких-нибудь успехов в войне с поляками и беспомощно сдали свою столицу Вильно повстанцам Желиговского. 20 лет литовцы болезненно переживали «оккупацию» трети «своей» территории Польшей, а сохранили свою «независимость» лишь благодаря заступничеству СССР и Франции. В 1938 г. Литва униженно приняла ультиматум Польши, в 1939 г. испуганно отдала Германии «свою» Клайпеду. При этом Берлин еще и вволю поиздевался над литовцами, заставив официальный Каунас публиковать в газетах приветственные передовицы в честь новой эры германо-литовской дружбы.

Все европейские границы нарисованы кровью и оружием. Что касается соседей Литвы по антисоветскому «санитарному кордону» — Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии, то национальное самосознание их народов имело поводы для определенной гордости, потому что собственные границы они чертили своим оружием и оплатили их своей кровью. Поляки превозносили Чудо на Висле и полководческий гений Пилсудского, наголову разгромившего Западный фронт под командованием Тухачевского. Эстонцы чествовали генерала Лайдонера, утвердившего независимость своей маленькой страны победой своего отряда над отрядом фрайкора (немецкого ополчения) в бою под Вынуу.

Латыши, хоть их свободу в борьбе с Красной Армией в основном отстояли бойцы немецкого ландвера под командованием генерала фон дер Гольца, считали победу на большевиками своей победой. Независимая Финляндия рождалась в горниле жестокой гражданской войны, и уж чего-чего, а крови финская государственность стоила немалой. Маршал Маннергейм — крестный отец свободной страны Суоми — крестил ее огнем и мечом. Даже крайне слабая в военном отношении Румыния умудрилась под шумок отхватить себе от России Бессарабию, от Венгрии — Трансильванию и тем самым утвердить Великую Румынию (пусть и картонную). Одни лишь литовцы не имели ни великих полководцев, ни громких побед, и границы их государства сложились по милости покровительствующих им великих держав.

В период своей первой независимости Литва была самой нищей из всех стан, образовавшихся на обломках Российской империи. В Латвии литовцев-батраков воспринимали примерно так же, как сегодня в РФ относятся к таджикским гастарбайтерам. С демократическими европейскими традициями у литовцев тоже не задалось — диктатура там была установлена раньше, чем у латышей и эстонцев, в 1926 г. Никаких заметных культурных, экономических и социальных достижений в межвоенный период Литва не достигла. Разве что крестьянская беднота сильно обовшивела (об этом сильно переживала тогдашняя пресса), но гордиться этим вряд ли стоит.

В 1939 г. ветер меняется, и Литва вынуждена заискивать уже не перед англичанами и французами, а перед русскими, которые в отличие от немцев, не отрывали от страны куски, а великодушно подарили ей «историческую столицу» — польский город Вильно. По этому случаю диктатор Сметона вынужден был произносить торжественные славословия в честь товарища Сталина, а в газетах публиковать еще более восторженные статьи, нежели по поводу германо-литовской дружбы. Наконец, литовская государственность тихо скончалась под восторженные вопли голодных обывателей, которые предпочли сытную пайку опостылевшей независимости.

В июне 1941 г. литовская армия, переформированная после «аншлюса» в стрелковый корпус, героически разбежалась (кое-где литовцы даже смело порезали русских командиров), не желая ни освобождаться от русских «оккупантов», ни сопротивляться оккупантам немецким. Под покровительством Третьего рейха литовцы не сделали ничего, чем можно было бы гордиться, как например, эстонцы сегодня гордятся подвигами своих эсэсовцев

из дивизии «Эстланд». В конечном итоге дело было решено без литовцев, когда в 1944 г. Красная Армия освободила Прибалтику от гитлеровцев.

Тут как раз и наступает период экономического и культурного расцвета советской Литвы, но нынешним национально озабоченным гражданам титульной национальности гордиться этим западло, так как расцветом этим они обязаны проклятым русским «оккупантам». Даже своих лесных братьев литовцы не могут героизировать так же, как это делают латыши и эстонцы, поскольку именно в Литве послевоенное противостояние меньше всего напоминало национально-освободительное движение — местные повстанцы сражались не столько с «оккупационными» опергруппами НКВД, сколько со своими же соплеменниками из отрядов сельской самообороны. Бывшие нищие батраки почему-то с энтузиазмом вступали в колхозы и с еще большим энтузиазмом мстили своим былым хозяевам-кулакам.

Поэтому ничего удивительного, что к концу 80-х годов у литовцев сформировалось шизофренированное чувство национальной неполноценности, подогреваемое виртуальными образами великого прошлого при том, что это «величие» не находило никакого воплощения в новейшей истории. Пропасть в сознании между фантомной историей и реальностью порождала компенсаторную агрессивность. Массовое сознание литовского народа было подготовлено к тому, чтобы выместить ненависть по отношению к врагу, на роль которого предназначались «пришлые» и «оккупанты». Остальное — дело технологии «бархатных» революций.

Даже литовская ненависть к инородцам была иррациональна. Если в Латвии титульная народность составляла примерно половинную часть населения[1], а в Эстонии активная миграция русских ставила под угрозу культурную идентичность коренного населения (с точки зрения местных националистов), то в Литве подобные явления имели многократно более слабую тенденцию — литовцы уверенно составляли более трех четвертей населения республики.

---

[1] Латвия 50—70-х годов отличалась удивительной для сегодняшнего времени толерантностью в национальном вопросе — по количеству смешанных браков она занимала третье место в СССР после РСФСР и Украины. Отношение к мигрантам из других советских республик было благожелательное, ведь приезжали в этот аграрный край в основном инженеры и квалифицированные рабочие, без которых индустриализация республики была немыслима. Видимо, тогда латыши это понимали.

Тем не менее, в 70-е годы, когда в Латвии и Эстонии было тихо и спокойно, в Литве дважды отмечались крупные беспорядки — в 1972 и в 1977 г. Особенно примечательна так называемая «Каунасская весна» 1972 г. 14 мая 1972 года психически нездоровый 19-летний студент Ромас Каланта пришел к популярному месту сбора молодых людей у фонтана около Музыкального Театра на центральной улице Каунаса — Аллее Лайсвес, где совершил акт самосожжения. Якобы кто-то потом нашел неподалеку его записную книжку, в которой были написаны слова: «В моей смерти прошу винить исключительно политическую систему». Достоверных свидетельств на сей счет нет. Диссидентская «Хроника текущих событий» сообщала, что Каланта, верующий католик, покончил с собой в знак протеста против гонений на религию. Сам факт самоубийства также не представляет собой ничего неординарного, сегодняшняя Литва, например, вообще мировой лидер по числу самоубийств на душу населения. Тем не менее, 18—19 мая по городу прокатились массовые молодежные беспорядки. Сегодняшние литовские комментаторы представляют каунасский дебош как первое массовое антисоветское восстание в Литве и считают главными его лозунгами следующие: «Свободу Литве! Русские, убирайтесь!»[1] Другие утверждают, что конфликт разгорелся именно на религиозной почве.

7 и 10 октября в Вильнюсе имели место массовые беспорядки, спровоцированные футбольными фанатами. Сегодня подобное вряд ли кого-то удивит, но для советского времени это было событием из ряда вон выходящим. К тому же зачастую погромщики выкрикивали антисоветские и антирусские лозунги. Во всех случаях власти не придали значения политической окраске беспорядков (если она действительно была, а не придумана впечатлительными национальными интеллигентами), зачинщики выступлений получили довольно мягкие наказания за хулиганство — в октябре 1972 г. лишь семеро человек были осуждены за участие в «Каунасской весне». Из 10 тысяч человек, участвовавших 10 октября 1977 г. в беспорядках, было задержано лишь 44 погромщика. Да, вот такой страшный оккупационный режим царил в Прибалтике, даже уличные погромы проходили практически безнаказанно! Поэтому не удивительно, что антисоветизм беспрепятственно расцвел в Литве пышным цветом.

Апогеем перестройки принято считать «путч» ГКЧП и последовавшее за ним подписание Беловежских соглашений, de ure за-

---

[1] *Трачевскис Р.* Тайна Каунаса // http://www.countries.ru/?pid=1394

крепивших разгром СССР. Но, на мой взгляд, куда большее значение имела кровавая бойня в Вильнюсе в ночь с 12 на 13 января 1991 г., которая означала развал страны de facto. Это был критический рубеж, и победа сепаратистов в маленькой Литве означала поражение большого Советского Союза.

Очевидно, что кровопролитие в Вильнюсе готовили зарубежные режиссеры вроде уже упоминавшегося цэрэушника Эйве. Вильнюс, учитывая прецеденты 70-х годов, был выбран для организации массовых беспорядков не случайно. Исполнителями акции являлись горячие местные парни, прошедшие соответствующую спецподготовку. Один из них Аудрюс Буткявичус, глава департамента охраны края. Родился он в 1960 г. в Литве, окончил Каунасский медицинский институт. С 1990 г. по 1994 г. был членом Верховного совета, а затем Сейма. По линии военного ведомства стажировался в военной академии в Великобритании и институте Эйнштейна в США. В 1997 г. был осужден на пять лет за мошенничество. В 2000 г. освобожден, реабилитирован и восстановлен в Сейме. Во время «цветочной революции» в Грузии координировал там деятельность частной военной компании «Kellog, Brown & Root», являющейся подразделением скандально известного концерна «Halliburton», аффилированного с бывшим вице-президентом США Диком Чейни. Буткявичусу приписывается организация всей технической (непубличной) части революции. После свержения Шеварднадзе он, вероятно, был приставлен «смотрящим» за грузинским правительством от своих американских хозяев. По крайней мере, дома в Литве он стал бывать редко, занимаясь «консультированием» грузин по каким-то неясным вопросам. Засветился Буткявичус и в работе с белорусской проамерикански настроенной оппозицией, но особых успехов на этой ниве не достиг.

25 апреля 2000 г. в «Новой газете» была опубликована статья Виктора Соколова «В Литве судят невиновных» о том, что литовское правосудие упрятало за решетку бывшего первого секретаря КПЛ (КПСС) Миколаса Бурокявичуса затем, чтобы прикрыть боевиков «Саюдиса», которые стреляли с крыш по безоружным людям:

«...Из материалов предварительного расследования, проведенного Прокуратурой СССР по горячим следам, которые были в октябре 1991 года переданы литовской стороне, следовало, что ни один из погибших не был убит солдатами регулярных частей. Экспертиза показала, что пули поражали людей не спереди или сзади, а сверху вниз. Стреляли не солдаты-десантники, находив-

шиеся на земле, а неизвестные стрелки, разместившиеся на крышах и в окнах близлежащих домов. <...>

Находясь на стажировке в военном колледже в Лондоне, Буткявичюс, по словам Станислава Мицкевича, публично заявил английской прессе, что он очень удачно разместил на крышах домов своих снайперов, которые стреляли в толпу для подогрева страстей и компрометации чекистов-десантников, присланных Москвой для контролирования ситуации в литовской столице и недопущения сепаратистских настроений. В 1998 году Буткявичюс, слишком много знавший о тех событиях и пытавшийся с пользой для себя использовать свои знания в политической борьбе со спикером сейма Витаутасом Ландсбергисом, угодил за решетку на пять лет якобы за взятку (15 тыс. долл.), хотя скорее всего дело это было сфабриковано, чтобы закрыть ему рот. Отсидев чуть более двух лет, он за примерное поведение был условно освобожден и несколько дней назад повторил свои признания в интервью литовскому еженедельнику «Обзор», заявив, что заранее планировал жертвы у Вильнюсской телебашни. Таковы, по его словам, были правила игры того времени, которых нужно было придерживаться в условиях психологической войны, навязанной Буткявичюсом московским военачальникам.

Это произвело в Литве эффект разорвавшейся бомбы, который дополнило выступление по телевидению известного литовского писателя и общественного деятеля Витаутаса Пяткявичюса. Он, опираясь на полученные им материалы, в том числе и от Буткявичюса, заявил, что «военнослужащие Советской Армии непричастны к гибели людей трагической ночью 13 января 1991 года в Вильнюсе»[1].

4 августа Буткявичус сам дал интервью Соколову, пытаясь опровергнуть собственное признание в организации убийств мирных жителей. Давайте посмотрим, как это у него получилось:

«...Смысл моего подхода был в том, что государство должно защищаться, но оно одновременно обязано обеспечить легитимность всех своих действий. Тех действий, которые страна вынуждена будет применить в случае ее оккупации. Второй задачей было не показать себя террористами и бандитами, какими нас рисовала советская пресса для компрометации перед Западом. Я в то время располагал информацией о методике орга-

---

[1] http://ng.ru/2000-04-25

низации обороны, которая опирается на гражданское население, осуществляя акты неповиновения.

— Откуда вы получили эту информацию?

— Из института Эйнштейна в США, руководимого профессором Джином Шарпом. Этот институт как раз занимался такими разработками. Я начал поддерживать с ними контакты и получил нужные мне материалы. Кроме того, у меня были свои мысли на этот счет. Ведь любая власть опирается на поддержку людей и имеет в этом смысле соответствующие ресурсы. Главный ресурс власти — это доверие масс. И если обладающие властью наносят удар по этому главному ресурсу, то они теряют власть. Чтобы этого не произошло, используют акции неповиновения — как в случае оккупации, так и в случае, если демократическая власть в стране захватывается представителями тоталитарного режима. Я соединил тогда разработки института и свои мысли, и мы создали структуру, которая могла бы привлечь и поднять гражданское население в том случае, если против Литвы будет использована сила. <...>

— Давайте все же перейдем к самим событиям 13 января.

— Да. Итак, мои люди — участники акции гражданского неповиновения — стоят в оцеплении возле башни и прикрывают ее. Запланированной антисепаратистской толпы нет. 107-я мотострелковая дивизия с бронетехникой опаздывает. Перед нами только «Альфа», у которой приказ пробиться внутрь телебашни под предлогом устранения беспорядков, а беспорядков нет. Что им делать? Они начинают пробиваться сквозь толпу, начинают действовать прикладами и стрелять. Внутри башни опять же стоят мои люди, имеющие приказ не пропускать «Альфу» внутрь, но и не употреблять оружие. Ни у кого из моих людей оружия не было. Его не могло быть, потому что именно на это опиралась вся наша стратегия: показать, как военная машина Центра нападает на невооруженных людей. Я сам лично все проверял, чтобы никто не был вооружен. Все имевшееся у нас оружие хранилось в зданиях парламента и правительства.

— Все оно охранялось и было под замком?

— Не только под замком. Я просто знал, кто имел оружие, и знал, что оно сдано. Нам по идее нельзя было его применять, иначе рушилась вся моя концепция обороны методом гражданского неповиновения. Нам нужно было все это показывать иностранным журналистам, и мы все деньги тратили на выполнение этой стратегии. Советская сторона мне помогала тем, что подпус-

кала к нам журналистов в надеже, что они покажут выгодные ей кадры. Но мы их использовали в наших интересах.

«Альфа» начала пробиваться в здание штурмом, и мои люди в телебашне использовали противопожарные устройства по заполнению башни инертным газом, после чего в ней находиться бесполезно. И бойцы «Альфы» застрелили двух моих солдат, которые открывали резервуары с инертным газом. Но застрелили зря, так как они успели открыть резервуары и башня была заполнена инертным газом.

Уже позже, в 1999 году, я в Москве разговаривал с одним офицером КГБ СССР, который координировал действия «Альфы». Он мне рассказал, как погибли мои ребята, выполняя это задание. А все остальные, кто погиб на площади, — это были гражданские лица. Их убили, когда через полчаса к зданию подкатили с опозданием боевые машины: специальные танки и другая броневая техника, которые сразу включились в бой. Мы записывали их переговоры, и сейчас еще можно прослушать, о чем они говорят: сколько у них боезапасов, чем они стреляют. Все эти записи сохранились. Они там говорят о том, что употребляют холостые патроны и боевые, но, когда у них потом брали интервью, они категорически отрицали, что употребляли боевые патроны. В основном боевыми патронами скорее всего стреляли не моторизованные части, а «Альфа».

— Да, но «Альфе» запрещено использовать оружие на поражение против мирных жителей. «Альфа», продираясь через гражданскую мирную и не очень мирную толпу, могла для устрашения использовать холостые патроны, а если бойцы этого подразделения и стреляли боевыми, то только против нападавшего на них противника, который угрожал их жизни оружием. Допустим, те двое убитых вели себя не столь безобидно по отношению к бойцам «Альфы», но все равно остается открытым вопрос, кто убил остальных мирных жителей. Ведь прокуратура вела расследование...

— Это можно спросить, конечно, и у работников прокуратуры, которые вели расследование, но и без них доказано, что стреляла «Альфа». Это видно из киноматериалов, которые были отсняты на месте происшествия.

— А что там видно? Только огонь, вырывающийся из канала ствола. Неужели можно отличить на пленке холостой выстрел от боевого?

— Можно... Кроме того, там видны трассы выстрелов. Сам я, правда, этих кадров не видел, но они точно существуют и могут быть использованы в качестве доказательств. У нас никто

не стрелял, я повторяю, так как это не укладывалось в нашу стратегию.

— Насчет стратегии я уже все понял. Но как вы в такой сложной ситуации могли точно проконтролировать, что никто из ваших не стрелял? Стратегия стратегией, а злоба и несдержанность порой берут верх.

— На пленке четко видны трассы как со стороны площади, так и со стороны башни...

— Так, значит, со стороны башни тоже вели огонь? Кто же оттуда стрелял, если там были только ваши люди?

— Этого я сказать не могу, но мои люди стрелять не могли. У них был приказ ни в коем случае этого не делать.

— Прокуратура в ходе обследования жертв, убитых из огнестрельного оружия на площади, пришла к выводу, что пули их поразили сверху вниз, а не по прямой. Значит, стреляли в этих людей не бойцы «Альфы», а люди с башни...

— Повторяю: я знаю о существовании фильма и этих трасс, которые идут как снизу, так и сверху от башни, но подтвердить, к сожалению, этого не могу, так как сам фильма не видел. Могу лишь еще раз повторить, что мои люди стрелять не могли, не имели права. Для нас использовать оружие было невыгодно, это нарушало всю нашу основную задумку и могло скомпрометировать всю идею. И потом оружия-то у нас практически не было: несколько автоматов и пистолетов, да еще какая-то мелочь. Что мы смогли бы сделать этим оружием против регулярных и вооруженных до зубов советских частей? Моя задача была показать применение военной мощи СССР против невооруженного гражданского населения Литвы. В этом была задача моей психологической войны: противопоставить армию и мирное население и показать это публично.

— Это я понял, но кто стрелял с башни и убил мирных жителей? Вам было это невыгодно, «Альфе» — тоже невыгодно. Может, существовала какая-то третья сила, которой это было выгодно?

— Этого я сказать не могу.

— Мне кажется, что и вы, не хотевшие стрелять, и москвичи, которые тоже, как они говорят, этого не хотели, должны были отдавать себе отчет в том, что в такой ситуации до стрельбы могло дойти, несмотря ни на какие запретные приказы. Интересно у нас всегда получается: виноваты все, но виноватых нет...

— Нас сегодня обвиняют в том, что мы мирных жителей подставили под военную технику. И я принимаю эти обвинения. Даже больше. Я заявляю: я знал, что конфликт неизбежен. И я, как вы справедливо заметили, отдавал себе отчет в том, что дело может дойти до крови. Поэтому мною заблаговременно были даны распоряжения в больницы и госпитали, чтобы врачи были готовы принимать раненых. Я от этого не отказываюсь, поймите... Просто я и сейчас считаю, что тогда мы сделали все, что могли, для того, чтобы выйти малой кровью из сложной ситуации. Мы изъяли все оружие, сделали максимально все, чтобы исключить случайные или спровоцированные выстрелы, понимая вместе с тем, что они все равно могут быть. Но, извините, не я привел танки и «Альфу», не я бросил их в бой против мирных людей...[1]

Не надо быть профессором психологии, чтобы увидеть, как неуклюже отбрехивается Буткявичус, путаясь в собственном вранье. С одной стороны он, якобы, был идеологом мирного протеста, с другой — признает, что у его боевиков было «несколько автоматов и пистолетов, да еще какая-то мелочь». Кстати, откуда у «мирных» сепаратистов автоматы? Сначала он говорит, что разместил в башне боевиков без оружия, а потом утверждает, что дал им приказ не стрелять. Это как понимать? Можно ли было дать приказ остановить спецназ КГБ людям, не имеющим оружия? Ах да, они же заранее притащили в телебашню баллоны с инертным газом, выпустив который, сделали невозможным присутствие человека в здании. Но сами они отчего-то там остались. Ей-богу, я более чудовищного бреда в своей жизни не слышал. С точки зрения физики это равнозначно тому, чтобы притащить в телебашню бочку с водой и затопить ее, чем сделать невозможным проникновение в нее. Что-то я не пойму: то ли ЦРУ вербует в Прибалтике даунов, то ли их не учат грамотно брехать. Хотя, скорее всего, учат, но конкретно Бурокявичуса учили расстреливать толпу и не более того.

Тем не менее, откровения этого террориста позволяют реконструировать события той кровавой ночи лучше, нежели скупая газетная хроника и противоречивые свидетельства очевидцев. Итак, толпу к телецентру привел именно Буткявичус якобы для того, чтобы помешать противникам сепаратистов захватить его. Но противников «Саюдиса» на площади не оказалось, так же

---

[1] *Соколов В.* Он победил СССР без оружия // Новая газета, 4 августа 2000 г. // http://www.ng.ru/ideas/2000-08-04/7_victory.html.

как и военных. Неуклюжие объяснения Буткявичуса насчет того, что военные, дескать, не сверили часы, а сторонники Союза, мол, осознали свою неправоту, можно всерьез не воспринимать. Факт состоит в том, что «защитники» оказались на месте событий без «нападающих». Спецназ КГБ прибыл уже после саюдистов, в противном случае непонятно, почему ему, чтобы занять телецентр, пришлось продираться через толпу. До сих пор неизвестно, кто же конкретно дал приказ штурмовать телебашню. Практически все сходятся во мнении, что силовики сделали это по собственному почину. Такое возможно, но лишь в том случае, если боевики «Саюдиса» открыли огонь по спецназовцам и толпе из телецентра. В этом случае действия «Альфы» были бы совершенно естественны и оправданы.

Наверное, я рискую навлечь на себя обвинения в неполиткорректности, но все же выскажу свое субъективное мнение: литовцы — самый дикий, варварский народ Европы, если судить по их политикам. Советский Союз они ненавидят за то, что там преследовалось политическое инакомыслие, однако «демократический» парламент свободной Литвы принимает закон, по которому за активное участие в деятельности КПЛ грозит высшая мера наказания.

Стеная о сталинских депортациях, они совершенно не вспоминают, как практически всех евреев во времена германской оккупации депортировали на тот свет (видя, с каким неподдельным энтузиазмом литовцы делают у себя дома «юденфрай», немцы, не желая марать руки, свозили в Литву евреев из Европы для, так сказать, окончательного решения еврейского вопроса). Этот геноцид даже нельзя полностью списать на немцев, поскольку резать евреев боевики и сторонники Литовского фронта активистов (ЛФА) начали еще до прихода вермахта. В 2000 г. Витаутас Ландсбергис, будучи членом сейма, даже пытался добиться (правда, безуспешно) признания прогерманского коллаборационистского Временного правительства Литвы, созданного ЛФА, законным правительством страны.

Я, если честно, понимаю нацистов, которые почитали литовцев недочеловеками, и даже протянутую им руку дружбы с презрением отвергли — прогерманское Временное правительство они разогнали, а самозваного премьер-министра Казиса Шкирпу, бывшего посла Литвы в Германии, арестовали. Понятно и то, почему они не пытались создать литовский легион СС, хотя эстонцев и латышей охотно ставили под ружье.

Хотя литовцы отчего-то причисляют себя к европейцам, в своем мракобесии они переплюнули самые авторитарные африканские режимы. Вряд ли во всем мире можно было найти в конце XX века тюремную камеру, в которой сидят сразу три профессора, но в свободной Литве во время антикоммунистической «охоты на ведьм» властям удалось добиться такой концентрации, упрятав за решетку бывшего первого секретаря КПЛ (КПСС) профессора Бурокявичуса с коллегами.

А уж от того, как литовцы уважают закон, волосы встанут дыбом даже у отъявленных беспредельщиков. Сколько воплей было по поводу того, что в тоталитарном СССР внесудебные органы — так называемые «тройки» имели право приговаривать обвиняемых к срокам до 10 лет лагерей. В «демократической» Литве тому же Бурокявичусу 12 лет строгого режима впаял суд, признав его... невиновным по существу предъявленных обвинений. Срок он получил «за активную деятельность в Компартии Литвы как партии, входившей в КПСС, которая играла роль «пятой колонны». Ей-богу, когда инквизиция в Средневековье отправляла на костер еретиков, обвинения формулировались более конкретно.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ

Допустим на мгновение, что Литва, Латвия и Эстония действительно были оккупированы Советским Союзом в 1940 г., как об этом стенают прибалтийские сепаратисты и их прихлебатели-общечеловеки во всем мире. Можно ли назвать такой поступок аморальным? Можно, но только в том случае, если целью захвата суверенных стран был грабеж. А если крупная держава оккупирует какую-то маленькую страну в военное время, так это совершенно обыденное дело. Разве кто-нибудь вякает, что Соединенные Штаты поступили аморально, оккупировав во время Второй мировой войны нейтральную Исландию? Уже после капитуляции Германии янки оккупировали Данию, а после разгрома Японии заняли южную часть Кореи. Великобритания посчитала, что для собственной безопасности ей необходимо оккупировать Фарерские острова. Ранее она готовила вторжение в нейтральную Норвегию, однако немцы их опередили буквально на сутки. Что-то я не слышал возмущенных воплей по поводу оккупации Ирана, который ни в чем не провинился перед Великобританией, США и СССР, кроме того, что имел нефть.

Чтобы понять логику большой политики, давайте порассуждаем образно. Население трех прибалтийских лимитрофов составляло пять миллионов человек, что соотносилось с населением СССР, как один к сорока. Представьте себя на месте водителя, который мчится по шоссе с сорока пассажирами в салоне. Внезапно на дорогу перед вами валится телеграфный столб. Единственная возможность избежать катастрофы — выехать на встречную полосу. Нарушите ли вы правила дорожного движения ради спасения нескольких десятков человек? Разумеется, да! А если по встречной полосе едет шикарный «Мерседес», стоимостью в пятнадцать ваших автобусов, будете ли вы рассуждать о частной собственности, которая может пострадать в результате столкновения, когда речь идет о жизни людей? Думаю, нет. Остановит ли вас то, что в результате аварии человек за рулем «Мерседеса», скорее всего, погибнет? Вряд ли. Сорок жизней дороже, чем одна.

Так вот, Сталин был водителем автобуса под названием «СССР». Его задача была, чтобы во всемирной катастрофе — Вто-

рой мировой войне — погибло как можно меньше советских граждан. И презреть свой долг перед народом только потому, что правительства балтийских лимитрофов не желали «оккупации» — вот что было бы действительно аморально. Если бы ради спасения 10 миллионов советских граждан нужно было уничтожить миллион прибалтов — это следовало сделать без всяких колебаний. Позволить свершиться обратному — предательство. Но ведь даже «оккупировав» Прибалтику, никто не подверг геноциду местное население.

Некоторые крикуны до того договорились, что начали заявлять, будто оккупация одной суверенной страны другой противоречит международному праву, что это — преступление. Чушь! Оккупация не противоречит международному праву, как раз наоборот, существуют общепризнанные международно-правовые акты, регламентирующие осуществление оккупации — Четвертая Гаагская конвенция 1907 г., Женевская конвенция «О защите гражданского населения» 1949 г., Гаагская конвенция «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» 1954 г. Преступлением является лишь нарушение установленных норм оккупации, как то: бессудные расправы над некомбатантами или уничтожение памятников культуры.

Много воплей раздается по поводу депортаций из Прибалтики неблагонадежных элементов в июне 1941 г. Однако подобные мероприятия являются распространенной практикой, более того, имели место тотальные депортации мирного населения из предполагаемой зоны боевых действий. Например, подобную акцию предприняла Финляндия в 1939 г. Да, это было обосновано заботой о безопасности людей, а уничтожение приграничных населенных пунктов вблизи советской границы (вот это действительно запрещено международными правилами ведения войны) желанием осложнить противнику продвижение вперед. Но разве мотивы советских властей были иными? Ведь депортации подверглись не первые встречные, а выявленные путем оперативных мероприятий участники вооруженного антисоветского подполья, то есть те люди, которых можно отнести к комбатантам. И осуществлены эти репрессии были как раз накануне запланированного вооруженного выступления повстанцев по сигналу из Германии. К сожалению, эта мера несколько запоздала, поскольку многие повстанцы успели перейти на нелегальное положение и избегли задержания.

Да, выселялись не только сами подпольщики, но и члены их семей. Но ведь совершенно очевидно, что разлучение семьи гораздо хуже, чем просто выселение из зоны боевых действий. Да, зачастую всякого рода перконкрустовцы или ушедшие в подпо-

лье айзсарги репрессировались без суда. Но я бы на их месте только радовался этому. Потому что если их вина будет доказана в индивидуальном порядке с соблюдением всех процессуальных формальностей, то они по УК СССР вполне могли получить высшую меру наказания, а уж в военное время — это как пить дать. То есть солидарное, но мягкое наказание в данном случае есть проявление гуманности советской правоохранительной системы. А отношение к прибалтийским пособникам нацистов после войны было значительно мягче, нежели к коллаборационистам из числа украинцев или русских. Об этом весьма убедительно пишет Александр Дюков в сборнике «Великая оболганная война-2. Нам не за что каяться».

Давайте рассмотрим вопрос об оккупации с чисто формальной стороны. Оккупация — это, следуя нормам в международного права, временное занятие вооруженными силами воюющего государства территории противника с принятием на себя функций управления. Состояния войны между СССР и прибалтийскими республиками в 1940 г. не было, эти страны не являлись противниками. Зачастую оккупационный режим устанавливается участниками военного конфликта в отношении третьих стран (в том числе и нейтральных), но для этого в любом случае необходимо состояние войны. Наконец, оккупация возможна и после официального прекращения войны в отношении территорий, ранее оккупированных противником. Опять не тот случай.

Одного лишь присутствия иностранных войск на территории другого государства не достаточно для того, чтобы считать их оккупационными. Оккупация действительна лишь в одном случае — если гражданская администрация упраздняется, и верховная власть на занятых территориях переходит в руки военных. Например, в 1944—1945 гг. Советский Союз не устанавливал в Польше оккупационный режим, хотя имел для этого и правовые основания, и возможности. Приоритет советских военных властей распространялся лишь на прифронтовую зону, а на остальной территории страны действовала власть ПКНО — Польского комитета национального освобождения. Вопрос о дееспособности ПКНО является дискуссионным, но даже если признать польское правительство не способным реально контролировать ситуацию в стране, в этом невозможно усмотреть вину СССР. В Венгрии же, которая была союзником нацистской Германии (единственным сохранившим верность союзником к 1945 г.) действовала именно оккупационная советская администрация. В Чехии, хотя эта территория после развала Чехословакии в 1939 г. входила в состав Германской империи, оккупационный режим не был уста-

новлен, уже в мае 1945 г. власть была передана гражданскому правительству во главе с довоенным президентом Чехословакии Бенешем.

В Литве, Латвии и Эстонии ни в 1939 г., ни в 1940 г. власть ни на один час не переходила в руки советской военной администрации. Части Красной Армии находились в этих странах в соответствии с межправительственными соглашениями. Формально дело было обставлено так, что первый договор о взаимопомощи был заключен чуть ли не по просьбе эстонской стороны. Москва, правда, весьма настойчиво к этому эстонское правительство подталкивала. Например, для нажима на Эстонию был использован эпизод с бегством из Таллина интернированной польской подводной лодки «Ожел». Бравые польские морячки не очень-то стремились воевать с немцами и почему-то оказались в эстонском порту. Но вскоре после вторжения Красной Армии в Польшу экипаж подлодки при весьма загадочных обстоятельствах повязал эстонскую охрану и бежал на «Ожеле» из порта. При этом лодка оказалась даже не разоруженной, как то по идее должно было быть.

Разумеется, Советский Союз выразил возмущение подобным актом, который был расценен как враждебный по отношению к советской стороне. Хотя формально СССР и не находился в состоянии войны с Польшей, но местами поляки оказывали сопротивление Красной Армии. Что же можно было ожидать от польской подлодки с двумя десятками торпед, рыскающей в водах Финского залива? К счастью, командир «Ожела» не жаждал боевой славы и по-тихому убрался в Англию. Впоследствие выяснилось, что эстонцы действительно виноваты в бегстве подлодки, но позволили бежать «Ожелу» они не ради пакости Советскому Союзу, а с перепугу — уж очень не хотелось им иметь лишние проблемы из-за поляков. Выпустишь их — возмутятся немцы (в Таллин как раз зашел германский сухогруз, который мог быть потоплен поляками), задержишь — не угодишь англичанам. Поэтому им и позволили бежать, но вызвали тем самым резкое недовольство Москвы. Да, тяжело быть лимитрофом — не знаешь, перед кем прогнуться в том или ином случае.

Но эпизод с «Ожелом» не имел особого значения. Причины, заставившие Эстонию, а за ней Латвию и Литву искать благосклонности со стороны Кремля, были гораздо глубже. Начало войны в Европе означало для прибалтов полное прекращение морской торговли. Для Литвы эта возможность оказалась перечеркнутой в марте 1939 г., когда Германия отняла у нее Мемель. Англо-французское влияние на эти страны, сильное в 1920-е годы и ослабляющееся на протяжении 1930-х годов, полностью сошло

на нет. Таким образом, прибалтийские страны должны были налаживать экономические отношения с Германией либо с Советским Союзом. Экономика этих стран была преимущественно аграрной. Немцы импортировали продовольствие, однако их потребности удовлетворялись за счет Румынии и Болгарии. К тому же в Германии местные националистические режимы не пользовались особым почетом из-за насильственного изгнания немецкого населения, на протяжении пятисот лет составлявшего культурный слой Прибалтики. СССР после успешно осуществленной коллективизации и механизации сельского хозяйства не испытывал недостатка в продовольствии. Но он мог хорошо заплатить за лояльность.

Вот эстонская сторона и обратилась к Советскому Союзу, попросив заключить выгодный экономический договор с Эстонией. Переговоры в Москве начались еще13 сентября. Надо сказать, что экономика этой страны уже дышала на ладан. С 1935 г. после установления в Эстонии фашистского режима Великобритания блокировала торговлю с ней, что привело к упадку национального хозяйства. Страну захлестнула безработица, на некоторые товары, как например, на сахар, были введены карточки. Советский Союз обеспечил эстонскую промышленность заказами и снабдил ее тем же сахаром.

Насколько экономическое сотрудничество с Советским Союзом было важно для Эстонии? Торговое соглашение предусматривало увеличение товарооборота между Эстонией и СССР в четыре с половиной раза и устанавливало размер общего оборота между обоими государствами в 39 млн. эстонских крон. СССР предоставил Эстонской республике возможность транзита товаров по железнодорожным и водным путям СССР на Мурманск, Сороку и в порты Черного моря.

Если не это, то режим Пятса неминуемо бы рухнул и без ввода советских войск под напором абсолютно неразрешимых в условиях блокады внутренних экономических проблем. Правда, в этом случае Пятс лег бы под Гитлера, что нашей стране совсем не улыбалось. 28 сентября 1939 г. договор был заключен и по его условиям в Эстонии был размещен контингент Красной Армии. Этим была обеспечена безопасность Ленинграда с левого фланга.

Вообще-то, нельзя с уверенностью утверждать, что эстонский диктатор Пятс, решившийся на военное соглашение с СССР, действовал исключительно по собственной инициативе. Современный эстонский историк Магнус Ильмъярв, доказал со ссылкой на документы российских архивов, что в 1920-х — начале 1930-х гг. Пятс работал на советскую разведку, получая за свои услуги 4000 дол-

ларов в год. Формально вознаграждение он получал как юрисконсульт советского нефтесиндиката, работавшего в Эстонии. Так что, вполне возможно, что эстонский диктатор лишь выполнил указание своих советских «спонсоров», но особого значения это, конечно, не имеет. Объективно у официального Таллина в 1939 г. не было иной возможности сохранить свой режим, кроме как стать сателлитом Москвы.

Латвия испытывала примерно те же проблемы, что и Эстония. Латвийский диктатор Ульманис, известный русофоб и антикоммунист, разумеется, не мог испытывать симпатий к СССР. Но его положение внутри страны становилось настолько шатким, что и он был вынужден обратиться к Москве за помощью на тех же условиях: спасительный для страны торговый договор взамен нужного советской стороне договора о военной взаимопомощи. Соглашение было достигнуто в Москве 5 октября.

С литовцами, подписавшими аналогичный договор 10 октября, все было еще проще: взамен возможности расположить в стране свои войска СССР передал Литве Виленскую область. При этом следует заметить, что официальный Каунас из кожи вон лез, дабы продемонстрировать свое расположение к Советскому Союзу: в Вильно по повелению диктатора Сметоны даже улица была названа в честь Сталина и Молотова. В Латвии официальных восторгов было поменьше, но и там красноармейцев встречали вполне гламурно. Вот что писала 5 ноября 1939 г. рижская «Газета для всех» в заметке «Советские войска прошли в свои базы»:

«На основании дружественного договора, заключенного между Латвией и СССР о взаимной помощи, первые эшелоны советских войск проследовали 29 октября 1939 года через пограничную станцию Зилупе. Для встречи советских войск был выстроен почетный караул с военным оркестром...»[1]

Как видим, тут нет и намека на насилие со стороны СССР по отношению к балтийским лимитрофам. Каких-либо жалоб на некорректное поведение советских военнослужащих, вмешательство военных властей во внутренние дела прибалтийских государств, не зафиксировано. Представители военного руководства прибалтийских стран неоднократно совершали поездки в Москву, причем пресса неизменно подчеркивала дружественный характер этих визитов.

---

[1] «7 дней» (Белоруссия), №33, 18 августа, 2005. // http://7days.belta.by/7days_plus.nsf/All/17C0584CDBCF4CEA422570600047B677

Как отнеслось общественное мнение Литвы, Латвии и Эстонии к присутствию советских войск и в более широком смысле к сближению с СССР? В целом весьма положительно, и тому было несколько причин. Об одной из них весьма откровенно пишет даже Маврик Вульфсон в книге «100 дней, которые разрушили мир»:

«В критический момент, когда в Москве шли переговоры о тройственном союзе (Франции, Великобритании и СССР), влиятельные политики Латвии решили заигрывать с Берлином. К примеру, 22 мая 1939 года пышно отмечалась годовщина освобождения Риги от большевиков в 1919 году. В этом празднике вместе с освободителями-ландесверовцами участвовали и части СС, специально прибывшие на военных кораблях из Германии».

О том же говорится и в книге Дайниса Гринвалдса Квes redzzji tas lietas — издании дневников его отца Яниса:

«Мне не давала покоя немецкая демонстрация, которую я видел летом 1939 года на Рижском взморье. Несмотря на то, что машинам въезд был запрещен, после полудня в воскресенье вдоль самого берега мимо нас проехало множество немецких машин с крестами. Местные немцы в неистовстве бесновались, вопили: «Хайль! Хайль! Гитлер, хайль!» со слезами на глазах — слезами радости. Это было нам ужасное предупреждение. Гитлер готовился прийти, и его ждали — более, чем верующие Мессию. Мы не могли так спокойно ждать, как клика Ульманиса. Собственные силы (военные) не могли играть значительную роль. Надежды на спасение ждали от Москвы»[1].

Итак, сначала прибалты в националистическом угаре двадцать лет выдавливали немцев, живших здесь пять столетий, а потом с ужасом взирали на марширующих эсэсовцев, понимая, что, если придет Гитлер, он им припомнит старые грехи. Так что выбор в пользу Москвы был не выбором меньшего из зол, а, как пишет Дайнис, действительно воспринимался как спасение.

Другой фактор, повлиявший на одобрительное отношение к союзу с Москвой был идеологического характера. Не секрет, что левые взгляды тогда были весьма распространены в Прибалтике, хотя и преследовались со стороны правящих режимов. Поэтому в политическом сближении с Советским Союзом многие увидели пролог к демократизации в своих странах. Этот импульс был

[1] http://www.chas-daily.com/win/2005/08/23/l_032.html?r=30&

настолько мощным, что уже через несколько месяцев диктаторские режимы в прибалтийских странах рухнули, причем, следует особо это подчеркнуть, без единого выстрела и какого бы то ни было воздействия со стороны частей Красной Армии.

Но все же главной причиной падения диктаторских режимов в странах Балтии я склонен считать их экономическую несостоятельность и, как следствие, низкий уровень жизни населения. Бытие, что называется, определяет сознание, и если обыватель голоден, от него трудно ожидать страстного верноподданичества. Нынешние «историки» демократического вероисповедания тужатся доказать, что до советской «оккупации» прибалты, исповедуя принципы рыночной экономики и свободного рынка, жили весьма зажиточно. При этом почему-то статистики не приводят, а прибегают порой к мемуарной литературе, цитируя авторов, описывающих меню столичных ресторанов или витрины магазинов колониальных товаров. Если же иные исследователи и приводят цифры, то исключительно западного происхождения.

Вот, например, образчик подобной «бухгалтерии» с блога «Эстония в мировых СМИ»[1]. Серьезно воспринимать эти цифры, разумеется, невозможно. Выходит, что население британского доминиона Новой Зеландии (включая дикарей-маори, составляющих добрую четверть населения) имели доход в два раза больший, нежели жители Германии — одной из крупнейших индустриальных держав мира. Трудно понять и то, почему в маленькой южноамериканской стране Уругвай население живет богаче, нежели в той же Германии или Бельгии. Ну да, чувствуется, что немцев составители таблицы недолюбливают. Впрочем, как и русских, чье место в рейтинге богатейших стран мира находится между английской полуколонией Египет и французской колонией Алжир. И уж совсем смешно, что в этот список попала крошечная французская колония — остров Мартиника, населенный преимущественно мулатами и неграми — потомками рабов.

Но давайте, спрятав улыбки, относиться к данной таблице серьезно. Будем считать, что авторы сайта убедительно доказали, что среднедушевой доход одного работающего эстонца аж на 21 доллар превосходил доход работающего гражданина СССР. Не будем принимать во внимание тот факт, что во второй половине 30-х материальное положение населения балтийских стран ухудшалось из-за затруднений с морской торговлей, а в СССР именно это время отмечено резким ростом благосостояния вследствие грандиозных экономических успехов. Не будем даже акцентиро-

---

[1] http://tume.blogspot.com/2007/01/blog-post_26.html

вать внимание на том, что здесь указан доход одного занятого в экономике жителя, в то время как в эпоху мирового экономического кризиса, разразившегося в 1929 г., существовала очень большая безработица, которой не было в СССР. К тому же понятие «средний доход» довольно относительно. Есть один миллионер и 500 голодных оборванцев, но средний доход их выражается вполне внушительной цифрой. В СССР, где разрыв между богатыми и бедными был несущественный, средний доход был действительно средним, а вот для стран Балтии надо учитывать и существенный разрыв между двумя социальными полюсами. Но давайте вспомним о том, что значительную часть материальных благ советский человек получал через общественные фонды — лучшее в мире медицинское обслуживание, качественное образование, бесплатное жилье, дешевый транспорт, и т.д., Принимая это во внимание, сразу становится ясно, что сказка о сытой и демократической Прибалтике как-то не складывается.

Экономические системы в Советском Союзе и Прибалтике настолько разнились, что по универсальным критериям их сравнить просто невозможно. Очень интересно было бы сравнить уровень потребления по обе стороны границы, но если данные о достатке советских людей как-то можно проанализировать, то статистику потребления в Литве, Латвии и Эстонии в довоенные годы мне нигде не удалось найти. Видимо, эта тема еще ждет своего исследователя.

Но, копаясь в Интернете, я нашел много прелюбопытных свидетельств. Вот, например, что пишет блоггер Helga Nukk в комментарии к упомянутой статье с блога «Эстония в мировых СМИ»:

«... мои многочисленные родственники с эстонскими корнями с 1600 годов, как богатые, так и бедные, рассказывают, что жизнь в Эстонии в досоветский период была более чем ужасной. Большинство людей голодало, у многих детей не были возможности ходить в школу, несмотря на некоторые законы, которые якобы сделали образование обязательным. Многие из моих родственников научились читать и писать лишь в советское время в специальных ликбезах для взрослых. Не было законов по защите прав трудящихся и трудящиеся должны были выносить все издевательства и изнурительный труд без возражений. Были также репрессии режима диктатуры — невинных бросали за решетку без суда и без следствия.

Голодающих и бедных было больше, чем состоятельных и довольных, поэтому в стране созрели предпосылки для народной борьбы за идеалы коммунизма/социализма.

Заявления о том, что в Эстонии было хорошо жить или, что экономика находилась в хорошем состоянии, не являются правдой».

А вот несколько выдержек из статьи Жильвинаса Буткуса «Окровавленная Литва», рисующей положение населения в самой отсталой из прибалтийских стран:

«Литва 1930-х была небольшим краем, управляемым буржуазной диктатурой, с типично нищим большинством и богатым меньшинством. Яркое классовое размежевание, пышные апартаменты дворян и фабрикантов, нищета промышленных и сельских рабочих и 200 тыс. безработных было реальностью нашей страны. Вот как 12 января 1931 г. положение промышленных рабочих описало буржуазное издание «Лиетувос жиниос»:

«Может быть, некоторых и можно убедить в том, что в Литве действительно хорошо жить всем. Но ошибкой было бы оценивать экономическое благополучие по строящимся большим домам и полным людьми кафе, ресторанам и кинотеатрам. Правда, мы имеем такой слой населения, который не стесняется в средствах, но, посмотрев на то, каким образом эти деньги были получены, я не чувствую радости. Хотя крепостничества старого типа в Литве уже давно нет, все-таки часто можно увидеть характерные признаки современного крепостничества. Теперь место старого дворянина занимают синдикаты фабрикантов, нечеловечески эксплуатирующие рабочих и потребителей.

Чтобы доказать этот факт я возьму лишь фабрики папирос и табака. Эта промышленная отрасль в Литве хорошо развита и дает большую прибыль. Но давайте посмотрим, как в этих предприятиях оплачивается труд рабочих, особенно женщин. Работающие женщины в день получают 3 лита, а календарный месяц имеет 25 трудовые дни. Таким образом, женщина получает 75 литов. Из этих денег отчисляется в больничную кассу, всякие штрафы и, наконец, выплачивается около 70 литов. Это еще «хорошая» зарплата. Многие женщины получают меньше 3 литов в день. Кроме этого, они работают не регулярно. Фабриканты принимают их как временных рабочих, и часто, спустя около 3 месяцев, их увольняют, чтоб не выплачивать им компенсации. От других женщин даже с самого начала, принимая в работу, берется подпись, что они, при увольнении с работы, не будут предъявлять никаких претензий по поводу компенсации.

70 литов — это сумма, с которой работающая женщина должна прокормиться, одеться и получить крышу над головой не

только себе, но часто и содержать семью из 2 или 3 человек. Прожиточный минимум в ноябре 1930 г. одному взрослому человеку составлял 91,68 лита; семье из 2 человек — 153,13, и семье из 5 человек — 266,56 (Статистический бюллетень №12 прошлого года). Статистическое бюро очень скупо подсчитало прожиточный минимум, но он значительно превышает фактическую зарплату работающей женщины. Таким критическим материальным положением рабочей женщины пользуются разные деляги, нанимая красивых девочек для некоторых «услуг», и платит им месячную зарплату. Не думайте, что это большая зарплата: она не достигает даже 50 литов в месяц, так как есть большой выбор.

Нельзя спокойно пройти и мимо санитарных условий, в которых работают люди в предприятиях. Нет даже кипяченой воды для питья работающим женщинам, а полотенца, которыми после работы женщины вытирают руки, ничем не отличаются от грязнейшей тряпки. Когда приходит городской санитарный врач осмотреть предприятие, его не пускают внутрь без разрешения владельца табачной фабрики. А пока последний даст разрешение врачу войти в фабрику, уже и чистые полотенца появится и пр. Одна более смелая работница, чтоб доказать санитарному врачу, какие в действительности «чистые» полотенца, принесла такое полотенце показать врачу на дом. И что в итоге? Работодатель ее обвинил в краже полотенца, подал в суд и уволил. Этот случай имел место на одной известной фабрике папирос».

С началом экономического кризиса капиталистического мира зарплаты стали падать. Например, в фабрике метала И. Вайлокайтиса в 1931 г. рабочие получали 6—7 литов в день, в 1932 г. — 4—5 литов. Рабочие лесопильнях Каунаса в 1931 г. получали 6—7 литов за день, в 1932 г. — 4—5 литов. В 1933 г. в газете коммунистического подполья «Балсас» №3 работница фабрики носков «Унион» писала:

«Сначала здесь работали 130 рабочих, а теперь лишь 80. Других уволили... без компенсации. Теперь работаем только 3 дня в неделю. Зарабатываем от 2,50 до 4 литов в день. Значит, за неделю зарабатываем 7,50—12 литов. Но 12 литов получают только специалистки. С такой зарплатой никоим образом прожить нельзя. Нам приходится голодать, а о плате за квартиру не может быть и речи. И если не платить пару месяцев, то просто выбрасывают из квартиры... Но это еще не все. Несмотря на очень маленькую зарплату, за каждый пустяк нас еще наказывают денежными штрафами... Кроме этого, фабрикант просто открыто крадет трудовые часы. Если кто-то работает 6 часов, то

напишет 5 или 4 часы. Если кто начинает требовать, то отвечает: «как хочешь, не хочешь — не работай»[1].

Так описывают источники того времени жизнь рабочих в «успешной» отрасли литовской промышленности. Не надо обладать уж очень развитым воображением, чтобы представить положение 200 тысяч безработных и еще полумиллиона членов их семей. Надеюсь, теперь понятно ликование миллионов работяг Прибалтики, когда они стали советскими гражданами. Это означало, по меньшей мере, что у них не будет вонючих полотенец; что массам женщин теперь не надо торговать собой за 50 литов в месяц при прожиточном минимуме, двукратно превышающим эту сумму; что безработица останется только в воспоминаниях.

Далее в статье Буткуса речь идет о литовских крестьянах (три четверти населения страны). Слабонервных я прошу перелистнуть эту страницу, не читая:

«В 1930—1931 гг. сельские рабочие получали 400—500 литов в год...

...В 1933 г. принимается новый «Закон о найме сельскохозяйственных рабочих», по которому трудовая зарплата уменьшается до: батраку — 200 литов в год, батрачке и батраку-подростку — 150. Рабочий день устанавливается от рассвета до заката. Разрешаются лишь 6 свободных дней в год и не больше чем два в месяц...[2]

...Условия, в которых приходилось жить сельским рабочим, напоминали рабские. Даже и газета Союза литовских христианских рабочих «Дарбининкас» 6 марта 1934 г. писала: «По всей Литве жизнь дворянских батраков в большинстве как в пещерах. По-человечески ли это, если по гнилым подоконникам гуляет ветер, окна забиты тряпками, дым идет больше во внутрь, чем через камин, нет никакого пола, только ямы и грязь, в которой ползает грязный маленький дитя».

В 1931 г. «Балсас» №12 писал:

«Из всей Литвы приходят вести, что кулаки и дворяне все чаще и чаще отказываются платить своим рабочим оговоренные зарплаты. Рабочий должен ходить и сняв шапку просить, чтоб заработанные кровные центы кулак вернул. Одни кулаки

---

[1] http://left.ru/2007/15/butkus167-2.phtml.

[2] Для советского колхозника обязательны были 117 трудодней в году. Остальное время он имел возможность отдыхать и работать на личном приусадебном хозяйстве (и свободно распоряжаться результатами своего труда).

день за день откладывают, говорят «приди завтра», ждут, пока надоест просить, другие дают несколько литов, а, если прийти просить больше, прогоняют и еще натравливают на собак. Еще другие, с окончанием года, не желая платить зарплаты, начинают придираться за любой пустяк, например, за отказ работать после заката, увольняют и прогоняют, не заплатив при этом зарплаты. Часто бывает, что кулак пристанет из-за чего-то, изобьет своего рабочего и прогонит. А те, которые получают хоть и нищенскую зарплату, должны работать по 18 часов в день, есть худшую еду.

Батракам теперь в моде давать снятое молоко, им скармливают и мясо зарезанного больного скота. Редкий кулак со своим наемником обращается по-человечески. Чаще всего его презирает, ругает, бранит. Когда рабочий заболевает, кулак его увольняет и заставляет идти нищенствовать. Рабочие из Коваркас (Укмергский уезд) рассказывают, что в их окрестности один кулак заболевшего рабочего зимой ввалил в сани везти якобы к врачу, а в действительности, когда вывез, выбросил на лед, где тот и умер.

Все чаще кулаки нанимают рабочих только для летних работ, а зимой нанимают одного и сваливают на него все работы по дому. В самых тяжелейших месяцах зимы рабочий и его семья, не получая работы, должны терпеть голод и холод, вынуждены нищенствовать. Дворяне нанимают только тех, у которых большая и взрослая семья. Поскольку платит только одному, а работать заставляют всех...»

Очень рекомендую прочесть статью Буткуса полностью. Это не поделка советского агитпропа, а исследование, написанное уже в «свободной» Литве XXI века. Любой может опровергнуть автора, но «демократические» литовские историки стараются не замечать подобных публикаций. Если же они и возражают, то обычно в таком духе: мол, под Сталиным крестьяне вообще мерли в 1930-е годы миллионами, видимо имея в виду знаменитый голодомор 1933-го. Вынужден разочаровать этих господ: голодомор — такая же легенда, как и «секретные протоколы» Молотова — Риббентропа, только гораздо более халтурно слепленная. Вес брехне про миллионы умученных голодом крестьян придает лишь «общеизвестность» этого факта. «Общеизвестное» не нуждается в доказательствах, которых попросту нет. Впрочем, не будем отвлекаться, о голодоморе надо писать отдельное разоблачение.

Возможно, столь стремительного обострения внутриполитических противоречий в Прибалтике с осени 1939 г. не ожидало даже советское руководство. Но в июне 1940 г., когда Герма-

ния была занята разгромом Франции и Великобритании, Кремль решительно вмешался в ход событий, предъявив правительствам прибалтийских лимитрофов требования ультимативного характера. Поводы были, разумеется, надуманными. Например, Литву Молотов обвинил в похищении нескольких советских военнослужащих, которые на самом деле дезертировали сами. Вот какие требования были предъявлены Литве:

«...Советское правительство считает абсолютно необходимым и неотложным:

1. Чтобы немедленно были преданы суду министр внутренних дел г. Скучас и начальник департамента политической полиции г. Повелайтис, как прямые виновники провокационных действий против советского гарнизона в Литве.

2. Чтобы немедленно было сформировано в Литве такое правительство, которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского Договора о взаимопомощи и решительное обуздание врагов Договора.

3. Чтобы немедленно был обеспечен свободный пропуск на территорию Литвы советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Литвы в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-литовского Договора о взаимопомощи и предотвратить провокационные действия, направленные против советского гарнизона в Литве.

Советское правительство считает выполнение этих требований тем элементарным условием, без которого невозможно добиться того, чтобы советско-литовский Договор о взаимопомощи выполнялся честно и добросовестно.

Советское правительство ожидает ответа Литовского правительства до 10 часов утра 15 июня. Непоступление ответа Литовского правительства к этому сроку будет рассматриваться как отказ от выполнения указанных выше требований Советского Союза».

15 июня, в 9 часов утра, г. Урбшис передал В. М. Молотову ответ о согласии Литовского правительства на условия, выдвинутые Советским правительством[1].

Подобные требования, мотивированные нарушением договоров с СССР о взаимопомощи, были вскоре предъявлены Эстонии и Латвии. Именно это вмешательство во внутренние дела

---

[1] Известия, 16 июня 1940 г.

прибалтийских стран сегодняшние пропагандисты объявляют противоправным актом агрессии со стороны СССР. Подобные обвинения выглядят совершенно смехотворно. Давление, оказанное Москвой на соседние страны, противоправным назвать нельзя. Нормы международного права, сложившиеся во второй половине XX века, действительно, формально осуждают вмешательство во внутренние дела суверенных государств, предъявление ультиматумов под угрозой применения силы не считается ныне легитимным. Хотя, разумеется, в межгосударственных отношениях действуют не писаные правила, а право сильного.

Если же мы ведем речь о событиях 1930-х — 1940-х годов прошлого века, то следует принимать во внимание историзм права и морали. В те годы предъявление ультиматумов было общепринятой дипломатической практикой, не отрицалось нормами международного права и не осуждалось общественным мнением. Германия в марте 1939 г. под угрозой применения силы потребовала от Литвы вернуть захваченный ею в 1923 г. немецкий город Мемель (Клайпеду). Литва вынуждена была согласиться на это. Западные державы не сочли нужным воспрепятствовать такой политике и признали воссоединение Мемельского края с Германией, хотя ранее они точно так же дружно признали захват Литвой Мемеля, имевшего статус вольного города под эгидой Лиги Наций. В марте 1938 г. польское правительство в ультимативной форме потребовала от Литвы прекращения состояния войны, длившегося с 1920 г., отказа от территориальных претензий к Польше и установления дипломатических отношений. Советский Союз, в свою очередь, оказал решительное давление на Польшу, пригрозив ей возможной войной, если та совершит агрессию против Литвы. Не будем даже вспоминать, с каким пониманием отреагировало международное сообщество на ультиматум Гитлера Чехословакии в отношении Судет. В этом ключе действия Советского Союза в прибалтийских странах в июне 1940 г. полностью соответствовали нормам международного права. А уж коли говорить о морали, то разве можно считать аморальным то, что Советский Союз принес массам трудящихся освобождение от буржуазной «демократии» со всеми ее прелестями, описанными выше?

К тому же «историки», обвиняющие СССР в агрессивных действиях против маленьких и миролюбивых стран Балтии, отчего-то забывают о том, что эти мирные малютки как раз не чурались проявлять агрессивные намерения в отношении своего восточного соседа. В примечаниях к сборнику «Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы в двух томах» (составлен МИД СССР в 1990 г.) есть следующая информация:

«Обсуждение вопроса о совместных военных действиях Германии и Эстонии против Советского Союза в случае советско-германской войны началось еще в 1938 г. Германский посланник в Эстонии Фровайн, сообщая в Берлин 5 июля 1938 г. о своей беседе с начальником штаба эстонской армии Рэком, писал, что для Эстонии было бы очень важно, чтобы в случае войны Германия осуществляла контроль над Балтийским морем. «Генерал Рэк признал это,— писал Фровайн,— и заявил далее, что Эстония также может оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив мог бы быть очень легко заминирован против советских военных кораблей, не привлекая никакого внимания. Имеются также и другие возможности»[1].

Советская разведка была прекрасно осведомлена об этих и многих других фактах, тем более, что некотрые недружественные акты проводились демонстративно, как например, приглашение германских военных кораблей для проведения маневров вблизи советских территориальных вод в Финском заливе.

Что же касается процедуры присоединения Литвы, Латвии и Эстонии к СССР в качестве союзных республик, то на формальную сторону вопроса можно посмотреть с разных точек зрения. Инициатива исходила от избранных в июле 1940 г. парламентов этих стран. По официальным данным, в Эстонии явка составила 84,1%, при этом за Союз трудового народа было отдано 92,8% голосов, в Литве — 95,51%, из которых 99,19% проголосовали за Союз трудового народа, в Латвии явка зафиксирована на уровне 94,8%, за Латвийский рабочий народный блок было отдано 97,8% голосов. Некоторые «историки» объявляют результаты этих выборов сфальсифицированными Москвой, но они никак не могут объяснить, каким же образом она могла контролировать деятельность тысяч избирательных комиссий на территории соседних государств. В то время ни сами прибалты, ни зарубежные страны, включая враждебные СССР, не подвергали сомнению результаты народного волеизъявления. Официально этого никто не сделал до сих пор.

Некоторые критики в качестве единственного доказательства фальсификации указывают то, что при голосовании избирателю в паспорт ставили штамп — это, дескать, до ужаса перепугало местных граждан. Но сегодня в Латвии так же делаются отметки в паспорте о голосовании, и даже высказываются мысли о том, что

---

[1] Akten zur deutschen auswartigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 5. S. 384.

участие в выборах должно стать не правом, а обязанностью граждан (дескать, у кого не будет штампа в паспорте — того штрафовать). Зачем проштамповываются латвийские паспорта сегодня, я понять не в силах, а в 1940 г. это делалось лишь затем, чтобы исключить возможность двойного голосования — ведь регистрации по месту жительства у людей не было, а потому можно было ходить с одного участка на другой и голосовать много раз. Дело осложнялось тем, что списков избирателей тоже не существовало, поскольку выборы в стране не проводились, и составить их за несколько дней было абсолютно нереально.

Но не все так гладко. Сегодня позиция официальной Риги базируется на том, что присоединение Латвийской республики к СССР было незаконным, поскольку по действующей на тот момент Конституции для этого требовалось проведение всенародного плебисцита. К тому же латвийские власти считают проведенные выборы недемократическими, поскольку в выборах участвовал лишь один список кандидатов Латвийского рабочего народного блока. Мое мнение однозначно: любые выборы — процесс управляемый (см. главу «Депутаты»), а кем этот процесс управляется — «демократическими» денежными мешками или тоталитарными администраторами, непринципиален. Выборы — это лишь формальность, долженствующая придать легитимность сложившемуся положению вещей. Нынешние выборы в РФ гораздо менее демократичны, нежели выборы в латвийский сейм 15 июля 1940 г., потому что сегодня массовый характер носит принуждение к участию в оных и угрозы репрессий за «неправильное» голосование[1]. Про тотальную фальсификацию результатов голосования я даже не вспоминаю, ибо это совершенно очевидно. Нередки случаи, когда во многих населенных пунктах из урн вынимается больше бюллетеней, нежели зафиксировано избирателей, и даже больше, чем здесь проживает людей, включая новорожденных младенцев. Между тем даже эти тотально сфальсифицированные выборы являются легитимными, поскольку их результаты признают сами избиратели.

Что касается Латвии 1940 г., то ни у латвийских властей, ни тем более, у советских солдат не было никакой реальной возможности заставить население участвовать в голосовании во-

---

[1] Например, губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Юрий Неелов неоднократно делал в г. Ноябрьске публичные заявления, что если город «неправильно проголосует», он будет посажен на голодный бюджетный паек. Причем свои угрозы он по мере сил приводил в исполнение в тех случаях, когда население поддерживало на выборах неугодных ему кандидатов.

преки желанию. Тот, кто считал выборы недемократическими, мог их безнаказанно саботировать. Правильность подсчета голосов в данном случае абсолютно не важна, ибо победить мог только один список кандидатов. Таким образом вопрос легитимности этих выборов заключается в одном — посетило избирательные участки более 50% избирателей, или нет. Когда латвийские власти докажут, что выборы были проигнорированы большей частью электората, я с готовностью признаю, что выборы не состоялись.

А вот насчет недемократичности выборов в сейм — так тут чья бы корова мычала, а уж латвийской лучше помолчать. У власти в тот момент находился фашистский диктатор Ульманис, который совершил в 1934 г. военный переворот, и никакой демократией в стране даже не пахло. Да, присоединение Латвии к СССР без проведения всеобщего референдума противоречило действующей Конституции ЛР, но вся штука в том, что эта Конституция в тот момент не действовала de jure и de facto. Ведь она не предусматривала установления в стране режима личной диктатуры, а стало быть, утратила силу 15 мая 1934 г. В соответствии с 81-й статьей Конституции Латвии решение о назначении выборов мог принять лишь предыдущий состав самого сейма, а не правительство, как это имело место в 1940-м. Однако это не довод в пользу антиконституционности тех выборов, а красноречивое подтверждение того факта, что латвийская Конституция после разгона сейма диктатором Ульманисом утратила силу — некому было назначать выборы, сейм-то был разогнан за шесть лет до этого.

Наконец, основной аргумент латвийских властей в пользу того, что их страна подверглась оккупации, и потому проведенные позже выборы не имеют силы — ввод дополнительных частей Красной Армии на основании предъявленного Молотовым ультиматума. Дескать, не может быть свободных выборов под угрозой иностранных штыков[1]. Снова напомню, что до того момента в Латвии не было избранного парламента, пусть даже и несвободно, с 1935 г. в стране вообще не проводилось никаких выборов. А угроза действенна лишь в том случае, если она таковой воспринимается. Как же отнеслось население к вводу дополнительных частей РККА? Вот позиция независимого источника:

---

[1] Кстати, а почему в этом случае Латвия сама пригласила на свою территорию войска НАТО? И почему она признает выборы в оккупированных США Ираке и Афганистане? Наверное потому, что в составе оккупационных сил есть и латвийский контингент.

«1940.06.18 Латвия. Рига. Посол Великобритании К.Орд направил в Лондон шифротелеграмму за № 286: «Вчера вечером в Риге имели место серьезные беспорядки, когда население, значительная часть которого встречала советские войска приветственными возгласами и цветами, вступило в столкновение с полицией. Сегодня утром все спокойно»[1].

На следующий день в Риге имели место новые антиправительственные демонстрации, столкновения с войсками и полицией. Дальше — больше. Цитирую тот же источник:

«1940.06.21. Латвия. Рига. 70-тысячная манифестация в поддержку правительства А. Кирхенштейна. Ее участники требовали устранения президента К. Ульманиса, организации советской власти и присоединения Латвии к Советскому Союзу. Демонстрацию приветствовали А.Вышинский и полпред СССР в Риге В. Деревянский. Освобождены политзаключенные из столичной тюрьмы. Шифротелеграммы посла Великобритании К.Одса №301: «Братание между населением и советскими войсками достигло значительных размеров».

Вот вам и ответ на вопрос, в ком население видело врага, а в ком друга.

С точки зрения избирательных технологий голосование 14 июля 1940 г. носило протестный характер. Попросту говоря, правящий режим так достал население, что оно почти единодушно выразило ему свое недоверие. Вполне допускаю, что присоединению Латвии к СССР желало менее, чем 97,8% избирателей, принявших участие в голосовании избирателей, выразивших поддержку «Блоку трудового народа». Но то, что эти люди не хотели видеть у власти режим Ульманиса, сомнению не подлежит. Сегодня официальная Рига утверждает, что многотысячные демонстрации в поддержку выборов в сейм были организованы провокаторами НКВД. Однако как они объяснят то, что на этих митингах высказывалось нежелание проводить выборы, в которых была заинтересована Москва? Снова обратимся к порталу «Хроно.ру»:

«1940.07.05. Латвия. Рига. В связи с публикацией постановления правительства о выборах в сейм, в столице состоялась демонстрация, участники которой несли портреты советских ру-

---

[1] http://www.hrono.ru/sobyt/1940prib.html

ководителей, а также большое количество лозунгов с требованием присоединения Латвии к Советскому Союзу, установления в Латвии советской власти. Были и такие «не совсем политически грамотные» лозунги, как, например, «Предоставить власть Сталину и Молотову». Митинг состоялся и перед зданием полпредства СССР. На нем выступил с речью А.Вышинский. Отвергая призыв Вышинского принять активное участие в выборах в сейм, демонстранты кричали, что они не доверяют сейму, не нуждаются в выборах и требуют установления советской власти и немедленного присоединения к Советскому Союзу».[1]

Вновь избранные парламенты уже 21—22 июля провозгласили создание Эстонской ССР, Латвийской ССР и Литовской ССР и приняли Декларации о вхождении в СССР. 3—6 августа 1940 г., в соответствии с решениями Верховного Совета СССР, эти республики были приняты в состав Советского Союза. Латвийский президент Карлис Ульманис скреплял своей подписью все законодательные акты нового просоветского правительства Латвии, и даже инициировал 12 июля закон о борьбе с вредительством, а после провозглашения Латвийской Советской Социалистической Республики сложил с себя все полномочия. 22 июля 1940 г. он бежал из Латвии, опасаясь ответственности за военный переворот, совершенный им в 1934 г. и преследование политических противников в период своей диктатуры. А теперь внимание, будет очень смешно: Ульманис бежал из Латвии... в Москву. По другим данным, он был насильно депортирован из страны. Неопровержимых доказательств не имеет ни та, ни другая версия, однако сведений о том, что Ульманис был лишен свободы, нет, и потому версия о побеге кажется более правдоподобной. В СССР бывший латвийский диктатор поселился в Ставрополе (тогда Ворошиловске), работал агрономом. Вскоре после начала Великой Отечественной войны был арестован, заболел и умер в тюрьме 20 сентября 1942 г. В 1993—1999 гг. Латвией правил его внучатый племянник Гунтис Ульманис. В этот период Карлис Ульманис был официально канонизирован.

Эстонский президент-диктатор Константин Пятс был арестован советскими властями в конце июля 1940 г. и депортирован с семьей в Уфу, где был вскоре арестован и осужден на 25 лет лишения свободы. Умер он в заключении в 1956 г. А вот литовский вождь Анастатас Сметона после предъявления Литве советского

---

[1] http://www.hrono.ru/sobyt/1940prib.html

ультиматума 14 июня 1940 г. сразу смекнул, что дело запахло жареным, и удрал в Германию, передав свои полномочия премьеру Антанасу Меркису, который так же, как и Ульманис, активно сотрудничал с новым народным правительством Литвы. Сметона из Германии перебрался в Швейцарию, а оттуда в США, где погиб при пожаре в 1944 г. Меркис, впрочем, не устроил Москву, и потому сложил свои полномочия, передав бразды правления левому деятелю Юстасу Палецкису, который с 1940 г. по 1967 был председателем Президиума Верховного Совета Литовской ССР.

Подавляющее большинство населения Литвы, Латвии и Эстонии одобрило присоединение к СССР. Ни одного явного случая сопротивления или выражения протеста зафиксировано не было. Согласен, что население Прибалтики поддерживало просоветский политический курс скорее голодным желудком, нежели трезвым рассудком, но осуждать тех же литовцев за то, что они так легко отказались от независимости, не стоит. Кому нужна независимость, если при ней дети не могут посещать школу, старики умирают из-за невозможности получить медицинскую помощь, а батраки и рабочие вынуждены работать в буквальном смысле слова за еду?

Я уж молчу про угнетение нацменьшинств, вопиющее социальное неравенство, политические репрессии и культурный упадок. Кто-то сегодня считает, что уровень культуры в Прибалтике выше, чем в РФ, и даже соответствует европейскому. Вопрос более чем спорный, но если и согласиться с этим, то придется признать, что культурный расцвет в Прибалтике произошел именно в период «советской оккупации». По количеству писателей на душу населения Латвийская ССР занимала первое место не только в Советском Союзе, но и в мире. Попробуйте же назвать тех латвийских писателей, музыкантов, ученых, которых явила миру созданная германскими оккупационными властями в 1918 г. республика?

В качестве исторического курьеза сегодня частенько вспоминают об одной пропагандистской кампании, которая имела место в Эстонии в середине 30-х годов. Проходила она под таким лозунгом: «Каждому хутору — свой сортир!». Если в быт русских крестьян отхожее место прочно вошло в незапамятные времена, то эстонцы, как истинные носители европейской культуры, продолжали гадить, буквально не сходя с крыльца (зимой-то до куста пока добежишь — все отмерзнет). Излишне говорить, что такая практика способствовала широкому распространению инфекци-

онных заболеваний. И хотя президент Пятс лично вручал премии обладателям наиболее комфортабельных сельских сортиров, современные санитарно-гигиенические нормы утвердились в эстонском обществе только при советской власти.

А теперь попробуйте ответить на вопрос: какое отношение к вхождению прибалтийских лимитрофов в состав СССР имел советско-германский договор о ненападении? Допустим на минуту, что «секретный протокол» Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 г. действительно существовал: как он мог повлиять на согласие прибалтийских государств заключить договор о взаимопомощи с СССР? Каким образом гипотетическое наличие протокола могло отразиться на результатах парламентских выборов 1940 г.? И уж совершенно невозможно связать существование некоего «секретного протокола» с массовыми демонстрациями, на которых голодные рабочие (и особенно безработные), крестьяне (в особенности, безземельные батраки) требовали присоединения к Советскому Союзу. Здесь налицо даже не спекуляция на казуистическом трактовании причинно-следственных связей между этими событиями, а демонстративный отказ хоть как-то объяснить связь между ними.

Вот, например, что говорится в решении Европейского суда по правам человека (14685/04, PENART v Estonia):

«Суд отмечает, что Эстония потеряла независимость в результате Договора о ненападении между Германией и СССР (известного также как Пакт Молотова — Риббентропа), заключенного 23 августа 1939 года, и дополнительных секретных протоколов. Вслед за ультиматумом о размещении в Эстонии советских военных баз в 1939, в июне 1940 года произошел ввод крупных сил советской армии. Законное правительство было свергнуто, и советское правление было установлено силой. Тоталитарный коммунистический режим Советского Союза провел широкие и систематические акции против населения Эстонии, включая, например, депортацию 10 тыс. человек 14 июня 1941 и более 20 тыс. человек 25 марта 1949 года. После Второй мировой войны десятки тысяч человек ушли в леса с целью избежать репрессий со стороны советских властей. Часть из них активно сопротивлялась оккупационному режиму. Согласно данным органов безопасности, около 1500 человек были убиты и почти 10 000 арестованы в период движения сопротивления 1944—1953»[1].

---

[1] Цит. по: Полпреды сообщают... М.: Международные отношения, 1990 г.

Перед нами типичный образчик пропаганды времен холодной войны, когда основной упор делается не на факты и логику, а на ложь и эмоции. Нынешние эстонские идеологи не только не отказались от такого подхода, но лишь «уточнили цифры», поскольку полторы тысячи убитых в перестрелках бандитов и нацистских диверсантов их не очень впечатлили. Историк и бывший премьер-министр Эстонии Март Лаар утверждает, будто в послевоенные годы по политическим соображениям в Эстонии было арестовано не менее 53 000 человек. Не скупится он и на невинно убиенных, только к числу жертв Гулага приписывая 11 тысяч умерших от голода и непосильного труда. Всех политиков переплюнул, пожалуй, президент Литвы Адамкус (во время войны воевал против Красной Армии на стороне Германии). Объясняя свой отказ приехать в Москву на торжества в честь 60-летия Победы, он заявил, что *«более 350 тыс. литовцев, иными словами, каждый десятый, были вывезены в ГУЛАГ или убиты в Литве»*. А уж свободная прибалтийская пресса (свободная от морали и здравого смысла) вообще патологически кровожадна: встречаются утверждения о миллионе граждан, подвергшихся репрессиям со стороны советских властей или в иной интерпретации о 15% населения. Эти, и множество подобных вымыслов убедительно опровергнуты честными исследователями (см., например, книгу Александра Дюкова и Игоря Пыхалова «Великая оболганная война-2. Нам не за что каяться»).

Латыши также не блещут убедительностью доводов, когда обосновывают то, что Латвия была оккупирована СССР в 1940 г. Официальные власти оперируют не юридическими нормами, а идеологическими штампами. Вот, например, цитата из «Декларации об оккупации», принятой сеймом ЛР 22 августа 1996 года:

«Развитие Латвии как независимого государства прервал заключенный двумя тоталитарными державами — национал-социалистической Германией и коммунистическим СССР — 23 августа 1939 года договор о ненападении (пакт Риббентропа — Молотова), целью которого было разделить Европу на сферы влияния».

И все, на этом аргументация латвийских парламентариев иссякает.

Нынешние шаманы от пропаганды старательно обходят стороной тот факт, что части Красной Армии вошли в Прибалтику именно в 1939 г., а не в 1940 г. Обычно они начинают свои вопли об оккупации с того, что, дескать, кровожадный Сталин заключил

23 августа 1939 г. с таким же тираном Гитлером дьявольский пакт, по которому тот разрешил Советам оккупировать Прибалтику, и сразу перескакивают к событиям июня 1940 г. Этим они добиваются того, что у неискушенного обывателя складывается впечатление, будто советские войска бесцеремонно вторглись в Прибалтику лишь в 40-м, чтобы оккупировать и советизировать маленькие, но свободолюбивые Литву, Латвию и Эстонию. И хотя ни малейшей связи между заключением советско-германского пакта о ненападении и присоединением прибалтийских государств к СССР нет, ныне 23 августа во всех трех республиках отмечается общенациональный день скорби. Эта дата усиленно сакрализуется и мифологизируется, на страшилках о «секретных протоколах» базируется нынешняя государственная идеология Литвы, Латвии и Эстонии, эти же мифические «секретные протоколы» лежат в основе концепции советской оккупации.

Если не было оккупации, то что же было, спросит читатель. В юридическом лексиконе можно отыскать понятие, предельно точно характеризующее прибалтийские события июня-августа 1940 г. — инкорпорация, то есть присоединение к государству новой территории, представлявшей ранее независимое государство. Инкорпорация предполагает правовое, на основе договора или плебисцита, а не принудительное присоединение. После инкорпорации граждане присоединенного государства пользуются всеми правами и свободами той страны, в которую включается данная территория, а зачастую получают значительные привилегии. Например, после инкорпорации Финляндии в Российскую империю в 1809 г. подданные Великого княжества Финляндского пользовались политическими и экономическими (налоговыми) привилегиями. Инкорпорированное в состав империи шестью годами позже Царство Польское не только не платило налоги в общероссийскую казну, но и получало из нее дотации на содержание собственной армии. В 1940 г. инкорпорация не дала прибалтам особых преимущество, но, скажем, права частной собственности были значительно более широкими, нежели в остальных республиках СССР. Коллективизация в Прибалтике началась лишь в 1947 г., частное хуторское хозяйство сохранялось до 50-х годов.

Некоторые современные прибалтийские «историки» вроде бы стесняются говорить об оккупации, но инкорпорацию 1940 г. объявляют насильственной. Ребята, «насильственная инкорпорация» — это перл из того же разряда, что «добровольная оккупация». Последние годы МИД РФ пытается огрызаться на во-

пли вконец оборзевших прибалтийских политиков с требованием компенсировать полувековую «оккупацию», но все «решительные заявления» чиновников лавровского МИДа напоминают тявканье беззубых щенков. Мало того, что эти дегенераты признают существование «секретных протоколов», так они еще и не знают слова «инкорпорация». Я бы рад их просветить, да боюсь, что профессиональные предатели национальных интересов в этом не заинтересованы. Успешно торговать Родиной оптом и в розницу вполне можно и с неразвитым интеллектом.

Вообще-то, нелишне было б напомнить оккупационно озабоченным прибалтийским политикам, что учреждена их независимость была как раз оккупационными властями кайзеровской Германии. Вождь литовских националистов Сметона даже провозгласил унию с Германской империей, пригласив на престол немецкого принца Вильгельма фон Ураха, который должен был стать королем Миндаугасом II. Разве что эстляндские националисты во главе с Константином Пятсом успели объявить о независимости Эстонии 24 февраля 1918 г. за несколько часов до вступления в Таллин немцев. Те, разумеется, самостийную лавочку быстро прикрыли, и лишь после ноябрьской революции в Германии оккупационные власти в Эстонии по указанию из Берлина сформировали марионеточное «национальное» правительство во главе все с тем же Пятсом. После ухода немцев в Эстонию вернулись большевики, формально признавшие независимость Эстонии 7 декабря 1918 г. В январе 1919 г. они контролировали почти всю территорию страны, находясь в 35 км от Таллина. Тут бы эстонской независимости и крышка, если бы не подошедшие эстонцам на помощь морем английские интервенты.

Значительную помощь сепаратистам оказал и Особый Псковский Добровольческий корпус Белой армии. Эстонцы вскоре сполна «отблагодарили» беляков за помощь в обретении независимости. В 1919 г. эстонские формирования приняли участие в походе Юденича на Петроград, но потом бросили фронт и закрыли свои границы, перерезав Юденичу каналы снабжения. Этим тут же воспользовались красные, высадившие десанты на балтийском побережье и полностью блокировавшие белогвардейцев. В ноябре 1919 года Эстония согласилась впустить в страну части белых только при условии, что они сдадут оружие, военное имущество и знаки различия (последнее, видимо, в качестве издевательства). В 1919—1920 гг. от болезней и голода в лагерях на территории Эстонии перемерла большая часть интернированной Эстонией Северо-Западной армии генерала Юденича

и значительная часть беженцев. Об этом, кстати, нелишне вспомнить, когда официальный Таллин ставит в вину русским то, что в Гулаге умерли (причем, в большинстве случаев естественной смертью) несколько сотен бывших эстонских эсэсовцев и прочих коллаборационистов.

Второй эпизод эстонской независимости отмороженные на всю голову местные «историки» относят к 1944 г. Олицетворением ее они считают некое «национальное правительство» Отто Тиифа, сформированное «временным президентом Эстонии» Юри Улуотсом (премьер-министр в 1938—1940 гг.), якобы правившее страной в промежутке между отступлением вермахта и приходом Красной Армии. Вообще-то никакого промежутка не было — части Эстонского стрелкового корпуса Красной Армии ворвались в Таллин буквально наступая на пятки удиравшим немцам, захватив в городе богатые трофеи и пленных. А «временный президент» Улуотс на поверку оказывается заурядным нацистским прихвостнем, который активно помогал немцам вербовать из местных жителей коллаборационистские вооруженные формирования, включая части СС и карательные полицейские отряды. Оккупанты даже подумывали назначить Улуотса главой местного «самоуправления» при рейхскомиссариате «Остланд», но этому воспротивился действующий глава доктор Мяэ. К сожалению «президенту» Улуотсу не удалось понюхать гулаговской параши, как большинству «министров» тифовского «правительства», потому что он перед приходом Красной Армии удрал в Швецию, где вскоре умер. А вот сагитированные этим подонком добровольцы из 20-й гренадерской дивизия ваффен-СС «Эстланд», воевали во имя Третьего рейха до мая 1945 г., пока остатки дивизии не были пленены советскими частями под Прагой уже после капитуляции Германии. Ныне официальный Таллин считает этих эсэсовцев борцами за независимость Эстонии. Правда, отстаивали эстляндскую независимость эти соколики подозрительно далеко от своей исторической родины, да и присягали они не эстонскому народу, и даже не Улуотсу с Тифом, а лично фюреру, но для эстонских «историков» это ничего не значащие нюансы. Что, смешно? Тем не менее, МИД Эстонии на полном серьезе считает деятельность Улуотса актом эстонской независимости.

Наконец, нынешнюю независимость Эстонии объявила... советская «оккупационная администрация». А как же иначе, ведь эстонские власти считают свою страну оккупированной с 1940 г. по 1991 г., а декларацию о суверенитете принял 16 ноября 1990 г. Верховный Совет Эстонской ССР. То есть провозглашение неза-

висимости состоялось не только в условиях «оккупации», но еще и советским органом власти, который был сформирован «оккупационным режимом». Правда, вопрос о сроках оккупации можно оспорить. Если эстонцы считают сам факт присутствия на территории советских войск актом оккупации, и только на основе этого объявляют парламентские выборы 1940 г. сфальсифицированными, то «советская оккупация» завершилась лишь 31 августа 1994 г., когда последний русский солдат покинул республику. То есть по аналогии мы можем говорить о том, что любые выборы в Эстонии до сентября 1994 г. проходили под контролем оккупационных войск.

Совершенно смехотворно выглядят тезисы о том, что, дескать, мировое сообщество, и прежде всего США и Великобритания не признали «оккупации» или даже инкорпорации стран Балтии в СССР. Хочу напомнить, что послевоенные границы в Европе были начертаны на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. именно президентом США Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Черчиллем совместно с главой советского правительства маршалом Сталиным. И на той карте Европы, которую утвердили союзники, не было независимых Литвы, Латвии и Эстонии, какие бы казуистические заявления сегодня ни делал американский Государственный департамент.

Чтобы лучше понять оккупационный феномен прибалтийских политиков и «историков», следует обратиться к медицинской науке. Психиатрии известно такое расстройство рассудка — синдром ложной памяти. Чаще всего страдают им женщины, которые вдруг «вспоминают», что в детстве их насиловал школьный учитель, отец, инопланетяне или сатанисты на кладбище. Причем они испытывают болезненное удовлетворение от того, что выносят свои проблемы на публику — жалуются незнакомым людям, подают в суд на мнимых насильников, пишут исповедальные письма в газеты. Так вот, прибалты очень напоминают барышню, которую никто не насиловал, она совершенно добровольно отдавалась пять столетий всем подряд: немцам, затем полякам или шведам, русским, снова немцам, опять русским, ныне — американцам. Но сегодня, размахивая рваными трусами полувековой давности, эта дама истошно вопит о своей поруганной невинности, требует сочувствия, публичных извинений и компенсации за моральный вред. Прибалты болезненно фетишизируют «акт насилия», упиваются имиджем жертвы, создавая музеи оккупации. В пределы России не раз вторгались интервенты, но никому и в голову не приходит создавать музей, посвященный надруга-

тельству Наполеона над Москвой или музей монголо-татарского ига. Нынешняя власть даже в рамках пропаганды эрзац-праздника 4 ноября не додумалась создать мемориал польской оккупации XVII века.

Иногда доходит до совершенно фантастического маразма. В 1997 г. в Германии разразился скандал по поводу представленных латвийским правительством списков уцелевших жертв нацизма для получения денежной компенсации. К 120 узникам нацистских концлагерей Латвия добавила 10 тысяч ветеранов ваффен-СС. Оцените-ка, с какой готовностью латыши готовы быть жертвами, если за это платят!

Синдром ложной памяти чаще всего возникает в результате неправильного психотерапевтического лечения или злонамеренного внушения[1], в том числе и гипнотического. У населения прибалтийских стран в течение последних 20 лет искусственно культивируется в массовом сознании синдром ложной памяти о «советской оккупации». Поэтому не стоит проявлять к ним по этому поводу какую-либо агрессию, совершенно бесполезно убеждать их в том, что все на самом деле было не так, даже самые очевидные аргументы пораженный рассудок отвергает. Относиться к прибалтам нужно деликатно, как к больным людям, но ни в коем случае не следует потакать их иллюзиям — это только усугубит массовое умопомрачение.

---

[1] «На недавней конференции по синдрому ложной памяти Элизабет Лофтус, профессор психологии Вашингтонского университета в Сиэтле, рассказывала, как легко внушить человеку то, чего на самом деле не было. Серия наводящих вопросов, умело сформулированные предложения — и готово. В одном эксперименте психологи без труда убедили взрослых его участников, что в детстве их госпитализировали с острой болью, и что когда им было пять лет, они однажды потерялись в торговом центре. Некоторые участники эксперимента дополняли это «воскрешенное» якобы воспоминание множеством подробностей. То же самое произошло и с дошкольниками, которых психолог из Корнельского университета Стефен Сеси еженедельно расспрашивал о воображаемом событии. На десятой неделе они сами рассказали ему об этом событии, приукрасив его новыми деталями. Событие было простое: ребенку внушалось, что он сунул руку в мышеловку, она захлопнулась, и его пришлось отвезти в больницу, где знают, что делать в таких случаях. Ни родителям, ни экспериментаторам не удалось разубедить половину детей и внушить им, что никакой мышеловки не было». *Валентина Панова.* Синдром ложной памяти // «НЛО», №34, 2000 г., http://news.ofo.ru/ofonews/8299/index.html

ИСХОД

Кто-то может заподозрить меня в ксенофобии: мол, автор пытается внушить, что «секретные протоколы» сфабриковали западные спецслужбы, чтобы разрушить СССР. Ну, подумаешь, канцлер Коль соврал, что располагает оригиналами этих документов — наверное, ошибся. Что с того, что Херварт набрехал, будто лично звонил фюреру — он просто чудачествовал в духе барона Мюнхгаузена. И государственный департамент США издал сборник липовых документов в 1948 г. исключительно из интереса к историографии. При чем тут Запад? На Западе демократия и свобода, а тамошние политики не занимаются закулисными провокациями, а работают совершенно открыто в черных смокингах и белых перчатках. Между тем есть множество фактов, неопровержимо доказывающих, что провокация с «секретными протоколами» целенаправленно осуществлялась Западом с целью развала Советского Союза.

Как сообщает «Википедия», 23 августа 1986 г. был впервые широко отмечен День черной ленты в память о демоническом пакте Молотова — Риббентропа. И где же собрались протестующие? Вот перечень основных мест: Нью-Йорк, Стокгольм, Лондон, Торонто, Сиэтл, Перт (Австралия). Всего акции в День черной ленты прошли в 21 зарубежном городе. Думаю, не стоит объяснять, что когда по всему миру в один и тот же день проходят массовые манифестации в знак солидарности с маленькими балтийскими народами, томящимися под гнетом советской оккупации, стихийностью и случайностью это никак объяснить невозможно. Отчего-то 40 лет западная общественность совершенно не переживала по поводу свободы Балтии, и вдруг...

На следующий год зарубежные радиостанции, вещающие на территорию советской Прибалтики, призывают население выходить на митинги протеста против депортаций. Местная демократическая общественность охотно откликается на эту идею, однако массового характера эти выступления еще не носили. 3 июня 1988 г. в Литве проходит учредительная конференция Движения за перестройку «Саюдис», на которой присутствует 36 человек. Возможно, это простое совпадение, но «Саюдис» создан на сле-

дующий день после знаменитого выступления Маврика Вульфсона на Пленуме творческих союзов Латвии, где его публичное выступление о «секретных протоколах» произвело эффект разорвавшейся бомбы. 14 июня «Саюдис» проводит политическую акцию протеста против депортации 1941 года, в которой участвуют 200 человек. Через несколько дней на площади Гедиминаса состоялся двадцатитысячный митинг, посвященный проводам делегатов 19-й Всесоюзной партийной конференции и вручению им наказов от имени сторонников нового движения. Встречали вернувшихся делегатов уже несколько десятков тысяч человек. 23 августа на многотысячном митинге в Вильнюсе по случаю 49-й годовщины подписания «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа обнародована программа «Саюдиса», взявшего курс на раскол СССР.

В Латвии и Эстонии все происходило гораздо скромнее. 13 апреля 1988 г. идею создания НФЭ в прямом эфире эстонского телевидения выдвинул экономист Эдгар Сависаар. В ту же ночь была создана инициативная группа и составлена декларация движения, позиционировавшаяся первоначально как легальная демократическая оппозиция. Эстонские сепаратисты поначалу не устраивали собственные акции, а применяли прием, который политтехнологи называют «захват мероприятия». Презентация Народного фронта Эстонии прошла во время традиционного июньского фестиваля на Певческом поле, где собралось до 100 тысяч человек. Народнофронтовцы распространяли свою символику и агитматериалы. Тот фестиваль вошел в историю под названием «Поющая революция».

В Латвии идея создания Народного фронта родилась на Пленуме творческих союзов, проходившем 1—2 июня 1988 г. Это было весьма хорошо спланированное мероприятие, и скандальное выступление Вульфсона, конечно же, не было его самочинной хулиганской выходкой, как бы он ни пытался представить дело именно так. Пленум принял очень радикальную резолюцию: Латвийская ССР должна была обрести «реальный суверенитет» с латышским языком в качестве единственного государственного; формально оставаясь в составе СССР, она должна получить независимое представительство в ООН, собственные военные формирования с командованием на латышском языке, экономическое самоуправление и право запрещать иммиграцию из других республик СССР. Спрашивается, что же тогда будет связывать Латвию с СССР? Серьезную политическую поддержку получило выступление Вульфсона и в... Вашингтоне. Его вдова, Эмма Брамник-Вульфсон так писала об этом в 2006 г. в журнале «Republika.lv»:

«Материалы пленума мы направили в Кремль Михаилу Горбачеву, а в августе 1988 года к оценке тех событий о судьбе прибалтийских стран, высказанной Мавриком в его речи, присоединилась и группа конгрессменов США. После выступления Вульфсона на пленуме его точка зрения уже ни в Москве, ни в Вашингтоне не могла рассматриваться как выходка провинциальных бунтарей, которая распаляется, а потом с шипением остывает где-то у вод Балтийского моря»[1].

Латвийский Народный фронт возглавил Дайнис Иванс, получивший известность благодаря своей борьбе против строительства Даугавпилской ГЭС. Не стоит удивляться, сепаратистские движения зачастую возникали как экологические и культурно-исторические общества, так было безопаснее. Ну а потом виновными в загрязнении моря и упадке национальной культуры, естественно, объявлялись проклятые русские оккупанты. Но это потом.

Кстати, озабоченность проблемами экологии сразу улетучилась в странах Прибалтики сразу с обретением независимости. 3 апреля 1987 года планы правительства начать разработку фосфоритного месторождения на севере Эстонии привели к кампании протестов в средствах массовой информации и возникновению движения «зеленых». Пропагандировалось мнение, что разработка месторождения неизбежно нарушит водоснабжение всех прилегающих областей. Еще в 1971 году для предотвращения добычи фосфоритов был создан первый в Советском Союзе Лахемааский национальный парк. В настоящее же время месторождение успешно разрабатывается шведским холдингом. Будучи в составе СССР, эстонцы могли не очень-то беспокоиться о своей экономике, их больше заботил комфорт проживания. Кстати, поскольку эстонские ГРЭС работают на горючих сланцах, а не на газе, то республика занимает одно из первых мест в мире по выбросам углекислого газа в атмосферу. А в 2008 правительство начало рассматривать вопрос о строительстве в республике АЭС. Если бы это предложила советская «оккупационная администрация», то вся республика бы встала на уши от возмущения. А сегодня протестов что-то не слыхать.

23 августа 1988 г. десятки тысяч демонстрантов уже публично осуждали секретные протоколы Молотова — Риббентропа, о которых они только что узнали из прессы и западных радиоголосов. Массовая истерия уже достигла весьма внушительных мас-

---

[1] http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2

штабов. Апогеем массового протеста стал «Балтийский путь» — акция 23 августа 1989 г, в ходе которой около двух миллионов человек (некоторые источники называют цифру до 2,5 миллиона) выстроились в живую цепь от Вильнюса до Таллина. Эта манифестация стала самой массовой за всю историю человечества и в этом качестве вошла в книгу рекордов Гиннесса. Можно много рассказывать об этом уникальном с точки зрения политтехнологий мероприятии, но я, пожалуй, ограничусь тем, что воспроизведу посвященную «Балтийскому пути» публикацию в газете «Известия» за 25 августа 1989 г. Даже по этому более чем сдержанному тексту можно представить, какого накала достигла тогда антисоветская истерия в Прибалтике.

БАЛТИЙСКИЙ ПУТЬ

Прямая связь. У телетайпа — собственные корреспонденты «Известий»

23 августа в прибалтийских республиках состоялась акция протеста против подписанного 50 лет назад советско-германского договора. Ее участники, взявшись за руки, стали на трассе от Вильнюса до Таллина

ВИЛЬНЮС

Передает Леонид Капелюшный:

Живая цепь начиналась на вильнюсской площади Гедиминаса. На листовке, распространенной «Саюдисом» накануне, было точно обозначено, как она протянется до самой латвийской границы — с указанием участков, подучастков, ответственных за каждый километр лиц. Республиканская печать за несколько дней до события опубликовала интервью ЭЛЬТА с активистами движения, отвечающими за порядок проведения мероприятия, где было подробно указано, откуда отправляются автобусы для желающих выехать на трассу, как обезопасить не прекращающееся движение на шоссе, получить в случае необходимости медицинскую помощь.

Я не знаю, сколько человек стояло в этой цепи. Но коль за 20 минут до начала акции председатель сейма движения народный депутат В. Ландсбергис обратился к вильнюсцам по радио с просьбой не стремиться попасть за город и не создавать тем затруднений для транспорта на перегруженной магистрали, можно предполагать, что брешей в ней не было.

Нужно отдать должное и организаторам, и участникам — живая цепь производила впечатление. Держа зажженные свечи

(огонек тоже передавался от человека к человеку), подняв сцепленные над головой руки, люди в назначенное время вышли на осевую линию. Зачем?

«Мы не хотим, чтобы это когда-нибудь с кем-нибудь повторилось». «Это мой долг перед репрессированными родственниками». «Мы хотим жить в свободной Литве». «Меня привела сюда совесть». «Мы хотим жить лучше и для этого должны быть едины». Так отвечали вашему корреспонденту рабочие, студенты, пенсионеры, интеллигенция. Ни одного слова вражды против «оккупантов и инородцев», против «коварной Москвы». Тогда откуда же напряженность, звенящая как предельно натянутая невидимая струна, на которую натыкается то один, то другой? Чью точку зрения выражает «наглядная агитация», которой украшена площадь Гедиминаса — оскорбительные лозунги и призывы, крикливые значки и плакаты, где истина искажена по шулерски ловко? Кому нужно было, к примеру, заполонить город значками — звезда со свастикой в центре, рукопожатие фашистского флага со свастикой и советского с серпом и молотом? Городская газета «Вечерние новости» напечатала репродукцию изданного в Эстонии плаката: ноги идущего в ботинках, украшенные той же свастикой и серпом и молотом. Пройдены даты 1939, 1989. И многозначительно оставлено место для следующей...

В живой цепи на многих десятках километров литовской земли стояли жители Литвы разной крови. И в этом нет беды. И разных взглядов — что тоже естественно. А вот то, что с разным пониманием добра и зла, гораздо хуже. За три часа до того, как участники акции «балтийский путь» потянулись к площади Гедиминаса, в Нагорном парке начался новый митинг. Лига свободной Литвы и еще десяток неформальных организации в далеко не заполненном амфитеатре не просто протестовали против договора. Ораторы требовали перемены власти, устранить коммунистов от управления Литвой, вывести войска и прочая... Хотят или не хотят литовцы, которые стали в живую цепь, но тень антисоветских, антирусских призывов ложится на все происходящее.

РИГА

Передает Ирма Литвинова:

При выезде на Бауское шоссе в половине седьмого вечера 23 августа нашу машину остановили. Шла подготовка на территории Латвии к акции «Балтийский» путь».

— Притормозите, пожалуйста, пропустите людей, — предупредил нас человек с непривычной повязкой на рукаве. Оказалось, что это член отряда по охране общественного порядка массовых общественно-политических организаций, созданного по решению правления Думы Народного фронта Латвии.

О ходе формирования отрядов дружинников Народного фронта и их функциях сообщалось в бюллетене НФЛ неделю назад: «Разумеется, в задачи этих дружинников будет входить не задержание пьяниц и проституток (это «чисто милицейские» задачи), а охрана порядка на мероприятиях, проводимых демократическими движениями». И вот пришел день, когда потребовалась помощь только что созданных отрядов. Через некоторое время дружинники Народного фронта дали нам «зеленый свет», и мы пристроились в общую колонну машин, двигавшихся по шоссе. Такого скопления транспорта эта трасса, наверное, не знала. Тысячи жителей Латвии откликнулись на призыв Народного фронта: «23 августа в 19.00 мы подтвердим в собственных глазах и глазах всего мира нашу твердую решимость бороться за достойную человека жизнь, взявшись за руки и выстроив на территории Эстонии, Латвии и Литвы живую цель». Участники акции подняли национальные флаги с черными лентами. После 19 часов было передано по радио выступление председателя Народного фронта Латвии, народного депутата СССР Дайниса Иванса: «Первый раз за все время существования народов Латвии, Литвы и Эстонии под небом Балтики мы поистине стали на единый «балтийский путь» —за свободу и независимость!»

У памятника Свободы в Риге вечером этого же дня прошел митинг, организованный Движением за национальную независимость Латвии. Вот некоторые из поднятых на площади плакатов: «Восстановление независимости Латвии — решение проблем», «У нас не межнациональные отношения, а отношения оккупантов и оккупированных», «Через гражданские комитеты — к государственности Латвийской республики». Остальные лозунги, пожалуй, я перечислять не стану, так как они носили явно провокационный, во многих случаях оскорбительный характер.

Речь некоторых ораторов тоже не отличалась сдержанностью и корректностью. Аплодисментами были встречены даже откровенные призывы к насилию. И это после того, как на состоявшемся недавно съезде Движения за национальную независимость не раз говорилось о приверженности этой организации к ненасильственным действиям, парламентским методам деятельности.

«Добиться на предстоящих выборах большинства демократических сил, которые сумеют принять решение о незаконности выборов в так называемый народный сейм 14 и 15 июля 1940 года, а также признают утратившим силу Декрет от 21 июля того же года об образовании Латвийской ССР и вступлении в Союз ССР, что сделает незаконным само существование Латвийской ССР» — такое требование было выдвинуто на митинге. Прозвучало и другое предложение; «Верховному Совету Латвийской ССР сложить свои полномочия и передать власть новым представительским структурам, образованным из граждан Латвийской республики, существовавшей до1940 года».

Мероприятия 23 августа, дня, который так прочно врезался в народную память, в целом прошли в Латвии организованно и спокойно. Какое они окажут влияние на ход политических процессов, покажет будущее.

ТАЛЛИН

Передает Леонид Левицкий:

Протяженность «цепочки» по Эстонии 211,5 километра, соединила она около 150 тысяч человек. Одновременно в Таллинне состоялось народное собрание, организованное в связи с 50-летием пакта. На нем выступили Лагле Парек, член партии национальной независимости Эстонии, одна из лидеров Народного фронта Марью Лауристин, народный депутат СССР, Тривиме Веллисте — председатель Общества охраны памятников старины, Валерий Воронин, член русской секции Народного фронта. Как сообщает ЭТА, были зачитаны выступления от имени зарубежных эстонцев, американского сенатора. В собрании приняли участие несколько тысяч человек, и оно завершилось общей молитвой, пением гимна Эстонии.

Репортаж о собрании слушаю по радио в машине по пути через Вильянди к границе Эстонии и Латвии, где вечером должен состояться главный митинг «Уничтожение зла». К этому митингу и ведет живая цепочка из людей с национальными флагами в руках, плакатами, осуждающими пакт Риббентропа-Молотова.

в 19 часов республиканское радио назвало то слово, которое побежало по цепочке, передаваемое от человека к человеку,— «свобода». В цепочке стояли и руководители партии и правительства республики. В 19.30 к собравшимся у башни Длинный Герман в Таллинне обратился Председатель Президиума Верховного Совета ЭССР А. Рюйтель.

...Около двух часов продолжался митинг на границе двух республик. Потом еще столько же мы ждали, пока хоть чуть-чуть рассосется затор на узкой сельской дороге. Впереди бесконечной мерцающей линией тянулись красные огоньки. Но как всем сейчас нужен зеленый свет — свет движения...

И я вспоминаю слова первого секретаря Вильяндиского райкома КПЭ Я. Аллика, сказанные несколько часов назад:

— Послевоенные реалии не способно ликвидировать ни одно правительство. Но нужна умная и эффективная политика, обеспечивающая единство всех людей, проживающих на этой земле. Несмотря на их национальность. Только всем вместе удастся нам построить новую свободную жизнь.

29 августа газета «Советская Литва» опубликовала заявление Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы. В нем отмечается, что *«нам понятны беспокойство и озабоченность ЦК КПСС, вызванное необдуманными заявлениями и действиями в условиях сложной политической ситуации некоторых лиц, действующих в общественных движениях»*. Вместе с тем, в заявлении подтверждается жизнеспособность лозунга «Литва без суверенитета — Литва без будущего», который получил поддержку народа. В тот же день в газете «Советская Эстония» опубликовано заявление Бюро ЦК Компартии республики аналогичного содержания.

По официальной версии, «Балтийский путь» был организован Народным фронтом Эстонии, Народным фронтом Латвии и литовским Движением за перестройку («Саюдис»). Однако размах акции, высочайший уровень ее организации, большие затраты на ее проведение и пропагандистское сопровождение в мировых СМИ (см. главу «Микрофильмы») убедительно показывают, что общественники просто не в состоянии были провернуть такую работу, тем более, что у них не было подобного опыта.

Кому же пришла в голову идея устроить «Балтийский путь»? Председатель Народного фронта Латвии Дайнис Иванс, ныне журналист, заявил в интервью латвийской газете «Час» десятилетием спустя: *«Идея «Балтийского пути» принадлежит лидеру Народного фронта Эстонии Эдгару Сависаару: выстроить живую цепь и методом ненасильственного сопротивления выразить протест против пакта Молотова — Риббентропа. НФЛ и литовский «Саюдис» взяли на себя обеспечение мероприятия на своих территориях»*[1].

---

[1] *Шабанов А.* Балтийский путь в лицах // «Час», №195 (614); http://www.chas-daily.com/win/1999/08/24/l_35.html.

Сам Сависаар о своей исторической роли в организации «Балтийского пути» отчего-то никогда не вспоминал. Бывший советский премьер Николай Рыжков в своих мемуарах утверждает, что инициаторами акции были литовцы:

«23 августа, в 50-ю годовщину подписания пакта Риббентропа — Молотова, «Саюдис» провел широкомасштабную политическую акцию под названием «Путь Балтии». Участники держат транспаранты: «Горбачев, выведите Красную Армию из Литвы», «Русские оккупанты, идите домой», «Литовцы и поляки! Объединяйтесь в борьбе с общим врагом». Цепочка людей длиной во многие сотни километров протянулась от Вильнюса до Риги и Таллина. В акции приняли участие несколько сот тысяч человек, было задействовано большое число автобусов и до 30 тысяч личных автомобилей. Митинги состоялись по всей трассе. Акция транслировалась по республиканскому радио прибалтийских республик.

Подобным образом развивались события в Латвии и Эстонии, но при этом все строго координировалось с Литвой. Если учесть, что происходящее освещалось средствами массовой информации, в том числе и зарубежными, велись прямые передачи по радио и телевидению, — безусловно, был достигнут значительный идеологический эффект и воздействие на население Прибалтики».[1]

Там же Рыжков приводит и такие любопытные сведения:

«Когда генсек, будучи в Крыму, увидел по телевидению сюжеты о происходящих в Прибалтике событиях, он дал указание в ЦК КПСС срочно подготовить заявление ЦК. Вскоре текст этого заявления был доведен средствами массовой информации до сведения жителей всей страны. Документ вышел с подписью «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза». Прибалты стали уточнять, когда же собирался Центральный Комитет КПСС. Выяснилось, что никто из членов ЦК Прибалтийских республик в работе подобного пленума ЦК не участвовал. Кстати, и ответственные за дела в Прибалтике Медведев и Яковлев, находящиеся, так же как и Горбачев, далеко от Москвы, о заявлении узнали только из газет. Сейчас уже доподлинно известно, что в составлении заявления ЦК КПСС уча-

---

[1] «Наш современник», №5, 2006 г., // http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=5&id=7

стие принимали Горбачев и его помощники. Таким образом, это было сочинение окологенсековских аппаратчиков.

Заявление ЦК вызвало в стране двоякое отношение. Население многих республик и областей, плохо информированное о происходящих в Прибалтике процессах, восприняли тревожную оценку разыгравшихся событий как акт, заслуживающий общественной поддержки.

В Прибалтике же настроения были другие. Сепаратистские круги после небольшого шока, вызванного тем, что их «неблаговидные дела» были названы прямо, встали на путь его дискредитации. Осуждающую позицию по этому документу заняли многие общественные организации республики, в их числе ЦК КСМ Литвы, творческие союзы, союзы женщин, некоторые национально-культурные общества. В средствах массовой информации также развернулась кампания по дискредитации заявления. На протяжении нескольких дней с момента публикации оно упоминалось в материалах «Голоса Америки» 39 раз, Би-би-си — 25, «Немецкой волны» — 27, Международного французского радио — 21, Радио Канады — 8, Радио Швеции — 4.

Все это передавали не собственные корреспонденты, а публиковались и печатались выступления депутатов, общественных деятелей, известных людей. В это время «Саюдис» создал новую газету — «Республика», для которой Ландсбергис привез из США новейшее техническое оснащение. Газета должна была выходить на литовском, русском, польском, английском, а позднее — на немецком и французском языках».

США помогали «Саюдису» не только «техническим оснащением» для издания сепаратистской газеты на шести языках. Собственно, «Саюдис» был организован на средства зарубежных спонсоров, пожелавших остаться неизвестными, поэтому его деятельность с самого начала отличалась большим размахом. Снова процитирую мемуары Николая Рыжкова, опубликованные в журнале «Наш современник»:

«22—23 октября 1988 года состоялся учредительный съезд «Саюдиса». Обращает на себя внимание массовость этого мероприятия: 4500 участников, из них 1122 — делегаты съезда. В качестве гостей приехали деятели различных эмигрантских центров, представители ряда республик и городов СССР.

Честь открытия съезда выпала на долю народного поэта Литвы Ю. Марцинкявичюса (будущий член яковлевской комис-

сии. — А.К.). В числе приветствовавших — отец одного из тогдашних лидеров «Саюдиса», 90-летний бывший министр коллаборационистского профашистского правительства Литвы В. Ландсбергис-Жямкальнис. Его подпись среди прочих стояла под документом, датированным четвертым днем Великой Отечественной войны — 25 июня 1941 года, носящим название «Слово к народу независимого временного правительства Литвы». В нем, в частности, говорится: «Временное литовское правительство благодарно спасителю европейской культуры рейхсканцлеру великой Германии Адольфу Гитлеру и его отважной армии, освободившей литовскую территорию».

Любопытно было поведение Горбачева. Он поручил Бразаускасу передать от него учредительному съезду «искренние приветствия и пожелания», подчеркнув при этом, что в «Саюдисе» он «видит ту позитивную силу, которая способна служить на благо перестройки и еще выше поднять авторитет Советской Литвы. <...>

...Из 400 журналистов, освещавших съезд, 103 представляли мировые информационные агентства и крупнейшие издания 17 зарубежных стран. Для «Саюдиса» это стало мощнейшей поддержкой в политической борьбе не только с местными «консерваторами», но и с Москвой. <...>

К тому времени движение добилось издания своей газеты «Атгимимас» («Возрождение»), выходящей двухсоттысячным тиражом на литовском и русском языках».

Для тех, кто не представляет, сколько денег может стоить двухдневный съезд для 1122 делегатов и 400 журналистов, сообщу, что по сегодняшним расценкам проведение этого мероприятия в Москве обойдется самое меньшее в 1,5 миллиона долларов. Даже если учесть, что литовцы не имели больших транспортных расходов, съезд «Саюдиса» все равно обошелся в копеечку... американским налогоплательщикам. В Эстонии и Латвии аналогичные мероприятия проходили несравнимо более скромно. Впрочем, заокеанские модераторы постарались как можно скорее перевести «Саюдис» на самофинансирование, если так можно выразиться. Вот что далее пишет об этом Рыжков:

«Сразу после съезда «Саюдиса» в октябре 1988 года тогдашнее руководство Компартии Литвы и республиканской комсомольской организации распорядилось отчислять несколько процентов от партийных и членских взносов на поддержку

«Саюдиса». Аналогичную инструкцию получили руководители крупнейших предприятий на территории республики, благодаря чему руководство «Саюдиса» уже в декабре 1988 года располагало средствами во многие сотни тысяч рублей. По тем временам это были очень большие деньги, и они позволили литовским национал-сепаратистам развернуть широкомасштабную пропагандистскую операцию».

Но к такому решению первый секретарь ЦК компартии Литвы Альгирдас Бразаускас пришел не по собственной инициативе, а по настоятельной просьбе (которую скорее следовало воспринимать, как приказ) члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева, который посетил Литву летом 1988 г. в момент зарождения и становления «Саюдиса». Его коллега по Политбюро Рыжков оценил последствия этого визита следующим образом:

«Накануне августовского 1988 года митинга «Саюдиса» в Литву прибыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Яковлев. Он встретился с лидерами зарождающихся «народных фронтов» и, убедившись, что их основной целью является отделение от СССР, повел двойную игру. Произнося речи о дружбе народов, он одновременно растолковывал «ученикам» стратегию и тактику достижения их главной цели.

Впоследствии обновленное руководство ЦК Компартии Литвы сделало вывод, что Яковлев практически дал идейно-теоретическое обоснование процессам, приведшим республику к январю 1991 года, когда на улицах Вильнюса пролилась кровь. «Архитектор перестройки» первым поддержал сепаратистские настроения «Саюдиса». После его визита в Литву «Саюдис» почувствовал, что его делают главной политической силой — своеобразным тараном, направленным на развал существующего общественно-политического строя».

Большую роль Яковлева в деле взращивания прибалтийских сепаратистских движений неизменно отмечают как ветераны антисоветского движения, так и их противники. Особенно большие усилия он приложил в Литве. Вообще, в отличие от других советских республик в Литве компартия стояла пусть и не во главе сепаратистского движения, но действовала заодно с «Саюдисом». 20 декабря 1989 г. КПЛ заявила о своем разрыве с КПСС. Бывший первый секретарь Бразаускас, сумевший вовремя изменить свои взгляды на 180 градусов, даже стал первым избранным президентом посткоммунистической Литовской республики. Надо отдать

ему должное — глупым идеалистом он не был, и жизнь свою посвятил не борьбе за утверждение эфемерных демократических ценностей. Его больше привлекали ценности материальные. В 2005 г., когда Бразаускас уже был премьер-министром, находящаяся в оппозиции фракция консерваторов («Союз Отечества») начала сбор подписей за создание парламентской комиссии по расследованию некоторых аспектов предпринимательской деятельности жены Бразаускаса — Кристины Бутримене-Бразаускене. В частности, депутатов заинтересовал факт приобретения ею 38% акций элитной вильнюсской гостиницы «Crowne Plaza» (принадлежавшей ранее Совету министров Литовской ССР и ЦК КПЛ). Глава правительства отверг обвинения в коррупции, но признал, что его супруга владеет 51% акций гостиницы, а еще 48% принадлежат его сыну. Идее создания парламентской комиссии он категорически воспротивился, чем разочаровал даже президента республики Адамкуса.

В Литве западные спецслужбы, прежде всего ЦРУ действовали предельно нагло, чуть ли не открыто. Вот что рассказал в интервью журналу «Наш современник» (№5, 2006 г.) последний первый секретарь ЦК КПЛ (КПСС) Миколас Бурокявичус:

«Я знаю, что в толпе было много людей с зелеными повязками — это боевики Буткявичюса, близкого соратника Ландсбергиса. Они провоцировали войска. Ситуацию в Литве подогревали и американские инструкторы. Их засылали из Польши. К примеру, Андрюс Эйве. Он имел опыт диверсионной работы во Вьетнаме и Афганистане. Был специалистом по боям в городских условиях. Эйве появился в Вильнюсе накануне январских событий. Позднее Ландсбергис прямо признал, что американский разведчик занимался инструктажем оппозиционеров и сыграл «положительную роль».

А мы узнали о появлении Эйве так: на улице Гядиминаса в центре Вильнюса с ним нос к носу столкнулся Каспеаравичюс, наш заведующий оргтделом, бывший полковник. Они встречались в Афганистане. И сразу стало ясно, кто здесь присутствует и чего можно ждать. Эйве мы не дали натворить бед. И, тем не менее, январские события произошли».

Одно я знаю твердо, кровью готов подписаться: никто не отдавал приказа стрелять по толпе — ни Язов, ни Крючков, ни Пуго, ни люди, их здесь представлявшие[1].

---

[1] http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=5&id=16

Об известном диверсанте Андрюсе Эйве (он же Эндрю Эйва, Андриус Эйтавичюс) вспоминают многие. Вот что пишет бывший генерал КГБ Вячеслав Широнин в своей книге «ЦРУ — КГБ: скрытые пружины перестройки»: *«По данным бывшего КГБ Литвы, именно в тот период консультантом департамента охраны края по вопросам обучения партизанской войне и проведения терактов был гражданин США литовского происхождения Эйве Андрюс, специально подготовленный террорист с большой практикой! В прошлом военный разведчик, инструктор афганских моджахедов.*

Контрразведчики Литвы показали мне и другие материалы. После января Эйве был инициатором серии взрывов в местах дислокации и проживания советских военнослужащих и их семей, лично руководил действиями боевиков в их столкновениях с подразделениями советской армии. В качестве консультанта правительства он изучал возможности организации «партизанского движения», намеревался открыть курсы «рейнджеров», выезжал в районы, закрытые для посещения иностранными гражданами. За эти и другие нарушения ему в апреле 1990 года был закрыт въезд в СССР.

Однако в декабре 1990 года он вновь прибыл в Вильнюс. Это поистине знаменательный факт![1]

В США Эйве, совершенно не стесняясь, давал интервью о том, чем он занимается в Литве. Майор Казаков в своей статье «Национальные армии: явное и тайное» газете «Красная звезда» 16 марта 1991 г. цитирует его интервью корреспонденту газеты «Филадельфия инкуайер», озаглавленное «Ветеран» крестового похода»: «*Сегодня вскрываются старые партизанские тайники с оружием, и возможность партизанской войны с каждым днем становится все более реальной». А пока, по свидетельству газеты, он «обучает снайперов стрельбе по хвостовым лопастям советских вертолетов, поясняет, как пользоваться бутылками с зажигательной смесью»*[2].

В статье «Национальные армии: явное и тайное» автор дает короткую сводку о творящемся в Прибалтике насилии:

«Литва: ночью в городе Тельшяй были облиты горючим и подожжены входные двери в двадцати одной квартире военнослужащих. В Вильнюсе жестоко избит бывший военный комиссар рес-

---

[1] www.patriotica.ru/enemy/shironon_kgb_cia.html
[2] http://www.kazakovv.ru/publicity/8/

публики генерал-майор в отставке Мицкевичус, который спустя несколько часов от полученных травм скончался (примечательно, что генерал до этого дважды отверг предложенный ему пост «военного советника» департамента охраны края).

Эстония: в поселке Ягале убит на посту часовой, похищены автомат и патроны. В г. Тапа осквернен памятник погибшим советским воинам, на нем были сделаны надписи: «Коммунисты, скоро вы будете здесь», «Русские! Увозите свои трупы домой!», «Ваше время прошло. Пришло наше время».

Латвия: в почтовый ящик полковника в отставке Ю.Пономарева была опущена листовка следующего содержания «Коммунистическая свинья. Оккупант! Вон из Латвии! Ты на учете у службы «СД» Латвии. Даем тебе два месяца на то, чтобы ты убрался! Иначе смерть!» В Риге было подложено взрывное устройство под дверь участника Великой Отечественной войны П.Чумакова. Квартира разрушена. Взрывы продолжают звучать в Риге и сегодня.

За прошлый год в Прибалтике совершено только в отношении военнослужащих и членов их семей более пятисот подобных акций»[1].

Да, террористические акты, убийства и провокации происходили не только в Литве. Взрывы гремели, например, в районах компактного проживания лиц «оккупационной национальности» в Риге. Маврик Вульфсон в своих мемуарах дошел до того, что обвинил в этом русских: мол, они сами себя взрывали, дабы дестабилизировать обстановку и подтолкнуть Москву к наведению порядка в республике с помощью силы. В Литве же кровь в борьбе между сепаратистами и их противниками лилась, если и не рекой, то весьма внушительным ручейком. 31 июля 1991 г. на таможенном посту Мединикай на границе с Латвией неизвестными лицами были убиты семь литовских таможенников и один тяжело ранен. Расследование не дало никаких результатов, однако СМИ приписали преступление рижским омоновцам.

В 2008 г. один из бывших омоновцев Константин Никулин был арестован в Риге и передан литовским властям. Еще ранее в Литве был задержан омоновец Игорь Горбань, которого якобы опознал единственный оставшийся в живых таможенник Томас Шярнас. Однако на самом деле Шярнас отказался подписать протокол опознания и Горбань был отпущен восвояси. Не опознал

---

[1] http://www.kazakovv.ru/publicity/8/.

Шярнас и Никулина, против которого у литовских властей нет вообще никаких улик, да и срок давности (10 лет) по данному преступлению давно истек. Но литовское правосудие, когда дело касается проклятых русских «оккупантов» (пусть даже и полноправных граждан Латвии) отличается изощренным демократическим гуманизмом. Основные следственные действия, предпринимаемые в отношении бывшего советского милиционера, современное право квалифицирует как пытки. Скорее всего, литовцы пытаются убить его или довести до самоубийства, спрятав таким образом концы в воду, ибо освободить его — значит в очередной раз показать варварскую сущность нынешнего режима, царящего в стране, входящей в ЕС.

Витаутас Ландсбергис в интервью петербургской газете «Дело» от 2 июня 2008 г. злобно брызжа слюной в адрес «бешеных собак» из ОМОНа, представляет литовских силовиков чистыми толстовцами-непротивленцами:

«Мы постановили, что будем вооружать наших служащих, наших пограничников. Период несопротивления, пока их лишь избивали и следовало терпеть, не отвечая на силовую провокацию, закончился. Мы вытерпели»[1].

Ландсбергис брешет. Литовские полицейские, пограничники, таможенники и боевики из Департамента охраны края «Саюдиса» не только имели оружие, но и не стеснялись пускать его в ход. Вот что сообщала в мае 1991 г. газета «КоммерсантЪ», отнюдь не симпатизирующая советской власти:

«Поводом для первых пограничных конфликтов местные наблюдатели считают введение в апреле литовским правительством жестких таможенных ограничений на вывоз товаров из республики. В первой половине мая жители по обе стороны литовско-белорусской границы — в основном польского и белорусского происхождения — в знак протеста сожгли несколько литовских таможенных постов. Власти Шальчининского и Йоновского районов Литвы, населенных в основном поляками и белорусами, приняли постановления о прекращении деятельности таможенных служб на своих территориях.

18 мая около 13.00 участковый инспектор Вороновского райотдела внутренних дел БССР капитан Александр Фиясь ехал из

---

[1] http://idelo.ru/512/1.html.

Шальчининкая на своей машине с женой и двумя детьми. На требования таможенников остановиться Фиясь не отреагировал и получил заряд картечи из засады, устроенной специально для поимки поджигателей постов. По версии литовской прокуратуры, Фиясь вышел из машины и открыл беспорядочную стрельбу из пистолета ТТ. После чего был убит вторым выстрелом из охотничьего ружья служащего литовского департамента охраны края Стасайтиса. По версии белорусских следственных органов, Фиясь не мог быть вооружен, так как его табельное оружие находилось в это время в оружейном сейфе Вороновского УВД[1].

Итак, первый выстрел сделали литовские боевики из засады (!) по машине, в которой ехали женщина и ребенок, после чего они убили безоружного советского милиционера. Наверное, следует ожидать, что милиция предпримет ответные меры. И они были предприняты: как пишет «КоммерсантЪ» С 22 по 25 мая рижские и вильнюсские омоновцы уничтожили 16 таможенных постов на границах Латвии и Литвы. Делали они это совершенно открыто (их действия снимал популярный тележурналист Александр Невзоров) и на абсолютно законных основаниях: никто не имеет право городить границы внутри государства, шмонать проезжающих мимо граждан и убивать представителей власти. Надо думать, омоновцы не отличались особой учтивостью, но самое большое, что пришлось претерпеть литовским боевикам, — это получить тумаков да понюхать дорожной пыли. Пусть радуются, потому как если бы все делалось строго в соответствии с УК СССР, пришлось бы им отвечать за ношение оружия и участие в незаконных вооруженных группировках. Но никаких посягательств на жизнь литовских пограничников и таможенников не отмечается.

Бойня в Медининкае имеет совершенно другой почерк — все убитые той ночью были застрелены в затылок. Неизвестные вооруженные люди, если верить показаниям водителя, их подвозившего, прибыли из Вильнюса, а вовсе не из Риги. Странно, что убийцы, уничтожив всех, кто мог бы их опознать, почему-то отпустили водителя. Скорее всего, медининкайскую бойню осуществили профессиональные террористы, а не провинциальные советские милиционеры. Дело в том, что после себя убийцы вообще не оставили никаких улик и следов. Расследованием занимались не только литовские власти, но и самые лучшие профессионалы

[1] http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=265216&print=true

сыска из МВД СССР. Однако даже они не смогли добиться никаких результатов. В этом случае остается одно: как говорили римляне: «Quid prodest?» — ищи, кому выгодно. Из кровавой бойни в Медининкае было сделано хорошее политическое шоу. Единственного выжившего таможенника взял под свою опеку лично президент США Джордж Буш-старший, Шярнаса перевезли на военную базу США в Германии, где он прошел курс лечения. Литовские власти после этого случая объявили, что будут применять оружие, пресекая попытки несанкционированного проникновения на свою территорию, несмотря на то, что de ure Литва была еще частью СССР.

Сотрудники ЦРУ сыграли большую роль и в латвийском «национальном пробуждении». В этой связи вспоминается имя Ояра Эрика Калниньша. Этот американский гражданин был директором Объединения латышей Америки (ОЛА) по связям с правительством США. При этом считается, что Калниньш был вхож в ближайшее окружение президента Буша-старшего как раз в момент горячей фазы развала Союза. С 1987 г. Калниньш обеспечивал связи ОЛА с движением за независимость Латвии. После выхода Латвии из состава СССР стал послом Латвии в США, то есть осуществлял связь Белого дома со своим вассалом. КГБ числило его штатным цэрэушником и внимательно следило за его контактами. Кстати, на несанкционированных контактах с ним попался и глава КГБ Латвийской ССР генерал Йохансон, после чего он потерял всякое доверие со стороны руководства и играл роль свадебного генерала, не имея никакого касательства к оперативной работе.

Первые «свободные выборы», на которых убедительную победу одержали сепаратисты, проходили в Прибалтике тоже под управлением заграничных дирижеров-политтехнологов, причем делалось это совершенно открыто. Например, Латвию по приглашению НФЛ осенью 1989 г. посетил видный специалист по проведения политических кампаний Рональд Даутзауэр. Под видом всевозможных советников и консультантов НФЛ облепили десятки агентов американских, английских, германских и израильских спецслужб. Сегодня МИ-6 и ЦРУ имеют во всех трех бывших советских прибалтийских республиках такое влияние, что местные спецслужбы действуют фактически у них на побегушках.

Справедливости ради следует сказать, что прибалтийские сепаратисты сотрудничали не только с ЦРУ. Многие из них были и штатными стукачами КГБ. Вот какую рекомендацию дает Вячеслав Широнин в своей книге вождю саюдистов Ландсбергису:

«Для полноты характеристики Ландсбергиса-младшего стоит упомянуть о его контактах с бывшим КГБ Литовской ССР. Республиканские коллеги рассказывали мне, что он по собственной инициативе обратился к одному из оперативных сотрудников госбезопасности с предложением передавать ему интересующую органы КГБ информацию, — в обмен на разрешение частных поездок к отцу, проживающему за рубежом. Конечно, простаков среди чекистов не было. Только после получения полезной информации о литовских эмигрантских организациях, а также передачи органам КГБ подробных сведений на ряд интересовавших КГБ лиц, Ландсбергису-младшему был открыт выезд в зарубежные страны. Надо полагать, этого деятеля преследовала мысль о необходимости скрыть факты своего инициативного контакта с КГБ. Не случайно после его прихода к власти в отношении оперативного работника, с которым он поддерживал регулярную связь, была совершена провокация.

Но концы в воду Ландсбергесу спрятать не удалось. В сентябре 1997 года специальная комиссия литовского сейма по расследованию связей парламентариев с зарубежными спецслужбами вынесла вопрос о сотрудничестве с КГБ спикера парламента Витаутаса Лансбергиса еще с середины 70-х годов. Выяснилось, что даже в самые суровые советские времена, которые в Литве называют периодом «советской оккупации» Ландсбергис мог выезжать не только в Германию к отцу, но и в Австралию к своему старшему брату, тамошнему бизнесмену»[1].

Один из родоначальников «Саюдиса», известный писатель Витаутас Петкявичюс, впоследствии разочаровавшийся в своих тогдашних соратниках, издал в 2005 г. книгу «Корабль дураков», где раскрыл много нелицеприятных подробностях о «борцах за свободу». *«Активист «Саюдиса» редактор журнала «Гимтасис краштас» Альгимантас Чекуолис, его соратник Виргилиюс Чепайтис (кличка «Юозас»), у которого в служебной характеристике было написано: «в своей работе не признает никаких сантиментов, за исключением денег». Чуть позже с ними сошелся и преподаватель кафедры марксизма-ленинизма консерватории Витаутас Ландсбергис. Ландсбергис притащил в «Саюдис» кадрового работника КГБ Кястутиса Урбу, порекомендовал его на должность казначея, а потом начал проворачивать с ним всякие делишки. Позже советником Ландсбергиса стала бывшая со-*

[1] www.patriotica.ru/enemy/shironon_kgb_cia.html.

трудница ЦРУ, перевербованная КГБ, Р. Дапкуте. Председателем комиссии по помилованию в новой Литве стал Казимерас Мотека, следователь по особо важным делам и консультант КГБ. Вторым замом Ландсбергиса в Сейме стал Б. Кузмицкас, кличка «Юргис», ватиканолог КГБ. <...>

Как видно из книги «Корабль дураков», агентом КГБ был и Зигмас Вайшвила, занимавший высокий пост первого заместителя председателя правительства Литвы. Его псевдоним «Студент», а в характеристике агента есть такие строки: «Происходит из преданной советской власти и проверенной компетентными органами семьи врача и учительницы. В характере З. Вайшвилы есть болезненные черты, он человек упрямый. Любит опеку, признает волю более сильного. Имел связи с агентом Штази Эгле. Вошел в руководство «Саюдиса», поэтому, в обеспечение полной секретности доверенного, рекомендуется поддерживать связь только во время поездок за границу (в Болгарию). Личн. дело 34 011. 5-е отделение. Сичюнас»[1].

На выборах в Верховный совет Литовской ССР 24 февраля 1990 г. (дополнительные голосования в отдельных округах проходили 4 марта и 10 марта) кандидаты «Саюдиса» получили 101 мандат из 141. На первом же заседании вновь избранного Верховного Совета 11 марта 1990 г. был принят Акт восстановления независимости Литвы. Эта республика стала первой, объявившей о выходе из Союза (позднее это сделала Грузия, где традиционно были развиты националистические традиции). Латвия и Эстония, хотя сепаратисты на выборах 1990 г. и получили подавляющее большинство, объявили не независимость, а некий переходный период к ней. Впрочем, на деле они шли совершенно тем же курсом, и с той же скоростью, только прикрывались более сдержанными политическими декларациями: скажем, 30 марта 1990 Верховный Совет ЭССР признал недействительным верховенство законов СССР на территории Эстонской ССР. Фактически это тоже означало объявление суверенитета. Лишь 20 августа 1991 года Верховный Совет Эстонии принял резолюцию «О государственной независимости Эстонии», а 6 сентября того же года Горбачев официально признал независимость Эстонии. Ельцин же, возглавивший в 1990 г. Верховный совет РСФСР сразу признал независимость Эстонии.

---

[1] *Громак В.* Когда наступает прозрение... // «Маяк Балтики», 7 мая 2007 г., http://www.mayak-baltiki.ru/columns/fatherland/doc55/.

Можно ли сказать, что СССР развалили западные спецслужбы? Нет, хотя они играли в этом процессе руководящую роль. Но когда сегодня патриоты-державники жалобно скулят о коварной мировой закулисе, руками Горбачева и Ельцина развалившей Советский Союз, мне смешно. Я хорошо помню конец 80-х годов, перестройку, народные фронты, вакханалию «свободной» прессы. Стремление к независимости было у большинства прибалтов явным и искренним, причем в значительной степени сепаратистские устремления разделяли и русские жители Литвы, Латвии и Эстонии. Можно объяснять последнее массовым умопомрачением или еще чем-то, но против факта не попрешь. Если бы большинство жителей не желали независимости, мы бы до сих пор жили в единой стране. Впрочем, я не исключаю, что в обозримом будущем Прибалтика в той или иной форме будет ассоциирована в возродившуюся империю.

Но говорю я это не ради того, чтобы потешить чьи-то имперско-реваншистские фантазии, а лишь пытаюсь донести до читателя одну простую истину: политическая воля народа является важнейшим движущим фактором истории. Конечно, эта воля формируется во многом и извне (проще говоря, народ целенаправленно зомбируют), но это другой вопрос. Сделать что-либо против воли народа можно только путем подавляющего по своим масштабам насилия. Сохранение в 1991 г. СССР вопреки сепаратистским тенденциям населения союзных республик было абсолютно невозможно. Советский народ сам своими собственными руками разрушил свою страну и пусть теперь этот бывший народ хлебает желанную «свободу», постепенно деградируя и вымирая — мне его отчего-то совершенно не жаль.

Но если в 1991 г. массы прибалтийских обывателей искренне желали получить независимость, то глупо думать, будто полувеком ранее инкорпорация в СССР была осуществлена вопреки воле большинства. Нет, тогда подавляющее большинство совершенно искренне радовалось присоединению и советской власти, как бы нынешние прибалтийские шаманы ни внушали нам обратное. Миф о советской оккупации, о насильственном присоединении прибалтийских республик к Советскому Союзу укоренился потому, что нынешнее население этих стран мыслит совершенно иными критериями. Не будет преувеличением сказать, что сегодня, например, в Латвии живет совершенно иной народ, чем 60 лет назад. Если в период первой республики латыши агрессивно выдавливали из страны немцев и евреев, дабы почувствовать себя хозяином в собственной стране, то сегодня роль гони-

мых исполняют «русскоязычные». Пока Россия слаба, они могут это делать совершенно безнаказанно.

Но представьте, что произойдет, если через 20 лет наша страна снова вернет себе суверенитет и статус мировой державы. Придется латышским правителям лизать руку «оккупантов», приглашая бывших рижских омоновцев на парад 9 мая, как когда-то Ульманис приглашал эсэсовцев. Поверьте, что самостийный гонор прибалтов быстро сменится ностальгией по советской «тюрьме народов», как только у них вновь введут талоны на сахар. А это неминуемо произойдет, когда Евросоюз и Америка перестанут подкидывать подачки своим балтийским сателлитам.

Промышленность, доставшуюся в наследство от «оккупантов», прибалты ударными темпами уничтожают. За счет чего они живут? Например, Эстония по экспорту цветных металлов в 90-е годы заняла четвертое место в мире. Сырье, разумеется, российское, просто нашим правителям выгодно отмывать деньги через эстонцев — так легче выводить капиталы из страны. К тому же против российского сырья в Европе действовали заградительные пошлины, а против «эстонского» цветмета — нет. В 2002—2004 годах через порты Эстонии перегоняли на Запад до 37 миллионов тонн нефти в год. Такая отрасль экономики, как проституция, в независимой Эстонии получила мощнейший импульс. Ежегодно в республику только из Финляндии приезжает не менее миллиона туристов, в основном привлеченных алкоголем, который здесь в 3—4 раза дешевле, чем на родине. Так что эстонские путаны работают стахановскими темпами, увеличивая национальный ВВП.

На подобной сиюминутной конъюнктуре и держится «самостийность» прибалтийских лимитрофов. Но стоит только упасть жизненному уровню прибалтов и вырасти достатку русских — мы станем свидетелями тех же метаморфоз в общественном сознании, которые наблюдались в Балтии в конце 30-х годов. Бытие определяет сознание обывателя. Возродится ли Российская империя (СССР) в новой форме? Не знаю, но если рассуждать строго объективно, то к этому имеются предпосылки. Все зависит от России. Когда нынешние реформаторы-пиндосодерьмократы доконают РФ (загнивание не может длиться вечно), случится кризис, сравнимый по масштабам с событиями периода 1914—1920 гг. Этот перелом либо уничтожит страну окончательно, либо возродит ее, как сильную идеократическую державу. Далее совершенно логичной будет политическая, экономическая, военная и культурная реинтеграция обломков СССР.

Пока же латышским, эстонским и литовским школьникам на уроках истории рассказывают жуткие страшилки о кошмарных десятилетиях русской «оккупации», прологом к которой стала дьявольская сделка Молотова и Риббентропа по разделу сфер влияния в Восточной Европе. Я отношусь к этому, в общем-то, равнодушно, потому что абсолютно уверен в истинности афоризма: тот, кто забыл свою историю, обречен ее повторить. Цель моего исследование — не вразумлять чухонцев, и тем более, не дискутировать с их политиками и «историками». Я хочу лишь одного — чтобы русские не уподоблялись им, забывая свою историю, не позволяли мифотворцам из Вашингтона вешать себе на уши историческую лапшу про «секретные протоколы».

Удивительно абсурдны порой идеологические штампы. Прибалты кичатся сегодня тем, что добились независимости мирным путем. Боевики «Саюдиса», стреляющие с крыш по толпе возле телецентра, видимо стреляли «мирными» пулями. Литовские таможенники на границе с Латвией тоже, видать, умерли мирно. Ну, трупы русских «оккупантов», ясное дело, не в счет. А вот присоединение к СССР, хоть и прошло совершенно бескровно, отчего-то считается насильственным. Во время «советской оккупации» во главе прибалтийских республик стояли местные лидеры, а когда те стали «независимыми» Эстонию возглавил американский гражданин Томас Хендрик Ильвес, Литву — бывший гитлеровский пособник Валдас Адамкус, гражданин США. Во главе Латвии до недавнего времени стояла канадскоподданная Вайра Вике-Фрейберга. У пропаганды своя логика: и черное станет белым, если об этом непрестанно долдонить с телеэкрана.

БЕССАРАБИЯ

Нигде в мире за последние 300 лет так не «гуляли» границы государств, как в Юго-Восточной Европе. Тут традиционно сталкивались интересы трех империй — Австрийской, Российской и Османской. На историю Молдавии эти обстоятельства повлияли самым кардинальным образом. В XIV веке складывается феодальное Молдавское княжество с центром в Восточном Прикарпатье. Восточная граница княжества проходила по Днестру. На севере в его пределы входила Буковина, находившаяся в X—XI веках в составе древнерусского государства. В 1513 году княжество подпало под власть Турции.

В 1812 г. военачальник и дипломат Михаил Илларионович Кутузов после победоносной для русского оружия дунайской кампании подписал с Турцией Бухарестский мирный договор. Согласно четвертой статье Порта уступала России восточную часть Молдавского княжества — территорию Пруто-Днестровского междуречья, которая позже стала называться Бессарабией. Остальная часть княжества осталась под турецким господством. Граница между Россией и Оттоманской Портой была установлена по реке Прут. В 1829 г. по Адрианопольскому миру Турция уступила России и дельту Дуная, которая также вошла в состав Бессарабии. В 1856 г. Измаильский уезд Бессарабской губернии в результате проигранной Крымской войны по Парижскому мирному договору отошел к Румынии и был возвращен России в 1878 г. после очередной победы над Турцией.

Кто населял пруто-днестровское междуречье — молдаване или румыны? Никаких заметных культурно-языковых или религиозных различий между крестьянами по обе стороны Прута не было, но и национальное самосознание их еще не сформировалось. Слово «молдаванин» означало, пожалуй, географическую локализацию происхождение человека, но не его этническую принадлежность. К тому же Бессарабия традиционно была многонациональной землей — помимо румын там жили гагаузы, великороссы (бежавшие от притеснений старообрядцы), малороссы, евреи, поляки, албанцы, турки, цыгане, немцы и другие. Однако столетие обособленного развития привело к образова-

нию своеобразной молдавской идентичности. Этому способствовало то, что в Бессарабии православная церковь относилась к РПЦ, а в Румынии была своя автокефальная православная церковь. В 1860—1863 гг. правительством Румынии был введен алфавит на основе латиницы, в то время как в Молдавии сохранилась традиционная кириллица.

В декабре 1917 г. провозглашается Молдавская демократическая республика (МДР) в составе РСФСР. 23 января она объявляется суверенным государством, а через два месяца включается в состав королевства Румыния (весьма интересно, как республика могла быть составной частью королевства, но официально ликвидирована она была лишь 10 декабря 1918 г.). МДР была чисто номинальным государственным образованием и не контролировала большую часть собственной территории, которая, кстати, даже не была четко определена и на которой шли бои между большевиками, румынской армией и войсками Украинской народной республики. В политической сфере царил полнейший хаос, разные населенные пункты признавали разную власть — Российскую республику, РСФСР, Украинскую народную республику, власть Одесской советской республики, власть советской Бессарабии.

В этих условиях Сфатул Цэрий, верховный орган в управлении страной, согласился на ввод румынских, хотя румыны не особо-то и нуждались в этом приглашении. Так же как не спрашивали румыны и о том, желают ли бывшие подданные Российской империи стать гражданами Румынии. В январе 1918 г. Румыния, формально бывшая союзником России в войне против блока центральных держав, но объявившая перемирие с противником в конце 1917 г., вторглась в Бессарабию.

Хотя во время перестройки активно пропагандировался миф якобы о добровольном воссоединении разделенного румынского народа, на деле это была оккупация. И уж тем более так воспринимало приход румын население Буджука — южной приморской части Бессарабии, наиболее развитой экономически, где молдаване составляли около четверти населения. Без восторгов встретили новую власть и в Буковине, населенной преимущественно малороссами (украинцами).

Даже бессарабские румыны — молдаване выразили резкое недовольство непрошеными гостями из-за Прута. 7 декабря 1917 г. под предлогом закупки продовольствия два полка румынской армии пересекли Прут и заняли несколько приграничных сел. Большевики Кишиневского гарнизона организовали заслон

румынским войскам, а революционно настроенные солдаты взяли под контроль приграничную станцию Унгены. В Кишиневе и других городах были распространены прокламации, направленные против Сфатул Цэрий и обвиняющие его в продаже Бессарабии Румынии. Правительство МДР отвергало эти обвинения. 21 декабря в «Бессарабской жизни» было опубликовано сообщение, что села Погэнешть, Сарата Рэзешть и Войнешть окружены румынскими войсками, которые стреляют по населению. Антирумынский протест выразили многие общественные организации, партии, крестьянские съезды.

В первых числах января румынские войска перешли молдавскую границу и заняли города Болград, Кагул, Леово, Унгены и несколько сел. 6 января 1918 года была предпринята попытка войти в Кишинев, но большевики и перешедшие на их сторону молдавские отряды, отправленные правительством МДР на помощь румынам, разоружают интервентов. 8 января румынские войска начали наступление на северные и южные районы МДР. В ответ на интервенцию стали создаваться отряды ополчения и комитеты обороны. После нескольких дней кровопролитных боев революционный штаб покинул Кишинев и 13 января его заняли румынские войска. 10 января в Белгороде-Днестровском состоялся Съезд Придунайских земств и самоуправлений, осудивший вторжение Румынии. В тот же день румынские войска выбили из Болграда полуразложившиеся части 6-й русской армии, которые, оставив город, вели локальные бои против румынской армии в окрестных селах. Белгород-Днестровский остался под контролем большевиков.

В своих заявлениях Сфатул Цэрий убеждал население, что румынские войска пришли лишь для борьбы с анархией и охраны железных дорог и складов. Однако войска интервентов занялись организованным грабежом имущества и продуктов питания, которые вывозились в Румынию. Власти Советской Украины и РСФСР порвали с Румынией всякие отношения. Таким образом, Румыния оказалась в состоянии войны с РСФСР и УССР. Украинская Народная Республика также выразила недовольство происходящим, и отправила в Румынию ноту с требованием прекратить продвижение румынских войск к Хотину, населенному преимущественно украинцами. В это время север Бессарабии был занят австро-венгерскими войсками, а румыны, занявшие остальную часть Молдавии, предоставляли коридор для прохода немецких войск в Одессу.

Бои в Бессарабии продолжались. Особенно ожесточенные сражения с румынами происходили в Добрудже, где активное

участие в них приняли вооруженные формирования большевиков, левых эсеров и моряки Дунайской военной флотилии. Обороняющиеся не могли противостоять румынам по причине политического хаоса и анархии, фактически оккупантам противостояли разрозненные отряды различной политической ориентации. Несмотря на это им удалось осуществить ряд успешных контратак, как например, в Бендерах, из которых революционные отряды, поддержанные частями бывшей русской армии, выбитли интервентов. Когда румыны повторно заняли город, они в отместку расстреляли более полутысячи плененных защитников города возле забора, который впоследствии был назван в народе «Черным забором». Захватив в течение месяца всю территорию Бессарабской губернии, румынские войска попытались переправиться через Днестр, однако их атаки были отбиты большевиками, которые продолжали удерживать и Белгород-Днестровский.

В начале марта между Бухарестом и советской стороной было подписано соглашение о выводе румынских войск с территории Бессарабии, однако оно не было выполнено, поскольку красные под ударами контрреволюционных сил отошли от Днестра. В условиях оккупации Сфатул Цэрий принял решение о присоединении Бессарабии к Румынии, что сразу вызвало массовые крестьянские восстания и забастовки. На левом берегу Днестра, где молдаване составляли не более половины населения, активизировалось партизанское движение. Тем не менее 28 октября 1920 г. Парижским протоколом Англия, Франция, Италия и Япония признали аннексию Бессарабии Румынией. Но поскольку Япония в дальнейшем так и не ратифицировала «Бессарабский протокол», в силу он не вступил.

Советская Россия продолжала считать, что территория Бессарабии незаконно оккупирована королевской Румынией. Граница между двумя странами, фактически представлявшая собой застывшую линию фронта, пролегла по Днестру. В марте 1924 года в Вене состоялось открытие конференции Румынии и СССР по вопросу о Бессарабии. 2 апреля 1924 года румынская делегация отклонила советское предложение о проведении плебисцита в Бессарабии и прервала дальнейшие переговоры. В ответ на это 6 апреля 1924 г. в Москве заместитель наркома иностранных дел Литвинов сделал корреспонденту газеты «Правда» следующее заявление: «Впредь до плебисцита мы будем считать Бессарабию неотъемлемой частью Украины и Советского Союза». Безрезультатными оказались советско-румынские переговоры по бессарабскому вопросу в Риге в 1932 г., инициатором которых выступила Франция.

Бессарабия не относилась к экономически развитым губерниям Российской империи, значительно ее хозяйство пострадало и во время войны. А когда она оказалась в составе нищей Румынии, будучи оторвана от традиционных рынков сбыта, то ее экономика совершенно зачахла. Статья «Бессарабия в составе Румынии» на «Википедии» сообщает об экономическом развитии региона следующее:

«В 1918—1924 гг. была проведена аграрная реформа, которая фактически возродила помещичье земледелие и значительно усилила социальную дифференциацию в деревне. Урожайность зерновых культур в тот период была довольно низкой. Так в 1934—1939 гг. средняя урожайность пшеницы составляла 7,6 центнеров с гектара, кукурузы — 8,7, ячменя — 5,7, ржи — 7,9. Из-за затяжного кризиса сильно упали цены на сельскохозяйственную продукцию. Некоторое улучшение ситуации наметилось только к 1935 г. <...>

Снизилась продуктивность животноводства. Поголовье скота с 1916 по 1940 гг. сократилось на 30,5%, из которых КРС — на 37,8%, лошадей — на 19,3%, свиней — на 48,9%, овец — на 26,7%. В 1934—1938 гг. площадь садов сократилась почти на 16 тыс. га. Площадь же виноградников в 1930—1938 гг. выросла более чем на 15 тыс. га и составила 109 тыс. га, однако в этот период в Бессарабии, как и во всей Румынии, происходило ухудшение структуры виноградников, для предотвращения которой предпринимались попытки государственного вмешательства, не приведшие к желаемым результатам.

К началу 1930-х годов в крае усилилась безработица, ежегодно регистрировалось 13—14 тысяч безработных. Уменьшилась заработная плата. Средняя зарплата квалифицированного рабочего в металлообрабатывающей и пищевой промышленности в 1938 году составляла 75% от уровня 1928 года, а в остальных отраслях — всего 47%. Активно использовался женский и молодежный труд, причем зарплата женщин была на 20—30%, а подростков — на 25—50% ниже зарплаты мужчин. Повсеместно не соблюдался 8-часовой рабочий день, не предоставлялись отпуска и не выплачивались пособия по болезни и нетрудоспособности».

Немудрено, что от такой жизни население порой бунтовало. Крупнейшее за время румынского господства Татарбунарское восстание произошло в сентябре 1924 г. под руководством компартии Бессарабии. Татарбунарское восстание охватило почти весь юг Бессарабии. Участниками его стали более 6 тысяч че-

ловек, в основном недовольных аграрной реформой крестьян из сел Чишмя, Акмангит, Нерушай, Михайловка, Галилешты. Повстанцы организовывали отряды народной милиции и Красной Гвардии. На подавление восстания королевское правительство Румынии направило войска с артиллерией и флот. 19 сентября румынские войска после трехдневных боев штурмом взяли Татарбунары — центр восстания, применив артобстрел химическими снарядами. Погибло более 3 тысяч человек. Еще четыре дня армии понадобилось, чтобы подавить очаги сопротивления в других местах.

Румынские власти решили устроить открытый судебный процесс, дабы доказать, что восстание инспирировано Советским Союзом с целью отторгнуть от королевства Бессарабию. Однако цель эта не была достигнута. Мало того, что суд не смог установить связь между повстанцами и Москвой, длящийся четыре года «Процесс Пятисот», как его прозвали, вызвал широкий общественный протест во всем мире. В защиту осужденных выступили Альберт Эйнштейн, Максим Горький, Бернард Шоу, Теодор Драйзер, Ромен Роллан, Томас Манн, Анри Барбюс и многие другие. «Может быть, если бы я уже не был революционером, я стал бы им, вернувшись из этого трагического хаоса южной Европы... В Бессарабии знают, что стоит только поднять голову, как она слетит с плеч», — писал потом посетивший «процесс пятисот» Барбюс в посвященной повстанцам книге под названием «Палачи». Под широким международным давлением суд пошел на попятную — большинство обвиняемых было оправдано, к тюремным срокам приговорили лишь 85 человек. В Татарбунарской округе с тех пор дислоцировался внушительный румынский контингент.

В Советском Союзе на левобережье Днестра в ответ на репрессии румынских властей была создана Молдавская автономная Советская Социалистическая республика (МАССР), западной границей которой официально объявлены реки Прут и Дунай, а столицей — Кишинев. Данное решение имело под собой почти исключительно внешнеполитические соображения. Советская сторона не собиралась отказываться от Бессарабии и готовилась к воссоединению. Собственно молдаван в МАССР, если верить официальной переписи 1929 г. проживало порядка 170 тысяч человек — не более 30% от всего населения, половину которых составляли украинцы. Скорее всего, количество «титульной» национальности было завышено. Кстати, в Бессарабии в 1930 г. русских жило вдвое больше, чем молдаван в тогдашней советской Молдавии — более 350 тысяч человек, хотя не исключено, что к русским румыны причисляли и украинцев.

Сначала молдавский алфавит был кириллическим, но в результате реформы 1932 г. его перевели на латиницу и привели орфографию к литературной норме румынского языка. Это, как нетрудно догадаться, было сделано все с той же целью — не допустить культурного разрыва между румынскими и советскими молдаванами, не дать повода для обвинений в насильственной русификации. Однако успеха эта прорумынская реформа не имела, поскольку приднестровские диалекты очень сильно отличались от центрально-молдавских говоров и еще сильнее от собственно румынских. Поэтому в 1938 г. кириллическая письменность была возвращена молдаванам.

До конца 30-х годов румыны, заручившись поддержкой западных держав и будучи связанными с ними военными договорами, могли не опасаться военного конфликта с СССР, но с началом Второй мировой войны эти иллюзии были утрачены. Видя, как цинично пожертвовали западные союзники Польшей, Бухарест резко изменил свою внешнеполитическую ориентацию, став вассалом Германии, экономическое влияние которой в регионе неуклонно возрастало. Берлин получил в 1940 г. в свое распоряжение самый ценный румынский промышленный актив, обещая королевству взамен военную защиту. В качестве платы за нефть немцы передали Румынии трофейное польское оружие.

29 марта 1940 г. на сессии Верховного совета Молотов сделал заявление: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопрос о возвращении Бессарабии военным путем». Слова Молотова вызвали легкую панику в Бухаресте. Правительство Румынии обратилось за поддержкой к Германии, однако Гитлер, более озабоченный войной с англо-французами, не стал осложнять отношения с Кремлем, уклончиво заявив румынам, что залогом их безопасности служит выполнение экономических обязательств перед рейхом. 1 июня на германо-румынской встрече в Берлине Германия заявляет о нейтралитете в случае нападения СССР на Румынию. Однако фактически в этот момент немцы усиленно вооружали румын. Они понимали, что их действия носят ярко выраженный антисоветский окрас, но Германия очень боялась потерять свой единственный источник нефти.

9 июня, когда стал очевидным разгром войск союзников во Франции, нарком обороны Ворошилов приказал начать подготовку к военной операции по возвращению Бессарабии, которая

была завершена в двухнедельный срок. А теперь внимание! 23 июня Молотов заявил Шуленбургу о намерении СССР в ближайшем будущем присоединить к себе не только Бессарабию, но и Буковину, ввиду проживания там украинцев. Вот выдержка из записи беседы Молотова с германским послом:

«В начале беседы Шуленбург сообщил тов. Молотову, что им получен ответ от Риббентропа на вопрос, поставленный тов. Молотовым, можно ли считать заявление, сделанное Макензеном в беседе с т. Гельфандом , о том, что Балканский вопрос может быть совместно мирным путем разрешен Советским Союзом, Германией и Италией, также точкой зрения германского и итальянского правительств.

Ответ Риббентропа, по мнению Шуленбурга, не слишком ясен, но из него можно вынести впечатление о том, что договор, заключенный Советским Союзом с Германией в августе прошлого года, имеет силу и для Балканского вопроса. Соглашение о консультации распространяется этим и на Балканы. Что же касается позиции Италии в этом вопросе, то она, насколько это известно Шуленбургу, уже сообщена тов. Молотову итальянским послом Россо.

Тов. Молотов в ответ на это поставил Шуленбургу следующие вопросы:

1) Подтверждает ли Риббентроп то, что было сказано во время переговоров осенью прошлого года о Бессарабии, и остается ли сказанное в силе на сегодняшний день?

2) Правильно ли заявление Макензена о том, что Балканский вопрос будет решаться совместно тремя странами? То есть распространяется ли пункт соглашения о консультации и на этот вопрос?

3) Подтверждает ли германское правительство заявление Макензена или нет?

Шуленбург ответил утвердительно на все три вопроса, добавив, что вопрос о Бессарабии не упоминался, но взят гораздо шире.

Мирное разрешение вопроса со стороны Италии уже налицо — это содержится в речи Муссолини, где он говорит о том, что Италия не намерена расширять конфликт на Балканы. Германское правительство подтверждает заявление Макензена в той части, где речь идет о германском правительстве. Что же касается итальянского правительства, то оно намерено сделать такое сообщение непосредственно Советскому правительству.

На вопрос тов. Молотова, знакомо ли итальянское правительство с тем, что он поставил этот вопрос германскому правительству, Шуленбург ответил, что это ясно из ответной телеграммы Риббентропа.

На это тов. Молотов сказал, что он может запросить непосредственно мнение итальянского правительства по этому вопросу.

После этого тов. Молотов сообщил Шуленбургу решение Советского правительства по Бессарабскому вопросу. Шуленбургу известно, сказал тов. Молотов, соглашение между СССР и Германией о Бессарабии. Со времени этого соглашения прошло много времени. После соглашения было публичное заявление тов. Молотова о Бессарабии на VI Сессии Верховного Совета СССР . Советское правительство думало, что Румыния будет соответствующим образом реагировать на это заявление, но этого не произошло. Советский Союз хотел разрешить вопрос мирным путем, но Румыния не ответила на это предложение. Теперь Советское правительство послало полпреда в Румынию и хочет поставить этот вопрос вновь перед Румынией в ближайшее время. Буковина, как область, населенная украинцами, тоже включается в разрешение Бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем. Она пользовалась ею 21 год, зная, что те не принадлежат ей. Даже ее союзники не ратифицировали, договор, по которому Бессарабия признавалась за Румынией. Ввиду того, что Япония не ратифицировала этот договор, он не действителен.

Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение Бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя.

Шуленбург в ответ на сообщение сказал: Германия еще осенью прошлого года объявила, что она не имеет политических интересов в Бессарабии, но имеет там хозяйственные интересы, которые теперь увеличились в связи с войной. По мнению Шуленбурга, в свое время постановка вопроса о Бессарабии была такова: СССР заявит свои претензии на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе. Шуленбург боится, что разрешение Бессарабского вопроса Советским Союзом в настоящий момент может создать хаос в Румынии, а Германии сейчас дозарезу нужны нефть и другие продукты, получаемые из Румынии.

Шуленбург просил тов. Молотова, если возможно, отсрочить проведение в жизнь решения Советского правительства до получения им ответа из Берлина на его сообщение по этому вопросу.

Тов. Молотов ответил, что заявление Шуленбурга не соответствует действительности, это только один из частных моментов, но не условие в целом. Вопрос о Бессарабии не нов для Германии. Что касается экономических интересов Германии в Румынии, то Советский Союз сделает все возможное для того, чтобы не затронуть их. Просьбу Шуленбурга тов. Молотов обещал сообщить Советскому правительству, но предупредил, что Советское правительство считает этот вопрос чрезвычайно срочным.

Я рассчитываю, сказал в заключение тов. Молотов, что Германия в соответствии с договором не будет мешать Советскому Союзу в разрешении этого вопроса, а будет оказывать поддержку, понятно, в пределах соглашения...»[1].

Судя по архивным реквизитам, это настоящий документ, а не сомнительная «заверенная копия», на которые так любят ссылаться яковлевцы. И запись данной беседы полностью опровергает вранье о «секретных протоколах», по крайней мере, в той части, что касается бессарабской проблемы.

1. Шуленбург даже намеком не упоминает никаких «секретных протоколов», зато дважды ссылается на *осенние* переговоры по бессарбскому вопросу. Это логично, потому что в августе СССР просто не мог обсуждать с Германией проблему пруто-днестровского междуречья. Румыния была связана военными обязательствами с Францией и Великобританией, и только поэтому Москва «заморозила» весьма болезненный для себя вопрос на два десятилетия. Но когда система англо-французских гарантий полностью обанкротилась в деле с Польшей, а Румыния испуганно легла под Германию — только тогда, то есть осенью 1939 г. бессарабский встал в повестку германо-советских отношений.

2. Молотов ссылается на некое известное Шуленбургу соглашение по Бессарабии. Современные «историки» с радостью спешат объявить, что тот имеет в виду «секретный прокол» от 23 августа 1939 г. Но это предположение полностью разбивается словами Шуленбурга, который напоминает советскому наркому условия этого осеннего соглашения: «*По мнению Шуленбурга,*

---

[1] АВП РФ, ф. 06, оп. 2. п. 14, д. 155, л. 209-215. Цит. по: Документы внешней политики СССР, т. XIII, кн. 1.

в свое время постановка вопроса о Бессарабии была такова: СССР заявит свои претензии на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе». Где об этом говорится хоть в одном «секретном протоколе»?

3. Вячеслав Михайлович тоже ссылается на это соглашение: *«Я рассчитываю, сказал в заключение тов. Молотов, что Германия в соответствии с договором не будет мешать Советскому Союзу в разрешении этого вопроса, а будет оказывать поддержку, понятно, в пределах соглашения».* Есть ли в известном нам «секретном протоколе хоть какие-то обязательства оказать ПОДДЕРЖКУ в разрешении бессарабской проблемы?

4. Никакие секретные протоколы оба собеседника не упоминают, зато ссылаются на Договор о ненападении: «*Ответ Риббентропа, по мнению Шуленбурга, не слишком ясен, но из него можно вынести впечатление о том, что договор, заключенный Советским Союзом с Германией в августе прошлого года, имеет силу и для Балканского вопроса. Соглашение о консультации распространяется этим и на Балканы*». Осталось лишь напомнить содержание статьи III этого договора: «Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы».

Как видим, бессарабский вопрос разрешался не в соответствии с положениями «секретного протокола», а на основе совершенно иных соглашений, достигнутых не в августе 1939 г, а осенью того же года.

25 июня состоялась еще одна встреча Шуленбурга с Молотовым, на которой они подробно обсудили вопрос о Бессарабии. И снова собеседники неоднократно ссылаются на осенние договоренности:

«Шуленбург ответил, что в телеграмме Риббентропа по этому вопросу сказано следующее: принимая во внимание создавшееся положение и при соответствующей трактовке вопроса, его мирное разрешение в советском духе вполне лежит в рамках возможного. При этом Шуленбург заметил, что он убежден в том, что вопрос может быть разрешен мирным путем, если он не будет слишком тяжел для Румынии. Причем под тяжестью вопроса он понимает вопрос о Буковине. Что касается Бессарабии, то он знает, что Румыния никогда не рассматривала Бессарабию

как составную часть Румынского королевства. Как, вероятно, известно тов. Молотову, оборонительная линия Румынии проходит вдоль Прута, а не по Днестру, и только под давлением англо-французов в течение последних шести месяцев Румыния спешно приступила к постройке оборонительных сооружений вдоль Днестра. Мирное разрешение бессарабского вопроса лежит в духе осеннего соглашения Советского Союза с Германией.

Тов. Молотов ответил, что он придерживается того мнения, что можно достигнуть разрешения этого вопроса мирным путем, но в осеннем протоколе об этом прямо не говорилось. Если мирное разрешение вопроса является и германским интересом, то это двойной интерес. Но разрешение этого вопроса является очень срочным.

Шуленбург сказал, что у Риббентропа нет никаких сомнений в спешности вопроса. Речь идет только о «модус процеденди». Лично себе Шуленбург представляет это дело так, что в ближайшем будущем СССР поднимет вопрос, а Германия скажет Румынии «соглашайся». Тов. Молотов сказал, что это приемлемое мнение, но повторил, что этот вопрос является очень срочным...»[1]

И снова мы не видим никаких намеков на «секретный протокол».

На следующий день, 26 июня, Молотов вызвал к себе румынского посла Давидеску и передал ему заявление советского правительства следующего содержания:

«В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории — Бессарабию — и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской советской республикой.

Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром.

Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необ-

---

[1] АВП РФ, ф. 06, on, 2, п. 15, д. 155, л. 1—5 . Цит. по: Документы внешней политики СССР, т. XIII, кн. 1.

ходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу.

Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной, как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава. Такой акт был бы тем более справедливым, что передача северной части Буковины Советскому Союзу могла бы представить, правда, лишь в незначительной степени, средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии в Бессарабии.

Правительство СССР предлагает Королевскому правительству Румынии:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу.

2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте.

Правительство СССР выражает надежду, что Королевское правительство Румынии примет настоящие предложения СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт между СССР и Румынией.

Правительство СССР ожидает ответа Королевского правительства Румынии в течение 27 июня с. г.»[1].

Сегодня многие комментаторы называют это предложение ультиматумом, что неверно. Ультиматум предполагает безусловного исполнения требований стороны, его выдвинувшей под угрозой применения силы. В данном случае Советский Союз решительно потребовал разрешить затянувшийся бессарабский кризис, а конкретные условия подлежали обсуждению. Лишь только когда 27 июня в Румынии была объявлена мобилизация, Молотов твердо заявил, что в случае невыполнения советских требований советские войска готовы пересечь румынскую границу. В итоге румыны были вынуждены согласиться со всеми условиями Москвы. Но в любом случае нельзя сказать, что советское правительство вышло за рамки дипломатического регламента — все было осуществлено в соответствии с принципами действующего международного права.

---

[1] АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 319, д. 2194, л. 89—90. Цит. по: Документы внешней политики СССР, т. XIII, кн. 1.

Обещание, данное Шуленбургом в Кремле, Германия выполнила, настоятельно посоветовав принять требования Советского Союза. Сделано это было вовсе не из стремления помочь Советскому Союзу, Германия была озабочена исключительно собственными интересами. Берлин очень боялся советско-румынской войны, поскольку это ставило под угрозу поставки нефти в Германию. И только поэтому Гитлер настойчиво рекомендовал своему сателлиту не конфликтовать с русскими, чьи претензии он считал справедливыми.

28 июня началась румынская эвакуация, сопровождавшаяся массовым мародерством, учиненным румынскими войсками. В ответ повсеместно начали создаваться временные рабочие комитеты, дружины, отряды народной милиции. Они брали под контроль предприятия и другие важные объекты, защищая их от посягательств начавших отступление румынских войск. Для того, чтобы предотвратить грабежи местного населения, угон скота и несанкционированный вывоз имущества, 29 июня были осуществлены авиадесанты близ новой советско-румынской границы. Вечером десантники вышли к реке Прут и установили там посты с целью проверки румынских войск и изъятия у них награбленного имущества, принадлежавшего местному населению.

Случались и стычки с румынскими войсками. В полдень 30 июня в районе Бранешт во время эвакуации румынских войск части 11-го и 8-го кавполков открыли огонь по советской машине 1-го батальона 556-го стрелкового полка. Советские войска открыли ответный огонь. Никто не погиб. Один из советских командиров так описал этот инцидент:

«В результате стрельбы 8-й и 11-й полки румынской армии в панике рассеялись. Часть румынских солдат, уроженцев Бессарабии, воспользовавшись суматохой, бросили оружие, обозы и разбежались по домам»[1].

На эвакуацию румынских вооруженных сил из Бессарабии было отведено четыре дня, однако вывод деморализованной и разложившейся армии напоминал скорее бегство. Румынская сторона даже униженно просила СССР вернуть армейское имущество и оружие, доставшееся Красной Армии в качестве трофеев. Советская сторона заявила, что не обязана собирать оружие, побросанное разбежавшимися румынами. Население в подавляю-

[1] http://www.hrono.ru/sobyt/1940prut.html

щем большинстве встречало солдат Красной Армии с воодушевлением, как своих освободителей от опостылевшего румынского господства. Особенно это относится к представителям нацменьшинств, которые составляли в Бессарабии более половины населения и помимо гнета социального, испытали на себе все прелести румынизации. Международных протестов по случаю воссоединения Бессарабии с Советским Союзом не последовало.

Кстати, о советских десантах был впоследствии запущен в пропагандистский оборот черный миф о том, что они якобы были выброшены для того, чтобы остановить поголовное бегство местного населения от коммунистической чумы в Румынию. На самом деле миграция была обратной. В частности из Румынии в советскую Бессарабию массово хлынули евреи. Всего в течение месяца в Бессарабию добровольно переселились около 150 тысяч человек. И это при том, что румынские власти отчаянно препятствовали оттоку населения со своей территории!

2 августа 1940 года на VII сессии Верховного Совета СССР был принят Закон об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики, образованной слиянием бессарабской территории и заднестровской молдавской автономии. В ноябре 1940 г. территории с преобладающим украинским населением (Буджак и Северная Буковина) были переданы в состав Украинской ССР.

В 1941 г. Румыния, как союзница Германии, приняла участие в походе на СССР и временно восстановила свои права на Бессарабию, а в качестве подарка от Гитлера получила обширную территорию между Южным Бугом и Днестром, названную Транснистрией. В самой Бессарабии развернулось партизанское движение против оккупантов, которое, впрочем, не имело такого размаха, как на Украине и в Белоруссии. И хотя новые хозяева формально считали местных жителей гражданами Румынии, на деле там был установлен оккупационный режим. Призыв в румынскую армию успеха не имел — всего было мобилизовано порядка 10 тысяч солдат. Когда Молдавия была освобождена Красной Армией, в нее было призвано около 180 тысяч человек.

ВОЙНА

Советский Союз ни дня своей истории не жил мирной жизнью. Если не было войны настоящей, против нашей страны велась война экономическая, пропагандистская, идеологическая. Многие поражаются, насколько цинично вели себя западные союзники во время Второй мировой войны. Даже когда их положение было не очень радужным, Рузвельт, и, особенно, Черчилль были озабочены не тем, как бы поскорее выиграть войну, а как бы выиграть ее без русских. Красной нитью проходит в их политике такая линия — пусть нацисты как можно дольше убивают этих чертовых большевиков, пусть русские и немцы забьют друг друга до смерти, и когда они обессилят, все лавры победителей достанутся Западу.

Впрочем, нельзя видеть в этом какую-то патологическую русофобию англосаксов. Друг друга они так же готовы были ударить ножом в спину. Американцы, например, основной целью мировой войны видели разгром Британской империи, а немцы и японцы с точки зрения глобальной стратегии выступали лишь как инструменты достижения этой цели. Особенно ярко эта политика проявилась на Тихом океане, когда янки в унизительной форме отказались продавать Японии нефть, и тем самым толкнули ее на завоевание источников углеводородного сырья в Юго-Восточной Азии, что привело к полному разгрому английских сил в этом регионе планеты. Ну а потом американцы буквально задушили Японию силами своего флота, отделавшись просто мизерными потерями всего в несколько десятков тысяч человек. Столкновений с сухопутной армией восточной империи они старательно избегали, предоставив право проливать кровь в боях с самураями все тем же русским.

После 1945 г. янки продолжили добивать Британскую колониальную империю, поддерживая национально-освободительное движение в Азии и Африке. Французская империя после окончания войны в Европе агонизировала еще 15 лет, но ее обреченность уже была очевидна. И лишь одна страна в мире помимо Америки усилилась после Второй мировой войны — СССР. Поэтому война между двумя сверхдержавами была неизбежной.

Остановило новое глобальное военное столкновение не только наличие у Советского Союза оружия массового поражения, что впервые сделало США уязвимыми для внешнего противника. Вьетнамские крестьяне были вооружены зачастую лишь стрелковым оружием, однако нанесли поражение самой мощной и технически прекрасно оснащенной армии США. Причина была в их моральном превосходстве над противником, в готовности сражаться до конца, не обращая внимания на гигантские потери. Массированные бомбардировки Северного Вьетнама дали примерно тот же результат, что и применение ядерного оружия, но даже миллионы убитых и тотальные разрушения не сломили волю Вьетнама. Традиционные боевые средства к середине XX века оказались не способны обеспечить победу даже над слабым противником.

Это заставило Вашингтон искать принципиально новые средства ведения войны, которые воплотились в консциентальном оружии. Термин этот довольно новый, и под ним понимают обычно весь комплекс небоевых средств подавления противника, направленных на поражение сознания с помощью информационного, идеологического, пропагандистского воздействия на сознание. Conscientia по латыни и означает «сознание, совесть». Цель консциентальной войны — навязать народу враждебной страны ложные ценности, словно смертельные вирусы, разъедающие духовную ткань общества, убедить в своем тотальном превосходстве, разгромить идеологию противника, заставить другие народы добровольно отказаться от своих интересов. После того, как сознание народа вражеской страны будет разрушено, целей войны можно достигнуть даже без применения военных средств — в ход идет экспорт цветных революций или даже банальные дворцовые перевороты.

Если же дело все же доходит до применения силы, война представляет собой нечто похожее на агрессию НАТО против Югославии в 1999 г. Сербы имели средства, способные заставить Запад отказаться от своих планов уничтожения их страны. Достаточно было нескольких ракетных ударов по военным базам НАТО в Италии и Германии, чтобы интервенты дали задний ход. Оружие было, но не было даже десятой доли той решимости отстоять независимость своей родины, что имели вьетнамцы тридцатью годами ранее. Поэтому Югославия сдалась и выдала на расправу торжествующему победителю своего лидера Милошевича.

Холодная война 1946—1991 гг. была именно планетарной консциентальной войной, где горячие конфликты происходи-

ли на периферии, а основным театром военных действий была битва за сознание человечества. Нельзя сказать, что СССР терпел в этой войне одни лишь поражения. Запад тоже пережил немало идеологических поражений в борьбе за Латинскую Америку, Азию или Африку. Но исход глобального противостояния решился в схватке за господство над массовым сознанием народов стран Восточной Европы и самого Советского Союза. Эту битву мы с треском проиграли. И чем скорее русские поймут, почему они оказались побеждены, тем у нас будет больше шансов избежать окончательного уничтожения.

Могли ли фальшивые «секретные протоколы» привести к горячей войне? Даже сейчас это вполне возможно. Например, Польша потребует у Литвы вернуть никогда ей не принадлежавший город Вильно, а румыны предъявят претензии к Украине, потребовав отодвинуть границу между двумя странами к Днестровскому Лиману. В этом нет ничего необычного — войны, как правило, начинались именно так. Впрочем, зачем рассуждать гипотетически. Фальшивые секретные протоколы уже спровоцировали одну кровавую войну, которая до сих пор не завершена, а лишь заморожена. Если эту войну возобновить, в нее при желании легко можно втянуть такие страны, как Россия и Украина.

Из-за того, что стадо баранов, называющее себя Съездом народных депутатов СССР, послушно сплясало под дудку Яковлева, в кровавой мясорубке в Приднестровье в 1992 г. погибли полторы тысячи человек. И пока миллионы людей верят в существование «секретных протоколов», их будут использовать для разжигания ненависти между русскими и прибалтами, между поляками и украинцами, между поляками и литовцами, между румынами и молдаванами, между румынами и украинцами, поляками и русскими. Разоблачить фальшивые «секретные протоколы» — значит обезвредить исторический фугас, способный взорвать мир в Восточной Европе. К чему это может привести, демонстрирует история по сей день не завершившейся гражданской войны в Молдавии.

Началом молдавского националистического движения считается пленум Союза писателей в октябре 1987 г., ключевой темой обсуждения которого стала проблема вытеснения молдавского языка. Участники призвали к переходу на латинский алфавит. В апреле 1988 г. на общем собрании творческих союзов создается «Движение в поддержку перестройки». В мае 1989 г. оно объединяется с Литературно-музыкальным клубом «Алексей Мацеевич»

и становится Народным фронтом. Вопрос языка и национальной идентификации молдаван вообще был ключевым в политике тех лет. По правде говоря, молдаване — это искусственно созданная в СССР национальность. В течение нескольких десятилетий молдавский язык целенаправленно реформировался с целью его отдаления от румынского, что, разумеется, не могло не вызвать глухого протеста. Доходило до маразма — за чтение даже технической литературы на румынском языке можно было удостоиться вызова в КГБ с целью проведения воспитательной беседы.

Румыны — древний народ, однако многовековое отсутствие единой государственности, господство инородных завоевателей (турок, венгров, австрийцев) и позднее появление литературного языка привело к появлению больших культурных и языковых различий между жителями различных исторических румынских областей, одной из которых являлась Молдавия. Несмотря на наличие молдавского диалекта румынского языка, отличающегося большим количеством славянизмов и использующего традиционную кириллицу, говорить о том, что молдаване представляют собой отдельную от румын этническую общность будет неверно. У румын и молдаван всегда была общая история и общая литература (в советское время ее именовали корявым термином «румынско-молдавская»). Другой вопрос, что сами молдаване в начале XX столетия себя не идентифицировали, как румын и не были в восторге от румынизации 20—30-х годов. К тому же собственно в Бессарабии молдаване формально являлись нацменьшинством, составляя порядка 46% населения, и полиэтничность региона наложила свой отпечаток на молдавскую культуру.

В СССР национальный вопрос чаще всего являлся элементом внешней политики. Например, в 1940 г. была образована Карело-Финская ССР, в котором доля финно-угорских народов составляла около 27% населения, финнов же как таковых вообще не было. Известен даже такой анекдот: в КФССР есть два финна — ФИНинспектор и ФИНкильштейн, но вообще это один и тот же человек — Рабинович. Но советское руководство не исключало гипотетической возможности включения в состав Союза Финляндии даже после Зимней войны, и потому была создана номинальная финско-карельская государственность, позволяющая формально претендовать на объединение финского народа под эгидой СССР. В 1956 г. Карело-финскую союзную республику за ненадобностью ликвидировали, преобразовав ее в автономную в составе РСФСР.

После проигранной советско-польской войны большинство белорусов оказались под властью Ржечи Посполитой. В качестве противовеса полонизаторской политике Варшавы была создана Белорусская Советская Социалистическая Республика. Да вот беда — белорусов в ней было с гулькин нос. Поэтому к БССР, чтоб ее было хотя бы видно на карте, спешно прилепили Витебскую, Могилевскую и Гомельские области, ранее входившие в РСФСР, а их жителей при выдаче паспортов записывали белорусами. Кстати, Смоленская область тоже вполне могла попасть в состав Белоруссии, так как местные крестьяне говорили на наречии, отнесенном к белорусским говорам.

Литературного белорусского языка в то время не существовало, и потому он был ударными темпами создан по заказу партии и правительства. Получился он несколько корявым, поэтому сегодня даже многие белорусы стесняются говорить на нем, предпочитая русский, но это, так сказать, издержки процесса. Факт остается фактом — белорусская национальность со своим языком, письменностью и литературой официально появилась в 20-е годы в СССР по политическому заказу. Кстати, первый белорусский алфавит был создан в 1918 г. Брониславом Тарашкевичем на основе латиницы, поскольку автор сего изобретения являлся полонофилом. Потом он разработал и правила белорусского письма на кириллице (тарашкевицу), однако его работа оказалась невостребованной, ибо поляки ликвидировали все белорусские школы.

Учреждение на территории Украины Молдавской автономии преследовало ту же цель — создать базу для последующего присоединения Бессарабии. 2 августа 1940 года на VII сессии Верховного Совета СССР был принят Закон об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики, образованной слиянием бессарабской территории и заднестровской молдавской автономии. В ноябре 1940 г. территории с преобладающим украинским населением (Буджак и Северная Буковина) были переданы в состав Украинской ССР. В результате этих преобразований доля собственно молдавского населения в МССР возросла до 70%. Весьма любопытно, что при переписи населения румыноговорящие жители отошедшей к Украине Черновицкой области записывались румынами по национальности, в то время как их соплеменники в Бессарабии мигом превратились в молдаван. Разумеется, учить читать и писать советских молдаван стали на кириллице, в то время как жители Запрутской (западной) Молдавии остались румынами и использовали латинский алфавит.

Дмитрий Фурман в статье «Молдавские молдаване и молдавские румыны», опубликованной во втором выпуске альманаха «Молдавия. Научные тетради института Восточной Европы» пишет:

«Эволюция Народного фронта Молдавии проходит через те же этапы, что и эволюция всех подобных движений в СССР (и как все аналогичные движения — под влиянием «прибалтийской модели»). Вначале это «поддержка курса КПСС на перестройку», демонстрации (они начались в Кишиневе осенью 1988 г.) с портретами Горбачева и выдвижение относительно «невинных экологических и культурных (прежде всего — о переходе на латинскую графику и государственном статусе молдавского языка) требований. Но постепенно люди смелеют и начинают высказывать то, что думают, и додумывать то, что не решались додумывать раньше.

Уже в марте 1989 г. на митингах развевается румынский сине-желто-красный триколор, заменяющий красные флаги. В резолюциях учредительного съезде НФМ еще говорится о «поддержке линии партии» и упоминается «ленинская национальная политика», но уже содержатся требования полного суверенитета Молдавии, вплоть до создания своих вооруженных сил, которые могли бы использоваться вне территории республики лишь с согласия Верховного Совета МССР, осуждения «пакта Молотова — Риббентропа», объявления «языка молдавской нации» единственным государственным языком и восстановления исторической национально-государственной символики. И если руководство Народного фронта еще соблюдает «дипломатичность», то улица говорит все более открыто. Появляются лозунги: «Коммунизм — это сатанизм», «Бей коммунистов» и т. п. Движение быстро эволюционирует к яростному антикоммунизму и требованиям выхода из СССР. <...>

Народный фронт усиливает уличное давление на власть, прежде всего в языковом вопросе, и власть постепенно поддается. Еще в ноябре 1988 г. в тезисах ЦК КПМ говорится: «Утверждения, подвергающие сомнению тот факт, что молдавский народ имеет свой язык, глубоко ненаучны». Но уже в конце декабря позиция властей меняется, а с марта 1989 г. фронтисты начинают сами «проникать во власть» — из избранных народных депутатов СССР 40% — фронтисты.

Перед началом «исторической» сессии Верховного Совета Молдавии в августе 1989 г., которая должна была рассмотреть вопрос о языке, Народный фронт созывает в Кишиневе колоссаль-

ный митинг (фронтисты утверждали, что на него съехались со всех концов Молдавии около 700 тысяч человек), названный в соответствии с румынской исторической традицией Маре Адунаре — Великим Собранием. На митинге выступал недавно ставший 29 июля 1989 г. Председателем Президиума Верховного Совета М. Снегур, а обратившийся с приветствием представитель Прибалтики извинился, что вынужден говорить «на языке оккупантов».

«Великое собрание» принимает обращение к Верховному Совету и ряд резолюций с требованиями принятия законов о языке и национальной символике, и Верховный Совет «подчиняется воле народа». Он принимает законы, переводящие молдавский язык с кириллицы на латиницу, объявляющие его единственным государственным языком и требующие его знания для занятия должностей на государственной службе»[1].

Какую роль сыграл фактор «секретных протоколов» в молдавско-приднестровском конфликте? Не главную, однако именно на необходимость аннулировать результаты «сговора» Молотова — Риббентропа ссылались обе стороны, обосновывая свои правовые решения. 23 июня Верховный Совет МССР утвердил Заключение специальной комиссии по пакту Молотова — Риббентропа, в котором создание МССР было объявлено незаконным актом, а Бессарабия и Северная Буковина — оккупированными румынскими территориями. Снова процитирую упомянутую статью Дмитрия Фурмана:

«Как и в Прибалтике, лозунгом молдавского антисоюзного движения становится требование признания незаконными советско-германских соглашений 1939 г. («пакта Молотова — Риббентропа») и ликвидации их последствий. Но если в Прибалтике это означает восстановление независимых государств, то в Молдавии это имеет прямо противоположное значение — ликвидации Молдавии как отдельного государства, ее присоединение к Румынии («воссоединение с Родиной»). В «прокламации», принятой «Вторым Великим собранием», о присоединении Бессарабии к Румынии в 1918 г. говорится, что этим «румынский на род осуществил свой постоянный идеал», а про присоединение к СССР в 1940 г.: «оккупация территории путем агрессии должна рассматриваться как не имеющая с самого начала никакой пра-

---

[1] http://www.prognosis.ru/science_papers/sciencepapers_2_2008.pdf

вовой силы»65. В июле 1991 г. на конференции, посвященной «пакту Молотова — Риббентропа и его последствиям для Бессарабии», М. Снегур говорит: «После Первой мировой войны и падения Российской империи и империи Габсбургов народ этих оккупированных территорий реализовал свое естественное право на самоопределение и независимость. Историческая справедливость была восстановлена»66. Таким образом, историческая справедливость — это воссоединение в 1918 г. румынских земель и румынского народа, и миссия современного молдавского движения — вновь восстановить эту справедливость, попранную в 1940 г.

«Ирредентистский» характер молдавского движения придает ему особую радикальность, ибо ирредентизм не предполагает каких-либо переходных форм («суверенитет в составе СССР», затем членство в сНГ). Оно развивается быстро и принимает бурные формы — 7 ноября 1989 г. фронтисты-демонстранты легли под танки и помешали провести военный парад, а 10 ноября 1989 г. с целью освобождения арестованных 7 ноября была даже предпринята попытка взять штурмом здание МВД, во время которой колоссальную выдержку проявил так и не отдавший приказ стрелять в разъяренную толпу тогдашний министр внутренних дел В. Воронин. <...>

Среди республик, борющихся за разрушение СССР, Молдавия — в первом ряду. Она не проводит горбачевский референдум о судьбе СССР, и даже пытается сплотить отказывающиеся подписать его республики («Кишиневский форум»). Молдавия первой из союзных республик признает независимость Литвы и в августе 1991 г. смело и решительно противостоит «путчу» ГКЧП. И после поражения ГКЧП 28 августа новое, третье «Великое собрание» провозглашает Декларацию о независимости, после чего она тут же принимается молдавским парламентом»[1].

Когда в июле 1990 г. Народный фронт выступил с требованием о переименовании Молдавии в Румынскую Республику Молдова, это вызвало негативную реакцию жителей Приднестровья и Гагаузии (область компактного проживания тюрков-гагаузов на юге республики). 31 июля президиум Тираспольского городского совета в ответ на действия Кишинева провозгласил, что если МССР была создана незаконно, то левобережье Днестра также было незаконно в нее включено, поэтому президиум «не считает себя связанным какими-либо обязательствами перед руководством ССР Молдовы».

---

[1] http://www.prognosis.ru/science_papers/sciencepapers_2_2008.pdf

2 сентября 1990 г. на Втором съезде депутатов Приднестровья было принято решение провозгласить Приднестровскую Молдавскую Советскую Социалистическую Республику в составе СССР, поскольку решение об упразднении МССР освобождает граждан от юрисдикции республиканского руководства и автоматически предоставляет право на самоопределение. В республику включены левобережье Каменского района, Дубоссарский, Рыбницкий, Григориопольский, Слободзейский районы, столицей стал Тирасполь, действуют законы, принятые в СССР и Молдавии до 31 августа 1990 г., силовые органы подчиняются временному совету и советским органам власти. Во временный совет с полномочиями до 1 декабря выбрали 18 человек, председателем стал Игорь Смирнов (нынешний президент ПМР), бывший директор завода «Электромаш».

Приднестровцы считают, что в прошлом их республика — Молдавская автономная Советская Социалистическая Республика находилась в составе СССР, и потому не Приднестровье было присоединено к Молдавии, а Бессарабия была присоединена к Приднестровью в 1940 г. Поскольку Молдавия парламентским актом от 31 августа 1989 г. признала вхождение в СССР незаконным, стало быть, никаких прав на Приднестровье у нее нет. Провозглашение 2 сентября 1990 г. Приднестровской Молдавской ССР в составе Советского Союза стало ответом на сепаратистский курс Кишинева.

На сайте, посвященном Бендерскому сражению, сказано:

«Глубинные корни конфликта кроются в истории возникновения и развития современной государственности обеих стран, начиная с того времени, когда 2 августа 1940 г. волевым решением извне была ликвидирована государственность Приднестровья, существовавшая с 12 октября 1924 г. в форме автономной республики, путем присоединения к ней молдавской части Бессарабии и образования МССР. С этого времени конфликт проявлялся в различных формах: насильственная «молдаванизация» региона путем ликвидации большинства украинских школ, насаждение руководства и так называемых «первых лиц» преимущественно из представителей «титульной» нации, создание неравных экономических условий для Приднестровья и Бессарабии в пользу последней[1].

---

[1] http://19iyunya1992.moy.su/index/0-9

Лидеры молдавских сепаратистов выдвигали претензии того же характера — русификация, засилье во власти заднестровцев, экономическое угнетение аграрной Молдавии в пользу промышленного Приднестровья. Но что любопытно — и самые ярые молдавские унионисты — сторонники объединения с Румынией и наиболее последовательные сторонники Приднестровской республики в составе СССР сходились в том, что Днестр должен быть пограничной рекой. Унионисты считали приднестровцев ненастоящими румынами, а для приднестровских молдаван слово «румын» традиционно было ругательным. И те, и другие, обосновывая свою позицию, апеллировали к «секретным протоколам» Молотова — Риббентропа — раз уж они признаны недействительными, значит настала пора восстановить положение июня 1940 г. В «Обращении Второго съезда народов Приднестровской Молдавской ССР к ООН» говорится:

«Верховный Совет ССР Молдова признал незаконным акт создания в 1940 году Молдавской ССР <...> Тем самым Верховный Совет Молдавской ССР освободил народ Приднестровья от каких-либо обязательств перед ним и открыл путь к восстановлению государственности территории Приднестровья». 18 октября 1990 г., обращаясь к молдавскому президенту Снегуру с призывом начать переговоры, Верховный Совет ПМССР выдвигает в качестве первого своего предложения: «*Признать насильственным и незаконным включение районов бывшей МАССР в состав МССР на основании решения сталинского режима, что вытекает из многочисленных выводов и исследований Верховного Совета СССР, парламента Молдовы и кишиневской конференции по пакту Риббентропа — Молотова*».

Обоим сторонам оказалось выгодно признание «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. по крайней мере, в пропагандистских целях. Но одно дело — пропаганда и казуистические умствования о юридической правомочности границы по Днестру, и совсем другое — экономические реалии. Объединение Румынии и Молдовы после развала СССР так и не состоялось. Радикальные интеллигенты — авангард сепаратистского движения — с искренним недоумением обнаружили, что абсолютное большинство молдавского народа не только категорически не желает объединения, но даже не считает себя румынами. То есть разгул румынизаторской истерии 1988—1991 гг. был чуждым большинству явлением. Не только народные массы, но и правя-

щая верхушка, пришедшая к власти под сепаратистскими лозунгами, не хотела ликвидации молдавской государственности, поскольку это означало утрату ею статуса государственной элиты. Но экономически без промышленного Приднестровья Молдова нежизнеспособна. Что делать? Кишинев делает ставку на силовое решение конфликта с Приднестровьем. Уверенности ему придает то, что ПМР в течение года своего существования не была никем признана.

С декабря 1989 года по ноябрь 1990 года в городах и районах Приднестровья прошли местные референдумы по вопросу образования Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики. «За» образование Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики высказалось более 95,8% принявших участие в голосовании, «против» — 1,9%. Первые столкновения начались уже 2 ноября 1990 г., когда в Дубоссарах распространился слух, будто кишиневская милиция хочет захватить город. Утром женщины и ветераны начали митинг перед зданием райисполкома, позже митинг разросся, стали звучать требования передать власть в руки Объединенного совета трудовых коллективов (ОСТК), организовавшего оборону города. Жители Дубоссар заблокировали мост через Днестр, но в пять часов вечера отряд ОМОН под командованием начальника кишиневского ГУВД Вырлана начал штурм. В ходе инцидента на Дубоссарском мосту впервые с начала конфликта пролилась кровь. В результате применения омоновцами оружия три человека были убиты, шестнадцать — ранено. ОМОН через некоторое время отступил, а вечером того же дня по приказу ОСТК все въезды в город были блокированы.

Вечером следующего дня в Бендеры стали поступать сведения, что на каушанском направлении замечены автобусы и машины. Выяснилось, что с юга к городу направляются автоколонна. По бендерскому радио было передано сообщение: «Просим всех мужчин выйти на площадь и помочь защитить город от национал-экстремистов!». Молдавская автоколонна со стороны Каушан повернула в Урсою и расположилась в Гербовецком лесу. В ту ночь столкновения не произошло, однако постепенный отход молдавских отрядов начался лишь во второй половине дня 3 ноября. В течение всего следующего года происходила эскалация насилия, вылившаяся в открытый вооруженный конфликт в конце 1991 г.

25 сентября 1991 г., в день объявления независимости Приднестровья молдавская полиция вошла в Дубоссары, где примени-

ла оружие против мирных жителей, избиениям подверглись более 100 человек. В ответ на это один из лидеров Приднестровья Григорий Степанович Маракуца возглавил милицию и приступил к созданию военизированных формирований.

13 декабря молдавская полиция совершила очередное нападение на Дубоссары. В ходе 40-минутной перестрелки между полицией и приднестровскими гвардейцами погибло четверо полицейских и трое ополченцев. В ответ начались захваты заложниками полицейских в Приднестровье. В Бендерах председатель горисполкома Вячеслав Васильевич Когут ввел чрезвычайное положение. 14 декабря стычки в Дубоссарах продолжились, был убит лейтенант полиции. В Бендеры направлены два автобуса с молдавскими полицейскими. В Приднестровье начали стягиваться казаки и добровольцы из разных городов России.

В ночь с 1 на 2 марта 1992 года из засады была расстреляна машина с дубоссарскими милиционерами, выехавшими, как оказалось позднее, по ложному вызову. Кто устроил засаду, до сих пор неизвестно. 2 марта отряд специального назначения МВД Молдавии атаковал полк российской 14-й армии, дислоцировавшийся возле села Кочиеры. Офицеры и прибывшие им на помощь гвардейцы оказали сопротивление. Были блокированы жилые дома с семьями военнослужащих. В Кочиерах и Дороцкое расположились силы МВД Молдавии и был начат артиллерийский и ракетный обстрел Дубоссар и Григориополя. Налеты и перестрелки продолжались до середины июня. Молдавия объявила мобилизацию резервистов, но многие призывники уклонились от призыва. Под давлением общественности 18 июня 1992 г. парламент принял постановление о мирном урегулировании конфликта.

Однако на следующий день, 19 июня, президент и главнокомандующий вооруженными силами Молдавии Мирча Снегур направил в Бендеры регулярные части молдавской армии и МВД. Начались кровопролитные бои за город. 20 июня молдавские войска вышли к бендерскому мосту через Днестр. Начался штурм горисполкома, обороняемого приднестровцами. Кишинев применил авиацию для взрыва моста, однако бомбы почему-то попали в жилые районы села Парканы. В расположении российского полка в этом селе произошел взрыв, погибли 26 солдат. На сторону приднестровцев переходили добровольцы из 14-й армии, в основном из числа местных жителей. Они вместе с казаками, гвардейцами и ополченцами прорвались в Бендеры и выбили молдавские войска из большей части города. Формально соблюдающая нейтралитет бывшая 14-я армия, подчиняющаяся Москве, фактически поддержала приднестровцев.

Провал бендерской операции вызвал политический кризис в Молдавии. В Кишиневе левые силы начали выступления за отставку правительства и парламента, допустивших гражданскую войну. Глава правительства и министр обороны ушли в отставку. 21 июля в Москве Ельциным и Снегуром в присутствии Смирнова было подписано соглашение «О принципах урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдовы».

На этом горячая фаза конфликта прекратилась. Потери составили около полутора тысяч человек, из которых половина — мирные жители. Приднестровский конфликт не урегулирован по сей день. Молдавия сегодня — самая нищая страна Европы. Экономика ее держится главным образом за счет тех средств, что присылают на родину гастарбайтеры, выехавшие на заработки в Европу и РФ. Положение в Приднестровье не многим лучше. И хотя Румыния предоставляет гражданство всем желающим молдаванам, об объединении двух стран речи уже не идет. Даже в Румынии эту идею поддерживает менее половины населения, а в Молдове — и того меньше. Фактор «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа периодически проявляется в российско-румынских, румыно-украинских и молдавско-украинских отношениях, однако пока без каких-либо реальных последствий.

МЕТОД

Что ж, давайте подведем некоторые итоги. Я не пытаюсь доказать то, что «секретные протоколы» Молотова — Риббентропа не существуют. Доказать отсутствие чего бы то ни было невозможно в принципе. Я не пытаюсь реабилитировать сталинскую внешнюю политику. Можно иметь различное мнение по этому поводу, но мне совершенно не интересны мнения. Я оцениваю результаты, и эти результаты превосходны: Советский Союз вернул статус великой морской державы (утраченный в результате поражения в Крымской войне и Цусимской катастрофы), вновь обретя выход в Балтийское море и Тихий океан. Впервые(!) за всю историю России наша страна к середине XX столетия не имела на своих границах ни одного откровенно враждебного государства. Более того, впервые на востоке Европе мы получили пояс дружественных стран. Впервые ВСЕ исторические русские земли с присоединением Закарпатья были объединены в одном государстве. Единственная, пожалуй, крупная неудача Сталина — провал объединения Иранского Азербайджана с Азербайджанской ССР в 1945 г., но, как говорится, и на старуху бывает проруха.

Цель моего исследования — раскрыть механизмы деформации исторического сознания народа и показать результаты, к которым приводят подобные мутации. Почему я выбрал в качестве наглядного примера именно фальсификацию «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа? Если честно, только потому, что близилась юбилейная дата — 70-летие со дня подписания советско-германского Договора о ненападении. Да, и еще, конечно, прибалтийские шавки задолбали — недели не проходит, чтоб они не тявкнули по поводу советской оккупации или сговора Молотова с Риббентропом.

Итак, речь о фальсификации истории. Резюмируем коротко важнейшие аргументы, доказывающие фальсификацию «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа с целью уничтожить Советский Союз. Во-первых, оригиналы протоколов НИКТО и НИКОГДА не видел. Коль уж протоколы действительно были найдены Яковлевым и Волкогоновым в октябре 1992 г., и ныне хранятся в Архиве президента Российской Федерации, доказать их сущест-

вование легко — просто предъявив эти артефакты общественности. Однако якобы найденные «секретные протоколы», которые не являются секретными по своему статусу, скрываются не только от научной общественности, но даже от должностных лиц, осуществляющих внешнюю политику страны. Несколько публикаций в СМИ о том, что, дескать, «секретные протоколы» экспонировались на каких-то выставках, на поверку оказывались банальными газетными утками.

Во-вторых... Впрочем, есть такой известный исторический анекдот. Наполеон грозно спрашивает своего генерала: «Почему вы сдали крепость?». Тот отвечает: «О, мой император, на то было сто причин. Во-первых, у нас не было снарядов. Во-вторых...». «Спасибо, первого достаточно» — прервал объяснения генерала Бонапарт.

Так вот, то, что Молотов и Риббентроп не подписывали известные нам «секретные протоколы» следует из того, что до сего дня никто не видел этих документов, а гуляющие по Интернету «фотокопии»фон Леша и «оригиналы» Яковлева — Пихоя неаутентичны между собой. Все прочие доводы будут совершенно излишни. Но все же давайте доставим еще одну порцию «удовольствия» фальсификаторам и перечислим их важнейшие аргументы в пользу существования «секретных протоколов

1. Аффидевит Гаусса. Явная фальшивка, о чем свидетельствует хотя бы один прокол с разделом Литвы. К тому же письменные показания физического лица, не подкрепленное документально, в принципе не могутт являться доказательством существования «секретных протоколов».

2. Микрофильмы из коробки фон Леша. Нет никаких данных, подтверждающих достоверность легенды Безыменского об их захвате западными союзниками в 1945 г. Шенберге. Реально их история прослеживается только с момента передачи Госдепартаментом США Политическому архиву ФРГ в 1958 г.

3. Показания Риббентропа на суде. Они во многом категорически разошлись даже с аффидевитом Гаусса, а количество внутренних противоречий и грубейших неточностей в них самих таково, что их однозначно следует считать лжесвидетельством. Собственно, именно так они и были восприняты в 1946 г. Ни Трибунал, ни аккредитованные в Нюрнберге журналисты не придали им значения.

4. Мемуары Риббентропа «Между Лондоном и Москвой». Верить в то, что они написаны лично Риббентропом, может лишь тот, кто их не читал. Поэтому даже апологеты «секретных протоколов» стараются обходить их своим вниманием.

5. Сборник документов «Нацистско-советские отношения. 1939—1941». При всем желании данный источник не может использоваться при написании историографических трудов, ибо происхождение опубликованных текстов издателем скрыто.

6. Карты Польши с росписями Сталина и Риббентропа. Все четыре известных мне варианта являются фальшивыми. Уже одно только количество этих изображений, участвующих в пропагандистском обороте, указывает на их подложность.

7. Доклад Яковлева. Он выражал лишь личное мнение докладчика. О содержании доклада не знали даже члены депутатской комиссии по политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. В любом случае в нем не приводится ни одного аргумента в пользу существования «секретных протоколов», а лишь констатируется, что оригиналы оных нигде не обнаружены. Мнение же, тем более голословное, доказательством быть не может.

8. Выводы депутатской комиссии Яковлева, сделанные на основании собранных документов и проведенных экспертиз. Как мною установлено, упомянутая комиссия вообще не осуществляла никакой работы и была создана лишь с целью прикрытия мероприятий по фальсификации «доказательств» существования «секретных протоколов», которые были осуществлены членами Политбюро ЦК КПСС их сообщниками.

9. Акт Смирнова — Подцероба. Мною обнаружено более 20 признаков его фальсификации. Его местонахождение до сих пор не известно. Ни в одной научной работе нет ссылок на этот документ.

10. Свидетельство Павлова. Сфабриковано писателем Карповым в период между 1989 и 1991 г. Находится в неразрешимых противоречиях с аффидевитом Гаусса и свидетельствами Риббентропа. Введено в научный оборот Львом Безыменским с указанием ложных архивных реквизитов.

11. Заверенные «копии Панина». Совершенно мифический документ с фальшивыми архивными реквизитами. Сфабрикован исключительно для того, чтобы иметь повод для опубликования «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа в сборнике «Документы внешней политики СССР».

12. Оригиналы «секретных протоколов» и карт из «Особой папки». Физически они не существуют. По указанным архивным реквизитам получить документы никому не удавалось. Введены в научный оборот фальшивки задним числом, путем выпуска в 1995 г. журналов «Вопросы истории» (№1, 1993 г.) и «Новая и новейшая история» (№1, 1993 г.).

13. Заверенные копии бесед Молотова с Шуленбургом и сопутствующие им документы (шифротелеграммы, проекты договоров). Несуществующие в природе либо видоизмененные оригинальные документы. Сфальсифицированы после 1989 г. с целью введения их в научный оборот через публикацию сборника «Документы внешней политики СССР».

В эту чертову дюжину «доказателсьтв» вошли лишь те, что участвуют в «научном обороте». Мемуары Хильгера в виду своей вопиющей лживости практически не упоминаются в этом ряду, так же как воспоминания Болена и Херварта. Газетные публикации и фантазии биллетристов, представленные сочинаниями Волкогонова, Роговина, Безыменского, Вульфсона, Радзинского, Черчилля, Резуна, Пронина, Бережкова, Семиряги и прочих в принципе не могут быть подтверждены или опровергнуты, посокольку принадлежат к сфере пропаганды, где отсутствуют критерии истины. Несколько особняком стоит работа Ингеборг Фляйшхауэр «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии», которая сделала попытку документального исследования проблемы. Но достигнутый ею результат совершенно неубедителен, ибо сама методология исследования, примененная автором, базировалась на постулировании, не анализе фактов и документов.

Честно говоря, тема фальсификации «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа столь обширна, что охватить ее всю в данном исследовании просто невозможно. Я охотно передаю эстафетную палочку честным исследователям, журналистам и читателям. В конце книги приведены координаты, по которым любой желающий может связаться с автором. Присылайте свои наблюдения, замечания, возражения, свидетельства, обнаруженные документы (а их обнаруживается все больше и больше). Возможно, совместными усилиями мы соберем материалы для еще одной книги разоблачений. В этом же заключительном обзоре я постараюсь бегло затронуть несколько новых вопросов и ознакомить с некоторыми приемами анализа фальшивок (многие из них подробно рассмотрены выше в контексте повествования). Иметь представление о способах разоблачения брехни будет полезно любому человеку, которого не устраивает ситуация, когда современные медиа тоннами льют помои на историю нашей страны. Мне не хочется быть зомби со стерилизованным и атомизированным сознанием. Надеюсь, в этом стремлении я не одинок.

Даже если бы фальсификаторы изловчились и придали яковлевско-волкогоновским «оригиналам» протоколов такой внешний вид, что комар носа не подточит, их подложность выявляется

текстологически — для объяснения совершенно безумного географического ляпа с «кусочком Литвы» («треугольником Сувалки») пришлось даже фабриковать отдельный «секретный протокол» от 10 января 1941 г., который, ничего не объяснив, лишь увеличил и без того критическую массу грубых проколов.

Поскольку «секретные протоколы» очень трудно вписать в контекст предвоенной советской внешней политики, фальсификаторы пошли по самому простому пути — попытались задним числом привязать их содержание к имевшим место событиям. Мало того, что они неоднократно грубо ошиблись, как например с разделом Литвы, но создалась очень странная ситуация: даже самый беглый анализ открытых источников позволяет выявить то, что «секретные протоколы»дублируются реальными и НЕсекретными соглашениями. Эта ситуация рассмотрена в главах «Граница» и «Бессарабия». В первом случае объясняется происхождение демаркационной линии по Висле, соглашение о которой достигнуто на военных переговорах в Москве 20-21 сентября 1939 г.; во втором рассматривается запись беседы Шуленбурга с Молотовым, в которой упоминается осеннее соглашение по бессарабскому вопросу, якобы решенному в августовском «секретном протоколе». Как невозможно безупречно вписать в историю дипломатии фальшивку, так же нереально и бесследно вырезать из нее имевшие место соглашения. Даже если историки спрячут осенние договоренности 1939 г. по бессарабскому вопросу, невозможно уничтожить массу других документов, где они упоминаются.

Гораздо сложнее вопрос о том, кто же запустил в оборот фальшивые протоколы. Я склонен считать, что это было сделано американскими спецслужбами, а не английскими, хотя в течение нескольких веков именно британцы были признанными мастерами дипломатических и политических провокаций. Во-первых, в 1946 г. Британская империя находилась в стадии развала, и у Лондона были куда более серьезные проблемы, чем поиск поводов для развязывания Третьей мировой войны между Западом и СССР. Во-вторых, вброс фальшивки был осуществлен крайне неумело, даже топорно, что профессионал вряд ли допустит. Наконец, содержание «секретных протоколов» было настолько насыщено грубыми ляпами, прежде всего географического характера, что у меня не осталось никаких оснований подозревать SIS. Британские спецоперации отличает несравненно более высокий уровень профессионализма и даже некоторая утонченность. Янки же традиционно небрежны в лингвистике и географии.

В-третьих, практически во всех пропагандистских и политических акциях, в которых фигурируют фальшивые протоколы,

торчат американские уши: Альфред Зайдль признался, что получил скандальные фотокопии от американской разведки, впервые слив был осуществлен через американскую провинциальную газету, впервые официально опубликованы они в издании Госдепартамента США, микрофильмы фон Леша переданы ФРГ тем же госдепом. Черчилль, в чьи уста было вложено официальное объявление холодной войны, произнес свою знаменитую Фултонскую речь в США в присутствии американского президента, да и сам антикоммунист №1, чья мать являлась американкой, всегда считался в Великобритании лидером проамериканского лобби. Первое издание протоколов и сопутствующих им документов на русском языке осуществлено в 1983 г. так же в США. При этом совершенно очевидно, что перевод был осуществлен нерусским человеком, и не с немецкого, а именно с английского текста, хотя формально автором перевода считается беглый советский диссидент Фельштинский. Главная заслуга в признании «секретных протоколов» по копии, а также честь отыскания их «оригинала» принадлежит американскому агенту влияния Александру Яковлеву, который вполне обоснованно обвинялся в связях с ЦРУ, что в свое время послужило причиной его опалы на закате перестройки. Заслуга США в культивировании сепаратистских движений в СССР, прежде всего в Прибалтике, достаточно очевидна.

Стоит подробнее остановиться на методологии исследования фальшивок, потому как этим делом занимаются очень немногие, а те, кто должен делать это по долгу службы, прежде всего архивисты, историки и журналисты, часто занимаются всего прямо противоположным — фабрикуют, обосновывают и пропагандируют ложь. Даже если прямых улик фальсификатор не оставляет, совокупность косвенных улик порой достигает критической массы. Всякий фальшивый документ, как бы безупречно он ни был выполнен, имеет «маячки», сигнализирующие о подлоге.

Например, представьте себе, что историки предъявили найденный в каком-нибудь секретном архиве сенсационный документ — договор между Лениным и кайзером Вильгельмом II, где первый обязуется совершить революцию и заключить сепаратный мир с Германией, а второй обещает профинансировать указанные мероприятия. Все выполнено просто безупречно, но текст отпечатан на машинке Lexicon 80 фирмы Olivetti. В данном случае это прямое доказательство подлога, потому что Lexicon 80 была создана известным дизайнером Ниццоли только в 1948 г. Если же текст отпечатан на американской машинке Sholes & Glidden Type Writer выпуска 1874 г., то теоретически такое было возможно, но только теоретически, ибо первые модели печатных маши-

нок, не имеющие переключения регистров, к XX веку давно вышли из употребления. И объяснить такой факт можно лишь тем, что фальсификаторы использовали для изготовления подделки первый попавшийся под руку старый аппарат, упуская из виду, что в 1917 г. он уже был музейным раритетом. Вопросов не возникнет лишь в случае, если пресловутый договор отпечатан на немецкой машинке Erika Naumann или современной ей модели.

Можно найти «маячки», сигнализирующие о подложности документа, даже не видя листа с машинописью. Например, в «записке Смирнова — Подцероба» странная запись: «Письмо тов. Ст. Гитлеру от 21.VIII. 1939 г. (подлинник). Что же здесь странного? Обозначение месяца латинскими цифрами нехарактерно для советского делопроизводства того времени, тем более, что в том же акте месяц всегда пишется по-русски. Нехарактерным употребление латиницы было потому, что пишущие машинки отличаются от современных компьютеров отсутствием возможности переключения языковой раскладки клавиатуры посредством нажатия клавиш Alt+Shift. Поэтому если в русский документ требовалось вписать что-то латиницей, то использовались две пишущие машинки — с русским и латинским шрифтом.

Да, существовали и многоклавиатурные пишущие машинки, фактически представляющие собой две или более печатающих машинок, поставленных рядом и соединенных так, что каретка способна переезжать с одной машинки на другую. Но из-за громоздкости они использовались крайне редко. Так с какой стати в выполненном машинописью «акте Смирнова — Подцероба» присутствует несколько латинских символов? Вероятно, набор этого текста осуществлялся впервые для публикации в газете «Известия» от 28 декабря 1989 г. с рукописи, а коль автор употребил латиницу, то и наборщик добросовестно воспроизвел ее, благо он пользовался фотонаборным аппаратом, позволяющим легко это сделать.

Другой вариант: редакция сдала в набор, как и полагается, машинописные тексты, но латинская цифра VIII была условно обозначена суррогатным образом — У111, либо просто вписана от руки, что практиковалось наиболее часто. Но зачем мидовским чиновникам нужно было создавать себе такие проблемы, когда они вполне могли просто написать по-русски слово «август»? Этот нюанс можно считать косвенным свидетельством подлога. Косвенные улики имеют значение лишь в том случае, если их достаточно много. Если современное право позволяет осудить человека за убийство на основании совокупности косвенных улик, то и мы можем признать исторический источник фальшивым, когда косвенные свидетельства подлога достигают определенного

количества в том случаях, когда прямые и неоспоримые доказательства подлинности оного отсутствуют.

Лингвистические «маячки» (косвенные улики против фальсификаторов) достаточно явно проявляются, когда мы имеем дело с переводом с языка на язык — документ часто несет в себе особенности, характерные для языка оригинала. Например, в 1989 г. в пятом номере журнала «Новая и новейшая история» был опубликован такой документ:

Приложение

ТЕКСТ ПРОЕКТА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПАКТА, ПЕРЕДАННОГО В. М. МОЛОТОВЫМ ШУЛЕНБУРГУ 19 АВГУСТА 1939 г.

Проект

Правительство СССР и Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела миру между народами и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья 1

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от какого бы то ни было насилия и агрессивного действия друг против друга или нападения одна на другую, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья 2

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом насилия или нападения со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме подобных действий такой державы.

Статья 3

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по тем или иным вопросам, обе Стороны обязуются разрешить эти споры и конфликты исключительно мирным путем в порядке взаимной консультации или путем создания в необходимых случаях соответствующих согласительных комиссий.

Статья 4

Настоящий договор заключается сроком на пять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 5

Настоящий Договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок, после чего Договор вступает в силу.

ПОСТСКРИПТУМ

Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся Сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта.

Для того, чтобы читатель не сомневался, что здесь приведен подлинный документ, текст снабжен солидной ссылкой: АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, лл. 52—53. Но элементарный лингвистический анализ сразу выявляет подложность этого документа. Смысл фальсификации, как нетрудно догадаться в том, что здесь присутствует более чем странный «постскриптум», где упоминается некий особый протокол. Но вместо слов «составляет органическую часть пакта» по-русски правильно будет написать «неотъемлемую часть». Такая режущая глаз корявость может возникнуть разве что при художественном переводе с английского, где словосочетание integral part переводится в зависимости от контекста как «неотъемлемая часть» (юриспруденция, экономика) или как «составная, органическая часть» (медицина, биология). Переводчик просто не учел этот нюанс. Но самый большой изъян этой фальшивки в том, что предполагаемое соглашение именуется то «настоящий пакт», то «настоящий Договор».

Кстати, не лишне будет вспомнить, что Риббентроп в своих мемуарах утверждает, будто русские не пытались заранее составить проект договора о ненападении, и в дело пошел вариант, набросанный им совместно с Гауссом уже в самолете. Если Риббентроп говорит правду, значит, рассматриваемый проект договора — позднейшая фальсификация. Если рассматриваемый нами документ подлинный — значит, сфабрикованными являются мемуары Риббентропа. Но всего вероятнее третий вариант: и то и другое — фальшивка.

Не будем придираться к тому, что слово «договор» с заглавной буквы принято писать в английской грамматике, но не в русской (если это не имя собственное). Не станем долго задерживать наше внимание на том, что в официальном документообороте слово «постскриптум», тем более в текстах договоров(!) НИКОГДА не употребляется, и то, что здесь так названо, на самом деле является примечанием. Главное заключается в том, что советская

дипломатия разделяла понятия «пакт» и «договор», и одно и то же соглашение никогда не называлось пактом и договором одновременно. Это подметил еще Юрий Калабухов в статье «Белые пятна» и мифы истории» (журнал «Молодая гвардия», №7, 1991г.):

«Была ли у Советского Союза практика заключения с другими государствами не договоров, а пактов? Да, была. 29 сентября 1939 годе одновременно с заключением с Германией договора о дружбе и границе СССР заключил с Эстонской Республикой ПАКТ о взаимопомощи. 5 октября 1939 годе СССР заключил с Латвийской Республикой ПАКТ о взаимопомощи. А вот 10 октября 1939 года СССР заключил с Литовской Республикой договор о взаимопомощи (с передачей Литве по этому договору города Вильно и Виленской области).

Если наша страна заключала с одними государствами договоры, а с другими —— ПАКТЫ, то в этом была какая-то тонкость. Какая? Если рассмотреть содержание ПАКТОВ, заключенных СССР с Эстонией (см. газету «Правде» от 29 сентября 1939 г., с. 1) и Латвией (см. газету «Правда» от 6 октября 1939 г., с. 1), то нетрудно увидеть, что по этим ПАКТАМ нашей стране предоставлялась возможность арендовать на длительный срок (10 лет) какие-то морские порты (в случае с Латвией) или какие-то острова (в случае с Эстонией) этих государств и создавать там советские военно-морские базы или другие объекты военно-стратегического назначения. То есть наша страна получала как бы дополнительные территории вне наших границ. Эти порты и острова с их акваториями создавали широкий простор для действия наших военно-морских сил. Таким образом, договоры между СССР и Латвией, СССР и Эстонией имели существенную значимость еще и для других стран, расположенных в непосредственной близости от зоны действия этих договоров. Они могли затрагивать их суверенные интересы. Кроме того, те малые страны (Латвия, Эстония), которые заключали с нами, великой державой, договоры, сами хотели, чтобы заключаемые договоры о взаимопомощи уже названием показывали бы всему миру свою значимость. В силу этих обстоятельств договоры между СССР и Латвией и Эстонией перерастали иэ просто договоров в ПАКТЫ. В случае же с Литвой СССР не получал возможности сооружать на литовской территории военно-морские базы и т. д., он лишь получал возможность с целью защиты Литвы от агрессии извне расквартировывать на ее территории строго ограниченные по виду, составу и количеству контингенты войск, которые должны

были размещаться на согласованных с литовским правительством территориях. То есть в данном случае договор касался только Литвы и СССР, не затрагивал интересы сторонних государств и не мог называться ПАКТОМ».

Пактом советско-германский договор был назван 18 сентября 1939 года в германо-советском коммюнике о польских событиях, поскольку в результате разгрома Польши августовский договор приобретал большую значимость. Однако в дипломатической переписке он продолжал именоваться исключительно договором. В печати же термин «пакт» иногда фигурирует, но исключительно в редакционных комментариях. Например, в газете «Известия» за 24 августа 1939 г. в редакционном сообщении, предваряющем публикацию текста Договора о ненападении, используется слово «пакт», а в газете «Правда» в том же самом случае соглашение называется исключительно договором.

Поскольку замирению с Японией после серии локальных вооруженных столкновений Советский Союз придавал исключительно большое значение, то и соглашение, подписанное между двумя странами 13 апреля 1941 г. официально именовалось Пактом о нейтралитете. Кстати, с его расторжением возникли некоторые сложности, поскольку аннулирован он мог быть только по истечении пятилетнего срока, то есть в 1946 г., а до того времени отказ от взятых Советским Союзом обязательств означал одностороннюю денонсацию пакта[1].

«Пакт Молотова — Риббентропа» — есть сугубо журналистский штамп, сформированный западной прессой, и внедренный в наш обиход в период перестройки. Поэтому когда перестройщики принялись клепать фальшивки, долженствующие убедить общественность, что «секретный протокол» все же существовал, они принялись лепить подобного рода фитюльки, где непроизвольно вворачивали в официальную переписку слово «пакт». Так это сло-

---

[1] Молотов в этой связи был поставлен в сложное положение, поскольку тайные обязательства, данные западным союзникам, являлись нарушением советско-японского пакта. Впрочем, потеря лица советской дипломатии не грозила, так как со стороны Японии имели место многие нарушения данного соглашения, по крайней мере формальные. Советская же сторона в течение всей войны исключительно строго соблюдала нейтралитет. Например, американские самолеты, совершавшие вынужденные посадки на советском Дальнем Востоке, не возвращались США, а летчики интернировались. Японская нефтяная концессия на Северном Сахалине продолжала функционировать вплоть до 1945 г., несмотря на то, что полученное топливо использовалось японцами в войне с Америкой.

во стало ярким маячком, сигнализирующим о том, что перед нами сфабрикованный документ. А начало путанице со словами «пакт» и «договор» было положено в 1948 г. Госдепартаментом США, издавшим сборник «Нацистско-советские отношения. 1939—1941». Вот видите, как много лишь лингвистических «косяков» допустили фальсификаторы в таком маленьком тексте. Кто-то все еще верит, что данный «проект пакта» существует? Ну, тогда попробуйте получить его в архиве. Я бы тоже не отказался взглянуть на него

Еще более ярким «маячком» является использование в официальных внешнеполитических документах титулатуры. Если какой-то документ подписывает «фон Риббентроп» или «граф фон дер Шуленбург», то это очевиднейшая подделка. Это даже, наверное, можно считать прямым, а не косвенным доказательством подлога. Выше уже отмечались такие лингвистические «маячки», как именование Народного комиссариата внутренних дел анахронизмом «ОГПУ», замена в официальных документах названия СССР на «Советскую Россию» или обозначение советско-германских отношений, как «русско-германские» (почему же тогда не «русско-немецкие»?). Из той же серии прилагательное «имперский» применительно к Германии — имперский министр, имперские граждане, и т.д.

Почему до 1988 г. тема «секретных протоколов» широко не поднималась даже на Западе в период холодной войны? Потому что сильно педалировать этот вопрос было опасно: во-первых, еще был жив Молотов, во-вторых, в случае, если бы шумиха вокруг пресловутого сговора Молотова — Риббентропа действительно стала наносить урон СССР, разоблачить провокацию не составило бы труда. И, наконец, особой нужды в этом не было, пропаганде нужны мифы, а не факты.

Молотов скончался 8 ноября 1986 г., и уже через несколько месяцев — 23 августа 1987 г. (по другим данным 28 сентября того же года) на митинге протеста в Вильнюсе была предпринята первая попытка публично заявить в СССР о существовании «секретных протоколов». Попытка оказалась не очень удачной — малочисленная манифестация сепаратистов была быстро разогнана милицией. Не исключаю, что информация о вильнюсской акции 1987 г. запущена в оборот задним числом, никаких достоверных сведений о ней я не нашел, а зарубежные источники крайне противоречивы. Но достоверно известно то, что еще раньше, весной 1987 г. проблема «секретных протоколов» якобы впервые обсуждалась на Политбюро, а Горбачев даже знакомился с их «оригиналами» и советовал своему помощнику Болдину уничтожить их (со слов последнего). Сам экс-генсек категорически отрицает это.

В июне 1988 г. широкий резонанс получило очень умело организованное выступление Маврика Вульфсона на пленуме творческих союзов Латвийской ССР, после чего на головы прибалтийского обывателя обрушился девятый вал антисоветской пропаганды, которую осуществляли в первую очередь официальные партийные и государственные издания. В результате на митинге 23 августа в Вильнюсе против пакта Молотова — Риббентропа протестовали уже тысячи человек, а через год в тот же день в межреспубликанской акции протеста участвовали два миллиона человек, включая и русских. В 1989 г. работа по пропаганде пресловутого сговора между Сталиным и Гитлером приобретает невиданный размах, обработке подвергается уже население всего Советского Союза. Пресса и телевидение с мазохистским сладострастием стирают «черные пятна» истории.

Несмотря на гласность и «свободу слова», первая и единственная в советское время критическая публикация, где существование «секретных протоколов» подвергается сомнению, появляется лишь в июле 1991 г. в «Молодой гвардии». Академические издания вроде «Вестника МИД СССР», журналов «Международная жизнь», «Новая и новейшая история» все это время активно вводят в «научный оборот» фальшивки с молчаливого согласия, а скорее всего, при непосредственном участии министра иностранных дел Шеварднадзе, его заместителей и преемников (Бессмертных, Квицинский, Панкин). Завершается эта эпопея покаянным постановлением Съезда народных депутатов, принятым 24 декабря 1989 г. В 1990 г. начинается парад суверенитетов, и к весне 1991 г. Советский Союз де факто разваливается, что в декабре того же года закрепляется Беловежским соглашением[1].

Ставка в деле развала СССР с 1988 г. делается на сепаратистские движения, матрицу которых задали именно прибалтийские, наиболее массовые и организованные. Те же имели под собой единую идеологическую базу: «секретные протоколы» — оккупацию — депортации, как черный миф, и национальную независимость, как политический идеал.

После развала Советского Союза утилитарная нужда в «секретных протоколах» вроде бы отпала, и потому на Западе инте-

---

[1] Существует мнение, что если бы путч ГКЧП 19 августа 1991 г. не сорвал намеченное на следующий день подписание Договора о Союзе суверенных государств, то Советский Союз можно было бы сохранить. Полная чушь! Сей договор согласились подписать лишь девять республик из 15, да и по сути своей предполагаемая федерация мало отличалась от нежизнеспособного СНГ, созданного 8 декабря 1991 г. В случае, если бы новый союзный договор был подписан, СССР официально прекращал свое существование 20 августа 1991 г. То есть путч фактически продлил политическую агонию Советского Союза на четыре месяца.

рес к этой теме разом спадает. Но в новой Польше, Литве, Латвии, Эстонии «преступный сговор» Молотова — Риббентропа остается важнейшим блоком государственной идеологии, краеугольным историческим мифом, фактором внешней и внутренней политики. Сами посудите: новым прибалтийским режимам нужна хоть какая-то идеологическая база для притеснения русских «неграждан», основание для требования с Москвы компенсации за годы «оккупации». Поляки с энтузиазмом предались своей любимой русофобии, и так же не прочь стрясти с нас деньги. Поэтому уже при Ельцине работа по наращиванию комплекса фальшивок в поддержку «секретных протоколов» была продолжена, тем более что яковлевские суррогаты 1989—1990 гг. в виде «заверенных копий» и «служебных записок» выглядели крайне сомнительно. Недаром Яковлева, Лебедеву, Афанасьева и прочих пропагандистов антисоветских мифов, продолживших свою грязную работу в 90-е годы, осыпали государственными наградами Польши, прибалтийских республик и подкармливали жирными заграничными грантами на «научные исследования». Да и для внутреннего использования антисоветская пропаганда оказалась востребована уже после свержения советской власти. Тому пример — суд по делу КПСС.

Анализировать польские и прибалтийские пропагандистские источники последних 20 лет по «секретным протоколам» нет никакого смысла — это либо клинический бред, либо художественная интерпретация, базирующаяся на старых постулатах. А вот отечественные издания «научно-фундаментального» характера весьма полезны, ибо дают хорошую пищу для новых разоблачений. Ведь что толку разгромить статейку в бульварной прессе? Фальшивки обычно сначала обкатываются в масс-медиа, и если затея не срабатывает, «серьезные историки» всегда имеют возможность откреститься от этой провокации. Но если липовый документ опубликовали в официальном сборнике, то тут уже деваться некуда.

Поэтому желающие могут провести увлекательный эксперимент — собрать все официально опубликованные документы, касающиеся «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа (а их всего не более полусотни) и проанализировать, насколько они стыкуются между собой. Например, в «секретном протоколе» от 10 января 1941 г. говорится:

«Правительство Германии отказывается от своих притязаний на часть территории Литвы, указанную в Секретном Дополнительном Протоколе от 28 сентября 1939 года и обозначенную на приложенной к этому Протоколу карте».

Между тем к «секретному протоколу» от 28 сентября 1339 г. никакая карта не прилагалась, там есть лишь содержалась ссылка на *«карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией».*

Как прикажете это понимать? Во-первых, секретный документ не может иметь своей составной частью несекретный документ (в данном случае карту) хотя бы потому что храниться они должны раздельно. И уж совсем невозможно представить, чтобы на карте к НЕсекретному договору была приложена карта, на которой отражены секретные договоренности по запланированному разделу Литвы. Так на какую же карту ссылаются составители «секретного протокола» от 10 января 1941 г.? И вообще, была ли какая-то карта раздела Литвы?

Если верить «историкам», карта была, и на ней расписались Сталин с Риббентропом. Журнал «Новая и новейшая история» (№1, 1993 г.) публикует документ под грифом «Сов. Секретно» — «Опись № 1. Документы, относящиеся к советско-германским переговорам в период 1939—1941 гг.». Составлена опись якобы заведующим VI сектором Общего отдела ЦК КПСС Л. Мошковым 10 июля 1987 г. и перечислены в ней те самые «подлинники» документов, которые обнаружат Яковлев с Волкогоновым в «особой папке» из сейфа Горбачева. Под номером «9» в этой описи значится «Две карты польской территории с подписями И.В. Сталина и Риббентропа». Странно, почему Мошков не указывает, к какому документу прилагаются эти карты, и что на них обозначено, кроме подписей Сталина и Риббентропа, но это не самая большая странность в деле о «секретных протоколах». Гораздо интереснее другой вопрос: как можно было осуществлять раздел Литвы, руководствуясь картой «польской территории»? О том, что помимо Польши на карте была обозначена литовская территория, не сообщает ни Мошков, ни Безыменский в своей книге «Гитлер и Сталин перед схваткой», хотя последний упоминает даже такую несущественную подробность, что карты находились в «закрытом пакете №35», о чем умалчивают публикаторы из «Новой и новейшей истории».

Может быть, существовала какая-то иная карта? Да, существовала. В восьмом номере журнала «Международная жизнь» в 1989 г. публиковался НЕсекретный дополнительный протокол между СССР и Германией (подписан 4 октября 1939 г. Молотовым и Шуленбургом), описывающий новую линию советско-германской границы. Опубликован этот протокол был в «Ведомостях Верховного Совета СССР» (№10 (73) от 29 марта 1940 г.), откуда его и перепечатал журнал «Международная жизнь». В примечаниях к протоколу указывается следующее:

«...ПРИМЕЧАНИЕ 2: Участки границы, определенные условными линиями, будут уточнены при демаркации границы.

ПРИМЕЧАНИЕ 3: Линия границы, установленная настоящим протоколом, нанесена черным цветом на прилагаемую русскую карту масштаба 1: 100 000».

Как видим, Сталин с Риббентропом подписать эту карту 28 сентября 1939 г. никак не могли, потому что ее подписали 4 октября Молотов и Шуленбург. И при дележе Литвы ее невозможно было использовать, потому что ни в протоколе, ни, соответственно, на карте, литовская территория не упоминается. А как же быть с той знаменитой картой, на которой осталась размашистая подпись Сталина? О ней в официальных анналах нет ни единого упоминания. В архиве же находятся совершенно другие карты от 4 октября 1939 г., которые никогда не публиковались. Поэтому легко создается впечатление, будто в «особой папке» хранятся те самые карты с подписью Сталина, которые широко разпропагнадированы фальсификаторами. Вот такой нехитрый трюк. Стоит обратить внимание и на то, что 4 октября в Москве Молотов и Шуленбург сверяли границу по русской карте, что отражено в протоколе, а карты с якобы сталинским автографом (все четыре найденных мною вариантов) выполнены латинским шрифтом.

В итоге мы имеем полную нестыковку между всеми упомянутыми документами (усугубленную тем, что в некоторых официальных сборниках содержится примечание, будто некая карта была приложена к секретному протоколу от 23 августа 1939 г.), но так и не выяснили вопрос: по какой же карте делили «секретным протоколом» Литву в сентябре 1939 г, и какой картой руководствовались, утрясая территориальные вопросы в «секретном протоколе» от 10 января 1941 г.? Что характерно: НЕсекретные договоры, дополнительные протоколы и приложенные к ним карты прекрасно согласуются между собой, как например весь комплекс документов, касающийся демаркации советско-германской границы 1939—1941 гг. Но когда речь заходит о «секретных протоколах» и сопутствующих документах, то появляется совершенно неразрешимая путаница.

Представим, что протоколы все же существовали и скрыть следы их существования невозможно. Что должны были сделать историки и политики, заинтересованные в их признании, если оригиналы не найдены? Прежде всего, собрать крохи достоверной информации, а уж потом, опираясь на нее, реконструировать (домыслить) недостающие звенья логической цепочки. Но поли-

тики принялись фабриковать документы, а историки домысливали, опираясь на эти фальшивки, чем себя и изобличили сами. Ну, скажите на милость, зачем понадобилась депутатская комиссия Яковлева? Исключительно затем, чтобы прикрыть подлог. Но мы твердо установили факт, что комиссия не вела никакой исследовательской работы. Ведь если 22 июля 1989 г. ею якобы уже было сделано заключение, то выходит, что с 10 июня (9 июня завершился I Съезд народных депутатов СССР) по 22 июля комиссия сделала запросы в советские и зарубежные архивы, получила ответы, обработала открытые источники, в том числе литературу на иностранных языках (ее следовало для начала перевести), заказала экспертизы и получила их результаты, систематизировала и изучила десятки тысяч документов (по словам члена комиссии Казанника), обсудила итоги и пришла к некоему заключению. Не быстро ли? А теперь учтите, что члены комиссии работали на общественных началах без отрыва от основной работы и при этом проживали в разных городах — Москве, Вильнюсе, Риге, Фрунзе, Таллине, Кишиневе, Омске, Ленинграде, Киеве, Клайпеде Ереване и Тарту. При таких условиях сложно представить, что комиссия хоть раз собиралась в полном составе.

Поэтому если какой-нибудь «историк» теперь считает «секретные протоколы» Молотова — Риббентропа существующими, ссылаясь на то, что «факт их существования и подписания» доказала депутатская комиссия, чем освободила его от этой работы, он ставит себя в крайне уязвимое положение. Если же он сошлется на обнаружение их «оригиналов» в октябре 1992 г., то его приведет в полное замешательство прямой вопрос: «А ты их лично видел?». Поэтому ни наши, ни зарубежные историки НИКОГДА не пытались подробно исследовать обстоятельства заключения «секретных протоколов» Молотова — Риббентропа. Разве что если за это дают хорошую предоплату. Например, Фонд Сороса финансировал в 1997 г. работу некоего студентика Пронина «Советско-германские соглашения 1939 г. Истоки и последствия», которая была опубликована в Международном историческом журнале (№ 10—12, 2000 г.), осуществляющего свою деятельность на гранты все того же фонда.

В предисловии автор торжественно объявляет:

«Настоящая работа задумывалась мною как первое в российской (отечественной) науке комплексное монографическое историко-юридическое исследование советско-германских и, насколько это было необходимым для понимания детерминированности

явлений, подвергаемых научной рефлексии, советско-польских и польско-германских отношений в межвоенный период и годы Второй мировой войны»[1].

Эта первая работа оказалась ЕДИНСТВЕННОЙ отечественной «научной» монографией о советско-германских договорах 1939 г. и «секретных протоколах» (все прочие сочинения носят художественно-публицистических характер), однако серьезно воспринимать этот по сути-то студенческий реферат нельзя из-за его вопиющей убогости (например, автор цитирует художественные литературные произведения, пытаясь опровергать таким образом документальные свидетельства) и нисколько не скрываемой конъюнктурности. Публикаторы из «Международного исторического журнала» анонсируют пронинскую работу как доказательство правоты теории Резуна о том, что Сталин планировал летом 1941 г. напасть на Германию, но Гитлер, дескать, нанес упреждающий удар. Спрашивается, почему зарубежные спонсоры не нашли более солидного автора для придания научности мифу о «секретных протоколов» — ведь продажных «историков» в РФ хоть пруд пруди. Я думаю, причиной было то, что фонд Сороса выделил для этих целей столь мизерный грант, на который позарился только голодный студент Уральской государственной юридической академии. Вот жмоты! Для придания веса сему «научному» труду в 1997 г. приказом министра образования РФ Кинилева по итогам открытого конкурса на лучшую научную работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам в вузах России по разделу «юридические науки исследование» Пронин удостоен медали «За лучшую научную студенческую работу». Но эта побрякушка не добавила убедительности его реферату.

Обычно всякого рода тайны и загадки будоражат воображение историков, как навозных мух запах свежего говна. Но тему «секретных протоколов» они, словно сговорившись, старательно обходят стороной. Единственное исключение представляет собой исследование племянницы германского посла в Москве Шуленбурга Ингеборг Фляйшхауэр «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии» (Fleischhauer I. Der Pakt: Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938—1939. Berlin, 1990). Книга была издана в СССР в 1991 г. в издательстве «Прогресс». Любопытно, что книга вышла под общей редакцией Льва Безыменского, который написал предисловие, а вступительное слово

---

[1] http://history.machaon.ru/all/number_11/pervajmo/pronin.

принадлежит перу Валентина Фалина — оба активисты яковлевской шайки фальсификаторов истории.

Чувствуется, что Шляйхауэр постаралась воссоздать максимально полную картину московских переговоров, однако сделала это она очень примитивно — путем механического суммирования свидетельств, оставленных участниками встречи, и цитированием архивных документов. При этом, разумеется, она постаралась в меру своих умственных способностей устранить противоречия и неточности, приведя все свидетельства к общему знаменателю, однако ее способности оставили желать лучшего. Суммируя факты, автор не делает попытки их анализировать, а стремится лишь к внешне непротиворечивому их сочленению, и даже не пытается критически отнестись к воспоминаниям участников событий, что убивает всякую научность ее труда. Например, Фляйшхауэр обильно цитирует сфальсифицированные мемуары Риббентропа:

«На случай возникновения германо-польского конфликта, который при сложившемся положении нельзя было исключать,»была согласована демаркационная линия». Эту демаркационную линию, соответствующую директивам Гитлера, соответствующую директивам Гитлера относительно разграничения сфер интересов, Риббентроп в общих чертах нанес на карту. По его собственным словам она проходила вдоль рек Рыся (правильно: Писса. — И. Ф.), Буг (Висла. — И. Ф.), Нарев, Сан... Так выглядела демаркационная линия, которой надлежало придерживаться в случае, если бы дело дошло до вооруженного конфликта с Польшей».

Я привел всего пол-абзаца — но сколько же здесь путаницы! Фляйшхауэр смешала в одну кучу сведения о трех различных переговорах. По общепринятой версии событий сферы влияния делили Молотов с Риббентропом в августе 1939-го, демаркационную линию от имени командования вермахта согласовывал с наркомом обороны Ворошиловым германский военный атташе генерал Кестринг 21 сентября, а пресловутую карту якобы Сталин и Риббентроп подписали 28 сентября. Что касается свидетельства Риббентропа на Нюрнбергском процессе, то если речь 23 августа 1939 г. шла о демаркации по реке Писса, и эта линия якобы была нанесена на карту, то как могло появиться подписанное Шуленбургом разъяснение к «дополнительному секретному протоколу», датированное 28 августа 1939 г., где как раз уточнялась граница сфер интересов по реке Писса, ранее не удостоившейся упоминания в основном документе? Но при этом немецкий историк дотошно поправляет рейхсминистра, что река Рыся на са-

мом деле называется Писса, и дополняет, что он упустил в своем перечислении Вислу. Правда, непонятно, почему она вставляет ее между Наревом и Бугом, хотя как раз Буг в «секретном протоколе» от 23 августа не упоминался, что является существенным географическим проколом.

Сочинение Ингеборг Фляйшхауэр — это лоскутное одеяло, слепленное из мифов, фрагментов подлинных документов и свидетельств, которые сочетаются с самыми низкопробными фальшивками и домыслами автора. Дело при этом усугубленное массой ошибок, путаницы и подтасовок. Между тем «историки» в один голос признают его единственным фундаментальным исследованием по истории советско-германского договора о ненападении. Что же касается «секретных протоколов», то Фляйшхауэр даже не пытается усомниться в их подлинности. Но это следовало сделать хотя бы для соблюдения ритуала, ведь она писала свою книгу еще до того, как были найдены «оригиналы» протоколов, и даже до того, как Съезд народных депутатов признал факт их существования. Я очень невысоко оцениваю умственный уровень лиц, считающих себя учеными-историками, но, по-моему, книга Фляйшхауэр вообще не имеет ни малейшего отношения к исторической науке, ибо в ней грубо попираются самые основные принципы научного познания.

Я могу еще долго избивать банду фальсификаторов истории, находя все новые и новые противоречия в состряпанных ими «секретных протоколах» Молотова — Риббентропа и сопутствующих фальшивках, но не буду лишать любознательного читателя удовольствия сделать это самостоятельно. Разоблачение исторических фальшивок — увлекательнейшее дело! Если мое исследование будет опубликовано, вряд ли следует ожидать реакции на него представителей официальной науки — они великолепно научились не замечать, когда их тыкают мордой в дерьмо. Не надеюсь я и на то, что созданная недавно указом президента Медведева комиссия по противодействию фальсификации истории, потребует исправить школьные учебники истории, исключив из них упоминание о «секретных протоколах» (кстати, в этой комиссии заседают патентованные фальсификаторы истории вроде профессора брехологии Сванидзе!). Но зато следует ожидать, что по случаю юбилея «сговора Молотова — Риббентропа» историки порадуют нас своими новыми открытиями — будет много поводов уличить их во лжи.

ИСТОРИКИ

Почему же в течение двух десятилетий разоблачить фальшивку «секретных протоколов», оказались неспособны маститые профессора истории, хотя бы те из них, которые не являются продажными подонками? Открою вам большой секрет: даже самые профессиональные и непродажные «историки» не знают, что такое история. Они думают, что это — комплекс общественных наук, изучающих прошлое человечества. На самом деле, история есть дисциплина идеологическая, политическая и военная, ставящая задачу формирования будущего (см. эпиграф к книге). Поэтому настоящий историк — это тот, кто способен изменить сознание людских масс и тем самым повлиять на будущее. Доктор исторических наук, написавший 10 монографий о керамике бронзового века — всего лишь ремесленник от науки (пусть даже и хороший), а не историк.

Вот Иннокентий Гизель, сочинивший миф о Киевской Руси — великий историк. Почти весь XVII век Россия непрерывно воевала с Польшей за Поднепровье, на которые ее власть ранее никогда не распространялась. Но одно дело — захватить территорию, и совсем иное — удержать ее за собой. Победа Москвы во многом была обусловлена тем, что она выбрала более эффективную стратегию. Если поляки рассчитывали закрепиться на Днепре, насаждая католицизм и полонизируя население, то русские провозгласили идею защиты православных черкасцев (так тогда называли местных жителей) от иноверных басурман. Ну а для обоснования политических прав Москвы на эти земли была выдвинута доктрина, доказывающая, что Киевщина есть колыбель московского государства, «откуда пошла быть земля русская».

Поляки могли возразить, что земли эти ранее принадлежали вовсе не Москве, а Великому Литовскому княжеству, вступившему в унию с польским королевством, да к тому же были практически незаселенными (обширные пространства между Доном и Днестром назывались Диким Полем). Поэтому русскими царями и была взята на вооружение легенда о могучей Киевской Руси. А то, что к моменту колонизации Поднепровья во второй половине XVI столетия оно действительно представляло собой мало-

людные степи и лесостепи, объяснялось тем, что 400 лет назад пришел, дескать, злой Батый, города порушил, деревни пожег, а весь народ, оставшийся в живых, бежал на север. Сформулирована эта концепция была Иннокентием Гизелем в трактате «Синопсис» в 1667 г., и с тех пор она настолько прочно внедрена в историческое сознание русского народа, что оспаривать ее кажется безумием.

Меж тем проигравшие войну поляки решили взять реванш в войне пропагандистской, и в течении XVIII—XIX столетий активно внедряли в сознание идеологию украинства. Хотя, вернее будет сказать, что они лишь инициировали процесс, да и название доктрины весьма условное. Сам этноним «Украйна» — польского происхождения (обозначает малопольскую окраину, край Малопольши). Слово «украинец» впервые начали употреблять именно поляки, пытаясь подчеркнуть некую разницу между великороссами и малороссами, которая была не больше, нежели между русскими поморами и русскими волжанами. Местные крестьяне впервые услышали эту кличку лишь в конце XIX века, когда в общественной жизни стал играть заметную роль слой полонизированной интеллигенции. Если бы Гоголю кто-то сказал, что он «украинец» по национальности, он вряд ли воспринял эти слова всерьез. По национальности он считал себя русским, по происхождению — малороссом.

Честь выведения «украинцев», как отдельного этнического вида принадлежит австрийцам. После венгерского похода русских войск 1849 г. в Закарпатье, населенном русскими (самоназвание русины, официальное австрийское название рутены) начался процесс бурного культурного пробуждения местного населения, который грозил перерасти в движение за воссоединение с Россией. В ответ венское правительство предприняло энергичные меры по формированию преданной трону интеллигенции, с помощью которой рассчитывало контролировать русин политически и культурно.

Тут поляки с их доктриной украинства оказались как нельзя кстати. Еще со времен господства Ржечи Посполитой так сложилось, что в Восточной Галиции русским был «поп да холоп», а землевладельческая верхушка была представлена поляками, которые во что бы то ни стало старались сохранить свое экономическое господство над местным быдлом (тоже польское словечко, буквально означающее «скот» — так паны называли своих холопов). Политика австрийцев была направлена на то, чтобы полностью закрыть русским возможность получения образова-

ния. Всякий, кто поступал в учебное заведение, давал специальную клятву, начинающуюся со слов «отрекаюсь от русского имени...». Грамоте «отреченцев» учили уже не русской — специально для этого была проведена реформа языка, изменен алфавит, грамматика. Называть таких стали украинцами. Поскольку стать учителем или попом можно было только отрекшись от русского имени, созданная таким образом преданная венскому престолу интеллигенция стала украинской. Вот эти отщепенцы и приступили к массовой украинизации русского крестьянства, благо, в галицийских городах жили преимущественно лишь поляки и евреи, что исключало организованное культурное сопротивление.

Однако сопротивление возникло, и к концу позапрошлого столетия в Восточной Галиции сложились два политических и культурных полюса — украинцы и москвофилы, как стали именовать тех, кто продолжал считать себя русским и протестовал против культурного и социального ущемления по этническому принципу. Несмотря на громадное неравенство сил и возможностей у сторон, к началу Первой мировой войны трехмиллионное славянское население Галиции делилось на украинцев и москвофилов примерно поровну. С началом войны украинцами был развязан против москвофилов, как предателей и коллаборационистов, кровавый террор, множество русских было убито, тем кому «повезло», бросили в специально созданный в Телергофе концлагерь. Правда, резня продолжалась недолго, так как русские войска, разгромив австро-венгерскую армию, оккупировали Галицию. При отступлении в 1915 г. массы местного русского населения, с ужасом ожидавшие возвращения украинцев, эвакуировались вглубь России. Многие из тех, кто не бежал на восток, вскоре очень об этом пожалели.

Во второй половине XIX века немногочисленные интеллигенты-украинцы в России подпитывались идеями и деньгами из Галиции. Слой этот был поначалу ничтожно мал, но к началу XX столетия приверженцев украинства среди малороссов стало уже достаточно много. Царское правительство смотрело на это культурно-политическое поветрие без особой опаски, препятствий для издательства на «украинськой» азбуке не чинило. Правда, и желающих читать на «украинском языке» было ничтожно мало. Газет на «ридной мове» во всей Малороссии выходило меньше, чем периодики на эстонском в маленькой Эстляндской губернии (Север нынешней Эстонии).

Лишь с развалом Российской империи украинство, на котором базировался местный сепаратизм, обрело массовую общест-

венную поддержку. Ну, массовую — это, конечно, громко сказано. На муниципальных выборах в декабре 1917 г. сепаратисты-украинофилы потерпели сокрушительное поражение. Идея самостийности не нашла никакой существенной поддержки в народе. То есть, обыватель, конечно, не особо протестовал против киевской Верховной Рады, но воевать за Директорию, гетмана или Украинскую народную республику охотников нашлось ничтожно мало. Активную роль играли разве что галичане из числа австрийских пленных, да выдавленные из Галиции части национальной армии, когда поляки разгромили провозглашенную там Западно-Украинскую народную республику. С окончанием гражданской войны национальные страсти улеглись.

То, что мы называем украинским народом — это продукт относительно недавнего времени. Широкомасштабный процесс украинизации начался в 20-х годах и проводился со всей большевистской решительностью. Историческим анекдотом можно счесть то, что главными украинизаторами в этот раз выступили не поляки и австрийцы, а евреи. Зачем советской власти потребовалось искусственно культивировать украинство? На то были внешнеполитические резоны. Воссозданная Антантой Польша в результате агрессии 1918-1920 гг. отхватила значительную часть Малороссии и подавляющую часть Белоруссии. Поляки вовсе не отказались от идеи Великой Ржечи Посполитой от Балтийского до Черного моря, и вполне могли разыграть этническую карту, претендуя на всю Украину. Поэтому большевики попытались перехватить инициативу, культивируя украинство на своей территории. Этим они одновременно выбивали почву из под ног сепаратистов.

Именно тогда был создан и широко внедрен литературный украинский язык с отличным от общерусского языка алфавитом. Да, сейчас кажется совершенно неправдоподобным то, что энтузиасты-украинизаторы отправились насаждать украинство на Полтавщину и Черниговщину — центр формирования малороссийского диалекта, но было именно так. Родились понятия украинского народа и украинской национальности. В досоветскую эпоху понятие национальности вообще не играло особой роли, значение придавалось лишь вероисповеданию. В СССР появились писатели, пишущие на мове (до того это были лишь одиночки-энтузиасты), на украинский язык принялись переводить русские книги. Ранее это сочли бы дикостью, ибо всякий образованный малоросс знал литературный русский язык, а вот умение писать на местном диалекте вовсе не считалось обязательным.

В отличие от австрийцев, имевших большой опыт строительства лоскутной полиэтнической империи, поляки украинство поощрять не стали, а привычно приступили к полонизации, и к середине 1930-х годов добились ликвидации украинских и белорусских школ. Темп украинизации в СССР в свете этого был существенно снижен, а многих не в меру ретивых украинизаторов даже отправили в северные лагеря, продвинув таким образом черту оседлости до побережья Северного Ледовитого океана.

Но факт остается фактом — к середине прошлого века украинский этнос стал реальностью. Для придания пущей значимости был широко распропагандирован миф о двух братских народах, воссоединившихся в 1654 г., хотя в то время переход Малороссии под власть московских царей имел лишь исключительно военно-политический смысл. Тем не менее, празднование 300-летия знаменитой Переяславской рады прошло в Советском Союза с превеликой помпой. Видимо это отчасти объяснялось тем, что Хрущев был украинцем. Да, подарок на юбилей он сделал УССР поистине царский — подарил Крым. Но после свержения Хрущева стал набирать процесс стихийной деукраинизации. Русский язык совершенно естественным образом стал вытеснять искусственно созданную мову (по сути русско-польский диалект), и к концу 1980-х годов из 54-миллионного населения Украинской СССР родным языком мову признавали лишь 14 миллионов, в основном жители западных областей. При этом стоит учесть, что под родным языком они зачастую подразумевали местный разговорный диалект, а не литературный украинский язык.

Спрашивается, зачем я сейчас об этом рассказываю, и какое отношение украинская этническая мифология имеет к делу о фальсификации «секретных протоколов». Совершенно никакого, разве что в обоих случаях фигурируют поляки. Но если вы хотите понять, почему в Прибалтике в конце 1980-х годов произошло тотальное умопомрачение на почве пакта Молотова — Риббентропа, почему миллионы обывателей участвовали в актах массового психоза вроде «Балтийского пути», я рекомендую обратить свое внимание на современную Украину.

Иннокентий Гизель запустил в идеологический оборот легенду о Киевской Руси. Советские пропагандисты раскрутили миф о вековой дружбе двух народов — украинского и русского. Сегодняшние украинские историки внедряют в сознание те же самые установки, но гиперболизируют их. Киевской Руси никогда не было, была Киевская Украина (правда, называлась она всетаки Русь, но это было чисто украинское государство, потому что

русы — это самоназвание древних украинцев). Недавно в Киеве прошло помпезное празднование 1500-летия основания Киева, при том, что в 1960 г. его возраст считался на 400 лет моложе. Да и сами украинцы никакого отношения к русским не имеют, поскольку произошли от древних укров — легендарного арийского народа. А москали — это азиаты, скуластые и кривоногие монголоиды, которым укры, известные так же под именем россов (от названия реки Рось), привили цивилизацию и принесли свет христианства (Андрей Первозванный — чистопородный украинец), научили их ремеслам, москали переняли у своих благодетелей украинскую азбуку — кириллицу (если кто не в курсе, Кирилл и Мефодий — это украинцы). И все было просто прекрасно, украинская цивилизация процветала, Киев соперничал по красоте и богатству с Римом и Константинополем, но тут нагрянули монголо-татары и вместе с подчинившимися им москалями (подчинились, потому что рабы по своей сути) уничтожили Великую Древнюю Украину так же, как варвары растоптали Древний Рим.

Потом, соответственно, наступает мрачное 300-летнее украинское средневековье, пока, наконец Украина не возродилась в виде демократической казачьей республики. Азиаты-москали, которые приписали себе все достижения Киевской Руси, и даже присвоили себе само имя Русь, прозвавшись русскими, воспылали ненавистью, и с тех пор свободолюбивый народ Украины вел героическую войну за свободу. Как, вы ничего не слышали о русско-украинских войнах? Ну, значит, вы не читали украинские учебники истории. Борьба с москальскими дикарями была героической, но неравной, и в итоге на Украине было установлено почти трехвековое кацапское иго. Ну, были конечно, славные витязи вроде Дорошенки, Мазепы да Петлюры с Бандерой, которые боролись за свободу украинского народа, но кровожадные жидо-москали каленым железом выжигали всякие потуги к свободе. Мову они тоже запрещали, а величайшего деятеля мировой литературы Тараса Шевченко заковали в кандалы за то, что писал на родном языке.

Правда, самый лютый враг украинцев, не совсем русский — он малость грузин, хотя и сменил свою родную фамилию Джугашвили на русскую кличку Сталин. Этот самый Сталин задумал уморить украинцев голодом, для чего насильно загнал их в колхозы. Зачем? А затем, чтоб было легче отобрать у них весь хлеб. В результате голодомора отдали богу душу аж семь миллионов украинцев (цифры уточняются, так что скоро, возможно, умрут еще 3 миллиона для ровного счета). Вот ведь, какой Сталин зве-

рюга — Гитлер ликвидировал в концлагерях 6 миллионов евреев за три года, а Сталин всего за год отправил на тот свет больше украинцев, даже без лагерей и газовых камер. Опять же, НКВД расстреляло и замучило каторжной работой в Гулаге сколько-то миллионов украинцев (цифры колеблются в промежутке 3—10 миллионов в зависимости от уровня цен на газ, устанавливаемых «Газпром»). Про культурную дискриминацию со стороны Москвы можно даже не говорить. Приезжайте в Киев — сами убедитесь, что 75% населения говорит на иностранном русском языке, хотя все таблички уже перевели на мову — это ли не доказательство многовековой насильственной русификации?

Нет, я совсем не шучу, даже если кто-то так и подумал. Все выше сказанное навязчиво вбивается в головы украинцев новой элитой (зачастую канадского происхождения, ибо только там в условиях сталинского геноцида удалось сохранить незапорченный генофонд нации). Вы сомневаетесь в факте голодомора? Ну, как же, вон сколько памятников жертвам понатыкано — на каждом углу. Что, говорите, будто на кладбищах не стоит частоколов крестов с датой смерти в 1933 г.? Ну, так это от того, что вымирали целыми деревнями и хоронить было некому, поэтому проклятые москали сваливали сотни тысяч тел в овраги, а потом их засыпали. Кто там вякнул, что массовых захоронений не найдено ни одного? От того и не найдено, что НКВД хорошо замело следы. А если кто позволит себе сомневаться в голодоморе, так таких в тюрьму надо сажать! Правда, несмотря на настойчивость Ющенко, уголовная ответственность за публичное отрицание геноцида украинского народа путем организованного уморения голодом, так и не введена на Украине. Но это только пока. А вот пакт Молотова — Риббентропа уже признан преступлением века, поскольку цель его была в том, чтобы... никогда не догадаетесь — развязать мировую войну и перемолоть в ее жерновах цвет украинской нации.

Один и тот же исторический миф можно употреблять в разных целях. Русские цари использовали легенду о мифической Киевской Руси для сплавления Великороссии и Малороссии в единое монолитное государство. Украинские сепаратисты, начиная с конца XIX столетия тот же самый миф поставили на службу делу отрыва Малороссии от России, и весьма в этом преуспели, умудрившись оторвать не только Крым и Северную Новороссию, но и часть Черноземья. Миф — что дышло: как повернешь — так и вышло.

В обоих случаях — в Прибалтике и на Украине происходит массированное воздействие на историческую память масс. В пер-

вом случае кампания носила краткосрочный, но более интенсивный характер. Люди с «переформатированным», сознанием превращаются в зомби, и поэтому многие из тех, кто активно устанавливал в Прибалтике советскую власть, принялись лихорадочно бороться с советской «оккупацией», как Вульфсон и ему подобные профессора марксизма-ленинизма. Вульфсон каялся и боролся, боролся, и снова каялся.

Так сложилось, что в течение нескольких лет я работаю в сфере политтехнологий. Термин это красивый, но очень туманный и что он обозначает, вам внятно почти никто не объяснит[1]. Но в великом и могучем русском языке есть синоним, который удивительно точно передает смысл слова «политтехнолог» — мозгое.... В словаре вы его не встретите, но будьте уверены, политтехнологи занимаются именно тем, о чем вы подумали. Не ради удовольствия, а за деньги, разумеется. А вот сношаемый политтехнологами представитель электората испытывает экстаз, когда процесс траханья мозгов достигает кульминации, и готов отдаваться совершенно бесплатно раз за разом

Политтехнологи бывают двух типов — любители и профессионалы. Первые искренне верят в то, что их кандидат или партия лучше прочих и что выборы нужно проводить во имя торжества демократии. Профессионалы не верят ни во что, и знают, что выборы имитируются для того, чтобы всякие уроды могли пролезть во власть и безнаказанно воровать. Так вот, те методы и приемы, коими пользуются политтехнологи-профи, совершенно идентичны тем, которые применяют историки (люди, делающие историю, а не доктора исторических наук), изменяя наши представления о прошлом и программируя будущее. Масштаб, конечно, тут больший, но принципы воздействия на массовое сознание идентичны. Поскольку я малость поднаторел в мастерстве мозгое..., короче в политтехнологиях, разоблачение исторических фальшивок является для меня чем-то вроде хобби. Надо же где то применять свои способности. Мне это интересно, а читателю может быть полезно.

Ага, уже слышу издевательские смешки: мол, после драки кулаками не машут, время не повернуть вспять. Фальшивые или

---

[1] Ни в одном толковом словаре или энциклопедии смысл понятия «политические технологии» не ракрывается. Специализированная интернет-энциклопедия «Политтех» (http://www.polittech.ru/) определяет политтехнологии как веер манипулятивных техник от манипулирования общественным сознанием до манипулирования поведением человека, в том числе и политического, вплоть до его зомбирования.

не фальшивые «секретные протоколы», но Прибалтику не вернуть, Советский Союз не реанимировать. Какое вообще дело нынешниму населнию РФ до всей этой историографической казуистики? Экономический кризис на дворе, инфляция, проценты по кредиам растут, бензин дорожает — вот, дескать, поважнее проблемы!

Объясняю популярно. История — это школьный предмет, который постигается всю жизнь. Экзамены по истории — самый строгий суд, и для кого-то он превращается в библейский страшный суд, причем еще при жизни. Немцам пришлось сдавать экзамены по истории под Сталинградом и Курском. Неуд! Гитлер с расстройства даже отравился, так и не дождавшись, пока в учебной части оформят официальную ведомость с отметками.

Наполеон в свое время понадеялся, что сможет перехитрить экзаменаторов при Бородине, но вскоре оказался на Березине, где ему и был выдан аттестат с законной двойкой. Он не согласился и попытался пересдать предмет под Лейпцигом. Повторный двояк его не устроил. Оставленный на второй год, он сбежал из спецшколы на острове Эльба и решил сдать историю экстерном под Ватерлоо. Результат известен — остаток жизни Бонапарт провел с волчьим билетом на острове Святой Елены.

Поляки. О, это клинические дебилы, к постижению истории вообще не способные. Объясню, наконец смысл сцены с радостно тонущими уланами, красочно написанной Львом Николаевичем в «Войне и мире» (см. главу «Атлас»). Для вас, ляхи, первый же шаг на восток превращается в ритуальное самоубийство. И НАТО вам поможет не больше, чем Наполеон в 1812 г. или Чемберлен в 1939 г. Какого хрены вы, придурки, полезли в Ирак? Вашему хутору добрый товарищ Сталин прирезал за счет Германии несколько комфортабельных фольварков — Восточную Пруссию, Силезию, Померанию. Вот сидите там тихонько, и делайте евроремонт. Что вы говорите? Евро не хватает на евроремонт? Считаете, что русские должны вам за расстрелянных фрицами в Катыни офицериков 4 миллиарда? Вы понастойчивее просите, так может и получите. Встанете, отряхнетесь и еще раз получите (это будет добавка за вопли о разделе Польши по пакту Молотова — Риббентропа).

Турки в чем-то похожи на поляков. Но через 200 лет непрерывных разгромов, они, наконец вытащили счастливый билет с вопросом «Что нужно делать, чтоб не проигрывать войны?». И тут их осенило — не надо воевать! Вот уже скоро 100 лет, как не воюют. Вроде неплохо живут, на жизнь хватает. В том я вижу немалую

заслугу их учителей. Какие люди им преподавали историю — Румянцев, Потемкин, Суворов, Ушаков, Нахимов, Скобелев — цвет педагогической науки! Такие кого хочешь научат (кроме поляков, конечно — этих и специнтернат не образумит).

Шведы — те оказались посообразительнее. После Полтавы просветление наступило не сразу, но все же относительно быстро — ровно через 100 лет они пришли к выводу, что в гостях хорошо, но дома лучше. Финны поумнели вообще стремительно. Так поумнели, что даже пакт Молотова — Риббентропа ныне не осуждают, Выборгскую ляню назад не требуют, и о Петсамо не вспоминают. Точнее, финны хорошо помнят, что поселок Печенга когда-то назывался Петсамо и находился в составе Финляндии, а потом этот район им пришлось отдать русским вместе с окрестностями, где находятся залежи никелевой руды. Стоимость тонны никеля — X евро, запасы его — Y миллионов тон. Следовательно, чтобы подсчитать, сколько денег потеряли, финнам надо X умножить на Y. Это товарищ Сталин ловко придумал — совместить экзамен по истории с зачетом по арифметике. Не сдал экзамен — плати. Финны куркули — считать умеют, особенно деньги. Поэтому поумнели они махом, и в 1944 г. принялись исправлять свою историческую ошибку, так и не успев ошибиться непоправимо. Их учитель учел прилежность школяра и в качестве поощрения уполовинил финнам репарационные выплаты.

А вы что лыбитесь, бывшие совграждане? Смешно? Думаете, русские — это те, кто уполномочен принимать у других народов экзамен по истории? Русские — да, но не вы. Вы после «переформатирования» историками мозгов превратились в ЧПО. ЧПО — означает «член потребительского общества». Хотелось вам 20 сортов колбасы в гастрономе, и чтоб без очередей? Вот вы ее и получили — сидите и чпокайте до отрыжки. Правда, колбаса, которую вы жрете, процентов на 60% состоит из сои, наполнителя, ароматизатора, консервантов и вкусовых добавок, а на 30% из перемолотых шкур и поторохов животных, но это мелочи. Все равно ради возможности взять в банке кредит под грабительские проценты и купить квартиру, которую ранее давали бесплатно, стоило слить в канализацию истории великую космическую державу. После державы много полезных вещей осталось в доме — их можно продать на барахолке по сходной цене, а на вырученные баксы купить колбасы. ЧПО — вы и есть ЧПО, на большее ума не хватает. Думаете на ваш век хватит нефти? Ага, кот тоже думал, что масленица — это надолго, пока не наступил великий пост.

Историки успешно оттрахали ваш мозг и внушили, что быть русским — западло. Вы встали в позу и орали в исступлении: «Отрекаюсь от русского имени!». Вы отреклись от империи, от прошлого и от будущего, вы оплевали могилы героев и посадили себе на шею подонков. Так и стоите в позе, в которую вас историки поставили. Это чтобы политтехнологам было удобнее вас, ЧПО, дотрахать. На выборы ходите? Голосуете, как положено? Молодцы! Это и есть ваш экзамен по истории. Немцы-то как под Сталинградом оказались? Сначала они дружно голосовали за Гитлера в 1933 г., а через 10 лет выжившие под Сталинградом уныло брели под конвоем среди снегов на восток, и вряд ли хоть один из ста улавливал тогда причинно-следственную связь между Сталинградским адом и голосованием за Гитлера. За 10 лет в мордовских лагерях процент поумневших, кстати, значительно возрос. Будет и у вас, бывшие русские, ныне ЧПО, свой Сталинград, будет вам и вселенская новогодняя ночь в Грозном, и бесплатный билет на спектакль «Норд-Ост», и выпускные экзамены вы будете сдавать в бесланской школе. Отрыгнутся вам все 20 сортов соевой колбасы одновременно, и выжившие, возможно, поумнеют.

Сталинград я вам гарантирую.

Все, завязываю с политтехнологиями, переквалифицируюсь в историки. Буду делать историю.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

Кунгуров Алексей Анатольевич

**СЕКРЕТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ,
или КТО ПОДДЕЛАЛ ПАКТ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА**

Редактор *В. Манягин*
Художник *Б. Протопопов*
Художественный редактор *А. Марычев*
Верстка *А. Кувшинников*
Корректор *И. Носкова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-08-25
Оптовая торговля: 617-08-25, 617-09-52
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: http://www.politkniga.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.* E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Подписано в печать 16.07.2009.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага газ. Усл. печ. л. 32,76.
Тираж 4000 экз. Заказ № 4902372

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул.Варварская, 32.

Книга посвящена исследованию проекта американских спецслужб по внедрению в массовое сознание мифа о существовании неких секретных протоколов, якобы подписанных Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 г. одновременно с заключением советско-германского Договора о ненападении.

Читателю будет интересно узнать о том, кто и зачем начал внедрять миф о секретных протоколах в СССР. А также кем и с какой целью было выбито унизительное для страны признание в сговоре с Гитлером. Разоблачены потуги современных чиновников и историков сфабриковать «оригинал» протоколов, якобы найденный в 1992 г. в архиве президента РФ.

ISBN 978-5-699-37103-7

9 785699 371037 >